

ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКИ

1978 ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ 8261

1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Научный совет по проблеме «История исторической науки»
при Стелении истории АН СССР

Институт истории СССР Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1981

Очередной выпуск «Историографического ежегодника» содержит статьи и материалы по истории исторической науки как в СССР, так и за рубежом. Большая часть статей посвящена историографии истории СССР советского периода и деятельности крупных советских историков (Е. В. Тарле, С. Н. Валка, В. М. Лавровского и др.). Другая группа статей посвящена историографии всеобщей истории и критическому анализу современной буржуазной историографии. В сборнике публикуются библиографические указатели трудов Р. А. Авербух, А. И. Молока.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик М. В. НЕЧКИНА (ответственный редактор),
В. И. БУГАНОВ (заместитель ответственного редактора),
М. А. АЛПАТОВ | Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ |,
М. Г. ВАНДАЛКОВСКАЯ, Б. Г. ВЕБЕР, Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ,
В. А. ДУНАЕВСКИЙ,
член-корреспондент АН СССР А. А. ИСКЕНДЕРОВ,
академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Б. П. НАУМОВ,
член-корреспондент АН СССР Ю. А. ПОЛЯКОВ, В. И. САЛОВ,
Б. М. ТУПОЛЕВ, А. О. ЧУБАРЬЯН, В. П. ШЕРСТОВИТОВ

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ
Историографический ежегодник
1978

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства Г. И. Рыкова. Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы О. М. Гуськова, И. Н. Жмуркина
Корректор Ф. А. Дебабов, Л. П. Стрельчук
ИБ № 22062

Сдано в набор 08.01.80. Подписано к печати 26.05.81. Т-10216.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная
Печать высокая. Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 3750 экз.
Тип. зак. 83. Цена 3 р.

Издательство «Наука». 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99,
Шубинский пер., 10

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В. И. ЛЕНИН — ВОЖДЬ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (Историография проблемы. 1917 год — начало 30-х годов)

Е. И. Тепляшина

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции неизмеримо возросли политические, идеологические и социальные функции исторической науки, призванной сыграть большую роль в деле становления нового социалистического общества, в деле воспитания нового человека. В решении этих задач важное значение приобретало изучение истории большевистской партии, истории Великого Октября. «Все старые вопросы русской истории, которые не раз пытались охватить исследовательская мысль, — отмечала М. В. Нечкина, — вдруг получили новый смысл, озарились новым светом. И, как радиусы к центру, все они сбежались к проблеме Октября»¹.

Особое внимание к истории Великого Октября было вызвано также огромным интересом к событиям первой пролетарской революции, к ее опыту со стороны прогрессивных слоев населения различных стран, зарубежных коммунистов.

Необходимость углубленной разработки проблем истории социалистической революции диктовалась и борьбой с буржуазной идеологией. История Великого Октября с самого начала стала объектом острых идеологических схваток. Внутренние и внешние враги подвергли бешеным атакам как историю социалистической революции, так и ленинскую теорию, осветившую ей путь, а также роль В. И. Ленина в победе революции. Это была одна из форм борьбы контрреволюции за свержение Советской власти².

История становления советской исторической науки о Великой Октябрьской социалистической революции — это длительный процесс. Первый период этого развития (1917 г. — начало 30-х годов) занимает особое место, так как именно в эти годы намечалась основная проблематика исследований, отрабатывались приемы и методы исторического анализа, утверждалась ленинская концепция пролетарской революции.

Данный период интересен еще и тем, что в это время советская историческая наука испытывала непосредственное влияние В. И. Ленина. В трудные годы гражданской войны партия, В. И. Ленин принимали важные меры по созданию научных учреждений, сохранению и комплектованию архивно-документальной базы, по воспитанию кадров советских историков³. Владимир

Ильич руководил также выбором направлений исследований. М. Н. Покровский, например, свидетельствует, что Ленин поставил перед ним и В. В. Адоратским задачу «написать в возможно кратчайший срок если не историю, то хронику событий Октябрьской революции. Мы сами успели позабыть теперь,— говорил Владимир Ильич,— массу важнейших фактов, сопровождавших возникновение Советской власти, первые шаги ее учреждений и т. д., в особенности, когда эти факты происходили вне Петербурга и Москвы. Так что подобная книга прежде всего была бы необходимым справочным пособием для нас самих. Между тем растет поколение, которое об этих фактах совсем ничего не знает. Кто-то должен об этом рассказать...»⁴

Ленинские работы определили научную концепцию истории Октября, сформулировали основополагающие выводы, наметили ее исследовательские задачи. Историки взяли на вооружение ленинские произведения и на их основе начали разработку конкретных вопросов истории социалистической революции, в том числе темы о роли В. И. Ленина в Октябрьской революции.

В первые послеоктябрьские годы историки не сразу овладели ленинским теоретическим наследием. Для углубленного изучения ленинских работ нужно было время, более высокий уровень организации научных исследований. Поэтому основным содержанием первого периода советской историографии было утверждение ленинской концепции социалистической революции.

Изучение этого первого периода советской исторической науки всегда привлекало и привлекает внимание историографов. Еще в 20-е годы появились обзоры, где были сделаны первые попытки оценить достигнутые результаты⁵.

В 50—60-х годах вновь появились статьи с анализом литературы об Октябрьской революции, опубликованной в 1917 г.— начале 30-х годов⁶.

В настоящее время советская историография успешно исследует многие проблемы отечественной истории. Среди них одно из первых мест принадлежит истории Великой Октябрьской социалистической революции, как проблеме наиболее изучаемой в историческом плане на всех этапах развития советской науки. В историографических работах 70-х годов также большое внимание уделяется характеристике достижений советской исторической науки по истории Октября в период ее становления. Кроме того, появились историографические работы, где исследуется литература, освещающая отдельные проблемы истории Октябрьской революции⁷. Среди них и такая важная тема, как ленинская. Анализ исторической и историко-партийной литературы о В. И. Ленине — вожде Октября посвятила несколько работ и автор данной статьи. Но в них исследуется новейший период развития советской историографии⁸.

В данной статье предпринята попытка проанализировать разработку ленинской темы в историографии Октябрьской революции в 1917 — начале 30-х годов.

Первые работы, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции, появились чуть ли не в ходе самой революции. Это были статьи, брошюры, написанные видными деятелями партии, активными участниками революции. Некоторые авторы пытались осветить роль Коммунистической партии в достижении победы Октябрьской революции. В связи с этим они подчеркивали и ту выдающуюся роль, которую сыграл В. И. Ленин в подготовке и свершении революции⁹. Так одновременно с началом разработки проблем истории Октябрьской революции появляется и ленинская тема. Это естественно, нельзя было писать о социалистической революции, не исследуя деятельность ее вождя.

В то же время появляется ряд популярных статей и очерков биографического характера. Уже 5 ноября 1917 г. газета «Известия ВЦИК» напечатала небольшую статью под названием «Владимир Ульянов (Н. Ленин)» без подписи. В «Красной газете», органе Петроградского Совета, 29 мая 1918 г. была опубликована также без подписи статья «Жизнеописание тов. Ленина». Первая брошюра была издана неизвестным автором под названием «В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткая биография». Она датируется советскими историками июлем 1918 г.¹⁰ В этом же году были опубликованы еще две биографические работы — Ем. Ярославского «Великий вождь рабочей революции. Владимир Ильич Ульянов — Ленин» и А. Х. Митрофанова «Вождь деревенской бедноты В. И. Ульянов — Ленин. (Биографический очерк)». Тема о В. И. Ленине — вожде Октябрьской революции нашла отражение и в брошюре А. В. Луначарского «Великий переворот (Октябрьская революция)»¹¹.

Авторы этих статей, брошюр главное внимание уделили деятельности В. И. Ленина в Октябрьские дни 1917 г. как кульминационному периоду жизни вождя. Однако о В. И. Ленине — вожде Великого Октября, писали лишь в общем плане без раскрытия конкретных форм и методов ленинского руководства, без анализа ленинской концепции социалистической революции.

Весной 1920 г. увеличилось число публикаций о В. И. Ленине в связи с его 50-летием. Юбилейные статьи были опубликованы в «Правде», местных газетах. Например, «Правда» напечатала статьи И. В. Сталина, М. Н. Покровского, И. И. Скворцова-Степанова, Н. И. Подвойского и других¹², «Петроградская правда» — статьи М. И. Калинина, В. А. Быстрянского¹³. Стержнем всех этих статей была тема о Ленине — вожде Октября, раскрывалась она авторами в различных аспектах. Например, И. В. Сталин в своей статье показал деятельность В. И. Ленина как организатора и вождя партии большевиков, И. И. Скворцов-Степанов пытался охарактеризовать ленинский вклад в теорию социалистической революции. Единодушно было мнение, что В. И. Ленин был и гениальным теоретиком и великим практиком

революции. «Его заслуга,— писал И. И. Сворцов-Степанов,— не только в том, что он прямой продолжатель Маркса и Энгельса, воссоздал терию революции двадцатого века. Его заслуга в том, что теорию революции он же непосредственно превратил в практику революционного действия масс»¹⁴.

Среди юбилейных статей была статья Троцкого, который пытался противопоставить К. Маркса В. И. Ленину. Троцкий утверждал, что К. Маркс был теоретиком пролетарской революции, а Ленин лишь практиком, исполнителем. Это была попытка дать собственную трактовку проблемы о В. И. Ленине — вожде Великого Октября, исказить факты истории. В наше время эти лживые, клеветнические измышления Троцкого взяты на вооружение антикоммунистической пропагандой. Противопоставление К. Маркса-теоретика В. И. Ленину-практику и сейчас является одним из наиболее «модных» приемов фальсификации истории Октября.

В начале 20-х годов стал определяться круг историков, работающих по ленинской тематике. Особенно плодотворно в области Октябрьской Ленинианы работал В. И. Невский, которому принадлежат и популярные очерки, и мемуары, и исследовательские работы¹⁵. В одной из брошюр В. И. Невского «В. И. Ульянов (Н. Ленин)» была небольшая глава, посвященная деятельности В. И. Ленина в Октябрьские дни 1917 года. В ней автор утверждает, что «начиная с приезда в Россию Ленин всегда был руководителем всех боевых столкновений рабочих и солдат со старым миром»¹⁶. В мемуарах В. И. Невского рассказывается о встречах с В. И. Лениным в период подготовки вооруженного восстания, о заседаниях Петроградского комитета РСДРП(б). В них так же, как в воспоминаниях Н. И. Подвойского и В. А. Антонова-Овсеенко содержится фактический материал о руководстве В. И. Ленина Военной организацией большевиков накануне вооруженного восстания.

С ленинской темой выступает в эти годы В. А. Быстрянский, главное внимание сосредоточивающий на деятельности В. И. Ленина в апрельские дни 1917 г.¹⁷ Его статьи, опубликованные в газете «Петроградская правда», освещали отдельные стороны деятельности вождя революции: разработку Апрельских тезисов, борьбу за массы в период подготовки революции. В них В. А. Быстрянский стремился доказать, что В. И. Ленин предвидел направление развития русской пролетарской революции и что практика целиком подтвердила его выводы. Оценивая ленинские Апрельские тезисы, Быстрянский, например, пишет, что «когда их перечитываешь четыре года спустя, приходится удивляться, в какой мере история оправдала все содержащиеся в них предвидения, доказала правильность их основной точки зрения»¹⁸.

Так постепенно вычленялась ленинская тема в литературе по Октябрьской революции, намечались ее основные проблемы, отрабатывались оценки различных сторон деятельности В. И. Ленина. Однако для всех опубликованных в это время работ характерна одна общая черта — они основывались на узкой источниковой

базе. Как правило, приводился один-два факта без ссылок на документы и делались обобщающие выводы. Ленинские произведения почти не использовались авторами.

Пятая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции торжественно отмечалась советским народом. В дни подготовки к этому празднику были опубликованы воспоминания активных участников революции, документальные источники. Например, десятый номер журнала «Пролетарская революция» за 1922 г. полностью посвящался истории Октябрьской революции. Здесь были опубликованы протокол заседания ЦК от 10 октября 1917 г., серия воспоминаний активных участников революции. Журнал «Красная летопись» напечатал воспоминания о В. И. Ленине Н. Емельянова, Г. Ровио, рассказывающих о последнем подполье Владимира Ильича¹⁹. Эту серию мемуарных источников о жизни В. И. Ленина в июле — октябре 1917 г. дополнила газета «Петроградская правда», поместив на своих страницах воспоминания С. Аллилуева²⁰. Благодаря им историки получили в свое распоряжение богатый фактический материал о жизни Владимира Ильича в июле—октябре 1917 г., о формах связи Ленина с Центральным Комитетом партии в этот период. Это, несомненно, давало возможность более аргументированно показать роль В. И. Ленина в победе социалистической революции.

Среди юбилейной литературы были работы, в которых анализировались произведения В. И. Ленина, написанные в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. В. В. Адоратский в статье «Марксистская диалектика в произведениях Ленина»²¹ подчеркнул, что ленинская тактика отличалась необыкновенной гибкостью, умением учитывать меняющуюся историческую обстановку. «Когда возможно мирное развитие, — пишет автор, — Ленин очень дорожит им, отмечает исчезновение этой возможности, но отмечает и возврат ее сейчас же после корниловского мятежа — хотя бы на мгновение. Когда положение определяется в том смысле, что единственный выход — революционное свержение власти контрреволюционного правительства, Ленин указывает на это, предупреждая о преждевременности восстания, когда нет для него еще объективных условий. Но когда наступает момент, требующий вооруженного выступления, Ленин пишет пламенные призывы к восстанию и не жалеет самой ядовитой иронии по адресу всех колеблющихся»²².

Заслугой В. В. Адоратского является то, что он в своей статье наметил новую тему исследования — тему о ленинской стратегии и тактике социалистической революции. Как известно, в советской историографии она получила широкое развитие в последующие годы. Кроме того, значение статьи Адоратского заключается и в том, что в ней впервые обращается внимание советских историков на методологическое значение ленинских работ.

Перед советскими историками первого поколения стояла задача более глубокого освоения ленинского теоретического наследия, тем более, что отдельные проблемы ленинской концепции истории

Октября не нашли в то время отражения в исторической литературе или были неверно поняты. Например, среди историков бытовало мнение, что буржуазно-демократическая и социалистическая революции являются сугубо самостоятельными, разобщенными во времени революционными процессами²³. Существовала и точка зрения, что Октябрьская революция была в одно и то же время и пролетарской и буржуазно-демократической²⁴.

Постепенно в ходе усвоения ленинской концепции советские историки отказывались от неверных трактовок характера Октябрьской революции. В. А. Быстрянский указывал, что ошибочные взгляды являются следствием метафизического подхода к оценке общественных явлений и что для правильного понимания характера революции необходимо осмыслить ленинскую диалектику перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую²⁵.

Однако для того чтобы историки взяли на вооружение ленинскую концепцию пролетарской революции, ленинские оценки общественных явлений, нужно было решить проблему ознакомления ученых с трудами Владимира Ильича. У многих из них было неполное представление о работах В. И. Ленина, особенно о до-революционных, которые печатались незначительным тиражом в нелегальных типографиях или за границей.

Большую работу по подготовке к изданию трудов В. И. Ленина осуществил Истпарт. На страницах его журналов в первые же годы Советской власти появились многие ленинские работы.

Было необходимо собрать воедино громадное ленинское литературное наследие, установить авторство многочисленных неподписанных или подписанных псевдонимами статей в легальной печати, собрать и переиздать превратившиеся в библиографическую редкость публикации нелегальной и заграничной печати. Этой цели должно было служить первое издание Собрания сочинений В. И. Ленина. Первое Собрание сочинений В. И. Ленина выходит в свет в 1920—1926 гг. (XIV и XV тома первого издания, в которых опубликованы произведения, посвященные Октябрю, вышли в 1923 и 1924 гг.). Оно было неполно, с пропусками ряда важных работ и с включением произведений, не принадлежавших Ленину. О больших трудностях, возникших в связи с подготовкой первого Собрания сочинений В. И. Ленина, писал в свое время М. С. Ольминский в журнале «Пролетарская революция»²⁶. При всех недостатках издание первого Собрания сочинений В. И. Ленина было крупным событием идейной жизни партии и страны. Оно облегчило историкам изучение ленинского наследия, подготовило дальнейшее развитие историографии Октябрьской революции, разработку ленинской темы периода социалистической революции.

Осенью 1923 г. ЦК партии приступил к организации Института Ленина. В сообщении, опубликованном в журнале «Пролетарская революция», говорилось, что 11 октября состоялось первое заседание Совета института, на котором были определены в

общих чертах задачи на ближайшее время: «Своей основной первоначальной задачей Институт ставит собрать все, что написано т. Лениным, и все, что о нем написано, включая сюда все дела и бумаги полицейских учреждений, относящихся к деятельности Владимира Ильича»²⁷. Специальным постановлением от 31 мая 1924 г. XIII съезд РКП(б) открыл Институт Ленина. Съезд призвал «все организации нашей партии, так же как и отдельных членов партии, активно и всемерно помочь Институту в деле собирания материалов, относящихся к жизни и деятельности В. И. Ленина»²⁸. Съезд обратился к братским компартиям всех стран с просьбой предоставить Институту Ленина все имеющиеся документы о В. И. Ленине.

Все эти организационные мероприятия партии сыграли положительную роль в деле разработки ленинской темы в историографии Октябрьской революции в последующее время.

Таким образом, уже в первой половине 20-х годов советская историческая наука активно приступила к изучению Великой Октябрьской социалистической революции, к разработке ленинской темы. В работах советских историков утверждалось, что вождем Великого Октября был Ленин, который своей теоретической и практической работой обеспечил победу социалистической революции в России, что теория, разработанная Лениным, подтверждена практикой революционного действия.

Ленинская тема в историографии Октябрьской революции существенно обогатилась во второй половине 20-х годов, так как после смерти В. И. Ленина значительно увеличился выпуск ленинских произведений и литературы о нем. Начиная с 1924 г. в исторических журналах были введены специальные разделы, в которых помещались материалы о В. И. Ленине, в том числе относящиеся к 1917 г. Общий тираж ленинских трудов, а также книг и статей о В. И. Ленине составил в 1924 г. 15—16% тиража всех изданных в стране книг²⁹. В 1924—1925 гг. вышло большое количество мемуаров, авторы которых рассказывали об отдельных эпизодах жизни и деятельности Ленина в 1917 г.³⁰ Конечно, в воспоминаниях приводились факты, которые требовали тщательной проверки со стороны историков. Но массовость этих материалов, наличие документов позволяло исследователям проверить это, сопоставить приводимые факты биографии вождя.

Среди мемуаров особое место заняли речи и воспоминания Н. К. Крупской³¹. Надежда Константиновна внесла исключительно большой вклад в разработку ленинской темы.

Кроме мемуаров в эти годы было опубликовано большое число научно-популярных работ, посвященных В. И. Ленину — вдохновителю и организатору Октябрьской революции.

Несколько брошюр посвятил в это время В. И. Ленину Ем. Ярославский³². В главах о деятельности Владимира Ильича в период подготовки и проведения Октябрьской революции автор подчеркивает, что подготовкой революции руководил В. И. Ленин, несмотря на то, что он находился в подполье. Факты, содержа-

щиеся в мемуарах о последнем подполье Владимира Ильича, дали возможность Ем. Ярославскому показать каналы, через которые осуществлялась связь Ленина с Центральным Комитетом партии в июле — октябре 1917 г. Ем. Ярославский поднимает очень интересную проблему о руководстве В. И. Ленина военными действиями в период вооруженного восстания. Автор утверждает, что «когда после этого военные руководители поучение Ленина в этой области должны были обсуждать, правильно ли он действовал, давая такие распоряжения, то принуждены были признать, что Ленин действовал совершенно верно»³³. Ем. Ярославский всем содержанием своих брошюр доказывает, что Октябрьская революция победила в значительной степени потому, что имела во главе Владимира Ильича Ленина.

В опубликованной в «Правде» статье «Ленин — теоретик и практик вооруженного восстания» Ем. Ярославский проанализировал ленинские работы, написанные в годы первой русской революции, и показал, что опыт Декабрьского восстания в Москве был учтен В. И. Лениным, партией большевиков в Октябрьские дни 1917 г.³⁴

Статья Ем. Ярославского, посвященная этой проблеме, не была единственной. Журнал «Под знаменем марксизма» опубликовал статью В. Ваганяна «В. И. Ленин и искусство вооруженного восстания в свете первой русской революции»³⁵. Историки сознавали необходимость провести сравнительный анализ вооруженных восстаний декабря 1905 г. и октября 1917 г. для того, чтобы проследить разработку В. И. Лениным теории и практики вооруженного восстания.

В 1924 г. было издано также несколько брошюр о В. И. Ленине биографического характера. Их авторами были соратники Владимира Ильича по революционной борьбе³⁶.

Интересную работу опубликовали в это время Н. Н. Попов и Я. А. Яковлев³⁷. Это была первая биографическая работа, в которой в определенной системе излагалось ленинское учение. Большое внимание авторы уделили ленинской теории социалистической революции, выработке В. И. Лениным стратегии и тактики пролетарской революции.

Проблемы стратегии и тактики были подняты также в выступлениях И. В. Сталина и А. В. Луначарского на собраниях, посвященных памяти Владимира Ильича³⁸. И. В. Сталин, выступая перед кремлевскими курсантами, говорил о ясности и четкости ленинских стратегических и тактических лозунгов. «В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони... Отсюда и «поразительная» смелость революционных замыслов тов. Ленина»³⁹.

В апреле и мае 1924 г. в «Правде» были опубликованы лекции И. В. Сталина «Об основах ленинизма», прочитанные в Свердловском университете. В них автор, оценивая вклад В. И. Ленина в сокровищницу марксизма, показал, что ленинизм

является научной основой стратегии и тактики пролетарской революции.

В это же время выделяется и развивается и другая тема исследований: Ленин — историк Октябрьской революции. В 1924 г. В. А. Быстрянский опубликовал статью «Ленин как историк», которой начал разработку этой темы⁴⁰. В последующие годы над ней работали М. Н. Покровский, А. В. Луначарский, В. В. Адоратский и др. Разработка этой темы имела важное методологическое значение для советской историографии Октябрьской революции, а также и для Ленинианы.

В середине 20-х годов в советской исторической науке развертывается острейшая идеологическая борьба с троцкизмом.

В 1924 г. выходит книга Троцкого «О Ленине», немного позднее — его статья «Уроки Октября», которая явилась концентрированным выражением ревизионистских взглядов Троцкого. Выступление Троцкого представляло собой ревизию ленинизма по всем направлениям, подмену ленинизма троцкизмом. Троцкий стремился принизить роль партии большевиков, В. И. Ленина в революции и в то же время всячески раздуть свои заслуги, изобразить себя руководителем Октябрьского вооруженного восстания, сформировать «теорию» двух вождей пролетарской революции. И для достижения этих целей Троцкий не останавливался ни перед фальсификацией фактов истории, ни перед прямой клеветой.

Партия развернула решительную борьбу с троцкизмом. На съездах и конференциях, Пленумах ЦК и заседаниях Политбюро, а также в руководящих органах Коминтерна были подвергнуты всесторонней критике троцкистские извращения истории Октябрьской революции. В статьях руководящих работников партии и государства, видных советских историков была дана подлинная картина борьбы за победу Великого Октября, показана выдающаяся роль В. И. Ленина как вдохновителя и организатора социалистической революции. В 1925 г. был издан сборник статей «За ленинизм», куда были включены работы многих видных партийных руководителей, активных участников революции. В издательстве «Прибой» с предисловием и под редакцией М. С. Ольминского вышел сборник «Ленин о Троцком и троцкизме». Резко возросла публикация ленинских произведений и книг о В. И. Ленине. Массовое издание произведений В. И. Ленина и исследовательских работ по ленинской тематике, написанных с марксистских позиций, явилось важным условием идейного разгрома троцкизма.

Изучение борьбы с троцкизмом, развернувшейся во второй половине 20-х годов в советской исторической науке, имеет не только познавательное, но и актуальное политическое значение. Это объясняется тем, что современные троцкисты, приспособляясь к изменившейся обстановке, подновляя троцкизм, в то же время продолжают активно использовать в идейной и политической борьбе многие клеветнические измышления Троцкого. И сегодня еще они продолжают уверять, будто революционные события в

России в 1917 г. развивались «по Троцкому», что Октябрьская революция «воплотила скорее идеи Троцкого, чем Ленина». В то же время не в силах опровергнуть факты истории современные троцкисты изощряются в попытках сблизить Ленина и Троцкого, замаскировать несовместимость их позиций. В свете этого опыт борьбы с троцкизмом 20-х годов многому учит нас.

В борьбе с троцкизмом большую роль сыграли работы И. В. Сталина «Троцкизм или ленинизм?», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». В них была разоблачена попытка Троцкого доказать, что партия в апреле 1917 г. «переворужилась», приняла его теорию «перманентной революции». И. В. Сталин раскрыл антимарксистскую сущность этой теории и контрреволюционный характер вытекающих из нее практических выводов. Опираясь на анализ произведений В. И. Ленина, автор показывает, что в основе стратегии и тактики Великого Октября лежала ленинская теория социалистической революции. Кроме того, И. В. Сталин, привлекая партийные документы, разоблачил троцкистскую фальсификацию конкретных фактов подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции. Проанализировав протоколы заседания ЦК партии от 10 и 16 октября 1917 г., автор утверждает: «Эти протоколы сразу разрушают несколько легенд. Они разрушают легенду о том, что ЦК в своем большинстве стоял будто бы против восстания. Они разрушают также легенду о том, что ЦК в вопросе о восстании стоял будто бы перед расколом»⁴¹. Основываясь на документах, И. В. Сталин разоблачает претензии Троцкого на роль вождя вооруженного восстания. «Это не значит, конечно,— пишет Сталин,— что Октябрьское восстание не имело своего вдохновителя. Нет, у него был свой вдохновитель и руководитель. Но это был Ленин, а не кто-либо другой, тот самый Ленин, чьи резолюции принимались Центральным Комитетом при решении вопроса о восстании, тот самый Ленин, которому подполье не помешало быть действительным вдохновителем восстания, вопреки утверждению Троцкого. Глупо и смешно пытаться теперь болтовней о подполье замазать тот несомненный факт, что вдохновителем восстания был вождь партии В. И. Ленин»⁴².

Вопрос о мнимом «переворужении» ленинизма рассматривается также в статье И. И. Степанова «Кто совершил Октябрьскую революцию? (по поводу истории Октября в книге Л. Троцкого «1917»)». Автор значительно расширяет круг ленинских произведений, анализируемых в работах других историков. Статья В. И. Ленина «Несколько тезисов», написанная в 1915 г., служит И. И. Степанову фактом, доказывающим, что задолго до революции Владимиром Ильичем были определены конкретные задачи пролетариата и его марксистской партии в условиях назревания революции в России. Эта статья, по мысли И. И. Степанова, явилась прологом знаменитых Апрельских тезисов. И уже это свидетельствует о том, что Троцкий фальсифицирует исторические факты, утверждая, что в 1917 г. В. И. Ленин якобы отказался

от «довоенного» ленинизма, как «несостоятельного», и фактически перешел на позиции троцкизма. Отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, И. И. Степанов утверждает, что революцию «совершили рабочие и крестьянские массы. А эти массы добились победы потому, что их боевыми выступлениями руководил Ленин и ленинская партия, впитавшие и переработавшие весь великий опыт классовой борьбы XIX и XX веков»⁴³.

Очень аргументированную критику троцкизма дал Э. И. Квиринг в своей статье «Ленин, заговорщичество, Октябрь». Автор опирается главным образом на ленинские произведения, анализ которых дает ему возможность полностью опровергнуть троцкистскую фальсификацию, изображающую В. И. Ленина сторонником узкого, конспиративного заговора, подготовленного без народных масс, за спиной Советов. «Ленин,— пишет Э. И. Квиринг,— не меньше и не хуже других знал законы массовых действий, и не его, который научил нас в революции «счету на миллионы», мы можем обвинить в стремлении к конспиративному заговорщичеству»⁴⁴. Октябрьское вооруженное восстание проходило по ленинскому плану, оно опиралось не на заговор, не на партию, а на передовой класс, на всенародный подъем. Э. И. Квиринг считал, что обвинение Ленина в заговорщичестве отвергается уже фактом семилетнего существования Советской власти, как власти глубоко народной, которую не могли свергнуть ни заговорщические восстания внутри страны, ни интервенция.

Э. И. Квиринг нанес удар попыткам Троцкого расчленить ленинизм на две части: на ленинизм «старый» и ленинизм «новый». В его работах была обнаружена подоплека этой теории «рассечения» ленинизма, призванная «облегчить» включение в ленинизм бывших противников большевизма⁴⁵. Одним из первых Квиринг обратил внимание на то, что новое выступление Троцкого есть не что иное, как отголосок его меньшевизма периода 1903—1917 гг.

Вместе с другими выступили против Троцкого в дискуссии об «Уроках Октября» Зиновьев и Каменев, которые опубликовали большое количество статей, брошюр. Но главные усилия они сосредоточили на оправдании своего собственного капитулянтского поведения в 1917 г. Что касается принципиальных вопросов, то Зиновьев и Каменев всячески старались затушевать коренную противоположность ленинизма и троцкизма, а во многих вопросах шли вслед за Троцким. Как правило, в их статьях, посвященных ленинской теме, период февраля-октября 1917 г. замалчивался или трактовался в извращенном виде. Каменев, например, в 1924 г. в речи о Ленине, произнесенной на пленуме Московского Совета, утверждал, что Ленин в апреле — июле 1917 г. был одинок, массы и партия якобы не поддерживали Владимира Ильича⁴⁶.

Критику измышлений Троцкого о наличии серьезных разногласий в партии в период подготовки и проведения Октябрьской революции дал А. С. Бубнов в своей статье «Уроки Октября и троцкизм». А. С. Бубнов проанализировал партийные документы

по итогам голосования важнейших резолюций на VII (Апрельской) Всероссийской конференции, на заседаниях Центрального Комитета 10 и 16 октября, Московского бюро 14 октября 1917 г. На основе этих фактов автор сделал вывод о том, что ленинские резолюции были приняты подавляющим большинством, так как за них голосовало до 80% членов Центрального Комитета⁴⁷. Мало найдется в истории примеров такого единодушия в руководстве партии в столь ответственный момент. Именно единство партии явилось одним из важнейших условий, обеспечивших победу Великого Октября.

Таким образом, анализ работ советских историков, в которых содержалась критика троцкистских измышлений, показывает, что по всем направлениям фальсификации роли В. И. Ленина в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции был дан решительный отпор. Основываясь на ленинских произведениях, партийных документах, мемуарных источниках, советские историки убедительно показали, что действительным вождем социалистической революции являлся Владимир Ильич Ленин.

В период борьбы с троцкизмом была осуществлена широкая публикация важнейших документов партии, раскрывающих ее деятельность в социалистической революции. Большую роль сыграли Ленинские сборники, в которых печатались произведения В. И. Ленина. Например, во втором Ленинском сборнике были опубликованы письма В. И. Ленина к А. М. Коллонтай, относящиеся к 1917 г., все пять «Писем из далека», телеграммы Я. Ганецкому в связи с приездом в Россию в апреле 1917 г. Были изданы протоколы ЦК РСДРП(б) за сентябрь — октябрь 1917 г., Ленинградский Истпарт подготовил сборник материалов Петербургского комитета РСДРП(б) и его Исполнительной комиссии за 1917 г., представляющий большой интерес для историков, исследующих ленинскую тему.

В 1925—1931 гг. вышла серия сборников документов и материалов под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева⁴⁸.

Борьба с троцкизмом, а также приближающаяся 10-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции поставили перед историками задачу разработки многих вопросов истории Октября и деятельности В. И. Ленина по подготовке и проведению революции. Эта задача была успешно решена советскими историками.

10-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции советская историография встретила достойно. Только за один 1927 г. в связи с юбилеем Октября Истпарт издал книги 32 названий⁴⁹. К 10-летию Советской власти вышли научно-популярные работы серии «Библиотека Октября»⁵⁰. Два номера (№ 10 и № 11) журнала «Пролетарская революция» были полностью посвящены вопросам Октябрьской революции. В журнале «Красный архив» (тт. 20 и 21) были опубликованы с предисловиями и примечаниями документы, относящиеся к этой героиче-

ской эпохе. 32 статьи, посвященные истории Великой Октябрьской социалистической революции, опубликованы в юбилейном году в «Правде», «Комсомольской правде», «Молодом ленинце» и других центральных газетах⁵¹.

Историографический анализ юбилейной литературы показывает, что Октябрьская Лениниана в эти годы существенно обогатилась исследованиями, в которых получили позитивное развитие многие аспекты темы, появились работы, специально посвященные ленинской трактовке некоторых вопросов революции. Кроме того, необходимо отметить направленность юбилейной литературы против троцкистской фальсификации роли В. И. Ленина в социалистической революции.

В 1927 г. в журнале «Пролетарская революция» была опубликована статья Ем. Ярославского «Большевики в Октябре»⁵². В ней автором введены в научный оборот новые документы, проанализированы мемуарные источники. Важно отметить, что Ем. Ярославский делает сравнительный анализ ленинских работ и партийных директив апреля — октября 1917 г. Этот материал дает возможность автору очень аргументированно показать, что партия в своей деятельности по подготовке революции руководствовалась ленинскими тактическими установками. Опровергая Троцкого, автор утверждает, что «Ленин в своем подполье был прекрасно осведомлен обо всем, что делается. Сохранившиеся и теперь публикуемые протоколы ЦК за этот период свидетельствуют о том, что именно Ленин внимательнее других реагировал на все крупные политические события»⁵³ и что именно его указания легли в основу директивных документов партии. Подчеркнув мысль о том, что революция проходила под руководством В. И. Ленина, Ем. Ярославский далее опровергает вымыслы троцкистов о «дополнительном» характере Октябрьского вооруженного восстания. Автор на большом фактическом материале показывает, что это было решающее событие Великой Октябрьской социалистической революции.

Ем. Ярославский в данной статье попытался развернуть поставленную уже им тему о ленинском руководстве материально-технической подготовкой вооруженного восстания. Для этого автор тщательно проанализировал мемуары Н. И. Подвойского и В. И. Невского, где содержался необходимый фактический материал. Кроме того, анализ ленинских произведений и документов партии дает возможность Ем. Ярославскому показать, что именно Ленин разработал конкретный план проведения восстания, определил место и момент восстания. Ем. Ярославский пишет: «Нет, мы, большевики, знали с первого до последнего момента, что именно благодаря указаниям Ленина, благодаря его непримиримой настойчивости в проведении его плана восстания, благодаря его непрерывному нажиму на партию, благодаря тем указаниям, какие он давал все время в отношении организации восстания, в отношении сил, которые должны быть привлечены, это восстание победило»⁵⁴.

Выступая против Троцкого, который отрицал всеобщий международный характер ленинизма, приписывал ему некую российскую «мужицкую подошлеку», Ем. Ярославский раскрывает всемирно-историческую значимость тактических принципов, разработанных В. И. Лениным. В своей статье он пишет: «Если в других странах победит пролетарская революция,— а она, несомненно, победит,— то она победит только тогда, если она будет руководствоваться принципами ленинизма так же, как руководствовалась ими наша партия в октябре 1917»⁵⁵.

Перу Ем. Ярославского принадлежит и брошюра «Партия большевиков в 1917 году»⁵⁶. Эта работа Ем. Ярославского является для того времени наиболее подробным изложением истории Октябрьской революции и роли партии, В. И. Ленина в ней. Автор выделяет в брошюре специальный раздел «Роль и значение Ленина в Октябрьском перевороте». «Ленин,— пишет Ем. Ярославский,— был бесспорным вождем Октября, обеспечившим партии правильное руководство в этой решительной схватке»⁵⁷.

Правда, некоторые вопросы тактики партии в период подготовки и проведения социалистической революции неверно трактовались автором. Это прежде всего касается положений Апрельских тезисов, вопроса о начале Октябрьского вооруженного восстания. Но названные недостатки не умаляют значения работы Ем. Ярославского, которая для того времени явилась значительным вкладом в Октябрьскую Лениниану.

В юбилейный год была опубликована и статья М. А. Савельева «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание»⁵⁸.

М. А. Савельев разбивает статью на два раздела: «Ленин как теоретик Октябрьского восстания» и «Ленин и организационная подготовка Октября». Уже самой структурой работы автор подчеркивает две стороны деятельности Ленина по подготовке и проведению восстания — теоретическую и организационно-практическую.

В первом разделе, проанализировав ленинские работы, М. А. Савельев показывает, что В. И. Ленин разработал стройное учение о вооруженном восстании, определил роль пролетарской партии в деле организации восстания, конкретизировал применительно к новой ситуации вопрос о лозунге «Вся власть Советам!». «Было бы полным искажением действительности,— пишет автор,— представлять себе дело таким образом, что В. И. Ленин только подвел теоретический базис под Октябрьское восстание, что само это восстание, вся его практическая проработка и подготовка шли помимо него и, как утверждают некоторые (см. Троцкий), пошли совсем не тем путем, каким намечал первоначально сам т. Ленин»⁵⁹. Приведенные в статье М. А. Савельева документы убедительно свидетельствовали, что во главе Октябрьского вооруженного восстания стоял Владимир Ильич Ленин.

Со статьей М. А. Савельева перекликается статья С. А. Пикотковского «Военно-революционный комитет в Октябрьские

дни»⁶⁰, посвященная штабу вооруженного восстания. С. А. Пионтковский на основании изучения документов ВРК показывает, как образовался этот орган, каков был его состав и содержание деятельности. Этот материал дает возможность автору создать очень яркую картину подготовки и хода Октябрьского вооруженного восстания. К сожалению, автор статьи раскрыл роль В. И. Ленина лишь в связи с образованием Военно-революционного комитета. Руководство же Лениным ВРК в дни вооруженного восстания и после его победы не стало предметом исследования С. А. Пионтковского. Но уже сама постановка вопроса о необходимости изучения истории ВРК, несомненно, играла позитивную роль в Лениниане.

С. А. Пионтковский опубликовал в юбилейном году и работу «Октябрь 1917»⁶¹, где широко использовал ленинские произведения и партийные документы. Но вопрос о начале восстания автор трактовал неверно: он считал, что вооруженное восстание «вспыхнуло 25 октября», в день открытия II съезда Советов.

В эти годы с целой серией статей по истории Октября выступил Я. А. Яковлев⁶². Он исследовал уже поставленную советской историографией тему о ленинской стратегии и тактике пролетарской революции. Работы Я. А. Яковлева, основанные на глубоком анализе произведений В. И. Ленина, явились шагом вперед в советской исторической науке тех лет по данной проблеме.

Значительным явлением в юбилейной литературе было издание первого коллективного труда по истории Октябрьской революции, созданного молодыми советскими историками под руководством М. Н. Покровского⁶³. Вышло два тома «Очерков по истории Октябрьской революции». Первый том был посвящен анализу экономических и политических предпосылок революции, второй — событиям Февральской революции и апреля — июля 1917 г., т. е. периода двоевластия. Третий том, в котором предполагалось довести изложение до победы Октябрьского вооруженного восстания и установления диктатуры пролетариата, не был написан. Однако, несмотря на незавершенный характер этого труда, он имел большое значение в историографии Октябрьской революции, в нем давалась монографическая разработка процессов мирного развития революции, характеристика июньской, июльской кризисов. Эти проблемы до второй половины 20-х годов почти не исследовались в советской литературе. Работа ученых Института красной профессуры свидетельствовала о серьезном шаге вперед в овладении историками ленинской концепцией Октябрьской революции.

В юбилейные дни вышли в свет и сборники документов. Истпарт ЦК ВКП(б) опубликовал протоколы заседаний ЦК РСДРП(б) с августа 1917 г. по март 1918 г., переиздал протоколы VI съезда партии. Ленинградский Истпарт издал протоколы Петроградского комитета и второй и третьей петроградских общегородских конференций большевиков. Несомненно, эти документы

имели огромное значение, так как давали возможность более широко и аргументированно раскрыть роль В. И. Ленина, большевистской партии в свершении революции.

Празднование 10-летия Великого Октября ознаменовалось таким обилием литературы по истории социалистической революции, какого еще не знала советская историческая наука. Фактически впервые началось систематическое изучение событий революции, появились новые темы исследований, исследовались самые различные стороны деятельности вождя в период подготовки и проведения социалистической революции. 1927 г. был как бы вершиной первого периода развития советской историографии Октябрьской революции.

Своеобразным подведением итогов разработки советской наукой истории Великой Октябрьской социалистической революции в юбилейном году был отчет Истпарта XV съезду ВКП(б). В отчете названо 56 крупных и значительных работ, подготовленных к 10-й годовщине Октября⁶⁴. Центральной темой этих исследований была ленинская. На базе уже достигнутого XV съезд ВКП(б) нацелил Институт Ленина, советских историков на активизацию работы в области изучения биографии В. И. Ленина⁶⁵. Во исполнение решений XV съезда был проведен ряд важнейших мероприятий в области организации историко-партийной науки, что имело большое значение для дальнейшей разработки научной биографии В. И. Ленина.

В конце 20-х — начале 30-х годов советская историческая наука закрепила достигнутые результаты, осмысливала итоги своего развития. Советские историки продолжали разработку проблем истории Октябрьской революции и ленинской темы, работу над научной биографией В. И. Ленина.

К началу 30-х годов была проделана большая работа по созданию источниковой базы для углубленной научно-исследовательской деятельности в области изучения биографии В. И. Ленина. Вышло первое и начало выходить второе собрание сочинений В. И. Ленина, регулярно издавались Ленинские сборники. В 1933—1934 гг. была выпущена специальная серия воспоминаний о В. И. Ленине, состоявшая из 25 книг и брошюр. В журнале «Пролетарская революция» регулярно печатались обзоры материалов к биографии В. И. Ленина, помогающие историкам ориентироваться в издаваемых документах, разрабатывались методы работы над источниками⁶⁶.

Достигнутые результаты по изучению жизни и деятельности В. И. Ленина дали возможность уже в начале 30-х годов издать ряд биографических работ⁶⁷. Самым значительным среди них был очерк В. Г. Сорина, подготовленный для предисловия к «Избранным произведениям» В. И. Ленина в 6 томах. Естественно, что во всех биографических работах большое внимание уделялось анализу деятельности Владимира Ильича по подготовке и проведению Великой Октябрьской социалистической революции.

В начале 30-х годов советская историография обогатилась

рядом работ, в которых исследовались проблемы борьбы большевиков за рабочие и крестьянские массы, за создание вооруженных сил социалистической революции⁶⁸. Постановка новых вопросов заставляла историков вновь и вновь обращаться к ленинской концепции революции. В научных кругах развернулась дискуссия по ленинской теории социалистической революции. В связи с этим в Институте Ленина прошло обсуждение доклада К. А. Попова «Об исторических условиях перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую»⁶⁹.

О достижениях в разработке Октябрьской Ленинианы первого периода развития советской историографии ярко свидетельствуют обобщающие труды, появившиеся на рубеже 20-х — 30-х годов. Прежде всего, это были учебники по истории партии, где особенно широко освещалась проблема руководящей роли партии в Октябрьские дни и тема о В. И. Ленине — вожде Великого Октября⁷⁰.

Наиболее показательным в этом отношении был четвертый том «Истории ВКП(б)», вышедший под редакцией Ем. Ярославского. В этом томе нашли отражение ленинская теория социалистической революции, вопросы разработки В. И. Лениным стратегии и тактики Октябрьской революции, роли В. И. Ленина в подготовке и проведении Великого Октября. Авторы широко использовали ленинские работы, достижения советской историографии того времени. Все это позволило им дать развернутую характеристику В. И. Ленина как вождя Великой Октябрьской социалистической революции.

В четвертом томе «Истории ВКП(б)» были недостатки, присущие исторической мысли начала 30-х годов. Авторы учебника повторили ошибочный тезис о том, что в Октябрьской революции совместились буржуазно-демократическая и социалистическая революции. Не соответствовала ленинской периодизация революции, данная в книге, нечетко определялись некоторые моменты, характеризующие тактику партии на отдельных этапах революции.

Однако при всех недостатках четвертый том «Истории ВКП(б)» имел большое значение как итог изучения проблем истории Великого Октября и Октябрьской Ленинианы в первый период советской историографии.

В 1934 г. было принято Постановление ЦК партии об исторической науке, которое явилось вехой в разработке истории Октябрьской революции. Начался новый период в развитии советской историографии.

* * *

Итак, мы проследили процесс зарождения и утверждения ленинской темы в первый период развития советской историографии, увидели, как намечались направления ее исследования, расширялась проблематика, совершенствовались методы изучения.

В данном периоде можно выделить три этапа, различающихся между собой: первый этап — 1917—1923 гг., когда советская историография делала первые шаги в разработке истории Октябрьской революции и намечала в общих чертах ленинскую тематику; второй этап — 1924—1927 гг. — историография Октябрьской революции стала предметом острейшей идеологической борьбы, потребовавшей мобилизации всех научных партийных сил для разработки вопросов о роли В. И. Ленина в свершении революции; третий этап 1928 г. — начало 30-х годов. В эти годы советская историческая наука расширяла аспекты исследования ленинской темы, создала обобщающие труды и поставила задачу монографической разработки Октябрьской Ленинианы, создания научной биографии В. И. Ленина.

Каковы же основные достижения советской исторической науки в области исследования ленинской темы в историографии Октябрьской революции?

Основным результатом развития советской историографии первого периода было овладение историками ленинской концепцией Октябрьской революции и превращение ее в теоретическую базу, методологическую основу исследований. Это был процесс поступательного развития, не лишенный трудностей. Преодолевая их, советские историки постепенно усваивали ленинские характеристики и оценки событий революционной эпохи, его методологические принципы исследования и на основе этого разрабатывали историю Великой Октябрьской социалистической революции, осмысливали роль В. И. Ленина как вождя Великого Октября. Процесс овладения историками ленинской научной концепцией Октябрьской революции является одной из самых выдающихся страниц в советской историографии.

Разработка Октябрьской Ленинианы началась с того, что ленинская тема нашла отражение в публицистических и биографических статьях и брошюрах. Они носили популярный характер, отражали тем самым насущную потребность эпохи — стремление масс узнать больше о В. И. Ленине. Одновременно появились мемуары, в которых содержался фактический материал о В. И. Ленине в Октябрьские дни, расширялась публикация ленинских произведений и документальных источников. На базе этого, особенно в период острой идеологической борьбы против троцкистской фальсификации истории Октября, ленинская тема становится предметом специальных научных исследований, получила позитивную разработку. К началу 30-х годов ленинская тема вошла в обобщающие труды и прежде всего в учебники по истории партии. В середине 30-х годов начинается углубленное исследование биографии В. И. Ленина с целью создания научного труда. Такая последовательность в разработке Ленинианы объясняется политическими и идеологическими задачами, которые решала историческая наука в тот период.

Анализ литературы 1917 — начала 30-х годов свидетельствует, что одной из центральных тем советской историографии Октябре-

ской революции была тема о В. И. Ленине — вожде Великого Октября. Она разрабатывалась в различных аспектах. Прежде всего мы должны отметить, что историки уделяли большое внимание таким важнейшим проблемам, как В. И. Ленин — теоретик, стратег и тактик социалистической революции, роль В. И. Ленина в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания, ленинская оценка международного значения первой в мире пролетарской революции и т. д.

Многие аспекты ленинской темы в этот период были лишь намечены. Их детальная разработка падает уже на более позднее время, а порой является актуальной проблемой исследования и в настоящее время. В этой связи можно назвать тему о ленинском руководстве подготовкой вооруженного восстания, ленинские оценки различных классов и социальных слоев в революционном процессе и другие.

Некоторые аспекты были неполно или неверно трактованы историками первого поколения, например, вопросы о ленинской установке на мирное развитие революции, о выборе В. И. Лениным срока вооруженного восстания. Многие проблемы Ленинианы, конечно, не были даже затронуты в то время. Это естественно. Круг вопросов по этой теме, как и по истории Великого Октября, не имеет раз навсегда определенных границ. «Каждый новый этап, — как справедливо считает современный историограф Октябрьской революции Е. Н. Городецкий, — открывает перед нами новые грани этой вечной темы, ставит перед историками новые проблемы, для решения которых необходимо привлекать еще не тронутые рукой исследователя источники»⁷¹. История Октября, как и Октябрьская Лениниана, неисчерпаемы.

Опыт исследования ленинской темы в первый период развития советской историографии имел большое значение для последующих периодов. «...Наука, — говорил Ф. Энгельс, — движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения»⁷². Поучительный опыт историков 20-х годов создал предпосылки для более глубокого и всестороннего изучения истории Великого Октября, роли В. И. Ленина в свершении революции в последующие годы, позволил поставить вопрос о подготовке научной биографии В. И. Ленина, начать монографическую разработку ленинской темы.

Современная историческая наука ушла далеко вперед по сравнению с 20-ми годами и по количеству и по качеству исследований ленинской темы. Но мы всегда помним, что в основе этих успехов лежит опыт первого поколения историков.

¹ Общественные науки в СССР. 1917—1927 гг. М., 1928, с. 126.

² Анализ работ советских историков, посвященных критике буржуазной и реформистской фальсификации истории Октябрьской ре-

волюции, не является предметом рассмотрения данной статьи.

³ Подробнее об этом см.: *Валж С. Н.* Советская археография, М., 1948; *Алексеева Г. Д.* В. И. Ленин и создание центров советской исто-

- рической науки.— *Вопр. истории*, 1960, № 4; *Она же*. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917—1923). М., 1968; *Городецкий Е. Н.* В. И. Ленин и создание центров историко-партийной науки.— *Вопр. истории*, 1964, № 8; *Он же*. Ленин — основоположник советской исторической науки. История советского общества в трудах В. И. Ленина. М., 1970; *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917—1929 гг.). М., 1968, и др.
- ⁴ Пролетарская революция, 1930, № 7/8, с. 138.
- ⁵ См.: *Невский В. И.* Обзор нашей провинциальной истпартовской литературы.— Пролетарская революция, 1923, № 4; *Остроухова К.* 1-й обзор истпартовской литературы об Октябрьском перевороте.— Там же, 1924, № 10; *Пионниковский С. К.* К вопросу об изучении материалов по истории Октябрьской революции.— Там же, 1926, № 2; *Тагаров И.* Краткий обзор литературы об Октябрьском перевороте.— Там же, 1927, № 10; *Нечкина М. В.* Наука русской истории.— В кн.: *Общественные науки в СССР. 1917—1927.* М., 1928, и др.
- ⁶ См.: *Городецкий Е. Н.* К характеристике историографии Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1934).— *История СССР*, 1960, № 6; *Голиков Г. Н.* Великая Октябрьская социалистическая революция в советской исторической литературе.— В кн.: *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. IV. М., 1966; *Найденов М. Е.* Основные этапы советской историографии Великой Октябрьской социалистической революции.— В кн.: *Очерки по историографии советского общества.* М., 1967, и др.
- ⁷ См., например: *Ерыкалов Е. Ф.* Освещение Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в историко-партийной литературе (1956—1966).— *Вопр. истории КПСС*, 1966, № 5; *Верхось В. П.* Литература по истории Красной гвардии.— *Вопр. истории*, 1966, № 2; *Водолагин В. М.* Октябрьское вооруженное восстание в советской исторической литературе. М., 1967; *Качурина А. В.* Советская историография Октябрьской революции в Москве (Краткий очерк).— В кн.: *Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков.* М., 1971; *Городецкий Е. Н.* Новые страницы истории Великого Октября. М., 1978, и др.
- ⁸ См.: *Тепляшина Е. И.* В. И. Ленин — вождь Октябрьского вооруженного восстания (Историографический обзор). М., 1970; *Она же*. В. И. Ленин — вождь Октябрьского вооруженного восстания (Историографический обзор литературы 100-летию со дня рождения В. И. Ленина).— *Учен. зап. ВПШ при ЦК КПСС.* М., 1975, вып. 3.
- ⁹ См., напр.: *Сталин И.* Октябрьский переворот.— *Правда*, 1918, 6 нояб.
- ¹⁰ *Савицкая Р. М.* Разработка научной биографии В. И. Ленина.— *Вопр. истории*, 1971, № 4; *Ворохобкин И. Т.* Из истории создания научной биографии В. И. Ленина в СССР.— В кн.: *Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС.* Л., 1971, вып. 1.
- ¹¹ *Лунчацкий А.* Великий переворот (Октябрьская революция). Пг., 1919, Ч. 1.
- ¹² *Правда*, 1920, 23 апр.
- ¹³ *Петроградская правда*, 1920, 23 апр.
- ¹⁴ *Правда*, 1920, 23 апр.
- ¹⁵ *Невский В. И.* Военная организация и Октябрьская революция.— *Красноармеец*, 1919, № 10—15; *Он же*. В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1920; *Он же*. Июльские дни 1917 года.— *Петроградская правда*, 1922, 16 июля, и др.
- ¹⁶ *Невский В. И.* В. И. Ульянов (Н. Ленин). М., 1920, с. 30.
- ¹⁷ *Быстрянский В.* Товарищ Ленин и революция.— *Петроградская правда*, 1920, 23 апр.; *Он же*. Тезисы 4(17) апреля 1917.— *Петроградская правда*, 1921, 17 апр., и др.
- ¹⁸ *Петроградская правда*, 1921, 17 апр.
- ¹⁹ *Емельянов Н.* Таинственный шалап.— *Красная летопись*, 1922, № 4; *Ровио Г.* Как тов. Ленин скрывался у Гельсингфорского полдмейстера.— *Красная летопись*, 1922, № 5.
- ²⁰ *Петроградская правда*, 1922, 16 июля.

- ²¹ Печать и революция, 1922, кн. 5.
- ²² Там же, с. 53.
- ²³ См., напр.: *Дубовский С. М.* Очерки русской революции. М., 1923, вып. 1.
- ²⁴ См., напр.: *Пионтковский С. А.* Октябрьская революция, ее предпосылки и ход. М.; Л., 1923.
- ²⁵ *Быстрянский В.* Марксова теория перманентной революции.— Под знаменем коммунизма, 1925, № 2, с. 54—64.
- ²⁶ Пролетарская революция, 1923, № 11, с. 97.
- ²⁷ Там же, с. 270.
- ²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 3, с. 121.
- ²⁹ В. И. Ленин и проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Л., 1969, с. 9.
- ³⁰ *Полегаев М.* В июльские дни.— Петроградская правда, 1924, 27 янв.; *Антонов-Овсеенко В.* Встречи с Ильичом.— Ленинградская правда, 1924, 31 янв.; *Чубарь В.* Из встреч с В. И. Лениным.— Летопись революции, 1925, № 1; *Каюров В.* Встречи с Владимиром Ильичом.— Пролетарская революция, 1925, № 8, и др.
- ³¹ См.: *Крупская Н. К.* Речь на II съезде Советов СССР.— Правда, 1924, 30 янв.; *Она же.* О Владимире Ильиче.— Правда, 1924, 11 апр.; *Она же.* Воспоминания о Ленине. М.; Л., 1924, и др.
- ³² См.: *Ярославский Ем.* Вождь рабочих и крестьян. Л., 1924; *Он же.* Жизнь и работа В. И. Ленина. 23.IV.1870—21.I.1924. М., 1924; *Он же.* Жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина. М., 1924; *Он же.* Ленин. Жизнь и работа. М., 1925.
- ³³ *Ярославский Ем.* Ленин. Жизнь и работа. М., 1924, с. 43—44.
- ³⁴ Правда, 1924, 24, 25 янв.
- ³⁵ См. Под знаменем марксизма, 1924, № 2.
- ³⁶ *Лепешинский П. Н.* Жизненный путь Ильича. Л., 1924; *Карпинский В. А.* Что заповедовал нам Ленин своей жизнью, работой и учением. М., 1924; *Ходоровский И. И.* В. И. Ленин — великий вождь и учитель трудящихся (1870—1924). М.; Л., 1924, и др.
- ³⁷ *Попов Н. Н., Яковлев Я. А.* Жизнь Ленина и ленинизм. М., 1924.
- ³⁸ *Сталин И. В.* Речь на вечере кремлевских курсантов школы ВЦИК, посвященном памяти В. И. Ленина.— Правда, 1924, 12 февр.; *Луначарский А. В.* Речь на пленуме Московского Совета, посвященном памяти В. И. Ленина.— Правда, 1924, 8 февр.
- ³⁹ Правда, 1924, 12 февр.
- ⁴⁰ Классовая борьба, 1924, № 1—2.
- ⁴¹ *Сталин И. В.* Троцкизм или ленинизм? — За ленинизм. М.; Л., 1925, с. 88.
- ⁴² Там же, с. 90.
- ⁴³ За ленинизм, с. 268.
- ⁴⁴ За ленинизм, с. 255.
- ⁴⁵ *Кеиринг Э. И.* Зачатки ревизии ленинизма у Преображенского. Харьков, 1924; *Он же.* В защиту ленинизма. М., 1925.
- ⁴⁶ Правда, 1924, 9 февр.
- ⁴⁷ За ленинизм, с. 233—235.
- ⁴⁸ 1917 год в документах и материалах. М.; Л., 1925—1931.
- ⁴⁹ *Комаров Н. С.* Создание и деятельность Истпарта (1920—1926 гг.).— Вопр. истории КПСС, 1958, № 5, с. 164.
- ⁵⁰ *Горин П.* Пролетариат в 1917 г. в борьбе за власть М.; Л., 1927; *Пионтковский С. А.* Октябрь 1917 года. М.; Л., 1927, и др.
- ⁵¹ Пролетарская революция, 1927, № 12, с. 287.
- ⁵² Пролетарская революция, 1927, № 10.
- ⁵³ Там же, с. 55.
- ⁵⁴ Там же, с. 82.
- ⁵⁵ Там же, с. 90.
- ⁵⁶ *Ярославский Ем.* Партия большевиков в 1917 году. М.; Л., 1927.
- ⁵⁷ Там же, с. 88.
- ⁵⁸ Пролетарская революция, 1927, № 11.
- ⁵⁹ Там же, с. 19.
- ⁶⁰ См. там же, № 10.
- ⁶¹ *Пионтковский С. А.* Октябрь 1917 г., М.; Л., 1927.
- ⁶² *Яковлев Я. А.* Вопросы II Всероссийского съезда Советов.— Пролетарская революция, 1927, № 12; *Он же.* К вопросу о большевистской тактике в Октябре.— Большевик, 1927, № 21; *Он же.* Авангард и массы в Октябрьской революции.— Известия ЦИК, 1927, № 25, и др.
- ⁶³ См. Очерки по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1927. Т. 1, 2.
- ⁶⁴ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927. Стеногр. отчет. М., 1961, кн. 1, с. 133.
- ⁶⁵ Там же, с. 136.

- ⁶⁸ *Эйхенгольц А.* Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина (Ульянова).— Пролетарская революция, 1929, № 1; *Он же.* Обзор основных материалов к биографии В. И. Ленина.— Пролетарская революция, 1930, № 1; *Тихомирнов Г.* К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии Ленина.— Пролетарская революция, 1930, № 4.
- ⁶⁷ *Сорин В. Г.* В. И. Ленин. 1870—1924. Краткая биография. М., 1930; *Керженцев П. М.* Жизнь Ленина. М., 1934; *Ярославский Е. М.* Биография Ленина. М., 1934, и др.
- ⁶⁸ *Кин Д.* Тактика большевиков в рабочих организациях в 1917 году.— Пролетарская революция, 1930, № 11; *Рабинович С. Е.* Борьба за армию в 1917 г. М.; Л., 1930; *Гайсинский М. Т.* Борьба большевиков за крестьянство в 1917 году. М., 1933, и др.
- ⁶⁹ Пролетарская революция, 1929, № 5, с. 170—184.
- ⁷⁰ *Невский В. И.* История РКП(б). Краткий очерк. Л., 1926; *Попов Н. Н.* Очерк истории Российской коммунистической партии (большевиков). М.; Л., 1926; История ВКП(б). М.; Л., 1926—1930, т. I—V; *Ярославский Е. М.* Краткая история ВКП(б). М., 1930; *Бубнов А. С.* ВКП(б). М.; Л., 1931, и др.
- ⁷¹ *Городецкий Е. Н.* Новые страницы истории Великого Октября, с. 63—64.
- ⁷² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 568.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СТАТЬИ В. И. ЛЕНИНА «О «ВЕХАХ»»

М. Г. Вандакловская

В современной идеологической борьбе статья В. И. Ленина «О „Вехах“» имеет важное методологическое значение.

Реакционные буржуазные ученые, как известно, используют веховскую идеологию в целях фальсификации истории русского революционного движения, его этапов, организаций, деятелей. Искажение веховцами сущности революционного процесса в России, его коренных основ, традиций русской революции рассматривается буржуазными фальсификаторами как эталон истинности в освещении русской истории и ее революционного прошлого.

В советской исторической литературе раскрыта несостоятельность попыток использовать «Вехи» и идеологию веховства в качестве арсенала борьбы с марксизмом; показаны социальные причины идейной близости современной реакционной историографии и веховской концепции¹.

Обращение к статье Ленина «О „Вехах“», стоящей у истоков борьбы марксистов с веховской идеологией, имеет поэтому актуальное политическое значение. Изучению этой статьи посвящен ряд исследований. Они затрагивают вопросы, связанные с критикой В. И. Лениным веховства как политического течения².

В данной работе предпринята попытка раскрыть идейную атмосферу времени создания статьи Ленина «О „Вехах“», показать ту историографическую среду, в которой она возникла. Главное внимание при этом сосредоточено на рассмотрении проблемы тра-

дий русской революции — революционном движении XIX в. — важнейшем вопросе идейной борьбы этого времени, решение которого во многом определяло исход и современной политической борьбы.

Статья Ленина «О „Вехах“» сыграла определяющую роль в раскрытии либерально-буржуазной, контрреволюционной сущности веховской идеологии. Она затронула коренные вопросы веховства, вскрыла его социальные основы, показала обусловленность реакционности мировоззрения веховцев переходом либеральной буржуазии к контрреволюции. «Для современной эпохи, — писал Ленин в этой статье, — характерно то, что либерализм в России решительно повернул против демократии»³. Именно этим, по мысли Ленина, объяснялся поход веховцев против традиций русской демократии, критика и искажение ее революционных основ.

Статья «О „Вехах“» была опубликована 13 декабря 1909 г. в газете «Новый день». Еще до ее появления в печати, 16 октября 1909 г., в Льеже Ленин прочитал реферат на тему «Идеология контрреволюционной буржуазии»; 13 (26) ноября он выступил в Париже с рефератом «Идеология контрреволюционного либерализма (успех „Вех“ и его общественное значение)». В последнем реферате, наряду с пунктами: «С какой философией воюют „Вехи“ и думские речи кадета Караулова», «„Вехи“ и речи Милюкова на предвыборных собраниях в Петербурге» и другими политическими темами, содержится пункт: «Белинский и Чернышевский, уничтоженные „Вехами“»⁴. Очевидно, оба реферата послужили Ленину основой для написания статьи «О „Вехах“», и проблема защиты революционно-демократического наследия XIX в. от веховских извращений являлась для него важной политической задачей.

Характеризуя в целом программу «Вех» как «энциклопедию либерального ренегатства»⁵, Ленин подчеркивал связь политической платформы «Вех» с отношением веховцев к русскому революционному движению. «Авторы „Вех“, — писал он, — выступают как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая в сжатом наброске целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, *оценки всего освободительного движения* и всей истории русской демократии» (курсив мой. — М. В.)⁶.

Теме революционного движения XIX в. как теме идейных основ современной политической борьбы Ленин придавал важное значение. Обращение к ней определялось необходимостью раскрыть несостоятельность попыток представителей различных политических течений и партий превратить русских революционеров XIX в. в идейных предтеч своих политических платформ. Статья Ленина «О „Вехах“» внесла огромный вклад в решение этой задачи. Она явилась определенным этапом в идейной борьбе Ленина за марксистское понимание русской революции и ее традиций, составила важное звено в ленинской концепции освободительного движения.

Контрреволюционная веховская концепция складывалась задолго до появления самих «Вех». В реакционном журнале «Полярная звезда» за 1905—1906 гг. Франк, Изгоев, Струве, будущие авторы «Вех», сформулировали основные положения своей программы. Главным и определяющим в ней было отношение к классовой борьбе, революционной теории и политическому устройству России.

Будучи принципиальными противниками классовой борьбы, они утверждали, что в России не существует «национальной почвы» для революции, и считали возможным ликвидировать, «приглушить» классовые конфликты. Они проповедовали необходимость подменить политическую борьбу идеологической, рассчитывая на победу буржуазной идеологии, либо сосредоточить внимание на борьбе оппозиции и бюрократии в Государственной думе, призывая к сотрудничеству рабочих и крестьян с буржуазией в их якобы совместной борьбе с главным врагом — бюрократией.

Используя марксистскую терминологию, но извращая марксизм, будущие веховцы утверждали, что согласно марксистскому учению идея социальной революции равнозначна социальной эволюции, что идея диктатуры пролетариата находится в противоречии с практикой революционного движения, что рабочий класс России неспособен взять власть.

Возникновение подобных антинаучных буржуазных теорий объяснялось контрреволюционной позицией ее авторов, резкое поправление которых произошло под влиянием революции 1905—1907 гг. Мысль будущих веховцев была направлена на то, чтобы оторвать народные массы от революции.

Интеллигенция, руководствующаяся материалистической теорией и идеей классовой борьбы, должна отказаться от «унаследованных формул», бороться с революционной традицией, изменить свое сознание, обратившись к религии. Именно на этой основе, по их мнению, должно произойти слияние интеллигенции с народом, которому якобы органически были присущи религиозность и консерватизм.

Таким образом, до появления сборника «Вехи» его авторами уже были сформулированы основные политические позиции и отчетливо выявлена подоплека их борьбы с революционно-демократическим наследием XIX в.⁷

«Вехи» вышли с подзаголовком «Сборник статей о русской интеллигенции». В действительности же речь шла не об интеллигенции вообще, а о демократической и революционной интеллигенции. Авторы «Вех» ставили перед собой цель подорвать идейные основы всего русского освободительного движения. В стремлении развенчать духовный облик русской демократической интеллигенции авторы «Вех» (Гершензон, Струве, Бердяев, Франк, Кистяковский, Булгаков) утверждали, что ее определяющими свойствами являются «пороки» и «недостатки». Главные из них — приобщенность интеллигенции к политике,

общественно-политической жизни, защита интересов народа, социализм, материалистическое мировоззрение.

Исходной политической посылкой «Вех» являлась мысль о том, что самый ошибочный путь — путь революции. Отношение интеллигенции к классовой борьбе, революции определило, по «Вехам», идейный тупик всего демократического движения. В рассмотрении этого вопроса отчетливо обнаруживался политический смысл выступления веховцев, их ревизия марксизма и мировоззрения демократической, революционной интеллигенции. В статьях Гершензона, Струве, Булгакова основополагающим было их враждебное отношение к революционным формам борьбы.

Реформа 1861 г. и Манифест 17 октября объявлялись ими важными вехами освободительной борьбы. Ненависть к революции и защита идеи примирения и реформизма определила закономерность вывода Струве о том, что «актом 17 октября по существу и формально революция должна была бы завершиться»⁸.

Особое место в своей политической программе веховцы уделили уничтожению традиций русской революции.

Очевидно, что оценка и толкование общественно-политических течений, организаций, отдельных деятелей XIX в. находились в тесной связи с их контрреволюционной политической позицией. Революционно-демократическое направление русской общественной мысли веховцы считали порождением вредного и якобы несвойственного русскому национальному характеру особого «малокультурного духовного типа», возникшего как подражание западноевропейским образцам.

Белинского они рассматривали лишь как ученика Бакунина, подавшего влияние западноевропейских философских и политических теорий. Струве вообще вычеркивал Белинского из числа интеллигентов; Гершензон утверждал, что история русской публицистики после Белинского стала «сплошным кошмаром», поскольку Белинский олицетворял собой связь с внешним миром, т. е. народными массами, борьбу с самодержавием. «Письмо Белинского к Гоголю», отражающее настроение крепостных крестьян против крепостного права⁹, веховцы рассматривали как выражение «интеллигентского» настроения, с которым необходимо бороться.

Эпоху 40-х годов, период становления и развития различных общественно-политических течений (революционно-демократического и либерального) Струве, например, рассматривал как время зарождения якобы преемственного марксизму анархизма и отщепенства, искажая при этом идейные основы марксизма и действительное содержание идейно-политических направлений 40-х годов XIX в.

Шестидесятников, Добролюбова и Чернышевского, «Вехи» упрекали «в особой виновности» перед народом за «растворение национальной проблемы» (которая, по их представлениям, состояла в развитии покорности и религиозности), за общественно-политическую направленность их деятельности, материализм,

атеизм, за критику либерализма и буржуазных правопорядков. Именно в 60-е годы, по мнению веховцев, интеллигенция отделилась от образованных классов и создала тот духовный тип, особенно в лице Чернышевского, который якобы определил дальнейшее «порочное» и «пагубное» развитие русской интеллигенции. Западноевропейский социализм и атеизм, заимствованный Бакуниным с Запада, будто бы был им передан Чернышевскому и с этого времени утверждался в мировоззрении русской интеллигенции.

Герцена веховцы обличали как «народопоклонника», вместе с тем делая ставку на либеральные черты в его творчестве, и, стремясь оторгнуть его от революционного движения, утверждали, что Герцен якобы «боролся в себе с интеллигентским ликом»¹⁰, т. е. с демократическим мировоззрением.

Народничество и его деятели Бакунин, Лавров, а также Михайловский рассматривались веховцами как антикультурное, нигилистическое, поглощенное якобы «доморощенной» философией позитивизма течение. Основную ошибку народничества, имея в виду революционное народничество, веховцы видели в его демократизме и отрицательном отношении к политике, к борьбе за политические свободы. Однако очевидно, что отстаивание принципа политики и политических свобод проводилось ими с точки зрения защитников буржуазного государства. Кистяковский, например, «пороком» русской интеллигенции считал низкий уровень ее правосознания. Герцена, народников, не понимая различий между ними, он осуждал за «неразвитое чувство правопорядка»¹¹.

Веховцы стирали различия между народничеством и марксизмом, обвиняя народников «в ложной любви к крестьянству», а марксистов — «к пролетариату». Ленин объяснял это закономерным «выражением современной сущности либерализма», которому было «страшно и ненавистно» прежде всего то, «что есть общего у народничества и марксизма, их защита демократии путем обращения к массам»¹².

Нападение «Вех» на демократическую интеллигенцию, как отмечал Ленин, велось по всем направлениям. Ревизия философских основ демократической интеллигенции сопровождалась искажением и философского мировоззрения революционеров XIX в.

«Красной нитью,— писал Ленин,— проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом, который аттестуется не иначе, как догматизм, метафизика...»¹³.

Основная мысль веховцев была направлена на необходимость отречения от материализма и атеизма в русской философии. Развитие материалистической традиции в России (с их точки зрения, элементарной формы философии) они объясняли низким уровнем культуры и, отсюда, якобы неспособностью к истинному творчеству, мыслимому ими лишь в сфере разума. Противопоставляя развитие западноевропейской и русской философии, веховцы стремились обосновать тезис об искусственном восприятии философских

идей Запада в России. Это, однако, касалось лишь тех философских систем, которые несли в себе диалектику и материализм. Материалистическая философия отвергалась ими за связь с реальной действительностью, практикой, общественно-политической борьбой.

«Истинными» носителями духовных ценностей веховцы провозглашали Шеллинга, Шопенгауэра, Ницше за их вражду к материализму и диалектике, за веру в бога «как верховную силу мира», мистический интуитивизм, иррационализм, волюнтаризм, за отрицание и ненависть к революции и демократии.

Стремясь создать новую, удобную для своей политической позиции философскую систему, они пытались использовать реакционные и идеалистические черты течений мировой философии. Именно этим объясняется их особенно пристальное внимание к философии Канта, сущность которой состояла в примирении материализма и идеализма.

В философии Канта веховцам импонировали идеализм, агностицизм, стремление утвердить религию, вера в бога, отрицание революции. Не случайно поэтому они призывали проверить материалистическую традицию в философии Кантом и черты «универсальной» национальной традиции в русской философии видели в мистицизме Чаадаева, славянофилов, Юркевича, В. Соловьева, Трубецкого, В. Розанова, Мережковского.

Русская материалистическая философия, тесно связанная с революционной теорией и практикой, объявлялась веховцами «величайшей ошибкой» интеллигенции, объясняемой ее якобы «ущербностью» и несостоятельностью.

Белинский, для которого обращение к западноевропейским философам (Шеллинг, Фихте, Гегель) являлось поисками обоснования его революционного демократизма, объявлялся «плохо знающим философию», не обладающим философским методом мышления и занимающимся философией только под влиянием Бакунина.

Окончательную утрату русской интеллигенцией основ религиозной философии веховцы связывали с эпохой 60-х годов XIX в. Их особенным нападкам подвергался Чернышевский за его материализм и атеизм, стремление связать философию с общественно-политической борьбой.

Не случайным было обращение веховцев к идейной борьбе 60-х годов в области философии между Чернышевским и профессором Киевской духовной академии и Московского университета идеалистом, реакционером Юркевичем. Искажая материалистические взгляды Чернышевского (о соотношении человека и природы, человеческого разума и внешней среды и т. д.), Юркевич обвинил его в ненаучном подходе к объяснению мира и восприятию западноевропейских философских систем. Поддержка Юркевича в период этой полемики реакционером Катковым и впоследствии, в 90-е годы, Волынским за критику им материализма и атеизма Чернышевского импонировала философской позиции

веховцев. Следуя традиции реакционной философской мысли, веховцы возводили Юркевича в ранг носителя их философской доктрины.

В статье «О „Вехах“» Ленин обратил особое внимание на «уничтожение» Чернышевского как философа и на противопоставление веховцами Юркевича Чернышевскому¹⁴.

Вся русская революционная и демократическая философская мысль XIX в., по «Вехам», — Чернышевский, Лавров, Писарев, шестидесятники, народники, Михайловский, — была оторвана от мировых философских традиций, т. е. от идеализма, субъективизма, и не внесла никакого вклада в развитие мировой философии. Русской философской мыслью будто бы превратно был воспринят позитивизм, из которого следовало брать не объективность, а «субъективность, обоготворяющую человечество». «Позитивизм, — писал Ленин, — осуждается за то, что он был „для нас“ (т. е. для уничтоженной „Вехами“ русской „интеллигенции“) „тождественен с материалистической метафизикой“ или истолковывался „исключительно в духе материализма“»¹⁵.

Хотя веховцы и утверждали, что философия должна быть извлечена от связи с внешней средой, утилитарных, практических целей, их обращение к реакционной идеалистической философии отчетливо преследовало утилитарную цель — подчинить религии сознание народа.

Появление сборника «Вехи» сопровождалось ожесточенной идейной борьбой. Затронутые в «Вехах» коренные проблемы теории исторического развития, идеологии и политики, так же как и связанные с ними вопросы русского освободительного движения XIX в., вызвали острую реакцию различных политических направлений.

Русская реакционная пресса (черносотенное «Русское знамя», субсидируемые правительством «Гражданин», «Новое время») приветствовала появление «Вех».

Корреспондент «Русского знамени» Булатович называл «Вехи» «замечательной книгой», а ее авторов «мудрецами века»¹⁶.

В «Гражданине» появление «Вех» было названо «смелым подвигом». Главное обвинение, следуя «Вехам», автор заметки относил к демократической интеллигенции, особенно к Добролюбову и Чернышевскому, за отсутствие у них «религиозной культуры», атеизм и «народолюбие».

В «Новом времени» в защиту «Вех» выступил известный реакционный публицист В. Розанов, известный своей реакционно-черносотенной позицией в оценке наследства 60-х годов XIX в. в идейной борьбе 90-х годов. В выступление Розанова органически вплелся и призыв об отказе от революционных традиций XIX в. «Кайтесь в очищенном и кротком виде от 14 декабря и до 17 октября...», — писал он, осуждая революционное движение XIX в.¹⁷

Весьма показательным фактором поддержки «Вех» явилась публикация «Открытого письма» авторам «Вех» архиепископа Антония Волынского¹⁸.

Архиепископ Антоний называл веховцев «провозвестниками общественного возрождения», которые обратились к обществу с призывом покаяния, с призывом к единодушию с народом, как это понималось славянофилами.

В «Слове» был помещен и ответ одного из авторов «Вех» Струве, в котором он говорил о том, что письмо Антония «обработало» веховцев, что они борются за освобождение духа «скорбью» и стремятся стать над «политикой» и «тактикой», и фарисейски упрекал Антония в том, что церковь находится в плену у политики¹⁹.

Факт поддержки веховской идеологии архиепископом Волынским В. И. Ленин рассматривал как проявление ее крайней реакционности. «... Струве и прочие веховцы,— писал он,— с истерическим надрывом обливали помоями революцию и создавали идеологию, радовавшую сердце Антония Волынского»²⁰.

Поддержка реакционными публицистами «Вех» рассматривалась Лениным как их политическое единение в борьбе с демократией.

Представителями кадетской партии в связи с «Вехами» или по поводу «Вех» было выпущено два сборника: «Интеллигенция в России» и «В защиту интеллигенции». Помимо этих сборников в периодической печати появилось множество статей, отражающих отношение к «Вехам».

«„Вехи“,— писал Ленин,— выразили несомненную суть современного кадетизма»²¹. Это положение Ленина касалось не только единства политической платформы кадетов и веховцев, их защиты интересов буржуазии во всех сферах современной общественно-политической жизни, но и оценки традиций русской революции. Ленин подчеркивал, что «„Вехи“ — крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»²².

Показательным для представителей кадетской партии явилось выступление в печати лидера кадетской партии историка Милюкова. В сборнике «Интеллигенция в России» он опубликовал статью с характерным названием «Интеллигенция и историческая традиция», как бы подчеркивая созвучность с «Вехами» поставленных вопросов. «...Есть одна точка зрения,— писал он,— с которой изучение интеллигентской эволюции (или „кризиса“) приобретает особенно животрепещущий и практический интерес. Это именно вопрос о связи совершающегося перелома с последующими политическими событиями и с изменением русского государственного строя после 17 октября 1905 г. Именно так поставила вопрос группа писателей, объединившихся для изучения русской интеллигенции в сб. „Вехи“. Так поставлю его и я»²³. В этом отчетливо были выражены политический аспект похода Милюкова к освещению поднятых в «Вехах» проблем и одновременно осознанное Милюковым единство своей и веховской политической позиции. «Перелом», совершившийся в Рос-

сии, Милюков, как видно, связывал прежде всего с изменением русского государственного строя после 17 октября 1905 г., т. е. с провозглашением в России конституционного правления. Та же мысль о Манифесте 17 октября как своеобразном «пределе», вершине революционной борьбы, «точке отсчета», содержалась, как известно, и в «Вехах».

Рассматривая «историческую традицию» русской интеллигенции, Милюков, прежде всего, не вступая в открытую полемику с авторами «Вех», иначе толкует понятие интеллигенции. С его точки зрения, это — «широкая культурная струя», включающая в себя как правительственных деятелей, так и представителей оппозиционного и революционного движения.

В позиции веховцев он не усматривал «отказа от наследства шестидесятников» и поворота к идеалистическим тенденциям 30—40-х годов XIX в. Нападение, утверждал Милюков, веховцы ведут на все прошлое русской интеллигенции, поскольку традиция «отщепенства» восходит задолго до времени, предшествующего периоду 60-х годов и времени возникновения социализма. Проблема радикальной, демократической интеллигенции 60-х годов растворяется у Милюкова в понятии «отщепенство». Характерно, что Милюков понимал политическую актуальность постановки вопроса о наследстве 60-х годов. При этом он подчеркивал, что не является «доктринером» и «фанатиком» традиций. «В отрицании самоочевидных истин заключается „новизна“ „новых слов“, сказанных „Вехами“», писал Милюков, проводя аналогию с «новыми словами» реакционеров Розанова и Волынского, в 90-е годы отказывающихся от революционно-демократического наследства 60-х годов.

Как бы возражая авторам «Вех», видевшим начало «радикальной интеллигенции» в 60-х годах, Милюков акцентирует внимание на интеллигенции «великих реформ и крестьянского освобождения». Истинная русская интеллигенция 60-х годов представлялась ему носительницей реформистской деятельности. Из этого положения Милюков делал вывод о том, что нельзя «ставить креста на истории русской интеллигенции», а необходимо продолжать ее традицию.

Самым перспективным общественным течением 60-х годов является либерализм. Отсюда следовал главный политический вывод Милюкова: веховцы недооценивают либерализм — истинного защитника правовых идей и внешних государственных форм как в эпоху 60-х годов, так и в современной им политической действительности.

Мысль о политической преемственности традиций освободительного движения с точки зрения либерала-кадета пронизывает, по существу, всю статью Милюкова.

Таким образом, отношение Милюкова к классовой борьбе и политическому устройству, стремление к сотрудничеству классов в либеральном духе в современной ему политической жизни, проецирование этой идеи на историю освободительного движения

XIX в., выразившееся в отрицании его революционно-демократического содержания, апологии либерализма и реформ — таковы коренные основы позиции Милюкова, сближающие ее с «Вехами». Именно поэтому В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в полемике с «Вехами» виднейшие кадеты «касались частных и не трогали основного, главного, существенного»²⁴, что от веховского направления «гг. Милюковы отрекаются чисто словесно, чисто дипломатически, ведя на деле веховскую политику»²⁵.

Неонародническая, эсеровская реакция на «Вехи» наиболее четко была выражена в вышедшем в 1910 г. сборнике «„Вехи“ как знамение времени». Предисловием к сборнику послужила статья Гарденина (псевдоним В. Чернова, лидера партии эсеров). Статьи Шишко (известного теоретика эсеров и историка русского революционного движения XIX в.), Ракитникова, Брусиловского, Вечева, Ратнера, Юрьева, Авксентьева и др.²⁶ раскрывали отношение эсеров не только к «Вехам», но и к существованию поставленных в них общетеоретических и конкретно-исторических вопросов.

Авторы сборника единодушно отмечали антинародническую направленность «Вех», подчеркивали их буржуазный и контрреволюционный характер, связь со столыпинским реакционным законом 3 июня 1907 г. Они упрекали веховцев в их отречении от демократизма и социализма, присущего якобы прежде всего народничеству. Об антимарксистской направленности «Вех» они упоминали лишь постольку, поскольку марксизм, с их точки зрения, являлся одной из составных частей народнической идеологии.

И Чернов, и Шишко, и Брусиловский признавали несостоятельным утверждение «Вех» о том, что преобладающим свойством интеллигенции является «примат общественных форм» и что избавлением от этого послужит якобы обращение к религии. Однако их точка зрения по этому вопросу определялась типично народническим пониманием проблемы соотношения личности и общества.

Отрицая наличие «примата общественных форм» у русской радикальной, демократической интеллигенции, эсеровские авторы утверждали, что в центре внимания этой интеллигенции всегда являлась личность и именно эта интеллигенция олицетворяла собой «наследство» революционеров XIX в.

По их представлению, все русское освободительное движение от Белинского до Михайловского ставило в центр внимания личность, во имя которой осуществлялся социальный и политический прогресс. При этом личность мыслилась как абстрактная категория, совмещающая «индивидуализм», «общественность» и идею всеобщего сотрудничества.

«Эсеровский социализм» они выводили из эпохи 60-х годов XIX в., считая Герцена и Чернышевского его основоположниками. Единственно верным путем приобщения «к заветным интеллигентским традициям» Белинского, Герцена, Добролюбова и

Чернышевского, рассматриваемым с позиций народничества, они провозглашали путь эсеров²⁷.

Окрашивая все русское революционное движение XIX в. народнической краской, эсеровские авторы создавали «свою революционную традицию».

Социал-демократический лагерь выступил с резкой критикой «Вех». Однако, по словам Ленина, «позорно знаменитая книга „Вехи“, имевшая громадный успех среди либерально-буржуазного общества, насквозь пропитанного ренегатскими стремлениями, вызвала недостаточный отпор и недостаточно глубокую оценку в лагере демократии. Отчасти это произошло потому, что время успехов «Вех» совпало с таким временем, когда „открытая“ печать демократии была почти совсем придушена»²⁸. Мы располагаем лишь тремя статьями социал-демократов — меньшевиков Иорданского, Валентинова и Плеханова.

В своей статье «Творцы нового шума» Иорданский писал о том, что веховцы, являя собой «боевой политический союз», собрались для разрушения и нападают на демократию, социализм, политический радикализм. Отрицание революционной борьбы народных масс, в частности революции 1905—1907 гг., идеализация реформистской деятельности, Манифеста 17 октября, как справедливо полагал Иорданский, определяет и «злобное» отношение веховцев к идеологии разночинной демократии, с одной стороны, и обращение к проповеди славянофильства и православия, с другой.

Иорданский особо указывал на связь идеологии веховцев с реакционной мистикой Розанова, на благосклонное отношение к «Вехам» министра Столыпина. Политически он квалифицировал «Вехи» как выражение контрреволюционного либерализма²⁹.

Известный меньшевик Валентинов в статьях, помещенных в «Киевской мысли»³⁰, подчеркивал солидарность и поддержку «Вех» со стороны реакционных органов печати («Голос Москвы», «Новое время»), А. Столыпина, Антония Волынского.

Проводя мысль об идейной связи веховцев с авторами сборника «Проблемы идеализма», Валентинов справедливо усматривал в якобы отречении веховцев от «утилитаризма» их утилитаристские классовые цели. Концепцию «Вех» он называл «национальной философией» русской «национальной буржуазии»³¹.

С разоблачением «Вех» выступал и Г. В. Плеханов. Его статьи в «Социал-демократе» давали критику «Вех» по нескольким направлениям³². Плеханов показывал связь «уклона» «Вех» со сборником «Проблемы идеализма», рассматривая оба эти издания как выражение определенных фаз в развитии либерализма. Политическую направленность «Вех» он видел в борьбе с социализмом, демократией и революцией и разоблачал «гнусное лицемерие» «попреков» и «отречений» кадетов от веховцев.

Как историк общественной мысли и освободительного движения, Плеханов пронизательно усматривал связь «Вех» с историческими трудами их участников. В частности, речь идет об

«Исторических записках» Гершензона, которые Плеханов в определенном смысле считал «много характернее, нежели даже „Вехи“»³³. Это касается, по Плеханову, призывов Гершензона стать на теоретические позиции славянофилов. Рецензию Плеханова на книгу Гершензона «Исторические записки», опубликованную в 1910 г., можно рассматривать поэтому как своеобразный ответ авторам «Вех»³⁴.

В этой рецензии Плеханов показал, что Гершензон выступил в роли идеолога буржуазии, выдвигая идеалистическое религиозное мировоззрение славянофилов как единственно верное универсальное учение. Противопоставление Гершензоном религиозного мирозерцания революционно-демократическому (по Гершензону, «рационалистическому западническому»), как справедливо полагал Плеханов, сопровождалось искажением последнего. Обвинения Чернышевского в его якобы отступлении от вопросов «устроения человеческого духа», морали, нравственности, как показал Плеханов, связаны были у Гершензона прежде всего с отрицанием материалистического понимания зависимости человеческих поступков от реальной действительности. Материалистическая традиция в объяснении этой зависимости и вытекающая из этого идея о революционном ниспровержении существующего строя, традиция, идущая от Маркса к Чернышевскому, заставляет Гершензона отречься от наследия 60-х годов. Религиозная идея Гершензона, продолжает свою мысль Плеханов, «не станет шалить социализмом. Это как раз та идея, которая нужна нынешней буржуазии»³⁵.

Подлинная сущность «Вех», их всеобъемлющая классовая и политическая оценка была дана в статье Ленина.

Ленин, как уже отмечалось, выявил существенные, коренные черты веховства как политического течения. Появление «Вех» и веховства он ставил в связь с его классовыми основами, с эволюцией либерализма и его политической партии кадетов. Идеология «Вех», как показал Ленин, явилась порождением либерализма, проявлением его классовой сущности. «Либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она только служила своекорыстным целям либерализма... Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять свои задачи, отстаивать свои интересы...», и далее: «...война кадетов ведется на деле против демократического движения масс»³⁶. Ленин раскрыл, таким образом, выявленное в ходе эволюции самого либерализма (разумеется, обусловленной революционным движением народных масс) отношение либералов к подлинной демократии.

Политическую концепцию «Вех», отчетливо проявившуюся в отношении к революционным методам борьбы, в оценке революции 1905—1907 гг., утверждениях веховцев о том, что Манифестом 17 октября она должна была бы завершиться, Ленин называл программой контрреволюционной буржуазии.

Эволюция либерализма, и в частности кадетской партии, в условиях реакции определила, с одной стороны, его отношение к демократии, с другой — связь с реакционной политической властью. Ленин подчеркивал связь политики Столыпина, «министра эпохи контрреволюционных настроений в буржуазии» с «проповедью» «Вех», «обливших помоями демократию и движение масс»³⁷. Эпоху Столыпина Ленин называл ««стольпинским либерализмом» господ Струве и Милюковых»³⁸. Связь «Вех» с официальными «Московскими ведомостями», «Новым временем», Победоносцевым Ленин рассматривал как естественный политический союз реакционных сил. Следствием реакционной сущности «Вех», по мысли Ленина, являлась деятельность веховцев, направленная на то, чтобы «собирать арсенал оружия для идейно-политической борьбы с демократией и социализмом»³⁹.

Лениным был вскрыт политический смысл борьбы веховцев с идейными основами демократического движения. Защита материалистических и демократических традиций освободительного движения в лице Белинского и Чернышевского от веховских извращений велась Лениным, как защита коренных основ демократии, преемственных марксизму.

Статья Ленина «О „Вехах“», многоплановая по своему содержанию, имеет особое методологическое значение для исследователей революционного движения и общественной мысли. Она раскрывает сущность ленинского подхода к их анализу, их обусловленность классовый, партийной принадлежностью. Важным теоретическим положением этой статьи является показ Лениным органической связи современной ему политической борьбы с освободительными традициями русской революции XIX в. Эта мысль Ленина несколько позднее, в 1912 г., получит свое дальнейшее развитие в статье «Памяти Герцена».

¹ Щетинина Г. И. В. И. Ленин о русской интеллигенции.— В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе России. М., 1970; *Она же*. Интеллигенция, революция, самодержавие: (Освещение проблемы американской буржуазной историографии).— История СССР, 1970, № 6; *Петраченко В. М.* К вопросу об оценке мировоззрения Н. Г. Чернышевского в современной западногерманской буржуазной литературе.— В кн.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР. МГУ, 1975, вып. 2; *Мелентьев Ю. С.* Философия Н. Г. Чернышевского и некоторые вопросы современной идеологической борьбы.— Вопросы философии, 1978, № 6; *Сухотина Л. Г.* Проблемы ис-

тории русской революционно-демократической интеллигенции в современной англо-американской историографии.— В кн.: История и историки, 1976. М., 1979; *Карпачев И. Д.* Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979.

² *Щипанов И. Я.* Критика В. И. Лениным идеологии «Вех» и современность.— Вестник МГУ, 1970, № 2; *Ануфриев Ю. Е.* Становление веховской идеологии.— В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1971, ч. 2; *Он же*. Веховцы как идеологи контрреволюционной буржуазии и критика их В. И. Лениным.— Там же, ч. 1; *Куликов В. В.* Сборник «Вехи» и ленинская критика «ве-

- ховской» идеологии.— Учен. зап. Горьк. гос. пед. ин-та. Горький, 1971, вып. 109; *Соловьев Б. М.* «Вехи», или Катехизис предательства.— В кн.: От истории к современности. М., 1976.
- ³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 172.
- ⁴ Там же, с. 427.
- ⁵ Там же, с. 168.
- ⁶ Там же, с. 167.
- ⁷ См.: Полярная звезда, 1905, № 1, 9; 1906, № 7, 8, 10, 11.
- ⁸ Вехи. М., 1909, с. 165.
- ⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 169.
- ¹⁰ Вехи, с. 163.
- ¹¹ Вехи, с. 130—155.
- ¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 172.
- ¹³ Там же, с. 168.
- ¹⁴ Там же, с. 168—169.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Русское знамя, 1909, 5 мая, 28 июня.
- ¹⁷ Новое время, 1909, 27 апр.
- ¹⁸ Слово, 1909, 10 мая.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 330; см. также т. 19, с. 173, 174.
- ²¹ Там же, т. 19, с. 167.
- ²² Там же, т. 19, с. 168.
- ²³ *Миллюков П. Н.* Интеллигенция и историческая традиция.— В кн.: Интеллигенция в России. СПб., 1910, с. 89.
- ²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 150.
- ²⁵ Там же, т. 21, с. 59; см. также т. 22, с. 22, 23.
- ²⁶ «Вехи» как знамение времени. М., 1910.
- ²⁷ Там же, с. 12—23.
- ²⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 82.
- ²⁹ *Иорданский.* Творцы нового шума.— Современный мир, 1909, № 5.
- ³⁰ *Валентинов Н.* «Вехи».— Киевская мысль, 1909, 19, 22 апр.; *Он же.* Еще о «Вехах».— Киевская мысль, 1909, 14 мая.
- ³¹ *Валентинов Н.* «Вехи».— Киевская мысль, 1909, 19 апр.
- ³² *Плеханов Г. В.* Классы и партии в их отношении к религии и церкви.— Социал-демократ, 1909, 4(17) июня; *Он же.* О пустяках, особенно о г. Потресове.— Там же, 1910, 9 мая.
- ³³ *Плеханов Г. В.* О пустяках, особенно о г. Потресове.— Социал-демократ, 1910, 9 мая, с. 5.
- ³⁴ *Плеханов Г. В.* О книге И. Гершензона «Исторические записки»: (Исторические записки о русском обществе. М., 1910).— Избр. филос. произведения. М., 1958, т. 4, с. 773—779.
- ³⁵ Там же, с. 779.
- ³⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 170, 174.
- ³⁷ Там же, т. 20, с. 372, 373.
- ³⁸ Там же, т. 21, с. 81.
- ³⁹ Там же, с. 20, с. 117.

РОСТ КУЛЬТУРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО УРОВНЯ РАБОЧЕГО КЛАССА СССР В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (К историографии вопроса)

А. С. Сеньявский

Проблема научно-технической революции и ее влияния на различные стороны жизни советского общества получила в последние годы особое звучание. Сейчас в ее исследование включились представители большинства общественных наук: философы, экономисты, социологи, историки и т. д. Историков, наряду с другими аспектами, интересуют, прежде всего, истоки, корни данного явления, закономерности его развития и конкретные формы проявления последних.

В русле этих исследований идет изучение влияния НТР на рабочий класс СССР и роль рабочего класса в ускорении научно-технического прогресса. Важнейшими проблемами здесь являются рост культурно-технического уровня, изменения профессионально-квалификационной структуры, численности и состава рабочего класса, рост его трудовой и общественно-политической активности и, наконец, формирование рабочего нового типа под влиянием НТР.

Начало подлинно научному изучению проблемы воздействия технического прогресса на труд и его характер положили классики марксизма. Они неоднократно высказывались о значении революционных переворотов в технике и об их влиянии на все стороны общественной жизни¹. В. И. Ленин, решая практические и теоретические задачи строительства социализма, в ряду других проблем уделял большое внимание и проблеме культурно-технического роста трудящихся как составной части культурной революции. Он подчеркивал тесную взаимосвязь и взаимозависимость технического совершенствования производства и повышения культуры рабочих².

Коммунистическая партия Советского Союза, продолжая теоретический анализ указанных проблем, выработала конкретную программу претворения в жизнь марксистской теории преобразования общества и продолжает осуществлять руководство по претворению этих идей в практику. Проблема использования научно-технической революции как одного из мощных рычагов в строительстве коммунизма, и прежде всего его материально-технической базы, задача органического соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства находятся в центре внимания КПСС и Советского правительства³.

Влияя прежде всего на экономическую сферу, НТР дает возможность решить главные задачи, стоящие перед советским обществом. «Высшей среди них был и остается неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа»⁴.

Для решения экономических и социальных задач, стоящих перед страной, «нет другого пути, кроме быстрого роста производительности труда, резкого повышения эффективности всего общественного производства»⁵. Рост эффективности производства осуществляется сегодня прежде всего на основе достижений научно-технической революции, его непременным условием становится «резкое сокращение доли ручного труда, комплексная механизация и автоматизация»⁶.

На основе экономического роста и осуществляется решение таких важнейших социальных задач, как «улучшение социально-экономических и производственных условий труда, усиление его творческого характера, всемерное сокращение ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда... рост образовательного и культурно-технического уровня трудящихся... дальнейшее сближение уровня благосостояния и культуры, условий

труда и быта различных социальных групп советского общества»⁷.

В ряду этих задач решение проблемы вытеснения малоквалифицированного и тяжелого физического труда, прогрессивных сдвигов в профессиональной структуре рабочих, роста их культуры имеет особое значение, поскольку без нее невозможно дальнейшее развитие НТР, всего производства, а без этого невозможно решение важнейших социальных задач. Таким образом, обнаруживается тесная диалектическая взаимозависимость НТР и культурно-технического уровня рабочих кадров: потребности производства обуславливают рост культурно-технического уровня рабочих, последний же движет вперед НТР.

Коммунистическая партия, Советское правительство осуществляют целенаправленное руководство этими сложными процессами, оказывающими глубокое воздействие на рабочий класс. На XXIV съезде КПСС отмечалось, что «современное производство предъявляет быстрорастущие требования не к одним лишь машинам, технике, но и, прежде всего, к самим работникам, к тем, кто эти машины создает и этой техникой управляет. Специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников»⁸.

Научно-технической революции в условиях зрелого социализма посвящена обширная литература⁹. Значительно меньше работ, освещающих влияние НТР на рабочий класс, на рост его культурно-технического уровня, хотя в последние годы эта проблема исследовалась более активно, о чем свидетельствует и появление специального историографического обзора¹⁰.

Изучение роста культурно-технического уровня советского рабочего класса в послевоенный период шло очень интенсивно, буквально с каждым годом росло число посвященных ему публикаций. Сейчас историография данной проблемы насчитывает несколько сот работ.

Такой интерес объясняется как ее важностью (культурно-технический уровень рабочего класса — основной производительной силы общества — во многом определяет развитие производства, а значит, и успех коммунистического строительства, он связан с целым комплексом других характеристик рабочего класса), так и ее сложностью. Отсутствует единый подход к определению самого понятия культурно-технического уровня и методика его изучения¹¹.

Как мы увидим по ходу анализа и систематизации историографии по проблеме, не сразу исследователи поставили проблему культурно-технического уровня в прямую связь с развитием научно-технической революции в нашей стране, с соединением ее последствий с преимуществами социализма. Конечно, для исследований более раннего периода такой подход был вполне объясним самой объективной действительностью. Закономерностью же развития историографии проблемы в условиях зрелого социализ-

ма и НТР стал поворот именно к этому аспекту исследования. Несмотря на то что литература по вопросам культурно-технического уровня рабочего класса в послевоенный период охватывает несколько монографий и сотни статей, историографическому анализу ее посвящены лишь несколько небольших работ ¹².

В советской литературе имеется огромное число определений культурно-технического уровня рабочего класса. С целью уточнения этого понятия написаны специальные статьи ¹³. Характерной чертой многих определений является расплывчатость, нечеткость критериев отнесения того или иного явления к культурно-техническому уровню, а порой и полное их отсутствие. Бóльшая часть определений дается через понятия, которые сами нуждаются в раскрытии. Несмотря на такое разнообразие мнений по данному вопросу, можно все же выделить две большие группы авторов, более или менее близких по своим позициям. Одна из них суживает понятие «культурно-технический уровень», другая расширяет. К первым относятся О. В. Козлова ¹⁴, А. Н. Красин ¹⁵ и ряд других. В книге «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» ¹⁶ дано следующее расширительное определение: «...культурно-технический уровень трудящихся есть совокупность их общественно-производственного опыта, производственных и культурных навыков, общей, политической и специальной технической подготовки, которые развиваются и находят свое выражение в процессе труда, прежде всего в сфере материального производства» ¹⁷.

Еще более четко эта точка зрения выражена А. Н. Красиным, который считает, что культурно-технический уровень определяется «во-первых, уровнем общего образования и культурного развития трудящихся; во-вторых, уровнем их производственной квалификации, который зависит от специальных знаний и навыков работников; в-третьих, степенью политической сознательности и активности масс в борьбе за осуществление общественных задач» ¹⁸.

А. П. Алексащенко также считает, что в понятие культурно-технического уровня необходимо включать «вопросы идейно-политической сознательности и активности» ¹⁹.

Существует и противоположная точка зрения, имеющая не менее многочисленных сторонников. Так, в рецензии на книгу «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» В. Г. Долгадилин, В. В. Казаринов, И. С. Колубанов и Р. И. Косолапов, подчеркивая, что степень политической подготовки и сознательности относятся к сфере общественного сознания с присущей ей специфической природой, считают включение их в понятие «культурно-технический уровень» необоснованным ²⁰.

Этой же точки зрения придерживаются А. Г. Рапин ²¹, Г. А. Шистер ²², В. Е. Полетаев ²³ и др. Последний считает, что «культурно-технический уровень рабочих является совокупностью их общеобразовательных и технических знаний, производ-

ственного опыта и профессиональной подготовки»²⁴. На наш взгляд, В. Е. Полетаев дал наиболее убедительную критику «широкого» определения понятия «культурно-технический уровень». Он пишет: «Сторонники расширительного толкования термина «культурно-технический уровень» смешивают два разных понятия, из которых одно (политическая сознательность и отношение к труду) относится к категории общественного сознания (классовая категория), а другое — к специальным знаниям (общечеловеческая категория). Высокая культурно-техническая подготовка еще не превращает рабочего в активного участника социалистического производства. В то же время высокая политическая сознательность может сочетаться с низкими специальными знаниями. Для того чтобы рост культурно-технического уровня рабочего класса шел на пользу социалистическому производству, необходимо его сочетание с политической сознательностью. Но это не означает, что данный элемент общественного сознания полностью входит в понятие термина „культурно-технический уровень“»²⁵.

Анализ понятия «культурно-технический уровень» выходит за рамки небольшой историографической статьи, поэтому автор ограничился лишь кратким освещением основных точек зрения, существующих по данному вопросу.

При периодизации историографии проблемы роста культурно-технического уровня рабочего класса СССР необходимо учитывать, что исследование ее было частью изучения всего рабочего класса. Следовательно, периодизация историографии данной проблемы теснейшим образом связана с периодизацией историографии всего рабочего класса. Не меньшее значение имеет также вопрос о том, какие аспекты культурно-технического роста привлекали наибольшее внимание исследователей на том или ином этапе развития историографии.

Характерной чертой первого этапа (примерно до конца 50-х годов) было создание обобщающих работ о культурно-техническом уровне рабочего класса или даже трудящихся в целом²⁶. Однако это еще был только подход к исследованию проблемы. Большинство из обобщающих работ, вышедших в эти годы, носили описательский характер, в них, как отмечалось еще в 1960 г. в одной из первых тогда историографических работ, «ясного представления о самом существе темы... еще нет»²⁷. Несмотря на это, было положено важное начало: выявилось содержание проблемы, основные факторы, влияющие на культурно-технический уровень, делались попытки проследить закономерности в развитии последних, собирался фактический материал, проходила проверка методика исследования. В этом плане из названных работ выгодно выделяется монография О. Е. Губаревой. В ней также исследуются образовательная и профессионально-техническая подготовка, ставится вопрос об объективных предпосылках роста культурно-технического уровня, хотя и этой работе свойственны общие недостатки периода. В эти же годы начинается изучение проблемы

в республиках²⁸. Публиковались главным образом статьи либо популярные работы, и число их было незначительно. Изучались и отдельные аспекты культурно-технического роста, в частности квалификационный рост рабочих. Интересна в методическом плане книга М. Я. Сониной «Подготовка квалифицированных рабочих на производстве»²⁹.

Второй этап в исследовании проблемы культурно-технического уровня начинается с конца 50-х годов. Для этого периода характерны осмысление проблемы на более высоком научном уровне, более четкая постановка исследовательских задач, показ не только значения роста культурно-технического уровня, но и его разно-стороннего содержания, исследование основной проблематики в связи с другими сторонами развития рабочего класса СССР. Одной из первых работ этого периода можно считать книгу О. В. Козловой³⁰. Несмотря на ряд погрешностей в исследовании статистического материала, эта книга в целом вносит серьезный вклад в разработку проблемы. Исследуя повышение общеобразовательного уровня рабочих, их технических знаний и подготовки, квалификации, а также их профессиональный состав, начиная с первых лет Советской власти до конца 50-х годов, автор намечает также дальнейшие перспективы роста культурно-технического уровня рабочих, выделяя в качестве главных факторов, определяющих этот рост, технический прогресс и автоматизацию (хотя автоматизация — часть технического прогресса, автор рассматривает ее как равноценный последнему фактор). К этому же времени относятся другие работы обобщающего плана: И. А. Кирилова, Г. М. Окладного, М. И. Чистякова, А. Г. Рашина, М. Д. Плинера, В. А. Ежова и др.³¹ Несмотря на то что в них есть еще элементы описательности, немало общих рассуждений, не всегда четко выделяются составляющие культурно-технического роста, большая часть их носит серьезный исследовательский характер. Так, в работе А. Г. Рашина излагаются итоги изучения общеобразовательной и технической подготовки советских рабочих; в работе М. И. Чистякова исследуются факторы, определяющие рост культурно-технического уровня; в статье В. А. Ежова рассматриваются условия, в которых решаются задачи подъема культурно-технического уровня. Глубокий исследовательский характер большинства обобщающих работ является отличительной чертой второго периода историографии проблемы.

Другой чертой данного периода является углубленное, специальное исследование отдельных сторон роста культурно-технического уровня рабочего класса. В этом отношении выделяется книга Ф. М. Волкова «Расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы в СССР»³². Она интересна как с точки зрения выявления закономерностей роста квалификации рабочих, его значения и направлений изменения состава квалифицированных кадров, так и с точки зрения методики исследования этих процессов. Важна также и написанная в экономическом плане работа М. Я. Сониной³³. В этот период экономистами вообще

было написано много работ, освещающих тот или иной аспект культурно-технического уровня рабочих, особенно профессионально-квалификационных измерений³⁴. В большинстве из них исследуются не только уже достигнутые успехи в подготовке рабочих кадров, но и пути и методы совершенствования системы этой подготовки. Тем самым раскрывается механизм воздействия различных факторов на квалификацию рабочих, их профессиональный состав — как в ретроспективе, так и в перспективе, которая сегодня уже становится историей.

Особенно важным было начало исследования такого важного нового фактора научно-технической революции, оказывающего с каждым годом все большее влияние на различные аспекты культурно-технического роста рабочего класса, на саму личность рабочего, как автоматизация. Появление целого ряда новых профессий, изменение характера труда, сокращение удельного веса малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих, а также рабочих ручного труда, что явилось результатом технического прогресса, особенно механизации и автоматизации, изучалось в этот период очень интенсивно³⁵. Естественно, незрелость многих из этих процессов, которые часто исследовались в момент их зарождения, не позволила авторам проследить их с исчерпывающей полнотой, однако наметившиеся их закономерности были вскрыты именно в этот период.

Вместе с тем специально исследовались собственно профессиональные изменения в составе рабочего класса — правда, не так широко, как другие аспекты проблемы культурно-технического уровня³⁶. Различные вопросы культурно-технического роста нашли отражение в тогда еще единственном обобщающем монографическом исследовании по истории рабочего класса СССР в послевоенный период³⁷.

Среди социологических работ важнейшим исследованием в этой области явилась коллективная работа «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса»³⁸. Она выполнена на основе данных по Уралу. Это исследование интересно как с точки зрения примененной в нем методики конкретной социологии к изучению данной проблемы, так и с точки зрения выявления влияния технического прогресса на повышение образования рабочих, их квалификации и др., а также роли культурно-технического роста рабочих в развитии и совершенствовании производства. Значение этого исследования выходит далеко за рамки Урала, хотя не всегда оправдано перенесение местных закономерностей на общесоюзные процессы.

Важной новой чертой, характерной для данного периода историографии проблемы, было и значительное возрастание числа работ, освещающих руководство КПСС процессами повышения культурно-технического уровня рабочего класса (правда, в основном на местном или республиканском материале³⁹), а также роль общественных организаций в борьбе за их ускорение⁴⁰. Эти годы вообще отличаются возрастанием количества работ,

написанных на национальных материалах, как правило, по культурно-техническому уровню в целом. Правда, монографических исследований было мало, но количество статей значительно.

Новый, третий этап в развитии советской историографии проблемы культурно-технического уровня рабочего класса начинается в конце 60-х годов. Для этого этапа характерно рассмотрение проблемы в тесной связи с другими проблемами роста рабочего класса, в их комплексе; появление монографических исследований о рабочем классе в национальных республиках, при этом и вопросы культурно-технического уровня рабочих в целом находят освещение, наконец интенсивное исследование проблемы научно-технической революции (в ряде работ прослеживается ее связь с отдельными вопросами культурно-технического роста рабочего класса, и прежде всего с вопросами его профессиональных и квалификационных изменений). Первая тенденция проявилась в создании обобщающих коллективных и индивидуальных монографических трудов по истории рабочего класса. В 1969 г. вышла коллективная монография «Рабочий класс СССР (1951—1965)», где в ряду других проблем освещается рост образовательного уровня, улучшение качественного состава рабочих, профессиональные изменения в их составе. В одной из глав анализируется общеобразовательная подготовка рабочих, формы их профессионально-технического образования, повышение квалификации.

Проблема культурно-технического роста рабочего класса нашла отражение и в двух других коллективных монографиях^{41—42}. Особенно важна вторая книга, в которой комплексно рассматривается ведущая роль рабочего класса СССР, его количественные и качественные изменения.

Не меньший вклад в изучение рабочего класса СССР внесли индивидуальные монографические исследования. В 1970 г. вышла монография О. И. Шкаратана⁴³. В ней освещается влияние НТР на профессионально-квалификационную структуру рабочего класса, изменения в его образовательном уровне и профессиональной подготовке.

К 1971 г. относится появление монографии С. Л. Сенявского и В. Б. Тельпуховского⁴⁴. В книге комплексно рассматриваются различные проблемы развития рабочего класса СССР, и в их ряду проблема культурно-технического роста. В частности, были подвергнуты анализу проблема совершенствования системы подготовки и повышения квалификации индустриальных кадров (развитие системы профессионально-технического образования, подготовка квалифицированных кадров на производстве, повышение квалификации рабочих и др.), изменения в квалификационном составе рабочих. При более общей постановке вопроса и в рамках более широкого комплекса социальных проблем культурно-технический рост рабочего класса рассматривается и в другой монографии С. Л. Сенявского⁴⁵. В ней значительное внимание уделено влиянию технического прогресса на данный процесс.

Ряд аспектов проблемы затрагивается в статьях Л. А. Гордона и Э. В. Клопова ⁴⁶.

В 1973 г. вышла монография Л. С. Бляхмана и О. И. Шкаратана ⁴⁷. Рассматривая основные черты научно-технической революции в СССР и ее влияние на рабочий класс и интеллигенцию, авторы поднимают также вопрос о влиянии НТР на профессионально-квалификационные изменения в составе рабочего класса. Указанные проблемы освещаются и в работе В. А. Ежова ⁴⁸.

Комплексное рассмотрение проблем и в их ряду проблемы культурно-технического роста — характерная черта данного периода историографии рабочего класса — проявилось и в создании обобщающих монографий, коллективных и индивидуальных, на материалах национальных республик ⁴⁹.

Особенностью данного периода историографии можно считать и пристальное внимание исследователей к самому содержанию проблемы культурно-технического уровня рабочего класса СССР, многочисленные попытки определить это понятие. Этому посвящались специальные статьи ⁵⁰.

Абсолютное большинство работ первого и второго периодов, в том числе и часть наиболее ценных исследований проблемы, написаны экономистами и философами. Их работы представляют большой интерес и для историков, но все же они не дают конкретно-исторического освещения проблемы, ставят главный акцент либо на уже достигнутом к моменту исследования, на результате, не изучая процесс, либо добавляя к этому прогнозы на ближайшую и отдаленную перспективу. Только в третий период, в последнее десятилетие, наметился, как видно из предыдущего анализа, явный сдвиг места исторических работ в исследованиях роста культурно-технического уровня рабочего класса как в целом, так и отдельных его сторон, а также и в изучении роли научно-технического прогресса в этом процессе. Историки вносят теперь также серьезный вклад в исследование указанных проблем, и это является еще одной отличительной чертой третьего этапа.

В третий период продолжалось и изучение специально культурно-технического уровня рабочего класса СССР в целом, хотя монографических исследований не появилось. Это в какой-то степени отражает закономерность изучения любой проблемы — от постановки наиболее общих и важных вопросов, определения границ проблемы (на первом этапе), когда необходим сбор материала и осмысление его в рамках специальных монографий, через уточнение и углубление исследования проблемы (на втором), когда в научный оборот вводится и региональный материал — к изучению вопроса в рамках более широких проблем (всего рабочего класса и социальной структуры в целом), нахождение взаимосвязей с этой более широкой проблематикой (на третьем этапе). Одновременно в третий период продолжается специальное изучение темы (идет накопление материала на по-

вом, более высоком теоретическом уровне, но его еще недостаточно для специальных монографических исследований).

Большой вклад в теоретический анализ проблемы культурно-технического уровня вносят две статьи М. П. Кима⁵¹. Первая статья посвящена рабочему классу как субъекту и объекту культуры социализма, вторая имеет общеметодологическое значение. В статье «Проблемы развития социалистической культуры» М. П. Ким, в частности, рассматривает культурно-технические знания и навыки как составной элемент общей культуры и определяет культурно-технический уровень как «профессиональное преломление общей культуры в деятельности работников материального производства и других сфер труда, связанных с применением техники, углубление ее в специальных направлениях сообразно с требованиями повышения производительности труда, его эффективности»⁵².

В качестве конкретного исследования интерес представляет статья А. В. Смирнова, в которой автор предпринял попытку «очертить круг основных вопросов проблемы, наметить их решение путем характеристики изменений в культурно-техническом уровне рабочего класса в 1959—1976 гг., выявить связи между развитием техники и личностью рабочего»⁵³. Это первая обобщающая статья по данной проблеме, охватывающая весь период развитого социализма. В последние годы продолжалось изучение роли КПСС в руководстве процессом культурно-технического роста рабочего класса, теперь уже и в масштабах всей страны⁵⁴, а не только отдельных республик, областей или городов.

Влияние научно-технического прогресса на культурно-технический рост рабочих продолжает оставаться в центре внимания исследователей, особенно экономистов. Здесь были достигнуты большие успехи. Продолжается изучение влияния на рабочих автоматизации в различных аспектах⁵⁵, всего комплекса разнообразных факторов технического прогресса на культурно-технический рост, совершенствование системы подготовки кадров, на структуру рабочего класса⁵⁶.

Наиболее ценным здесь является исследование В. В. Кривич⁵⁷. В нем подробно рассматриваются изменения в профессионально-квалификационном составе, характере и содержании труда рабочих основных отраслей производства, пути и методы повышения их квалификации и влияние технического прогресса на все эти процессы. Глубокое вскрытие их механизма позволило автору поставить вопрос и о перспективе развития структуры рабочих кадров, и о путях совершенствования профессионально-технического образования рабочих и т. п.

К этому периоду относится создание обобщающих работ по профессиональному составу рабочих⁵⁸, важнейшей из которых является работа О. И. Шафрановой. Экономистами интенсивно исследовалась проблема подготовки рабочих кадров⁵⁹.

Из специальных работ можно назвать статью Н. Б. Жуковой «Рост культурно-технического уровня индустриальных рабочих

в период развитого социализма»⁶⁰, выполненную на большом статистическом материале.

Таким образом, подводя итоги анализа историографии проблемы, можно сказать, что за эти годы (1950—1978 гг.) был поставлен и успешно решен целый ряд вопросов, изучена в целом профессионально-квалификационная структура рабочего класса, рост его образовательного уровня, изучалась система подготовки квалифицированных кадров, в значительной степени прослеживается деятельность КПСС и Советского правительства, направленная на повышение культурно-технического уровня рабочего класса. Значительно меньше внимания было уделено анализу конкретных факторов, влиявших на эти процессы, путей и механизмов их воздействия. Проблема влияния НТР на культурно-технический уровень рабочих не является исключением.

Именно влияние НТР на прогрессивные сдвиги в профессионально-квалификационном составе рабочих кадров, на изменения в характере и содержании их труда должны быть сегодня поставлены в центр исследований по проблеме роста культурно-технического уровня рабочего класса. Данные процессы лежат в основе роста культурно-технического уровня современных советских рабочих. Они соответствуют экономической стратегии КПСС, выработанной на XXV съезде партии, основные социальные последствия которой направлены на улучшение социально-экономических и производственных условий труда и рост культурно-технического уровня трудящихся⁶¹, в первую очередь рабочего класса.

Определяя важнейшие направления развития научных исследований в области общественных наук, XXV съезд КПСС указал на необходимость «исследовать теоретические проблемы развитого социализма, закономерности его перерастания в коммунизм, механизм их действия и использования»⁶². Историки широким фронтом включились в разработку этих проблем. Им предстоит дальнейшее исследование многосторонней и комплексной проблемы влияния НТР на рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР, многие аспекты которой пока что изучены недостаточно.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 498; т. 32, с. 460, 461.

² Анализ ленинских характеристик указанных проблем см.: *Александренко А. П.* В. И. Ленин о социальном содержании проблем культурно-технического роста рабочего класса.— В кн.: В. И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период. М., 1973.

³ Характеристику НТР и ее социальных последствий в партийных документах см.: Программа КПСС

М., 1976, с. 27; Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966, с. 44; Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 57; Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 47; и др.

⁴ Материалы XXV съезда КПСС, с. 39—40.

⁵ Там же, с. 43.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 215—216.

⁸ XXIV съезд КПСС: Стенографический отчет. М., 1971, т. 1, с. 65.

⁹ *Касьяненко В. И.* Историография научно-технической революции и соединения ее достижений с преи-

- муществами развития социализма.— В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1974. М., 1976; *Пивовар Е. И.* Новые исследования о научно-технической революции.— Вопросы истории, 1976, № 2.
- ¹⁰ *Лельчук В. С., Пивовар Е. И.* Научно-техническая революция и рабочий класс СССР: (К историографии проблемы).— В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1975. М., 1978.
- ¹¹ *Ворожейкин И. Е.* О некоторых вопросах историографии советского рабочего класса.— В кн.: Очерки по историографии советского общества, с. 272; *Зиновьев М. Н.* Отражение понятия «культурно-технический уровень рабочего класса» в научной литературе.— В кн.: Рабочий класс СССР на современном этапе. Л., 1976, вып. 4, с. 84.
- ¹² *Борисов Ю.* Ближе к жизни: (По поводу литературы о росте культурно-технического уровня трудящихся).— Коммунист, 1960, № 3; *Александренко А. П.* Вопросы культурно-технического роста советского рабочего класса в исторической литературе после XX съезда КПСС.— В кн.: Очерки по историографии советского общества. М., 1967; *Найда С. Ф., Фрейлихер Д. Я.* Проблема роста культурно-технического уровня рабочего класса СССР в советской историографии.— Вопросы истории, 1969, № 12; *Андросенкова Э. М.* Проблема культурно-технического уровня рабочего класса СССР в советской историографии конца 50-х — начала 70-х годов.— В кн.: Рабочий класс СССР на современном этапе, вып. 4.
- ¹³ *Ежов В. А.* К вопросу об источниках пополнения современного рабочего класса и определении понятия «культурно-технический рост».— В кн.: Вопросы историографии рабочего класса СССР. М., 1970; *Зиновьев М. Н.* Отражение понятия «культурно-технический уровень рабочего класса» в научной литературе.— В кн.: Рабочий класс СССР на современном этапе, вып. 4.
- ¹⁴ *Козлова О. В.* Подъем культурно-технического уровня рабочего класса СССР. М., 1959.
- ¹⁵ *Красин А. Н.* О преодолении существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом. М., 1960.
- ¹⁶ Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М., 1961, с. 14.
- ¹⁷ М. Т. Иовчук сформулировал это определение в 1960 г. См.: Вопросы философии, 1960, № 7, с. 37.
- ¹⁸ *Красин А. Н.* Указ. соч., с. 54.
- ¹⁹ В. И. Ленин и некоторые вопросы изменения социальной структуры советского общества в переходный период, с. 221.
- ²⁰ Вопр. философии, 1962, № 2, с. 164—168.
- ²¹ *Рашин А. Г.* Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в 1917—1958 гг.— История СССР, 1961, № 2.
- ²² *Шистер Г. А.* Компартия Узбекистана в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочего класса (от XX к XXII съезду КПСС). Ташкент, 1965.
- ²³ *Полегаев В. Е.* Основные направления в изучении советского рабочего класса послевоенной эпохи.— В кн.: Вопросы историографии рабочего класса СССР.
- ²⁴ Там же, с. 257.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Штылько А.* Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР. М., 1952; *Он же.* Подъем культурно-технического уровня трудящихся СССР. М., 1953; *Губарева О. Е.* Подъем культурно-технического уровня рабочего класса. М., 1955; *Парамонов Н.* Культурно-технический рост трудящихся СССР. М., 1956; *Окладный Г. М.* Подъем культурно-технического уровня рабочего класса. Харьков, 1957.
- ²⁷ *Борисов Ю.* Ближе к жизни: (По поводу литературы о росте культурно-технического уровня трудящихся).— Коммунист, 1960, № 3, с. 150.
- ²⁸ *Бельский И.* О повышении культурно-технического уровня рабочих.— Коммунист Белоруссии, 1956, № 2; *Окладный Г. М.* Подъем культурно-технического уровня рабочего класса.
- ²⁹ *Сонин М. Я.* Подготовка квалифицированных рабочих на производстве. М., 1954.

- ³⁰ *Козлова О. В.* Указ. соч.
- ³¹ *Кириллов И. А.* Подъем культурно-технического уровня трудящихся в современных условиях. М., 1961; *Окладный Г. М.* Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М., 1961; *Чистяков М. И.* Повышение культурно-технического уровня трудящихся СССР. М., 1962; *Рашин А. Г.* Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в 1917—1958 гг.: (Историко-статистический очерк).— История СССР, 1961, № 2; *Плинер М. Д.* Повышение культурно-технического уровня рабочего класса.— В кн.: Вопросы марксистской социологии: Сб. ст. М., 1962; *Ежов В. А.* Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в период перехода к коммунизму.— В кн.: Формирование и развитие советского рабочего класса (1917—1961 гг.). М., 1964.
- ³² *Волков Ф. М.* Расширенное воспроизводство квалифицированной рабочей силы. М., 1961.
- ³³ *Сонин М. Я.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М., 1959.
- ³⁴ *Плинер М. Д.* Воспроизводство рабочей силы в промышленности СССР. Л., 1964; *Сонин М. Я.* Актуальные проблемы использования рабочей силы. М., 1965; *Белкин В. В.* Профессиональное разделение труда и подготовка рабочих кадров в СССР. 1966; *Шарапов В. В.* Пути совершенствования подготовки рабочих кадров. М., 1967.
- ³⁵ *Осипов А., Коваленко П., Петров Е.* Советский рабочий и автоматизация. М., 1960; *Родригес Х., Вул С. И.* Формирование рабочих широкого профиля. М., 1964; *Вейнберг А. М.* Влияние технического прогресса на характер труда. М., 1964; и др.
- ³⁶ *Смирнов А. В.* Профессиональные изменения в составе рабочего класса СССР.— Вопросы истории, 1967, № 3; и др.
- ³⁷ *Сенявский С. Л.* Рост рабочего класса СССР (1951—1965 гг.). М., 1966.
- ³⁸ Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М., 1961.
- ³⁹ *Шистер Г. А.* Компартия Узбекистана в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочего класса (от XX к XXII съезду КПСС). Ташкент, 1965; *Ф. М. Иваненко.* Борьба КПСС за повышение культурно-технического уровня рабочего класса в период коммунистического строительства (по материалам московских предприятий).— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1967, № 289.
- ⁴⁰ *Плешин Ю.* Профсоюзы СССР в борьбе за подъем культурно-технического уровня рабочего класса в годы семилетки. Л., 1965.
- ^{41—42} Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974; Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма. М., 1975.
- ⁴³ *Шкараган О. И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР: (Историко-социологическое исследование). М., 1970.
- ⁴⁴ *Сенявский С. Л., Тельпуховский В. Б.* Рабочий класс СССР (1938—1965 гг.). М., 1971.
- ⁴⁵ *Сенявский С. Л.* Изменения в социальной структуре советского общества (1930—1970). М., 1973.
- ⁴⁶ *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Социальное развитие рабочего класса и изменение его структуры.— В кн.: Рабочий класс, производственный коллектив, научно-техническая революция. М., 1971; *Они же.* Социальное развитие рабочего класса в СССР.— Вопросы философии, 1972, № 2; *Они же.* Культура и быт городских рабочих.— В кн.: Культура развитого социализма, некоторые вопросы теории и истории. М., 1978.
- ⁴⁷ *Бляхман Л. С., Шкараган О. И.* НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973.
- ⁴⁸ *Ежов В. А.* Рабочий класс СССР: Социально-политический очерк. Л., 1974.
- ⁴⁹ Развитие рабочего класса Молдавской ССР (1940—1965). Кишинев, 1970; *Абдушукуров Т. Р.* Закономерности и особенности культурно-технического роста рабочего класса Узбекистана. Ташкент, 1971; *Шелест Д. С.* Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Украинской ССР (1959—1970 гг.). Днепропетровск, 1971.
- ⁵⁰ См., напр.: *Ежов В. А.* К вопросу об источниках пополнения современно-

- менного рабочего класса и определение понятия «культурно-технический рост». — В кн.: Вопросы историографии рабочего класса СССР. 1970; *Полегаев В. Е.* Основные направления в изучении советского рабочего класса послевоенной эпохи. — Там же.
- 51 *Ким М. П.* Рабочий класс и культурный прогресс социализма. — В кн.: Роль рабочего класса в развитии советской культуры. М., 1976; *Он же.* Проблемы развития социалистической культуры: (Некоторые теоретические аспекты). — В кн.: Культура развитого социализма: Некоторые вопросы теории и истории. М., 1978.
- 52 *Ким М. П.* Проблемы развития социалистической культуры: (Некоторые теоретические аспекты), с. 8—9.
- 53 *Смирнов А. В.* Рост культурно-технического уровня советского рабочего класса в период развитого социализма. — Вопросы истории, 1978, № 3, с. 4.
- 54 *Зиновьев М. Н.* Коммунистическая партия и повышение культурно-технического уровня рабочего класса. Л., 1977; *Партийное руководство ростом культурно-технического уровня рабочего класса.* — В кн.: Партия и рабочий класс в условиях строительства коммунизма. М., 1973; и др.
- 55 *Громов А., Мнушкин А.* Автоматизация производства и рабочий коллектив. — Рабочий класс и современный мир, 1971, № 1.
- 56 *Суханкина А.* Основные условия культурно-технического роста советского рабочего класса в развитом социалистическом обществе. — В кн.: Проблемы научного коммунизма. М., 1972; *Гимадеева Р. А., Песошин А. П., Мазо Б. М.* Технический прогресс и повышение культурно-технического уровня рабочего. Казань, 1973; *Андрукович Л. П., Клопов Э. В.* Научно-техническая революция и повышение образованности рабочего класса СССР в условиях развитого социализма (60—70-е годы). — История СССР, 1977, № 6; *Новгородский Ю. Ф., Оттенберг Н. Н., Хайкин Н. М.* Технический прогресс и совершенствование подготовки кадров. М., 1973; *Колбановский В. В.* Влияние научно-технического прогресса на структуру рабочего класса в СССР. — В кн.: Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976; и др.
- 57 *Кривневич В. В.* Влияние научно-технического прогресса на изменение структуры рабочего класса СССР: Итоги и перспективы. М., 1971.
- 58 *Шафранова О. И.* Профессиональный состав рабочих промышленности СССР. М., 1972; *Максимов Г. М.* Изменения в профессиональном составе трудящихся СССР (1959—1970). — История СССР, 1974, № 5.
- 59 *Батышев С. Я.* Формирование квалифицированных рабочих кадров в СССР. 2-е изд. М., 1974; *Москович В. М.* Проблемы подготовки рабочих кадров. М., 1974; *Клочков И. Д.* Совершенствование подготовки квалифицированных рабочих. М., 1975.
- 60 Актуальные проблемы истории советского рабочего класса. М., 1975.
- 61 Материалы XXV съезда КПСС, с. 215, 216.
- 62 Там же, с. 214.

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 20-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ

Э. Урибес

Балканская политика России накануне первой мировой войны, начиная с Боснийского кризиса 1908 г., занимает видное место в советской историографии внешней политики дореволюционной России. Это связано с тем, что в это время Балканы становятся «пороховым погребом» Европы, превращаются в очаг надвигающегося мирового конфликта, в один из главных пунктов империалистических противоречий, прежде всего между австро-германским блоком и царской Россией. Кризисное положение на Балканах было связано с внутренним разложением Османской империи и со сложным переплетением национально-освободительной борьбы балканских народов против турецкого владычества, с захватническими устремлениями правящих кругов балканских стран. Все это делало Балканы для правящих кругов обеих империалистических коалиций удобным районом для пробы сил и в конечном итоге для развязывания войны.

Начало освещения и разработки истории балканской политики России было положено в 20-е годы активной работой советских историков по изданию важнейших дипломатических и военных документов из архивов царского правительства, разоблачавших грабительский, захватнический характер политики европейских государств, приведшей к первой мировой войне. Уже в самых первых советских публикациях документов, изданных Народным комиссариатом по иностранным делам¹, содержались весьма важные документы, характеризовавшие балканскую и неразрывно с ней связанную ближневосточную политику России рассматриваемого периода². В «Сборнике секретных документов...» были обнародованы сербско-болгарский союзный договор и военная конвенция 1912 г., послужившие основой для образования Балканского союза и подготовки войны балканских государств против Турции; сербско-болгарский договор 1904 г.; русско-болгарская конвенция 1902 г. и проект соглашения между Болгарией и Россией 1910 г.; итало-австрийское соглашение по балканским делам 1913 г. и др. В «Вестнике НКВД» были опубликованы также протоколы Особых совещаний 1908, 1913 и начала 1914 г., созванных царским правительством в критические с точки зрения интересов самодержавия моменты обострения ближневосточного вопроса.

Вслед за первыми советскими публикациями стали выходить тематические документальные сборники. Среди них особое значение для рассматриваемой темы имеют «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.» (М., 1922). Этот

сборник содержит документы, отражающие балканскую политику России и франко-русские отношения в период албанских восстаний 1911—1912 гг., итало-турецкой войны, назревания военного конфликта между странами Балканского союза и Турцией и во время Балканских войн. Ряд документов проливает свет на безуспешные попытки русской дипломатии добиться осенью 1911 г. от европейских держав, и прежде всего от Франции, признания «особых интересов» царской России в проливах, на демарш Чарыкова в Константинополе и реакцию на него Турции и европейских кабинетов. Целая подборка документов освещает развитие Ближневосточного кризиса 1913 г., вызванного миссией Лима-фон Сандера.

В сборнике «Константинополь и Проливы»³ представляет интерес богато документированная вводная статья Е. А. Адамова, дающая ценный материал для характеристики Балканского кризиса 1911—1913 гг. Важные документы для изучения балканской политики России накануне первой мировой войны были опубликованы на страницах журнала «Красный архив»⁴. Они показывают политику России на различных этапах формирования и деятельности четверной коалиции балканских государств, освещают позицию царского правительства в вопросе о черноморских проливах, проливают свет на позицию великих держав в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и австро-германской экспансией на Балканах и Ближнем Востоке, раскрывают некоторые стороны младотурецкого режима в Турции, оказывавшие влияние на положение на Балканах.

В 30-е годы было положено начало фундаментальной систематической публикации документов «Международные отношения в эпоху империализма»⁵. Тома XVIII—XX (в шести книгах) второй серии «Международных отношений» вводили в научный оборот дипломатические документы первостепенного значения для изучения балканской и ближневосточной политики царизма за период с мая 1911 по октябрь 1912 г. В частности, они позволяли с достаточной подробностью проследить политику царского правительства во время албанских восстаний 1911 и 1912 гг., итало-турецкой войны 1911—1912 гг., ход переговоров между балканскими союзниками по заключению Балканского союза и отношение к этому России, позицию великих держав летом-осенью 1912 г., т. е. в период нарастания военного конфликта балканских государств с Турцией и т. д. Научное освоение богатейшего материала этой публикации приходится, однако, на последующий период советской историографии балканской политики России и находится за пределами нашего рассмотрения.

Исследовательская разработка балканской политики России накануне первой мировой войны в период 20-х — первой половины 30-х годов развертывалась почти одновременно с публикаторской деятельностью советских историков. В области изучения балканской политики меньше всего сказывался известный разрыв между публикаторско-публицистической и научно-исследовательской

деятельностью советских историков, закономерно присущий периоду становления советской исторической науки.

Балканская проблематика затрагивалась и разрабатывалась как в общих трудах по внешней политике России и международных отношений⁶, так и в специальных монографиях⁷ и исследовательских статьях. Большое научное и актуальное политическое значение имели вводные статьи к публиковавшимся документам и тематическим документальным сборникам, написанные М. Н. Покровским, такими историками-международниками, ставшими впоследствии известными учеными, как В. М. Хвостов, Е. А. Адамов, А. Л. Попов и др.

Рассматриваемый период советской исторической науки был периодом становления и освоения советскими учеными марксистско-ленинской методологии истории, ленинской теории империализма и социалистической революции, его концепции российского империализма. Большую роль в этом процессе сыграл крупнейший советский историк старшего поколения М. Н. Покровский. М. Н. Покровский уделял большое внимание и внешнеполитической тематике, он много сделал для ниспровержения великодержавно-шовинистических концепций дореволюционной русской буржуазно-помещичьей историографии, первостепенное значение придавал выяснению проблемы классовой основы внешней политики дореволюционной России. М. Н. Покровский часто обращался к проблеме происхождения первой мировой войны, выявлению ее захватнического антинародного характера. Разоблачая в первую очередь российский царизм и империализм, М. Н. Покровский, правда, нередко преувеличивал его агрессивность, роль в подготовке и развязывании мировой войны. Это сказывалось и на трактовке балканской и ближневосточной политики России. М. Н. Покровский справедливо придавал первостепенное значение русско-германским противоречиям в этом регионе, хотя явно недооценивал агрессивные устремления германского и австро-венгерского империализма.

Взгляды М. Н. Покровского по внешнеполитическим вопросам необходимо рассматривать в эволюции, в развитии всей советской исторической науки: освоение ленинского теоретического наследия, исследование нового конкретного фактического материала продвигало вперед изучение тех или иных проблем, позволяло отказываться от неверных положений, выводов и оценок. Так произошло с его концепцией «торгового капитала» и с некоторыми другими вопросами. Однако вначале в конкретном раскрытии классовой природы внешней политики России, ее роли в возникновении мировой войны М. Н. Покровский исходил из этой ошибочной и во многом противоречивой концепции определяющего влияния торгового капитала на внешнюю политику царизма, его якобы извечной борьбы за торговые пути. Исходя из этого, он преувеличивал значение черноморских проливов во внешней политике России, вся балканская и ближневосточная политика России тенденциозно рассматривалась им сквозь призму движения

России к проливам, что явилось якобы одной из главных причин первой мировой войны⁸. М. Н. Покровский неправомерно преувеличивал и внутриполитические и иные мотивы стремления царизма к Константинополю и проливам, объясняя их необходимостью для правящих кругов России победоносной войны с Турцией с целью упрочения внутривосточного положения и внешнеполитического престижа после первой русской революции и позорного поражения в русско-японской войне⁹.

Русская дипломатия попыталась перейти к наступательной политике на Балканах вначале на традиционной основе заключения новых соглашений с Австро-Венгрией, но, потерпев в этом неудачу, после Боснийского кризиса стала опираться на балканские государства¹⁰.

При характеристике причин возникновения и роли России в образовании Балканского союза М. Н. Покровский сделал много верных и интересных наблюдений, которые иногда противоречили его общей концепции. Он показал, что инициатива объединения в союз исходила от самих балканских государств, а итало-турецкая война и албанские восстания стали катализаторами в этом процессе¹¹⁻¹². Однако в оценке некоторых других конкретных вопросов военно-политической направленности Балканского союза и политики России по отношению к нему М. Н. Покровский допускал неверные и противоречивые оценки.

В своей более поздней работе М. Н. Покровский вносит некоторые уточнения в оценку Балканского союза, отмечая, что этот союз одинаково был направлен как против Турции, так и против Австро-Венгрии, но они не меняли его общей концепции балканской политики России накануне первой мировой войны¹³. Мимоходом упоминает М. Н. Покровский и о проектах создания Балканской конфедерации, включая и Турцию, но считает их лишь отвлекающим маневром русской дипломатии, желавшей сохранить в глубокой тайне создание Балканского союза¹⁴.

К заслугам М. Н. Покровского следует отнести в целом правильную характеристику национально-освободительных процессов, происходивших на Балканах, и освоение им ленинских взглядов по вопросу о социально-политических последствиях Балканских войн для судеб самих балканских народов¹⁵.

В целом же во многом ошибочная концепция происхождения первой мировой войны М. Н. Покровского накладывала печать и на трактовку балканской и ближневосточной политики России. Выдвинутые М. Н. Покровским тезисы не были обоснованы конкретным фактическим материалом, и многие из них еще при его жизни были опрокинуты исследователями, в том числе его учениками, правда, не покушавшимися на общие выводы и оценки М. Н. Покровского.

Под непосредственным воздействием общей внешнеполитической концепции М. Н. Покровского и его взглядов на балканскую и ближневосточную политику царской России накануне мировой войны в центре публикаторской и исследовательской

деятельности советских историков, занимавшихся данной проблематикой, оказались две взаимосвязанные темы: создание Балканского союза, его эволюция и вопрос о черноморских проливах. В сравнении с представлениями М. Н. Покровского многие из них, в частности Е. А. Адамов, Я. М. Захер, А. Л. Попов, В. М. Хвостов и др. сделали определенный шаг вперед, наполнив конкретно-историческим содержанием некоторые схематические положения, вошедшие в историографию вопроса. Данная указанными авторами трактовка рассматриваемых проблем на деле подрывала многие из выдвинутых М. Н. Покровским тезисов: о наступательном, агрессивном характере политики царизма на Балканах и Ближнем Востоке накануне мировой войны, о стремлении вызвать войну с Турцией для овладения проливами. Вместе с тем, считая вопрос о черноморских проливах ключевым в определении внешней политики России в этом районе, они, вслед за М. Н. Покровским, преувеличивали его значение.

В серии статей Я. М. Захер исследовал позицию царизма в вопросе о черноморских проливах в период от русско-японской войны и до окончания Балканских войн¹⁶. Основанные на опубликованных и в значительной степени новых архивных материалах, они раскрывали историю дипломатических акций царизма в 1908 и 1911 гг., направленных на изменение режима черноморских проливов в пользу России, и реакцию на них европейских держав. В условиях резкого ослабления Турции и подготовки двух враждующих империалистических группировок к мировой схватке в правящих кругах России утвердилось мнение, что удовлетворительным решением вопроса о проливах с точки зрения интересов России могло быть лишь полное овладение ими¹⁷. Поскольку Россия в период Балканских войн 1912—1913 гг. еще не была готова к мировой войне, в ходе которой она только и могла подобным образом решить вопрос о проливах, перед ее дипломатией стояла задача не допустить захвата проливов какой-либо другой державой, в первую очередь Германией, и дипломатическим путем приобрести все то, что могло в будущем облегчить выполнение задачи по овладению проливами. Правильно показав все это на конкретном материале, автор все же не сформулировал вывода о скорее оборонительном, нежели наступательном характере акций царской дипломатии, предпринятых в момент угрозы нарушения балканского и ближневосточного статус-кво.

Со сходной точкой зрения выступил и Е. А. Адамов. Исходным моментом рассуждений автора являлась обоснованная констатация факта, что с 1908 г. царская Россия вынуждена была постоянно иметь в виду, что на Балканах и Ближнем Востоке сложилась такая неустойчивая ситуация, которая в любой момент, независимо от воли и интересов царизма, могла вызвать постановку Восточного вопроса в полном объеме, была чревата возможностью нарушения сложившегося равновесия сил в этом районе. Сложность для русской дипломатии состояла в том, что в силу военной и внутривластной слабости Россия не могла

вести никакой иной политики на международной арене, кроме строго оборонительной, и должна была отстаивать свои интересы только дипломатическими средствами. У дипломатии в руках был «рычаг без точки опоры» внутри страны¹⁸. Лишь после Боснийского кризиса, по мнению автора, этот рычаг начал постепенно приобретать точку опоры вовне, в поддержке Франции и Англии, и русская политика на Балканах активизировалась как по мере усиления боевой мощи страны, так и по мере поддержки союзников. В период 1908—1911 гг. русская дипломатия перед угрозой крушения равновесия на Балканах попыталась дипломатическим путем добиться изменения режима плавания в черноморских проливах для русских военных судов, сначала с помощью Австро-Венгрии и Германии, потом с помощью союзников в Париже и Лондоне, но и тут потерпела поражение. И наконец, в 1911 г. она решилась опереться на балканские государства, вступила в посредничество между ними и Турцией и потерпела третье по счету поражение¹⁹. Позиция русской дипломатии в вопросе о проливах представлена Е. А. Адамовым выжидательной, сдержанной и охранительной²⁰. Царское правительство считало преждевременным и опасным поднимать этот вопрос или вставать на путь получения компенсаций после окончания Балканских войн²¹. Не были похоронены и надежды на установление после Балканских войн лучших отношений с Турцией на основе обоюдной заинтересованности в предотвращении перехода проливов во владение какой-либо третьей державы²².

А. Е. Адамов показал двойственность поведения царской дипломатии в период Ближневосточного кризиса конца 1913 г., связанного с миссией Лимана фон Сандерса: с одной стороны, стремление избежать в данный момент войны с Германией, а с другой — опасение как бы уступки со стороны царской России не были расценены ее союзниками, Англией и Францией, как проявление слабости и желание любой ценой избежать войны²³. Е. А. Адамов показал, что начиная с осени 1913 г. царское правительство стало уделять вопросу о проливах особо пристальное внимание, что было связано с дальнейшим внутренним разложением Турции, усилением германского влияния в стране и ее вооруженных силах, а также с возможными внутривосточными осложнениями в Габсбургской монархии, что могло привести к международным осложнениям в этом районе и открытию так называемого Восточного вопроса. К началу 1914 г. в правительственных сферах Петербурга утвердилось мнение, что овладение Константинополем и проливами возможно только в обстановке мировой войны, но и тогда у царской России, как оказалось после обсуждения данного вопроса в Особом совещании в феврале 1914 г., не было в наличии достаточных военных сил для военной акции в этом районе. Таким образом, никаких практических мер для решения вопроса о проливах накануне мировой войны принято не было, он так и остался на стадии обсуждений²⁴.

Фактически к такому же выводу приходил и А. Л. Попов, рассматривая события на Балканах в 1912 г. В каких бы формах политика царской России на Балканах ни проявлялась, формы эти оказывались различными сторонами одной и той же неизменной для политики царизма сущности — его тяготения к проливам. Однако при расстройстве военной мощи не приходилось помышлять о какой-либо акции по прямому захвату черноморских проливов и оставалось рассчитывать на длительный процесс мирного проникновения или дипломатическую игру²⁵.

Таким образом, в целом труды Я. М. Захера, Е. А. Адамова, А. Л. Попова содержали много новых и важных выводов относительно конкретной политики царизма в вопросе о проливах в 1908—1914 гг., проливавших свет и на балканскую политику. Однако общая концепция этих работ подчинялась ошибочному тезису о стремлении к проливам как главной, доминирующей задаче внешней политики России, определявшей собой всю линию поведения русской дипломатии накануне мировой войны.

Это в полной мере сказалось и на характеристике этими авторами балканской политики России. В результате в интерпретации Я. М. Захера она получила, вопреки его же фактическому материалу, исключительно антитурецкую направленность и открыто наступательный характер. Балканский союз и вся политика русской дипломатии по образованию коалиции балканских государств сводилась им к созданию авангарда, расчищавшего путь царской России к Константинополю²⁶. Со сходных позиций трактуют политику России на Балканах А. Л. Попов и Е. А. Адамов, хотя и в их работах конкретный фактический материал подрывает их общие выводы.

А. Л. Попов совершенно правильно поставил вопрос об объективных причинах успехов объединительной политики русской дипломатии на Балканах, подчеркивая, что было бы грубой ошибкой сводить объяснение происходившей на Балканах консолидации политических сил только к действиям русской дипломатии. Более того, эта политика рисковала порой не успеть за объективно развивающимися тенденциями, стремлением балканских государств к объединению²⁷. Албанские восстания 1911—1912 гг. и итало-турецкая война совершенно правильно выделены автором в качестве решающих этапов на пути объединения балканских государств²⁸. А. Л. Попов признает, что созданный с помощью русской дипломатии Балканский союз не оправдал надежд русской дипломатии, он оказался неуправляемым и начал действовать, не сообразуясь с планами и расчетами Петербурга. Стремясь подчеркнуть активную, инициативную политику России, А. Л. Попов преувеличивает роль союзников России, выдвигая тезис, что активная балканская политика России, не имевшая точки опоры в самой России, опиралась на внушительный фундамент Тройственного соглашения²⁹.

Вместе с тем в статьях А. Л. Попова дан анализ отношений и противоречий по балканскому вопросу как между империали-

стическими блоками, так и внутри них, показано значение англо-русского соглашения 1907 г. для политики России на Балканах. Следует специально отметить заслугу этого автора в разработке вопроса о влиянии революционных процессов на Балканах и в Турции на международную обстановку в этом районе, в характеристике социально-политической сущности младотурецкой революции, в показе позиции, занятой Россией и другими державами в отношении нового строя в Турции. Он также впервые поставил вопрос об отношении русской буржуазно-помещичьей печати к событиям на Балканах и в Турции в рассматриваемое время³⁰.

Наиболее близкий к действительности подход к анализу балканской политики России содержался в работах Е. А. Адамова. Он впервые в советской литературе попытался раскрыть и объяснить замысел царской дипломатии в создании и использовании политического союза балканских государств, обоих его вариантов: со включением Турции и без нее. Первый вариант, со включением в состав Балканского союза Турции, был рассчитан на использование коалиции против австро-венгерской и германской экспансии в этом районе, а также на улучшение отношений с Турцией, путем договоренности с ней добиться права прохода через проливы русских военных судов. Итало-турецкая война и провал демарша Чарыкова показали неосуществимость этого проекта. Второй вариант — союз балканских государств без Турции — Россия пыталась использовать как против держав Тройственного союза, так и против Турции, в случае возникновения военно-политического кризиса в этом районе или мировой войны. Однако, как показал автор, расчеты на использование Балканского союза в подходящий для России момент не оправдались, он вышел из-под ее контроля³¹.

В работах видного советского востоковеда-марксиста старшего поколения В. А. Гурко-Кряжина также прослеживается определенное влияние некоторых идей М. Н. Покровского относительно ближневосточной и балканской политики России накануне первой мировой войны. В частности, политика царизма в Восточном вопросе на протяжении всего XIX в. и вплоть до Боснийского кризиса 1908 г. характеризуется им как открыто наступательная, активно аннексионистская³². В начале XX в. он усматривал у царской дипломатии тенденцию к «форсированию решения Восточного вопроса», а участие России в мировой войне мотивировал тем, что для нее это была война главным образом за «турецкое наследство», которое и составляло для царизма все содержание мировой войны³³. И все же эти общие положения не определяли существа взглядов В. А. Гурко-Кряжина, сложившихся в результате конкретного исследования рассматриваемых сюжетов. В своих работах он исходил из того, что империалистическая программа правящих классов России в отношении черноморских проливов складывалась накануне мировой войны в связи с успешной политической и экономической экспансией Германии в Турции и реальной угрозой перехода черноморских проливов в ее руки³⁴.

Он показал, что главной причиной выявившегося к концу 1913 г. стремления царского правительства к овладению проливами явилось их возросшее стратегическое значение в обстановке надвигающейся мировой войны и резкого обострения русско-германского антагонизма на почве назначения германского генерала Лимана фон Сандерса на высокий командный пост в турецкой армии в районе проливов³⁵. Возросшее значение черноморских проливов в канун мировой войны В. А. Гурко-Кряжин связывал также и с фактом крушения старой системы равновесия сил между державами на Балканах и Ближнем Востоке под ударами австро-германской экспансии в этом районе и формирования к 1908 г. двух враждебных империалистических группировок — Англии, Франции и России, с одной стороны, и Германии и Австро-Венгрии, с другой.

Таким образом, империалистическая политика царской России на Балканах и Ближнем Востоке показана В. А. Гурко-Кряжиным не активно наступательной, а оборонительной, направленной в основном на сохранение и упрочение позиций царизма на Балканах и в Турции, поставленных под угрозу австро-германским натиском в этом районе, с одной стороны, и национально-освободительными и национально-объединительными процессами у народов и стран этого региона, с другой.

В целом объективно, на конкретно-историческом материале показана и политика России по отношению к Турции. В. А. Гурко-Кряжин не разделял распространенной в те годы в нашей историографии точки зрения на политику России на Балканах и Ближнем Востоке как на антитурецкую и стремление царской дипломатии к ориентации Балканского союза против Турции. Согласно его исследованиям, Россия вплоть до конца 1913 г. проводила в главных чертах политику сближения, добрососедства и соглашений с Турцией в расчете подорвать влияние Германии и Австро-Венгрии в Константинополе, поколебленное во время Боснийского кризиса и итало-турецкой войны. В соответствии с курсом царизма на Ближнем Востоке находилась и политика на Балканах, направленная первоначально на создание Балканской конфедерции в составе Турции и балканских государств, а после крушения этих планов — Балканского союза, рассматриваемых русской дипломатией в качестве заслона против дальнейшей австро-германской экспансии в этом районе и орудия борьбы против Германии на Ближнем Востоке³⁶.

Автор показал причины неудачи с созданием Балканской конфедерации: реализации ее помешали неуклонный рост национальных противоречий в самой Турции и в ее отношениях с балканскими государствами, а также противоречия между крупнейшими европейскими державами по балканскому вопросу, как в рамках одного империалистического союза, так и между ними³⁷. А. В. Гурко-Кряжин отметил итало-турецкую войну как рубеж, свидетельствующий о крахе политики Балканской конфедерации и послуживший одновременно исходным моментом для образо-

вания Балканского союза³⁸. Автор констатировал, что Балканские войны явились прелюдией к мировой войне, они еще больше стянули узел империалистических и национальных противоречий в этом районе. В результате этих войн Турция оказалась в лагере противников России, а утверждение германской военной миссии в Константинополе в конце 1913 г. заставило Петербург изменить свой курс и определенно готовиться к будущей войне с Турцией, за спиной которой стояла Германия³⁹.

Таким образом, положения об оборонительном характере политики царской России на Балканах и Ближнем Востоке вплоть до конца 1913 г., о ее антигерманской и антиавстрийской направленности и попытках дипломатическими средствами обеспечить интересы царизма в обстановке крушения старой системы равновесия сил в этом регионе лежали в основе научной концепции Гурко-Кряжина. Поэтому на дипломатические акции царского правительства в 1908 и 1911 гг., стремившегося изменить режим черноморских проливов, он смотрел, как на робкие попытки защитить интересы России в моменты, когда возникала опасность нарушения статус-кво в этом районе, а не как на подтверждение агрессивности политики русской дипломатии.

В. А. Гурко-Кряжин был среди первых исследователей, которые показали значение и влияние национально-освободительного и революционного движения народов данного региона как одного из решающих факторов, способствовавших крушению пресловутой охранительной системы на Балканах и в Турции и усилению империалистических противоречий. Он дал марксистскую характеристику младотурецкой революции и показал ее воздействие на весь последующий ход исторических событий на Балканах и Ближнем Востоке, превративших этот район в один из самых взрывоопасных пунктов мировых империалистических противоречий.

В центре исследовательских интересов В. А. Гурко-Кряжина стояли проблемы Ближнего Востока, на балканскую политику России он смотрел сквозь призму этих проблем, что позволило ему правильно оценить состояние русско-турецких отношений накануне мировой войны, показать место и значение во внешней политике царизма вопроса о проливах, определить характер и направленность балканской политики России, выделив при этом в качестве ее этапов курс на образование Балканской конфедерации, а затем Балканского союза, подчеркнуть значение миссии Лимана фон Сандерса в качестве поворотного пункта в отношениях с Турцией и во внешней политике царизма в целом. Но избранный им ракурс исследований сказался на недооценке самостоятельной роли русско-австрийских противоречий на Балканах, которые он почти совсем не учитывал, сводя конфликт в этом районе к русско-германскому антагонизму.

Взгляды М. Н. Покровского, несомненно, отразились на концептуальной стороне работ С. В. Сигриста, специально посвященных балканской политике России накануне первой мировой вой-

ны⁴⁰. В работах этого автора (книге и статье), написанных на основе опубликованных документов, мемуарной литературы и прессы и не избежавших определенного публицистического характера, свойственного многим работам того времени (последнее замечание относится главным образом к его книге), балканская политика также склонна рассматриваться сквозь призму постоянного тяготения к проливам⁴¹.

Однако это положение не стало главным в трудах С. В. Сигриста, как это имело место у М. Н. Покровского и его последователей, что позволило автору подойти с более правильными оценками к характеристике балканской политики России⁴². И в этом плане его взгляды ближе к взглядам В. А. Гурко-Кряжина. Положительной стороной работ С. В. Сигриста, отсутствовавшей в трудах М. Н. Покровского и В. А. Гурко-Кряжина, является изучение русско-австрийских противоречий на Балканах, определение их места и остроты, констатация факта углубления их в связи с поддержкой Германией агрессивной политики габсбургской монархии на Балканах в первом десятилетии XX в. и ее собственным проникновением в Турцию⁴³. В своей книге С. В. Сигрист правильно раскрыл существо и составные компоненты балканского узла международных противоречий, превращавших его в очаг мировой войны. Он показал локальные балканские противоречия в их тесном переплетении с противоречиями между великими державами, разворачивавшимися на фоне мощного подъема национально-освободительной борьбы народов Балкан и Ближнего Востока⁴⁴.

В свете этих выводов он подчеркивал двустороннюю направленность Балканского союза, ориентированного, по его мнению, в первую очередь против Турции, а затем Австро-Венгрии⁴⁵.

В более широком историческом плане ближневосточная и балканская политика России накануне первой мировой войны представлена в обобщающем труде академика Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма»⁴⁶. Она показана в плане империалистического соперничества Антанты и Тройственного союза в этом регионе, особенно выразившегося в резком обострении русско-германских и русско-австрийских отношений. Образование Балканского союза, его антитурецкая направленность объясняется полным крушением реформаторской деятельности младотурецкого режима и политическими интересами самих балканских союзников, но не России. В книге Е. В. Тарле впервые сделана попытка показать расстановку классовых сил в России по вопросам внешней политики России вообще и по вопросу о черноморских проливах и балканской политике в частности.

Однако на общих взглядах Е. В. Тарле по внешней политике России в рассматриваемое время, и особенно ее балканской политике, в известной степени сказалось влияние тезиса об активном наступательном характере политики царизма в этом районе в 1912—1914 гг., переоценка роли России в Антанте. Согласно его точке зрения, русская дипломатия рассчитывала использовать

Антанту для защиты своих интересов и борьбы с австро-германской экспансией в Юго-Восточной Европе⁴⁷. После Агадирского кризиса 1911 г. царская Россия перешла к активной политике на Балканах, а в период Балканских войн 1912—1913 гг. готова была идти достаточно далеко в поддержке своих балканских союзников и только военная неготовность и умеренная позиция Англии и отчасти Франции действовали на нее сдерживающим образом. Автор считает, что борьба держав Антанты против внедрения германского империализма в Турции и, особенно, в районе черноморских проливов не успела вылиться в какую-либо эффективную реальную политику, но она выявила активную роль России, способствовала усилению ее влияния в Антанте, «движущей силой Антанты постепенно делалась не Англия, как было до сих пор (до итало-турецкой войны — Э. У.), но Россия»⁴⁸.

Более глубокую, документально обоснованную характеристику политики России на Балканах накануне первой мировой войны дал в своей монографии известный военный историк и генерал А. М. Зайончковский⁴⁹. Она была написана на богатейшем архивном материале российского Министерства иностранных дел. Вместе с тем автор признавал, что его методология, его взгляды на происхождение империалистической войны 1914—1918 гг. не являются вполне марксистскими.

Важное место в концепции балканской и ближневосточной политики Зайончковского занимал вопрос о месте и роли ее в общем комплексе всего внешнеполитического курса царской России накануне первой мировой войны. Структура и само содержание монографии свидетельствуют, что автор ее, безусловно, признавал всевозраставшее значение после 1908 г. балканской политики, увеличение ее удельного веса во внешнеполитическом курсе России в сравнении с другими ее аспектами — средние и дальневосточными. Считая главным империалистическим антагонизмом, приведшим к мировой войне, англо-германский, А. М. Зайончковский показал специфику балканского и ближневосточного политического театра, в силу которой он после 1908 г. становится одним из самых взрывоопасных. Германский и англо-французский империализм рассматривали Балканы с их сложным переплетением национально-освободительных процессов, националистических вождельний правящих классов балканских государств и с противоборством в этом районе главных европейских государств как удобный инструмент для провоцирования мировой войны⁵⁰. Это свидетельствовало о понимании автором места, роли и значения балканского узла противоречий в общем комплексе империалистических антагонизмов, приведших к развязыванию в июле 1914 г. первой мировой войны.

В книге воссоздана в главных чертах картина политики России на Балканах в 1908—1913 гг., намечена ее периодизация, показана взаимосвязь с другими аспектами внешней политики России и ее положением на международной арене. В целом кон-

цепция балканской и ближневосточной политики России, предложенная А. М. Зайончковским, представляется довольно противоречивой. С одной стороны, он исходит из представления об активном, наступательном характере политики России на Балканах и Ближнем Востоке, соответствующем ее империалистическому внешнеполитическому курсу в целом, а с другой — из идеи подчиненности, зависимости и несамостоятельности России от старших партнеров по Антанте — Англии и Франции, об обслуживании их интересов и пренебрежении собственными⁵¹. Согласно точке зрения автора, в области балканской политики, признанной Антантой сферой преимущественных интересов царской России, ей сравнительно дольше (до второй балканской войны) удавалось проводить «самостоятельную активную политику», нежели в других регионах, но в итоге она не добилась никаких реальных результатов, стала послушным орудием в руках своих союзниц в деле развязывания мировой войны, хотя в ее собственных интересах необходимо было отсрочить войну⁵².

Конкретный фактический анализ балканской и ближневосточной политики России за 1908—1913 гг., содержащийся в работе, опровергает положение об активном наступательном курсе царизма, он свидетельствует, скорее, об оборонительном характере политики России на Балканах и Ближнем Востоке. Так, автор показал, что царское правительство во главе со Столыпиным во время Боснийского кризиса высказалось за строго оборонительный курс на Балканах и в Турции и лишь единственно министр иностранных дел Извольский был сторонником активной политики. Однако «активный» курс Извольского сводился к противодействию австрийской экспансии чисто дипломатическими средствами⁵³. Точно так же, рассматривая политику русской дипломатии по созданию Балканского союза (1909—1912 гг.), автор, с одной стороны, квалифицировал ее как активно наступательную, разворачивающуюся широким фронтом, а с другой — подчеркивал, что ее главной целью было противодействие наступательной политике Австро-Венгрии и создание заслона немецкому натиску на Турцию⁵⁴. А. М. Зайончковский показал несовпадение и даже противоречивость побудительных причин и целей, преследуемых русской дипломатией и балканскими правительствами при создании этого союза. Для первой Балканский союз представлялся инструментом возможно долговременного сохранения статус-кво на Балканах, противодействия австро-венгерской экспансии, а также очень важным союзником в будущей войне с державами Тройственного союза. Для членов этой коалиции антиавстрийская направленность Балканского союза являлась лишь второстепенной стороной, а главным стимулом к объединению было стремление покончить с остатками турецкого владычества на Балканах⁵⁵.

Позиция России во время Балканских войн показана с точки зрения проявления «искреннего желания» предотвратить, а после их возникновения локализовать и скорее прекратить эти войны

из-за опасения, что пожар на Балканах может привести к военному вмешательству заинтересованных европейских держав в момент, когда Россия не будет готова к войне⁵⁶.

Рассматривая балканскую политику России в последний предвоенный год, автор показал, что она развертывалась в атмосфере последних военных и дипломатических приготовлений обоих империалистических блоков к решающей схватке. И в этот период политика России в этом районе базировалась на принципах сохранения статус-кво в этом районе⁵⁷. Вопрос о проливах привлек пристальное внимание правительственных сфер в этот период в связи с угрозой германского контроля над ними, однако он оставался в рамках предварительных обсуждений без принятия определенных и конкретных решений. Признавая значение проливов для России, А. М. Зайончковский тем не менее не преувеличивал их роли и не превращал в доминанту всей русской внешней политики и в одну из основных причин мировой войны⁵⁸.

А. М. Зайончковский оценивал отрицательно результаты деятельности царской дипломатии на Балканах накануне первой мировой войны. Он считал, что в результате Балканских войн военнополитическое положение России в этом районе не только не укрепилось, но, напротив, осложнилось.

С высоты современного уровня российской историографии становятся очевидными недостатки и слабости в изучении рассматриваемых вопросов в 20-х — первой половине 30-х годов. Они были связаны с трудностями периода становления советской исторической науки, освоения марксистско-ленинской методологии, неразработанностью фактической канвы исторических событий и т. д. Акцентируя внимание на изучении таких «горячих точек» империалистических противоречий, какими были Балканы и Ближний Восток накануне первой мировой войны, советские историки, не имея еще достаточного представления обо всей картине в целом, невольно преувеличивали роль противоречий в этом регионе в общей системе противоречий, приведших к мировой империалистической войне. Для ясности представлений об исторических событиях и в данном регионе не хватало еще многих элементов: выяснения роли русско-австрийских противоречий, отношений России с Турцией, балканскими государствами, позиций правящих кругов различных стран во внешнеполитических кризисах кануна мировой войны и т. д.

Однако в этот период были заложены основы исследовательской и методологической разработки балканской и ближневосточной проблематики: во-первых, было начато освоение ленинской методологии исследования внешнеполитических вопросов, ленинской концепции происхождения первой мировой войны, что было крайне важно для оценки балканского узла противоречий и балканской политики России в подготовке и развязывании войны; во-вторых, в этот период была заложена основная документальная база советской историографии в изучении этой темы; в-третьих, началось освоение опубликованного и архивного материала,

были намечены основные направления исследовательской работы и сформулирована основная проблематика темы, получившая дальнейшее развитие в советской историографии в последующие годы.

Советской историографией рассматриваемого периода были заложены необходимые предпосылки для последующего ее развития. К концу 30-х годов советскими учеными в основном была преодолена во многом ошибочная концепция М. Н. Покровского о происхождении первой мировой войны, его трактовка балканской политики России в 1907—1914 гг. и Балканского союза как орудия для захвата Россией черноморских проливов. Освоение ленинской концепции происхождения первой мировой войны, исследование дипломатических документов дореволюционной России и других держав советскими историками в 40—70-х годах позволило показать место и роль России в возникновении мировой войны, раскрыть всю совокупность международных противоречий империалистической эпохи, в которой Балканы и Ближний Восток были лишь одним из очагов этих противоречий, хотя и очень удобным для развязывания войны германо-австрийским и антантовским империализмом. Исследования советских историков показали, что Россия ввиду своей военной неподготовленности и внутреннего положения проводила в этом регионе политику сохранения статус-кво и предотвращения дипломатическими средствами перехода черноморских проливов в руки третьих держав, прежде всего Германии и Австро-Венгрии. Именно поэтому противоречия с Германией и Австро-Венгрией, а не русско-турецкие, были основными для России в этом регионе. Советские ученые раскрыли характер и цели Балканского союза, объективную основу для его возникновения, не связанную с волей царской дипломатии, хотя и содействовавшей его созданию. Первоначальные планы России об участии в Балканском союзе и Турции (Балканская конфедерация) лучше всего свидетельствовали о намерении России использовать его в надвигавшемся вооруженном конфликте с Тройственным союзом. Балканские войны 1912—1913 гг. не только привели к провалу расчетов царской дипломатии на использование Балканского союза против Центральных держав, но и к развалу самого союза. Антанте не удалось создать благоприятную политическую обстановку в этом регионе в надвигавшемся мировом конфликте. Эта ситуация была оценена австро-германским империализмом, принявшим решение в июле 1914 г. нанести новый удар по позициям Тройственного соглашения в этом важном регионе, что привело к развязыванию первой мировой войны 1914—1918 гг.

¹ Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Пг., 1917—1918; Вестник Народного комиссариата

по иностранным делам. М., 1919, № 1.

² В русской дореволюционной дипломатической практике и историо-

- графии понятие «Ближний Восток», как правило, включало Балканы и Турцию. Балканский и ближневосточный вопрос (турецкий) рассматривались как две взаимосвязанные стороны восточной проблемы.
- ³ Константинополь и проливы: По секретным материалам б. Министрства иностранных дел. М., 1926. Т. 1, 2.
 - ⁴ Доклады бывшего министра иностранных дел С. Д. Сазонова Николаю Романову, 1910—1912 гг.— Красный архив (далее — КА), 1923, № 3; Константинополь и проливы.— КА, 1924, № 6 и 7; Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— КА, 1925, № 1, 2; Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины.— КА, № 3; Первая балканская война.— КА, 1926, № 2, 3; Эпизод из истории Балканской войны.— КА, 1927, № 6; Турецкая революция 1908—1909 гг.— КА, 1930, № 6; Царское правительство о проблеме проливов, 1898—1911 гг.— КА, 1933, № 6; К истории англо-русского соглашения 1907 г.— КА, 1935, № 2, 3, и др.
 - ⁵ Это издание планировалось в трех сериях: первая охватывала 1878—1900 гг.; вторая — 1900—1913; третья — 1914—1917 гг. Оно было начато с третьей серии и прервано в 1941 г.
 - ⁶ *Покровский М. Н.* Внешняя политика. Сб. ст. М., 1919; *Он же.* Внешняя политика России в XX веке. М., 1926; *Он же.* Империалистическая война. М., 1928.— То же, 2-е изд. М., 1930.— То же, 3-е изд. М., 1931.— То же, 4-е изд. М., 1934. *Павлович М. П.* Империализм и борьба за великие железнодорожные и морские пути будущего. М.; Л., 1925. Ч. 1. *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма, 1871—1919 гг. М.; Л., 1927.
 - ⁷ *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926; *Сигрист С. В.* У порога великой войны: Балканы как очаг европейских столкновений. Пг., 1924.
 - ⁸ *Покровский М. Н.* Империалистская война. М., 1928, с. 11, 23, 25, 85—89, 115—117, 140, 162, 163, 170, 171, 212. Книга представляет собой сборник статей, написанных за период 1915—1927 гг.
 - ⁹ *Покровский М. Н.* Восточный вопрос.— В кн.: БСЭ, 1929, т. 13, с. 340.
 - ¹⁰ *Покровский М. Н.* Балканские войны.— В кн.: БСЭ, 1926, т. 4, с. 503; *Он же.* Восточный вопрос, с. 340.
 - ¹¹ *Покровский М. Н.* Внешняя политика России в XX веке. М., 1926, с. 45; *Он же.* Империалистская война, с. 85—87, 127, 128; *Он же.* Восточный вопрос, с. 342.
 - ¹² *Покровский М. Н.* Балканские войны, с. 503, 504.
 - ¹³ *Покровский М. Н.* Империалистская война, с. 255.
 - ¹⁴ *Покровский М. Н.* Балканские войны, с. 504.
 - ¹⁵ Там же, с. 509.
 - ¹⁶ *Захер Я. М.* К истории русской политики по вопросу о проливах в период между русско-японской и Триполитанскими войнами.— В кн.: Из далекого и близкого прошлого: Сб. ст. Пг., 1923; *Он же.* Русская политика по вопросу о Константинополе и проливах во время Триполитанской войны.— В кн.: Известия ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1928, с. 41—53.
 - ¹⁷ *Захер Я. М.* Константинополь и проливы: Очерки истории дипломатии накануне первой мировой войны.— КА, 1924, № 6, с. 49, 55.
 - ¹⁸ *Адамов Е. А.* Вопрос о проливах и Константинополе в международной политике в 1908—1917 гг.— Константинополь и проливы. М., 1925, т. 1, с. 8—11.
 - ¹⁹ Константинополь и проливы, т. 1, с. 16.
 - ²⁰ Там же, с. 51, 52.
 - ²¹ Там же, с. 52, 53.
 - ²² Там же, с. 52, 55.
 - ²³ Там же, с. 59, 63, 66, 67, 68—70, 74.
 - ²⁴ Там же, с. 75—83.
 - ²⁵ *Попов А. Л.* Дипломатическая подготовка Балканской войны: Вводная статья.— КА, 1925, № 1 (8), с. 5, 7.
 - ²⁶ *Захер Я. М.* Русская политика по вопросу о Константинополе и проливах во время Триполитанской войны, с. 41; Константинополь и проливы, с. 48, 52, 53.
 - ²⁷ *Попов А. Л.* Дипломатическая подготовка Балканской войны.— КА, 1925. № 1 (8); *Он же.* Первая

- Балканская война.—КА, 1926, № 2 (15).
- ²⁸ Попов А. Л. Первая Балканская война, с. 1.
- ²⁹ Там же, с. 4—8.
- ³⁰ Попов А. Л. Турецкая революция 1908—1909 гг.—КА, 1930, № 6 (43), с. 3.
- ³¹ Адамов Е. А. Константинополь и проливы.— В кн.: Проливы. Сб. ст. М., 1924, с. 81—84; *Он же*. Вопрос о проливах и Константинополе в международной политике в 1908—1917 гг.: Вступительная статья.— В кн.: Константинополь и проливы: Сб. док. М., 1925, т. 1, с. 16.
- ³² Гурко-Кряжин В. А. Ближний Восток и державы. М., 1925, с. 41, 42; *Он же*. История революции в Турции. М., 1923, с. 28.
- ³³ Гурко-Кряжин В. А. Ближний Восток и державы, с. 30, 31, 53.
- ³⁴ Там же, с. 50, 51—53, 55, 57.
- ³⁵ Гурко-Кряжин В. А. Борьба за проливы.— Новый Восток, 1922, № 2, с. 84, 85, 92—95.
- ³⁶ Гурко-Кряжин В. А. История революции в Турции, с. 81, 82.
- ³⁷ Там же, с. 82.
- ³⁸ Там же, с. 82, 83.
- ³⁹ Гурко-Кряжин В. А. История революции в Турции, с. 82, 83.
- ⁴⁰ Сигрист С. В. У порога великой войны: Балканы как очаг европейских столкновений. Пг., 1921; *Он же*. Русская дипломатия и Балканский союз.— Русское прошлое, 1923, № 3.
- ⁴¹ Сигрист С. В. Русская дипломатия и Балканский союз, с. 52.
- ⁴² Там же, с. 54, 58, 60.
- ⁴³ Сигрист С. В. У порога великой войны..., с. 64, 80.
- ⁴⁴ Там же, с. 6—13, 98.
- ⁴⁵ Сигрист С. В. Русская дипломатия и Балканский союз, с. 60.
- ⁴⁶ Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма, 1871—1919. М., 1927.
- ⁴⁷ Там же, с. 211, 248.
- ⁴⁸ Там же, с. 202—203, 204.
- ⁴⁹ Зайончковский А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М.; Л., 1926.
- ⁵⁰ Там же, с. 294, 302.
- ⁵¹ Там же, с. 155, 214, 216, 217, 231, 232, 294, 337, 338.
- ⁵² Там же, с. 155, 156, 216, 295, 302.
- ⁵³ Там же, с. 162—166, 185, 186, 214, 219.
- ⁵⁴ Там же, с. 214, 237.
- ⁵⁵ Там же, с. 216.
- ⁵⁶ Там же, с. 262, 271, 269.
- ⁵⁷ Там же, с. 305—310.
- ⁵⁸ Там же, с. 213, 238, 267—269, 282, 316—324, 325, 338.

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1812 ГОДА

А. Г. Тартаковский

Стало уже традиционным возникновение русской историографии Отечественной войны относить к концу 10-х — началу 20-х годов XIX в., когда вышли из печати крупные обобщающие труды Д. И. Ахшарумова¹ и Д. П. Бутурлина², которые за середины XIX в. вплоть до нашего времени квалифицируются как первые русские истории Отечественной войны³. Однако вопреки этому взгляду русская историография 1812 г. берет свое начало в предшествующее время — уже в период самой войны и в первые послевоенные годы. Да и само появление указанных выше трудов Д. Ахшарумова и Д. Бутурлина было подготовлено, как мы увидим далее, именно в эту пору. Между тем этот начальный период русской историографии 1812 г. очень слабо прояснен в нашей литературе. Настоящая статья имеет своей целью частично воспол-

нить этот пробел, воссоздав прежде всего, насколько позволяет состояние источников, чисто внешнюю, фактическую канву «историографических» событий данного периода.

* * *

В атмосфере разбуженной национальным подъемом 1812 г. военно-общественной мысли зреет осознание эпохального значения только что совершившихся событий, их поистине великой роли в судьбах России и целой Европы. В этих условиях возникают первые попытки дать целостное представление об Отечественной войне, разобраться в ее причинах, ходе и возможных в будущем следствиях. Особое место в формировании этих представлений принадлежало походной типографии русского штаба. Выпускавшиеся ею в конце 1812 г. летучие издания, хотя и распространялись как документы военной пропаганды и собственно историографических целей, естественно, не преследовали, содержали в себе тем не менее исторически точные оценки и описания Отечественной войны, оказавшие заметное влияние на современную публицистическую литературу о ней и на последующую историографию⁴. Влиянием армейских летучих изданий была отмечена, в частности, к целая серия историко-публицистических описаний кампании 1812 г., вышедших в 1813—1814 гг. из гражданской среды. Построенные на сообщениях прессы и правительственной информации и дававшие лишь компилятивно-фактическое изложение хода боевых действий и их трактовку в духе официальных воззрений, эти труды были еще весьма несовершенны и в научно-историческом, и в профессионально-военном отношении⁵. Однако и они отразили живой интерес современников к Отечественной войне, растущее повсюду стремление исторически осмыслить опыт 1812 г.

В недрах действующей армии возникают замыслы и более значительных трудов по истории войны 1812 г.

Едва ли не самый крупный из них — программная по своему характеру статья Ф. Н. Глинки «Рассуждение о необходимости иметь Историю Отечественной войны 1812 года», отразившая патриотические устремления прогрессивной военной интеллигенции и сыгравшая немалую роль в становлении исторических и литературно-эстетических воззрений декабристов⁶.

Нет, пожалуй, ни одной работы по истории раннего декабризма и общественной мысли 10-х годов, в которой бы эта статья не упоминалась и не цитировалась. Но при всем том ее происхождение специально в литературе не выяснялось, и на этот счет бытуют не всегда верные суждения. Так, написание статьи относят обычно к 1815—1816 гг.⁷, когда она была обнародована, причем трижды на протяжении немногим более года⁸. Однако Ф. Глинка работать над ней начал намного раньше — еще с весны 1813 г.: «Начало отрывка сего написание было еще в Силезии до перемирия, окончание же — в Москве после всеобщего мира» (т. е., ви-

димо, в 1814 г.), как пояснял он при первой же публикации⁹. Важно отметить, что статья возникла в ходе оживленных обсуждений итогов кампании в дружеской среде гвардейских и штабных офицеров, к которой Ф. Глинка примыкал и благодаря своим старым знакомствам, и как адъютант М. А. Милорадовича.

Частично состав собеседников Ф. Глинки восстанавливается по его собственным показаниям в «Письмах русского офицера». В записи за 25 мая 1813 г., рассказывая о своем времяпрепровождении после заключенного за несколько дней до того перемирия, Ф. Глинка пишет: «Спешу также пользоваться близким соседством, в котором случай поместил на время людей, различных чинами, состоянием, дарованиями и свойствами. Мы все здесь один подле другого». И далее упоминаются: начальник канцелярии кутузовского штаба в 1812 г., в прошлом сподвижник А. В. Суворова Е. Б. Фукс, А. И. Михайловский-Данилевский — впоследствии известный военный историк, а в ту пору сотрудник Главной квартиры, квартирмейстерские офицеры А. А. Щербинин, его брат М. А. Щербинин, П. А. и М. А. Габбе (оба они к тому же и участники партизанского движения), состоявший при М. И. Платове А. Г. Краснокутский, некто Н. В. Сазонов и, наконец, давнишний друг Ф. Глинки капитан лейб-гвардии егерского полка, ближайший помощник и адъютант П. П. Коновницына Д. И. Ахшарумов¹⁰. Кроме того, сам Ф. Глинка в дружеских тонах упоминается в письмах А. А. Щербинина к А. Михайловскому-Данилевскому за июнь-июль 1813 г.¹¹, а имена братьев Габбе и Щербининых как единомышленников и добрых друзей встречаются в письмах Ф. Глинки к А. Михайловскому-Данилевскому¹² и в недавно разысканной нами переписке последнего с Д. И. Ахшарумовым за 1813 г.¹³

Впоследствии А. И. Михайловский-Данилевский, вспоминая о том, как в период Рейхенбахского перемирия тесно сблизился с Ф. Глинкой, уже тогда занятым описанием событий минувшей кампании, писал, что они только и говорили об «искусстве писать историю», находя много поучительного в исторических сочинениях «великих писателей» древности и нового времени¹⁴.

Перечисленными здесь лицами не исчерпываются, конечно, все те, кто вместе с Ф. Глинкой могли обсуждать итоги войны и принципы составления ее истории. Не случайно, однако, что уже в этой группе мы видим людей, известных своими военно-историческими трудами, как, скажем, Е. Б. Фукса, выпустившего перед войной «Историю генералиссимуса Суворова-Рымникского» (СПб., 1811), Д. И. Ахшарумова — будущего автора «Описания войны 1812 года», самого А. И. Михайловского-Данилевского. В этой группе имена офицеров, которые в 1812—1813 гг. примыкали к кружку военных литераторов при походной типографии и которые позднее принимали участие в передовом литературно-общественном движении, находясь в той или иной мере в орбите декабристского влияния. Это все тот же А. И. Михайловский-Данилевский, М. А. Щербинин, братья М. А. и П. А. Габбе¹⁵.

Вот в этом кругу и велись «частые разговоры о войне Отечественной, о славе имени и оружия русского, о духе народа, о мужестве войск», неизбежно подводившие к вопросу о том, «долго ль существует слава дел, не запечатленная на скрижалях истории?». Сама мысль об историческом труде о 1812 г. родилась, как настойчиво подчеркивает Ф. Глинка, «при общем согласии «просвещенных товарищей», тут же указывая, что «были, однако, разные толки, как писать» эту историю. И все, что было сказано тогда, в том числе и его собственные суждения «о важном предмете сем», он заносил на бумагу «в часы трудных переходов и при кратковременном отдыхе у полевых огней» — «вот каким образом составилось Рассуждение»¹⁶.

Суть своих размышлений о том, каким должен быть будущий труд об эпохе, когда «повсюду гремело оружие», «тряслись престолы» и «трепетали цари», Ф. Глинка формулирует в следующих энергических словах: «Нам необходима *История отечественной войны*. Чем более о сем думаю, тем более утверждаюсь в мысли моей. Но сочинитель Истории сей должен иметь все способности и все способы, приличные великому предприятию, избразить потомству столь беспримерную борьбу свободы с насильем...»¹⁷. Замечательно просветительно-демократическое по своему существу понимание Ф. Глинкой движущих сил войны и общественного назначения ее истории. Обращенная ко всем условиям и прославляющая их героизм, она призвана содействовать нравственно-патриотическому просвещению народа и послужить наглядным уроком для военачальников и правителей. Пусть история эта пишется «не для одних ученых, не для одних военных людей, но для людей всякого состояния, ибо все состояния участвовали в славе войны и в свободе Отечества. Война 1812 г. неоспоримо назваться может *священной*. В ней заключаются примеры всех гражданских и всех военных добродетелей. Итак, да будет История сей войны... лучшим похвальным словом героям, наставницею полководцев, училищем народов и царей»¹⁸. В этом выразились вообще характерные для будущих декабристов взгляды на задачи отечественной истории, призванной служить мощным средством гражданского воспитания масс, «развития народных способностей» и национального самосознания, быть, по словам М. С. Лунина, своего рода путеводителем «в высокой области политики»¹⁹. Установки Ф. Глинки в данном отношении вполне созвучны мыслям Н. И. Тургенева, почти в то же время записавшего в дневнике: «История 1812 и 1813 годов, — какой представляет источник для мыслящего политика»²⁰.

Статья Ф. Глинки нашла живой отклик у современников. Генерал-майор А. А. Писарев, популярный в те годы писатель на военные темы, отмечал в 1817 г., что широко и убедительно начертанная Ф. Глинкой программа явится верным залогом того, «что мы будем иметь отечественного повествователя, который передаст нам со всюю точностью военной науки и с пламенеющим даром красноречия ... собывшееся в войне Отечественной», и этот

труд по его познавательному и культурно-общественному значению может быть поставлен вровень лишь «с появлением Русской истории г-на Карамзина» (а выход ее в свет с живейшим интересом ожидался в те годы просвещенным русским обществом). «И тогда,— восклицал А. Писарев,— похвалимся своим Тацитом и своим Полибием»²¹.

Первые «Тациты» и «Полибии» вышли из той же военно-общественной среды, в которой возник и сам замысел создания истории 1812 г.

Одним из них был упомянутый выше Д. Ахшарумов. Будучи адъютантом П. Коновницына, он, по словам А. Михайловского-Данилевского, «в продолжении большей части похода находился в центре военных действий, а в 1813 году начал описывать оные по воле князя Кутузова, на каковой предмет и пользовался многими документами, которые не для всех известны...»²². Весьма осведомленный сотрудник кутузовского штаба Н. И. Старынкевич также указывал, что именно «по воле князя Кутузова» Д. Ахшарумову после прибытия русской армии в Вильно в декабре 1812 г. было поручено составить описание «действий 1-й армии»²³. Важные сведения об этом находим в его письмах к А. Михайловскому-Данилевскому в Главную квартиру за апрель-май 1813 г. (Д. Ахшарумов был тогда в отъезде близ Вены при тяжело раненном П. Коновницыне). Письма раскрывают ход работы над этим сочинением и разнообразие привлеченных источников — Д. Ахшарумов стремится получить документы из Военного министерства, текущую переписку из Главного штаба, журналы боевых действий, известия из армии, бумаги Барклая, убеждает А. Ермолова и К. Толя прислать имевшиеся у них сведения²⁴ и во всех хлопотах пользуется поддержкой П. Коновницына, а по поводу трудностей и получения материалов жалуется А. Михайловскому-Данилевскому: «Без материалов сочинение остановится» и «от упущений сего ... будут после многие жалеть. Нужно и должно покровительствовать все, что раздает славу и предает потомству деяния тех, кои посвящают свою жизнь снискать уважение потомства»²⁵. История эта, замечает Д. Ахшарумов, «не есть военное сочинение, то есть книга для военного искусства только, а *направление мнения публики* (курсив мой.— А. Т.) — нашу историю хотя не можно писать *pour et contre*, но все можно избежать сухости и сделать ее занимательною для всякого»²⁶.

Именно так и было написано его сочинение, переросшее, видимо, первоначально намеченные рамки обзора действий 1-й армии. Оно вылилось в публицистически яркий и доступный каждому военно-политический очерк кампании с охватом действий всех русских армий, но с одним существенным пропуском — период от приезда Кутузова к войскам и до Березины не освещался здесь, как явствует из тех же писем, из-за отсутствия у Ахшарумова ряда важных источников²⁷. Одобренное командованием и прошедшее через цензуру, сочинение Д. Ахшарумова было анонимно издано императорской типографией в Петербурге под на-

званием «Историческое описание войны 1812 года»²⁸. Понимая, что это лишь один из первых опытов изображения событий 1812 г., Д. Ахшарумов в заключительных строках указывал, что «Описание» «сделано в походе, среди военного шума, в минуты малых досугов от занятий службы», и обратился с взволнованным призывом к соотечественникам продолжить его труд и «передать потомству подробную историю всей нынешней войны»²⁹.

Эта книга явилась первым в России сочинением об Отечественной войне, написанным по заданию командования со специально историческими целями — отсюда и его заглавие, заключавшее в себе этот принципиально важный смысл: не просто «описание», «обозрение», как назывались тогда многие историко-публицистические произведения о 1812 г., а именно «Историческое описание». Более того, его общая концепция и подход к освещению событий легли в основу изданного им в 1819 г. «Описание войны 1812 года».

Между тем связь «Исторического описания войны 1812 года» с данным трудом Д. Ахшарумова не учитывается в литературе, а само оно оказалось изрядно забытым — здесь, видимо, сыграл свою роль и факт анонимного издания книги в 1813 г., и ее малый тираж: еще в 1820 г. А. Михайловский-Данилевский указывал, что «Историческое описание войны 1812 года» было напечатано «в небольшом числе экземпляров, коих теперь в продаже не находится»³⁰.

«Описанием войны 1812 года» Д. Ахшарумов стал заниматься по поручению военного министра П. П. Коновницына еще в 1815 г., когда он служил Дежурным штаб-офицером русского Оккупационного корпуса по Франции. По свидетельству И. П. Липранди, непосредственно наблюдавшего за историческими изысканиями Д. Ахшарумова, командовавший корпусом М. С. Воронцов читал рукопись «по мере приготовления глав». Просматривал ее и П. Коновницын³¹. Первый вариант «Описания» в конце 1815 г. был отослан Д. Ахшарумовым начальнику Главного штаба П. М. Волконскому, затем, в начале 1816 г., затребован автором обратно для переделки и дополнений. В мае 1818 г. исправленная рукопись опять была представлена Волконскому, который препроводил ее в Военно-ученый комитет, высказавший ряд критических замечаний³². После их учета окончательно отработанную рукопись «Описания»³³ Д. Ахшарумов 5 сентября 1818 г. направил П. Волконскому, оговорив в сопроводительном письме, что ставил своей задачей передать лишь «общую картину или, лучше сказать, дух войны», надеясь, что «книга сия теперь тем более у нас необходима, что везде в чужих краях, в Англии, Германии и Франции, вышло уже много сочинений о войне 1812 года и кои все почти неверны и пристрастны»³⁴. Его труд был рассчитан не на узковоенную, а на широкую читательскую аудиторию. В «Письме к издателям» «Сына Отечества» по поводу напечатанной там рецензии на его «Описание»³⁵ он подчеркивал, что «сочинение сие не писано для военного искусства, и есть гораздо бо-

лее историческое, нежели военное описание. Оно предпринято не для одних военных людей, но вообще для публики...»³⁶.

Нетрудно заметить, что эта авторская оценка общественно-го назначения «Описания войны 1812 года» почти дословно повторяет одно из приведенных выше писем Д. Ахшарумова к А. Михайловскому-Данилевскому за 1813 г. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает преемственность между этими двумя трудами Д. Ахшарумова, который тексты «Исторического описания» 1813 г. в письмах П. Волконскому за 1818 г. трактовал как части и «отрывки» «Описания» 1819 г.³⁷, а это последнее характеризовал как «начатое еще в 1813 году»³⁸.

Наряду с Д. Ахшарумовым задание написать военно-историческое сочинение поручается уже упомянутому Н. И. Старынкевичу. В 1826 г., привлеченный к следствию по делу о тайных обществах, он составил ряд оправдательных записок, которые и содержат чрезвычайно ценные сведения о возложенном на него труде.

В 1812 г. Н. Старынкевич пользовался неограниченным доверием П. И. Багратиона как директор канцелярии его штаба. «Особенные обстоятельства налагали на него обязанности представить государю-императору оправдание свое на счет действий 2-й армии с начатия войны», — осторожно пишет Н. Старынкевич, явно намекая на порицание царем всей стратегической линии Багратиона, отказавшегося выполнять его некомпетентные в военном отношении приказы по поводу направления отвода 2-й армии в глубь страны. Следующий далее текст записки не оставляет сомнения в глубине расхождений между ними и о той атмосфере царского недовольства, которая сгустилась тогда над Багратионом. В декабре 1812 г., по приезде в Вильню, пишет Н. Старынкевич, Александром I с резким «негодованием» были отмечены «отступления князя Багратиона от предназначенного в начале войны плана и неприятные от того последствия»³⁹.

Вот для того, чтобы снять с себя «высочайшие» обвинения и представить в истинном свете причины отступления 2-й армии, Багратион и решил подготовить свое «оправдание». Для этого ему и нужна была помощь Н. Старынкевича, который сопровождал его в селение Симы на лечение раны. Таким образом, из записок Н. Старынкевича выясняется, что почин в составлении описания военных действий 2-й армии принадлежал Багратиону, которого в первые дни после его трагического ранения в Бородине не оставляла мысль об этом труде, — факт в литературе доселе неизвестный.

То, что не успел сделать Багратион, довершил Н. Старынкевич, благоговевший перед памятью покойного полководца и рассматривавший подготовку «Отчета о действиях 2-й армии» как выполнение его духовного завещания. К концу 1812 г. «Отчет» был им уже написан и, надо полагать, по первоначально задуманному Багратионом плану и в духе его военно-стратегических соображений, ибо, когда «отчет» был представлен в Вильне «госу-

дарю-императору», тот решительно забраковал его и повелел составить новое «подробное историческое объяснение всех действий главнокомандовавшего 2-й армиею». С согласия Кутузова оно было доверено опять же Н. Старынкевичу. Именно тогда-то, подчеркивает он в своих записках, Д. Ахшарумов получил от Кутузова задание описать действия 1-й армии. Отметим, что Н. Старынкевич, находясь при Главной квартире, занимался «историческим объяснением» до окончания Рейхенбахского перемирия, т. е. в то самое время, когда в кругу офицеров русского штаба оживленно обсуждались замыслы создания истории Отечественной войны⁴⁰⁻⁴¹.

К военному же времени относятся и первые историографические опыты А. Михайловского-Данилевского. Еще в Тарутине, когда как адъютант Кутузова он вел его секретную переписку и начал составлять Журнал военных действий за период после оставления Москвы, П. Коновницын как-то назвал его «историографом армии», на что А. Михайловский-Данилевский ответил, что, «желая заслужить сие название... хотел бы также описать происшествия, предшествовавшие сдаче Москвы»⁴², и это намерение некоторое время спустя было им осуществлено.

В письме к Ф. Глинке от 29 июня 1814 г., который как раз в то время заканчивал свое «Рассуждение о необходимости иметь Историю Отечественной войны», А. Михайловский-Данилевский, как бы откликаясь на их общие мысли по этому поводу, сообщает, что начал составлять «историю похода от прибытия К. Смоленского до Тарутинского сражения» и просит доставить ему для этого сведения об «арьергардных делах» Милорадовича⁴³.

Предпринятый А. Михайловским-Данилевичем труд уже тогда получил широкую огласку. Как пишет он в своих записках, осенью 1814 г. на Венском конгрессе принц де Линь, «узнав от генерала Жюмини, что я писал историю прошедшей войны, просил... позволения перевести ее на французский язык». «Это лучшее средство прославить мое сочинение», — добавляет он далее⁴⁴. В ноябре 1814 г. в «Сыне Отечества» появляется сообщение о том, что А. Михайловский-Данилевский, «бывший адъютантом при Смоленском, описывает его подвиги в 1812 году»⁴⁵, а в письме к издателям из Вены от 11 января 1815 г. сам автор в заметке о сооружении в Бунцлау памятника Кутузову уведомлял публику: «С каким нетерпением ожидаю времени, когда опять предамся наукам и окончу историю похода его»⁴⁶.

Окончил ее А. Михайловский-Данилевский только по приезде в Россию в начале 1816 г. Позднее он вспоминал, что употребил тогда «два месяца на описание важнейшей эпохи войны 1812-го года, т. е. со времени прибытия к армии князя Кутузова до начатия русскими войсками наступательных действий, или до сражения при Тарутине. Я ничего не писал с такою легкостью, с таким удовольствием и с жаром, как сие сочинение; кажется, мысли сами изливались на бумагу...». Знаменательно, что эта одна из первых историй Отечественной войны была посвящена

автором ближайшему другу еще со времен Геттингенского университета и видному в будущем декабристу Н. И. Тургеневу, — посвящена «по той причине, — объясняет А. Михайловский-Данилевский, — что после первого Парижского мира я возвращался с ним вместе из Франции, и дорогою, разумеется, мы единственно говорили о тех чрезвычайных происшествиях, которых мы были свидетелями, тогда я приводил, как одну из главных причин торжества России, все то, что было сделано со времени прибытия к армии князя Кутузова до Тарутинского дела, и обещал по возвращении моем в отечество изложить пространнее заключения мои о сем предмете»⁴⁷. Как видим, само это сочинение явилось ответом на их совместные размышления о роли Кутузова в событиях 1812 г., о том переломе в ходе кампании, который был совершен в тяжкие дни Бородина, оставления Москвы и Тарутинского лагеря. Именно эти размышления и послужили, таким образом, прямым толчком к созданию «Истории кампании 1812 года»⁴⁸.

Текст «Истории» на французском языке, сохранившийся в архиве А. Михайловского-Данилевского⁴⁹, никогда не публиковался и не привлек внимания ученых. Между тем из этой ранней исторической работы А. Михайловского-Данилевского произросли, по сути дела, все последующие его труды об Отечественной войне и Кутузове: и множество публиковавшихся в первые послевоенные годы статей и очерков, и военно-исторические сочинения 30-х годов, составленные по правительственному заказу. От последних «История», возникшая в 1814—1816 гг., выгодно отличается непредвзятым истолкованием событий с позиций передовой дворянской интеллигенции и прогрессивных для того времени принципов исторической критики, от которых впоследствии под влиянием официально-монархических установок А. Михайловский-Данилевский в значительной мере отошел. Ранние же его труды об Отечественной войне проникнуты пафосом установления «исторической истины», которая, как он сам писал в те годы, «одна составляет предмет наших разысканий». «Без показания источников» и их «критического разбора» историческая книга лишается во многом своего достоинства», ибо «История не есть панегирик, описание, составленное без всяких прикрас, не токмо не отъемлет у нас славы, но более еще удостоверит беспристрастное потомство в знаменитых подвигах Отечественной войны»⁵⁰.

Примечательным памятником военно-исторической литературы тех лет явилось «Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов в 1812 году». Вышедшее, как выясняется, из окружения М. Б. Барклая де Толли и напечатанное в Петербурге в конце 1813 г., оно до последнего времени не было замечено историками.

«Краткое обозрение» было издано анонимно, но посвящение, предпосланное основному тексту, подписано криптонимом «А. Б.». Современники считали автором книги камер-юнкера А. Безобразова, выпустившего в том же 1813 г. сходное по названию «Крат-

кое обозрение подвигов российского дворянства». Эта атрибуция перешла в библиографические справочники и словари анонимов XIX—XX вв.⁵¹ В недавно изданном описании материалов Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина о 1812 г. автором книги показан М. Б. Барклай де Толли⁵².

Но сохранился беловой автограф «Краткого обозрения», удостоверяющий принадлежность его Андрею Ивановичу Барклаю де Толли — племяннику знаменитого полководца⁵³. С назначением последнего военным министром в 1810 г. он был прикомандирован в его канцелярию и при отъезде М. Б. Барклая де Толли весной 1812 г. в Вильну главнокомандующим 1-й армией был взят им с собой дипломатическим чиновником. А. И. Барклай де Толли участвовал в сражениях под Витебском и Смоленском, выполняя ответственные обязанности по связи Главной квартиры с Петербургом, а после отъезда М. Барклая де Толли из армии был причислен по его ходатайству в ведомство иностранных дел⁵⁴. Словом, А. И. Барклай де Толли обладал достаточной осведомленностью и кругозором. В мае 1813 г., представляя рукопись А. А. Аракчееву, он не без основания писал, что, будучи «очевидным свидетелем сего достопамятного похода, я в состоянии был отношениями своими по службе судить о целом с некоторою достоверностью»⁵⁵.

И действительно, «Краткое обозрение» написано как обобщающий военно-стратегический очерк кампании, взятой «в целом», в самых существенных своих чертах. Книга состоит из двух частей — «Военно-политического обозрения войны, показывающего необходимость принятого предначертания» и «Краткого обозрения военных происшествий и последствий принятого общего предначертания». Первая часть, как видно из ее названия, посвящена обоснованию неизбежности для России вести в 1812 г. оборонительную войну, завлекая неприятеля в глубь страны и истощая его силы. Вторая же часть рассматривает конкретный ход военных событий, в том числе и в период после назначения Кутузова главнокомандующим, как результат осуществления этого единственно возможного в тех условиях плана, принятого с самого начала войны. Таким образом, вся книга пронизана тенденцией оправдания отступательной стратегии М. Барклая де Толли.

В русской военно-исторической публицистике той эпохи не было, пожалуй, другого сочинения, в котором бы так последовательно, с такой полемической заостренностью и в таком соответствии с воззрениями М. Барклая де Толли проводилась линия защиты его полководческой репутации.

Уже одно это при учете близких родственных и служебных отношений автора с М. Барклаем де Толли дает основание считать последнего причастным к выпуску книги в свет. Показательно в этом отношении и само время составления «Краткого обозрения», совпавшее с возвращением М. Барклая де Толли в Главную квартиру и реабилитацией его в войсках и перед общественным

мнением страны. Упомянутый выше автограф датирован 10 марта 1813 г., а как раз незадолго до того — в феврале — М. Барклай де Толли был назначен вместо П. В. Чичагова командующим 3-й западной армией.

Но мы располагаем и более убедительными данными относительно его причастности к созданию «Краткого обозрения».

После того как 22 сентября 1812 г. подвергавшийся со всех сторон суровым и оскорбительным обвинениям, уязвленный обнародованным в правительственной прессе упреком Кутузова в том, что оставление Москвы было предопределено падением Смоленска, М. Барклай де Толли покинул армию, он повел напряженную борьбу с целью оправдаться перед современниками и потомством.

Еще 8 октября 1812 г. он направил из Владимира министру внутренних дел О. П. Козодавлеву раздраженное письмо с требованием напечатать в «Северной почте» опровержение порочащих его лично и честь предводительствуемой им армии обвинений⁵⁶. Но так как реакции на это требование не последовало, 25 октября М. Барклай де Толли обращается непосредственно к царю с просьбой о публикации, видимо, этого же самого опровержения (оно известно в литературе под названием «Объяснение генерала-от-инфантерии Баркляя де Толли о действиях 1-й и 2-й западных армий в продолжении кампании сего 1812 года»), в котором доказывалось, что их отступление в глубь страны было следствием не злой воли М. Баркляя де Толли, а сложившейся обстановки и что судьба Москвы никак не связана с потерей Смоленска⁵⁷. Однако царь не удовлетворил просьбы М. Баркляя де Толли, пообещав, правда, на основе присланных им материалов напечатать правительственное объяснение его действий, но и оно не было опубликовано. В декабре 1812 г. М. Барклай-де-Толли составил новый, более расширенный оправдательный документ⁵⁸, а в январе 1813 г., находясь уже при Главной квартире, написал еще один вариант оправдания⁵⁹ — оба они также предназначались к публикации, но света тогда не увидели. Вместе с тем М. Барклай-де-Толли предпринимает попытки убедить лично Александра I в несправедливости раздававшихся отовсюду обвинений, направив ему «Изображение военных действий 1812 года» — мемуарно-историческую записку, в которой пространно и откровенно изложил свои взгляды на основные события войны от начала боевых действий до сентября 1812 г.⁶⁰

Следует подчеркнуть, что не только эта записка, имевшая секретный характер, но и остальные «оправдания» М. Б. Баркляя де-Толли ввиду упорного отказа правительства предать их тогда гласности трактовались и в период войны, и в последующее время как строго конфиденциальные документы, — впервые они увидели свет лишь в середине XIX в.⁶¹

В этой связи особый интерес приобретает факт теснейшей связи «Краткого обозрения...» с первой из оправдательных записок М. Баркляя-де-Толли — «Объяснением», отосланным 25 октября

1812 г. Александру I. Наиболее важные, узловые пункты первой части «Краткого обозрения...», содержащие в себе апологию отступательной стратегии М. Барклая-де-Толли, восходят, как нетрудно убедиться в этом из приведенных ниже текстов, к этой его записке.

«Объяснение»

«С самого того времени, когда неприязненные поступки императора французов поставили нас в необходимость помышлять о войне настоящей, когда проникнуты были способы, принятые им к совершению алчного против нас намерения, предположено было с совещания общего начать войну сию оборонительно...»

«Пространство их [западных русских границ] и неожиданное превосходство сил неприятельских, от всех почти европейских на твердой земле держав двинутых, делали сие также невозможным...»

«Удачное сопротивление на одном пункте никак не могло бы обеспечить другого, да и самое счастливое отражение неприятеля вообще от границ наших продлило бы только войну с новыми для нас опасностями, ибо он, имея за собою союзные державы, имел бы все удобнейшие средства подкрепляться и возобновлять свои нападения...»⁶²

«Краткое обозрение»

«Итак с самого того времени, когда мы уже явно узнали средства, каковые употреблял Наполеон для произведения в действо коварного своего предначертания, положено было начать войну отступлением».

«Пространство сих пределов и превосходство неприятеля, который вел на брань против нас почти все европейские нации, соделали сию цель также невозможною...»

«Счастливое сопротивление на одном пункте не могло обеспечить другой. Даже и самое отражение неприятеля от пространства наших границ токмо продлило бы войну, ввергая нас в новые опасности, ибо Наполеон тогда имел бы в тылу соединенные с ним державы, доставляющие ему все нужные к возобновлению брани средства...»⁶³

Не удлиняя перечень аналогичных сопоставлений, мы можем констатировать, что «Краткое обозрение...» не только точно воспроизводит дух и смысл «Объяснения», но во многих отношениях совпадает с ним почти текстуально. Автор лишь усилил оправдательное звучание записки своими похвальными оценками «мудрого предначертания» избранного М. Барклаем-де-Толли способа военных действий, который столь «глубоко долженствовал быть обдуман», а указанием на то, что «во время общих пожертвований, конечно, надобно было добровольно принести жертву и общему мнению»⁶⁴, намекал на трагическую участь полководца,

принявшего на себя неблагоприятное бремя ответственности в сложных условиях 1812 г.

Если принять во внимание высказанное выше относительно происхождения и конфиденциального характера «Объяснения», то тот факт, что оно оказалось в распоряжении автора книги и было положено в основу ее военно-политической концепции, скорее всего может быть понято как результат настойчивых усилий М. Б. Барклай-де-Толли, а само появление «Краткого обозрения...» следует рассматривать как один из моментов в его борьбе за восстановление своего попорченного авторитета. М. Барклай-де-Толли и по возвращении в армию в начале 1813 г. не примирился с тем, что правительство отказывается обнародовать его оправдательные документы. В письме Александру I от 27 января 1813 г. он отмечал, что желание «быть... оправданным перед глазами всего света одно только способно вернуть мне мужество, уверенность и необходимые силы для того, чтобы еще быть полезным для службы»⁶⁵. В этих условиях он, видимо обходным путем, через посредство пользующихся доверием лиц, стремится провести в печать свои взгляды на роль, сыгранную им в минувшей кампании, дав тем самым свой опыт исторического столкновения событий 1812 г.

Во время войны в военной среде рождаются и другие историографические инициативы. Е. Б. Фукс после Лейпцигского сражения обращается к М. Барклаю де Толли с просьбой доставить материалы «для составления подробнейшего описания ...незабвенных побед», одержанных под его предводительством⁶⁶. «Составить историю русской кампании 1812 года» предполагал тогда и П. В. Чичагов⁶⁷. В 1813 г., находясь в рядах армии, пишет «Сравнительные замечания на кампанию 1812 года» Н. А. Столыпин, соизмеряя ее историческим масштабам крупнейших войн древности и нового времени — от Ганнибала до Петра I⁶⁸, а несколько позднее о своих планах написать «военную историю Отечественной войны» объявляет в печати А. А. Писарев⁶⁹. Он же выступает в 1814 г. с развернутой программой создания жизнеописаний русских полководцев Отечественной войны и заграничных походов, полагая, что ими должны заняться сотрудники штабов и адъютанты, одаренные «познаниями, благородством души, сведениями в самих делах»⁷⁰.

Мысль о таких жизнеописаниях словно носилась в воздухе. Еще в мае 1813 г. Д. Ахшарумов писал А. Михайловскому-Данилевскому, что «адъютанты издадут прекрасные истории о своих генералах», которые «доставят им известность в Европе и в самой России»⁷¹. На протяжении военных и послевоенных лет выходит в свет целое собрание историко-биографических сочинений о русских военачальниках 1812—1814 гг., и прежде всего, конечно, о М. И. Кутузове⁷², многие из которых были написаны и «адъютантами». Более существенно, однако, что среди них мы встречаем тех самых военных литераторов, которые в 1812—1813 гг. в общем дружеском кругу вынашивали идею

широкого по общественному звучанию исторического труда об Отечественной войне и, видимо, работу над жизнеописаниями военачальников ставили в прямую связь с его подготовкой.

Так, Д. И. Ахшарумов одновременно с «Историческим описанием войны 1812 года» пишет биографическую статью о П. Ковницыне, анонимно опубликованную в «Сыне Отечества»⁷³. Ф. Глинка параллельно с «Рассуждением» об истории Отечественной войны готовит описание военной деятельности М. Милорадовича и предводительствуемых им войск⁷⁴. Оно вышло в 1814—1818 гг. тремя изданиями⁷⁵. Наконец, А. Михайловский-Данилевский составляет биографию Д. Дохтурова, примыкающую к его историческим сочинениям того времени⁷⁶.

* * *

Нельзя обойти вниманием и некоторые несуществующие историографические проекты, возникшие в военные годы вне армии.

Еще в ноябре 1812 г. Министерство народного просвещения предписало учителям губернских гимназий заняться составлением «Записок» о положении губерний в период наполеоновского нашествия⁷⁷. В начале 1813 г. Ф. В. Ростопчин предпринимает попытку выпустить с участием А. Л. Витберга иллюстрированную историю Отечественной войны⁷⁸. Тогда же с идеей составления описания французской оккупации Москвы носится и А. С. Шишков. Заручившись согласием Александра I, он поручает его своему единомышленнику, переводчику религиозной литературы Я. И. Бардовскому, который вернулся в освобожденный от неприятеля город и мог на месте собрать нужные сведения. Сочинение это мыслилось как исполненное высокое духовное красноречия и нравоучительных сентенций «историческое и верное» повествование, имевшее целью обличить атеизм и просвещение революционной эпохи, противопоставив им патриархально-верноподданнические нравы «простого народа»⁷⁹. Я. Бардовский откликнулся на предложение А. Шихова, однако этот труд не был написан, хотя делались попытки собрать для него материалы⁸⁰.

Но, пожалуй, самый значительный историографический замысел подобного рода принадлежал Н. М. Карамзину, и до недавнего времени о нем было мало что известно в литературе.

Впечатления военного времени властно вторгались в длившуюся вот уже 10 лет работу над «Историей Государства Российского». Беседы с друзьями и переписка с постоянными корреспондентами тех лет склоняли к тому, чтобы посвятить силы труду о современной эпохе.

Впервые об этом замысле Н. Карамзин упомянул в письме к императрице Марии Федоровне 30 марта 1814 г., — еще до того, как ему стало известно о взятии союзными войсками Парижа и завершении войн с Наполеоном⁸¹. Сообщая о ходе работы над

«Историей», доведенной тогда до царствования Ивана Грозного, Н. Карамзин писал: «Хотелось бы мне потом остаток моих способностей употребить на описание великих происшествий нашего времени... Не спешу,— добавлял он далее,— надобно видеть конец»⁸². 20 апреля, когда «конец» уже явственно обозначался, Н. Карамзин делится своим планом с И. И. Дмитриевым: «Мысль описать происшествия нашего времени мне довольно приятна», а три недели спустя, 11 мая, оповещает его об этом замысле как уже об окончательно созревшем решении. «Не имею нужды уверять тебя, какое живое участие беру в великих происшествиях, в особенности столь славных для нашего любезнейшего государя! Я готов явиться на сцену со своею полушкою и, если буду жив, то непременно предложу перо мое на описание французского нашествия»⁸³. 6 июня 1814 г. он пишет императрице Марии Федоровне, что теперь может «смело приступить к замышляемому мною описанию великих происшествий нашего времени», полагая сделать это сразу же по издании подготовленных томов «Истории Государства Российского»⁸⁴. Более того, в предисловии к выпущенному летом 1814 г. в Москве отдельной книжкой стихотворению по поводу успешного окончания войны Н. Карамзин публично объявил об этом своем намерении⁸⁵.

В 1862 г. были опубликованы найденные в архиве Н. Карамзина «Мысли для Истории Отечественной войны» и отразившие попытку претворить в жизнь указанный замысел⁸⁶. По справедливому мнению К. Пигарева, это не «запись случайных размышлений», а «незаконченный план книги»⁸⁷, позволяющий судить о том, как широко задумал Н. Карамзин свой труд, по размаху и проблематике, по своему интересу к международно-дипломатическим аспектам войн послереволюционного времени в известной мере предвосхитивший исторические сочинения о наполеоновской эпохе ученых середины и второй половины XIX в. Основное место отводилось в нем самой Отечественной войне, но она должна была быть освещена на широком фоне политической истории Европы накануне французской революции, с тем чтобы показать, как в ее недрах вызревала диктатура Наполеона и как в переплетении войн и дипломатических конфликтов начала века готовилось его вторжение в Россию. Существенным дополнением и комментарием к этому плану является письмо К. Батюшкову от 28 октября 1814 г. будущего «арзамасца» Д. Н. Дашкова, незадолго перед тем посетившего Н. Карамзина в Москве. Оно хорошо передает атмосферу одушевления или, по его словам, «живого участия», с каким историограф принялся за этот труд, и обрисовывает общий объем «истории», завершившейся, по мысли Н. Карамзина, вступлением русских войск в Париж в марте 1814 г.: «Почтенный автор занимается теперь царствованием Иоанна, но внимание его обращено и на новейшие события. Ему хочется написать историю войны 1812 года, и план уже готов в голове его: план превосходный. Я удивлялся искусству и точности, с коими он начертан. Главная цель автора есть втор-

жение французов в Россию и бегство их. Но что же привело их к нам? И с какими целями, с какими надеждами? — Для объяснения сего необходимо нужно начать с французской революции и вкратце показать ее последствия. Походы Суворова, Аустерлицкой, Фридландской, мир при Тильзите представлены глазам читателя в отдалении, как бы картины в волшебном фонаре. Но чем ближе к нашему времени, тем изображения становятся яснее, обширнее, подробнее. Сильно и красноречиво будет описание сей достопамятной кампании, есть ли судить по жару, с каким Карамзин говорит об ней. Наконец, перенеся знамена русские за Неман, он опять сжимает, так сказать, свои изображения; краткими, но сильными чертами повествует подвиги в Германии и во Франции, и потом вдруг устремляет все лучи на взятие Парижа, на славное сие последствие 1812 года, который никогда не перестанет быть главною его целию»⁸⁸.

Уже сам размах этого плана и ясное понимание исторического значения событий, которым он посвящал свое описание, заставляли Н. Карамзина относиться к его подготовке с высокой гражданской ответственностью. Весь замысел исполнен чувством достоинства историка-профессионала, стоявшего на уровне научной историографии своего времени и знавшего, сколь «тяжкую жертву» придется приносить ради постижения исторической истины⁸⁹. Навыки, обретенные Н. Карамзиным в процессе написания «Истории Государства Российского», — а тогда были почти готовы 8 ее томов, — определяли собой и его требования к истории Отечественной войны.

Н. Карамзина вряд ли могли удовлетворить пользовавшиеся тогда в России большим читательским спросом, сурово обличавшие Наполеона и его армию, но весьма поверхностные, основанные преимущественно на скудном официальном материале историко-публицистические описания кампании 1812 г. — мы их упоминали уже выше. Дух острый, но преходящей политической злободневности был чужд в этом смысле Н. Карамзину — он предназначал свой труд будущим поколениям и мыслил его как историческое сочинение, покоящееся на прочном фундаменте критически выверенных источников. «Мне нужны, любезный, сведения, сведения, без которых могу только врать», — писал он И. И. Дмитриеву 11 мая 1814 г.⁹⁰ Но для получения этих «сведений», и, видимо, не только печатных, но главным образом архивных, в полной мере сохранявших тогда государственную важность, была необходима санкция Александра I, и Н. Карамзин решает добиться его официального согласия на свой труд, — подобного, видимо, тому, какое было дано царем в 1803 г. при начале работы над «Историей Государства Российского»⁹¹. В письме к императрице Марии Федоровне от 6 июня 1814 г. он с предельной четкостью объяснил, зачем именно ему понадобилось царское одобрение: «Мне нельзя взяться за перо без особенного повеления государя, без сведений, которых могу ожидать единственно от его милостивой доверенности, иначе я стал бы писать только для

книжных лавок, а не для потомства, чего решительно не хочу»⁹². Можно только пожалеть, что этот замечательный замысел не был осуществлен. Н. Карамзин отказался от него уже вскоре после посещения его Д. Дашковым. 20 октября 1814 г. он писал брату В. М. Карамзину, что хотел «описать историю нашего времени, то есть нашествие французов, но едва эта мысль исполнится по разным обстоятельствам»⁹³⁻⁹⁵, глухо намекая на причины своих сомнений. Несколько разъяснил их Н. Карамзин в июле 1815 г. в письме к великой княгине Екатерине Павловне, которая со своей стороны убеждала его быть «историком нашего времени». Он признавался здесь: «В порыве энтузиазма, возбужденного великими событиями, я сам имел эту мысль, но обдумав дело, нашел, что оно представляет много трудностей». Далее Н. Карамзин высказывал опасение в том, что, если он вплотную займется историей 1812 г., это надолго отвлечет от всецело поглотившей его и еще далеко не оконченной «Истории Государства Российского»: «...тогда надлежало бы оставить в стороне мою историю России: века моего не станет, чтобы довести ее до наших дней»⁹⁶.

К тому же Н. Карамзину не удалось, вероятно, добиться одобрения своей инициативы от царя и получить необходимые материалы. Правда, ему обещала всяческое содействие в этом императрица Мария Федоровна⁹⁷, но каких-либо сведений о том, как отнесся к просьбе Н. Карамзина Александр I, в источниках мы не находим.

Н. Карамзина смущало и слишком современное звучание темы 1812 г. в общественной жизни того времени: «Живое движение, шум настоящего, близость предметов... История, скромная и важная, любит безмолвие страстей... отдаленность и сумерки ... то, что воспламеняет поэта, оратора, мешают историку»⁹⁸. Возможно, в частности, что Н. Карамзину «мешали» настойчивые советы царствующих особ по поводу того, каким должен быть его труд, а ими Н. Карамзин никак не мог бы пренебречь. В сентябре 1815 г. императрица Мария Федоровна, все еще надеясь, что он примется «за наше достопамятнейшее время, превосходящее все прошедшие чудесными происшестввами», призывала Н. Карамзина стать «историографом» «славных подвигов» Александра I⁹⁹.

Н. Карамзин был официальным государственным историографом, но историографом придворным себя, в сущности, никогда не считал, выше всего ценя самостоятельность собственного мнения и независимость своей общественной позиции. Поэтому при всей личной приверженности в те годы к Александру I под сказанную кем-либо извне роль официозного панегириста воинских подвигов царя полагал для себя непремлемой. Как ученый и моралист, искавший в изучении прошлого нравственно-поучительный смысл, полагавший, что история «расширяет пределы нашего собственного бытия», видевший в ней «священную книгу народов», «по указаниям» которой действуют «правители» и «за-

конодатели»¹⁰⁰, Н. Карамзин совершенно иначе смотрел на задачи своего труда. Летом 1814 г., в самый разгар размышлений об истории 1812 г., он писал, что, хотя «страсти хотят пристрастия и людям надобны идола ... мне желалось бы не смешивать человеческое с божественным», «ибо,— заключал он далее эту сентенцию знаменательными словами,— история обязана сохранить свой человеческий характер»¹⁰¹.

Вместе с тем нельзя, конечно, упускать из виду, что историко-политическая концепция задуманной Н. Карамзиным книги имела консервативно-монархическую, антиреволюционную направленность. Но надо думать, что она отдавала бы при этом известную дань идеям просвещенного абсолютизма, на которых зиждилось политическое мировоззрение Н. Карамзина во все периоды его ученой и литературно-просветительской деятельности¹⁰². Поэтому вряд ли было бы верно план его книги об Отечественной войне ставить на одну доску с попытками воинствующе-реакционной интерпретации наполеоновской эпохи, подобными упомянутому выше проекту А. Шишкова «исторически и верно» описать московские события 1812 г. От наивно-доморощенных претензий «стародума» А. Шишкова, погрязшего в толковании жгучих проблем современной ему жизни текстами из Священного писания, замысел Н. Карамзина отличало то, что он вышел из-под пера европейски образованного, философски мыслящего историка и писателя, обогащенного к тому же опытом создания гигантской по хронологическому охвату и обилию первоисточников «Истории Государства Российского», вне связи с которой этот замысел, как мы видели, вообще не может быть правильно понят.

* * *

С завершением наполеоновских войн крупные работы по их описанию сосредоточиваются в генерал-квартирмейстерском ведомстве, ответственном за военно-историческую службу в русской армии. Работы эти связаны с именем К. Ф. Толя, назначенного в декабре 1815 г. генерал-квартирмейстером только что учрежденного Главного штаба. На этом посту им была подготовлена «Военная история кампании 1812 года» — обстоятельнейшее описание боевых действий. В ноябре 1816 г. Александр I поручил А. Жюмини — виднейшему военному теоретику и историку, три года назад перешедшему на русскую службу, составить на французском языке описание кампаний 1812—1815 гг. По мысли царя, акцент делался не на Отечественной войне, а на зарубежных походах, среди которых повествование о событиях 1812 г. теряло свой самостоятельный характер, как бы растворяясь в сводном обзоре всех четырех кампаний.

Уже одно то, что это описание предполагалось составить, а следовательно, и издать на французском языке, ясно указывает на его предназначенность зарубежному читателю. Само решение о таком труде с преимущественным освещением в нем роли Рос-

сии как освободительницы Европы было, несомненно, реакцией на наводнившие в те годы западноевропейский книжный рынок мемуарно-исторические сочинения иностранных военных писателей, тенденциозно излагавших ход наполеоновских войн и полемически заостренных против России. Но, разумеется, в первую очередь имелось при этом в виду в политической ситуации, сложившейся после Венского конгресса и заключения акта Священного союза, утвердить представление о спасительной миссии русского монарха как главы антинаполеоновской коалиции и вершителя судеб легитимной Европы. Вместе с тем данное решение явилось и первой попыткой правительства поставить под свой контроль растущий в разных слоях русского общества интерес и изучение истории Отечественной войны.

С тех пор военно-исторические занятия в Главном штабе полностью подчиняются целям создания этого труда, а работа К. Толя органически вливается в его рамки и кладется в основу первой и объективно самой важной части, посвященной 1812 году. В окончательном виде «Военная история кампании 1812 года» до нас не дошла, но в архиве отложилось большое число подготовительных материалов — описаний важнейших сражений и целых периодов кампании. Они сохраняют и поныне значение важнейшего источника для познания стратегической стороны событий 1812 г. и полководческой деятельности М. Кутузова. В печать попадали лишь разрозненные фрагменты этого единого по своему происхождению военно-исторического комплекса. Его тексты были затем обильно использованы в наиболее крупных исторических сочинениях XIX в. об Отечественной войне, оказавшись таким образом включенными в последующее развитие историографии 1812 года.

Подготовка истории наполеоновских войн намечалась как коллективное предприятие: помимо К. Толя, в качестве «способнейших офицеров в сотрудники» к Жомини прикомандировываются адъютант начальника Главного штаба П. Волконского Д. П. Бутурлин, уже известный своими военно-историческими сочинениями (еще в 1812 г. в Петербурге на французском языке вышло в свет его «Описание похода Суворова в Италии 1799 года») и подпоручик квартирмейстерской части Никита Муравьев. Таким образом, к историческим трудам об эпохе 1812 г. оказывается причастной еще одна яркая фигура декабристского движения, его виднейший в будущем идеолог и признанный авторитет в области истории и военного искусства. Занятия историей наполеоновских войн ведутся Н. Муравьевым параллельно с его активной работой в Союзе спасения, сначала в Петербурге, а затем в Москве, куда с конца августа 1817 г. на несколько месяцев переместилось основное ядро Союза. Именно в это время он всецело поглощен напряженными идейными исканиями и выработкой новой тактики революционных действий¹⁰³.

Что же до участия Д. Бутурлина в этих военно-исторических занятиях, то именно с ними и связано происхождение его упо-

мянутой выше «Истории нашествия императора Наполеона на Россию». Сперва Д. Бутурлину была отведена роль переводчика и интерпретатора материалов К. Толя о 1812 г., но после отъезда Жюмини ему поручается хотя бы частично довести до конца задуманный труд¹⁰⁴. К началу 1820 г. он был завершён под названием «Военная история кампании 1812 года»¹⁰⁵ (т. е. точно так же, как и предшествовавшее ему описание К. Толя) и широко включил в себя ее материалы. Книга Д. Бутурлина была издана в 1823—1824 гг., как и предполагалось вначале, на французском языке (и только затем переведена на русский), способствуя, по выражению современника, «распространению славы России во всех краях света»¹⁰⁶, или, точнее говоря, официальных взглядов правительства на Отечественную войну.

Примерно к тому же времени, когда Александр I решил создать под руководством Жюмини историю наполеоновских войн, относится еще одно чрезвычайно важное военно-ученое начинание, повлиявшее на оживление исторических работ в этой области.

Сравнительно молодой, необычайно энергичный и просвещенный генерал Н. М. Сипягин, став с 1814 г. начальником штаба Гвардейского корпуса, заводит здесь ланкастерскую школу для нижних чинов, хорошо оснащенную типографию с литографией, а для развития военно-теоретических знаний и образования офицеров русской армии основывает при штабе Общество военных людей, ставившее своей целью издание «Военного журнала»¹⁰⁷.

Открытие Общества, приуроченное ко дню торжественного посещения Александром I дома Гвардейского штаба, состоялось 23 ноября 1816 г., и хотя оно пользовалось покровительством властей — в почетные члены избирается сам царь, великие князья, влиятельные сановники и генералы, деятельность Общества, возникшего в обстановке послевоенного подъема, с самых первых шагов приобретает не официально-правительственный, а общественно-просветительский характер. Бессменным же редактором «Военного журнала» (вплоть до лета 1819 г., когда он был закрыт) становится все тот же Ф. Н. Глинка.

Основной задачей «Военного журнала» являлось обобщение и популяризация опыта войн наполеоновской эпохи и в первую очередь войны Отечественной и заграничных походов, освещение их занимает здесь едва ли не важнейшее место, а Ф. Глинка получает возможность претворить в жизнь свои взгляды на то, какой должна быть история Отечественной войны, развитые в его разобранном выше «Рассуждении». Если учесть, что в том же 1816 г. завершается печатание «Писем русского офицера» — выдающегося памятника военно-общественной мысли кануна образования декабристских обществ, то станет понятно, что тема Отечественной войны действительно стоит тогда в центре умственных интересов Ф. Глинки.

Изданное им «Краткое начертание „Военного журнала“» — историко-публицистическое вступление и конкретная программа нового печатного органа, проникнутые теми же идейно-просвети-

тельскими установками, предусматривало широкую публикацию «исторических известий» и «достоверных сказаний» «о последних войнах в Европе» и заведение в журнале специального «отделения» «Обозрение разных обстоятельств Отечественной войны (1812 года) и заграничных (1813 и 1814 годов) походов». В «отделении», озаглавленном «Известия о военных добродетелях Россиян», предполагалось обнародовать «анекдоты о храбрости офицеров и рядовых», прославивших себя в войнах с Наполеоном¹⁰⁸. В этих «отделениях» в 1817—1819 гг. появляются описания кампаний 1812—1814 гг., в частности военно-исторические работы самого Ф. Глинки, очерки о воинских заслугах генералов, офицеров, партизанской борьбе, народном героизме¹⁰⁹. В первом же номере «Военного журнала» под названием «Записки о военных действиях» печатаются отрывки из истории войн 1812—1813 гг. Н. М. Сипягина, задуманной им вскоре по окончании заграничных походов. Н. Н. Муравьев-Карский, бывший тогда квартирмейстерским офицером при штабе гвардии, отмечал в своих воспоминаниях, что осенью 1814 и в начале 1815 г. «занятия наши по службе состояли в черчении планов для кампании 1812 года, которую Сипягин хотел описывать»¹¹⁰. Всего было напечатано 7 таких «записок», охватывавших период от вступления русских в Вильну в декабре 1812 г. до Кульмского сражения¹¹¹. Однако это — лишь часть более обширного сочинения, которое он так и не успел завершить до своей внезапной кончины в 1828 г.¹¹²

Ф. Глинке при поддержке Н. Сипягина удалось сплотить вокруг «Военного журнала» лучшие силы военной интеллигенции (преимущественно из гвардии и квартирмейстерской части), живо интересовавшейся военным делом вообще и историей войн 1812—1814 гг. в особенности. Не случайно в числе его сотрудников мы видим людей, которые были причастны к историографическим начинаниям в этой области, возникшим еще ранее и независимо от «Военного журнала», например: А. А. Писарева, Е. В. Фукса, Н. А. Столыпина. Среди авторов и участники предпринятого по распоряжению Александра I описания наполеоновских войн, прежде всего сам Жюмини, «чтением военных уроков» начавший занятия Общества военных людей¹¹³, а теоретической статьей «Общие правила военного искусства» открывший первую книжку «Военного журнала». К. Толь печатает в нем «Описание сражения при Кульме»¹¹⁴. Выступает на страницах «Военного журнала» и Д. П. Бутурлин¹¹⁵.

Но более всего бросается в этом смысле в глаза активнейшее участие в журнале лиц декабристского круга. Одного факта редакторства Ф. Глинки было бы достаточно, чтобы признать их руководящую роль в «Военном журнале». Но помимо Ф. Глинки в качестве авторов оригинальных работ и переводчиков в нем печатаются состоявшие членами тайных обществ Никита Муравьев, И. Г. Бурцов, В. Д. Вальховский, А. Ф. Бригген, М. К. Грибовский, близкий в те годы к декабристам Д. В. Давыдов¹¹⁶, тесно связанный с ними по масонским ломам и Вольному обществу.

ву любителей российской словесности Андрей Никифорович Пушкин (14 декабря 1825 г. он выйдет с гвардейским экипажем на Сенатскую площадь)¹¹⁷, наконец, брат «первого декабриста» В. Ф. Раевского — Андрей Федосеевич Раевский, друг Ф. Глинки¹¹⁸ и И. Г. Бурцова, в 1815—1819 гг. адъютант Н. Сипягина, бывший по свидетельству И. Липранди «главным деятелем в издании военного журнала»¹¹⁹. Он, действительно, особенно часто выступает в нем как популяризатор и толкователь классических трудов по военному искусству и истории войн революционной эпохи, а в 1818 г. Общество военных людей выпускает в его переводе «Правила стратегии эрцгерцога Карла», доставившие А. Раевскому известность в военно-литературных кругах¹²⁰.

Связь «Военного журнала» с декабристским движением, его идеологией и взглядами декабристов на военную историю отмечалась в литературе, но лишь в общих чертах¹²¹, и характер этой связи конкретно раскрыт не был. Отчасти это объясняется тем, что мало изучено само Общество военных людей, не выяснена его предыстория, практическая деятельность в 1817—1819 гг., обстоятельства, вследствие которых оно прекратило свое существование, наконец, не обследовался сколько-нибудь систематически и состав «Военного журнала». На это обратил внимание еще в 1934 г. Ю. Г. Оксман, но за прошедшие 40 с лишним лет положение почти не изменилось. Он же высказал тогда мысль о том, что Общество военных людей с его журналом явилось «одним из периферийных органов Союза благоденствия» и было использовано им для прикрытия своей революционной деятельности¹²².

Не оспаривая этого предположения (оно кажется нам весьма плодотворным, хотя и нуждается в уточнении и фактической аргументации), хотелось бы только отметить, что Союз благоденствия образовался в начале 1818 г., тогда как Общество военных людей возникло еще более чем за год до того и с тех пор вышло в свет 12 книжек «Военного журнала». Наличие среди его организаторов и активных сотрудников по меньшей мере четырех членов Союза спасения: самого Ф. Глинки (с лета 1816 г.), Никиты Муравьева — одного из основателей Союза, И. Бурцева (с начала 1817 г.) и В. Вальховского (с середины 1817 г.)¹²³ естественно заставляет предполагать, что за «Военным журналом» стояло это первое декабристское общество.

Современное декабристоведение отвергло представления старой историографии о Союзе спасения как замкнуто-заговорщической организации. В исследованиях последних десятилетий убедительно показано, что и Союзу спасения не была чужда просветительская идея воздействия на общественное мнение (кстати, зафиксированная в его уставе) посредством активной работы в разного рода общественных объединениях, на поприще литературы и журналистики¹²⁴. Однако конкретные факты инфильтрации Союза спасения в окружающую литературно-общественную среду 1816—1817 гг. почти не выявлены. Единственной до сих пор ус-

тановленной в литературе попыткой такого рода явилось внедрение Ф. Глинки в декабре 1816 г. в возобновившее свою деятельность Вольное общество любителей российской словесности, наук и художеств и в его негласный орган — «Сын Отечества»¹²⁵. Думается, что почти одновременное проникновение Ф. Глинки и его соратников по Союзу спасения в Общество военных людей следует рассматривать в том же ряду¹²⁶. «Военный журнал» был, видимо, использован как легальная арена деятельности Союза спасения в целях идейного влияния на столичную офицерскую молодежь и более широкую военно-армейскую среду, — подобно тому, как несколько позднее, уже в период Союза благоденствия, тот же самый Ф. Глинка успешно руководит целой сетью его «вольных» обществ и периферийных филиалов¹²⁷.

Напомним, что в эпоху декабризма, кроме «Полярной звезды» А. Бестужева и К. Рылева, «Военный журнал» был единственным периодическим изданием, официально и фактически возглавлявшимся членом тайного общества, и то обстоятельство, что вопросы исторического осмысления опыта 1812 г. занимали в нем столь значительное место, представляется в плане нашей темы полным глубоким интереса.

* * *

Итак, мы подробно рассмотрели почти не освещенный в нашей литературе вопрос о зарождении исторических представлений об Отечественной войне. Поражает прежде всего сама множественность усилий в этой области — замыслы посвященных ей исторических трудов независимо друг от друга возникают одновременно в разных слоях общества. К ним оказываются прикосновенны государственные сановники, учителя гимназий, губернаторы, видные деятели русской культуры и безвестные литераторы, журналисты и профессиональные историки. Словом, как верно писал А. Я. Булгаков, тогда «всякий хотел быть историкографом, всякий желал внести како-нибудь событие или воспоминание в отечественные летописи»¹²⁸. Столь остро проявившийся в первые послевоенные годы интерес к истории Отечественной войны и попытки его воплощения обрели характер широкого общественного движения, явившись важным фактором идейной жизни того времени. Существенно отметить, что уже тогда это движение не было политически однородным, в нем отразился целый спектр идеологических течений эпохи — и ретроградно-монархическое, и умеренно-консервативное, и просветительское, и, наконец, зарождавшееся декабристское.

Особенно много по части создания истории 1812 г. было сделано в самой армии. У истоков посвященных ей исторических трудов стоят, как мы видели, крупные военачальники — К. Ф. Толь, П. П. Коновницын, Н. М. Сипягин, но в первую очередь, конечно, М. И. Кутузов, П. И. Багратион и М. Б. Барклай-де-Толли; по их заданию сотрудники штабов с конца

1812 г. принимаются за первые военно-исторические описания кампании. Интерес к войне захватывает наиболее образованных, мыслящих офицеров русской армии и вне зависимости от тех или иных предписаний командования. Проникаясь идеей создания обширного исторического повествования об Отечественной войне и жизнеописаний ее героев, они еще в 1813—1814 гг. по своему почину начинают составлять обзоры военных действий, военно-теоретические трактаты о 1812 годе, биографии полководцев и, таким образом, в рядах армии формируются кадры военных писателей и историков.

Красной нитью через все эти годы проходит неутомимая военно-общественная и публицистическая деятельность Ф. Глинки. Надо еще раз подчеркнуть, что его «Рассуждение...» — просветительская по своей сути программа освоения и популяризации опыта 1812 г. — явилось, как выясняется, не актом индивидуального творчества Ф. Глинки, а своего рода манифестом определенном группы прогрессивно настроенных офицеров. И эту программу он стремится воплотить и в собственных военно-исторических сочинениях и, будучи уже членом декабристских обществ, в руководимом им «Военном журнале».

Проблема создания истории Отечественной войны сильно занимает и прессу — на ее страницах печатаются разного рода проекты и размышления современников на эту тему, сообщения о готовящихся к изданию трудах. Наконец, немалый вклад в это дело вносит и правительство, по окончании войны предпринимающее первые шаги на пути подчинения своим политическим целям изучение наполеоновских войн и развертывающее крупные историографические предприятия по линии военного ведомства.

Мы почти не затрагивали здесь вопрос о соотношении разобранных выше историографических трудов и проектов на тему 1812 г. с состоянием исторической науки того времени как общегражданской, так и военной, об их профессионально-историографическом уровне — это предмет специального исследования. Заметим только, что эти труды и проекты относятся в целом к еще очень плохо освещенному в нашей литературе «докарамзинскому» периоду отечественной историографии, и совершенно очевидно, что в его дальнейшем изучении непременно должны быть учтены и использованы. Они, в частности, могли бы предоставить богатый материал для постановки проблемы влияния эпохи 1812 года на развитие исторической мысли в России.

¹ *Ахшарумов Д. И.* Описание войны 1812 года. СПб., 1819.

² *Бутурлин Д. П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. СПб., 1823—1824, т. I, II.

³ См., напр.: *Богданович М.* История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам.

СПб., 1860, т. III, с. 533; *Андреев П. Г.* Народная война 1812 года в русской исторической науке. — Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та. История, 1945, вып. 7, с. 3; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955, т. 1, с. 324. ⁴ *Тартаковский А. Г.* Русская армейская публицистика Отечест-

- венной войны 1812 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965, с. 21, 22.
- ⁵ См., напр.: *Деминский Я.* Поход Наполеона в Россию, или Описание происшествий, бывших в России в 1812 году, во время нашествия французов с народами всей Европы и бегство их. СПб., 1813. Ч. 1, II; *Булгаков А. Я.* Русские и Наполеон. СПб., 1813; *Наполеон и французы в Москве.* М., 1813; *Поход Наполеона в Россию и бегство их из оной.* М., 1813. Ч. 1, 2; *Тилонов Я.* Поражение французов на Севере, или Военная история знаменитых подвигов российских полководцев и воинов против французов в 1812 году. М., 1814.
- ⁶ *Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы. М., 1953, с. 110, 111, 113; *Он же.* Ученая республика. М.; Л., 1964, с. 50, 51; *Фришман Л. Г.* Литературная критика декабристов.— В кн.: *Литературно-критические работы декабристов.* М., 1978, с. 13—15.
- ⁷ *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958, с. 423; *Он же.* На путях исторического познания.— В кн.: *Декабристы и русская культура.* М., 1975, с. 77.
- ⁸ *Русский вестник*, 1815, № 4, с. 25—49; *Сын Отечества*, 1816, № 4, с. 138—162; *Глинка Ф.* Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах... (далее: *Глинка Ф.* Письма к другу). СПб., 1816, с. 3—37.
- ⁹ *Русский вестник*, 1815, № 25, с. 4.
- ¹⁰ *Глинка Ф.* Письма русского офицера, М., 1815, ч. V, с. 152—155.
- ¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 144—145, 147, 150.
- ¹² *Русская старина*, 1901, № 3, с. 718, 719.
- ¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 384—409.
- ¹⁴ ГПБ, ф. 488, № 46, *Журнал* 1813 г., с. 158.
- ¹⁵ *Лотман Ю. М.* Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность.— В кн.: 1812 год: К столетию Отечественной войны. Сб. ст. М., 1962; *Он же.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли.— Учен. зап. Тартуского ун-та, 1963, т. 6, вып. 38. Труды по русской и славянской филологии; *Рогинский А. П. А. Габбе:* Биографический очерк.— В кн.: *Русская филология:* II Сб. науч. студ. работ Тартуского ун-та, 1967, с. 83—94; *Минкин М. А. П. А. Габбе в общественном и литературном движении 20-х годов XIX в.—* В кн.: *Освободительное движение в России.* Саратов, 1978, вып. 7, с. 42—51.
- ¹⁶ *Глинка Ф.* Письма к другу, ч. I, с. 1—2.
- ¹⁷ *Сын Отечества*, 1816, № 4, с. 139, 140, 144.
- ¹⁸ Там же, с. 161—164.
- ¹⁹ *Записка Никиты Муравьева «Мысли об Истории Государства Российского Н. М. Карамзина».*— В кн.: *Литературное наследство.* М., 1954, т. 59, с. 570; *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов, с. 45, 46.
- ²⁰ *Дневники и письма Н. И. Тургенева.* СПб., 1913, т. 3, с. 238.
- ²¹ *Писарев А. А.* Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим (далее: *Писарев А. А.* Военные письма...). М., 1817, ч. I, с. 4—6.
- ²² *Отечественные записки*, 1820, № 8, с. 251.
- ²³ ЦГАДА, Госархив, XI, д. 1170, л. 51, 51 об.
- ²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 386—405.
- ²⁵ Там же, л. 393, 399.
- ²⁶ Там же, л. 403 об.—404.
- ²⁷ Там же, л. 399 об., 402.
- ²⁸ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, д. 164, л. 1—4. Поход русской армии против Наполеона и освобождение Германии в 1813 году. М., 1964, с. 231, 465, 466.
- ²⁹ *Историческое описание войны 1812 года.* СПб., 1813, с. 131—132.
- ³⁰ *Отечественные записки*, 1820, № 8, с. 251.
- ³¹ *Липранди И. П.* Война 1812 года: Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам»/Соч. г-м. Богдановича. М., 1869, ч. II. Замечания на третий том, с. 58.
- ³² ЦГВИА, ф. 35, оп. 1/242, св. 16, д. 10, л. 1—5.
- ³³ В ЦГВИА (ф. 474, дд. 1294, л. 1—382) хранится эта рукопись со следами авторской правки по за-

- мечаниям Военно-ученого комитета, имевшим не только редакционный, но и откровенно политический характер. Д. Ахшарумову пришлось, в частности, вымарать пространные рассуждения о причинах московского пожара, расхворившиеся с общепринятой тогда официальной версией (л. 172—174).
- ³⁴ ЦГВИА, ф. 35, оп. 1/242, св. 16, д. 10, л. 10—11.
- ³⁵ Сын Отечества, 1819, № 46, с. 275, 276.
- ³⁶ Там же, 1819, № 50, с. 133.
- ³⁷ ЦГВИА, ф. 35, оп. 1/242, св. 16, д. 10, л. 1, 4.
- ³⁸ Сын Отечества, 1819, № 50, с. 182.
- ³⁹ ЦГАДА, Госархив, XI, № 1170, л. 9, 50 об.
- ⁴⁰⁻⁴¹ Там же, л. 9, 49—51 об. Вскоре Н. Старынкевич был отвлечен от «исторического объяснения» военно-дипломатическими поручениями Барклая де Толли, при отъезде передал на хранение все свои бумаги другим лицам, после войны до 1825 г. жил за границей, затем болезни и длительная служба в русской администрации в Польше снова помешали продолжить эту работу,— и в итоге все исторические труды Н. Старынкевича о войне 1812 г. не только остались неоконченными, но даже рукописи их исчезли бесследно. По свидетельству его брата, Н. Старынкевич был «постоянно озабочен приведением к концу предпринятого труда, для которого он за границей собрал важнейший материал при пособии многих лиц» (генерал-адъютанта Жомини, бывшего с ним в близких отношениях, генерала Пфуля, сообщившего ему «Замечания»), и «свои бумаги по истории 1812 года» назвал «святыми». Н. Старынкевича всю жизнь тяготила мысль о незавершенности этого труда и незадолго до смерти в 1857 г. он признавался: «Кроме ответа перед Богом, я унесу с собой тяжкий грех перед моим Государем и моим Отечеством» (Там же, л. 4—5; Журнал ИРВИО, 1911, кн. 6, отд. 3, с. 5—6).
- ⁴² Исторический вестник, 1890, № 10, с. 157.
- ⁴³ ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, д. 240, л. 1, 1 об.
- ⁴⁴ Михайловский-Данилевский А. И. Записки о 1814 и 1815 гг. 2-е изд. СПб., 1832, с. 99.
- ⁴⁵ Сын Отечества, 1814, № 47, с. 68.
- ⁴⁶ Там же, 1815, № 4, с. 163.
- ⁴⁷ Русский вестник, 1890, № 9, с. 145.
- ⁴⁸ Михайловский-Данилевский А. Записки 1814 года. СПб., 1831, с. 85.
- ⁴⁹ ГПБ, ф. 488, № 43. Рукопись на 328 страниц.
- ⁵⁰ Отечественные записки, 1820, № 7, с. 58; № 8, с. 250; 1821, № 9, с. 81.
- ⁵¹ Липранди И. П. Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 г. об Отечественной войне 1812 г. М., 1876, с. 15; Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов. М., 1956, т. 1, с. 31.
- ⁵² Каталог рукописных материалов о войне 1812 г. Л., 1961, с. 90.
- ⁵³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3471.
- ⁵⁴ Столетие Военного министерства, 1802—1902. СПб., 1909, т. III, отд. 5, с. 48; Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812—1815). СПб., 1882, с. 295.
- ⁵⁵ Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствованиях Александра I (1807—1829). СПб., 1883, с. 123.
- ⁵⁶ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб. 1912, т. XIX, с. 344.
- ⁵⁷ Труды ИРВИО, 1912, т. 6, кн. 2, с. 3—5.
- ⁵⁸ Там же, с. 68—73.
- ⁵⁹ Военный журнал, 1858, кн. 1.
- ⁶⁰ Труды ИРВИО, 1912, т. 6, ч. 2, с. 17—67.
- ⁶¹ Подробнее об оправдательных документах М. Барклая де Толли см.: Казаков Н. И. О записках М. Барклая де Толли. Военно-исторический журнал, 1974, № 4.
- ⁶² Труды ИРВИО, 1912, т. 6, ч. 2, с. 3.
- ⁶³ Краткое обозрение знаменитого похода российских войск против французов 1812 года. СПб., 1813, с. 18—20.
- ⁶⁴ Там же, с. 19, 20.
- ⁶⁵ Труды ИРВИО, 1912, т. 6, ч. 2, с. 12.
- ⁶⁶ ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 141, д. 31, ч. 1, л. 23.
- ⁶⁷ Пыпин А. Н. Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917, с. 40.
- ⁶⁸ Н. С. Огrywки из записок военного человека. М., 1822, с. 175—223.

- ⁶⁹ *Писарев А. А.* Военные письма..., ч. I, с. 4.
- ⁷⁰ Там же, с. 431—432. См. Сын Отечества, 1814, № 47, с. 68—69.
- ⁷¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 386 об., 401 об.
- ⁷² М. И. Кутузов: Сб. док. М., 1956, т. 5, с. 754—755.
- ⁷³ Известия о службе и подвигах генерала Коновницына. Сын Отечества, 1813, № 27, с. 21—29. Об авторстве Д. Ахшарумова см.: Поход русской армии..., с. 465; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3376, ч. III, л. 384, 385.
- ⁷⁴ В «Письмах русского офицера» (ч. V, с. 109) в записи за 25 мая 1813 г. Ф. Глинка пишет, что ему «поручено составить описание действий авангардных и арьергардных войск в прошедшей и нынешней войне» — ими командовал М. Милорадович. В «Журнале 1813 года» А. Михайловский-Данилевский указывал, что это поручение исходило от самого Милорадовича, который «просил меня пересмотреть работу Глинки» (ГПБ, ф. 188, № 46, с. 157). В курсе ее был и Д. И. Ахшарумов, он читал это описание в рукописи и в переписке с А. Михайловским-Данилевским делился о ней своими впечатлениями (ЦГВИА, ф. ВУА, т. 3376, ч. III, л. 401—408 об.). Сохранился автограф описания со следами правки рукой Ф. Глинки и текстами, отсутствующими в первом издании 1814 г. (ГБЛ, ф. 711, Собр. А. П. Гранкова, № 162, 163).
- ⁷⁵ Подвиги графа М. А. Милорадовича в Отечественную войну 1812 года, с присовокуплением некоторых писем от разных особ: Из записок Ф. Глинки. М., 1814; Деяния графа М. А. Милорадовича в Италии, Швейцарии, Турции, в достопамятную Отечественную войну в России в 1812 г. СПб., 1816. Ч. 1—3; Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича, сочиненное Федором Глинкою. СПб., 1818.
- ⁷⁶ О генерале Дохтурове. — Сын Отечества, 1817, № 2, с. 75—82; Русская старина, 1897, № 6, с. 454—458.
- ⁷⁷ *Проходцев Н. И.* Рязанская губерния в 1812 году, преимущест-
- венно с бытовой стороны. Рязань, [1913], ч. 1, с. 5.
- ⁷⁸ Русская старина, 1872, № 1, с. 13—22.
- ⁷⁹ Двенадцать собственноручных писем адмирала А. С. Шишкова СПб., 1841, с. 24—32.
- ⁸⁰ Московские ведомости, 1813, № 8
- ⁸¹ Известие об этом было получено в Москве, как писал Н. Карамзин В. М. Карамзину, только 13 апреля 1814 г. (см.: Атеней, 1858, № 24, с. 539).
- ⁸² Русская старина, 1898, № 10, с. 33.
- ⁸³ Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 170.
- ⁸⁴ Русская старина, 1898, № 10, с. 33—34.
- ⁸⁵ Освобождение Европы и слава Александра I: Стихотворение Н. Карамзина, посвященное московским жителям. М., 1814.
- ⁸⁶ Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. СПб., 1862, ч. I, с. 192, 193.
- ⁸⁷ *Лигарев К. В.* Неосуществленный замысел Карамзина. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. М.; Л., 1966, с. 292.
- ⁸⁸ Там же, с. 293.
- ⁸⁹ *Карамзин Н.* История Государства Российского. СПб., 1818, т. I, с. XXI, XXIV.
- ⁹⁰ Письма Н. М. Карамзина И. И. Дмитриеву, с. 181.
- ⁹¹ Там же, с. 180.
- ⁹² Русская старина, 1898, № 10, с. 34.
- ^{93—95} Атеней, 1858, № 24, с. 542.
- ⁹⁶ Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина, ч. I, с. 117, 118; *Грот Я. К.* Очерк деятельности и личности Карамзина. СПб., 1867, с. 57.
- ⁹⁷ *Погодин М. Н.* М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866, ч. II, с. 120, 121.
- ⁹⁸ *Грот Я. К.* Указ. соч., с. 57.
- ⁹⁹ *Погодин М.* Указ. соч., ч. II, с. 129—130.
- ¹⁰⁰ *Карамзин Н.* История Государства Российского, т. I, с. IX, XI.
- ¹⁰¹ Русская старина, 1898, № 10, с. 34.
- ¹⁰² *Берков П. Н., Макогоненко Г. П.* Жизнь и творчество Н. М. Карамзина. — В кн.: Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964, т. 1.
- ¹⁰³ Подробнее см.: *Таргаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 года: (Опыт ре-

- конструкции).— Ист. зап., 1970, т. 85, с. 368—428.
- ¹⁰⁴ *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962, с. 99.
- ¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 35, оп. 1/242, св. 19, д. 161а, л. 1, 2.
- ¹⁰⁶ *Греч Н.* Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, с. 270.
- ¹⁰⁷ Русская старина, 1900, № 4, с. 102.
- ¹⁰⁸ Краткое начертание Военного журнала, изданное действительным членом Общества, учрежденного при Главном гвардейском штабе Ф. Глинкой. СПб., 1817, с. 2, 3.
- ¹⁰⁹ Военный журнал, 1817, кн. II, с. 21—30; кн. V, с. 44—59; кн. VII, с. 48, 49; кн. X, с. 27—48, 52, 53; 1818, кн. IX, с. 16—28; кн. X, с. 34—50; кн. XI, с. 33—42.
- ¹¹⁰ Русский архив, 1886, № 2, с. 130.
- ¹¹¹ Военный журнал, 1817, кн. I, с. 30—54; кн. II, с. 18—40; кн. VIII, с. 26—47; 1818, кн. III, с. 24—42; кн. IV, с. 21—38; кн. V, с. 23—40; кн. VI, с. 19—33; кн. VII, с. 24—42; кн. VIII, с. 25—42.
- ¹¹² *Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. СПб., 1846, т. III; *Н. М. Сипягин*, с. 5.
- ¹¹³ Из эпистолярного наследства декабристов. Письма декабристов к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975, с. 94.
- ¹¹⁴ Военный журнал, 1818, кн. I, с. 19—32.
- ¹¹⁵ *Соколовский М.* «Военный журнал» как периодическое издание 1817—1819.— Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом, СПб., 1906, вып. XVII.
- ¹¹⁶ Военный журнал, 1817, кн. V, с. 42—52; 1818, кн. IV, с. 1; кн. V, с. 42—52; 1817, кн. IX, с. 51; кн. VIII, с. 54—56; кн. V, с. 40, 41.
- ¹¹⁷ *Базанов В.* Ученая республика, с. 342, 343.
- ¹¹⁸ Сохранились письма А. Ф. Раевского к Ф. Глинке за 1816 г.— свидетельство их тесных дружеских отношений (ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, д. 378, л. 1, 2).
- ¹¹⁹ Русский архив, 1866, ст. 1430.
- ¹²⁰ Военный журнал, 1817, кн. I, с. 1; кн. IV, с. 1; кн. VIII, с. 1; кн. IX, с. 59; кн. X, с. 1; 1818, кн. VI, с. 32—42; кн. VIII, с. 13; кн. IX, с. 9.
- ¹²¹ *Прокофьев Е. А.* Борьба декабристов за передовое военное искусство. М., 1953, с. 271—275; *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962, с. 70.
- ¹²² *Рылеев К.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1934, с. XXIII; (Библиотека поэта. Большая серия). Литературное наследство, М., 1934, т. 16/18, с. 632, 633.
- ¹²³ *Нечкина М. В.* Движение декабристов, М., 1955, т. 1, с. 144, 145, 167.
- ¹²⁴ Там же, с. 158, 159, 163, 181, 182; *Базанов В.* Ученая республика, с. 41, 51.
- ¹²⁵ *Базанов В.* Ученая республика, с. 42—47. См. также: *Михайловская Н. М.* Журнал «Сын Отечества» в период Отечественной войны и становления декабризма (1812—1818 гг.).— Учен. зап. Удмурт. пед. ин-та, Ижевск, 1956, вып. 9.
- ¹²⁶ И. Г. Бурцев в письме от 25 октября 1816 г. своему сослуживцу и другу Н. Н. Муравьеву-Карскому, уехавшему на Кавказ, извещающая об ожидавшемся в ноябре посещения Александром I штаба Гвардейского корпуса, писал: «С сего же время г. Сипягин хочет начать издание *Военного журнала*, коего, по его словам, имеет он уже на 8 месяцев» (Из эпистолярного наследства декабристов..., с. 94). Если к октябрю 1816 г. было собрано 8 книжек журнала, то ясно, что готовился он исподволь, задолго до царского разрешения в ноябре 1816 г. и вряд ли силами одного только Н. Сипягина. Возможно, что уже тогда к составлению журнала, равно как и к разработке программы Общества военных людей, был привлечен Ф. Глинка, по своим тесным связям с М. Милорадовичем хорошо известный Н. Сипягину—ближайшему сподвижнику Милорадовича в кампаниях 1812—1814 гг.
- ¹²⁷ *Базанов В.* Ученая республика, с. 41—47, 51; *Нечкина М. В.* Указ. соч., т. 1, с. 252—267. Общество военных людей не замыкалось в рамки военно-ученых занятий. Под их покровом члены тайной

организации вели обсуждение злободневных проблем социального и политического бытия страны. Ценные сведения об этом содержатся в следственных показаниях И. Г. Бурцева, признавшего, что «во время служения его в Петербурге с 1815 по 1819 год он был действительным членом Общества военных наук, учрежденного при Штабе Гвардейского корпуса», и хотя «оно имело главной целью усовершенствование офицеров в специально военных знаниях», в основанной для того библиотеке находились, кроме военных, и другие сочинения, к чтению которых «были приглашаемы все гвардейские офицеры». О том, какое направление имели эти чтения, И. Бурцев пишет: члены Общества, «возбужденные некоторыми действиями правительства и сочинением Грибовского о сво-

бде крестьян, устремились к снисканию познаний в политических науках». «Общее стремление к снисканию сведений весьма много было усилено» речью Александра I в Варшаве, в которой высказывалось «намерение распространить со временем и на Россию подобное образование (т. е. ввести конституционный строй — А. Т.). Сие важное явление возбуждало в членах военного общества рвение сделаться полезным правительству в достижении цели оной, а для сего надлежало обогатить себя всеми сведениями, кои бы могли быть употребленными в исполнение общественных обязанностей». (Восстание декабристов, М., 1927, т. IV, с. 43; *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 278—279).

¹²⁸ ГБЛ, ф. 233, карт. 17, № 17.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Э. Х. КАРР: ОТ «ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА» К «НОВОМУ ОБЩЕСТВУ»

А. М. Нейман

Эдвард Хэллетт Карр принадлежит к старшему поколению английских историков, к тому поколению, мировоззренческие принципы и политические идеалы которого формировались на основе либерально-реформистских концепций конца викторианской эпохи¹.

Э. Карр родился в Лондоне в 1892 г., учился в Лондонской промышленной школе, а затем окончил колледж Святой Троицы (Тринити-колледж) в Кембриджском университете. Вскоре после начала первой мировой войны он был зачислен в штат английского министерства иностранных дел. С этого времени и начинается двадцатилетний период дипломатической службы Карра: в 1919 г. он — член английской делегации на Парижской мирной конференции; в 1920—1921 гг. — сотрудник британского посольства во Франции; с 1922 по 1925 г. — работник аппарата МИД в Лондоне; в 1925—1929 гг. — первый секретарь британского посольства в Риге; в 1930—1933 гг. — помощник советника по делам Лиги Наций.

Исследовательские интересы Э. Карра как историка, публициста, философа сформировались в 30-е годы. В 1931 г. вышла его первая крупная работа — биографическое исследование о Ф. М. Достоевском; два года спустя — труд «Романтические изгнанники» (очерки, посвященные А. И. Герцену и Н. П. Огареву), а в 1934 г. — биография К. Маркса. К этому же циклу сочинений Карра принадлежат и написанная им в 1937 г. биография М. Бакунина, и книга «Исследования революции» (1950) — сборник публицистических и исторических эссе, печатавшихся до этого в литературном приложении к «Таймс».

В 1936 г. Э. Карр уходит в отставку и получает кафедру профессора международной политики в Уэльском университете (до 1947 г.), а затем — должность профессора истории и политики в Оксфорде и Кембридже. В годы второй мировой войны Карр занимался активной общественной деятельностью (с октября 1939 г. по апрель 1940 г. он — руководитель иностранного отдела министерства информации, а в 1941—1946 гг. — один из редакторов «Таймс»). В эти годы Карр интенсивно разрабатывает второй после отмеченного выше, биографического, цикл своих иссле-

дований, в центре которого история и теория международной политики новейшего времени. В 1937 г. он опубликовал книгу «Международные отношения после заключения мирных договоров»²; в 1939 г. вышли еще два труда: «Двадцатилетний кризис, 1919—1939» и «Британия: Исследование внешней политики от Версальского договора до начала войны».

Все эти работы, скорее всего, относятся к тому типу исторических исследований, которые в наши дни получили наименование «свидетельская история» (eye-witnessed-history); их отличительной особенностью является непосредственная включенность историка в исторические события. По форме указанные работы Карра близки к публицистике. Но именно эти труды выдвинули Э. Карра в число крупнейших буржуазных исследователей истории и теории международных отношений новейшего времени. Он стал одним из главных теоретиков так называемого политического реализма. Концепция «политического реализма» развивалась Карром и в более поздних работах: в социально-философском и политическом трактате «Условия мира» (1942), в брошюре «Национализм и после» (1945), исследующей категорию «нация» в связи с анализом международных отношений новейшего времени; в эссе «Пропаганда и сила» (1952), а также в работе «Германосоветские отношения между двумя мировыми войнами» (1951). Последняя книга тематически примыкает к третьему, наиболее известному циклу исследований Карра, посвященному истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР.

Замысел написать историю великой революции созрел у английского профессора истории, видимо, еще в 30-е годы, в период работы над портретной галереей выдающихся представителей освободительного движения в России и знакомства с марксизмом. Но реализация приходится на послевоенные десятилетия. Началом послужили лекции, прочитанные Карром в 1946 г., которые затем были изданы отдельной книгой с примечательным названием: «Советское влияние на западный мир». В 50—60-е годы выходят один за другим восемь массивных томов его «Истории Советской России»; первые три тома (1950—1953) — под титулом «Большевистская революция, 1917—1923»; четвертый (1954) — о Советской России 1923—1924 гг.; пятый, шестой и седьмой (в двух книгах) были опубликованы соответственно в 1958, 1959 и 1964 гг. под названием «Социализм в одной стране, 1924—1926». В 1969 г. вышел первый (из трех намеченных и завершающих цикл) том «Основ планового хозяйства, 1926—1929», написанный в сотрудничестве с английским историком Р. У. Дэвисом, а в 1976 г. был опубликован и второй том этого труда. Таким образом, замысел Э. Х. Карра — создать наиболее подробную из написанных на Западе «Историю Советской России» — близится к завершению. Параллельно английский историк работал над исследованиями методологического характера. Его труд «Новое общество» (1951) и получившая широкую известность работа «Что

такое история?» являются результатом многолетних мировоззренческих, методологических и историографических исканий.

Эволюцию идейно-теоретических и методологических взглядов английского историка (а именно эта проблема является предметом настоящей статьи) в концентрированном виде можно проследить прежде всего в трудах, посвященных проблемам международной политики и теоретическим вопросам исторической науки.

* * *

В эволюции буржуазных теорий международных отношений и международной политики на протяжении последних трех десятилетий отчетливо выделяются два периода. Первый (40-е — начало 50-х годов) характеризуется сменой так называемых «идеалистических», или «утопических», внешнеполитических доктрин концепцией, получившей в буржуазной политологии довольно расплывчатое и явно требующее конкретизации обозначение «политический реализм». Второй период, начавшийся в 60-е годы, связан с появлением нового — «научного», «бихевиористского» — направления, обычно определяемого как «модернизм»³, который противопоставляет себя господствующему «традиционалистскому» подходу к анализу международной политики новейшего времени. Оба периода отмечены острой полемикой и разногласиями: 40—50-е годы — между «утопизмом» и «реализмом», 60-е — начало 70-х годов — между «традиционализмом» и «модернизмом». И в том, и в другом случае неизменно фигурируют исследования Э. Х. Карра. Еще в конце 40-х годов Г. Моргантау, патриарх современного «политического реализма» в США, оценивал исследования Э. Карра как «вклад первой величины» в теорию международной политики. В 60-е годы в ходе развернувшихся «новых великих дебатов» между «модернистами» и «традиционалистами» внешнеполитические сочинения Карра вновь привлекли к себе внимание и оказались в центре методологических дискуссий⁴.

Уже в первой работе внешнеполитического цикла — «Международные отношения между двумя мировыми войнами» — достаточно отчетливо прослеживаются две отличительные особенности подхода Карра к анализу международной политики. Во-первых, Э. Карр убежден в том, что любой удовлетворительный анализ внешней политики и международных отношений должен включать в качестве необходимого составного элемента критику и самокритику, которые, как писал Э. Карр немного позднее, предполагают «открытие и формулирование целей и средств», реалистический учет всей совокупности действующих сил и тенденций. Вне этой исследовательской установки на «реалистический критицизм» нельзя до конца понять и вторую характерную особенность внешнеполитических сочинений английского историка: тесное переплетение в них конкретно-исторического повествования, теоретико-методологического анализа и практических рекоменда-

ций, разрабатываемых как средство «окончательного разрешения» противоречий и конфликтов в политике, как внутренней — на уровне национальной общности, так и внешней, охватывающей сферу интернационального сообщества народов и государств. В этих работах Э. Карр — не только историк и методолог, исследующий международные отношения и внешнюю политику, но и политик, причастный к формированию внешнеполитического курса Великобритании в период работы в годы второй мировой войны в министерстве информации и в «Таймс».

Ныне «политический реализм» стал одним из наиболее влиятельных направлений в современных теориях и концепциях международной политики на Западе. Исследования же Э. Карра, выполненные в конце 30-х — начале 40-х годов, возвращают нас к истокам концепции «политического реализма». Но Э. Карр не был единственным создателем школы «реальной» политики в буржуазной историографии. В те же 30—40-е годы были опубликованы и работы других теоретиков «политического реализма» (Р. Нибура, Г. Моргентау, Н. Спайкмэна и др.).

Объединение в рамках «политического реализма» несхожих и по философским воззрениям, и по политической ориентации теоретиков — неолиберального английского историка-«прогрессиста» Э. Карра и представителя американской религиозной неоортодоксии геолога Р. Нибура, «реалистического» геополитика Н. Спайкмэна и профессионального политолога, руководителя Центра по исследованию внешней и военной политики США Г. Моргентау — оправданно лишь в той мере, в какой они пытались на основе концепта силы разработать «общую систему подхода» к исследованию проблем политики. «Едиственной нитью, связывающей их (Нибура, Карра, Спайкмэна и Моргентау) в единую группу, — справедливо заметил американский исследователь школы «реальной» политики Кеннет Томпсон, — является их занятие всеобъемлющим исследованием теории и практики в международной политике»⁵. Очевидно также, что наряду с попытками разработать «общую систему подхода» к исследованию внешнеполитических проблем указанных авторов (в первую очередь, Карра и Нибура) объединяет отчетливо выраженная оппозиция по отношению к господствовавшим в англо-американской историографии внешней политики в период между двумя мировыми войнами различным формам «политического идеализма»⁶. Синонимом последнего выступали абстрактные и утопические принципы: «гармония интересов», «общая заинтересованность в мире», упование на всеисильность международного общественного мнения и односторонний акцент на морально-этических и юридически-правовых аспектах в истолковании внешней политики и международных отношений. Полное банкротство этих принципов и представлений «политического идеализма» и было одной из причин обращения Э. Карра и других теоретиков к «политическому реализму».

Э. Карр пришел к «политическому реализму» в результате исследования теории и практики международных отношений периода между двумя мировыми войнами — двадцатилетнего кризиса мировой политики, веками которого явились две самые разрушительные войны в истории человечества. Этот кризис и его последствия стали в исследованиях Карра важнейшими проблемами новейшей истории. Он пытался объяснить их, основываясь на концепции «политического реализма». Во внешней политике и международных отношениях периода двадцатилетнего кризиса, утверждал Карр, отчетливо выделяются два подхода, два противоположных, по его мнению, методологических принципа — «утопический» и «реалистический». Появившийся первым «утопический» подход своими теоретическими истоками восходит к методологическим принципам рационалистической историографии XVIII в., к политической философии И. Бентама, Дж. Ст. Милля, а от них — к либерально-викторианским моралистам. Из этих теоретических источников «утопизм» заимствовал и доктрину о естественной «гармонии интересов», ставшую, по утверждению Э. Карра, основой внешнеполитических концепций «утопистов», и наивно оптимистическую веру в «общественное мнение» и «разум», способные предотвращать войны и выявлять несостоятельность, абсурдность «международной анархии»⁷.

«Почти все популярные теории международной политики периода между двумя мировыми войнами, — пишет Э. Карр, — явились отражением в американском зеркале либерального мышления XIX в.». И далее: «Взгляд на то, что либеральная демократия XIX столетия была основана не на балансе сил, характерном для экономического развития того периода соответствующих стран, но на определенных априорных рациональных принципах, которые необходимо только применить к другим условиям для получения тех же результатов, был глубоко утопичным, и этот взгляд под влиянием Вильсона доминировал в мире после мировой войны»⁸. Таким образом, этот «утопический» подход, замечает Э. Карр, пронизывал от начала до конца всю систему международных договоров и соглашений, на основе которых страны-победительницы после окончания первой мировой войны оформили переустройство мира. Популярными в этот период в Великобритании и США абстрактные, универсальные утопические концепции и принципы международной морали (международный порядок и международная солидарность, вечный мир и всеобщая справедливость, естественная гармония интересов и сохранение статус-кво и т. д.) служили лишь удобной и лицемерной фразеологией, маскирующей «эгоистические материальные интересы» господствующих групп в этих странах⁹.

Необходимым коррективом и антиподом «утопического» подхода должен был стать, по мнению Э. Карра, «реалистический» подход, теоретические основы которого были заложены длительной традицией исторической и общественно-политической мысли — от Макьявелли и Гвиччардини, Бодена и Гоббса до Гегеля и немец-

кой «объективной исторической школы». Отправными пунктами «реалистического» подхода являются не абстрактные моральные принципы, не юридически-правовые нормы, не институциональная структура международной политики (что составляет основу теоретических построений внешнеполитического «утопизма»), а сама политическая реальность, ее структура, сложившееся (и не остающееся неизменным) действительное соотношение политических сил. «Реалист», замечает Э. Карр, отождествляет политическую реальность со всем ходом исторической эволюции: «не может быть реальности вне исторического процесса», а поскольку история (в той же мере, как и политика) предстает в таком случае в виде результата взаимодействия различных сил, то методологической основой анализа истории и современной политики (как внутренней, так и внешней) становится понятие «сила».

Обосновывая «силовой реализм», Э. Карр ссылается на философский анализ понятия «сила» в работе крупнейшего английского философа XX в. Бертрانا Рассела «Сила. Новый социальный анализ» (1938). В полном соответствии с неопозитивистской методологической установкой, использующей понятия и категории естественных наук при анализе явлений и процессов общественной жизни, и в явном противоречии с отстаивавшимися на протяжении многих лет пацифистскими взглядами и неприятием насилия во всех его формах Бертран Рассел писал: «...фундаментальным понятием в социальной науке является сила, в том же самом смысле, в каком энергия является основополагающим понятием в физике... Законы социальной динамики..., — пояснял далее Б. Рассел, — могут быть выражены только в терминах силы в ее различных формах»¹⁰.

Но что такое «сила» (power)? Какое конкретное содержание заключено в этом понятии, являющемся для «реалистов» столь же «фундаментальным», сколь и неопределенным, многообразно определяемым (не случайно современный исследователь школы «реальной» политики обнаружил 17 различных толкований этого термина)? В работах Э. Карра «сила» также многозначна и в зависимости от контекста определяется как власть, могущество, контроль (например, над общественным мнением), социальная сила («организованный труд» и «организованный капитал»), военная сила, экономическая сила, моральная сила и т. д. Вместе с тем, в отличие от других теоретиков «политического реализма», Э. Карр не выводит эти различные формы «силы» из вечных и неизменных свойств человеческой природы (природной греховности и «иррационального эгоизма» человека), из апокалипсических пророчеств относительно исторических судеб человечества (Нибур). «Сила» в политической концепции Карра не является также ни «психологическим отношением», ни высшим воплощением «национального интереса, определяемого в терминах силы» (Моргентау). «В долгосрочной политике, — писал Карр в начале 50-х годов, критикуя политику с позиции силы и «ограниченного на-

ционального интереса», — ошибочно верить в силу, используемую от имени голого национального интереса»¹¹.

Итак, в развиваемой английским историком концепции «политического реализма» сила есть прежде всего существенный фактор политической реальности, без учета которого политика, как внешняя, так и внутренняя, не может быть правильно понята. Поэтому важнейшим требованием, предъявляемым «реалистом» к политике, является ее соответствие реальному соотношению политических сил, трезвый учет сложившихся политических реальностей. Вместе с тем «силовой» анализ Карра в «Двадцатилетнем кризисе» и «Условиях мира» представлял собой некий противовес и заменитель единственно научного — марксистского, классового — анализа истории и политики. Хотя критики Э. Карра справа (в частности, американский исследователь школы «политического реализма» В. Джонстон) готовы оценить «Двадцатилетний кризис» как «попытку Карра синтезировать свое уважение к марксистскому способу мышления с его интересом к международным отношениям»¹², конкретный анализ содержания политической и исторической концепции «Двадцатилетнего кризиса» не дает оснований для подобного вывода.

Подменяя понятие «социальный класс» «реалистическим» концептом «социальная сила», Карр объясняет отношения в капиталистическом обществе как взаимодействие двух социальных сил: «организованного труда» и «организованного капитала». Первая из этих двух сил — труд, — определяемая как «неимущая» (have-nots), «неудовлетворенная», представлена в обществе профсоюзами. Вторая — капитал, «имущая», «удовлетворенная» сила организуется в монополистические корпорации. В отношениях между трудом и капиталом, замечает Карр, «сила всегда была решающим фактором»: рабочие борются за признание своих прав, используя такой признанный элемент «силы», как забастовка. «Забастовка, — признает Э. Карр, — не только показала себя эффективным инструментом добывания уступок у предпринимателя рабочим, но стала признанным символом главного оружия силы — революции»¹³. Таким образом, противодействие сил труда и капитала, конфликт между ними есть несомненный фактор политической реальности современного («индустриального») общества. Разглагольствования «политических идеалистов» об «общих интересах», «естественной гармонии» и т. д. являются с точки зрения «политического реалиста» лишь политическим лицемерием и фальшью.

Необходимым условием в осуществлении программы «политического реализма» является прежде всего признание факта существования «конфликта сил». Главная задача, подчеркивает Э. Карр, это установление равновесия, «баланса сил», их соответствия в рамках существующей общественной структуры. Тем самым на смену основополагающей концепции буржуазного либерализма XIX в. о естественной и изначальной «гармонии интересов» индивидов и социальных групп приходит «реалистическая» идея

«баланса (гармонии) сил», которая концентрируется в требовании «мирного изменения». «Проблема „мирного изменения“ в национальной политике (на уровне национальной общности.— А. Н.), — пишет Э. Карр, — заключается в том, каким образом достичь необходимых и желательных изменений *без революции*, и в международной политике (на уровне интернационального сообщества народов и государств.— А. Н.) — как достичь этих изменений *без войны*»¹⁴. Не случайны здесь связь и сопоставление внутренней и внешней политики, революции и войны. «Реалистический» анализ Карра, как уже отчетливо видно из постановки им проблемы «мирного изменения», разворачивается на двух уровнях политики — национальном (внутреннем) и международном (внешнем). И в том, и в другом случае метод «силового» детерминизма, в сущности, один и тот же. Если во внутренней политике «индустриального» (по терминологии Э. Карра) общества выделяются конфликтующие «силы» труда и капитала — неудовлетворенные и удовлетворенные, имущие и неимущие, то по аналогии с этим международная политика периода двадцатилетнего кризиса предстает перед «реалистом» как арена борьбы и конфликта «сил» неудовлетворенных («ревизионистских») государств, стремящихся изменить статус-кво, и удовлетворенных держав, стремящихся закрепить статус-кво и тем самым сохранить свое «доминирующее» положение в мире. И во внутренней, и во внешней политике перед «реалистом» возникает, как видим, одна и та же проблема — «мирное изменение». Аналогичны и предлагаемые методы ее решения.

Во внутренней политике, утверждает Э. Карр, средством «мирного изменения» должно стать вмешательство государства в отношения между силами «организованного труда» и «организованного капитала», которое с точки зрения «политического реализма» становится некоей «уравновешивающей силой», призванной обеспечить стабильность, устойчивость сложившейся общественной (капиталистической) системы. Разделяя представления о надклассовой сущности государства, ставшие устойчивым «достоянием» английской буржуазно-либеральной и реформистской исторической мысли еще со времени основания фабианского общества (1884 г.), Э. Карр видит «мирное изменение» как результат компромисса между трудом и капиталом, основанного на согласовании и арбитраже, «определенной степени общего чувства» и даже «потенциальном самопожертвовании»¹⁵. Такова «реалистическая» интерпретация внутривнутриполитической реальности капиталистического общества. Последним ее словом и высшей мудростью, следовательно, становится реформистская иллюзия социального компромисса, согласования, примирения интересов противоположных классов в обществе, пронизанном классовыми противоречиями, конфликтами и антагонизмами.

Та же идея компромисса переносится Э. Карром и на сферу международной политики периода двадцатилетнего кризиса. Здесь «реалист» предлагает компромисс между «реальностью» —

«механическим приспособлением к изменяющимся отношениям силы» — и «утопией» — «общим чувством справедливости» и стремлением к миру; между политикой и этикой; между силой и моралью; и наконец, между «неудовлетворенными» и «удовлетворенными» государствами¹⁶. В целях установления гармонии между нациями он призывает к «существенному уменьшению потребления привилегированных групп в привилегированных странах», к «взаимным уступкам», к готовности к «самопожертвованию» со стороны тех, кто обладает «силой»...

«Двадцатилетний кризис» Э. Карра — работа методологическая, задуманная историком как теоретическое введение к исследованию внешней политики и международных отношений. В ней почти полностью отсутствуют оценки и анализ конкретных фактов, явлений международной политики. Но если соотнести, в частности, вышеизложенную концепцию «реалистического компромисса» Эдварда Карра с конкретной политической реальностью периода двадцатилетнего кризиса, становится очевидной попытка Карра теоретически оправдать и обосновать проводившуюся английскими правящими кругами политику «умиротворения», «согласования и уступок», которая достигла своей позорной кульминации в мюнхенском сговоре в сентябре 1938 г., потерпев окончательный и бесславный крах в сентябре 1939 г. Пресловутое обанкротившееся «умиротворение» в методологических построениях Э. Карра в «Двадцатилетнем кризисе» явилось неотъемлемым элементом «сбалансированной» внешней политики. «Успешная внешняя политика, — писал Э. Карр, формулируя в окончательном виде концепцию «реалистического компромисса» и «мирного изменения», — должна колебаться между явно противоположными полюсами силы и умиротворения (appeasement)»¹⁷. Эта теоретическая формула приобрела в другой работе Э. Карра, «Британия: Исследование внешней политики от Версальского договора до начала войны», несмотря на содержавшуюся в ней критику многих аспектов английской внешней политики (критику, которую даже «князь умиротворителей» Э. Галифакс назвал «острой» и «суровой»), явную форму оправдания политики «умиротворения», проводившуюся в 30-е годы наиболее консервативными английскими правящими кругами во главе с премьер-министром Н. Чемберленом. Достаточно привести в этой связи две характеристики, данные Карром в его «Британии...». В одной из них Н. Чемберлен предстает как проницательный и умелый политический лидер, соединивший в своем мышлении и действии элементы утопии и реальности, умиротворения и силы. «В 1937 г. (за один лишь год до Мюнхена! — А. Н.), — писал Э. Карр, — Чемберлен осознавал более ясно, чем какой-либо другой политический лидер, растущую опасность политики слов, не подкрепленных ни готовностью, ни способностью действовать»¹⁸. В том же апологетическом ключе характеризовал Карр и политику «умиротворения». «Соотношение вооруженных сил вплоть до 1938 г., — утверждал он, создавая одним из первых в английской

буржуазной историографии легенду о «безоружной» Британии накануне второй мировой войны, — делало политику умиротворения единственно целесообразной. Альтернативой была политика враждебных слов, которые не могли быть подкреплены военными акциями»¹⁹.

В этих оценках, как видим, «реалисту» Э. Карру явно изменило чувство реальности. Его «реалистический критицизм» в «Двадцатилетием кризисе» и «Британии...» с самого начала оказался в тисках буржуазной апологетики и классовой ограниченности, «реалистических» иллюзий и социальных утопий — будь то методологические концепции «компромисса» и «мирного изменения» или оценки конкретных фактов международной политики и истории. Теоретический анализ, предложенный Э. Карром в «Двадцатилетием кризисе», не смог выявить ни причин и сущности краха всей системы международных отношений периода между двумя мировыми войнами, ни подлинные цели пресловутой политики «умиротворения». Нельзя же считать серьезным объяснением двадцатилетнего кризиса вывод Карра, согласно которому причины и «внутренний смысл» кризиса — в неадекватной моральной философии, в «коллапсе всей структуры утопизма, основанной на концепции гармонии интересов»²⁰.

Однако объективный и свободный от апологетики научный анализ проводившейся реакционными правящими кругами Англии и Франции в 30-е годы политики попустительства и умиротворения агрессоров — гитлеровской Германии и фашистской Италии — со всей очевидностью обнаруживает, что политика «мира любой ценой» вовсе не была вызвана военным превосходством агрессоров и «безоружностью» Великобритании и Франции. Вплоть до 1938 г. соотношение вооруженных сил было не в пользу фашистских агрессоров. Многочисленные свидетельства, документы, исследования предыстории второй мировой войны неопровержимо показывают, что гитлеризм мог быть остановлен на различных этапах своей внешнеполитической экспансии, начиная с первых нарушений Германией военных статей Версальского договора, присоединения Саарской области в январе 1935 г. и до месяцев и недель, непосредственно предшествовавших сентябрьским дням 1939 г.²¹ Даже Леопольд Эмери, один из видных политических деятелей консервативной партии, рассказывая о мюнхенском сговоре, о «годах, которые, — как писал Л. Эмери, — нам не простят», вынужден был признать (правда, задним числом, спустя 15 лет), что «в 1938 г. немцы не смогли бы противостоять французской армии», имевшей превосходство в сухопутных вооруженных силах, а Британия в 1938 г. была практически недостижима для атак германских военно-воздушных сил. А германские генералы были настроены пессимистически: в то время они были убеждены, что Германия к войне не готова и в случае войны ее положение, по свидетельствам Бека, Кейтеля, фон Адама и других, было бы безнадежным²².

Уже эти свидетельства явно показывают полную несостоятельность легенды о «безоружной» Британии и политике «умиротворения» как «единственно целесообразной». Попытка оправдать политику «умиротворения» находится в очевидном противоречии и несоответствии с фактами предвоенной истории, с выдвинутым Карром в «Двадцатилетнем кризисе» методологическим принципом «реалистического критицизма». В результате позиция «реалиста» становится почти неотличимой от позиции критикуемого им «утопизма». «Реалист» превращается в «утописта», когда он переходит от методологических, философских построений к оценкам внешнеполитического курса правящих кругов своей страны в критические моменты истории.

«Двадцатилетний кризис» и «Британия...» — первые в буржуазной историографии XX в. исследования формирующейся в 30—40-е годы школы «политического реализма». Они отчетливо выразили ее теоретическую узость и ограниченность, тесную связь «реализма» с политикой (как внутренней, так и внешней) капиталистического государства. Сформулировав дилемму «утопии» и «реальности», «утопического» и «реалистического» подходов к исследованию проблем внешней политики и международных отношений, Э. Карр пытался определить некий средний, третий путь, который синтезировал бы в себе предполагаемые английским буржуазным историком достоинства «реализма» и «утопизма»: присущий «реализму» анализ политики на основе концепта «сила», с одной стороны, и содержащиеся в «утопизме» политические идеалы и «моральные цели» — с другой. «Любое разумное политическое мышление, — заключал Э. Карр свои методологические построения в «Двадцатилетнем кризисе», — должно быть основано на элементах утопии и реальности... Мы еще нуждаемся в создании новой утопии, нашей собственной...»²³.

Напряженные поиски «новой утопии» и составляют главное содержание всех последующих методологических и социально-политических сочинений английского историка. От концепций «мирного изменения» и «реалистического компромисса», намеченных Карром в «Двадцатилетнем кризисе», прослеживается прямая связь с выводами, к которым пришел историк, исследуя период между двумя мировыми войнами в работе «Условия мира». Название этой работы, написанной в тяжелые годы второй мировой войны, в известной мере символично. Мир, о котором здесь идет речь, это не только мир между народами, но прежде всего мир внутренний, между классами, между «силами» труда и капитала, расхождение интересов которых было признано «реалистом» уже в «Двадцатилетнем кризисе». Вместе с тем в «Условиях мира» Э. Карр пытается выйти за пределы методологической антиномии «утопии» и «реальности», критики концепции естественной «гармонии интересов», на которых строилось исследование двадцатилетнего кризиса. Намеченный в «Двадцатилетнем кризисе» теоретический синтез «утопии» и «реальности» получает в «Условиях мира» более детальное обоснование на основе анализа Э. Карром

важнейших тем новейшей истории, которые формулируются им как темы кризиса, войн (первой и второй мировой), революции XX столетия. Но этот анализ в «Условиях мира», как мы увидим, считается и направляется все теми же «реалистическими» утопиями и иллюзиями, которыми отмечены предшествующие методологические работы Карра.

«Начальным пунктом нашего исследования глубочайших проблем настоящей войны,— пишет Э. Карр в «Условиях мира»,— является признание того, что она (война) есть эпизод в революции»²⁴.

Но чем определяются социальная природа, содержание и цели революции XX в., которая в методологических и конкретно-исторических работах Э. Карра, начиная с «Условий мира» и кончая книгой «Что такое история?», стала наиболее существенной и постоянной характеристикой современной эпохи? Социальная революция XX столетия, первой фазой которой, замечает Карр, были первая мировая война и «большевистская революция 1917 г.», своими истоками «восходит к глубочайшим корням нашей цивилизации»²⁵. Она есть порождение и результат многостороннего кризиса капитализма «старого», эпохи *laissez-faire*, кризиса его демократии, экономики и морали. Рассмотрим вслед за Э. Карром, как «политический реалист» интерпретирует обозначенные выше аспекты кризиса и революции XX в.

Показателем переживаемого обществом кризиса, согласно Э. Карру, является прежде всего кризис «либеральной демократии». Старая буржуазная демократия, достигшая своего «классического» воплощения в эпоху так называемого свободного предпринимательства, как утверждает Карр, исчерпала себя, стала инертной, негативной, иллюзорной и пассивной. Провозглашенные ею еще со времени Великой французской буржуазной революции формальные политические права индивидов потеряли свое значение в XX столетии, в эпоху «массовой демократии», «организованного капитала и организованного труда». «Жизненно важные решения,— пишет Э. Карр,— принимаются не избирателями, и не теми, кого с основанием можно было рассматривать как представителей их взглядов, но посредством парламентского процесса сделок между партийными машинами, представляющими организованный капитал и организованный труд»²⁶. Наряду с этим господством партийных механизмов в политической структуре современного капиталистического общества, утверждает далее историк, происходит значительный рост бюрократического административного аппарата, в котором ведущая роль принадлежит экспертам и специалистам. Таким образом, «новая демократия», которая должна предоставить массам политические права и дать им осознание «своей ответственности», еще не родилась²⁷. В этой кризисной ситуации свою задачу «политический реалист» видит в том, чтобы сформулировать «фундаментальные условия рождения «новой демократии». Но если в описании фактов, проявлений кризиса демократии в буржуазном обществе

Э. Карр, следуя принципу «реалистического критицизма», остается на почве реальности, и его критика затрагивает определенные реальные аспекты и стороны процесса динамики политической структуры буржуазного общества в эпоху империализма, то как только он переходит к формулированию основ «новой демократии», от реализма Карра не остается и следа в его насквозь утопичном проекте «новой демократии». В самом деле, разве не иллюзорны призывы английского буржуазного историка к «переинтерпретации» старых буржуазно-демократических идеалов «равенства» и «свободы» в «социальных и экономических терминах», к защите интересов «маленького человека», «человека массы» от господства «организованной экономической силы», к признанию «общих прав и обязанностей» всех слоев общества по отношению к государству при сохранении основ существующей общественной — капиталистической — системы? Разве не утопичны призывы Э. Карра к капиталистическому государству, чтобы оно стало выразителем интересов «организованного большинства», призывы к «общей жертве во имя общепризнанного общего блага»?

Столь же утопичны и поиски Э. Карром «новой моральной цели», отсутствие которой было признано «реалистом» еще в «Двадцатилетнем кризисе». Согласно Карру, все многообразные проявления кризиса буржуазного общества — его политической структуры и экономического строя, системы межгосударственных отношений и идеологических представлений — кульминируются в одном центральном пункте — в кризисе морали. Даже кризис экономической системы капиталистического общества, описываемый историком как кризис экономики *laissez-faire*, предстает в сознании Карра в своей основе кризисом моральным. Предлагая несколько модифицированную (с примесью экономических рецептов лейбористского социализма и концепции «государства всеобщего благоденствия») кейнсианскую программу экономического «возрождения» капитализма, Э. Карр писал: «Регулирующую силу экономической системы, в которой мы живем, следует все более и более искать в области этики, нежели в операциях механизма цен...». И далее: «Глубочайшая сущность кризиса, переживаемого нами сейчас, является не военная, не политическая, не экономическая, а моральная. Необходима новая вера в новую моральную цель для того, чтобы оживить нашу политическую и экономическую систему»²⁸. Но если регулирующие центры общественной жизни, согласно «реалисту», находятся в области этики, если кризис капиталистической системы предстает перед ним в своей основе как кризис моральный, неудивительно, что все свои надежды, связанные с преодолением кризиса и оживлением капитализма, либеральный буржуазный историк возлагает на поиски «новой моральной цели». Подобно тому как в «Двадцатилетнем кризисе» последним словом и высшей мудростью «политического реализма» Карра явилась идея компромисса (в теории — между утопией и реальностью, моралью и силой; на практике — между «силами» труда и капитала, неимущих и иму-

щих), в «Условиях мира» политическая философия «реалиста» концентрируется вокруг не менее иллюзорного идеологического фантома — «новой моральной цели».

«Новая моральная цель», полагает Э. Карр, должна отвечать восьми требованиям. Она прежде всего должна быть выражена в «позитивных, а не в негативных терминах». («Позитивная и конструктивная программа,— пишет Карр,— есть первое условие любой эффективной моральной цели».) «Новая моральная цель» должна далее «возвратить индивиду, «маленькому человеку», его ощущение составного члена общества и таким образом сделать демократию еще раз реальностью»²⁹. Наряду с политическими задачами, утверждает историк, «новая моральная цель» должна быть обращена к решению экономических проблем (безработицы и социального неравенства). «Неравенство и безработица,— пишет в «Условиях мира» Э. Карр,— безработица и человеческой силы, и материальных ресурсов являются кричащими скандалами нашей эпохи... бедствием нашей социальной системы»³⁰. Затем «новая моральная цель», согласно Карру, должна, в отличие от «классической» буржуазной демократии XIX в., сделать акцент на обязанностях, нежели на правах (право на собственность стало «дезинтегрирующим фактором» в условиях современного капиталистического общества — «диспропорционально большое богатство стало само по себе оскорблением общественной совести»³¹). И наконец, «новая моральная цель» должна основываться на «новом синтезе» свободы и государственной власти, в котором, утверждает Карр, акцент будет сделан не на индивидуальной свободе (как в «классических» концепциях буржуазного либерализма XIX в.), а на обязанностях членов общества по отношению к государству, что предполагает в свою очередь «переосмысление понятий свободы и власти» как в экономической жизни общества, так и в сфере социальных отношений³².

Откровенно выраженный утопизм и несбыточность поисков английским буржуазно-либеральным историком «новой моральной цели», ее абсолютная оторванность от конкретных социальных, политических реальностей современного капиталистического общества очевидны и не требуют особых доказательств. В этих поисках «новой моральной цели», как и во всей системе политических и социально-исторических воззрений Карра, нашли своеобразное (сквозь призму буржуазно-либерального реформаторства) отражение кризисные, катастрофические для буржуазного общества процессы и явления, свойственные капитализму в эпоху империализма и углубляющегося общего кризиса капиталистической системы в целом. Подобно тому как кейнсианство в 30-е годы явилось выражением и продуктом экономического кризиса капиталистической системы, получив в буржуазной теории определение «политической экономики кризиса», так и «политический реализм» Э. Карра в «Двадцатилетнем кризисе», «Условиях мира» и в опубликованной в начале 50-х годов работе «Новое общество» стал в буржуазной социально-политической и истори-

ческой мысли в 40—50-е годы провозвестником и теоретическим выражением начавшегося второго этапа общего кризиса капитализма. Как и Дж. М. Кейнс (1883), который после первой мировой войны выступил в буржуазном мире в роли своего рода Кассандры, пророка бед, которому никто не верит³³, Эдвард Карр в годы второй мировой войны и после ее окончания явился прорицателем новых бед, неминуемого краха капиталистической общественной системы, если, как он полагал, не будут приняты срочные меры для ее оживления и «лечения», возрождения и адаптации в условиях кризиса и «революции XX столетия». Подобно лорду Дж. Кейнсу и во многом основываясь на экономической теории кейнсианства, Э. Карр предлагает свои рецепты создания «нового общества»: экономическое планирование и национализация важнейших отраслей народного хозяйства; создание новых «позитивных» стимулов к труду взамен старых, не оправдавших себя «негативных» трудовых стимулов («экономического кнута» — страха перед голодом и безработицей), сохранение которых в современных условиях, предупреждает Карр, может привести к «опасной» нестабильности социальной структуры³⁴; создание системы государственного «социального обслуживания» (social-service-state) и некоторое уменьшение — в рамках существующей общественной системы — социальных контрастов и классового неравенства; осуществление политики «полной занятости» и государственного интервенционизма во все сферы общественной жизни³⁵. Последнее — идея активного и сильного государства, осуществляющего «лечебные» и созидательные функции (по определению Карра, это неокapиталистическое государство по мере продвижения к «новому обществу» все более становится «государством для всех», «коллективистским государством»), — составляет стержень и основу утопичной концепции «нового общества» Эдварда Карра.

Представляя собой один из вариантов широко распространенной на Западе буржуазно-реформистской доктрины «государства всеобщего благоденствия», концепция «нового общества» английского историка вместе с тем питается иллюзиями ранее сформулированной им концепции «политического реализма». Неустрашимость фактора силы и конфликта сил в политике приводит Э. Карра к убеждению, что только государство как наиболее могущественная политическая сила способно установить в обществе гармонию, равновесие между конфликтующими социальными группами, только государство может обеспечить развитие общества — «мирное изменение» — в желательном для либерально-реформистского теоретика направлении. «Капиталистическая система в своей зрелости, — писал Э. Карр, — предлагает картину классовой борьбы между двумя силовыми группами (power-groups); государство должно вмешаться для того, чтобы создать ту долю гармонии, которую *laissez-faire* столь очевидно не смогла создать, и смягчить остроту борьбы, которая, дойдя до своего конечного результата, может опрокинуть основы существующего порядка»³⁶.

«Новое общество» Э. Карра, таким образом, не есть отрицание капитализма («существующего порядка») и его основ. И хотя Э. Карр, подобно многим другим английским теоретикам «государства всеобщего благоденствия», предпочитает называть его «просто социализмом», совершенно очевиден буржуазный характер «социализма» английского историка-«прогрессиста». Его «социализм» в точности соответствует той характеристике «буржуазного социализма», которую дали К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии»: «...под изменением материальных условий жизни,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— этот социализм понимает отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не изменяющие в отношениях между капиталом и наемным трудом»³⁷. «Буржуазный социализм», являясь побочным продуктом влияния марксизма на буржуазное сознание, с самого начала был и остается буржуазно-реформистской идеологической альтернативой теории научного социализма, и рассмотренные нами политические воззрения Эдварда Карра служат тому убедительным свидетельством. Именно в поисках этой альтернативы, порождающих, как мы видели, социальные утопии и иллюзии, методологические противоречия и теоретические тушки³⁸, заключены содержание и итог эволюции политических взглядов Э. Карра от «политического реализма» к неокapиталистической социальной утопии «нового общества».

¹ В беседе с Мехтой, публицистом и историографом, Карр подчеркивал: «Как Тойнби и, возможно, также И. Берлин, я принадлежу интеллектуально к довоенной (1914 г.) либеральной традиции, которая обладала в качестве своего кредо верой в рациональный прогресс, прогресс через компромисс, и верой в историю с заглавной буквой „И“» (Цит. по кн.: *Meh-ta V. Fly and the Fly-Bottle: Encounters with British Intellectuals*. Boston; Toronto, 1962, p. 186—187).

² См. послевоенное издание этой книги: *Carr E. H. International Relations between the two World Wars, 1919—1939*. London, 1948.

³ Подробнее об этом см.: Американская историография внешней политики США, 1945—1970/Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1972, с. 56—133; *Петровский В. Ф.* Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976, с. 59—93.

⁴ *Kaplan M.* The New Great Debate:

Traditionalism vs. Science in International Relations.— *World Politics*, 1966, N 1, vol. 19, p. 1—20; *Bull. H. The Twenty Years' Thirty Years On.*— *International Journal*, 1969, Autumn, N 4, vol. 24, p. 625—638.

⁵ *Thompson K. W.* Political Realism and the crisis of World Politics: An American Approach to Foreign Policy. Princeton, 1960, p. 22.

⁶ В этой связи обратим внимание на сопоставление роли теоретиков «реализма», данное американским исследователем Хедди Буллом: «Нибур, Кеннан и Моргентгау выполнили для США ту же задачу опровержения морализма, которую Карр выполнил для Британии...» (*Bull. H.* Op. cit., p. 632).

⁷ *Carr E. H.* The Twenty Years Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations. London, 1948, ch. 3.

⁸ *Ibid.*, p. 27.

⁹ *Ibid.*, p. 44, 52, 53, 87, 88.

- ¹⁰ *Russell B. Power: A New Social Analysis.* New York, 1938, p. 11, 15.
- ¹¹ *Carr E. H. Propaganda and Power.*— *The Yale Review*, 1952, N 1, vol. 42, p. 9.
- ¹² *Johnston W. E. H. Carr's Theory of International Relations: A critique.*— *The Journal of Politics*, 1967, Nov., N 4, vol. 29, p. 868.
- ¹³ *Carr E. H. The Twenty Years Crisis...*, p. 213.
- ¹⁴ *Ibid.*, p. 209. Курсив наш.— *A. H.*
- ¹⁵ *Ibid.*, p. 212—214.
- ¹⁶ *Ibid.*, p. 222, 223, 228, 236, 237.
- ¹⁷ *Ibid.*, p. 223.
- ¹⁸ *Carr E. H. Britain: A Study of Foreign Policy from the Versailles Treaty to the Outbreak of War.* London, 1939, p. 166.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 176. Ср.: *Morgenthau H. Politics in the Twentieth Century.* Chicago, 1962, vol. 1, p. 71.
- ²⁰ *Carr E. H. The Twenty Years Crisis...*, p. 62.
- ²¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны: Из Архива МИД Германии (Министерство иностранных дел СССР). М., 1948. Т. 1, 2; *Ротштейн А. Мюнхенский договор.* М., 1959; *Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1935—1945).* М., 1965.
- ²² *Эмери Л. Моя политическая жизнь:* Пер. с англ. М., 1960, с. 541, 542.
- ²³ *Carr E. H. The Twenty Years Crisis...*, p. 93. Эти поиски Э. Карром «новой утопии» любопытны как очевидное свидетельство теоретической узости, ограниченности концепции «политического реализма», что было осознано и по-своему выражено им еще в период становления и формирования доктрины «политического реализма».
- ²⁴ *Carr E. H. Conditions of Peace.* London, 1942, p. 3.
- ²⁵ *Ibid.*, p. 5.
- ²⁶ *Ibid.*, p. 25.
- ²⁷ *Ibid.*, p. 28.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 79, 110.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 118.
- ³⁰ *Ibid.*, p. 80.
- ³¹ *Ibid.*, p. 121.
- ³² *Ibid.*, p. 123—125.
- ³³ *Мирский Д. Интеллигентсия.* М., 1934, с. 45.
- ³⁴ *Carr E. H. The New Society.* London, 1956, ch. 2, 3.
- ³⁵ *Ibid.*, p. 24—33, 52—57.
- ³⁶ *Ibid.*, p. 26, 66, 67, 75, 76.
- ³⁷ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 4, с. 454.
- ³⁸ Любопытна в этой связи оценка эволюции политических воззрений Э. Карра, данная Г. Моргантау с точки зрения логически более последовательного и вместе с тем не менее произвольного в своих теоретических основаниях «политического реализма». Г. Моргантау, в частности, писал: «Мистер Карр, реалист, ищет новую утопию, и все его последующее мышление становится одиссеей сознания, которое открыло феномен силы и страстно желает преодолеть его. Этот поиск принципов ... привел Карра назад, откуда он начал — к самой силе» (*Morgenthau H. Politics in the Twentieth Century.* Chicago, 1962, vol. 3, p. 37). В целом же Г. Моргантау квалифицирует «реалистическую» позицию Э. Карра как «кашинуляцию перед постоянством силы» (*Ibid.*, p. 36—43).

АМЕРИКАНСКАЯ КЛИОМЕТРИЯ

(Эконометрика в истории)

И. М. Супоницкая

Сегодняшние успехи математической статистики и счетно-вычислительной техники повысили интерес и доверие к количественным методам не только в точных, но и общественных науках: социологии, экономике, философии, психологии.

Представители гуманитарного знания обратились к ним в надежде усовершенствовать аппарат исследования. С помощью математики рассчитывают также устранить субъективизм и произвол, добиться истинного понимания тех сторон общественной жизни, которые прежде оценивались с точки зрения вероятности.

Эта характерная тенденция современной мысли проникла и в историческую науку. Количественные методы теперь широко используются при изучении политической, социальной, экономической истории. По объему задач и числу работ последняя отрасль, пожалуй, идет впереди остальных, особенно в Соединенных Штатах Америки. «Новая экономическая история», или клиометрия, недавно отметившая свое двадцатилетие, приобрела влияние во всем мире.

Увлечение буржуазной историографии математическими методами связано с ее поисками новой философии истории. В 30—40-е годы нынешнего столетия позитивизм в США сменился релятивизмом. Выступая против позитивистского намерения превратить историю в разновидность точной науки, наподобие естественных, посредством изложения строго документальных фактов, американские историки Карл Бейкер и Чарлз Бирд заявили о невозможности объективного исторического знания. Работа каждого ученого, говорил Бирд, есть его собственный отбор и организация материала, зависящие от его личных взглядов, поэтому всегда сохраняются различные толкования одних и тех же фактов¹.

Однако релятивизмом недолго увлекались в Соединенных Штатах, и с 50-х годов он стал подвергаться критике. Историки, не удовлетворенные ни фактографией, ни субъективизмом, увидели в математике достаточное основание для точного познания исторической реальности. Подобное желание объективно судить общественную жизнь обнаруживает заметное сходство с позитивизмом XIX в., и даже с социальной физикой XVII в., и позволяет видеть в теперешней буржуазной мысли новую форму всегдашнего умонастроения.

В настоящей статье на примере самых значительных работ рассмотрены методология и тип исторического мышления американской клиометрии, наиболее полно выразившей указанные черты современной общественной мысли Запада².

Представители «новой экономической истории» подчеркивают: важным признаком направления служат не сами количественные методы, но их использование на основе экономической теории. Роберт Фогель, один из признанных лидеров их, заявил, что в клиометрии произошло «воссоединение экономической теории и экономической истории», которое «кладет конец вековому расколу двух отраслей экономической науки»³.

Историческая школа высказалась во второй половине XIX в. против априорного теоретизирования английской классической политэкономии. Густав Шмоллер полагал, что, только основательно изучив историю хозяйственной жизни, можно приступить к теоретическим выводам.

Р. Фогель считает бунт немецкой исторической школы против дедуктивного метода классической политэкономии, породивший экономическую историю как науку, безуспешным и ссылается на мнение английского авторитета Джона Кляфема, заявившего: «Большинство исследователей сейчас согласится, что такая попытка была неудачной даже у Шмоллера»⁴.

Американская клиометрия призвала «выбросить за дверь» старую, традиционную экономическую историю, которая не удовлетворяет современный уровень экономического знания: она слишком фактографична, оторвана от экономической теории, обращается к статистике только для иллюстрации. Клиометристы вознамерились «пересмотреть и реконструировать всю экономическую историю на прочной количественной основе»⁵, т. е. превратить в эконометрическую. Более того, «новая экономическая история,— провозгласил ее ведущий представитель Д. Норт,— указывает путь для основательной перестройки исторического исследования. Если история может быть чем-то большим, нежели субъективным приведением в порядок фактов прошлого ... мы должны применить к изучению истории методы научного исследования для проверки полученных гипотез. Экономическая история оснащена более остальными социальными науками, чтобы стать пионером в этом подходе, благодаря хорошо сформулированной теоретической основе, изобилию подходящих количественных данных»⁶. Таким образом, речь идет не только о переменах в экономической истории, но о перестройке всего исторического знания на основе количественных методов.

Профессор экономики Джордж Марфи следующим образом изложил претензии нового направления к исторической науке: во-первых, она объясняет с помощью описаний, на основании библиотечных материалов, а потому предметом ее анализа является не историческая, но «библиотечная действительность»; во-вторых, материал собирается не научно, а произвольно, по интуиции: исследователь останавливается лишь на том, что кажется ему стоящим; в-третьих, «старая» история отличается большим разнообразием в понимании терминов и в толковании исторических событий. Для примера Марфи цитирует американского историка Ф. Тернера и приводит восемь вариантов объяснения слов «американское развитие» и четыре — понятия «свободная земля»⁷. Следовательно, от исторической науки требуется точность терминов и строгая определенность понятий. Экономисты против интуитивного и произвольного отношения исследователя к материалу. По их мнению, лишь количественные методы ведут к объективному и научному познанию.

Впервые идеи клиометрии были высказаны в 1957 г. в статье экономистов Гарвардского университета Альфреда Конрада и Джона Мейера. Американцы выступили против европейской традиции (Г. Риккерт, Б. Кроче, Р. Коллингвуд) отделять историческое познание от научного и утверждали: историческое объяснение является научным и к нему применимы все правила

последнего. В экономической истории таковы средства экономического анализа: теория, статистический вывод, общие законы природы и причинности. Поскольку всякое объяснение есть прогноз, то и в историческом возможно применение вероятностных ситуаций (гипотетико-дедуктивных моделей) ⁸.

Вместе с тем исследователи признали, что существуют важные контраргументы: исторические события не могут быть повторены, воспроизведены, что необходимо для количественной проверки гипотез; сама природа исторических данных противоречит количественности, ибо исторические гипотезы нередко касаются качественных сторон бытия, не проверяемых количественными методами ⁹. Конрад и Мейер отвечают: опыты в экспериментальных науках тоже не могут быть повторены с теми же вариантами. Если считать повторимость важным элементом проверки, то и астрономию не назовешь наукой, потому что, как заметил Гарольд Джеффрис, планеты даже приблизительно не повторяют своих позиций. Значит, нет разницы в том, рождены данные условия природой или экспериментатором ¹⁰. Экономисты считают историю точной наукой наравне с астрономией и думают, что в историческом объяснении, как и в любом другом, для точности утверждения нужно только сделать определенные поправки на случайность.

Наконец, количественность, убеждают Конрад и Мейер, вовсе не требует непрерывной шкалы измерения для всех вариантов. Достаточно лишь два определенных мнения: да или нет. Большинство исторических гипотез составлено как раз по этой схеме ¹¹.

При такой форме объяснения, при таком вопросе («да — нет») ответить легко, ответ провоцируется вопросом. Логика знает много родственных случаев. Гегель воспользовался одним, продемонстрировав, как логика заставляет человека «думать» не то, что он думает на самом деле. На вопрос: «Перестал ли ты бить своего отца?» ¹², как ни ответить, все выйдет не то, что хочешь сказать, потому что условия требуют только «да» или «нет». Чтобы доискаться правды, нужно от самой формы вопроса отказаться. Вот и клиометрия спрашивает у истории то, на что нельзя ответить по справедливости, не переменив формы вопроса. Так произошло с проблемой рабства.

На этой теме Конрад и Мейер показали действие принципов клиометрии. Они решили проверить, было ли рабовладение Юга рентабельно перед Гражданской войной. До 30-х годов XX в. в американской историографии господствовало мнение Ульриха Филлипса, что накануне войны рабство было нерентабельно, а потому погибло бы само, без войны. С 30-х годов большинство ученых доказывают обратное. В самом деле, разве увеличение вдвое производства хлопка и табака в 1850—1860-х годах и рост цен на рабов (до 1,5 тыс. долларов за человека) не свидетельствуют о прибыльности рабовладельческой системы? Так что экономисты взяли задачу со всеми известными. К тому же историки установили, что миф об экономической неэффективности рабства

дения создан защитниками южан, каковым и являлся Филлипс. Впрочем, Конрад и Мейер не претендовали на оригинальное решение, объяснив, что новым будет не ответ, а способ его получения. Впервые расчет прибыльности рабства произведен с помощью современной теории капитала и концепции рентабельности. «Тем самым,— заявили авторы,— мы проиллюстрируем пути, на которых экономическая теория может быть использована для приведения в порядок и организации исторических фактов»¹³.

Они подсчитали, что норма прибыли на вложенный в рабов капитал составляла в среднем 4—8% от раба и 7—8% от рабыни. Но тут клиометристов подводит система ответов по принципу «да — нет». Получив «да», они возвели на нем целое логическое здание. Если рабство прибыльно, значит, оно не задерживало экономического роста Юга, а потому отмена рабства — «грубая политическая мера»¹⁴.

Однако проблема рабства, как любая историческая проблема, многослойна и включает, помимо выгоды рабовладения для плантаторов, его влияние на хозяйство Юга, всей страны, наконец на мировую экономику. Подсчитав прибыльность рабства для плантаторов, т. е. затронув одну сторону проблемы, экономисты стали обобщать, распространяв свой вывод на всю проблему в целом, хотя для этого нужны были новые расчеты. Поэтому ответ получается вовсе не тот, который хотят получить клиометристы. Да, рабство выгодно, но только плантаторам.

В историческом суждении сторонников клиометрии чисто экономические средства решения проблемы вполне уживаются с идеалистическим толкованием происхождения исторического события. «Давление Линкольна на Юг,— пишут Конрад и Мейер,— основанное на политической моральности, по существу несовместимо с марксистскими положениями об экономическом детерминизме»¹⁵. Идеи рентабельности рабства им оказалось достаточно для утверждения бесцельности Гражданской войны и даже для опровержения материалистического понимания истории. Близкого мнения придерживаются Р. Фогель и С. Энгерман: «Угроза, нависшая над рабовладельческой системой, была скорее политической, чем экономической. Являясь моральным и политическим анахронизмом, рабство тем не менее было сильной экономической системой накануне Гражданской войны. Именно политический, а не экономический кризис разрушил систему рабства»¹⁶.

Не найдя экономических причин Гражданской войны, «новые» историки возложили все на политические и моральные обстоятельства. Увлекаясь количественными показателями, они не заметили качественной несовместимости в одной стране двух систем хозяйства, того, что рабовладение не позволяло капитализму реализовать все свои возможности.

Чем же объяснить такие казусы исторического мышления представителей экономической истории?

Возникнув как область буржуазной экономической науки, клиометрия усвоила ее основные взгляды. «Новые» историки

изолировали экономические процессы от социальных, полагая, что именно первые являются самыми объективными, а значит, доступными числовому выражению, что и привело к преувеличению возможностей количественных методов. Но и сами экономические процессы они анализировали только с одной стороны — экономического роста.

Действительно, если посмотреть на предвоенные годы с этой точки зрения, экономические причины Гражданской войны покажутся необъяснимыми. Рабство на Юге было эффективно и с каждым годом давало промышленности Севера и всего мира все больше хлопка; темпы индустриализации Юга перед войной были внушительны. Из этих фактов делался вывод о беспорном экономическом росте Юга. Но экономический рост вовсе не означает экономического развития. Он показывает лишь количественные изменения в хозяйстве и потому легко рассчитывается. Экономическое же развитие, как всякий сложный общественный феномен, имеющий дело с качественными изменениями, требует учета всего, что эту сложность составляет, и, конечно, для цифровых операций мало пригодно.

Это обстоятельство заметили оппоненты Конрада и Мейера в дискуссии 1967 г. о влиянии американского рабства. Профессор Корнелльского университета Дуглас Доуд, в частности, сказал: «Факт, что Юг рос между 1840 и 1860 гг., — не обязательное свидетельство развития. Развитие предполагает структурные изменения в экономике, в природе общества. Если посмотреть на историю американского Юга, каждый найдет, что это был процветающий район в сравнении с остальным миром в период до Гражданской войны... Но социальная система с точки зрения ее далеко идущих возможностей вырождалась. Именно эти возможности мы имеем в виду, когда говорим об экономическом развитии... Американский Юг являлся районом, который в тот самый период, когда американская нация росла и развивалась, рос, но не развивался»¹⁷.

Клиометристам, следовательно, указали на то, что изучения одного экономического роста недостаточно для понимания хозяйственной жизни прошлого. Меж тем проблема роста является центральной в их исследованиях. Ведь именно разработка теорий экономического роста и заставила экономистов обратиться к истории. В 1960-х годах эту тему они считали чуть ли не единственной для экономической истории. Теоретик «новых» Д. Норт назвал двумя основными вопросами данной дисциплины общий рост (стагнация, упадок) и распределение дохода внутри хозяйства¹⁸. Он полагал, что эта наука ближе не к социальной истории, но к экономике. Разница лишь в том, что последняя имеет дело с настоящим, а экономическая история — с прошлым. Тогда же Норт выразил несогласие с определением экономической истории Д. Клэфемом как «отрасли общей институциональной истории, изучающей экономические аспекты социальных институтов прошлого»¹⁹.

Но, хотя того эконометристы или нет, экономическая история, как и экономика, всегда была частью общечеловеческой жизни, т. е. наукой социальной, а человеческая жизнь слишком многообразна, чтобы ее можно было точно рассчитать и предсказать. Это почувствовали и некоторые ученые современного Запада. Известный шведский экономист и социолог Гуннар Мюрдаль пришел к выводу о невозможности отделять «экономические» и «внеэкономические» (политические, моральные) условия, следовательно, об ограниченности средств эконометрического моделирования. Преувеличение роли этих средств, считает он, есть результат «западного моделированного типа мышления»²⁰.

* * *

Статья Конрада и Мейера о рентабельности американского рабства положила начало пересмотру представителями «новых» роли и влияния Гражданской войны и всей истории Соединенных Штатов Америки.

Д. Норт и С. Энгерман поддержали мнение известного историка бизнеса Томаса Кохрэна, что Гражданская война не только не ускорила, но замедлила индустриализацию страны, — мнения, к которому тот пришел после изучения новых статистических материалов, опубликованных в начале 60-х годов нашего столетия²¹. Энгерман заявил, что взгляд на Гражданскую войну, как на некий поворотный момент в истории США, как на «вторую американскую революцию», по выражению одного из крупнейших историков страны Чарлза Бирда, ошибочен. Кохрэн и Энгерман видят только отрицательное влияние войны: прирост производства за 1860—1870-е годы составил 2% — самый низкий показатель за весь XIX в.; производительность труда упала на 13%²².

Но так ли удивительны эти цифры для страны, на чьей территории четыре года велись военные действия? К тому же отмена рабства вызвала перестройку всей хозяйственной структуры Юга, и на это ушло немало времени. Вот почему было бы недальновидно, неисторично оценивать такое событие, как Гражданская война, только по экономическим показателям за ближайшие после нее годы. Из поля зрения исследователей опять исчезло главное — качественное изменение хозяйства и общества, явившееся прежде всего следствием мер, принятых во время войны: отмены рабства и закона о гомстедах, объявившего бесплатную раздачу западных земель, — мер, ускоривших капиталистическое развитие страны. Благодаря им в американском сельском хозяйстве окончательно утвердился фермерский путь развития, который обеспечил национальной промышленности самый емкий в мире внутренний рынок.

Как раз эти далеко простирающиеся последствия имеют в виду «старые» историки, оценивая влияние Гражданской войны. Клиометристы рассуждают иначе: раз после события экономика развивалась недостаточно быстро, значит, виновато изучаемое

событие, как в старинном логическом казусе — *post hoc ergo propter hoc* (после этого, следовательно, вследствие этого). Тут логика превращается из средства мышления в источник мысли. Ограниченность исторического суждения клиометристов состоит в том, что они стремятся сосчитать и выразить цифрой многообразные и действующие длительное время процессы. Объект изучения клиометрии — краткое и единообразное явление, поддающееся числовому переводу²³, она же делает обобщение относительно всей истории, и здесь сразу открывается несоразмерность ее научных претензий и ее действительных сил и средств.

Таково же отношение Д. Норта к Войне за независимость. «Глядя ретроспективно, — пишет он, — может показаться, что американские колонисты жили довольно хорошо под английским правлением и что им не жилось бы так хорошо при альтернативных возможностях. Но колонисты исходили из взгляда, что при других обстоятельствах им будет лучше, поэтому сражались в революции, стали независимыми и изменили американскую историю. Действия, ими руководимые, диктовались взглядами, верными или неверными, но которых они придерживались в то время»²⁴.

По Норту получается, что война произошла в результате волевых усилий колонистов, надеявшихся на то, что свободная жизнь будет лучше. Под сомнением опять оказалась экономическая необходимость события. Для подтверждения своей мысли Норт сравнивал жизнь колонистов до войны с первым десятилетием после нее и резюмировал: «Благосостояние новой независимой нации было в лучшем случае таким же, как и благосостояние колонистов в критическую эру»²⁵.

Не стоит повторять, в чем ложность этой позиции. Очевидно, что клиометрия со своими новейшими экономическими методами пришла к далеко не новым и наиболее консервативным идеям американской историографии.

Книга Р. Фогеля «Железные дороги и американский экономический рост» особенно заставляет задуматься над возможностями моделирования истории. Исследователь высказал недоверие к распространенному в историографии США мнению о важности железных дорог для национального хозяйственного развития второй половины XIX в. и задался целью выяснить, так ли уж они были обязательны для экономического роста страны. Влияние железных дорог он определяет путем вычисления их «общественной экономики» — разницей между реальной стоимостью перевозки сельскохозяйственных продуктов за определенный год и той, которая была бы при отсутствии железных дорог. Используя гипотетико-дедуктивную модель, Фогель воссоздал на основе статистических данных по хозяйству Среднего Запада в 1890 г. иную систему, которая могла бы возникнуть без железных дорог. Произведя подсчет, он нашел «общественную экономию» от железных дорог малозначительной — ниже 5% общего национального продукта²⁶. Следовательно, полагает автор, железные дороги не сыграли решающей роли в экономическом росте.

Настораживает прежде всего смелость разрешения столь сложной задачи. В самом деле, позволяет ли знание статистики даже в одном районе и за один год судить о хозяйственной обстановке, которая сложилась бы при отсутствии железных дорог?

Клиометрист немедленно возразит, что речь идет не о воссоздании всей жизни той поры, а только о реконструкции цен за перевозку сельскохозяйственных продуктов на рынки. Однако моделирование экономических процессов неизбежно требует и моделирования исторической действительности, часть которой они составляют.

Возьмется ли кто-нибудь с точностью предсказать все отношения фермеров, оптовиков и владельцев транспорта без железных дорог? А если нельзя этого предусмотреть, не может быть и точности вычисления, пропадает нужда в математизировании. Разумеется, можно подсчитать только основные тенденции, направление развития, но как поручиться, что именно эти тенденции, а не какие-нибудь иные будут действительны? Как удостовериться, что учтено все сколько-нибудь важное, и как определить, что важно? Правда, в современной экономической теории существует вероятностный анализ, но, поскольку он занят прогнозами на будущее, его результаты поддаются проверке. А как проверить клиометрические пророчества насчет прошлого? Ибо если «новую историю» не устраивает картина, полученная средствами «старой», поскольку эта картина будто бы недостоверна, неточна, слишком словесна, то делает ли она сама картину вернее?

Наконец, многое ли нам дали полученные Фогелем 5%? Говорит эта цифра в пользу значительности вклада железных дорог или нет? Фогель отвечает отрицательно, а Норт — положительно²⁷. Значит, статистико-математический метод в социально-экономическом анализе не дает желаемой точности. Поэтому не случайно, что в работе, появившейся через год после книги Фогеля, Альберт Фишлоу, подсчитывая ту же самую «общественную экономию» от железных дорог, пришел к совершенно иным выводам. Он пользовался, как и Фогель, методом контрфакта и сравнивал торговлю перед Гражданской войной (1859 г.) с той, которая могла быть без железных дорог; он обнаружил, что в то время железные дороги были «необязательны» для экономического роста. Но, полагает Фишлоу, положение изменилось в 1890 г., когда доля железных дорог в валовом национальном продукте равнялась 15%²⁸. Расхождение с 5% Фогеля немалое.

В стремлении к объективности клиометрия слишком доверяет цифре. Однако статистику создает человек, руководствуясь своими соображениями, следовательно, и она не свободна от произвола, и в ней отсутствуют полная объективность и точность.

Пример тому — двухтомная книга Фогеля и Энгермана об американском рабстве, обобщившая результаты всех исследований «новых» на эту, самую популярную у них тему²⁹. Немало места в ней уделено положению рабов на Юге перед Гражданской войной. Клиометристы пришли к выводу, что материальные усло-

вия жизни рабов были лучше, нежели у свободных промышленных рабочих и у самих рабов после освобождения³⁰. По инструкциям рабовладельцев и надсмотрщиков «новые историки» даже составили типичный ежедневный рацион взрослого раба (2 фунта зерна и полфунта свинины)³¹.

Но в какой степени можно верить этим документам? Аккуратно ли выполнялись все предписания, и если да, то чем, кроме самих бумаг, это подтверждается? Наконец, достаточно ли точны данные о рабах, представленные рабовладельцами 8-му цензу, которым пользовались исследователи?

Историк-марксист Г. Аптекер, много работающий с цензом 1860 г., полагает, что этот документ составлен плохо и не дает верного представления о жизни рабов. «Очевидно,— заключает ученый,— любая попытка определить статистически положение рабов в Соединенных Штатах, которая основана на материалах ценза, обречена на неудачу»³².

Если принять мнение Аптекера, то все подсчеты клиометристов теряют всякое значение. Между тем они работают главным образом с цифрой, и большинство их сочинений направлено на отыскание новой.

Особенность метода «традиционного» историка в том, что свое суждение он подкрепляет различными доказательствами, среди них и статистическими, а потому ошибка может быть исправлена другими средствами. «Новые» же, возводя свое «здание» по преимуществу на цифре, оказались в худшем положении, поскольку неверность исходных данных ведет к непрочности всей постройки. Тогда выводы клиометрии не только не приобретают точности, но и утрачивают даже здравый смысл, как произошло с оценками роли рабства и двух национальных войн.

Главный порок клиометрической мысли — стремление найти в истории рациональную систему, вера в то, что историческое и логическое суть синонимы. Для эконометристов история — тренировочный манеж, камера логических экспериментов, полигон с условиями по заказу исследователя. В сжатом виде их взгляд на историю изложил Уильям Паркер: «новая экономическая история» «есть гигантская проверка гипотезы об экономической рациональности системы и поведения индивидуумов в ней»³³. Клиометристов интересуют в истории не традиционные вопросы: как и почему произошло событие, но лишь то, насколько оно было экономически целесообразно, разумно. Вот этой разумности они и не находят в истории.

Если событие произошло, оно было необходимо, имело свои причины, следовательно исторически было разумно так что задача историка — найти эту разумность, исходя из логики событий, а не формальной логики, как стремятся клиометристы. Только преувеличением логических возможностей исторического познания можно объяснить вопрос Фогеля и его коллег, были железные дороги необходимы для экономического роста страны или нет. Он продиктован не исторической действительностью, а нуждами

модели, которая требует предельной точности и определенности вопроса. Но чем большей точности хотят здесь добиться, тем меньше исторического смысла остается. Иначе не объяснить другой вопрос Фогеля: было бы прибыльно рабство в 1890 г., не будь оно отменено тремя десятилетиями раньше?

Характерной чертой клиометрии 1970-х годов явилось расширение сферы деятельности, проникновение в заповедные прежде для нее области социальных изменений, которые, как уже убедились ее представители, тоже влияют на экономический рост.

Норт и его коллеги с помощью моделирования попытались объяснить возникновение и развитие экономических институтов США и средневековой Европы³⁴. Они намереваются выработать теорию всех институциональных изменений и полагают, что модель можно применить для предсказания институциональных перемен в будущем и для полного разъяснения таковых в прошлом всех народов³⁵.

Если что и поражает здесь, то прежде всего масштаб социального утопизма. Попытка предвидеть элементы, обстоятельства исторического бытия — а именно детальный прогноз имеет смысл, ибо предсказывать общий ход можно и без моделирования, — есть чистая утопия.

Клиометристы переоценивают возможности современных моделей, которые вызывают недоверие не как метод, вполне возможный, но как тип мысли, как манера понимать историю. Сами экономисты-теоретики признают несовершенство нынешних моделей и считают, что результаты, полученные с их помощью, пока ничуть не достовернее результатов, достигнутых «неточным», интуитивным способом. Таковы аргументы Е. Домара, А. Смитиса и др., выдвинутые еще при рождении клиометрии в 1957 г. Они скептически отнеслись к возможности интеграции экономической теории и экономической истории, полагая, что дело последней — не проверять старые гипотезы, а создавать новые; в особенности они возражали против применения в экономической истории моделирования и статистических проверок³⁶.

Один из создателей эконометрических моделей, известный американский экономист Василий Леонтьев вынужден был признать: «Ни в одной области эмпирических исследований использование столь изощренного статистического аппарата не давало столь неопределенных результатов... В противоположность большинству физических наук мы изучаем систему, которая не только чрезвычайно сложна, но и находится в постоянном движении»³⁷.

Опасения экономистов оправдались. В 1970-х годах кое-кто из «новых» историков почувствовал, что их «революционный дух» слабеет. Ясно обозначились пределы клиометрии (узость тем, невозможность изучения экономического развития за длительный период). Исследования носили чаще негативный характер. Отказавшись от старых объяснений американской истории, клиометристы не смогли предложить достаточно убедительных новых,

позволяющих понять причины экономических изменений³⁸. Сторонники количественных методов уже не призывают «выбросить за дверь» традиционную экономическую историю. Фогель и Энгерман даже допускают существование иного, «гуманистического», как они назвали подхода к истории, хотя и продолжают считать свои методы выше «импрессионистских» свидетельств³⁹.

Таким образом, за 20 лет в клиометрии произошли существенные перемены. Она перестала быть категоричной в оценке работ предшественников, сознаёт ограниченность количественных методов, наконец шире смотрит на проблему экономического роста, а потому и на самый предмет экономической истории.

Но этот пересмотр не коснулся главного — отношения к истории, к специфике общественных наук в целом. Подтверждение тому — представленный Нортон на 3-й советско-американский коллоквиум (28—30 ноября 1978 г.) доклад — своего рода программный документ клиометрии 1970-х годов⁴⁰.

Неудачи социальных изысканий Норт объяснял не методологическими посылками «новых», а только их инструментом — неоклассической теорией, лежащей в основе всех клиометрических работ и по своей ориентации на рыночные отношения не подходящей для изучения социологии. Он призвал к созданию теории переменных факторов в экономике⁴¹, чтобы с ее помощью моделировать социальные и политические процессы, даже идеологию. Последнюю, по мнению Норта, тоже можно изучать как позитивную науку, основанную на поддающихся проверке предположениях⁴².

Планы Норта, как и прежде, глобальны. Его конечная цель — создание общей теории социальных наук. Неудивительно поэтому, что результаты подобного изучения, как признается сам ученый, весьма скромны.

* * *

Клиометрия объяснима и понятна как выражение свойственной человеку надежды поймать неуловимое, узнать неизнаваемое — надежды на полное и ясное познание всего неточного, смутного, безостановочного. Каждый новый успех точных наук дает этой надежде новые силы, и она, объясняя прежние неудачи отсутствием современных методов и средств, опять побуждает ум к точному познанию общественного бытия. Однако и былые неуспехи, и теперешнее бесплодное математизирование служат известным доводом в пользу мысли об ограниченности точных методов в истории. Клиометрия слишком «онаучивает» действительность, слишком верит во всеислие цифры. Такое отношение к человеческому бытию не ново. Сами клиометристы называют своими предшественниками социальных дарвинистов XIX в. (Г. Адамс, Г. В. Адамс), переносивших биологические законы развития на общество. Просчет последних они объясняли непониманием человеческого поведения, которое социальные дар-

винисты выражали стабильными уравнениями, как в физике, ибо математическая логика середины прошлого столетия не соответствовала еще нуждам социальной науки, — иными словами, все-таки несовершенством методического аппарата ⁴³.

Впрочем, предшественников клиометрии можно найти гораздо раньше — среди «социальных физиков» распространенного в Европе XVII в. мыслительного стиля.

Успехи точных наук стали тогда источником идеи о всемогуществе и всепроникновении их методов. Декарт сводит все, что существует и происходит в физической природе, к пространству и движению, полагая, что в конечном итоге все в ней может быть представлено в геометрических отношениях, а значит, измерено геометрически. Возникло даже понятие «пантометрия» — всеизмерение. Таковую же точность хотели придать и общественным наукам.

На основе нового естествознания социальные философы стремились создать физику человеческих отношений. Думали: если причины вещей разъяснились благодаря математике и рациональным доводам, то и у социальной жизни, составляющей часть мировой, те же причины, а значит, проверенными цифровыми средствами это социальное движение познаваемо как частный случай мирового и в общих очертаниях познанного. Спиноза писал: «Истина навеки оставалась бы скрытой для человеческого рода, если бы только математика, имеющая дело не с целями, а лишь с сущностью и свойствами фигур, не показала людям мерила истины» ⁴⁴.

Преувеличение возможностей ума, полномочий разумности в познании мировых событий было характерной чертой общественной мысли XVII—XVIII столетий. Даже Кант, выступивший с критикой «чистого разума», надеялся отыскать в «бессмысленном ходе человеческих дел цель природы» ⁴⁵. Ведь отыскиали же Кеплер и Ньютон, рассуждал философ, планетные закономерности, отчего же не существовать сходным законам в истории.

Вспышка «чистого разума» повторилась и в XIX в., причем успехи точных наук и тут исполнили роль бродильного вещества. Они снова оживили надежду, что все прежние попытки дать общественным наукам точный смысл были неудачны из-за несовершенства средств анализа.

Такое суждение лежит в логическом истоке позитивизма. Его зачинатель Огюст Конт прошел курс у Сен-Симона, придумавшего понятие «социальной физики» как абсолютно точной политической науки, следующей в методе своем методу физических доказательств, и вполне усвоил утопические воззрения своего учителя. Он был убежден, что коль скоро его, контовская систематика логически безупречна, подобно математике, то и результаты, добытые с ее помощью, абсолютно достоверны. Самым серьезным образом Конт верил, что сказал не только новое, но и последнее слово, что отныне развитие социального знания будет

состоять лишь в приложении его системы к неясным еще сторонам общественного бытия⁴⁶.

В XX в. развитие логического и математического анализа возродило эти идеи в неопозитивизме, считающем естествознание и математику эталоном научного знания, как наиболее достоверного, объективного, стремящегося перенести их методы на гуманитарные науки, чтобы и тут достичь полной точности и определенности. Впрочем, клиометристы не скрывают своих позиций. Убеждение в возможности научной экономической истории подтверждается логическим позитивизмом, за последние годы распространившимся в социальных науках, заметил А. Фишлоу⁴⁷.

Популярность экономической истории именно в США коренится и в особенности национального ума, в американской мыслительной традиции, каковая хоть и не определяется целиком чертами, присущими клиометрии, но зато и неполна без них. В этой традиции клиометрия близка прагматизму. Уильям Джеймс писал: «Прагматизм решительно отворачивается от ... застарелых привычек, дорогих профессиональным философам. Он отворачивается от абстракций и недоступных вещей, от словесных решений, от скверных априорных аргументов ... от мнимых абсолютов и начал. Он обращается к конкретному, к доступному, к фактам...»⁴⁸. Вот «философия истории» клиометрии, которая по духу своему совершенно прагматична, что подтверждается и прямыми (нечаянными, конечно) совпадениями. Джеймс спрашивал: «Допустим, что какая-нибудь идея или какое-нибудь убеждение истинны, какую конкретную разницу внесет этот момент истинности в нашу действительную жизнь?.. Какие опыты будут протекать иначе, в отличие от того, как бы они происходили, если бы разбираемое убеждение было ложным?»⁴⁹.

Это похоже на вопросы «новых» историков (метод контрфакта), для которых, как и для прагматизма, истинно лишь практическое, проверяемое предвидение. Для клиометрии все разумное действительно, и такое отношение превращает ее, вопреки ее же собственным побуждениям и утверждениям, в науку идеальную и вследствие этого слишком далекую от действительных потребностей людей. Как и прагматизм, клиометрия, преувеличивая возможности рациональных способов, оказывается разновидностью идеализма.

В этом смысле «новая» история не нова, что видно из ее сопоставления с прежними направлениями социальной мысли. Она не более, чем одно из средств исторического анализа, усовершенствованный вариант исторической статистики. Нельзя всерьез полагать, будто статистика в силах заменить историю.

¹ The philosophy of History in our Time/Ed. H. Meyerhoff. New York, 1959, p. 139.

² Историографические обзоры этого направления уже не раз появлялись в советской литературе. См.,

напр.: *Болховитинов Н. Н.* Современная американская историография: Новые течения и проблемы.— Новая и новейшая история, 1969, № 6; *Палли Х.* Применение математических методов и

- электронно-вычислительных машин в исторических исследованиях в США.— История СССР, 1972, № 2; Дементьев И. П. Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени.— Вопросы истории, 1976, № 11; и др.
- ³ Fogel R. W. The Reunification of Economic History with Economic Theory.— The American Economic Review, 1965, May, vol. 55, N 2, p. 92—97.
- ⁴ Ibid., p. 94.
- ⁵ Fogel R. W. The New Economic History: Its Findings and Methods.— The Economic History Review, 1966, Dec., vol. 19, N 3, p. 652.
- ⁶ North D. Growth and Welfare in the American Past. A New Economic History. Englewood Cliffs (N. Jers.), 1966, p. V—VI.
- ⁷ Murphy G. G. S. The «New» History.— In: The New Economic History/Ed. R. L. Andreano. New York, 1970, p. 1—15.
- ⁸ Meyer J. R., Conrad A. H. Economic Theory, Statistical Inference and Economic History.— The Journal of Economic History (далее — JEH), 1957, vol. 17, N 4, p. 524.
- ⁹ Ibid., p. 536, 537.
- ¹⁰ Ibid., p. 530.
- ¹¹ Ibid., p. 537.
- ¹² Гегель Г. В. Ф. Собр. соч.: В 14-ти т. М., 1932, т. X, с. 99.
- ¹³ Meyer J. R., Conrad A. H. The Economics of Slavery in the Ante Bellum South.— The Journal of Political Economy, 1958, Apr., vol. 66, N 2, p. 96.
- ¹⁴ Ibid., p. 122.
- ¹⁵ Conrad A. H., Meyer J. R. The Economics of Slavery and other Studies in Econometric History. Chicago, 1964, p. 231.
- ¹⁶ Fogel R., Engerman S. The Economics of Slavery.— In: The Reinterpretation of American Economic History. New York, 1971, p. 338.
- ¹⁷ Slavery as Obstacle to Economic Growth in the United States: A Panel Discussion.— JEH, 1967, vol. 27, N 4, p. 552.
- ¹⁸ North D. Economic History.— In: International Encyclopedia of Social Sciences, 1968, vol. 6, p. 468.
- ¹⁹ Clapham J. Economic History.— In: Encyclopedia of the Social Sciences, 1931, p. 327.
- ²⁰ Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». М., 1972, с. 629.
- ²¹ Cochran T. C. Did the Civil War Retard Industrialization? — In: The Economic Impact of American Civil War/Ed. R. Adreano. Cambridge (Mass.), 1960, p. 148—160.
- ²² Engerman S. The Economic Impact of the Civil War.— In: The Reinterpretation of American Economic History, p. 371, 372. Клиометристы продолжают подсчет стоимости Гражданской войны. См.: Goldin C., Lemis F. The Economic Cost of the American Civil War.— JEH, 1975, vol. 35, N 2, p. 299—326; Temin P. The Post-Bellum Recovery of the South and the Cost of the Civil War.— JEH, 1976, vol. 36, N 4, p. 898—907.
- ²³ В этом направлении есть бесспорные успехи, например изучение социальной структуры США, что ранее было довольно трудно сделать историку без количественных методов. См.: Henretta J. A. The Evolution of American Society, 1700—1816. Lexington (Mass.), 1973; Pessen E. Riches, Class and Power Before the Civil War. Lexington (Mass.), 1973.
- ²⁴ North D. C. Growth and Welfare in American Past, p. 14.
- ²⁵ Ibid., p. 49.
- ²⁶ Fogel R. W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore, 1964, p. 223.
- ²⁷ North D. C. Growth and Welfare in American Past, p. 421.
- ²⁸ Fishlow A. American Railroads and the Transformation of the Ante-Bellum Economy. Harvard; Cambr., 1965, p. 52—57.
- ²⁹ Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. Boston; Toronto, 1974, vol. 1, 2. Подробный разбор книги см.: Болховитинов Н. Н. Клиометристы и рабство в США.— Новая и новейшая история, 1976, № 3, с. 169—175.
- ³⁰ Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross, vol. 1, p. 5, 261.
- ³¹ Ibid., p. 110.
- ³² Aptheker H. Heavenly Days in Dixie: Or, The Time of Their Lives.— The Political Affairs, 1974, June, p. 54.
- ³³ Parker W. M. From Old to New to

- Old in Economic History.— JEH, 1971, vol. 31, N 1, p. 6.
- ³⁴ *Davis L., North D.* Institutional Change and American Economic Growth. Cambridge (Mass.), 1971; *North D., Thomas R.* The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge (Mass.), 1973.
- ³⁵ *Davis L., North D.* Institutional Change and American Economic Growth.— JEH, 1970, vol. 30, N 1, p. 131.
- ³⁶ The Integration of Economic Theory and Economic History.— JEH, 1957, vol. 17, N 4, p. 545—553.
- ³⁷ *Леонтьев В.* Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты.— США — экономика, политика и идеология, 1972, № 9, с. 102—103.
- ³⁸ *North D.* Beyond the New Economic History.— JEH, 1974, vol. 34, N 1, p. 1, 2.
- ³⁹ *Fogel R. W., Engerman S. L.* Time on the Cross, vol. 1, p. 11; vol. 2, p. 6—10.
- ⁴⁰ *North D.* Structure and Performance: The Task of Economic History. Это вариант статьи того же названия, опубликованной в: The Journal of Economic Literature, 1978, Sept. Автор подготовил его специально для коллоквиума и ежегодного заседания Ассоциации американских историков (Сан-Франциско, 23—30 декабря 1978 г.). Далее — ссылки на английский текст доклада, розданный участникам коллоквиума.
- ⁴¹ *North D.* Structure and Performance..., p. 25.
- ⁴² *Ibid.*, p. 25, 28.
- ⁴³ *Fogel R. W., Engerman S. L.* Time on the Cross, vol. 2, p. 9.
- ⁴⁴ *Спиноза Б.* Этика.— Избр. произв.: В 2-х т. М., 1957, т. 1, с. 397.
- ⁴⁵ *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане.— Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1966, т. 6, с. 8.
- ⁴⁶ Такова же цель Д. Норта — его «общей теории социальных наук».
- ⁴⁷ *Fishlow A.* The New Economic History Revisited.— The Journal of European Economic History, 1974, vol. 3, N 2, p. 459.
- ⁴⁸ *Джеймс В.* Прагматизм. СПб., 1910, с. 37.
- ⁴⁹ Там же, с. 123.

НАУЧНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ИСТОРИКА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ОТТО ГЁТЧА (1876—1946)¹

Г. Фойгт *

Историк, публицист и политический деятель Отто Гётч (Hoetzsch) пользовался широкой известностью в Германии, особенно в период Веймарской республики. Он был одним из тех немногих немецких ученых, которые еще до первой мировой войны посвятили себя изучению русской истории. В течение нескольких десятилетий он представлял эту область исторической науки в германских университетах. Уважение к русскому народу и твердое убеждение в необходимости и пользе добрососедских германско-советских отношений неизменно составляли важную часть его историко-политических взглядов. Его заслуги признаны марксистской историографией.

В последние годы появилось несколько исследований об О. Гётче. В 1957 г. в ФРГ вышел сборник работ, посвященный

* © Voigt G.

его памяти, с заслуживающей внимания статьей Ф. Эпштейна, немецкого историка, живущего в США². В 1975 г. в журнале «Остэуропа» были опубликованы воспоминания о Гётче, а также его биография³. В ГДР, Польше и США созданы диссертации о Гётче и различных сторонах его деятельности⁴. В ГДР и СССР появилось несколько статей, которые знакомят читателя с важнейшими чертами и событиями жизни и деятельности одного из бывших руководителей немецкой национальной народной партии⁵.

Взросший интерес к Гётчу определил публикацию его трудов. В 1966 г. в ФРГ, главным образом по политическим мотивам, была опубликована небольшая часть научного наследия О. Гётча⁶. Правда, созданный в 1936—1944 гг. обширный труд по истории России при Александре II в полном объеме свет еще не увидел, зато разработанное Гётчем в 1945—1946 гг. по поручению германских властей в советской зоне оккупации учебное пособие «Основные черты истории России», написанное в чрезвычайно тяжелых условиях и вышедшее в Штутгарте в 1949 г., переведено на английский язык и выдержало в ФРГ два издания⁷. Сейчас, через десятки лет после смерти берлинского историка, происходит ретроспективное осмысливание его идей и деятельности. Марксистско-ленинская историография стремится рассматривать жизнь и труды Гётча в широких рамках борьбы между социализмом и капитализмом, чтобы таким образом объяснить противоречивость его воззрений и показать их развитие. Буржуазная историография, напротив, выделяет лишь отдельные труды или этапы развития Гётча и оценивает их с точки зрения своего собственного отношения к СССР на современном этапе.

* * *

Отто Гётч, уроженец Лейпцига, происходил из мелкобуржуазной семьи, его отец был ремесленником. Гётч получил классическое гуманитарное образование в одной из лучших немецких тогдашних школ в Лейпциге. В университете родного города, особенно в семинаре Карла Лампрехта, а также в Мюнхене он изучал историю и политическую экономию. В Берлине, где он работал с 1900 г. и до конца жизни, Гётч пополнил свои познания в истории в кружке кафедр-социалистов Густава Шмоллера и в 1905 г. получил доцентуру.

Рано проявились способности Гётча к языкам. Он свободно говорил по-польски и по-русски, знал также украинский, английский, французский, итальянский и голландский языки; и это дало ему возможность читать в подлиннике почти всю иностранную литературу по истории и современному положению Восточной Европы, а также периодическую печать различных стран. Во время первой мировой войны он овладел еще и болгарским языком.

В основе мировоззрения молодого Гётча лежало почитание прусских традиций, особенно надежда на сохранение наследства Бисмарка во внешней политике, а также вера в монархический

принцип и в христианскую традицию. Ядром его тогдашних взглядов было убеждение, что Германия вынуждена вести империалистическую «мировую политику» и имеет на это право. Гётч неоднократно декларировал германские притязания на новые рынки и территории, имея в виду особенно низовья Рейна и Шельды, а также «горные массивы Судет и Альп» и даже «части земли по ту сторону океана» (он не уточнял, какие именно)⁸. Это был один из вариантов концепции Срединной Европы, широко распространенной накануне первой мировой войны среди представителей германской империалистической историографии и идеологии. В осуществлении этой концепции Гётч видел основу для дальнейших колониальных завоеваний. В течение многих лет он занимал руководящее положение в националистическом Союзе немецких студентов, был также тесно связан с Пангерманским союзом и с Союзом пограничных областей на Востоке, в котором быстро завоевал почет и уважение.

В те годы Гётч стремился изучить исторические традиции и внешнеполитическое положение и интересы великих держав. Он побывал в США и в 1904 г. опубликовал популярную работу о «новом континенте», международное значение которого германская общественность начала понимать именно тогда⁹.

Первые, еще примитивные работы Гётча о России появились в 1900 г. В последующие годы, до первой мировой войны, Гётч совершил, большей частью за собственный счет, десять поездок в Россию. Он подолгу оставался в Петербурге, Москве, на Украине, в Прибалтике, на Кавказе и даже в Средней Азии. Начало войны помешало ему осуществить задуманную поездку в Сибирь. В противоположность многим буржуазным немецким ученым, занимавшимся Россией и СССР, Гётч всегда стремился на месте ознакомиться с проблематикой предмета своих исследований. О своем учителе, выходец из Прибалтики Теодоре Шимане, который, как известно, был приближенным Вильгельма II, он писал позднее, что нельзя заниматься русской историей, не побывав в Москве, не познакоившись детально с жизнью России в самом центре этого государства¹⁰.

В 1907 г. Гётч наблюдал в Петербурге предвыборную борьбу в III Государственную думу. В 1910 и 1911 гг. он работал в семейном архиве лифляндского помещика, одного из вождей октябристов, фон Мейендорфа, получил приглашения и от многих других остзейских помещиков и, очевидно, именно из их рассказов о революции 1905—1907 гг. получил представление о шаткости их положения.

Опубликованная в 1913 г. статья Гётча о Средней Азии¹¹ вызвала интерес В. И. Ленина, использовавшего ее в работе над своей известной книгой об империализме. В «Тетрадах по империализму» он выписал важнейшие факты, изложенные в статье Гётча. Особо отметил он высказывания о панисламизме и данные о культурном уровне татар. О Гётче В. И. Ленин писал: «Автор знает по-русски, сам был в Туркестане ... и хорошо изу-

чил литературу»¹². Ленин не только подчеркнул ценность материала, собранного в статье Гётча, но и согласился с некоторыми его выводами.

Гётч был консерватором, членом Немецко-консервативной партии, одним из 50 членов ее руководящего комитета. Немецкие консервативные историки и публицисты по-разному относились к России, к ее истории и к ее народам, по-разному оценивали отношение России к Германии и странам Центральной Европы. Можно выделить три течения, которые всегда должны быть четко разграничены в теории, хотя в практической деятельности и даже в системе взглядов отдельных историков часто сливались. Представители культурно-исторического по преимуществу направления, исследуя исторические проблемы, придерживались мнения, что история России, к сожалению, слишком мало известна в Германии. Между тем, полагали они, знание ее могло бы дать именно консервативной мысли ценные импульсы, могло бы помочь в изучении различных проблем: о роли авторитета в обществе, о связях человека с религией, о взаимоотношениях между личностью и обществом (проблема, по их мнению, удивительно успешно решенная в России с помощью сельской общины). Представителем этого течения был работавший в Бонне историк права и церкви Леопольд Карл Гётц, бывший католический священник. Гётц написал ряд серьезных работ по истории раннего русского права и по истории германско-русских отношений в XII—XV вв. Позже немецкие буржуазные историки совершенно отошли от этих тем.

Консервативные историки двух других течений, занимавшиеся дооктябрьской Россией, интересовались больше внешнеполитическими, прагматическими аспектами ее истории. Историки, группировавшиеся вокруг Отто Гётча, считали Россию наиболее вероятным потенциальным союзником Германии, выступали за развитие экономических связей между Россией и Германией, утверждали, что взаимосвязи между Германией и Россией традиционны, выводя эту традицию главным образом из эпохи освободительных войн 1813—1815 гг. Сам Гётч пошел значительно дальше и во время первой мировой войны, резко расходясь с шовинистами, писал, что народы Германии и России не являются смертельными врагами¹³.

Конечно, представители этого третьего, шовинистического течения с ожесточением осуждали революционное рабочее движение в России и скандальным образом не знали его. Враждебное отношение к революционному движению было свойственно и другому течению, исходившему из актуальных политических и мнимых исторических соображений, что Россия является главным противником Германии. Его приверженцы разжигали враждебность к русскому народу и его культуре с помощью расистских, социал-дарвинистских аргументов. Представителем этой тенденции являлся Теодор Шиман. Носителями этого течения были в основном реакционные эмигранты — выходцы из При-

балтики. Они усматривали в русской истории «азиатские» черты, никогда, впрочем, точно не выявленные. Приверженцы этого течения пользовались между 1905 и 1914 г. большим влиянием на общественное мнение и были в тот период господствующей группировкой в консервативной немецкой историографии, занимавшейся русской историей.

Отто Гётч изложил свои взгляды на современную ему Россию в книге, появившейся в 1913 г.¹⁴ Он признал, что Россия развивается по капиталистическому пути, однако достигнутый ею уровень развития оценивал ошибочно, считая, что Россия находится на ранней стадии капитализма и развитие происходит согласно принципам меркантилизма. Он оспаривал в особенности мнение, что русская буржуазия представляет собой самостоятельный класс, и утверждал, что «национальное русское сословие предпринимателей» только еще постепенно формируется, а рабочий класс еще не представляет собой серьезной общественной силы. В этих ошибочных положениях скрывалась одна из важнейших причин неспособности Гётча до конца понять характер классовой борьбы в России и тенденции, которые неотвратимо вели к Великому Октябрю.

Большое значение придавал Гётч национальному вопросу в России. Он подчеркивал, что объединение русского и украинского народов сложилось исторически, раскрывал экономико-географические связи между ними. Во время первой мировой войны, когда немецкие империалисты пытались сколотить вассальное украинское государство, эта концепция навлекла на Гётча ожесточенные нападки сомнительных «друзей» Украины в Германии в лице Пауля Рорбаха и Иоганнеса Галлера.

Взгляды Гётча на германско-русские отношения встретили понимание лишь среди небольшой части интеллигенции и части буржуазии, прежде всего среди владельцев предприятий, работавших на экспорт. В 1913 г. было создано Немецкое общество по изучению России, но в условиях подготовки войны, пропаганды и распространения националистических и антиславянских настроений это общество не могло развиваться.

В течение нескольких лет, с 1906 и приблизительно до 1912 г., Гётч также интенсивно занимался историей и современным положением Польши. В 1906 г. он был назначен профессором Королевской академии в Познани — учебного заведения, главной задачей которого была националистическая борьба против польского населения. Гётч теснейшим образом связал свою научную деятельность с установками Познанской академии и Союза пограничных областей на Востоке, а кое в чем пошел даже дальше их программы. Его рекомендации относительно антипольской политики были основаны на представлении об особой роли прусско-германского государства, о его «моральном» праве на аннексию и подавление других народов. Он исходил также из тезиса о опасности, якобы угрожавшей Германии, в данном случае «польской опасности».

Гётч одобрял разделы Польши и, по согласованию с прусским министерством внутренних дел и обер-президиумом Познани, занимался исследованием истории Польши и германско-польских отношений в XIX в.¹⁵ Он понимал, что в польских землях, принадлежащих трем империям, происходили социальные преобразования, формировались новые классовые силы. Он много раз указывал, что в Польше в течение жизни одного поколения возникли (что было едва отмечено немецкой общественностью) городские и сельские средние слои и своя собственная буржуазия, сменившая дворянство в политическом руководстве. Гётч опасался, что вследствие усиленного капиталистического развития части разрозненной Польши могут экономически сростись и это резко усилит стремление к автономии, а позже и к государственной самостоятельности¹⁶. В этом он и усматривал сущность «польской опасности».

Главным в прусско-германской политике в польских областях Пруссии Гётч считал переселение сюда немецких крестьян. Он требовал как можно скорее вручить полномочия по отчуждению земель колонизационной комиссии в Познани и Западной Пруссии. Это, по его мнению, дало бы возможность передать принадлежавшие крупным немецким землевладельцам гигантские латифундии средним и крупным крестьянам и даже создать в германском правительстве особое министерство пограничных областей на Востоке, чего не раз требовали гакаитисты.

Само собой разумеется, Гётч не вскрывал ни классового характера прусско-германской политики в Польских областях, ни взаимосвязи между правительственной системой переселенческих и экономических мероприятий и обусловленного ею капиталистического подъема польских средних слоев. К насильственному перемещению части полейков Гётч относился отрицательно, он возлагал надежды на серьезное якобы влияние «экономических взаимосвязей, школы, военной службы и т. д.»¹⁷. С другой стороны, за его настойчивыми попытками установить некий конечный хронологический момент германизации восточных областей Германии без труда просматривается скептическое отношение ко всей прусско-гакаитистской политике в отношении Польских областей.

Во время войны, с ноября 1914 г., Гётч, назначенный в 1913 г. профессором истории Восточной Европы в Берлинском университете, стал также писать еженедельные обзоры международной политики в консервативной газете «Кройццайтунг». В этих обзорах, публиковавшихся каждую среду, он с большим знанием дела анализировал международные события, отмечая ухудшившееся внешнеполитическое положение Германии¹⁸. Гётч пропагандировал необходимость борьбы против Англии как главного противника германского империализма. По мере развития событий во время войны в его комментариях на передний план все более выдвигалась стратегия «ориентации на восток». Выступая против многочисленных противников из рядов собственной партии

и других политических организаций, он настойчиво требовал установить взаимопонимание с Россией. Ему казалось, что уладить отношения с Россией возможно путем соглашения в области внешнеполитических интересов, ограничив военные устремления Германии относительно небольшими аннексиями («корректирование границ»), особенно на границе с Курляндией, а также заключив сепаратный мир, который откроет путь к германско-русскому союзу. В некоторых секретных докладных записках высшим правительственным чиновникам, промышленникам и политическим деятелям он предлагал также вернуть немцев из Прибалтики на территорию империи, что уничтожило бы, по его мнению, самые серьезные разногласия между Россией и Германией. Это требование Гётча никто не поддержал, и неудивительно, что возникли серьезные разногласия. Вспыхнуло открытое столкновение между Гётчем и историком из Тюбингена, выходцем из Прибалтики И. Галлером по вопросу об общей оценке русской истории, о характере германско-русских отношений, которые оба считали необходимыми в будущем. Это было одно из самых резких столкновений в среде германской интеллигенции за время войны¹⁹.

Враждебное отношение Гётча к рабочему движению долго мешало ему понять, что в России надвигается революция. Об этом свидетельствует содержание опубликованных во время войны международных обзоров и других работ Гётча. Вплоть до осени 1916 г. он призывал не верить неподтвержденным агентурным сообщениям о беспорядках. Лишь после резких речей П. Н. Милокова в Государственной думе в декабре 1916 г. Гётч наконец понял, что происходит в России. 17 января 1917 г. он впервые заявил, что Россия стоит на пороге новой революции. Он не уделил особого внимания судьбе царя, лишённого власти Февральской революцией, а также и поведению дворянства. Это свидетельствовало об эволюции умеренных взглядов Отто Гётча. С осени 1917 г. он отдавал себе отчет в том, что с господством крупных землевладельцев в России покончено. Комментарии Гётча показывают также, что он не считал более кадетов руководящей силой в России. Бурные события питали иллюзию Гётча, что будет создана крестьянская Россия, в политическом отношении — мелкобуржуазная демократия.

Гётч не понимал закономерностей исторического процесса. Сам он был выразителем интересов германской буржуазии, историческая роль империализма оставалась для него скрытой. Не понимал он тогда и исторической роли русского пролетариата. Но все же складывается впечатление, что Гётч смутно предчувствовал социалистическую революцию в России, во всяком случае она не оказалась для него неожиданностью. В отличие от большинства европейских буржуазных наблюдателей, считавших Красный Октябрь всего лишь государственным переворотом, имеющим преходящее значение, он тотчас понял, что это — великая революция²⁰. Грандиозные события, разворачивавшиеся на его

глазах, захватили Гётча. Но оценки его были противоречивы. В них странным образом переплетались осторожное выжидание, многократные высказывания против большевиков, объективное признание и порой даже восхищение. Часто в его выступлениях звучало сомнение в прочности Советской власти. Все это свидетельствовало о серьезном изменении его взглядов.

В своих обзорах Гётч настойчиво повторял, что «мир придет с востока». Он признавал, что Совет Народных Комиссаров, безусловно, стремится к миру. В сообщении о II съезде Советов он назвал Декрет о земле «в высшей степени интересным документом», а содержание речи Ленина о мире передал совершенно точно, причем заявил просто и четко: «Мирные предложения России означают перелом в войне»²⁴. Гётч считал Октябрьскую революцию событием огромной важности, но порой все же усматривал в ней прежде всего признак начинающегося распада Антанты, важный шанс, открывшийся для Германии. Ему казалось, что его главная цель — разрушение союза противников Германии — близка к осуществлению. Гётч настаивал на скорейшем заключении сепаратного мира с Россией. Этот мир, по его мнению, уладит отношения с Россией. Брест-литовский мир, заключенный на основе диктата, он подвергал критике. Мир этот не создавал желаемого взаимопонимания, а напротив, исключал его, поскольку отсекал от русского государственного объединения большие территории и имел целью отделить от Великорусии Украину, что Гётч всегда считал нереальными и совершенно неправильным.

Гётч оказался более дальновидным, чем другие публицисты из буржуазного лагеря. Он видел динамику общественных и национальных процессов в Советской России и Восточной Европе и понимал, что этот мир не может быть долговечным. Но антибольшевистские настроения и враждебное отношение к праву наций на самоопределение помешали ему противопоставить этому насильственному миру ясную альтернативу буржуазно-демократического характера. Для этого надо было пересмотреть отношение к Советской власти.

В период Веймарской республики Отто Гётч неутомимо работал в области науки и политики. Круг его деятельности был весьма широк. Он был профессором истории Восточной Европы в Берлинском университете, а с 1927 г. вел здесь также тему «Внешняя политика и международные отношения». С 1920 по 1930 г. Гётч являлся депутатом рейхстага от немецкой национальной народной партии и постоянным членом комитета рейхстага по внешней политике. Работая в этом комитете, он получил возможность детально ознакомиться со взглядами ведущих функционеров Коммунистической партии Германии на проблемы внешней политики. По поручению своей фракции он не раз выступал с речами в рейхстаге. Гётч входил в состав правления немецкой национальной партии и был глизок к бессменному на протяжении многих лет его председателю графу Вестарпу. Про-

исхождение Гётча, а главное, его активное участие в проведении политики Рапалло не позволяли ему войти в более узкий, аристократический круг руководителей партии. Он всегда оставался одним из наиболее энергичных, но второразрядных руководящих деятелей.

До 1924 г., когда Гётч проголосовал в рейхстаге за «план Дауэса» и подвергся критике партийного руководства, он продолжал составлять еженедельные обзоры международной политики для «Кройццайтунг», тираж которой значительно упал. Затем, до 1928 г., он продолжал писать такие обзоры для газеты концерна Шерля «Таг»²². С 1920 по 1933 г. он был преподавателем Германской высшей школы политики в Берлине, поддерживаемой многими буржуазными партиями. Кроме того, в течение нескольких лет он работал также в Высшей торговой школе и в специальной Административной академии. С 1923 г. руководил подготовительными курсами для молодых дипломатических работников министерства иностранных дел. Он стал также членом президиума Общества германской науки (1920 г.), важнейшего органа государственно-монополистического руководства наукой в Германии, которое также поддерживало и финансировало многие важные научные начинания. Гётч работал в тесной близости с президентом общества Фридрихом Шмидтом-Оттом, не раз бывавшим в СССР. Оба они возглавляли также Германское общество по изучению Восточной Европы. Шмидт-Отт был его президентом, а Гётч — вице-президентом, фактически же руководителем.

С 1925 г. Гётч стал ответственным редактором нового ежемесячника «Остэуропа», в котором до 1931 г. публиковались многие работы советских ученых и политических деятелей. В 1927 г. Гётч вошел в президиум пацифистского Союза поддержки Лиги наций, который, однако, не сыграл большой роли в общественной жизни Германии. В 1931 г. Гётч взял на себя главную тяжесть редакторской работы во вновь организованном журнале «Цайтшрифт фюр остэуропеише гешихте». Тогда же вышел первый том советской публикации документов «Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительства, 1878—1914 гг.», немецкое издание которой редактировал Гётч²³.

Итак, в эпоху Веймарской республики Гётч был преподавателем в высших школах, партийным политиком, редактором, работал и в новой тогда сфере — организации международных научных связей. Один из его ближайших сотрудников утверждает, что Гётч в те годы вел какую-то лихорадочную жизнь — в ущерб собственной научной деятельности²⁴. Документы свидетельствуют также, что он переживал, особенно в 1931—1932 гг., политический и нервный кризис.

Высшей политической целью Гётча как одного из руководителей немецкой национальной партии был, разумеется, пересмотр или, если удастся, расторжение Версальского договора. Единственным путем к достижению этой цели Гётч считал создание бла-

гоприятного для Германии соотношения сил, в условиях которого бывшие члены Антанты, особенно Англия и Франция, стали бы противниками, а такие государства, как США и Италия,— нейтральными. Это позволило бы германской дипломатии освободиться от давления со стороны Франции и, опираясь на терпимость США и СССР, а также на готовую действовать армию, опростововать на международном уровне основные статьи Версальского договора.

С особым вниманием относился Гётч к важнейшим всемирно-историческим сдвигам и перегруппировке сил на международной арене. Те мероприятия, которые, казалось бы, сулили быстрые успехи германской реваншистской политике, как, например, поддержка германских меньшинств Восточной Европы, стояли в его программе на втором плане или вообще отсутствовали. Это была программа постепенного собирания сил, сходная со стратегией Штреземана.

Особенностью концепции Гётча было энергичное требование установления добрососедских отношений с СССР. Выступая настойчиво за мирное сосуществование с Советским Союзом, он лелеял тайную мысль привлечь СССР к косвенному участию в борьбе за отмену Версальского договора, использовать растущее международное влияние Советского государства для решения задач германской внешней политики. Это обнаруживает непонимание Гётчем действительного соотношения сил Германии и СССР. Идея его была неосуществимой, и к концу периода Веймарской республики он сам отошел от нее. Если отбросить эту нереальную идею, то следует признать, что Гётч как политик и как ученый придавал все большее значение отношениям с СССР, и эти отношения оказывали глубокое влияние на всю его идеологическую и политическую деятельность.

В первой половине 20-х годов Гётч ратовал за создание новой германской великой державы. Он пытался изобразить дело так, будто это с необходимостью вытекало из прусской истории. Примерно в это время он отошел от монархизма и под влиянием реальности стал «благоразумным республиканцем». Как и вся немецкая национальная партия, он колебался между принципиальной враждой к республике и необходимостью проведения «конструктивной оппозиционной политики».

Наряду с принципом «государственной мощи», которого придерживались почти все немецкие буржуазные историки, Гётч пропагандировал также учение о примате внешней политики и тезис Ранке, будто государство представляет собой живой организм. Он писал: «Рост и упадок государств, сближающихся и отталкивающихся и при этом все теснее срастающихся друг с другом,— вот содержание новейшей истории европейских государств»²⁵. Выводы из этого положения казались ему очевидными. Конфликты, порождаемые Версальским договором и Версальской системой, он объяснял сетью давних традиционных непреходящих противоречий и делал вывод, что договор должен

взорваться. Он ожидал, что Англия после поражения своего главного врага — Германии — вновь станет ее поддерживать и порвет союз со своим вековым противником — Францией. Он рассчитывал также на дальнейшее развитие традиционных англо-французских и англо-русских противоречий, на дружественное отношение США к Англии и столь же, по его мнению, традиционную германско-русскую и германско-советскую дружбу и полагал, что это открывает новые возможности для германской дипломатии.

Гётч не опубликовал в эпоху Веймарской республики значительных работ по истории США и Англии, но в его размышлениях о международной политике этим государствам отводилось, конечно, важное место. Учитывая опыт первой мировой войны, Гётч считал США ведущей империалистической державой, все более выдвигающейся на передний план. Исходя из своего понимания международной ситуации, он ожидал вмешательства США в европейские конфликты. Когда в 1928 г. Гётч был приглашен для чтения лекций о внешней политике Германии в Институт политики в Вильямстоуне (штат Массачусетс) и совершил поездку по США, выступая с многочисленными докладами, он полагал, что увидел подтверждение своих предположений. Он был принят президентом Кулиджем, беседовал с сенатором Бора и с банкиром Оуэном Д. Юнгом. Из этих бесед он вынес впечатление, что США близки к отказу от изоляционистской политики. Гётч явно отрицательно относился к изоляционизму, с помощью которого США надеялись сохранить свободу, чтобы диктовать обессиленным европейским государствам свои условия. Именно к концу 20-х годов изоляционисты заняли господствующие позиции в американской политике и дипломатии.

Основные положения внешнеполитической программы Гётча были обусловлены программой немецко-национальной партии. Гётч их пропагандировал с различной степенью интенсивности до конца 20-х годов. К этому моменту его политические взгляды во многих отношениях изменились. Прежде всего, у него возникли серьезные разногласия с новым руководством партии. Вместе с большой группой видных членов партии Гётч выступил против линии Гугенберга. Еще в 1920 г., в связи с капповским путчем, а затем в 1922 г., после убийства В. Ратенау, он столкнулся с расистскими и профашистскими силами в партии. Позднее, даже в Лейпциге — его собственном избирательном округе — Гётч не раз подвергался жестоким нападкам в связи с его позитивным отношением к СССР. Выдвигалось также требование, чтобы он отказался от депутатского мандата. Гётч понял, что его идеи о внутренней и социальной политике, построенной по образцу торийской политики в Англии и называемой им «консервативно-реформистской», неосуществимы. Когда в сентябре 1929 г. Гитлер добился согласия Гугенберга на свой демагогический законопроект, Гётч был среди немногих депутатов фракции национальной партии, выступивших против законопроекта и про-

тив пактирования с фашистами. В декабре 1929 г. он даже вышел из немецко-национальной партии и попытался возобновить политическую деятельность в Народно-консервативном объединении, но с партийно-политической карьерой для него было покончено. На выборах 1930 г. он в рейхстаг не прошел.

К этому времени относится начало более активного сотрудничества Гётча с СССР. С момента Октябрьской революции он внимательно следил за событиями в Советской России, написал много статей о Советском государстве, особенно о его внешней политике²⁶. Примерно с марта-апреля 1919 г. он прекратил свои относившиеся к периоду Ноябрьской революции призывы к совместным действиям Германии и Антанты против Советской России. Победа над интервентами убедила его в росте международного значения молодой Советской страны и в необходимости наладить с ней добрососедские отношения. Постепенно Гётч наполнял новым содержанием свою прежнюю идею о «восточной ориентации» Германии и в период Веймарской республики стал последовательным борцом за мирное сосуществование Германии и СССР. Он понимал его не как простое сосуществование соседей, отказавшихся от насильственных действий, а как сотрудничество в интересах друг друга.

Мы не можем рассматривать здесь отдельные этапы весьма показательного развития взглядов Гётча. Важно отметить, что в 1921—1922 гг. он стал активнейшим сторонником заключения политического договора с СССР и боролся за него в своей партии. В том, что огромное большинство фракции немецко-национальной партии в рейхстаге голосовало за ратификацию Рапалльского договора, была и его заслуга.

В течение долгого времени Гётч придерживался распространявшейся, особенно в период напа, теории социальной «эволюции» СССР. Он полагал, что эта эволюция завершится созданием крестьянско-буржуазной республики или даже монархии. Эта теория получила распространение среди буржуазных немецких ученых, занимающихся исследованием Восточной Европы (в этих кругах весьма сильным было влияние антисоветски настроенных эмигрантов). Однако по мере укрепления в СССР социалистической государственности и в связи с успехами социалистического строительства Гётч постепенно отходил от этой теории, отражавшей его желания и неверие в победу социализма. Но он никогда не считал эту теорию эволюции основой своих политических рекомендаций и в этом отношении резко отличался от многих других германских буржуазных наблюдателей, внимательно следивших за развитием СССР.

Гётч был горячим сторонником развития научных и культурных связей с СССР в рамках политики Рапалло. В этом было заинтересовано и Советское государство. В 1923 г. впервые после Октябрьской революции историк побывал в Москве, а затем до 1934 г. совершил еще семь поездок в СССР. Он много раз встречался с А. В. Луначарским, Г. В. Чичериным и Н. А. Семашко,

беседовал с ними о германско-советских научных связях. Так, еще в 1923 г. он обсуждал с Чичериным план проведения «недели историков». Он встречался с многими представителями советской общественности, с учеными и художниками.

В Германии Гётч был особенно тесно связан с Аго фон Мальпаном, игравшим до своей кончины заметную роль в разработке министерством иностранных дел германской политики на востоке, а также с германским послом в СССР Брокдорфом-Ранцау. Как парламентарий и партийный политик, как преподаватель высшей школы и фактический руководитель Германского общества по изучению Восточной Европы, он неустанно пропагандировал свои воззрения и стремился претворить их в жизнь.

Постоянные выступления ученого в пользу рапалльской политики имели свои причины. Через руководящие органы Общества по изучению Восточной Европы, а также через Институт по изучению экономики России и восточных государств в Кёнигсберге, в руководстве которым он участвовал, Гётч поддерживал прямые связи с кругами, заинтересованными в торговле с востоком. Он хорошо знал не только интересы мелкой и средней буржуазии, но и интересы монополий, в частности компаний АЭГ и Сименс. Используя различные возможности, например свое пребывание в Москве в 1925 г., он способствовал укреплению экономических взаимоотношений. Еще энергичнее он стал действовать в годы мирового экономического кризиса. Теперь он стремился показать, какие возможности открывает первый советский пятилетний план для германской экономики, призывал прекратить антисоветские кампании в прессе и предпринять практические шаги для спасения германской промышленности, находившейся в тяжёлом положении.

Гётч вообще считал, что ввиду враждебной позиции Франции и Англии СССР — единственная страна, с которой Германия может установить хорошие отношения, а географическое положение Германии делает это необходимым. Опасение ликвидации политики Рапалло было одной из причин, сделавших его противником Локарнских соглашений. В 1925 г. в Берлине, на приеме в честь А. В. Луначарского, Гётч говорил: «Лично мне, врагу этого соглашения, хочется от лица собравшихся здесь ученых, резко к нему относящихся, заверить нашего гостя, что для всех нас одинаково ясна глубокая выгода и даже безусловная необходимость самой серьезной опоры друг на друга наших народов. Разница социального строя никак не может помешать этому. Как бы ни относились те или другие из нас к принципам, положенным в основу Советской власти, мы все убеждены, и притом убеждены фактами, в крепости этой власти и в доверии к ней народных масс Союза...»²⁷.

Позитивный опыт, накопленный в результате многочисленных совместных работ с советскими учеными, понимание стабильности положения СССР и мирного характера его внешней политики побудили Гётча в конце 20-х годов к новой оценке рапалльской по-

литики, к отказу от идеи использовать СССР в борьбе против западных держав. Различные факторы привели немецкого историка к идее, что германско-советские отношения являются образцом мирного сосуществования в международном масштабе. Вновь и вновь изучая возможности сотрудничества Германии и СССР в вопросах международной политики, он понял, что принципы Рапалло лежат в основе договоров СССР и с другими государствами.

Однако антикоммунистические высказывания Гётча, его многочисленные антисоветские выпады в печати, а также то, что до 1930—1931 гг. он поддерживал в Берлине некоторые эмигрантские группы, снижали значение его выступлений за сотрудничество с СССР и часто приводили его к серьезным ошибкам в оценке советской внутренней, в частности экономической, политики. В то же время его наблюдения за советской внешней политикой, его поездки в СССР, во время которых он воочию видел энтузиазм строителей социализма, заметно ослабляли его антикоммунистические позиции. Вспомним хотя бы, что 1 Мая 1931 г. он стоял на трибунах Красной площади, совсем близко от руководителей Советского государства, и с большим интересом наблюдал за демонстрацией москвичей. В этом противоречивом процессе центр тяжести все больше перемещался на практические шаги, предпринимаемые Гётчем во исполнение политики Рапалло.

В период между 1926 и 1931 гг. Гётч и его маленькая группа сотрудников (Шмидт-Отт, Ганс Ионас) оказались в центре борьбы за развитие германско-советских связей в области науки и культуры. Обладавшее непринужденным, живым стилем работы, руководство Германского общества по изучению Восточной Европы, члены которого имели связи в министерстве иностранных дел и в Обществе германской науки, сильном в финансовом отношении, выступило инициатором и организатором целого ряда интересных двусторонних мероприятий. По приглашению общества в Германии побывали многие советские ученые: главный инженер Днепростроя И. Г. Александров, директор Института по изучению Севера Р. Л. Самойлович, широко известный и уважаемый в Германии педагог, ректор 2-го МГУ профессор А. П. Пинкевич, директор Третьяковской галереи И. Э. Грабарь, грузинский историк искусства Г. Н. Чубинашвили.

Широкую известность завоевали организованные группой Гётча в тесном взаимодействии с советской стороной Недели науки. В 1927 г. в Берлине состоялась Неделя естественных наук. В ней приняли участие германские и советские ученые. Она была организована при активном содействии немецкого исследователя головного мозга О. Фогта, одного из виднейших борцов за германско-советское сотрудничество в области науки. В советскую делегацию, возглавлявшуюся Н. А. Семашко, входили всемирно известные ученые: геохимики А. Е. Ферсман и В. И. Вернадский, физик А. Ф. Иоффе, специалист по физиологии растений Д. Н. Прянишников. Торжественное открытие состоялось в ста-

ринном актовом зале Берлинского университета; присутствовал советский полпред в Германии. Доклады советских ученых проходили в различных институтах при университете. Состоялись многочисленные встречи советских и немецких ученых, во время которых советские гости посетили центры исследований, велись беседы о дальнейшем развитии взаимосвязей. Доклады советских ученых были опубликованы²⁸.

7—14 июля 1928 г. состоялась германско-советская Неделя историков, которую в Германии чаще называли Неделей русских историков. Ее проведение было результатом переговоров группы Гётча с М. Н. Покровским, предпринятых во время празднования в Москве 10-летней годовщины Октябрьской революции. Обе стороны готовились к этой встрече с полным сознанием ответственности.

В Германии был образован представительный комитет, в состав которого вошли около 30 ведущих историков. Его создание показало, что встреча с советскими учеными привлекает не только крупных ученых — таких, как, например, Адольф фон Гарнак, или филолог-классик и историк Эдуард Норден и египтолог Ульрик Вилькен, но и авторитетнейших идеологов исторической науки — Ганса Дельбрюка и Фридриха Мейнеке.

Руководителем советской делегации был М. Н. Покровский. В нее входили В. В. Адоратский, С. М. Дубровский, Е. Б. Пашуканис, М. И. Яворский, В. А. Юринец, Д. Н. Егоров, М. К. Любавский, В. И. Пичета и С. Ф. Платонов. Доклады привлекали много слушателей, порой около двухсот²⁹. Наряду с известными немецкими историками в залах Прусской академии наук находились в эти дни и многие преподаватели истории в высших школах, доценты и студенты, среди них швейцарцы, голландцы, американцы и японцы.

Во вступительных докладах О. Гётча и М. Н. Покровского столкнулись буржуазное и марксистское понимание истории. Отвечая на некоторые высказывания Гётча, М. Н. Покровский изложил принципы советской исторической науки, опроверг измышления прессы, будто во время революции были уничтожены ценные документы, авторитетно заявил о возможности сотрудничества с буржуазными историками³⁰.

«Неделя русских историков» прошла весьма успешно³¹. И. И. Минц писал, что распространенному в капиталистическом мире мифу о «политическом прислужничестве» марксистской историографии был нанесен сильнейший удар, показано было, что советские историки занимаются не только историей революции, но и широким кругом других научных проблем³². М. Н. Покровский считал важнейшим результатом этой встречи установление прочных связей между историками обоих государств³³, что нашло свое выражение в заключенном в 1929 г. соглашении об обмене архивными материалами.

Несмотря на трудности, неизбежные при длительной совместной работе, развивавшееся в те годы сотрудничество германских

и советских ученых, даже в области изучения истории XX века, открывало много возможностей. Новым доказательством этого стало издание на немецком языке советской публикации документов «Международные отношения в эпоху империализма». Гётч неоднократно отмечал четкую работу советских ученых и подчеркивал, что «ни разу не имел повода оспорить что-либо в русских примечаниях»³⁴, и опубликовал обстоятельное введение М. Н. Покровского к русскому изданию³⁵.

В конце 1932 г., после ряда других мероприятий, в нескольких городах Германии была проведена Неделя медицинской науки. Это было последнее крупное событие в развитии научных взаимосвязей между Германией и СССР в период Веймарской республики. Инициатива принадлежала советской стороне. Известные советские ученые-медики выступили с докладами, осмотрели больницы и институты; состоялись дискуссии с германскими коллегами. С германской стороны в этих встречах участвовали Ф. Краус, Зауэрбрух, Р. Рёссле и О. Фогт, с советской стороны — хирурги С. П. Федоров и Н. Н. Бурденко, офтальмолог М. И. Авербах, патофизиолог А. А. Богомолец и биохимик Б. И. Збарский.

В организации этой полезной встречи большую роль сыграл Отто Гётч, один из ее инициаторов и организаторов. Он был твердо убежден в том, что Германия и СССР не должны стать врагами. Как пророческое предупреждение прозвучали его слова в рейхстаге в июне 1930 г.: «Я являюсь — и в этом вполне единодушен с коммунистическим оратором — заклятым врагом всяких стремлений, высказываний и действий, порождаемых злопаятством и направленных на включение Германии в антисоветский фронт. Мы были бы безумцами, если бы стали участниками обреченного на полное поражение, выношенного у нас за спиной замысла»³⁶.

Как показывают документы, германские фашисты вскоре после прихода к власти занесли Отто Гётча — виднейшего сторонника и пропагандиста рапалльской политики, активного борца за добрососедские отношения с СССР — в черные списки³⁷. Гётч, в прошлом видный деятель немецко-национальной партии, некоторое время оставался еще в университете; от доцентуры в Высшей политической школе он отказался сам в 1933 г. Но весной 1935 г. он стал жертвой общей волны увольнений в фашистских университетах³⁸. Его принудили уйти на пенсию, и он тотчас сложил с себя все прочие обязанности. Гётч остался в фашистской Германии, но жил в Берлине уединенно и не участвовал больше в общественной жизни. Связей с фашистским государственным аппаратом или с властями на временно оккупированных территориях СССР и Восточной Европы у него не было.

Работа над трудом по истории России при Александре II, для которой находящийся в опале Гётч вел архивные поиски, приносила ему удовлетворение, но вместе с тем была связана с большими трудностями. Заголовок книги «Царь и его эпоха»

был весьма характерен. Она должна была состоять из 27 глав, причем некоторые посвящались истории культуры, духовной жизни, например Ф. М. Достоевскому, к которому Гётч всегда испытывал особое пристрастие. Из всего литературного наследия Гётча сохранилась лишь эта рукопись³⁹, его 30 000-томная библиотека сгорела во время воздушного налета.

После освобождения немецкого народа от фашистского ига в 1945 г. тяжело больной Гётч (ему было тогда почти 70 лет) целиком и полностью посвятил себя строительству нового антифашистского демократического строя в Восточной Германии. Здесь знали о его прежней деятельности и тотчас же назначили профессором. В 1946 г. он возобновил педагогическую работу. Часто, уже будучи прикованным к постели, он собирал вокруг себя учеников. Не имея документов и книг, он написал упоминавшееся уже учебное пособие и несколько статей. В мае 1946 г. на территории будущей ГДР состоялась первая конференция историков, и Гётч передал ее организаторам текст доклада «О включении восточноевропейской истории во всеобщую историю»⁴⁰. Эти последние работы Гётча имеют большое значение в биографическом и научном отношении. Они показывают, что духовное развитие Гётча не остановилось в 1933 г.

В конце жизненного пути Гётч со всей серьезностью стремился теоретически овладеть историческим материализмом. Он давно уже понял его большое научное значение, поскольку хорошо знал работы советских историков, но сам всегда относился к марксистской исторической теории негативно. В основе всех его исторических работ лежала методология Ранке с ее ориентацией прежде всего на государство и его институты, а также идеи и понятия сравнительной социальной истории.

Возрания его учителей Лампрехта, Шмоллера и Отто Гинтце много раз, особенно при изучении истории Польши, помогали Гётчу отыскать социально-историческую общность или черты сходства между историей Центральной и Западной Европы и историей Восточной Европы. В этом методе Гётча было мало общего с предпринимавшимися немецкими буржуазными историками поисками поверхностных параллелей в различных отрезках времени, в истории различных государств. Гётч не стремился также использовать методы сравнительной социальной истории для перенесения категорий буржуазного общества на изучение истории социализма. Он использовал их для того, чтобы показать принципиальную однородность истории западноевропейского и восточноевропейского феодализма, единство истории Европы в средние века. Однако методы сравнительной социальной истории годились для статистических наблюдений и едва ли могли помочь пониманию диалектики исторического процесса, а также причин кризисов или революционных потрясений.

Последняя книга Гётча показывает, что он вплотную подошел к марксистскому пониманию роли классов и не раз пользовался этой основной категорией исторического материализма. В его

лекциях говорилось, что историческая наука должна исходить из: а) исследования условий производства, материальных вопросов, условий бытия на каждой ступени экономического развития определенного периода; в) в соответствии с этим исследования социальных отношений, семьи, рода, поколения и племени, образования классов, их истории, классовых противоречий и борьбы между классами; с) изучения образования государств и государственного строя»⁴¹.

Гётч вполне четко охарактеризовал исторический материализм как «плодотворный метод мышления», но вместе с тем считал возможными идеологические компромиссы с идеалистическим пониманием истории. Он полагал, что возможен синтез исторического материализма с христианским учением или же создание «идеалистическо-дуалистического мировоззрения». Если эту ложную идею синтеза рассматривать, однако, в связи со всем его развитием, то становится ясно, что именно в это время марксизм стал проникать в мышление историка.

Изучение исторического материализма продвинуло Гётча на новую ступень более глубокого понимания исторической роли СССР и необходимости сотрудничества с ним. Большое впечатление произвела на него победа СССР над фашизмом. К тому же он заново перечитал тогда А. М. Горького. Это помогло ему понять, что важнейшим завоеванием социализма, не всегда понятным иностранцам, является морально-политическое единство советского народа. Правда, оценивая это завоевание, Гётч неправильно применял термин «социалистический реализм», но речь шла о признании принципиального превосходства нового общественного строя над моралью старого общества. Правда, свои новые положения Гётч часто обозначал понятиями, заимствованными у Гегеля или Ранке⁴².

Гётч пережил тяжелые годы фашистской диктатуры, вероломное нападение на СССР, которого он всегда боялся и которое считал катастрофой для германского народа. Этот трудный опыт помог ему в конце жизни более глубоко понять значение германско-советских отношений. Он пришел к выводу, что в обновленной Германии простое повторение политики Рапалло недостаточно. Он во весь голос заявил, что знание истории и современного положения СССР и Восточной Европы необходимо не только отдельным прогрессивным группам, но и всему немецкому народу, а изучение СССР должно проходить в духе безусловного уважения к этому государству и дружбы с ним. Последний его доклад, относящийся к 1946 г., свидетельствует о том, что он стремился «отыскать пути, на которых многое можно сделать для новой, развивающейся Германии и ее нового общества. Это — пути, связанные с Советским государством и советским народом, с сущностью и волей трудящегося народа ... пути к русскому человеку нашего времени и будущего»⁴³. Никогда еще ни один буржуазный немецкий историк не призывал, исходя не из политических соображений, а из собственного душевного настроя, из челове-

ческих потребностей, найти путь к трудящимся СССР. Глубокое, искреннее стремление постичь исторический материализм и приближение к идее германско-советской дружбы отличали Гётча, несмотря на некоторую половинчатость и неверные формулировки, от всех иных попыток новой духовной ориентации буржуазных немецких историков после второй мировой войны. Он призван был передать опыт своей жизни и свои научные знания молодым прогрессивным историкам ГДР.

Но Гётчу не суждена была долгая, плодотворная деятельность в новой Германии, участие в строительстве нового антифашистского, демократического строя. Он скончался 27 августа 1946 г. и похоронен на Берлинском кладбище инвалидов, в столице Германской Демократической Республики.

Перевод С. В. Оболенской

¹ Данная статья представляет собой переработанный текст доклада, прочитанного автором 22 ноября 1977 г. в Институте истории СССР АН СССР.

² Russland-Studien: Gedenkschrift für Otto Hoetzsch. Stuttgart, 1957. См. в этом сб.: *Epstein F.* Otto Hoetzsch als aussenpolitischer Kommentator während des ersten Weltkrieges, S. 9—28.

³ *Kuebart F.* Otto Hoetzsch — Historiker, Publizist, Politiker: Eine kritische biographische Studie.— Ost-europa, 1975, H. 8/9, S. 603—621.

⁴ Защищенная автором настоящей статьи в 1967 г. в Галле-Виттенбергском университете диссертация переработана и вышла в свет под заголовком: *Otto Hoetzsch, 1876—1946: Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers*, Berlin, 1978.

В нее включена библиография трудов О. Гётча. См. также: *Grawicz W.* Otto Hoetzsch — historyk wschodu. Poznań, 1966; *O'Day E. J.* The Deutsche Gesellschaft zum Studium Osteuropas and Germany's Eastern Policies, 1913—1933: Ph. D. Thesis. Indiana University, 1973.

⁵ См.: *Voigt G.* Otto Hoetzsch — eine biographische Skizze.— In: *Der Antikommunismus in Theorie und Praxis des deutschen Imperialismus*. Halle, 1963, S. 143—156; *Lozek G., Voigt G.* Zu einigen Problemen der Auswirkung der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche bürgerliche Ge-

schichtswissenschaft.— In: *Die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution und Deutschland*. Berlin, 1967, Bd. 1, S. 515, 531; *Berthold W.* Die Wandlung des Historikers Otto Hoetzsch: Sein Beitrag zur Entwicklung eines fortschrittlichen Geschichtsbewusstseins. — *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1966, S. 732—744; *Машкин М. Н.* К 100-летию со дня рождения Отто Гётча.— В кн.: *Ежегодник германской истории*, 1976. М., 1977, с. 319—326.

⁶ *Hoetzsch O.* Russland in Asien: Geschichte einer Expansion Stuttgart, 1966.

⁷ *Hoetzsch O.* Grundzuge der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1949.— *Idem.* 2. Aufl. 1970.— Англ. пер.: *Hoetzsch O.* The Evolution of Russia. New York, 1966.

⁸ *Hoetzsch O.* Der deutsche Weltmachtsgedanke.— In: *Taschenbuch für die Mitglieder des Kyffhäuser-Verbandes der Vereine Deutscher Studenten*. Berlin, 1903, S. 64.

⁹ *Hoetzsch O.* Die Vereinigten Staaten von Nordamerika. Bielefeld; Leipzig, 1904.

¹⁰ *Mejendorff A. v.* Otto Hoetzsch (1876—1946): Some Recollections.— *The Slavonic and East European Review*, 1946/1947, p. 500.

¹¹ *Hoetzsch O.* Russisch-Turkestan und die Tendenzen der Russischen Kolonialpolitik.— *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*, 1913, S. 903—941, 1427—1473.

- 12 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 28, с. 513.
- 13 Hoetzsch O. Russland als Gegner Deutschlands. Leipzig, 1914, S. 14, 15.
- 14 Hoetzsch O. Russland: Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte von 1904 bis 1912. Berlin, 1913.— Idem. 2. Aufl. 1917.
- 15 Hoetzsch O. Staatenbildung und Verfassungsentwicklung in der Geschichte des germanisch-slavischen Ostens.— Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, 1911, S. 363—412; Idem. Adel und Lehnswesen in Russland und Polen und ihr Verhältnis zur deutschen Entwicklung.— Historische Zeitschrift, 1912, S. 541—592; Idem. Nationalitätenkampf und Nationalitätenpolitik in der Ostmark, 1772—1912.— In: Die deutsche Ostmark. Lissa, 1913, S. 567—623.
- 16 По этому вопросу см. статьи в ежегоднике «Ostland», 1912—1913 гг.
- 17 Hoetzsch O. Nationalitätenkampf und Nationalitätenpolitik.— In: Die deutsche Ostmark, S. 383.
- 18 Hoetzsch O. Der Krieg und die grosse Politik: 3 Bände. Leipzig, 1917—1918. Позднейшие обзоры не были перепечатаны.
- 19 См.: Haller G. Die russische Gefahr im deutschen Hause. Stuttgart, 1917. Гётч ответил Галлеру в работе. Hoetzsch O. Russische Probleme. Berlin, 1917.
- 20 Neue Preussische (Kreuz-) Zeitung, 1917, 14. Nov.
- 21 Ibid., 1917, 5. Dec.
- 22 Гётч опубликовал всего около 650 еженедельных обзоров международных событий.
- 23 Die internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus: Dokumente aus den Archiven der Zarischen und der Provisorischen Regierung/Hrsg. von der Kommission beim Zentralexekutivkomitee der Sowjetregierung unter dem Vorsitz von M. N. Pokrowski. Einzig berechnete deutsche Ausgabe. Namens der Deutschen Gesellschaft zum Studium Osteuropas: 11 Bände in 16 T. Hrsg. von Otto Hoetzsch. Berlin, 1931—1943.
- 24 Loewenson L. Otto Hoetzsch: A Note.— The Slavonic and East European Review, 1951/1952, p. 545—551.
- 25 Hoetzsch O. Die weltpolitische Kräfteverteilung nach den Pariser Friedensschlüssen. 5. Aufl. Berlin, 1930, S. 5.
- 26 Hoetzsch O. Russisch-deutsche Annäherung.— Osteuropa, 1926/1927, S. 47—52; Idem. Zehn Jahre Sowjetstaat.— Ibid., 1927/1928, S. 109—119; Idem. Gegenwartsprobleme der Sowjetunion.— Ibid., 1929/1930, S. 365—383; Idem. Das russische Problem-Versuch einer Orientierung.— Ibid., 1930/1931, S. 439—453.
- 27 Цит. по кн.: Луначарский А. В. На Западе. М.; JL, 1927, с. 18—19.
- 28 Die Naturwissenschaft in der Sowjet-Union: Vorträge ihrer Vertreter während der «Russischen Naturforscherversammlung» in Berlin, 1927/Hg. V. O. Vogt. Königsberg; Berlin, 1929.
- 29 См.: Aus der historischen Wissenschaft der Sowjet-Union: Vorträge ihrer Vertreter während der «Russischen Historikerwoche». Berlin; Königsberg, 1929.
- 30 См.: Osteuropa, 1927/1928, S. 745—759. Выступление М. Н. Покровского было также 15 июля 1928 г. опубликовано в газете «Правда».
- 31 Behrendt L.-D. Das erste Auftreten der sowjetischen Geschichtswissenschaft in der internationalen Arena: Die Sowjetische Historikerwoche 1928 in Berlin.— Jahrbuch für Geschichte, Berlin, 1977, Bd. 17, S. 237—265.
- 32 Минц И. И. Марксисты на исторической неделе в Берлине и VI Международном конгрессе историков в Норвегии.— Историк-марксист, 1928, № 9, с. 84—90; Пашуканис Е. Б. Неделя советских историков в Берлине.— Вестник Коммунистической академии, 1928, № 30, с. 240—246.
- 33 См. интервью с М. Н. Покровским, опубликованное в газете «Известия» 18 июля 1928 г.
- 34 Hoetzsch O. Revision und Kriegsschuld.— Der Weg zur Freiheit, 1931, H. 7, S. 101.
- 35 Перепечатано в: Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, 1931, S. 355—376.
- 36 Stenographische Berichte des Deutschen Reichstags, Bd. 428, 1930, 26. Juni, S. 5866B.
- 37 Bundesarchiv Koblenz, NS 43, N 17. Этот документ представляет собой составленную, очевидно в

1933 г., записку без подписи о мнимых «пунктах коммунистической пропаганды в области германской „советологии“». Германское общество по изучению Восточной Европы, которым фактически руководил Гётч, представлено в этой записке, вышедшей из-под пера фашиста, как «образец взаимного сотрудничества всех враждебных нам элементов». Имя Гётча упоминается неоднократно.

³⁸ *Ерусалимский А. С.* Судьба профессора Гётча.— Правда, 1935, 11 июня.

³⁹ Рукопись находится в ФРГ. В 1940 г. Гётч сумел опубликовать в Германии изданную еще в 1909 г. в Англии маленькую работу об Екатерине II: *Hoetzsch O. Katharina die Zweite von Rußland: Eine deutsche Fürstin auf dem Zarenth-*

rone des 18 Jahrhunderts. Leipzig, 1940.

⁴⁰ *Hoetzsch O.* Die Eingliederung der osteuropäischen Geschichte in die Gesamtgeschichte nach Konzeption, Forschung und Lehre.— Pädagogik, 1946, S. 33—42; *Idem.* Die Weltstellung der Sowjetunion.— Deutsche Rundschau, 1947, S. 4—12; *Idem.* Porträts russischer Historiker (V. O. Ključevskij, S. F. Platonov, M. Hruševskij, M. N. Pokrovskij).— Europa-Archiv, 1948/1949, S. 1681—1690.

⁴¹ *Hoetzsch O.* Die Eingliederung..., S. 38.

⁴² Так, говоря об СССР, он пользовался выражениями «geprägte Volspersönlichkeit» или «welthistorischer Typ».

⁴³ *Hoetzsch O.* Die Eingliederung..., S. 42.

ПОЛЬСКАЯ ТЕМАТИКА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

(Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин,
В. А. Францев)

В. А. Дьяков

В конце прошлого века Российская империя вступила в стадию империализма. Это отразилось не только в экономике, но и в общественно-политической сфере — обострением социально-политических противоречий между буржуазией и пролетариатом, между помещиками и крестьянами. Подъем рабочего движения, начавшийся еще в конце XIX в., поражение царизма в русско-японской войне и в особенности первая русская революция привели к значительной либерализации всего русского общества, росту политической активности населения, смягчению цензурного «гнета» и т. д. Пролетариат России, его идеология, его партия заняли видное место на арене идейно-политической борьбы. Все это не прошло бесследно и для русской историографии.

Работами В. И. Ленина и Г. В. Плеханова материалистическое понимание истории начало внедряться в разработку конкретных исторических проблем еще в 80—90-е годы XIX в. Накануне революции 1905 г. марксизм получил широкое распространение среди значительной части русской интеллигенции, трансформировавшись, однако, в форму «экономического» или «легального» марксизма. Развивалась также большевистская историческая

литература, которая в нелегальных, а иногда и в подцензурных изданиях освещала с марксистских позиций историю революционного движения, некоторые крупные события социально-экономического развития и ряд других важных вопросов. Именно в это время попытку применить марксизм к освещению взятого в целом исторического процесса России предпринял М. Н. Покровский¹.

Что касается дворянско-буржуазной науки, то она переживала кризисное состояние, которое проявлялось в разных сферах, но главным образом в области методологии. Было бы, однако, ошибкой представлять это состояние как просто застой или попятное движение. В «Очерках истории исторической науки в СССР» говорится об этом следующее: «Кризис — сложный процесс научного развития (именно развития, а не прекращения движения), идейный перелом, отмеченный усиленной работой буржуазных историков, активными поисками выхода из создавшегося идеалистического тупика, идейной дифференциацией историков, из которых часть скатывается на реакционные позиции и идет назад, часть мечется в поисках других решений. Наиболее же передовая часть ученых под влиянием идейных побед марксизма тянется к историко-материалистическим решениям, движется — иногда впопыхах и ощупью — к материалистическому пониманию истории, к марксизму, к историко-материалистической методологии»².

Такой была общая ситуация. Но для разработки польской проблематики складывался особый микроклимат, который также требует характеристики. Этот микроклимат создавался отчетливо прослеживаемой тенденцией к улучшению русско-польских общественных отношений на всем протяжении рассматриваемого периода. На прогрессивную, в том числе социал-демократическую (большевистскую) печать решающее воздействие оказывали традиции русско-польского революционного союза, история которого восходит к первой четверти прошлого века, а также опыт совместной борьбы пролетариата России и Польши в революции 1905—1907 гг.³ Либеральная же общественность, часть которой была не чужда оппозиционных настроений, испытывала влияние общих перемен и вынужденного лавирования правящих кругов в «польском вопросе»⁴.

Не имея возможности подробнее остановиться на этой стороне дела, попытаемся обозначить два наиболее характерные направления тогдашнего русско-польского сближения.

Первое из них (его можно назвать общественно-политическим) с российской стороны было наиболее ярко представлено кадетскими и кадетствующими деятелями типа П. Н. Милокова и П. Б. Струве. Последний в статье 1908 г. указывал на «экономическую прикрепленность Польши к России» и убеждал правительство сделать так, чтобы польское население «было довольно своей судьбой»; при этом он доказывал, что потери окупятся, ибо «либеральная польская политика в огромной степени» поднимет

престиж России в славянском мире⁵. С польской стороны эта линия встретила понимание и поддержку у эндеков. Их вождь Р. Дмовский фактически отказывался от борьбы за независимое польское государство взамен надежд на автономию и некоторые другие уступки со стороны царизма. В предисловии к русскому изданию программной книги Р. Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос» один из российских сторонников его точки зрения не случайно писал: «...Глава нового движения в Польше ... чутко понимает наши общие — русские и польские — интересы, которые он мастерски рисует ... и которые так много обещают в случае постановки русско-польских отношений на почву славянского вопроса»⁶.

Другое направление (назовем его культурным или литературно-художественным) не имело столь четко выраженной кадетско-эндековской политической программы; нередко с призывами к польско-русскому сближению в области культуры выступали не только деятели описанного выше типа, но и последователи более левых взглядов. Призывы к широко понимаемому культурному сотрудничеству увлекали писателей, художников, театральных деятелей, что, конечно же, содействовало общему «потеплению атмосферы». В качестве примера назовем здесь такого крупного русского писателя, как Лев Толстой, который именно в рассматриваемый период написал повесть «Хаджи-Мурат» и рассказ «За что?», в которых нашли свое выражение его полонофильские настроения. О существе и тональности высказываний великого писателя по польскому вопросу можно судить по одному из вариантов рассказа «За что?», где он писал, имея в виду восстание 1830 г.: «Только люди, испытавшие то, что испытали поляки после раздела Польши ... могут понять тот восторг, который испытали поляки в 30-м году, когда после прежних несчастных попыток ... новая надежда освобождения казалась осуществимой»⁷. Б. Бялокозович, который тщательно изучил письма польских корреспондентов к Толстому за 1895—1910 гг., пришел к выводу, что многие поляки обращались к русскому писателю, видя в нем нечто вроде «суда совести» по самым разнообразным вопросам⁸.

После этих вводных замечаний перейдем, наконец, к обзору посвященных Польше работ русских историков конца XIX — начала XX в., оговорившись сразу, что обзор этот не претендует на исчерпывающую полноту и не предполагает разбора выводов или оценок по частным конкретно-историческим вопросам. Автор ограничивается рассмотрением наиболее существенных историографических тенденций, показывающих тесную связь развития русской исторической полонистики рассматриваемого периода с тогдашней общественно-политической ситуацией и характером русско-польских взаимоотношений. При этом рассматриваются не все специалисты, а лишь несколько наиболее крупных и типичных фигур.

Николай Иванович Кареев (1850—1931) — один из крупнейших русских историков предреволюционных десятилетий, специа-

лист по всеобщей истории, автор ряда интересных работ по философии истории и методологии исторических исследований. С августа 1879 по январь 1885 г. он преподавал в Варшавском университете и с тех пор считался одним из ярых полонофилов. В 1888 г. им был издан большой историографический труд, в котором подверглась анализу имевшаяся к тому времени литература по проблеме утраты Польшей государственной независимости. Излагая в предисловии свой главный принцип, Н. И. Кареев призывал к научному беспристрастию при рассмотрении «национальных вопросов» и писал: «Нужно надеяться, что придет время, когда русские и польские историки будут совершенно одинаково (хотя, быть может, и с разными чувствами) понимать объективную правду явлений...»⁹.

В 1905 г. Н. И. Кареев издал сборник «Polonica», где были собраны все его прежние и несколько новых статей «по польским делам». В предисловии подчеркивалось, что общее отношение автора к польскому вопросу «осталось прежним», т. е. таким же, как в 80-х годах; что касается последних статей, то они, по словам автора, были написаны весной 1905 г. «под влиянием вступления русско-польского вопроса в новую фазу». Кареев специально указывал на то, что изданием сборника он хотел бы внести свою лепту в русско-польское сближение и потому рассчитывает и на читателей из числа «поляков, понимающих по-русски»¹⁰.

Среди публикаций 80-х годов, которые Н. И. Кареев считал нужным снова повторить в новых условиях, особенно интересны «Польские письма», печатавшиеся когда-то в «Русской мысли». Там высказывается убеждение автора, что наиболее благоприятные перспективы национального развития поляков «существуют в русской Польше». В одном из писем это аргументируется следующим образом: «Поляк в Познани и Галиции для спасения своей национальности протягивает руку немецкому реакционеру и отказывается от прогресса; поляку в Царстве Польском может протянуть руку только такой человек, который и в своей стране хлопочет о нормальном развитии материальных и духовных сил общества»¹¹. В польском обществе свои доводы в пользу русско-польского сближения Н. И. Кареев адресовал прежде всего к сторонникам теории «органического труда», в частности к единомышленникам Александра Свентоховского и к сотрудникам так называемой «молодой прессы». «С своей стороны,— писал Н. И. Кареев,— мы можем только пожелать молодым успеха и уверить их, что много найдется в русском обществе людей, которые присоединяют свои пожелания к нашему»¹². Таким образом, политические позиции Н. И. Кареева содержали некоторые элементы оппозиционности, ибо он выступал за русско-польское сближение на либерально-буржуазной основе и не поддерживал откровенно русификаторскую политику царских властей.

С точки зрения чисто историографической весьма любопытна включенная в сборник статья 1886 г. о концепциях ведущих пред-

ставителей «краковской школы» Юзефа Шуйского (1835—1885) и Михала Бобжиньского (1849—1935). Эта статья, тесно связанная по содержанию с уже упоминавшимся историографическим исследованием по проблеме «падение Польши», интересна общим взглядом на развитие польской исторической науки и попыткой определить суть «переворота», который произвела в ней «краковская школа». Общую ситуацию Н. И. Кареев оценивал так: «Из трех держав, поделивших Речь Посполитую, наибольшее количество вражды со стороны поляков выпало на долю России. Под влиянием этого чувства и развивалась польская национальная историография»¹³. Говоря о роли Ю. Шуйского и М. Бобжиньского, концепции которых в определенной мере могли содействовать указанному выше сближению, Н. И. Кареев писал, что они сделали своим девизом объективную историческую истину и критическое отношение к прошлому Речи Посполитой. «Этот переворот в польской национальной историографии,— говорится в статье,— не должен оставаться незамеченным...»¹⁴.

Аналогична направленность и других перепечатанных материалов. В сборнике перепечатана, например, статья, которая посвящена пребыванию Н. И. Кареева в Варшаве (она публиковалась в 1901 г. в «Русских ведомостях» под заглавием «Мои отношения к полякам»). Статья эта по содержанию, а отчасти и текстуально совпадает с соответствующей главой его воспоминаний, которые хранятся в Москве в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и еще ждут своего издателя¹⁵. В тексте, который публиковался в 1901 и 1905 гг., заслуживает внимания недовольство Н. И. Кареева тем, что с обеих сторон толкование истории русско-польских отношений почти всегда было «в монопольном обладании националистических публицистов». Между тем, заявлял он, «правдивая наука — лучший путь для установления человеческих отношений между обеими национальностями»¹⁶.

Особый интерес представляют четыре статьи, впервые опубликованные в газетах всего за несколько месяцев до появления сборника. В первой из них Н. И. Кареев призывал русских и поляков «стараться узнать и понять» друг друга и выражал сожаление, что в глазах иноплеменников официальная Россия «совершенно закрывает Россию неофициальную, русское общество и русский народ»¹⁷. Во второй статье любопытно стремление подчеркнуть опасность германской экспансии на восток и использовать ее в качестве аргумента для русско-польского сближения. Подводя итог своим рассуждениям по этому поводу, Н. И. Кареев писал: «И политическая, и экономическая опасность для польской национальности со стороны наступающего германизма хорошо осознается и поляками, и русскими, а это представляет собой реальный базис для согласования интересов обеих народов, что в обоих из них способны, впрочем, понять только люди, стоящие на гуманной и демократической точке зрения, не на точке зрения националистического самомнения и эгоизма»¹⁸.

Третья статья этого цикла называется «Новая польская партия». В ней идет речь о появившемся в январе 1905 г. политическом меморандуме Вацлава Серошевского, который осудил, с одной стороны, «угодовцев» (т. е. тех, кто ориентировался на сотрудничество с царизмом), с другой — пепезовцев и эндеков, как две крайности, и провозгласил создание «прогрессивно-демократической партии», отражающей якобы интересы «огромной середины», «интеллигенции и различных слоев общества». Н. И. Карев в принципах этой партии услышал отголоски «того, что четверть века тому назад составляло главную силу проповеди А. Свентоховского»; он расхваливал «новую партию» за умеренность ее политических требований, за то, что в отношении Украины, Литвы, Белоруссии она стоит «не на точке зрения так называемого исторического права».

Что касается решения «польского вопроса», то собственная программа Н. И. Кареева, судя по тексту статьи, не идет дальше предоставления польским землям автономии в рамках Российской империи¹⁹.

Стоящее особняком «Письмо к знакомым полякам» подводит итоги тем практическим шагам для русско-польского сближения, в которых Н. И. Кареев принимал личное участие. Речь идет о нескольких встречах конца 1904 — начала 1905 г., оцениваемых им следующим образом: «Конечно, это не были совещания политических единомышленников или людей, вступающих в определенный союз»²⁰. Судя по тому, что суть принятой на этих встречах положительной программы изложена Н. И. Кареевым весьма туманно, эта программа была, по-видимому, довольно куцей. В статье говорится: «Польский вопрос на почве международной политики, по-видимому, решен надолго... Иное дело — внутренняя политика»²¹. И далее излагаются наметки реформ, связанных главным образом с отменой русификаторской политики в университетских делах. Суть позиции Н. И. Кареева изложена так: «Пусть на всем пространстве империи будет делом вкуса или совести каждого считать себя великороссом, малороссом, поляком и т. п., и пусть на всем же этом пространстве свободно удовлетворяются культурные потребности великоросса, малоросса, поляка»²².

Если оценивать идейно-политические позиции и научные выводы Н. И. Кареева с точки зрения сегодняшнего дня, то мы найдем у него немало ограниченности, несовершенства и даже ошибок. Но в истории исторической науки, как и в истории вообще, гораздо важнее выявить те новые концепции, обобщения и факты, которые внес тот или иной ученый. До 80-х годов прошлого столетия в российской исторической полонистике, действительно, преобладал тот публицистически-националистический подход, о котором Н. И. Кареев писал в приводившейся выше цитате. Польская тематика не пользовалась особой популярностью, а если ею и занимались, то на научную разработку мог рассчитывать лишь древнейший период, тогда как новейшая история осве-

щалась чаще всего только в таких сугубо официозных трудах, как сочинения Ф. Ф. Смита и А. К. Пузыревского по восстанию 1830—1831 гг. или Н. И. Цилова и В. Ф. Ратча по восстанию 1863—1864 гг. Что касается Н. И. Кареева, то он был одним из тех, кто не только брался за разработку сложных проблем польской истории, не только доводил их рассмотрение до современности, но и исследовал эти проблемы с либерально-буржуазных позиций, которые, разумеется, несли на себе печать классово-ограниченности, но тем не менее существенно отличались от реакционно-охранительных позиций многих университетских славистов предшествующего периода²³.

Чтобы показать контраст и обозначить эту другую линию, приведем два примера, связанные с относящимися к этому же времени работами Ф. И. Леонтовича и Н. Н. Любовича.

Ф. И. Леонтович известен своими исследованиями по истории «литовско-русского права», основанными на большом фактическом материале, но втискивающими факты в прокрустово ложе умозрительной славянофильско-панславистской концепции автора. Эта концепция, нашедшая отражение и в более поздних работах²⁴, сформулирована в книге, изданной в 1894 г. Из нее явствует, что история русского права «имеет значение истории права русского народа ... и потому, как история права всей русской народности, она должна обнимать и историю права таких частей этой народности, которые в старое время не входили (Литовская Русь) или доньше не входят в состав Русского государства (Русь Галицкая и Угорская)»²⁵.

Н. Н. Любович был одним из тех служивших в Варшаве русских профессоров, которых современники относили к числу «непримиримых» полонофобов²⁶. По случаю пятидесятилетия Грюнвальдской битвы Н. Н. Любович в июне 1910 г. сделал доклад на заседании Общества истории, философии и права Варшавского университета, используя при этом всю свою эрудицию для необоснованного принижения роли Польского государства и польского народа в указанном историческом событии. Он заявлял: «Не поляки разгромили Орден. Смертельный удар был нанесен ему его же собственными городами и дворянством... Говорить о том, что движение германского мира на славянский было остановлено в XV в. благодаря битве при Грюнвальде нет никакого основания... Ни до Грюнвальда, ни после него Польша не была оплотом для славянства против германизма»²⁷.

Но вернемся к буржуазно-либеральному направлению в изучении истории Польши, которое в первом десятилетии текущего столетия занимало немалое место в русской историографии.

Вслед за Н. И. Кареевым здесь нужно назвать Владимира Андреевича Францева (1876—1942), написавшего цикл работ о польском славяноведении и «польском славянофильстве» конца XVIII — первой половины XIX в. Работы эти отмечены симпатией автора к польскому народу и чувством уважения к польской науке. В. А. Францев выступает как сторонник идеи славянской

взаимности, но не в тех формах, которые придавали ей неослабисты начала XX в., а скорее, пожалуй, в духе ранних русских славянофилов. Историю начальных лет польского славяноведения его первый исследователь²⁸ связывал с «великим движением возрождения славянских народностей», доказывая неправильность мнения, будто польские ученые и мыслители не заняли сколько-нибудь заметного места в истории. «Роль польской науки в общем славянском возрождении была далеко не из последних, и заслуги польских ученых в истории развития славянских изучений не могут быть обойдены молчанием. Имена Линде, Бандтке, Суровецкого, Маевского, Раковецкого, Бобровского и многих других занимают почетное место рядом с известными именами первых чешских деятелей возрождения»²⁹.

Истоки «польского славянофильства», по мнению В. А. Францева, тесно связаны с общественной потребностью в выработке путей восстановления польской государственности после ее ликвидации в конце XVIII в. Программа «польских славянофилов» той поры выглядит в его изложении следующим образом: «Отечество погибло, Польское государство перестало существовать, но не мог исчезнуть с лица земли польский народ и его язык, не могли разом угаснуть в народе воспоминания о великом прошлом, уцелели памятники — свидетели былого величия. Сохранение этих драгоценных сокровищ, изучение языка, истории и богатой польской письменности — вот один из важнейших пунктов этой программы»³⁰. Закljučая свое исследование, В. А. Францев как бы перебрасывал мостик от начала XIX к началу XX в. По его мнению, события 1830—1831 гг. «приостановили надолго ученую работу и движение вперед славянских изучений у поляков», теснее, чем следовало, замкнули их в узконациональные рамки. «Путь, на котором стояли первые представители польского славяноведения, забыт был надолго, успел затеряться, и позднейшим поколениям пришлось его прокладывать вновь»³¹.

Позднее В. А. Францев опубликовал в форме брошюры развернутую рецензию на упоминавшуюся выше библиографию Э. Колодзейчика³² и две исследовательские работы по истории славяноведения в Польше. В первой из них (1913 г.) он проанализировал «славянские элементы» в литературной деятельности Ю. И. Крашевского и пришел к выводу, что хотя они и не стоят у этого писателя на первом плане, тем не менее «представляют весьма интересную страничку в огромной книге истории его плодотворнейшей литературной и публицистической работы»³³. Вторая работа, опубликованная в 1919 г., посвящена взглядам на славянский вопрос Романа Зморского. Работа интересна тем, что в ней подчеркивается наличие революционной и демократической струи в «польском славянофильстве»³⁴.

Если В. А. Францев, изучая относительно нейтральную тематику столетней давности, лишь изредка делал робкие экскурсы в современность, то Александр Львович Погодин (1872—1947)

поступал по-иному. Он не только охотно обращался к весьма острым темам, но и не упускал случая использовать текст своих работ по истории Польши для выводов сугубо политического характера. По идейным позициям и исследовательской методологии А. Л. Погодина вполне можно сравнивать с Н. И. Каревым. Он был позитивистом, хотя и не писал, подобно Н. И. Кареву специальных методологических сочинений; он симпатизировал тем общественным силам, интересы которых выражала партия, хотя не занимал в ней такого положения, как Н. И. Карев³⁵.

Любопытно, что первое время А. Л. Погодин интересовался проблематикой, близкой к сфере научных занятий В. А. Францева, причем иногда делал такие же, как и он, выводы. Занимаясь в 1901 г. историей Виленского учебного округа во время кураторства А. Чарторыского, А. Л. Погодин связывал общественное брожение 20-х годов XIX в. с широко распространившимся среди молодежи романтическим настроением и писал: «Это настроение, как везде в Европе, так и в Литве, характеризовалось глубокой симпатией к народному быту и языку, приводило к национальному возрождению народов... Целый ряд польских и литовских этнографов стоит в тесной связи с тем романтизмом, которым была проникнута молодежь»³⁶. Славянофильско-панславистские доктрины как таковые А. Л. Погодин воспринимал весьма критически, но в данном случае в его обобщениях звучат те же нотки, что и у В. А. Францева с его особым пиететом к «славянофильству».

Крупнейшая из работ А. Л. Погодина по истории Польши посвящена главным течениям польской политической мысли от восстания 1863 г. до первой русской революции. В предисловии, написанном в 1907 г., он прямо указывает на злободневность решаемой им задачи. За последние годы, говорится в книге, о русско-польском сближении было сказано немало хороших речей, а «теперь мы опять у разбитого корыта»; главная причина этого «в полном взаимном непонимании и незнакомстве». Поясняя посвящение труда доктору З. Дмоховскому, А. Л. Погодин заявлял: «Свою работу я посвящаю другу, который первый ввел меня в понимание современной польской души, наболевшей от народных тревог и разочарований. Пусть разойдутся тучи, и над миром славянства засверкает солнце доверия и дружбы!»³⁷.

Одна из весьма существенных общих тенденций, отчетливо обозначенных в книге, заключается в том, что А. Л. Погодин внимательнее всего прослеживает развитие позитивистских и социалистических течений, причем первые он всячески возвеличивал, а вторые резко осуждал. Рассказывая о генезисе первых социалистических кружков, он указывал на их связь с национально-освободительным движением и писал: «Так на почве патриотизма мог возникнуть польский социализм»; ППС, по словам А. Л. Погодина, соединила «крайний патриотизм с проповедью классовых интересов рабочих масс»³⁸. Что касается революционного направления польской социалистической мысли,

нашедшего свое организационное воплощение в СДКПиЛ, то его автор книги не удостоил своим вниманием.

Зато последователей теории «органического труда» А. Л. Погодин неизменно ставил на первое место. «Исходным пунктом всех важнейших течений польской политической мысли после 1863 г. — писал он, — является положение, занятое в общественных вопросах приверженцами теории органического труда»; поскольку в ранних социалистических кружках была сильна тенденция отказа от политической борьбы, постольку в книге говорится даже, что и первые польские социалисты тоже были «органичиками»³⁹. Однако это искусственное сближение А. Л. Погодин сам же опровергает, заявляя, что уже в конце 70-х годов между польским социализмом (его он персонифицирует в Б. Лимановском) и позитивизмом (А. Свентоховский) «разверзлась пропасть»⁴⁰.

А. Л. Погодин пытался опровергнуть правомерность и целесообразность открытой вооруженной борьбы польского народа против национального и социального гнета. Будучи убежденным сторонником мирных средств и выступая за сохранение целостности Российской империи, он всячески старался убедить читателей книги, будто «все наиболее серьезные и многочисленные партии, в пределах которых совершается развитие польской политической мысли, выставили своим лозунгом автономию Польши»⁴¹. Но и это требование А. Л. Погодин в конечном итоге объявил нереальным. В последнем абзаце книги, оценивая ситуацию 1907 г., он заявлял: «При современных условиях надежды на автономию, если они еще разделяются кем-нибудь, представляются утопическими. Зато вполне реальными и осуществимыми являются желанья начать дело народного хозяйства в Царстве Польском в пределах земского и городского самоуправления и совместно с теми русскими силами, которые находятся в этом крае...»⁴².

Таким образом, большой научный труд оказался использованным в конечном итоге лишь для того, чтобы оправдать последнее слово политики правящих кругов царской России. Этот способ «актуализации» тематики отличает и «Историю польского народа в XIX веке», выпущенную А. Л. Погодиным в разгар первой мировой войны. Общая ориентация на всяческое восхваление «мирных средств» осталась у него прежней. Характеризуя политическую ситуацию после манифеста 17(30) октября 1905 г., он, например, писал: «Радикальные обломки прежде революционных партий не имели никакого влияния на общественное мнение страны, где создалось очень трезвое, разумное, здоровое и трудовое направление...»⁴³

Однако обстоятельства заставили царизм изменить свою политику в польском вопросе. Соответствующим образом изменились и относящиеся к текущему моменту выводы А. Л. Погодина. В годы первой мировой войны он уверял, что еще в 1905 г. «место прежней независимости ... в виде основного требования всего

польского народа заняло требование автономии» и с воодушевлением заявлял: «Поляки приобрели возможность легальной и открытой борьбы за свои национальные права, вошли в непосредственные парламентские связи с правительством и с русскими политическими партиями и вся направленность прежней „обрусительной“ системы становилась яснее с каждым годом, пока, наконец, в речи председателя Совета министров в Государственной думе (19 июня 1915 г.) польский народ не был назван „рыцарски благородным и братски верным“ народом, которому была обещана автономия»⁴⁴. К моменту публикации этих слов паризм дозрел до провозглашения тезиса о том, что необходимо «создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей». Вероятно, А. Л. Погодин скорректировал бы свои выводы в этом духе, если бы не произошла Февральская революция 1917 г.

Весьма злободневными были и проблемы польской истории, привлекавшие внимание Александра Александровича Корнилова (1862—1925). Сторонник позитивистической методологии и общественный деятель либерально-кадетского направления, он написал две статьи, которые затем развернул в небольшую книгу, посвященную российской политике в Польше со времени разделов до начала XX в. Хотя работы эти появились в свет в 1915 г., их концепция явно уходит своими корнями в общественно-политические сдвиги, происшедшие в годы революции 1905 г. О «полонофильской» в целом тональности книги свидетельствуют многие ее места, из которых мы приведем лишь одно, относящееся к оценке разделов Польши: «Старое польское государство погибло в 1795 г. безвозвратно. Но народ польский остался, хотя и поделенный на части, но все же живой и, как оказалось, способный к дальнейшему культурному развитию и росту, несмотря на те в высшей степени тяжелые условия, в которых ему пришлось развиваться»⁴⁵.

Стержнем всей книги является комплекс событий, связанных с восстанием 1863 г. Вслед за М. П. Драгомановым, многократно касавшимся этого вопроса, А. А. Корнилов подробно проанализировал отношение к восстанию русской общественности и прежде всего — революционных демократов. Противоположными полюсами были, по его мнению, с одной стороны, правительственный лагерь, с другой — «Колокол», «Современник», последователи Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена. «Славянофилы „Дня“, — говорится в книге, — составляли своего рода центр». А. А. Корнилов упоминал статьи Н. Г. Чернышевского «Национальная бестактность» и «Народная бестолковость» и отмечал, что в цензурной печати их автор не имел возможности сколько-нибудь подробно изложить свой взгляд на русско-польские взаимоотношения. Опубликованные тексты, писал он, «могут лишь косвенно дать понять, что по польскому вопросу Чернышевский был близок к взглядам польских демократов»⁴⁶. Позиция А. И. Герцена оценивалась А. А. Корниловым совершенно по-драгомановски.

«Позиция эта, — писал он, — погубила, как известно, всю его популярность в русском обществе, в огромном большинстве своем разделявшем взгляды на польский вопрос ... или Каткова, или славянофилов»⁴⁷. Таким образом, А. А. Корнилов затронул ряд важных вопросов истории польского национально-освободительного движения, но осветил их с буржуазно-либеральных позиций.

Исходным рубежом для всех положительных тенденций в решении польского вопроса А. А. Корнилов считал «систему Н. А. Милютина». Главным ее результатом в идейно-политической сфере явилась, по мнению А. А. Корнилова, теория «организационного труда» и порожденное этой теорией идеологическое течение во главе с А. Свентоховским, который рассматривается в книге как «самый талантливый и сильный вождь этого направления»⁴⁸. Что касается сути его доктрины, то в ней А. А. Корнилов вопреки действительности видел «зародыш польского народничества». «В конце концов, — заявлял он, — это была горячая и сильная проповедь буржуазного демократизма»⁴⁹.

Интересны слова А. А. Корнилова, относящиеся к оценке польского социалистического движения. По существу они напоминают выводы А. Л. Погодина, но сформулированы определеннее и гибче: «...первые формации польского социализма, в значительной мере связанные с русским социально-революционным движением, были совершенно чужды всяких националистических стремлений и чувств, они направлялись на борьбу с социальным гнетом капитализма и если становились во враждебное отношение к правительству, то не потому, что оно было русское, а потому, что оно поддерживало существующий социальный строй». Определив смысл некоторых внутренних идейных расхождений в польском социалистическом движении, указав, что в 1898 г. ППС «совершенно утратила свой прежний космополитизм и приняла также в свою программу борьбу за независимость Польши», А. А. Корнилов не проанализировал смысла дискуссий по другим вопросам программы и, подобно А. Л. Погодину, умудрился вовсе не заметить деятельности СДКПиЛ⁵⁰.

Конкретных рецептов для решения польского вопроса А. А. Корнилов в своей книге не высказывал. Чувствуется, что он готов был идти несколько дальше, чем А. Л. Погодин и, следовательно, был в некоторой оппозиции к правительственному курсу, не столько по существу, сколько в смысле темпов и последовательности осуществления соответствующих преобразований. Книга его заканчивалась новыми похвалами «системе Н. А. Милютина» и следующим многообещающим по форме, а в сущности достаточно неопределенным заявлением: «Несмотря на все позднейшие искажения первоначальной милютинской программы, на почве, созданной этой программой, выросла современная демократическая Польша. А только с демократической Польшей Россия и может иметь надежду окончательно размежеваться на справедливых и приемлемых для обеих сторон условиях»⁵¹.

В обзоре конкретного материала, который мы завершили⁵², не фигурируют имена ряда российских ученых рассматриваемого периода, так или иначе занимавшихся историей Польши, в частности В. Б. Антоновича, П. Д. Брянцева, И. М. Каманина, В. М. Лаврова, И. И. Лаппо, В. А. Мякотина, Ф. М. Уманца, И. П. Филевича, И. И. Янжула. Из имевшихся историографических направлений сколько-нибудь полно представлено нами лишь либерально-буржуазное. Для польской тематики его выдвижение на первый план представляется вполне правомерным, но следует помнить, что оно не было ни единственным, ни господствующим. Тем не менее обзор позволяет сделать некоторые выводы, не лишённые общего значения.

Первый из них заключается в констатации совершенно неоспоримого расширения польской проблематики, находящейся в поле зрения русских историков, более глубокого ее изучения и увеличения удельного веса специалистов, рассматривавших соответствующий круг событий с полонофильских позиций. Объективную обусловленность этих сдвигов можно искать в воздействии тех слоев польской буржуазии, которые имели общие экономические интересы с русской буржуазией и считали невыгодной для себя открытую и последовательную борьбу за независимость Польши. Такие слои существовали, их влияние накануне войны 1914—1918 гг. росло, и это не могло остаться бесследным. Что касается идейно-политической сферы, то здесь сыграла свою роль та общая «либерализация» интеллектуальной жизни России, которая произошла после 1905 г.

Второй вывод состоит в том, что рост интереса к истории Польши, особенно к ее новейшему периоду, вторжение в ранее запретные области, прямо связанные с развитием польского общественного движения и русско-польских взаимоотношений, вовлечение в оборот новых источников — все это принесло определенные положительные результаты для науки. Если говорить об общественно-политической значимости соответствующих исторических трудов, то она, несомненно, связана не только с этим, но и с тем, что их авторы в ряде случаев прямо ставили перед собой задачу борьбы с национальными предрассудками и прямого содействия русско-польскому сближению. Независимо от мотивов, которыми при этом руководствовался тот или иной ученый, общие результаты их усилий были все-таки полезными, так как содействовали улучшению атмосферы, в которой совершался обмен культурными и научными ценностями между двумя соседними народами.

Третий вывод связан с оценкой идейно-политических позиций того либерально-буржуазного течения в российской исторической полонистике, которое играло столь заметную роль на рассматриваемом этапе. Сравнивая его научные труды с печатной продукцией предшествующих десятилетий и с работами специалистов,

руководствовавшихся самодержавно-охранительными концепциями и неистребимым полонофобством, мы, конечно, должны отчетливо видеть происшедшие сдвиги и отметить положительный вклад Н. И. Кареева, В. А. Францева, А. Л. Погодина и А. А. Корнилова и некоторых других ученых. В то же время никак не следует забывать о том, что воззрения этих историков были методологически несовершенными и классово ограниченными.

Да, Н. И. Кареев и его коллеги немало сделали для внедрения в русскую историографию вообще, и в разработку польской проблематики в том числе, позитивистской методологии, более передовой, чем та, которой придерживались историки типа С. С. Татищева или Н. К. Шильдера. Но ведь все они жили и работали в тот период, когда материалистическое понимание истории не отвлеченно теоретически, а самым практическим образом внедрялось в русскую историческую науку, и выбор нужно было делать не между Л. Ранке и О. Контом, а между позитивизмом и марксизмом. Ученые либерально-буржуазного направления протестовали против русификаторской политики царизма и призывали к скорейшему решению польского вопроса «в интересах обоих народов». Однако при этом они не шли дальше лозунга автономии польских земель внутри Российского государства, а, говоря о русско-польском сближении, фактически сделали в этой области очень мало. А ведь речь идет о времени, когда В. И. Ленин и руководимая им партия не только последовательно защищали лозунг самоопределения нации вплоть до отделения, имея в виду прежде всего именно польские земли, но и налаживали тесное боевое сотрудничество с польским рабочим движением и со всеми прогрессивными силами польского общества. Следовательно, в общих случаях путь к правильным оценкам открывается здесь сугубо исторический и классовый подход к рассматриваемым явлениям, которым автор этих строк и старался руководствоваться во всем предшествующем изложении.

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, т. 3, с. 218—236.

² Там же, с. 6—7.

³ Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815—1917. М., 1976.

⁴ Об этом свидетельствуют, в частности, факты, собранные З. Лукавским в его книге о Польском коле в Государственной думе. См.: *Łukawski Z. Koło Polskie w rosyjskiej Dumie Państwowej*. Wrocław, 1967.

⁵ *Струве П. Б.* Великая Россия: Из размышлений о проблеме русского могущества.— Русская мысль, 1908, № 1, с. 150, 151.

⁶ См.: *Дюмовский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909, с. XIII.

⁷ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90-та т., т. 42, с. 504.

⁸ *Białokozowicz B.* Lwa Tołstoja związeki z Polską. Warszawa, 1966, s. 216.

⁹ *Кареев Н. И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888, с. V—VI.

¹⁰ *Кареев Н. И.* Polonica: Сб. ст. по польским делам (1881—1905). СПб., 1905, с. V, VIII.

¹¹ Там же, с. 41.

¹² Там же, с. 109.

¹³ Там же, с. 175.

¹⁴ Там же, с. 206.

¹⁵ Автограф воспоминаний Н. И. Ка-

- реева «Прожитое и пережитое» см.: ОР ГБЛ, ф. 119, картон 44, ед. хр. 5. Гл. VII (л. 1—15) озаглавлена «Профессорство в Варшаве», она опубликована. См.: *Aksięstwa H. Wspomnienia Mikołaja Kariejewa o Uniwersytecie Warszawskim*.— *Pogląd historyczny*, 1978, N 2, s. 261—278).
- ¹⁶ *Кареев Н. И.* *Polonica*, с. 213.
- ¹⁷ Там же, с. 225, 232.
- ¹⁸ Там же, с. 239.
- ¹⁹ Там же, с. 239—249.
- ²⁰ Там же, с. 253.
- ²¹ Там же, с. 259.
- ²² Там же, с. 263.
- ²³ Эту общую картину отчетливо прослеживает коллективный труд «Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь» (М., 1979).
- ²⁴ См., напр.: *Леонтович Ф. И.* Правоспособность литовско-русской шляхты.— *Журнал Министерства народного просвещения*, 1908, № 3, 5, 6.
- ²⁵ *Леонтович Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права. СПб., 1894, с. 3.
- ²⁶ *Кареев Н. И.* «Падение Польши» в исторической литературе, с. VI.
- ²⁷ *Любович Н. Н.* Грюнвальдская битва: Историческое значение ее. Варшава, 1911, с. 16, 17, 20.
- ²⁸ Несколько позднее разработкой этой темы занимались польские исследователи Эдмунд Колодзейчик и Зофья Клярнерувна. См.: *Kołodziejczyk E.* Bibliografia słowianoznawstwa Polskiego. Krakow, 1911; *Klarnerówna Z.* Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800—1848. Warszawa, 1926.
- ²⁹ *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX в. ст. Прага Чешская, 1906, с. II.
- ³⁰ Там же, с. 2.
- ³¹ Там же, с. 491.
- ³² *Францев В. А.* Библиографии польского славяноведения: По поводу книги... Варшава, 1912.
- ³³ *Францев В. А.* Славянские элементы в литературной деятельности Ю. И. Крашевского. Варшава, 1913, с. 1.
- ³⁴ *Францев В. А.* Польский славянофил Роман Эморский, 1822—1867: К истории польского славяноведения. Прага Чешская, 1919.
- ³⁵ Подробнее о А. Л. Погодине см.: *Соловьев А. В.* Александр Львович Погодин.— Краткие сообщения Института славяноведения, 1958, вып. 23; *Bortnowski W.* О А. Pogodinie jako popularyzatorze historii Polski i «spraw polskich» w Rosji w latach 1904—1915.— *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Łódzkiego*, ser. 1, zesz. 30, 1963, s. 139—156.
- ³⁶ *Погодин А. Л.* Виленский учебный округ 1803—1831 гг.: Введение.— Сборник материалов по истории просвещения в России. СПб., 1901, т. 4, с. СХХХIII.
- ³⁷ *Погодин А. Л.* Главные течения польской политической мысли 1863—1907 (далее: Погодин А. Л. Главные течения...) СПб., 1907, с. VI.
- ³⁸ Там же, с. 86, 278.
- ³⁹ Там же, с. 385.
- ⁴⁰ Там же, с. 141. О варшавском позитивизме см. А. Свентоховском подробнее см.: *Rudzki J. Aleksander Świętochowski i pozytywizm warszawski.* Warszawa, 1968.
- ⁴¹ *Погодин А. Л.* Главные течения..., с. 616.
- ⁴² Там же, с. 639.
- ⁴³ *Погодин А. Л.* История польского народа в XIX веке. М., 1916, с. 294.
- ⁴⁴ Приказ Николая II по армии и флоту от 12 декабря 1916 г.— В кн.: История Польши. М., 1955, т. 2, с. 644.
- ⁴⁵ *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915, с. 13.
- ⁴⁶ Там же, с. 53.
- ⁴⁷ Там же, с. 57.
- ⁴⁸ Там же, с. 88.
- ⁴⁹ Там же, с. 89.
- ⁵⁰ Там же, с. 89, 91.
- ⁵¹ Там же, с. 91.
- ⁵² См. статью Ю. Ф. Иванова (Советское славяноведение, 1980, № 4, с. 82—93).

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Г. З. Иоффе, Г. А. Ясковец

Советологи, специализирующиеся по проблемам истории Октябрьской революции, любят декларировать собственную беспартийность, свободу от господствующих в обществе политических и идеологических доктрин. Большинство книг, вышедших в десятилетие 1967—1977 гг., изобилуют рекламными указаниями на «объективность» и «беспристрастность». Их авторы громогласно заявляют о своем неогласии с «застывшими стереотипами», выступают против «примитивных», «негибких» схем, коими грешили исследователи старшего поколения.

Естественно, что за 60 лет своего существования англо-американская буржуазная историография Великого Октября претерпела определенные перемены, что взгляды буржуазных исследователей не являли собой нечто совершенно застывшее и неизменное. Советские исследователи неоднократно подчеркивали, что позиции советологов менялись в связи с переменами в политическом климате, в зависимости от характера политических отношений между основными капиталистическими державами и СССР и т. д. Можно сказать, что буржуазная историография Октября (во всяком случае, какая-то часть ее) прошла путь от прямого очернительства до вынужденного признания глубины исторических последствий революции и более или менее близкого к действительности описания ее конкретно-исторического хода¹.

Эта тенденция стала ощущаться наиболее отчетливо в период, когда советологическая историография Великой Октябрьской революции развила наибольшую активность, а именно — к 50-летию установления Советской власти, т. е. приблизительно во второй половине 60-х годов.

В дальнейшем, в последующее десятилетие, еще в большей мере прослеживается отмеченная особенность. Она выражается, прежде всего, в усилении внимания к социально-экономическим проблемам истории российских революций (например, работы Р. Петибриджа² и др.); во-вторых, во включении в сферу советологических исследований истории массовых движений и массовых организаций — рабочего класса, крестьянства, армии, Советов, профсоюзов, фабзавкомов и т. д. (особенно монографии

Дж. Кипа, А. Рабиновича, Н. Саула и др.)³; в-третьих, в росте интереса советологов к партиям «третьей силы», «третьего пути» — преимущественно меньшевикам, эсерам, к «зеленому движению» и т. д. (документальная публикация А. Эшера о меньшевиках и сборник статей о них⁴, книги О. Рэдки об антоновщине, М. Палля о махновщине⁵ и др.). Все это, безусловно, свидетельствует об известном тематическом, проблемном расширении и углублении советологического изучения истории Октября. Как следствие указанного факта в новейшей зарубежной историографии Октябрьской революции произошла довольно значительная перестройка источниковедческо-литературной базы.

С одной стороны, в новых советологических работах во все больших масштабах используются документальные материалы, хранящиеся в американских и западноевропейских архивах, прессы периода революции и т. д. С другой — нынешнее поколение западных исследователей все чаще обращается к трудам основоположников научного коммунизма (прежде всего В. И. Ленина), документам и материалам КПСС, фундаментальным советским публикациям и исследованиям советских историков. Если раньше буржуазная историография замалчивала достижения советской исторической науки либо отзывалась о них в высшей степени пренебрежительно, то сегодня, явно под воздействием ее неоспоримых успехов, буржуазные авторы демонстрируют не только осведомленность о позициях советских историков, но и вынуждены формулировать свое отношение к ним⁶. Следует отметить, что с годами постепенно слабеет влияние белоэмигрантской историографии, которая оказывала значительное воздействие на буржуазную литературу об Октябре в 20—50-е годы.

Если говорить о конкретном освещении современными советологами основных проблем истории Октябрьской революции, то нужно прежде всего указать на отмеченное выше продолжающееся тяготение к так называемым «сбалансированным» точкам зрения, к «гибким», «эластичным» трактовкам, внешне претендующим на «деидеологизацию» и «деполитизацию», а на деле представляющим собой интерпретации, эклектический характер которых иногда представляет собой «модернизированный» антисоветизм и антикоммунизм. Тем не менее анализ большинства новейших работ показывает, что в концепционном отношении советологическая историография Октября все же «левела». Это проявляется, в частности, во все более активном внедрении в нее трактовок меньшевистско-эсеровского и троцкистского характера, отодвигающих на второй план преваляровавшие ранее оценки либерально-буржуазного, кадетского происхождения. Указанное обстоятельство можно проследить, пожалуй, в интерпретациях всех центральных тем, являющихся предметами исследования новейшей буржуазной историографии Октябрьской революции.

Начнем с вопроса о предпосылках революций 1917 г. (их предыстории), которому советологи по-прежнему уделяют очень много внимания. Здесь можно считать в значительной мере

поколебленным тезис о военном происхождении Февральской революции и о «самоубийственной» политике царизма как ее причинах (хотя и это, конечно, встречается, преимущественно в литературе популярного, «коммерческого» характера). Корни российских революций разysкиваются даже во второй половине XIX в., в незавершенности или запоздалости важнейших социально-экономических реформ, в тяготах и напряжении «модернизации», так же, как и в тяжелом экономическом положении масс, их политическом бесправии и т. д. Тем не менее закономерное решение назревших проблем и противоречий революционным, прежде всего «октябрьским», путем отрицается или, во всяком случае, ставится под сомнение; проводится мысль о том, что вполне возможны были иные, альтернативные пути при наличии определенных факторов, главным образом политического, даже субъективного характера. Отсюда усиленное внимание к истории политических партий, главным образом буржуазно-либеральных (октябристов, кадетов), к истории государственных дум, политике царского правительства, личности последнего царя, его окружению⁷ и т. п. В этой литературе превалирует тезис, согласно которому «верхи» царской России, по-видимому, могли бы избежать революционного взрыва, предотвратить «сползание» страны к революции. В качестве примера можно сослаться на работу известного советолога Э. Крэнкшоу «Сумрак Зимнего дворца» — большую книгу, охватывающую период с восстания декабристов до свержения царизма⁸. С другой стороны, продолжаются попытки скомпрометировать, опорочить революционное движение и революционеров разных поколений (например, книга А. Улама «Именем народа»⁹).

Хотя новых крупных работ непосредственно по истории Февральской буржуазно-демократической революции в последнее время за рубежом не появлялось, опубликованные по этой теме статьи (в частности, статьи американского историка Ц. Хасегавы¹⁰) позволяют констатировать дальнейшее развитие определенных изменений и здесь. Можно сказать, признается, что главной силой, сокрушившей царизм, были народные массы. Правда, приоритет отдается крестьянству и солдатам, а самое движение масс трактуется преимущественно в стихийном, анархическом аспекте. Отмечается определенный вклад большевистской партии в свержение самодержавия, главным образом тех ее членов, которые, по выражению Ц. Хасегавы, представляли собой «субэлиту» — среднее партийное звено. Вместе с тем подчеркивается весьма существенная роль либеральной буржуазии и верхов генералитета, позиция которых будто бы явилась причиной отречения Николая II и отказа Михаила Романова от престола. Больше внимания уделяется меньшевистско-эсеровскому Совету, его политической линии и т. д.

Но, конечно, одним из центральных «исследовательских пунктов» советологии остается проблема «поворота» от Февраля к Октябрю, факторы, обеспечившие победу большевиков и, как

главная цель, поиск альтернативы Октября. Для идеологов антикоммунизма маккартистского толка Октябрьская революция являла собой путч, тайный заговор, осуществленный небольшой, изолированной от народных масс группой большевистских функционеров. Октябрь в их описании предстал подобием верхушечного переворота, результатом борьбы партийных лидеров за власть. Что касается народа, то его отношение к революции, как правило, полностью игнорировалось. Так описывали в свое время Октябрь Керенский, Маклаков, Тыркова-Вильямс. Так писали об Октябре и такие советологи, как А. Мурхед, Ст. Поссоли, Б. Вольф и им подобные.

Следует заметить, что эксплуатация неприкрытого антикоммунизма и антисоветизма осколками белой эмиграции характерна и для современных буржуазных пропагандистов, чьи сочинения рассчитаны на массового читателя и выпускаются большими тиражами. Но на крупнейших международных конференциях советологов, посвященных 50-летию и 60-летию Октября (Гарвард, Западный Берлин и др.), в работах, выпущенных в последнее десятилетие, Великая Октябрьская революция чаще всего называется своим настоящим именем. Сквозь антикоммунистические вопли «ястребов» все громче слышится призыв объективистски настроенных советологов отказаться от примитивных концепций периода холодной войны, более серьезно заняться проблемами классов, исследовать расстановку сил в октябрьский период.

На конференции в Гарварде английский советолог Дж. Кип прямо указывал, что вопрос об отношении народных масс России к социалистической революции становится одним из центральных для западной историографии¹¹. Американский историк и социолог А. Бродерсен писал в своей книге о советском рабочем классе, что «мощь ленинской партии и причины ее успеха могут быть объяснены только из анализа того, как управляла она своими силами на поле боя»¹². Следовательно, речь уже определенно идет о том, что в России реально существовала политическая армия революции.

Наличие организованного и достаточно многочисленного рабочего класса так или иначе признают Р. Суни, Р. Петибридж, Ф. Кэплэн и др. (еще раньше это сделал английский историк Э. Карр). Это уже значительный сдвиг в традиционных воззрениях на то, что в России рабочего класса якобы не было, а следовательно, не было и базы для массового, антикапиталистического движения. Новейшие работы идут в этом же направлении. Представляется, что наиболее крупными работами, вероятно, специально приуроченными к 60-летию Октябрьской революции, были вышедшие в 1976 г. монографии А. Рабиновича «Большевики приходят к власти»¹³ и Дж. Кипа «Русская революция: Изучение мобилизации масс»¹⁴. На наш взгляд, они дают картину современного состояния, по крайней мере, англо-американской историографии Великого Октября, тех новейших тенденций, которые в ней развиваются, смещения акцентов в трактовке про-

блемы в целом и составляющих ее частей. Обстоятельствами, которые особенно обращают на себя внимание и которые присущи обеим книгам, являются, во-первых, признание народного характера Октябрьской революции, и, во-вторых, признание массовой поддержки большевиков¹⁵. Однако пролетарский характер Октября по-прежнему не признается (Рабинович не фиксирует его, а Кип прямо отрицает: по его словам, это положение следует отнести «к сфере исторической революционной мифологии»¹⁶).

По мнению А. Рабиновича, в 1917 г. большевистская партия не являлась замкнутой группой профессиональных революционеров и в то же время неким монолитом, соответствовавшим ленинской «модели». Она имела демократический, «открытый» характер, в ней проходили дискуссии, борьба разных точек зрения и т. д., и она тесно связана с «низами» и их организациями. В данном случае мы видим определенный отход от распространенной в буржуазной историографии интерпретации большевистской партии как некоей «элиты». Но большинство партийных лидеров, по мнению А. Рабиновича, склонялось к созданию однородного социалистического правительства по решению съезда Советов, к легальной передаче власти в руки Советов, что соответствовало настроением масс. Только благодаря длительному «давлению» Ленина тактика партии была будто бы изменена уже в ходе событий 24—25 октября, а когда она оказалась у власти, началась (в период гражданской войны) трансформация партии, утрата ее демократического характера, потеря Советами независимости и т. п.

Дж. Кип одним из первых в советологии включил в сферу исследования «массовые организации» в период Октября: Советы, профсоюзы, фабзавкомы и т. п., и не только в центре, но и на периферии страны. По его утверждению, именно в этих организациях бился революционный импульс, а сила и искусство большевиков состояли в том, что они лучше других партий сумели использовать эти организации в своих целях и в конце концов поставить их под свой неограниченный политический контроль, превратив в «приводные ремни», в простые «резонаторы» своих решений¹⁷.

Нетрудно видеть, что в данном случае на передний план выдвигается троцкистская идея «термидора», перерождения, изменения большевизма после победы Октября. Надо полагать, это в определенной мере увязывалось с пресловутой антисоветской кампанией по поводу так называемого «нарушения прав человека» и т. д. Здесь мы видим, как под эту кампанию «подводился» своего рода исторический базис, антикоммунистический смысл которого состоит в том, чтобы «оторвать» советскую общественно-политическую систему от революционной «октябрьской основы» с присущей ей демократичностью, противопоставить ее «большевистскому тоталитаризму». Хотя сама по себе эта идея не является «открытием», для советологической трактовки Октябрьской революции она, в известном смысле, является новой, во

всяком случае, до сих пор с такой отчетливостью она, пожалуй, не выражалась.

Следует вообще отметить растущий интерес современной советологии к проблемам непосредственно послеоктябрьской истории, в частности истории гражданской войны в России. Здесь разыскиваются факторы «стабильности» большевизма. В ряде вышедших в последние годы работ гражданская война традиционно трактуется как борьба двух политических группировок в условиях известной пассивности и аполитичности масс. Правда, некоторые авторы готовы признать, что лозунги Советской власти соответствовали интересам и настроениям рабочих и крестьян. Анализируя причины триумфа красных, советологи нового «призыва» считают его в общем обоснованным, пишут о неизбежности краха «белого дела». При этом далеко нередки высокие оценки организаторской и руководящей роли большевистской партии, В. И. Ленина, хотя в целом они обычно не выходят за рамки так называемой «элитарной» концепции¹⁸.

В оценке международного значения Великой Октябрьской революции новейшая буржуазная историография продолжает развивать тезис, согласно которому довольно широко признается влияние Октября на изменения, происшедшие и происходящие в мире (влияние Великого Октября в «широком смысле»). В то же время фактически отрицается значение Октябрьской революции как начала переходной эры от капитализма к социализму, как революции, определившей некоторые общие закономерности этого перехода (влияние Октября в «узком смысле»). Социально-политическое содержание Октября, как правило, сводится к некоему «русскому феномену» либо к революциям «отсталых стран» на их пути к «модернизации». В данном случае буржуазная историография смыкается с некоторыми современными реформистскими «теориями».

Итак, мы видим в новейшей буржуазной историографии Октября, с одной стороны, определенные изменения, с другой же — элементы, прочно связывающие ее с традиционным антикоммунизмом и антисоветизмом. Всегда присущий советологии эклектизм в последнее время стал принимать еще более ярко выраженный характер.

Сначала поставим вопрос: чем вызваны, чем объясняются отмеченные выше изменения. Это позволит нам дать общую оценку их характера. В первую очередь они объясняются огромной силой международного влияния успехов реального развитого социализма. «Шесть десятилетий социалистического строительства, — отмечал в своем докладе на торжественном заседании, посвященном 60-летию Октября, Леонид Ильич Брежнев, — это ярчайшая демонстрация того, на что способны люди труда, взявшие в свои руки политическое руководство обществом, принявшие на себя ответственность за судьбы страны»¹⁹. Гигантские достижения в экономическом строительстве, осуществление подлинных социальных прав и политических свобод принесли нашей стране

горячие симпатии миллионов и миллионов трудящихся во всех уголках земного шара. Способствовала этому и политика разрядки, инициатором которой выступил Советский Союз.

Происходящие в современной советологии процессы являются также прямым следствием впечатляющих побед революционного марксизма в его борьбе с враждебной идеологией.

Следует отметить и другой фактор, обуславливающий указанные перемены, а именно — постоянно растущий авторитет и влияние благородной деятельности историков-марксистов в самих странах капитализма. Известно, что уже сегодня во Франции, Италии, ФРГ и других странах сложились научные центры, призывающие к компартиям и действующие под их руководством. Учеными-марксистами издана большая литература об Октябре как исследовательского, так и популяризаторского характера. И эта литература нашла своего массового читателя среди трудящихся и демократически настроенной интеллигенции.

И наконец, еще одно обстоятельство. Речь идет о развитии так называемой «социалистической» мысли вообще и ревизионистской историографии Октябрьской революции в частности. Конечно, нельзя считать объективной, правдивой, научной ту литературу, создатели которой, прикрываясь марксистской фразеологией, исповедуют в сущности реформистские концепции классовой борьбы и рассматривают сквозь призму этих концепций историю Октябрьской революции. Вместе с тем, хотя бы они этого или не хотят, но своими сочинениями они способствуют внедрению в активный оборот тем, связанных с социально-экономической историей, массовыми движениями, классовой борьбой т. д., т. е. в проблематику современной буржуазной историографии вводят аспекты, ранее от нее далекие.

Объем реформистской и ревизионистской литературы достаточно велик. К истории русской революции обращаются и троцкисты, и деятели европейской социал-демократии, и продажные лидеры «желтых» профсоюзов, и ренегаты-перебежчики²⁰. Анти-советская по своему характеру и назначению, антикоммунистическая по своей идейной основе, эта литература тем не менее побуждает «непартийную» буржуазную историографию идти навстречу современным проблемам, а потому расширять традиционную проблематику Октября.

Таковы некоторые обстоятельства, являющиеся, по нашему мнению, важными для выяснения некоторых причин, приведших к определенным сдвигам в буржуазной историографии. Они помогают уяснить содержание, характер этих перемен. Их основная цель — «модернизировать» советологию в соответствии с изменившимся соотношением сил в мире, придать ей более действенный характер в обострившейся и усложнившейся идеологической борьбе. Шло своего рода перевооружение советологии, оснащение ее арсенала более эффективным, с ее точки зрения, оружием. Практически это привело, как уже отмечалось, к известному «полевению» советологической историографии Октября, к заим-

ствованию ею целого ряда, с одной стороны, реформистских, а с другой — даже ультралевых, троцкистских тезисов и положений.

Так называемая концептуальная гибкость современных советологов не намного приблизила их к правдивому изложению характера революционного движения в нашей стране, к научной оценке истории Октября. Критикуя «субъективизм» и однобокость белоэмигрантских трактовок, главным образом кадетского толка, они отдали свои симпатии не менее тенденциозным антикоммунистическим воззрениям.

Эксплуатируя отмирающие идейки российского соглашательства и троцкизма, советологи преследуют практическую цель: извратить историю российских революций и создать тем самым базу для проповеди реформизма в современном рабочем и коммунистическом движении. Так они последовательно служат политическим интересам своего класса.

Буржуазный историк тщательно скрывает свою верность идейным установкам антисоветизма. Однако факт есть факт. Современная советология не изобрела ничего нового. Она по-прежнему трактует историю Великого Октября и роль пролетариата в ней, в основном полагаясь на идеи политических банкиротов. Таким образом, главная задача советологии остается неизменной — антикоммунизм и антисоветизм. Это обстоятельство и определяет отмеченную выше преемственность новейшей советологической литературы об Октябре, связь ее с предшествующей литературой, традиционность в отстаивании многих концепционных положений. Наиболее отчетливо это видно в отрицании исторической закономерности Великого Октября, в изображении его неким «русским феноменом», вызванным главным образом явлениями экономической и социально-политической отсталости. Это прослеживается далее в нежелании признать политически сознательную, конструктивную роль масс (в том числе даже и рабочего класса) в революции, в отрицании гегемонии пролетариата. Наконец, мы видим это в извращении истории большевистской партии, которой приписываются «термидорианские наклонности», стремление к «тоталитаризму» и т. д. Более того, в последнее время в США вновь повеяло ветрами «холодной» войны, и уже сейчас мы наблюдаем рецидивы таких трактовок революционного движения, которые напоминают времена маккартизма (клевета о терроризме и т. п.).

Советские историки должны в полной мере учитывать как элементы перемен, так и элементы постоянства в буржуазной историографии Великого Октября для развертывания ее активной, действенной критики. В отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии тов. Л. И. Брежнев, говоря об улучшении идеологической работы, об ее перестройке в целях повышения эффективности, особо подчеркнул: «Очень важно, чтобы пропаганда не обходила острых тем, не боялась затрагивать так называемые трудные вопросы. Политика нашей партии ясна. И мы готовы ответить на

любые вопросы, которые возникают у советских людей. Надо смелее делать это, помня, что если мы не отвечаем на них, то недруги нашей страны постараются воспользоваться этим для клеветы на социализм»²¹.

- ¹ См., напр.: *Васюков В. С., Салов В. И.* Великий Октябрь и его буржуазные интерпретаторы.— В кн.: Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972, с. 43.
- ² *Pethybridge R.* The Spread of the Russian Revolution. London, 1972.
- ³ *Keep J.* The Russian Revolution: A Study in mass mobilization. London, 1976; *Rabinowitch A.* The bolsheviks come to Power: the Revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1973; *Saul N.* Sailors in Revolt. New York, 1978.
- ⁴ The Mensheviks in the Russian revolution/Ed. A. Asher. Ithaca, 1976; *Haimson L.* The mensheviks. From the revolution of 1917 to the second World war. Chicago; London, 1974.
- ⁵ *Radkey O.* The Unknown Civil War in Russia. Stanford, 1976; *Paliy M.* The Anarchism of Nestor Makhno. Seattle, 1977.
- ⁶ См., напр.: Windows on the Russian past: Essays on Soviet historiography since Stalin/Ed. S. Baron, N. Heer. Columbus, 1977.
- ⁷ См., например, новейшую работу: *Pearson R.* The Russian moderates and the Crisis of Tsarism, 1914—1917. London, 1977.
- ⁸ *Crankshaw E.* The Shadow of the Winter Palace: Russian Drifts to Revolution, 1825—1917. New York, 1976.
- ⁹ *Ulam Th.* In the Name of the People. New York, 1977.
- ¹⁰ *Hasegawa Th.* The Problem of Power in the February Revolution of 1917 in Russia.— Canadian Slavonic Papers, 1972, vol. 14, N 4; *Idem.* Rodzianko and the Grand Dukes' Manifesto of 1 March 1917.— Canadian Slavonic Papers, 1976, vol. 18, N 2; etc.
- ¹¹ *Keep J.* October in Provinces.— Revolutionary Russia/Ed. by R. Pipes. Cambridge (Mass.), 1968, p. 181.
- ¹² *Brodersen A.* The Soviet Worker. New York, 1966, p. 6—7.
- ¹³ *Rabinowitch A.* The Bolsheviks Come to power. Norton, 1976.
- ¹⁴ *Keep J.* The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. London, 1973.
- ¹⁵ *Rabinowitch A.* Op. cit., p. XVII.
- ¹⁶ *Keep J.* Op. cit., p. XV.
- ¹⁷ *Ibid.* p. IX, X, 471.
- ¹⁸ См., напр.: *Kenez P.* The Civil War in South Russia, 1919—1920: The Defeat of Whites. Stanford, 1977.
- ¹⁹ *Брежнев Л. И.* Великий Октябрь и прогресс человечества.— Коммунист, 1977, № 16, с. 6.
- ²⁰ См.: *Миц И. И.* Извращение истории Великой Октябрьской социалистической революции идеологами антикоммунизма.— В кн.: Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии антикоммунизма на современном этапе. М., 1970; *Марушкин Б. И.* История и современная идеологическая борьба. М., 1972; и др.
- ²¹ Правда, 1981, 24 февр.

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ С. Н. ВАЛКА

(13 декабря 1887 г. — 5 февраля 1975 г.)¹

В. Г. Чернуха

Сигизмунд Натанович Валк прожил долгую, интересную, трудную и счастливую жизнь. Он жил во времена, когда страна стремительно развивалась и меняла свой облик, во времена крупнейших всемирно-исторических событий, мировых войн и революций. Он был участником и свидетелем этих событий, которые сформировали его, наложили свой отпечаток на его личность, мораль, принесли ему широту взглядов и ощущение истинной ценности вещей. Его жизненный опыт превратился в глубокую мудрость, позволявшую ему в нелегкие годы болезней и утрат оставаться оптимистом, человеком деятельным и сердечным. Он знал людей, которые для нас, нынешнего поколения, стали легендарными. История его жизни чрезвычайно интересна и поучительна. В последнее время уже появились работы, освещающие отдельные стороны его научной деятельности². В этой статье автор, не претендуя на полноту, ставит своей задачей сообщить некоторые факты его биографии и передать черты человека, ученого, учителя.

С. Н. Валк родился 1 (13) декабря 1887 г. в г. Вильно в семье фармацевта, Натана Ильича Валка. Его назвали в честь деда, отца Александры Сигизмундовны, его матери. Кроме него в семье было трое дочерей. Детство и юность С. Н. Валк провел в г. Лодзи, в то время входившей в состав Петроковской губ., где отец имел аптеку. Именно отсюда, из первого двадцатилетия его жизни, проведенного в этом польском городе, идет его любовь и постоянный интерес к Польше, ее истории, литературе, культуре. Как известно, он прекрасно знал польский язык, собирал книги по польской истории, классическую и современную польскую литературу, выписывал польские журналы и газеты.

В августе 1898 г. Валк поступил в Лодзинскую мужскую гимназию, где учился до января 1906 г. Для С. Н. Валка события первой русской революции, воспринимаемые нами только исторически, умозрительно, были событиями его жизни. В январе 1906 г. он был «уволен» из 7-го класса Лодзинской гимназии, как говорилось в выданном ему свидетельстве, «по § 11 п. 18 постановления временного генерал-губернатора Петроковской губернии»³, т. е. за причастность к революционному движению, охватившему в 1905—1907 гг. эту часть Польши. Среди бумаг Сигизмунда Натановича сохранились присланные из Польского

главного архива древних актов фотоконии документов, связанных с его арестом в январе 1906 г. и двухмесячным пребыванием в тюремном заключении. Из них видно, что 22 февраля 1906 г. мать обратилась к генерал-губернатору с прошением об освобождении сына из заключения, объясняя, что наказанием ему служит исключение из гимназии⁴. Однако решавшее этот вопрос Петровское губернское жандармское управление отказалось пойти на сокращение срока тюремного заключения, мотивируя это наличием «агентурных сведений», что Сигизмунд Валк относится «к числу лиц, сочувствующих деятельности „Польской социалистической партии“», и предстоящим вскоре (9 марта 1906 г.) окончанием срока тюремного заключения⁵.

Исключенный из казенной Лодзинской гимназии Валк вынужден был переехать в г. Новая Александрия Люблинской губ., где в 1906—1907 гг. учился в частной (но «с правами правительственной») гимназии П. Н. Шеймина и окончил ее в 1907 г. с серебряной медалью.

В 1907 г. С. Н. Валк приезжает в Петербург и поступает в университет. Начинается новый период его жизни. Петербург—Ленинград, где Сигизмунд Натанович прожил около 70 лет, стал для него второй родиной, городом, который он нежно любил и к которому был привязан тысячами нитей: здесь был его дом, близкие, друзья многочисленны места работы, часто посещаемые музеи, филармония, театры, концертные залы.

Семья Валка после его переезда в Петербург недолго оставалась в Лодзи. В 1911 г. «материальные обстоятельства,— как писал Валк в автобиографии,— заставили отца ликвидировать дело», семья переезжает в Вильно. Отец вскоре (в 1911 г.) умирает, мать и три сестры продолжают жить там. Одна из сестер унаследовала профессию отца, две другие учительствовали. Сигизмунд Натанович поддерживал с ними переписку. Все они погибли в 1942 г., в оккупации.

1907—1913 гг.— время обучения в Петербургском университете — чрезвычайно важный для Валка период формирования его как ученого и человека. Он всегда с большой теплотой вспоминал о своих студенческих годах и университете того времени. В статье О. Б. А. Романов Валк писал: «Время пребывания Б. А. в университете (а это было время пребывания в университете и самого С. Н.— В. Ч.) было *самым блестящим периодом* (подчеркнуто мною.— В. Ч.) во всей почти вековой дореволюционной истории Петербургского университета. Революционная буря 1905 г. во многом изменила внутренний строй университетской жизни и университетского преподавания. Состав университетских преподавателей обновился прежде всего благодаря вступлению в качестве приват-доцентов ряда ученых, не говоря уже о возвращении некоторых ранее уволенных профессоров. Не менее решающее значение имело и изменение самой системы прохождения университетского курса вследствие введения взамен ранее господствовавшей курсовой системы новой, предметной.

При этой системе посещение лекций было необязательно. Обязательными были лишь сдача экзаменов по установленным факультетам предметам, зачет просеминария и трех семинариев. Студент же был волен сам устанавливать порядок и время сдачи требуемых предметов, да и срок своего пребывания в университете. Выполнив эти требования, студент получал выпускное свидетельство, которое давало ему право сдавать государственные экзамены. Единственным руководством для тогдашнего студента было только ежегодно издаваемое „Обозрение преподавания“ на факультете, содержавшее простой перечень читаемых курсов и ведущихся в данном году практических занятий»⁶.

Валку очень нравилась эта система занятий, дававшая студенту возможность много заниматься самостоятельно в библиотеках и архивах и право выбирать для посещения интересующие его курсы. Сам он очень много занимался самостоятельно, между прочим и европейскими языками, которые с тех пор хорошо знал.

В университете Валк прошел замечательную научную школу. Он встретился там с выдающимися русскими историками, слушал их курсы лекций и работал в их семинариях. Общий курс русской истории читал тогда С. Ф. Платонов. Валк слушал лекции И. М. Гревса, Е. В. Тарле и др., работал в семинариях А. Е. Преснякова по русской истории, И. М. Гревса — по средним векам, Н. И. Кареева и Е. В. Тарле — по истории нового времени.

С таким удовольствием вспоминал Валк свои студенческие годы, что казалось: он сразу, легко и органично, вошел в студенческую, научную и общественную жизнь. Но, оказывается, это было не так. Процесс этот был для Сигизмунда Натановича очень трудным, и в значительной степени потому, что он не сразу встретил наставника, чьи научные, педагогические и нравственные идеи повели бы его за собой. Переломным моментом в его университетской жизни стала встреча с А. С. Лаппо-Данилевским, которая состоялась на третьем году обучения. Влияние Лаппо-Данилевского на Валка было огромно. Без учета этого Валк не может быть понят ни как ученый, ни как человек. До конца своих дней С. Н. Валк сохранил глубокую любовь и признательность своему учителю. Портрет его всегда висел у него в кабинете. Позднее он очень радовался возродившемуся интересу к работе и личности А. С. Лаппо-Данилевского, ценил внимательный подход к его наследию, в частности в работах С. М. Каштанова. В последнее время он много и торопливо, самоотверженно, ибо был уже тяжело болен, работал над статьей об А. С. Лаппо-Данилевском как археографе для «Археографического ежегодника». Наиболее полное представление о том, чем был Лаппо-Данилевский для С. Н. Валка, дают выдержки из его письма, написанного в конце 1915 г.

«Дорогой Александр Сергеевич!

...В третьем году я пошел впервые в Ваш семинарий, который Вы вели, если вспомните, по истории крестьян, и на меня повея-

ло чем-то новым, сразу произведшим на меня необычное впечатление. Однако новое это было далеко и от моих прежних настроений. Вместо рвущегося вперед порыва энтузиазма я здесь впервые увидел... методическое стремление к новым научным приобретениям. Много сравнительно прошло времени, пока я сроднился с таким пониманием научного труда, которое, мне сперва показалось, пренебрегает широкими проблемами истории. Тем более оно теперь мне дорого, ибо оно связано у меня теперь и с другими впечатлениями. Все они вели к одному — к преклонению перед наукой, к вере, что, научно работая, общаешься к чему-то самому важному в мире»⁷.

В семинарии А. С. Лаппо-Данилевского С. Н. Валк обрел не только учителя в широком значении этого слова, но и товарищей, ощутил себя членом университетского коллектива, и потому в период студенческих волнений 1910—1911 гг. он активный их участник, протестующий против наступления правительства на университетскую автономию, один из тех 392 студентов, которые были арестованы (Валк во время ареста находился в Дерябкинских казармах на Васильевском острове) и уволены из университета. Валк был исключен из университета на год, почему и закончил его на год позже — в 1913 г.

Другим любимым учителем, оказавшим наибольшее влияние на его научные интересы и последующие занятия, был Александр Евгеньевич Пресняков. Портрет А. Е. Преснякова висел в кабинете Сигизмунда Натановича наряду с фотографиями А. С. Лаппо-Данилевского и В. И. Семевского. С. Н. Валк чрезвычайно высоко ценил научную деятельность А. Е. Преснякова, и это нашло свое отражение в его известной работе об исторической науке в Ленинградском университете, в которой он проанализировал круг и характер научных занятий Преснякова и пришел к выводу: «И ученый путь А. Е. Преснякова ... и его ученое творчество явились ярким завершением процесса создания дореволюционной „петербургской исторической школы“». Никто лучше, чем сам А. Е. Пресняков, не осознал той традиции, которую он своими трудами продолжал, и никто лучше его не представил основных черт ее научного облика»⁸. Добавим к этому, что если дореволюционное творчество А. Е. Преснякова было вершиной досоветского периода русской историографии, то после Октябрьской революции он оказался в числе тех ученых, которые продолжали активно работать, пытаясь овладеть новой методологией. А. Е. Пресняков принимал также активное участие в архивном и педагогическом строительстве, и при его помощи С. Н. Валк оказался на долгое время связан с Петроградским историко-революционным архивом, университетом и институтами.

«Не все из историков — преподавателей нашего университета сразу сумели осознать значение Великой Октябрьской социалистической революции, и не все сумели в соответствии с этим перестроить свои прежние взгляды. Скорее всего такой поворот сказался на кафедре русской истории, многие из преподавателей

которой почти с первых месяцев революции оказались в числе активных советских деятелей в только что образованном Главном архивном управлении. Наиболее выдающаяся роль выпала на долю А. Е. Преснякова»⁹. Слова об А. Е. Преснякове послеоктябрьского периода в полной мере могут быть отнесены и к самому С. Н. Валку, так же, как и его учитель, пошедшему новым путем.

В июне 1913 г. С. Н. окончил университет и получил (правда, только в 1914 г.) диплом первой степени. Все оценки его в приложенном к диплому матрикуле «весьма удовлетворительно».

Заниматься научной работой С. Н. Валк начал еще до окончания университета. Руководителями его на этом пути были А. С. Лаппо-Данилевский и В. И. Семевский. Именно они помогли ему сделать первые шаги на поприще исторической науки. Сохранилась рекомендательная записка А. С. Лаппо-Данилевского к В. И. Семевскому от 12 января 1912 г. такого содержания: «Просьба: если можно, предложите работу Сигизмунду Натановичу Валку, который уже три года серьезно занимается в моем семинарии»¹⁰. С их помощью С. Н. Валк получает работу в энциклопедических словарях Брокгауза — Ефрона и братьев Гранат. В первом из них он выступает как автор статей по истории юго-западных княжений и Литовско-белорусского государства. Выбор этого круга тем не был случаен: Валк занимался этими вопросами у А. Е. Преснякова, читавшего спецкурс «Киевская Русь, Западная Русь и Литовско-белорусское государство». В энциклопедическом словаре Гранат С. Н. Валк поместил свыше шестидесяти статей, преимущественно по истории России и историографии XIX в. В 1914 г. (с 1 января по 1 октября) он работал в редакции словаря в качестве заведующего отделом русской истории.

В этих лучших дореволюционных энциклопедических словарях С. Н. Валк проделал за короткий срок огромную работу и прошел прекрасную и специфическую школу составления научной справки. Жесткие параметры исторической справки, ее краткость, точность, необходимость ответить на обязательный круг вопросов требовали от автора огромной подготовительной работы: просмотра большого количества материала и умения вместить итоги изучения этого материала в отведенный малый объем.

Когда в 1913 г. начал издаваться журнал «Голос минувшего», то В. И. Семевский (он был одним из членов редколлегии) предложил Валку сотрудничество в этом журнале. На страницах «Голоса минувшего» и появляются его первые статьи. Это рецензии на доклад И. И. Любименко, на издание известной записки М. Н. Карамзина «О древней и новой России», работу А. А. Корнилова «Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX в.», на книгу Хенрыка Мосьцицкого о русско-литовских отношениях (на польском языке) и Жана де ля Тура о франко-русском союзе 1806—1807 гг. (на французском языке).

В конце 1914 г. С. Н. Валк получает от А. С. Лаппо-Данилевского приглашение участвовать в подготовке академического издания грамот Коллегии экономии и оставляет в связи с этим работу в словаре Гранат. Однако подготовкой издания грамот Коллегии экономии он занимался по времени сравнительно мало. Шла первая мировая война, и его работа была прервана. В феврале 1916 г. он призывается в армию. Тяжелые итоги для царской России кампании 1915 г. вызвали расширение мобилизационных мероприятий царского правительства: лица, ранее пользовавшиеся льготами, были мобилизованы.

Два года провел С. Н. Валк в армии, будучи рядовым сначала в Ковровском полку, затем в 1-й роте 35-го этапного батальона.

Октябрьская революция освободила С. Н. Валка от военной службы. С возвращением в Петербург начинается новый этап в жизни С. Н. Валка. Некоторое время он преподает в средней школе, а в середине 1918 г. поступает на службу в Главархив.

В Петроград С. Н. Валк вернулся в дни, когда Советская власть делала первые шаги в деле перестройки образования, науки на новой основе, и он активно включился в это строительство. Одной из неотложных задач советской науки в то время была правильная организация архивного дела. Во время первой мировой войны было утрачено много ценных исторических документов, в дни Февральской революции подверглись разгрому архивы Департамента полиции, где хранились документы по истории революционного движения. Нужно было сберечь для потомства эти ценнейшие свидетельства революционной борьбы. Представление о том, какая колоссальная работа была проделана работниками Петроградского историко-революционного архива в первые пять лет его существования, дает статья Г. Л. Соболева и Ю. С. Токарева⁴¹. Статья позволяет представить обстановку и среду, в которой проходила деятельность С. Н. Сбор и перевозка материалов в хранилище, разработка проблем структуры архива, учет, предварительное описание дел, составление справочников, выявление и публикация материалов по революционному движению, подготовка архива к приему читателей, обучение архивистов — вот далеко не полный перечень тех дел, которыми занимались работники архива, в том числе С. Н. Валк, Б. А. Романов, Ш. М. Левин, П. Е. Щеголев, А. А. Шилов и др.

На плечи этих людей легла и практическая черновая работа, и разработка самых азов теории архивного дела, и исследовательская работа по изучению на новых, только что ставших доступными исследователю материалах ключевых проблем революционного движения. Для С. Н. это была совершенно новая область работы, с которой он ранее не соприкасался. И Валк оказался подготовлен к ней. Он много и самоотверженно работает, сначала в должности архивиста в V секции II отдела (архив департамента полиции за 1881—1904 гг.), а затем, с февраля 1919 г. по 1 июня 1926 г., в качестве заведующего отделом.

Если говорить о направлениях интересов и изданных в это время работах С. Н. Валка, то они были посвящены главным образом архивоведению и археографии, с одной стороны, и исследованию революционного движения, преимущественно народнического и социал-демократического, с другой.

С. Н. Валк прекрасно знал ленинградские архивохранилища вообще, и материалы теперешних ЦГАОР и ЦГИА СССР в частности, отсюда его удивительное умение отыскивать нужные материалы среди тысяч дел архивного фонда.

С тех давних лет установились прочные связи ученого с ленинградскими архивами, ЦГИА СССР в первую очередь. Он проработал там в штате до 1932 г., но продолжал с ним сотрудничать и позже, являясь членом ученого совета архива, консультантом и редактором всех его крупнейших изданий.

В 20-е годы устанавливаются прочные связи Валка с Институтом марксизма-ленинизма, которые не порываются до конца жизни. Он был приглашен сотрудничать с институтом (тогда Институтом Ленина) в 1924 г., в 1925—1928 гг. стал штатным консультантом. В это время Институт марксизма-ленинизма делал первые шаги в своей деятельности, и перед ним в качестве первоочередной стояла задача сбора, приведения в порядок и издания документов основоположников марксизма и партийных документов.

С. Н. Валк принял деятельное участие в формировании архива этого института, в его археографической работе. Он был составителем инструкции, на основе которой производилась каталогизация хранящихся в архиве института документов, руководил описанием богатейшего фонда нелегальных социал-демократических листовок. Предшествующий и этот опыт был затем обобщен им в статье «О приемах описания нелегальной листовки»¹².

Кроме того, С. Н. Валк принимал участие в издательской деятельности Института Ленина. 26 января 1924 г. II съезд Советов СССР поручил Институту Ленина срочно подготовить и издать первое полное собрание сочинений В. И. Ленина. С. Н. Валк был привлечен и к этой работе — он принял участие в совещаниях по подготовке издания, ему было поручено составление проекта правил издания Полного академического собрания сочинений В. И. Ленина. И он успешно решил эту ответственную задачу¹³.

С. Н. Валк принимает участие в подготовке к печати крупнейших работ Института Ленина: «Социал-демократические листовки 1894—1917 гг. Т. 1. Библиографический указатель» (Л., 1931) и «Декреты Октябрьской революции» (Т. 1. Л., 1933). Работа над вторым из названных изданий была продолжена с участием ученого уже после Великой Отечественной войны и ведется Институтом марксизма-ленинизма и по сей день.

С. Н. Валк вел преподавательскую работу.

«В 1921 г. — пишет он в автобиографии, написанной в конце 30-х годов, — начал педагогическую деятельность в высшей школе, одновременно в Педагогическом институте им. Герцена

(1921—1924 гг.) и Археологическом институте, затем в университете (1923—1930 гг.) и ЛИФЛИ с 1930 г. и до настоящего времени. Кроме того, одновременно вел занятия с аспирантами-историками Института истории РАНИОН (Москва), Ленингр. отделения Коммунистической академии, Коммунистического университета им. Сталина, Лен[ингр.] отделения Института истории партии и др. В упомянутых учебных заведениях вел занятия и читал курсы по источниковедению, историографии, дипломатике, археологии, исторической документации XVIII—XX вв., сосредотачиваясь на преподавании так называемых вспомогательных исторических дисциплин»¹⁴.

Ученый отдал педагогической деятельности более 50 лет жизни. Более всего он был связан с университетом. У него всегда было много учеников. В чем секрет учительского обаяния Сигизмунда Натановича, что привлекало к нему учеников?

Во-первых, Валк был ученым очень высокого класса, и это сразу понимали соприкасавшиеся с ним студенты. А высокий профессионализм всегда необыкновенно притягателен. Слова «Надо спросить у С. Н., он все знает», которые можно было услышать у студентов, говорят сами за себя.

Во-вторых, он был необыкновенно привлекательным человеком, человеком высокого нравственного уровня. Его доброта, бескорыстие, готовность помочь притягивали к нему умы и сердца студентов.

Для педагогической манеры Сигизмунда Натановича было характерно широкое понимание своей учительской миссии. Для него дело заключалось не только в том, чтобы дать своим ученикам навыки профессиональной работы, но в том, чтобы поделиться всем, что он знал, умел и исповедовал. Он шел в этом за лучшими из своих учителей. Его дом был открыт для учеников, там можно было не только получить нужную книгу, моральную поддержку, но могли накормить, помочь материально. Валк отличался большой требовательностью, был строгим учителем, отмечавшим все ошибки, просчеты, недоделки учеников, и это всегда создавало в учениках ощущение высоты и сложности задачи, которая перед ними стоит, это разрушало возможность процветания самодовольства.

Одновременно он проявлял большую благожелательность, внимательное и уважительное отношение к мнению ученика, поощрял интерес к самостоятельной работе. Он никогда не довлел над учеником, его концепцией или работой, не навязывал своего мнения.

С. Н. Валк, прекрасно знавший методику исторического исследования, никогда не говорил о ней отвлеченно, теоретически, ее главные принципы всегда показывались им при рассмотрении конкретной, даже маленькой, работы.

В 1932 г. С. Н. Валк приходит на работу в Институт книги, документа и письма Академии наук СССР, вошедший позже как составная часть в Ленинградское отделение Института истории

СССР АН СССР, и с тех пор его деятельность до конца жизни связана с этим институтом. Работа в ЛОИИ в смысле занятий источниковедением была для ученого преемственной по отношению к предыдущим занятиям, но тематически она резко изменилась. От документов XIX—XX вв., связанных главным образом с революционным движением, он возвращается к занятиям русским средневековьем, изучению документов по социально-политической истории. Следует, правда, отметить, что, работая в Историко-революционном архиве, С. Н. не совсем прекратил заниматься проблемами феодализма. В 20-е годы он опубликовал рецензии на книги А. С. Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов», В. И. Пичеты «Аграрная реформа Станислава-Августа в Литовско-русском государстве», на посвященный С. Ф. Платонову сборник статей «Грамоты полные», сборник «Грамоты Коллегии экономии».

С. Н. Валк был человеком очень широких научных интересов. Это — археография, источниковедение, дипломатика, историография, архивоведение; это — «Русская правда» и советский декрет, это — грамоты XIII—XV вв. и политические проекты XIX в.; это — русская история XVIII в. и политическая реакция 80-х годов XIX в. И во всех этих отраслях исторического знания, и в исследованиях по всем этим периодам русской истории С. Н. выступает как первоклассный специалист.

Постановлением ВАК от 1 февраля 1936 г. ему без защиты диссертации была присвоена ученая степень доктора исторических наук. С момента поступления в ЛОИИ С. Н. — один из ведущих сотрудников института, принимающий участие во всех его крупных работах. В конце 1941 г. он вместе с институтом уезжает в Ташкент, где не перестает работать как историк, продолжает печататься. В 1944 г. после снятия блокады Ленинграда возникла возможность вернуться в Ленинград. Однако одновременно возникает и препятствие к этому. В конце 1943 г. в Москве при Институте истории образуется сектор вспомогательных исторических дисциплин, и Б. Д. Греков настаивает на том, чтобы С. Н. Валк возглавил его и возглавил задуманное очень широко Архивом и ГАФКЭ «большое публикаторское дело». И хотя вспомогательные исторические дисциплины были истинной страстью историка, а большая публикаторская работа была для него очень притягательна, он остался верен и Ленинграду, и ЛОИИ. Он отказался от предложения. С 1 сентября 1944 г. С. Н. Валк приступил к работе в ЛОИИ¹⁵. Одновременно он приступает и к работе в Ленинградском университете.

Сигизмунд Натанович, которому в это время было около 60 лет, начинает работать с энергией молодого человека. В послевоенный период он сделал необыкновенно много. Здесь и главы в учебниках и коллективных трудах, и издание справочников, сборников документов, многочисленные статьи, и единственная, как это ни парадоксально при столь большой исследовательской работе, книга «Советская археография»¹⁶. Книга ученого подво-

дила итог тридцатилетнему опыту развития советской археографии. В последние годы Сигизмунд Натанович перерабатывал книгу с тем, чтобы обобщить уже более чем полувековой опыт советской археографии, но завершить свой труд не успел.

В ЛОИИ в послевоенное время Валк был сотрудником группы истории СССР периода капитализма и долгое время возглавлял группу.

В последние 10—15 лет жизни С. Н. постоянно занимался тремя очень трудоемкими и ответственными изданиями, выступая в разных качествах: составителя — в «Декретах Советской власти», редактора и издателя «Истории Российской» В. Н. Татищева и ответственного редактора ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины». Издание «Вспомогательных исторических дисциплин» (с 1968 г.) было давней, пожалуй, тридцатилетней мечтой ученого. Он высоко ценил тот сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», который вышел в 1937 г. и остался единственным. Там была помещена его большая статья «Начальная история древнерусского частного акта». Руководить таким изданием было делом чрезвычайно трудным, ибо не так много исследователей-историков специально занимаются вспомогательными историческими дисциплинами, и всегда возникали естественные трудности с комплектованием каждого тома. Но С. Н. Валк неутомимо, с любовью вел эту работу.

С. Н. Валк успел полностью сделать семь томов «Вспомогательных исторических дисциплин» и начать работу над восьмым, но завершить ее не успел. В самое последнее время С. Н. работал много (хотя сам он считал, что работает меньше, чем прежде). Одной из задач, которые он перед собой ставил, было: написать и воздать должное тем деятелям исторической науки, которых он знал, с которыми вместе работал, оставить их живые портреты. Отсюда продолжение серии статей о Б. Д. Грекове, И. И. Любименко, И. И. Смирнове, Б. А. Романове, П. А. Голубцове, В. А. Петрове, Е. В. Тарле, Н. П. Павлове-Сильванском. Он собирался написать об А. С. Лаппо-Данилевском, П. Ф. Куделли, С. Н. Чернове.

Он умер, подкошенный старостью и тяжелыми недугами, но в расцвете творческих сил.

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на ученом совете ЛОИИ СССР АН СССР в декабре 1976 г.

² Совместное заседание Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, посвященное памяти С. Н. Валка: Хроника заседания. Выступления С. О. Шмидта, Ю. А. Ахапкина, В. И. Буганова, Л. В. Черепнина, С. В. Чирко-

ва.— В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977, с. 280—310; *Копанев А. И.* Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978, т. 9, с. 81—99; *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978, т. 10, с. 55—70.

- ³ Архив ЛОИИ СССР АН СССР, ф. 297 (С. Н. Валка), оп. 1, д. 1, л. 3.
- ⁴ Там же, л. 10.
- ⁵ Там же, л. 12.
- ⁶ Валк С. Н. Борис Александрович Романов.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 8—9.
- ⁷ ЛО Архива АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 278, л. 87—91 об. Без даты. Сообщено Г. И. Греховой.
- ⁸ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет.— В кн.: Труды Юбилейной научной сессии: Секция исторических наук. Л., 1948, с. 57.
- ⁹ Там же, с. 63—64.
- ¹⁰ Архив ЛОИИ СССР АН СССР, ф. 297, оп. 1, д. 1, л. 24. Копия (подлинник — ГИМ, ф. 154, оп. 1, д. 6, л. 17).
- ¹¹ Соболев Г. Л., Токарев Ю. С. Петроградский историко-революционный архив в первые годы Советской власти (1918—1923).— В кн.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посвящ. 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л., 1964, с. 6—14.
- ¹² Библиография, 1929, № 2/3, с. 15—26.
- ¹³ Проект правил издания трудов В. И. Ленин. М.; Л., 1926.
- ¹⁴ Из личного дела С. Н. Валка, хранящегося в канцелярии ЛОИИ АН СССР.
- ¹⁵ См. личное дело С. Н.
- ¹⁶ Вопр. истории, 1951, № 5, с. 98—100.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ ЛАВРОВСКИЙ

(человек и ученый)

М. А. Барг

Не сомневаюсь: со временем о Владимире Михайловиче Лавровском — одном из выдающихся представителей московской аграрно-исторической школы, о его вкладе в сокровищницу исторических знаний, будет написана монография. Боюсь, только одного будет недоставать ее автору: знакомства — не по письмам и отзывам современников, а сугубо личного, складывающегося постепенно, в результате многолетнего живого и непосредственного научного и человеческого общения — с историком неповторимого научного склада и яркой индивидуальности.

Между тем без такого знакомства невозможно, даже при наличии богатого воображения, раскрыть многие важные грани научно-исторического творчества. Назовем хотя бы в качестве примера такую грань его, как научная этика. Известно, какое место в работе историка она занимает, сколь обширное поле здесь оставлено научной совестью и, более того, «простой» человеческой совестью исследователя.

Что такое научная истина в истории, какими путями она вернее всего достигается? Сколь мучителен процесс преодоления собственных мнений и предубеждений? Как часто сталкиваются заманчивость исходной гипотезы и противоречащие ей свидетельства источника и какое мужество необходимо для отказа от созданного собственным воображением воздушного замка во имя брэнной почвы последних? Одним словом, как соотносятся историк и человек?

Эти и подобные ей грани научного творчества историка лишь частично, косвенно отражены в результатах его исследования. Зато как полно они раскрываются в процессе повседневного наблюдения за ходом его исследования, за его отношением к собственному и чужому труду, в долгих дискуссиях и мимолетных замечаниях, иными словами, в тех проявлениях научного кредо, которые ни в каких архивах не откладываются. Соотношение абстрактных и прагматических, психологических и эстетических предпосылок исследования и его конечного результата — книги можно сравнить с соотношением между извержением вулкана и застывшей лавой.

Поистине академическая историографическая критика крайне обедняет индивидуальность историка, поскольку обычно для нее существует не процесс историографии, не лаборатория ученого, а лишь написанное им. (И даже последнее она анализирует только с точки зрения явно сказанного, оставляя нераскрытым план, имплицитно содержащийся в том же тексте.) А ведь научный труд историка — это одновременно исповедь и исследователя, и человека, это его научное кредо, которое нам либо недосуг, либо еще не под силу выявить. Когда же мы научимся это делать, книга перестанет быть ширмой, скрывающей от мира лицо автора, она станет зеркалом, многогранно отражающим его личность, его человеческое «я».

Быть учеником подлинного учителя не только редкое счастье и привилегия. Наступает, однако, время, когда о себе властно заявляет и долг: во имя научной преемственности школы, во имя передачи молодому поколению исследователей хотя бы части впечатлений, мыслей, почерпнутых в общении с ним, — попытаться сохранить его живые черты.

Случилось так, что первое мое знакомство с Владимиром Михайловичем Лавровским произошло не в Москве, а в далекой от нее Фергане, и не в университетской аудитории, а в городском агитпункте. Теперь почти невозможно себе представить, каким образом этот сравнительно небольшой в военные годы городок, в значительной своей части глинобитный, смог приютить, разместить и обеспечить элементарные условия для нормальной работы двум московским вузам — Институту востоковедения и 3-му Медицинскому институту. Сюда была эвакуирована довольно большая группа видных ученых, и среди них — Владимир Михайлович Лавровский.

Декабрь 1941 г. Несмотря на отдаленность от фронта, город жил его нуждами. Круглосуточно работали его предприятия, функционировало несколько эвакуогоспиталей, шел сбор теплых вещей для фронтовиков. Всеми своими делами и помыслами люди находились на передовой линии огня.

И однажды — я глазам своим не поверил: проходя мимо городского агитпункта, я прочел написанную чернилами на листе оберточной бумаги афишу, сообщавшую, что «в агитпункте состоится лекция на тему „Возникновение английского парламен-

та". Лектор — профессор В. М. Лавровский». Что это: признак «глубокого тыла», проявление академической отрешенности от «треволнений жизни» или наглядное свидетельство гражданского мужества лектора, его абсолютная уверенность в конечной победе правого дела? И я решил пойти на лекцию. Мне просто не верилось, что в годину невиданного лихолетья подобная тема может кого-нибудь привлечь в этом страдающем от военных лишений и зимнего ненастья (жилые дома почти не отапливались) городке. Вот если бы речь шла об обзоре последних событий на фронте или иной актуальной теме, зал был бы переполнен! Люди повседневно, ежечасно жаждали военных и политических новостей. А тут... Седая древность далекой страны, тема, казалось бы, абсолютно оторванная от того, чем жили в те дни советские люди. Неужели кто-нибудь ринется в темень раскисших от мокрого снега улиц, чтобы услышать нечто школьное, отдающее учебником? С такими мыслями я направился в лекторий и... О чудо! К назначенному часу аудитория была переполнена. Помимо большой группы студентов я заметил немало военных, еще больше городских жителей, преимущественно женщин. Сидели, в чем пришли, — зал согревали собственным дыханием.

Лекция началась... В манере чтения В. М. Лавровским публичных лекций не было и намека на артистизм. Замечу только: Владимир Михайлович читал подготовленный текст лекции слово в слово, вода левой рукой по строчкам страницы, а правой как бы отбивал такт, пристукивал по кафедре. Никаких отступлений, словесных изысков, поражающих воображение сравнений. Внешне сухая, академическая лекция, рассчитанная на студенческую аудиторию. Но как ее слушали, какая тишина стояла в этом плохо освещенном, промозглом зале! Поначалу не верилось, но я воочию убеждался: судьба Симона де Монфора, предводителя баронского восстания XIII в., создавшего первый английский парламент (1265 г.), волновала слушателей, в аудитории царила какая-то заинтересованность в благополучном исходе его дела — ограничении произвола королевской власти волей парламента. Чуткость аудитории к человеческим страданиям, ее сочувствие угнетенным, пусть в далекие времена, была беспредельной. По окончании вопросов по существу не было, лектора проводили благодарными аплодисментами. Успех был очевиден. Вскоре в том же агитпункте был объявлен цикл лекций Владимира Михайловича по истории английской конституции. С теми же лекциями он выступил в госпиталиях, военкомате, перед воинами, отправлявшимися на фронт. И везде он становился близким, дорогим человеком. В устах Владимира Михайловича средневековая история становилась действенным инструментом воспитания гражданственности, патриотизма. Признаться, я долго разгадывал эту психологическую загадку: в чем секрет успеха столь неактуальной — хронологически и по звучанию — проблематики лекции? Ответ складывался из многих компонентов: ностальгия людей по мирному времени, столь беспощадно взорванному войной; протест

против мракобесия и варварства врага; несомненно, присутствовал и момент актуальности политической — Англии являлась членом антигитлеровской коалиции, нашей союзницей в войне, ее политический строй воспринимался как историческое отрицание режима фашистской диктатуры.

Однако главным фактором успеха был, несомненно, сам лектор: его высокий профессионализм, уважение к слушателю, проявлявшееся в доверии к его способности многое додумать самостоятельно. Отсутствие малейшей рисовки, полная естественность, «обычность» слов и жестов, его спокойная уверенность в конечном торжестве правды и добра, уверенность, опиравшаяся на опыт многовековой истории, его увлеченность, неподдельный гражданский пафос, весь его невоенный, сугубо штатский вид — всё это покоряло слушателей. Лектор и то, как он делал свое дело, становились для людей источником бодрости и надежды, осознания гражданского долга.

Владимир Михайлович как лектор преподавал нам, его слушателям, важный урок: нельзя убедить другого в том, в чем ты сам не убежден, — фальшь, облеченная в самые «возвышенные» и «благородные» слова, неизбежно обернется презрительным равнодушием даже самой неискушенной аудитории.

Столь же замечательными были отношения Владимира Михайловича Лавровского со слушателями-студентами. Долгие годы связывали его с Московским университетом, в котором он сам учился и формировался как ученый, здесь же он преподавал около трех десятилетий. Отношения с учениками он строил на «трех китах»: во-первых, правда в большом и малом; во-вторых, человеческое доверие и доброжелательность; в-третьих, доступность и исключительная отзывчивость. Конечно, находились нерадивые, а то и просто плохо воспитанные молодые люди, которые злоупотребляли этими качествами учителя, чтобы получить незаслуженный «зачет». Однако таких были единицы. Большинство же студентов высоко ценило эти качества профессора и отвечало ему тем же — к нему по-человечески привязывались, ему открывали сердца, к нему шли за советами, и не только в вопросах науки. Он был в лучшем смысле слова наставником студенчества.

Учил Владимир Михайлович преданно, самозабвенно, не считаясь со временем. Вопросы разъяснял до мельчайших деталей. Поистине злостно нерадивым должен был быть ученик, чтобы не успевать по курсам, читавшимся Владимиром Михайловичем.

Сколь специальными были исследовательские интересы Владимира Михайловича, столь же широкими и разнообразными по своей проблематике были его специальные курсы. Назовем для примера хотя бы некоторые из них, читавшиеся в Московском университете: 1) «История крестьянства Западной Европы в средние века и новое время», 2) «История музыки», 3) «История средневековых ересей», 4) «Английская революция XVII в.», 5) «История европейской культуры в XVI—XVII вв.». Свои кур-

сы Владимир Михайлович готовил тщательнейшим образом, почти ежегодно их обновлял и переписывал. Они по сей день хранятся в Архиве АН СССР, почти полностью подготовленные к публикации.

Как уже говорилось, по форме лекции Владимира Михайловича были полностью лишены внешних атрибутов «красивости» — они апеллировали не к чувствам, а к разуму слушателей. Это были строго продуманные, глубокие по содержанию — истинно академические — лекции. Такого типа лекции, вероятно, читались в свое время его любимыми учителями — Д. М. Петрушевским и А. Н. Савиным. Подобные лекции рассчитаны на думающего студента. В них нет многих красочных деталей, зато глубоко вскрывается суть вещей. Это лекции, в значительной степени готовые к чтению специальной литературы по затрагиваемым проблемам, вооружающие студента теоретическим инструментарием, необходимым для самостоятельного анализа авторских позиций, решений. Сдавать экзамен по таким лекциям чрезвычайно трудно. Но для подготовки к экзамену они просто незаменимы. К сожалению, эта традиция университетской лекции ныне не столь популярна, как она того заслуживает. С этой точки зрения было бы в высшей степени полезно опубликовать хотя бы один из сохранившихся в рукописях специальных курсов В. М. Лавровского. Молодому университетскому лектору было бы чему поучиться¹.

Особенно интересными были просеминарские и спецсеминарские занятия, руководимые Владимиром Михайловичем. Методика этих занятий исходила из презумпции: каждый участник семинара — будущий исследователь. Отсюда задача — учить студента самостоятельно мыслить, глубоко и разносторонне анализировать исторический текст, будь то историческая монография или оригинальный источник. Текстологический анализ, любил повторять Владимир Михайлович, в конечном счете основа мастерства историка. Богатство содержания текста раскрывается при прочих равных условиях благодаря разносторонности и филигранности приемов его анализа, и Владимир Михайлович учил этим приемам терпеливо и настойчиво. Помню: на занятии, посвященном анализу одного из важнейших документов Английской революции — так называемой Великой Ремонстрации, Владимир Михайлович спросил: как решался в этом документе — декларации Долгого парламента — крестьянский вопрос? Присутствовавшие на занятии студенты долго искали ответ (ведь документ, следует заметить, обширнейший) и наконец чуть ли не хором объявили: «Здесь об этом ничего не сказано». Во-первых, заметил руководитель, если «ничего не сказано», то в самом умолчании заключена вполне определенная позиция составителей документа, посчитавших за благо обойти крестьянский вопрос. Во-вторых, сказать можно прямо, называя вещи своими именами, но можно и косвенно, скрытно. Признать нерушимость норм общего права, как это сделано в Ремонстрации, и значило отрицать владельческие права массы традиционных держателей-крестьян. Второе вы-

текает из первого, и оно столь же несомненно содержится в документе, как и первое, хотя прямо о нем, действительно, «ничего не сказано». Это был урок мастерства анализа текста, который, думается, участники семинара никогда не забудут.

Неотъемлемой стороной педагогического дара В. М. Лавровского была его глубокая, доходившая буквально до самоотречения отзывчивость. Примером того, какой большой души был этот человек, может служить следующий случай. Совершенно незнакомая ему студентка в далеком от Москвы городе в результате железнодорожной катастрофы лишилась обеих ног. Владимир Михайлович был буквально потрясен, узнав об этом, и с тех пор посвятил много сил и энергии, чтобы облегчить участь девушки. Он писал ей письма, хлопотал в различных инстанциях, наконец не удержался и поехал ее навестить. Он остался преданным ее другом до конца своей жизни. В том, что дальнейшая судьба этой студентки сложилась благополучно: она окончила учебу в институте, обзавелась семьей, интересно работает, он видел частичку собственной удачи. Он был счастлив тем, что угроза глубокого несчастья была отведена еще от одного человека.

И еще одна черта Владимира Михайловича — он органически не выносил несправедливости, где бы, кем бы и по отношению к кому бы она ни была допущена. В профессорской среде (впрочем, только ли в ней?) можно, как мне представляется, наблюдать три формы реакции на очевидные факты несправедливости. Первая — реакция сквозь призму «собственных интересов», включая покой. Вторая проявляется обычно как «возмущение», высказанное в стенах собственного кабинета, а за ее пределами — соблюдение личной непричастности к подобного рода фактам. Наконец, третья (к сожалению, наиболее редко встречающаяся) форма — публичное возмущение несправедливостью и борьба за устранение, исправление ее. Не побоюсь этого слова, Владимир Михайлович был рыцарем благородным, честным, бескорыстным на ниве добра и справедливости и борцом бескомпромиссным. Он буквально лишался сна и покоя, когда узнавал о безнравственных — особенно в ученой среде — поступках, и не боялся говорить открыто, что он думает по каждому такому поводу. Я не уверен, сознавал ли он всегда, как дорого обходилось ему его правдолюбие, — во всяком случае, он никогда об этом не думал и не сожалел, что ввязывался в борьбу со злом. Поистине: благо ближнего было для него выше собственного блага. Делить чужое горе, брать на себя хотя бы часть чужой ноши, поддерживать дух, вселять надежду — таким был нравственный императив этого человека. Да поверит мне читатель: хоть я пишу о друге, но я беспристрастен! Немало свидетелей этого живет еще на земле, и они могут не только подтвердить мои слова, но и многое добавить к ним.

Наблюдая в течение нескольких десятилетий поведение Владимира Михайловича в различных жизненных и научных ситуациях, нельзя было не прийти к заключению, что стремления творить добро в жизни и отстаивать святость истины в науке для

него были неразрывны. Нельзя «раздваивать» личность: «Каким человек показал себя в жизни, таким он будет и в науке», — любил он частенько повторять. И, чтобы завершить портрет ученого, добавлю еще один штрих: В. М. Лавровский был человеком разносторонне одаренным. Талант исследователя сочетался в нем с незаурядными музыкальными способностями. Под руководством Гнесиных он изучал теорию и историю музыки, основы композиции. Он не только великолепно исполнял фортепьянные пьесы (его любимым композитором был Скрябин), но и сам сочинял то, что он называл этюдами (на более крупные вещи не хватало времени). Он был в то же время страстным путешественником, альпинистом (свое 70-летие он отмечал на Эльбрусе), горнолыжником, яхтсменом. Увлеченность, оптимизм, упорство в достижении цели, трудолюбие, общительность — таковы черты характера этого человека, которого легко было счесть кабинетным ученым.

* * *

Как исследователь В. М. Лавровский формировался под влиянием двух, казалось бы, противоположных по своему духовному складу ученых — Д. М. Петрушевского и А. Н. Савина. От первого он воспринял склонность к широким историческим построениям, к раскрытию социологической сущности исторических фактов, умение за частным видеть общее, в локальном и особенном — проявление общеисторической закономерности. Эта близость к историко-социологическому методу Д. М. Петрушевского проявилась особенно наглядно в лекционных курсах В. М. Лавровского, в которых очень немного конкретных фактов, но зато запечатлена интенсивная работа исторической мысли, опирающаяся на исчерпывающее знание всех изломов исторического процесса, но освобождающая от них повествование во имя отчетливости обобщений. Известно, что исторический факт Д. М. Петрушевский не раскрывал во всей его многосторонности (нередко весьма противоречивой), он чаще всего анализировал одно из его значений, которое — в свете данной общей идеи — оказывалось главным, ведущим. Этим же определялось место данного факта в общем построении. Отсюда столь впечатляющая логическая стройность, цельность построений этого ученого.

А. А. Савин был его полной противоположностью, хотя конечная цель его исследований была та же — создание широких исторических полотен: достаточно вспомнить его магистерскую диссертацию «Английская деревня в эпоху Тюдоров». Однако к той же цели он шел совершенно иным путем. Чтобы остаться историческим, плотно, по его убеждению, должно быть мозаичным, общее должно вырисовываться из противоречий, т. е. представлять как многообразие. Его можно изобразить скорее пунктирно, чем обрисовать четкими, завершенными линиями. Иными словами, поскольку исторические факты внутренне противоречивы и многолики и не выстраиваются в прямую, нацеленную к одной точке

линию, а сплошь и рядом образуют перекрестки и лабиринты, постольку общее — это всегда совокупность разнородного. Но, в таком случае, как быть с выводами, которые по необходимости должны быть определенными? Исследователю, который подобным образом желает до конца стоять на почве фактов, остается один выход: сравнивать разновременные совокупности однородных фактов и заключить по перестановкам в этих конstellациях о характере сдвигов, происшедших за сравниваемый отрезок времени. Хорошо, если эти сдвиги можно измерить, вычислить. Отсюда известная приверженность А. А. Савина к статистическим методам исторического исследования.

Исторический факт в исследовательской лаборатории А. А. Савина занимает, таким образом, принципиально иное место, чем в лаборатории Д. М. Петрушевского. Факт в понимании Савина — начало и конец исторического исследования, он непригодный материал для строительства стройных концепций, систем, которые чужды духу истории. Это «мир в себе», и поэтому он не может быть схвачен одним определением. Не лучше ли временами отказаться от заведомо негодных попыток его определить? Идеал науки — точное его описание... Пусть полнее предстанет его многозначность.

Мы остановились на этих особенностях научно-исторического метода учителей В. М. Лавровского, чтобы отчетливее выявилась его самобытность. Владимир Михайлович своими трудами доказал, что противоположность аналитического и синтетического методов его учителей остается неподвижной только в рамках идеалистической и метафизической теории и методологии исторического познания.

На базе же диалектико-материалистической методологии истории эти, казалось бы, взаимоисключающие исследовательские процедуры на самом деле дополняют друг друга. Как стороны диалектической противоположности они пронизывают каждый шаг исследования, выступая поочередно на первый план на соответствующем его этапе. Должен заметить, что Владимир Михайлович Лавровский был глубоким знатоком теоретико-методологического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. К нему он неоднократно обращался в своих работах, от него отталкивался при обосновании отдельных исследовательских методов². Это обстоятельство дало ему почву для критического пересмотра методик своих учителей.

Заимствуя у них, он не повторял их, а творил нечто новое, только ему принадлежащее.

В результате в исследованиях В. М. Лавровского сочетаются: исключительное внимание к фактам, к малейшим деталям изучаемых явлений и социологическая определенность научных выводов; следование за стихией источника и строгое подчинение исследовательских процедур синтезирующей мысли; полная активность в передаче свидетельств источника и последовательная научная позиция в оценке их познавательного значения.

Одним словом, предельная строгость, точность в обращении с фактом и ясность и определенность в истолковании его сути.

В этом легко убедиться, обратившись к научному наследию В. М. Лавровского. Однако нас интересует вопрос более общего характера: какое место занимает это наследие в советской исторической науке наших дней? Известно, что труды Владимира Михайловича включают исследования по самым различным проблемам всеобщей истории³. Это прежде всего цикл работ по истории Английской революции XVII в., по источниковедению, по истории чартизма; наконец, работы последних лет, касающиеся методологии истории.

Однако в золотой фонд советской историографии, это общепризнано, вошли прежде всего его исследования по истории английской деревни XVII—XVIII вв. Именно в данной области его вклад в науку имеет непреходящее значение. Проблема, ставшая делом всей его научной жизни, может быть сформулирована следующим образом: решающие стадии в процессе обезземеления английского крестьянства и образование крупного поместья нового времени. Именно ей он посвятил две основные свои монографии: «Парламентские огораживания в Англии конца XVIII — начала XIX в.» (М., 1940) и «Исследование по аграрной истории Англии XVII—XVIII вв.» (М., 1966). Несмотря на то, что их разделяет без малого три десятилетия и что они написаны хронологически в обратном порядке — от конечной фазы уничтожения традиционного строя поземельных отношений во имя торжества капиталистического земледелия к историческим предпосылкам этого процесса в XVII в. — эти монографии являются результатом единого научного замысла: представить процесс обезземеления английского крестьянства в решающие для его исторических судеб столетия в его: а) основных фазах, б) важных механизмах и факторах, в) конкретно-историческом течении, г) конечных результатах. Наиболее оригинальна в этих монографиях не проблема сама по себе. Известно, что она была во всем ее значении и объеме впервые поставлена К. Марксом. В. М. Лавровский сам неоднократно на это указывает. Подлинной оригинальностью отличаются: а) источники, привлеченные В. М. Лавровским для решения указанной проблемы, б) методы их обработки; в) ответ на вопрос об итогах данного процесса на почве классической страны капитализма — Англии. Работа В. М. Лавровского с источниками — неповторимая научная школа для молодых исследователей. И если эта школа со временем устареет — новые методы на наших глазах властно вторгаются на ниву исторического исследования, — школа В. М. Лавровского все равно сохранит свое значение в истории науки как ступень на пути к этим методам.

Рассмотрим несколько подробнее указанные монографии. Основная проблема первой из них звучит предельно просто: как была — в результате парламентских огораживаний конца XVIII — начала XIX в. — поделена подвергшаяся им площадь (общинных полей и других общинных земель) между различны-

ми классами населения английской деревни? Каковы итоги этой огромной земельной мобилизации, которая произошла в связи с парламентскими огораживаниями? На эти вопросы не давала ответа ни одна из выполненных до В. М. Лавровского работ. Что касается общего хода парламентских огораживаний и доли территории страны, которая ими была охвачена, то ответ на этот вопрос уже дали предшествующие исследователи (в частности Слотер), и В. М. Лавровский в общем и целом с ними согласился. «Точность его,— заключил он по этому поводу — практически достаточна для того, чтобы составить известное представление о размерах огораживаний данного периода...» (с. 28). Однако Слотер изучал акты парламентского огораживания, которые содержат (правда не всегда) данные о размерах огораживаний в том или другом приходе, но никогда не содержит данных, позволяющих установить, как распределялась огороженная площадь между различными классами сельского населения. Это — основной из интересовавших В. М. Лавровского вопросов. Чтобы решить его, нужны были принципиально иные источники, а именно приговоры об огораживаниях (awards), составлявшиеся парламентскими комиссарами (во исполнение соответствующего акта парламента), и воссоздающие детальную картину распределения земельной собственности в приходе, подвергшемся огораживанию.

В. М. Лавровский был первым историком, обратившимся к изучению этого ценнейшего и труднейшего источника не для одного или нескольких приходов, а для всей страны.

Для своего времени, когда на вооружении историка находились статистика на уровне четырех действий арифметики и бухгалтерские счета, постановка и решение подобной задачи были трудовым подвигом. Этим он проложил дорогу, которой впоследствии пошли другие исследователи данной проблемы, в том числе в самой Англии. Немалый научный интерес представляет примененный В. М. Лавровским метод отбора и обработки упомянутых источников. Эти источники отличались не только новизной, но и бесконечной дробностью. Каждый приговор освещает положение вещей только в одном и реже — в нескольких приходах.

Огромное число хранящихся в Лондонском публичном архиве приговоров об огораживании для периода высшего подъема волн парламентских огораживаний (1793—1815) заставило В. М. Лавровского отказаться от метода сплошных подсчетов и пойти по пути такого выборочного статистического исследования, которое не превратило бы его в локально ограниченное, т. е. сохраняло бы *общеанглийский* горизонт. Соблюдая принцип случайности в критерии отбора приговоров (к примеру — наличие в приговоре сведений об огораживании общинных полей, а не только выгонов и пустошей, наличие карты огораживания для того же прихода, что и приговор, и т. п.), В. М. Лавровский отобрал 51 приговор, относившийся к одному или нескольким приходам в 25 графствах, т. е. к району, затронутому в указанный период парламентскими огораживаниями. 51 приговор составил 5% всех

актов парламентарских огораживаний (включавших и открытые поля) и покрывал 5,6% площади, подвергшейся данному типу огораживаний. Ко времени осуществления В. М. Лавровским указанных подсчетов математическая статистика доказала возможность получения удовлетворительного, т. е. научно обоснованного ответа даже на основе 2% выборки. Прodelанный В. М. Лавровским эксперимент и полученный им результат блестяще подтвердили познавательные возможности выборочного статистического метода при условии строгого соблюдения принципа случайности в отборе документов из наличной их совокупности.

Особо следует остановиться на самих подсчетах. Каждому историку аграрных отношений хорошо известно, что любой подсчет архивных данных, относящийся к достатистическому периоду — до начала XIX в., — является формой их толкования, и не только в том смысле, что их сплошь и рядом приходится буквально расшифровывать, но прежде всего потому, что он связан с терминами, которыми обозначены подсчитываемые данные (состояния, функции, отношения и т. д.). Но если это так, то различные прочтения одних и тех же данных приведут к разным результатам. Следовательно, когда подсчеты в историческом труде называют скрупулезными, то имеется в виду не только бухгалтерская техника, это элементарное условие точности, — речь идет прежде всего о тонкости анализа терминологической подосновы подсчетов исторических данных.

В данном случае В. М. Лавровскому пришлось столкнуться с нелегкой задачей истолкования таких крайне зыбких терминов, о которых в литературе высказаны самые противоречивые суждения, как «yeoman», «mister», «farmer» и др.⁴ Не выполнив самой глубокой аналитической работы, связанной с привлечением многочисленной специальной литературы — юридической, экономической и агрономической, за подсчеты данных приговоров огораживаний нечего было и братья. Я пишу об этом для тех молодых историков, которые в упоении успехами «новых методов» хотели бы переложить весь труд подсчетов на роботов. Должен их огорчить: аналитическую работу, предшествующую всяким подсчетам исторических данных, *всегда* придется выполнять самому историку. Эту основу основ социально-экономико-исторического исследования, попросту говоря, никому доверить нельзя.

Владимир Михайлович Лавровский показал себя не только прекрасно эрудированным в специальных вопросах английского права, агрокультуры и экономики XVI—XVIII вв. и поэтому тонким аналитиком статистических данных, но и «дотошным бухгалтером». Он никогда не позволял себе округлять даже доли не то что фунта или шиллинга, но и пенса, не то что акра, но и руды или перчи. Даже в сводной таблице своей первой крупной монографии (с. 72—73) он вычисляет земельную площадь до дробных долей перча, приводит десятые доли процента, хотя никакого значения для искомого ответа не имели бы даже десятки акров и соответствующий им процент. Я неоднократно был свиде-

телем повторных подсчетов одних и тех же данных, когда сложение процентов давало в итоге не 100, а 99 с десятными процента.

Правда, никто из последующих исследователей парламентских огораживаний не повторил подсчетов В. М. Лавровского. Но я уверен, что, если бы такой скептик и нашелся, то изменить существенно его выводы он все равно не сумел бы. Может быть, именно поэтому полемику с основными выводами исследования В. М. Лавровского ведут не на языке статистики, а с помощью терминологических ухищрений.

Итак, ответ на основной вопрос, каковы социально-имущественные итоги парламентских огораживаний, как распределялась огороженная земля между различными классами сельского населения, навсегда останется в науке связан с именем В. М. Лавровского. Это тот камень в здании исторических знаний, которому суждено остаться незыблемым! Напомним этот ответ: из общей площади 91775 акров огороженной земли в изученных приходах 55,9% принадлежало короне и дворянству (*nobility* и *gentry*). Таков результат концентрации землевладения в приходах, оставшихся неогороженными вплоть до конца XVIII — начала XIX в. (т. е. сохранявших черты архаизма в виде остатков системы общинных полей и выгонов). Поэтому имеются все основания полагать, что в приходах, подвергшихся огораживанию значительно раньше, этот процесс был еще более ярко выражен. 15,6% огороженной земли в изученных приходах получило духовенство. Таким образом, на эти два близких по своим интересам класса приходилось 71,5% земельной площади, подвергшейся огораживанию. На долю же собственников крестьянского типа оставалось (за вычетом земли, отведенной университетам, госпиталям, городским элементам) 22,5% огороженной площади.

В сознании молодого поколения всеобщих историков хотелось бы закрепить еще один непреходящий результат исследований В. М. Лавровским парламентских огораживаний в пору их наибольшей интенсивности. Речь идет о *степени дифференциации собственников крестьянского типа по приговорам об огораживании*. 62,8% этих собственников вновь огороженной земли владели участками площадью менее трех акров, на их долю приходилось только 5,4% упоминаемой в приговорах земельной площади. На другом полюсе 38 собственников «крестьянского типа», владевших участками свыше 100 акров, владели в общей сложности 29,7% общей площади крестьянского землевладения. Итак, если приблизительно $\frac{2}{3}$ крестьян в огороженных приходах в 1793—1815 гг. — это деревенская беднота, тесно примыкавшая к безземельным сельскохозяйственным рабочим (составляя слой тех же рабочих, но с крохотным наделом), то немногочисленная группа сельских богачей вплотную примыкала к капиталистическим фермерам, к джентри. Эти данные ярче всяких слов характеризуют социальные последствия процесса огораживания вообще и их завершающей стадии в особенности. Они сводят на нет все попытки «доказать», что и после огораживаний числен-

ность мелких собственников в английской деревне не только не сократилась, но нередко даже возрастала. Своими исследованиями дифференциации крестьянства в огороженной деревне В. М. Лавровский выбил почву из-под ног явных и неявных запоздалых апологетов огораживаний, поскольку он сделал невозможным ограничиваться указанием на «численность» мелких собственников, отвлекаясь от вопроса о характере их собственности.

Наконец, хотелось бы обратить внимание на глубокое теоретическое содержание этого исследования, на остроту социологической мысли, которая сопровождала каждый его шаг. Уже во Введении мы читаем: «Маркс рассматривал аграрное развитие Англии не как «специфический», а как наиболее яркий, *классический* пример развития капиталистического способа производства в сельском хозяйстве» (с. 10). Этим В. М. Лавровский подчеркивал принципиальное различие между типологией исторических явлений по их внешнему признаку и типологией тех же явлений по их сущности. Следуя логике первой из них, легко прийти к выводу: огораживания — специфически английское явление. Если следовать Марксовой типологии, то английское огораживание лишь наиболее ярко отразило суть процесса первоначального накопления, лежащего в основе всемирно-исторического перехода от феодализма к капитализму. Имея в виду методологическое значение определения К. Марксом «английского пути» как классического, В. М. Лавровский пишет: «В этом и состоит основное значение поставленной Марксом проблемы обезземеления английского крестьянства, проблемы экспроприации земли у мелких землевладельцев» (с. 10). Гибель мелкого хозяйства, основанного на парцеллярном крестьянском землевладении, — не результат стечения местных обстоятельств, а проявление постоянной тенденции и закон развития капиталистического способа производства. Парламентские огораживания в Англии — завершающий этап насильственного (хотя и «законными» средствами осуществленного) процесса превращения крестьянской собственности в форму собственности, соответствующей капиталистическому способу производства. Важное методологическое значение выводов исследования В. М. Лавровского для всех аграрных историков нового времени не подлежит сомнению.

* * *

Книга, завершившая исследовательский путь ученого — «Исследование по аграрной истории Англии XVII—XVIII вв.», как уже отмечалось, является логическим продолжением первой монографии, хотя хронологически должно было быть наоборот. По существу в ней автор на основе ценнейших и малоизученных архивных источников, так называемых манориальных описей и ренталей, — создал широкое полотно, отобразившее социальные процессы, протекавшие в английской деревне в период, предше-

ствовавший парламентским огораживаниям. Замысел подобной работы был унаследован Владимиром Михайловичем от А. Н. Савина, успевшего в своих этюдах об отдельных манорах лишь наметить путь, по которому следует идти. Большое и непроходящее значение подобной работы заключается в том, что в ней предстояло ответить на актуальнейший вопрос: как повлияло на судьбы английского крестьянства как класса аграрное законодательство Английской буржуазной революции середины XVII в.?

К сожалению, В. М. Лавровский не имел возможности при подготовке данного труда работать в английских архивах. Все, чем он располагал, сводилось к выпискам из манориальных описей и ренталей, сделанных в свое время А. Н. Савиным для трех-четырёх маноров. Ценнейшей особенностью этих выписок являлось то, что для каждого из указанных маноров были подобраны документы по ряду хронологических срезов (к примеру: конец XVI в.—30-е годы XVII в.—период революции—конец XVII в.—начало XVIII в.). Если бы подобная подборка имела бы хотя бы для нескольких десятков маноров, разбросанных по основным сельскохозяйственным районам страны, советская наука получила бы совершенно уникальный по проблематике и исследовательской методике социально-исторический труд.

В. М. Лавровский сделал все возможное, чтобы с помощью английских коллег, в частности профессора М. М. Постана, получить архивные материалы для дополнительного числа маноров. В результате этих усилий в его распоряжении оказалась более или менее полная подборка документов для истории 13 маноров, относящихся к девяти графствам. Разумеется, этого было крайне недостаточно для решения столь огромной важности научной задачи. Однако и то, что было создано на этом документальном материале, столь бесценно с точки зрения теоретической и исторической постановки проблемы, с точки зрения исследовательской методики, что продолжение этой работы представляется неотложной задачей марксистской историографии наших дней. Важно подчеркнуть: никто, кроме историка, стоящего на марксистских теоретико-познавательных позициях, эту задачу не решит; с другой стороны, никакой иной историографии, помимо марксистской, это решение не представляется столь важным.

Итак, центральную проблему аграрной истории Англии XVII—XVIII вв. В. М. Лавровский увидел в раскрытии истоков, генезиса крупного капиталистического поместья.

Каким образом «двучленное» феодальное классовое деление средневекового сельского общества: манориальные лорды — лично или поземельно зависимые крестьяне (держатели) сменились к середине XIX в. классическим для капиталистического земледелия трехчленным его делением: наемные рабочие (собственники одной лишь рабочей силы), капиталисты-арендаторы (собственники капитала), лендлорды (крупные земельные собственники, сменившие бывших феодальных лордов манора). Согласимся, что перед нами отнюдь не локально английская, а всемирно-исторического

диапазона проблема, которая с наибольшей убедительностью может быть решена только на материале Англии, где тот процесс получил наиболее завершенную, классическую форму.

Как уже отмечалось, нужны дальнейшие исследовательские усилия, чтобы решить эту проблему во всем ее объеме⁵. Однако в «Исследовании по аграрной истории Англии XVII—XVIII вв.» В. М. Лавровский настолько продвинулся к желанной цели, что его продолжателям предстоит скорее распространить сделанное вширь, нежели прокладывать новые пути. Но во второй монографии он передал им свой громадный опыт аграрного историка, свои огромные знания в данной области и, что важнее всего, школу, в которой открыстализовалось ценнейшее наследие его выдающихся учителей. Незаурядность его книги видна буквально с первых ее страниц. Открывается она ценным — и не только для англоведов — теоретическим введением: «Методологические предпосылки аграрно-исторического исследования». Отталкиваясь от одного из важнейших положений К. Маркса, сформулированного в 24-й главе I тома «Капитала», В. М. Лавровский ставит проблему специфической особенности генерализирования в истории: «Закономерности аграрной истории, раскрытие коих является основной теоретической задачей аграрного историка ... могут быть вскрыты отнюдь не путем абстрактного «генерализирования» — отвлечения от общих типических черт аграрного развития XVIII—XIX вв., но глубокого исследования процесса, отмеченного чертами большого своеобразия в каждой стране, в том числе и в стране «классического развития капитализма», в Англии» (с. 9).

И в самом деле, путь к общему в историческом познании лежит не в отвлечении от особенного, а через особенное. Однако особенное ни в коем случае нельзя смешивать с единичным. Даже в стране, в которой данное явление получило свое классическое развитие, в нем имеется немало специфических, локальных черт, которые закономерное затемняют, деформируют. Сколь велика опасность именно в этой специфике увидеть суть вещей, было наглядно продемонстрировано либеральным народничеством в 80—90-е годы прошлого века. И в этой связи В. М. Лавровский раскрывает непреходящее методологическое значение черновых набросков письма К. Маркса В. Засулич. Все эти тезисообразно-сформулированные мысли автора остаются в высшей степени актуальными в свете методологических дискуссий наших дней.

Неоценимым подспорьем для будущих исследователей на этой ниве останется глава III — по существу самостоятельная монография в монографии, — озаглавленная: «Правовая теория копигольда в трудах английских юристов эпохи первоначального накопления в Англии конца XV—XVIII в.» Последовательный анализ трактатов трех знаменитых английских юристов — Литтлтона (XV в.), Кока (XVII в.) и Блэкстона (XVIII в.) — вскрывает борьбу тенденций по вопросу о правовом положении основной массы английского феодально зависимого крестьянства — копи-

гольдеров. Он вводит нас в одну из сложнейших областей английского общего права — права поземельного, в атмосферу борьбы и споров по наиболее жгучему социальному вопросу того времени — о владельческом праве английского крестьянства как класса.

В содержании каждого из названных трактатов В. М. Лавровский вскрыл совершенно новые, ранее незамеченные черты. В целом предложенная им концепция сводится к следующему: три юридических трактата отражают три фазы в эволюции поземельных отношений в Англии XV—XVIII вв. Литтлстон в трактате «Держания» фиксирует процесс возникновения копигольда, пришедшего на смену институту вилланства, но еще крайне слабо от него отличаемого. Копигольд в ту пору — юридическая «вывеска» только-только возникающего — из разложения правопорядков барщинной вотчины — крестьянского парцеллярного землевладения. Незащищенное в судах общего права от воли лорда, оно может существовать и сохраняться только под сенью выгодно для него складывающейся хозяйственной конъюнктуры (низкие земельные ренты, низкие хлебные цены, слабый приток денежного капитала в земледелие). Итак, институт копигольда, впервые описанный Литтлтоном, был лишь юридическим выражением зародившегося в экономической действительности «владельческого права» традиционных держателей-крестьян.

Однако XVI век был по сути веком интенсивного контрастступления лордов против этого права. Развернувшиеся огораживания, систематическое и резкое повышение, вопреки обычному, вступных платежей и рент копигольдеров — свидетельство ожесточенности этого контрастступления. «Феодальные вывески» — господское право на крестьянские надель — вновь наполнились жизненной силой, поскольку хозяйственная конъюнктура сделала экономически выгодным вытесняющее крестьянское хозяйство сельскохозяйственное предпринимательство.

Если же обратиться к трактату Э. Кока «Комментарии на Литтлтона», то складывается впечатление, будто право не замечало этой реальности и будто продолжается линия на укрепление владельческих прав копигольдеров. Так, Кок замечает: в настоящее время из практики стало несомненным, что лорд не может по своему произволу изгнать законного копигольдера, не давшего повода для конфискации; если лорд допустит это, то копигольдер может получить иск против лорда. Как объяснить это столь резкое расхождение между мнением столь выдающегося знатока общего права и социальной практикой. К сожалению, В. И. Лавровский сосредоточил свое внимание лишь на процессе укрепления юридического положения копигольдеров. Однако это расхождение стало еще более вопиющим при Блэкстоне. Лендлорды к тому времени (60-е годы XVIII в.) жестоко расправились с основной массой копигольдеров крестьянского типа, различными путями экспроприировав их надель в пользу лендлордов. Между тем Блэкстон, который крайне враждебно относился к крестьянству, тем не менее в своем трактате утверждал, что ныне копи-

гольдеры получили «настоящую собственность, равную собственности лорда», — и это говорилось в пору, когда крестьянство фактически исчезло как класс. Это вопиющее противоречие заметил В. М. Лавровский и комментировал его следующим образом. Основное противоречие между трактатом Блэкстона и реальной действительностью английской деревни XVIII в. заключается в том, что как раз в тот момент, когда юридическая теория копигольда достигла своего завершения, крестьяне-копигольдеры в своей основной массе уже были экспропрированы и вытеснены с земли (см. с. 104). Возникает вопрос: о каком же копигольде говорили Кок и Блэкстон? Ответ на него столь же важен, сколь и прост: копигольд не исчез как форма земельного держания и после исчезновения основной массы крестьян, его держателей. Общее право защищало теперь копигольд, оказавшийся в руках либо самих лордов, либо землевладельцев капиталистического типа.

Этот интереснейший исторический факт до сих пор не привлек внимание ни нашей историографии, ни историографии буржуазной. Между тем он позволяет сделать ряд историко-социологических наблюдений и выводов.

В рамках этой статьи нет никакой возможности остановиться на всем том оригинальном — как с точки зрения движения исторической мысли, так и с точки зрения исследовательских методов, — что содержится в других главах монографии В. М. Лавровского. Для этого нужен был бы детальный анализ аналитических и обобщающих таблиц. Укажу только на одну замечательную его находку. Поскольку 12 (из 13) маноров, документами для которых он располагал, вошли в 51 манор, изученный им по приговорам об огораживании, ученый имел возможность сопоставить тип эволюции каждого из 12 маноров с конечными результатами ее, фиксированными в приговоре. С этой целью он расчленил совокупность маноров на три группы: 1) маноры, в которых в конце XVIII в. крестьянскому землевладению принадлежало 80—60% земельной площади; 2) маноры, в которых на его долю приходилось только 40—20%; 3) маноры, в которых крестьянству принадлежало только 15—5% земельной площади. Чтобы выяснить исторические предпосылки столь различных конечных результатов аграрной эволюции, и предпринимался анализ истории маноров соответствующих групп.

Конечные результаты этого анализа таковы. Устойчивость крестьянства в том или ином маноре при прочих равных условиях зависела от следующих факторов: 1) степени проникновения в манор крупных арендаторов капиталистического типа; 2) хозяйственной направленности данного манора (зерновое хозяйство, скотоводство и т. п.); 3) типа манориального лорда (корона, знать, джентри, светский или церковный лорд); 4) местоположения манора. Таблицы, включенные в данную монографию, если их проанализировать сквозь призму хотя бы только что перечисленных условий, могли бы стать прекрасной школой для студен-

тов, в особенности специализирующихся по экономической истории.

Наконец, нельзя не указать на совершенно оригинальную в нашей литературе главу, посвященную капиталистическому фермерству и новой агрикультуре конца XVIII — начала XIX в. В ней использованы ценнейшие материалы, трактаты агрономов, описания графства, парламентские отчеты и др. Ни один исследователь аграрной технологии в период аграрной революции XVIII в. не сможет впредь обойти вниманием эту главу.

Итак, как исследователь аграрных отношений в Англии нового времени В. М. Лавровский выступил подлинным новатором, проложившим новые пути в формулировке проблем, создавшим новые методики, намного поднявшие уровень объективности результатов исследования, наконец сделавшим ряд важных научных открытий непреходящего значения.

Перед нами историк, чьи труды составили важную веху в развитии советской историографии аграрных отношений в период становления капиталистического способа производства. Редкое сочетание глубоких теоретических интересов и неустанного стремления к расширению фактической базы исторических знаний, склонность к широкому, социологического характера обобщениям и пристальное внимание к мельчайшим деталям изучаемой действительности — на мой взгляд, наиболее характерные черты В. М. Лавровского как ученого. Повторяю: его научное наследие заслуживает специального монографического изучения.

Историческая критика скупа на оценки труда историка, даже если рука времени уже подвела черту под совершенным им. Эта критика все еще действует по формуле: «с одной стороны... с другой стороны». Будем откровенны: при жизни В. М. Лавровского только немногие, наиболее прозорливые его коллеги — среди них Е. В. Тарле — признавали, какого калибра ученый трудится рядом с ними. Будем же теперь, по истечении почти 40 лет со дня его кончины, справедливы: совершенно ясно, что В. М. Лавровский создал классические труды по аграрной истории Англии нового времени, труды, на которых будут учиться поколения как историков, так методологов истории. Не назрело ли время напечатать его работы, оставшиеся в рукописях, равно как и опубликовать статьи, давно ставшие библиографической редкостью? Это элементарный наш долг и минимальная дань по отношению к его памяти.

¹ К сожалению, историки МГУ пока не торопятся с публикацией этих ценнейших учебных пособий.

² Более того, он прямо заимствует ряд методик, которые в таком изобилии представлены в ленинских работах, в частности в «Развитии капитализма в России». В качестве

примера можно назвать исследование В. М. Лавровским процесса социально-имущественной дифференциации крестьянства.

³ В научном кабинете всеобщей истории ИНИОНа хранится полная библиография работ В. М. Лавровского.

⁴ Достаточно заметить, что в то вре-

мя, как крупнейший юрист XVIII в. У. Блэкстон понимал под йоменом крестьянина-собственника в противовес арендатору, копигольдеру и батраку, Адам Смит толковал этот термин расширительно, относил его ко всем английским сельским хозяевам, отмечая, что «значительная часть йоменов являются пожизненными арендаторами».

⁵ Во введении к своей работе В. М. Лавровский со свойственной ему

искренностью писал: «Исследование наше мы не считаем завершенным ни по его хронологическим данным, ни по числу и объему привлеченных к нему источников... Мое исследование требует несравненно большего числа документов, особенно историко-манориальной истории, оно, скорее, лишь намечает специфику предмета, который требует дальнейшего изучения» (с. 9).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. В. ТАРЛЕ В ТАРТУСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

И. Я. Лосиевский

Четыре предреволюционных года в жизни и работе выдающегося русского историка Е. В. Тарле связаны с Тартуским (б. Юрьевским) университетом. Следует отметить, что его педагогическая и научная деятельность в стенах этого учебного заведения наименее изучена. Во всех научных биографиях Е. В. Тарле отмечается лишь тот факт, что с 1913 по 1918 г. он, будучи приват-доцентом С.-Петербургского университета и преподавателем Высших женских курсов, одновременно занимал должность профессора в Юрьевском университете¹.

В одной из биографий Е. В. Тарле² говорится, что назначение в Юрьев дало повод для слухов в ученом мире об отходе его от своих прежних прогрессивных и демократических позиций.

Такие слухи, если они имели место, могли возникнуть только у неосведомленных людей, так как в действительности положение было иным. Царское правительство не могло простить Е. В. Тарле антимонархическую публицистику и связи с революционно настроенными учеными, литераторами и общественными деятелями, и, несмотря на блестящую защиту докторской диссертации и представительство в международных организациях, профессорская кафедра в Петербургском университете была для него недоступна.

Тонкая ниточка связи с этим университетом — приват-доцентство — тоже могла оборваться. В 1912 г. министр народного просвещения пытался лишить приват-доцентов права читать лекции, так как они конкурировали с занимающими кафедры профессорами. Этот циркуляр был направлен в значительной степени против Е. В. Тарле, П. С. Когана и В. Л. Комарова, чьи лекции отвлекали студентов от занятий со штатными профессорами.

Правда, совет профессоров С.-Петербургского университета своим представлением приостановил действие этого циркуляра, но Е. В. Тарле успел почувствовать непрочность своего положения.

Изменой своим убеждениям Е. В. Тарле смог бы добиться более высоких званий и должностей в официальной науке, но он предпочел Юрьев и звание экстраординарного профессора в провинциальном университете.

Неопубликованные материалы Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР (ЦГИА ЭССР) дают возможность восстановить картину работы Е. В. Тарле в Тартуском университете. Письмом от 30 апреля 1913 г. управляющий Рижским учебным округом известил ректора о том, что «высочайшим приказом по гражданскому ведомству ... доктор всеобщей истории, коллежский советник Тарле назначен экстраординарным профессором всеобщей истории императорского Юрьевского университета»³.

Таким образом, и в этом случае назначение Е. В. Тарле не было полноценным, так как экстраординарный профессор имел ограниченные права и меньшее жалование. Лишь в декабре 1916 г., после длительных хлопот университета перед округом и Петербургом (отраженных в секретной переписке между ректором, попечителем Рижского учебного округа и товарищем министра народного просвещения В. Т. Шевяковым), он получил назначение на должность ординарного профессора.

Юрьевский университет, бывший в те годы крупнейшим учебным заведением и центром научной мысли не только Эстонии, но и всей Прибалтики, отличался от многих учебных заведений в царской России несколько большей автономией и демократическими традициями, основывающимися на узаконенных привилегиях, жалованных еще Александром I, и сохранил свои преимущества, несмотря на участие его студентов и преподавателей в революционных событиях 1905—1907 гг. Эти особенности Юрьевского университета в первую очередь проявлялись в отсутствии жесткой дисциплины, в свободе деятельности различных студенческих организаций под видом землячеств, в нередких случаях либерального отношения к политическим, в том числе революционным взглядам студентов и преподавателей, в интернациональности состава и духа студентов и, конечно, в предоставлении больших свобод в части организации учебного процесса и личных планов профессорско-преподавательского состава.

Последнее весьма устраивало Е. В. Тарле, и он с первого дня работы в университете отвел для своих занятий пятницы и субботы, что давало ему возможность не прекращать чтение лекций в Петербурге. Первоначально (в 1913—1914 гг.) он читал в Тарту лишь общий курс лекций по новой истории, а затем в круг его обязанностей вошли и специальные курсы. Общему курсу было отведено 4 часа в неделю, а практическим занятиям и специальному курсу — по 2 часа⁴. Лекции Е. В. Тарле, как это было всегда и везде, вызывали огромный интерес. Его приходили

слушать не только студенты историко-филологического, но и других факультетов и представители городской интеллигенции⁵.

Интересно проследить за изменением тематики специального курса, отражающим присущее Е. В. Тарле чувство времени. Если в 1914—1915 гг., т. е. в первые годы войны с Германией, эти лекции были посвящены далеким от текущей политики вопросам истории Англии в XVI—XIX столетиях с ее умеренной революцией, то в 1916—1917 гг. в связи с накалом революционных событий в России он обращается к немало способствовавшему его популярности спецкурсу по истории Европы в эпоху Французской революции и по истории собственно Французской революции (он читал их с 1903 г.), что в тот период в наиболее полной мере соответствовало интересам революционно настроенных студентов.

На практических занятиях Е. В. Тарле обычно анализировал различные исторические и дипломатические документы, являвшиеся объектом его собственных научных исследований: донесения Коленкура, отражавшие франко-русские отношения в эпоху Наполеона I; материалы, иллюстрирующие взаимоотношения между Россией, Германией, Австрией и Францией в эпоху Наполеона I, между Россией, Германией, Австрией и Францией в эпоху Кюльгресса 1814—1822 гг. Иногда практические занятия посвящались разбору некоторых исторических и экономических теорий (например, теории физиократов).

Профессорско-преподавательский коллектив факультета в 1913 г. единогласно избирает Е. В. Тарле делегатом на предварительное совещание по подготовке Четвертого международного исторического съезда в С.-Петербурге, а в 1914 г. направляет его представителем университета на чествование профессора И. В. Луцицкого в связи с 50-тилетием его научно-литературной деятельности.

В 1914 и 1917 гг. факультет удовлетворяет просьбу Е. В. Тарле о научных командировках за границу, а в 1916 г. командировует его в Петроград и Москву в вакационное время для научных занятий. Университет пытается помочь ученому добиться допуска к архивам Министерства иностранных дел в Москве (к документам по истории русско-прусских отношений в 1814—1870 гг.) и к архиву Деллагарди в Юрьеве (материалы архива Деллагарди были использованы им в «Северной войне» спустя 40 лет).

В 1917 г. осуществить научную командировку за границу Тарле не удалось. В том году он был за границей непродолжительное время и по иному поводу, а в сроки, указанные в его прошении (с 1 июня по 10 августа 1917 г.), он преимущественно находился в Петрограде, работая в Чрезвычайной комиссии по расследованию действий царских министров, о чем свидетельствуют дневниковые записи А. А. Блока и некоторые документы в ЦГАОР. Доступ же к архивам Министерства иностранных дел он получил лишь после Февральской революции; отобранные и

прокомментированные им документы по истории русско-германских отношений были опубликованы уже в 1917 г.

В 1915 г. Е. В. Тарле обратился на историко-филологический факультет Юрьевского университета с просьбой о печатании в «Ученых записках» университета его работы «Экономическое состояние Италии в царствование Наполеона I», и это прошение было удовлетворено: работа была опубликована в 1916 г. в Юрьеве.

Несмотря на то, что жизнь Е. В. Тарле в период пребывания его профессором Юрьевского университета в основном протекала в столице (в Юрьеве он бывал не более двух дней в неделю), он не устраняется от общественной работы на факультете. Он член профессорского дисциплинарного суда и руководит работой участников конкурсов на лучшие студенческие работы, предлагает своим студентам такие интересные темы, как «Политические взгляды Бенжамена Констана», «Деятельность Джорджа Каннинга» и др., в выборе которых отражаются его личные научные интересы.

Здесь же Е. В. Тарле рецензирует диссертационные работы «„Политика“ Платона» и «„Утопия“ Мора» Валединского, «Разбор и оценка главнейшей программы Германии в XVI в.» Губера, «Биография Тюрго» Лукашевича, пишет отзывы на работы своих коллег по факультету.

Вообще, после 1914 г. участие Е. В. Тарле в делах Юрьевского университета становится более активным.

Он на личном опыте убеждается в демократизме университетского руководства. В декабре 1914 г. «по повелению свыше» собирается экстренное заседание совета историко-филологического факультета. На повестке дня «присуждение степени доктора русской истории его императорскому величеству государю-императору Николаю Александровичу ввиду особо выдающихся заслуг е. и. в. в области русской истории». На заседании преподаватели факультета присутствуют в полном составе, кроме Тарле. Чтобы не подводить коллегу, у его фамилии приписка: «Отсутствует по нахождению в отпуске», несмотря на то что 2 декабря и 4 декабря он, судя по записям в журнале и его личной подписи, участвовал в обсуждении текущих вопросов. Такой «проступок» где угодно мог бы стать предметом разбирательства и осуждения, здесь же он просто остался незамеченным.

В 1915 г. Е. В. Тарле начинает хлопотать о должности ординарного профессора. Вероятно, у начальства такое назначение Е. В. Тарле в общем возражений не вызывало, так как эта должность потребовала бы от него более продолжительного присутствия в тихом Юрьеве, далеко от бурной политической жизни столицы. Тем не менее различные ведомства затягивали решение. Как говорилось выше, звание ординарного профессора Юрьевского университета было пожаловано Тарле в конце 1916 г.

После этого он, действительно, стал больше бывать в Юрьеве и активнее участвовать в университетских делах. Особенно много

времени он проводит здесь осенью 1917 г., работая в архиве Деллагарди. Здесь же застаёт его Великая Октябрьская революция. Журнал историко-филологического факультета содержит запись о заседании 25 октября (ст. стилия) 1917 г. с участием Е. В. Тарле и его подпись под протоколом.

Активное участие Е. В. Тарле в жизни Юрьевского университета ещё отражается в журнале заседаний историко-филологического факультета в ноябре и декабре 1917 г. Последние же его посещения Юрьева, судя по сохранившимся его письмам к И. В. Лучицкому, относятся к февралю 1918 г. После этого, по видимому, его работа и интересы сосредоточиваются в Петрограде, где после свержения самодержавия он уже состоял профессором университета и в этом звании оставался до конца жизни.

¹ *Молож А. И.* Евгений Викторович Тарле. М., 1949, с. 3; *Ерусалимский А. С.* Евгений Викторович Тарле.— В кн.: Тарле Е. В. Соч. М., 1957, т. 1, с. XIX; *Чапкевич Е. И.* Евгений Викторович Тарле. М., 1977, с. 51; *Троицкий Н. А.* Евгений Викторович Тарле, 1875—1955.— В кн.: *Историографический сборник.* Саратов, 1977, вып. 6, с. 12.

² *Чапкевич Е. И.* Жизнь и творче-

ство Е. В. Тарле в дореволюционный период.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1966, № 249, с. 164.

³ ЦГИА ЭССР, ф. 402, личное дело Е. В. Тарле.

⁴ Там же, папки 1477, 1487, 1488, 1499, 1500, 1526, 1527.

⁵ *Alma mater Tartuensis: Краткий обзор прошлого и настоящего Тартуского государственного университета.* Таллин, 1977.

ВЛАДИМИР ФИЛИПОВИЧ МАЛАХОВСКИЙ

Р. И. Голубева

Жизнь и деятельность Владимира Филипповича Малаховского, большевика-ленинца, видного историка, интересна и поучительна.

Родился он в Петербурге, в апреле 1894 г., в семье рабочего. Отец его работал на заводах за Невской заставой. С ранних лет Володя видел нужду. С 15 лет он начал работать сперва на Невском судостроительном, затем на других заводах города¹. Жизнь среди рабочих, постоянное общение с ними наложили отпечаток на его мировоззрение. Малаховский рано пристрастился к чтению книг, особенно к политической литературе. Уже 16-летним юношей он примкнул к революционному движению, вступив в нелегальный социал-демократический кружок за Невской заставой, которым руководила видная революционерка Прасковья Францевна Куделли. Её Владимир Филиппович считал своей учительницей и всегда говорил о ней с большой теплотой. В кружке он стал получать отдельные задания нелегального характера и в

1911 г. вступил в РСДРП. Впоследствии П. Ф. Куделли, рекомендуя В. Ф. Малаховского в члены Общества старых большевиков, писала, что знает его с 1911 г. по подпольной работе в Петербурге, в Невском районе ².

Владимир Филиппович прошел серьезную школу политического воспитания. Ему посчастливилось работать под руководством другой замечательной большевички — Инессы Арманд. Молодой большевик Малаховский (ему исполнилось 19 лет) был связным Инессы Арманд. В то время ЦК РСДРП поручил ей восстановить разгромленный царской охранкой Петербургский комитет партии ³. В своей статье, посвященной памяти Арманд, Малаховский впоследствии писал: «Яркий факел сознания непримиримых классовых интересов, зажженный в юных душах этим лучшим другом рабочих, не может быть потушен» ⁴.

Владимир Филиппович вскоре стал активным партийным работником, революционером-профессионалом, большевиком. В 1912 г. он участвовал в организации общегородского партийного центра — Межрайонной комиссии ⁵. Большевики установили связь со всеми районами, где имелись подпольные организации. Это был огромный успех, достигнутый в очень короткое время. «Тов. Инесса прямо сияла на заседании Межрайонной комиссии, происходившем за несколько дней до ее ареста» ⁶, — писал Малаховский.

В 1912 г. Малаховский стал членом Петербургского и районного комитетов партии. Ему приходилось бывать во всех районах города, устанавливать связь с подпольными организациями. Большевики Петербурга в то время готовились к предстоящей кампании по выборам в IV Государственную думу. Как писал Малаховский, пульс рабочего движения все слышнее бился в петербургских организациях ⁷.

Организаторские способности, ответственность в партийной работе, понимание политических задач — эти качества отличали Малаховского. Вместе с А. Е. Бадаевым, Максимом Савельевым и другими товарищами он проводил предвыборные организационные собрания, готовясь к выборам в думу по рабочей курии ⁸. Малаховский писал листовки и вместе с другими товарищами распространял их в Невском районе ⁹. В личной беседе с автором статьи, в начале 1941 г., уже после смерти В. Ф. Малаховского, А. Е. Бадаев говорил, что Малаховского думали выдвинуть в IV Государственную думу от фракции большевиков, но, учитывая, что ему было только 18 лет, воздержались.

Партийная работа становится главным делом в жизни Малаховского. Начинается трудная жизнь профессионала-революционера. Его революционная деятельность не ускользнула от глаз царской охранки. Несколько раз дома охранкой производились обыски, затем последовал арест. Владимир Филиппович был выслан из Петербурга с запрещением проживать в ряде крупных городов. Незадолго до войны он вел нелегальную работу в Риге, а затем в Ревеле ¹⁰.

В марте 1914 г. — снова арест и высылка под негласный надзор полиции с запрещением проживать в 59 городах Российской империи¹¹. Но Малаховский не прекращал нелегальной работы то в Ярославле, то в Харькове и т. д. С началом первой мировой войны Малаховский был призван в армию. По предложению партийных товарищей он продолжал большевистскую пропаганду среди солдат, за что несколько раз арестовывался.

Февральская революция застала рядового Малаховского на Западном фронте. Пользуясь большим авторитетом среди солдат, он стал членом сначала ротного, полкового, а затем дивизионного и корпусного комитетов. Солдатский комитет неоднократно направлял Малаховского с фронта в Петроград для выяснения неотложных вопросов. В личном архиве семьи Малаховского сохранились две записные книжки¹². В них Владимир Филиппович писал о событиях, свидетелем которых он был, о людях, с которыми встречался, о делах и вопросах, которые предстояло решать. Одна из них относится к событиям 1917 г. и связана с деятельностью Малаховского на фронте. В записях большое место отводится работе в солдатских комитетах; он пишет об их составе, повестках заседаний, делает наброски резолюций, выступлений. Здесь же наброски статей Малаховского в «Правду», записи поручений, которые давались ему как члену солдатского комитета, и т. д. Вторая записная книжка относится к событиям 1918 г. в Петрограде и раскрывает деятельность Малаховского как одного из организаторов Красной Армии. Особенно интересны заметки о формировании частей Красной Армии в отдельных районах города, о создании в них партийных коллективов, о выборах в Петроградский Совет.

Солдатский комитет неоднократно направлял Владимира Филипповича с фронта в Петроград. Судя по записям, он стремился как можно полнее выяснить все волновавшие фронтовиков вопросы. По возвращении на фронт Малаховский неоднократно выступал перед солдатами, рассказывал о положении в стране и Петрограде.

Малаховский принял участие в работе первого фронтового съезда Западного фронта в Минске 7 апреля 1917 г. В записях запечатлена сложная обстановка на съезде, даны оценки выступлениям, планы своих выступлений, чувствуется, как растет политическая зрелость Малаховского как большевика. Вернувшись на фронт, В. Ф. Малаховский выступает на заседаниях полкового, дивизионного, корпусного солдатских комитетов с отчетом о съезде Западного фронта.

Во время поездок в Петроград Владимир Филиппович поддерживал постоянную связь с Петроградским комитетом партии большевиков, получая необходимые указания, выполняя отдельные поручения, бывал среди рабочих на заводах и фабриках Петрограда, в Кронштадте встречался с моряками. В июле 1917 г. Малаховский участвовал во Всероссийской конференции большевистских военных организаций. После июльских событий

1917 г. Малаховский был в третий раз арестован за ведение большевистской агитации среди солдат и уволен из армии как «неблагонадежный»¹³.

В конце августа 1917 г. Малаховский вернулся в Петроград. Свой большой опыт военно-политической работы в армии, знания он стремился применить на военной работе. Он становится одним из активнейших организаторов Красной гвардии Петрограда и первых частей Красной Армии¹⁴. Им написан новый Устав, который после тщательного обсуждения и с рядом поправок был принят конференцией Красной гвардии Выборгского района, а затем получил широкое распространение¹⁵. Малаховский являлся также автором воззвания «К рабочим и работницам», принятого штабом. Оно было напечатано в 10 тыс. экземплярах и распространено далеко за пределами района. С большой силой звучали его слова: «В такой грозный, ответственный момент, какой мы сейчас переживаем, перед рабочим классом стоит настоятельная необходимость вооружаться... К вам, Красному Выборгу, всегда стоящему во главе движения рабочего класса, обращаемся мы еще раз: записывайтесь в Красную гвардию, обучайтесь, вооружайтесь, станьте примером другим рабочим, создав большой и сильный отряд Красной гвардии»¹⁶. Это воззвание сыграло большую роль в организации Красной гвардии Петрограда, в пополнении ее рядов.

Под руководством Малаховского и других членов штаба шло обучение рабочих военному делу. Малаховский писал о настроении красногвардейцев в предоктябрьские дни: «Все мы в большей или меньшей степени горели желанием решительных действий... Когда же? — спрашивали отовсюду. Помню свои личные переживания: как я горел огнем, как жаждал конца колебаниям и окончательного твердого решения выступить. Необыкновенное, незабываемое действие производили на меня статьи Ленина, находили ликующий отклик в душе, волновали и зажигали»¹⁷. 22 октября на общегородской конференции Красной гвардии Малаховский, твердо стоя на ленинских позициях, голосовал за немедленное вооруженное восстание¹⁸.

В том, что в дни Октябрьского вооруженного восстания штаб Красной гвардии Выборгского района «оказался одним из наиболее сильных и организованных — немалая заслуга В. Ф. Малаховского»¹⁹.

Под руководством В. Ф. Малаховского был сформирован один из первых батальонов Красной Армии²⁰. В статье, опубликованной в «Правде», Малаховский сообщал, что Выборгский район отправил на фронт в дни немецкого наступления 3000 человек и подготовил к отправке еще 1500 человек²¹.

В начале июля 1918 г. на собрании красноармейских и матросских депутатов Малаховский был избран членом президиума и председателем военной секции Петроградского Совета²². Он был членом редколлегии газеты «Вооруженный народ», которая издавалась президиумом военной секции и пользовалась большой

популярностью. В ней регулярно печатались его статьи за подписями: «Вл. М.», «Владимир», «Малаховский»²³.

Вскоре Малаховский снова ушел на фронт, на этот раз — Южный, где заведовал политотделом 8-й армии и организационно-инструкторским отделом фронта, позже он — заместитель военного комиссара 9-й стрелковой дивизии.

Малаховский одним из первых начал заниматься историей Красной гвардии Петрограда. Она была любимым детищем Малаховского и оставила, как он не раз говорил, глубокий, незабываемый след в его сердце. Ей он посвятил свою книгу «Из истории Красной гвардии»²⁴.

В приложении к книге были опубликованы документы: Уставы Красной гвардии, приказы, переписка, воззвания. Основная мысль этой работы та, что Красная гвардия сыграла колоссальную роль как боевая сила и опора Октябрьской революции.

С большой теплотой отозвался о книге Д. Фурманов. Он писал, что книга имеет всю свежесть и всю непосредственную убедительность первоисточника, что в книге «чувствуется весь пыл восстания, ощутим дым пороховой, в котором выросла, окрепла, боролась и побеждала наша героическая Красная гвардия»²⁵. На таких книгах будут вырастать исследовательские работы будущих историков Красной гвардии, а «нашему советскому читателю — это интересная живая, захватывающая своей свежестью страница недавних боевых дней»²⁶.

Малаховский продолжал и позднее заниматься исследованием истории Красной гвардии. Его перу принадлежат статьи «Санитарная часть Красной гвардии»²⁷, «Переход от Красной гвардии к Красной Армии»²⁸, «Как создавалась рабочая Красная гвардия»²⁹, «Литература о рабочей Красной гвардии 1917 г.: Критический обзор»³⁰.

В 1933 г. была опубликована статья Малаховского «Исторический смысл и значение рабочей Красной гвардии»³¹. В статье дан анализ взглядов большевиков на Красную гвардию.

Работы В. Ф. Малаховского внесли ценный вклад в изучение истории Красной гвардии. Он кропотливо продолжал собирать материалы, предполагая написать на ту же тему монографию, но ранняя смерть помешала выполнить заветную мечту.

Малаховский думал о серьезной учебе, и в 1925 г. он поступил в Институт красной профессуры на историческое отделение. В эти пять лет Малаховский включился в серьезную научную работу, к которой он стремился, и показал себя прекрасным исследователем.

Круг научных интересов Малаховского был широк. Одной из проблем, которой он глубоко занимался, была проблема народничества и народофильства. Малаховский опубликовал статью, в которой исследовал ошибочные взгляды Плеханова на народничество³².

Малаховский писал, что Плеханов считал народничество течением социалистической интеллигенции, забывая марксист-

ское определение классовой природы интеллигенции, и отводил ей самостоятельную роль в общественно-политическом развитии страны³³.

Марксистскую постановку вопроса о сущности народничества, писал Малаховский, дал Ленин: он вскрыл социально-классовый смысл народничества, отвел соответствующее место интеллигенции, что дало возможность марксистам выработать совершенно правильное отношение к народничеству (а следовательно, к мелкой буржуазии и крестьянству), наметить задачи нарождавшейся в России социал-демократии³⁴. Ленин «не питал никаких иллюзий о возможности перехода народнической интеллигенции на точку зрения марксизма»³⁵.

Вскоре, в 1929 г., в связи с 50-летием партии «Народной воли» на страницах историко-политических журналов появился ряд статей, показавших наличие спорных вопросов и давших толчок дальнейшему изучению этой проблемы. Редакция журнала «Каторга и ссылка» поместила статью историка-революционера И. А. Теодоровича «Историческое значение партии „Народная воля“». Эта статья послужила причиной открытия дискуссии.

В числе первых на статью И. А. Теодоровича откликнулся В. Малаховский. В рецензии под заглавием «О юбилейном славословии» рецензент заключает, что статья не дает марксистско-ленинского определения исторического значения партии «Народной воли». Теодорович считал, что народовольцы «нащупали» четыре основных момента ленинизма: 1) разбить старую государственную машину; 2) на развалинах буржуазной формы государства создать новый его тип — государство Советов; 3) воспользоваться новым типом государства для того, чтобы начать выращивать элементы новой экономики; 4) установить, что этот процесс наращивания предполагает осуществление более или менее продолжительного, так называемого переходного периода. Теодорович находил даже у народовольцев предвосхищение ими гегемонии пролетариата³⁶. Затем появилась другая обстоятельная статья Малаховского «Реставрация Ленина?: (Ответ т. И. Теодоровичу)» на статью Теодоровича «Побольше исторической объективности: (В порядке обсуждения)»³⁷.

В ней Малаховский подверг резкой критике позиции Теодоровича. Он писал, что Теодорович не понимает положительной роли первых русских марксистов в борьбе с народофильской идеологией и не в состоянии дать марксистско-ленинское объяснение исторического значения «Народной воли». Отвергая концепцию Теодоровича, Малаховский утверждал, что тот превратил большевиков в простых «осуществителей» заветов народовольцев. Редакция «Правды» согласилась с точкой зрения Малаховского, считая, что дискуссию надо перенести на страницы журналов³⁸, что и было сделано.

К этому времени была опубликована статья Малаховского «Правда ли, что народничество предвосхитило ленинизм?»³⁹. Малаховский считал необходимым разобрать ошибочные взгляды

И. Теодоровича, сформулированные им в статье журнала «Каторга и ссылка» (№ 8/9 за 1929 г.), которая нисколько не подвинула дела изучения «Народной воли», а еще больше затмила его⁴⁰. Теодорович, пишет Малаховский, не в состоянии «довести благополучно до конца намеченные им положения», запутывается в противоречиях, сходит с рельс марксистско-ленинской трактовки народовольческого периода революционного движения⁴¹. Теодорович зачисляет «Народную волю» в разряд партии раннего ленинизма, даже предвосхитившей некоторые его основные положения, умаляя значение Ленина в теоретической области, и искажает основы его учения, всецело вытекающего из марксизма⁴².

Статья Малаховского печаталась в порядке обсуждения. Он писал, что предполагает вернуться к этой проблеме не в полемическом, а в историческом плане, и выполнил свое слово, написав серьезное исследование «На два фронта: (К оценке народовольчества)» (М., 1931), о котором речь пойдет ниже.

В связи с 50-летием «Народной воли» в Обществе историков-марксистов в январе 1930 г. широко развернулась дискуссия о народовольчестве. Были заслушаны доклад В. Невского и содоклады И. Теодоровича и И. Татарова, которые вызвали оживленные прения. Некоторые из выступавших оспаривали отдельные положения, выдвинутые докладчиками, но основная масса историков-марксистов отвергла концепцию И. В. Теодоровича. В прениях выступил также и В. Ф. Малаховский. Он сказал, что не согласен со всем тем, что говорили два докладчика — Невский и Теодорович⁴³. Они не ответили на главный вопрос дискуссии об историческом значении «Народной воли». «Эта задача тем труднее, что один из докладчиков — т. Невский — просто уклонился от такой оценки «Народной воли», другой же — т. Теодорович — дал оценку путанную и неправильную». В своем выступлении Малаховский говорил: «Ленин показал неизбежность вырождения революционного народничества и „друзей народа“ и ни одним словом не обмолвился, что из наследства „Народной воли“ можно извлечь идеи пролетарского социализма, марксизма...». Народовольцы считали, что «все средства должны быть направлены на осуществление основной задачи организации террора и захвата власти»⁴⁴. Малаховский считал, что главный вопрос дискуссии — историческое значение народовольчества, «весь смысл существования „Народной воли“ заключался как раз в знаменитой территориристической деятельности, в той политической борьбе, которую они подняли против самодержавия»⁴⁵.

Итогом дискуссии явились тезисы Культпропа ЦК ВКП(б), в составлении которых принимал участие Малаховский. В них указывалось, что необходимо дать оценку этой партии под углом зрения ленинских указаний. «Наша партия вместе с Лениным высоко ценит опыт революционного народничества и особенно „Народной воли“ для последующего революционного движения, подчеркивая огромные заслуги „Народной воли“ в ее

героической самоотверженной борьбе с самодержавием... Вместе с тем наша партия ... должна со всей отчетливостью подчеркнуть, что марксизм и народничество — две различные идеологии двух различных классов»⁴⁶. Теодорович, модернизируя идеи народовольцев, рассматривает большевизм как продолжение социалистических воззрений народовольцев, пытается пересмотреть ленинское понимание революционного «наследства»⁴⁷.

Основным выводом из дискуссии, говорилось в тезисах, явилась необходимость борьбы на два фронта — против переоценки революционного народничества и против недооценки революционного и прогрессивного, что имеется в народническом «наследстве».

В дискуссии о «Народной воле», в которой Малаховский участвовал, и в предшествующих его статьях, о которых говорилось ранее, он проявил себя как талантливый историк-исследователь, обладающий глубокими знаниями, хорошей теоретической подготовкой. Со всей убедительностью Малаховский защищал ленинизм от извращений.

В 1931 г. вышла из печати книга Малаховского «На два фронта»⁴⁸. В ней дается марксистско-ленинский анализ программы «Народной воли» и ее тактики, рассматриваются теоретические основы партии «Народной воли», ошибочные характеристики и оценки, дававшиеся в разное время народничеству; оценки Маркса и Энгельса партии «Народной воли»; есть оценка исторического значения этой партии. В книге помещены приложения: «Программа Исполнительного комитета», «Программа рабочих, членов партии „Народной воли“», «Устав Исполнительного комитета „Народной воли“». Устав Исполнительного комитета опубликован впервые.

Книга Малаховского была направлена против двух концепций в советской историографии народовольчества — В. И. Невского и И. В. Теодоровича. «Несмотря на ясность и точность указаний Ленина, — пишет Малаховский, — характер и значение народовольчества получали в марксистской литературе часто неправильное и совершенно различное освещение»⁴⁹. Рассматривая подробно произведения народовольцев, Малаховский приходит к выводу, что «теория народовольцев не заключала никаких зародышевых черт ленинизма, которые пытаются находить некоторые авторы»⁵⁰.

Ценность книги в том, что автор привлек большое количество источников, подверг критическому анализу программные документы «Земли и воли» и «Черного передела», защитил ленинскую концепцию истории народничества.

Книга В. Ф. Малаховского не потеряла своей актуальности и в настоящее время. М. Г. Седов, занимающийся изучением народничества, пишет в своем исследовании о том, что в «1930 г. появилась интересная, продуманная в теоретическом отношении работа Вл. Малаховского „На два фронта: (К оценке народничества)“»⁵¹.

Основную часть своей книги Малаховский посвящает разоблачению концепции Теодоровича, опасной в условиях классовой борьбы того времени. «Мы вслед за Лениным признаем народовольцев нашими предшественниками в борьбе с самодержавием за полную и решительную ликвидацию всех остатков крепостничества»⁵².

Ленин показал истинный характер и действительные движущие силы ожидавшегося в те времена буржуазного переворота в России. Он охарактеризовал партию «Народной воли» «как направление, враждебное либерализму и отражавшее интересы и чаяния крестьянской демократии»⁵³.

Малаховский, как он пишет, пытался показать, что марксистско-ленинское понимание сущности, характера и значения народовольчества заставляет отвергнуть как ту точку зрения, которая считает партию «Народной воли» истоком либерализма, так и ту, которая признает ее зародышем ленинизма. Ленин считал революционное народничество, вместе с народовольчеством, выразителем интересов трудящихся масс крестьянства.

В своих исследованиях, посвященных этой историко-революционной проблеме, Малаховский показал себя как борец-коммунист, большевик-ленинец, талантливый историк. Основная черта его работ — убежденность, глубина, знание вопроса, стремление отстоять чистоту ленинизма от всяких извращений.

Теоретические вопросы истории партии глубоко интересовали В. Ф. Малаховского, к ним относится история Программы партии, которой он посвятил несколько статей.

«Каждая часть нашего обзора развития Программы партии,— писал Малаховский,— увязывается со всей социально-политической обстановкой того или иного периода истории партии, истории нашей страны и всего мира»⁵⁴. Автор, следя за изменением программы, вскрывал картину непримиримой борьбы Ленина против оппортунизма. В своих статьях он останавливается на основных этапах развития Коммунистической партии, анализирует огромную работу партии, проделанную в течение почти полувека, борьбу большевиков против оппортунизма за создание революционной программы коммунистической партии нового типа. Автор анализирует революционную работу Ленина в 90-х годах, работу В. И. Ленина в период II съезда партии, говорит о подготовительной работе по Программе партии, которая получила свое завершение в обсуждении Проекта Программы редакции «Искры» на II съезде партии. В статьях излагаются важнейшие моменты хода работы и борьбы по Программе на II съезде. Малаховский пишет о том, что «в этой работе в момент завершения первого подготовительного к возникновению большевизма периода Ленину пришлось сыграть огромную роль в разработке и отстаивании программных положений, выдержанных с марксистской точки зрения». «Мы обязаны Ленину, что документ II съезда имел впоследствии гигантское значение»⁵⁵,— резюмирует Малаховский.

Говоря о научно-исследовательской работе В. Ф. Малаховского, надо остановиться и на его публицистической деятельности. Малаховский был человеком огромной работоспособности, организованности, его рабочий день был уплотнен до отказа. Характерной чертой Малаховского был интерес ко всему новому, что публиковалось по вопросам истории. В течение ряда лет он был постоянным корреспондентом «Правды», в которой печатались его обзоры и рецензии на выходящую историко-революционную литературу, по истории партии. На разные исторические темы печатались его рецензии, обзоры, отдельные статьи в журналах «Пролетарская революция», «Историк-марксист», «Спутник коммуниста», «Каторга и ссылка». Интересно остановиться на тематике рецензированных им книг: большевизм и меньшевизм; годы реакции и нового подъема; о декабристах; о первой рабочей демонстрации в России; о крестьянстве и революции 1905—1907 гг.; армия в первой революции; боевая группа при ЦК РСДРП(б) и многие другие. Назовем некоторые его обзорные статьи: «К 10-летию Октября», «Борьба за партию в эпоху пролетарской диктатуры»; «Ленин о характере Октябрьской революции»; «Социальная сущность Октябрьской революции и троцкистская оппозиция»; «Внутрипартийные разногласия в 1917 году и ленинская теория перерастания революции»; «О лозунгах большевизма по организации вооруженных сил революции».

Малаховский входил в редколлегии ряда газет и журналов, участвовал в публикации документов по истории московской Красной гвардии, был редактором книг, выпущенных Московским истпартом: «„Тверская“ и „Северная“ группы Московской организации РСДРП» (М., 1930); «Товарищ Бауман» (М., 1930); «Из истории московской Красной гвардии» (М., 1930) и др.

Кроме того, Малаховский занимался педагогической деятельностью. Много лет он преподавал в Свердловском университете, на курсах марксизма-ленинизма при ЦИК СССР, в Институте советского строительства при ВЦИК, где заведовал кафедрой. Некоторые из его лекций, например «О революции 1905—1907 гг.», были изданы.

Человек этот был удивительно скромным, доброжелательным к людям, что и располагало людей к нему. Вся его жизнь была заполнена работой, он был хорошим примером для молодежи, которой он отдавал много сил и знаний.

В последние годы жизни Малаховский работал в Институте истории АН СССР.

Умер Малаховский в 1940 г. на 47 году жизни, в расцвете творческих сил. Похоронен он на Ново-Девичьем кладбище.

¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 124, оп. 1, ед. хр. 4181, л. 6 (лич-

ное дело В. Ф. Малаховского).

² Там же, л. 14.

³ Герои Октября. Л., 1967, т. 2, с. 75.

⁴ Памяти Инессы Арманд: Сб./Под

- ред. Н. К. Крупской. М., 1926, с. 97.
- 5 ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1181, л. 15.
 - 6 Памяти Инессы Арманд, с. 96.
 - 7 Там же, с. 96, 97.
 - 8 *Бадаев А. Е.* Большевики в Государственной думе. М., 1935, с. 1. Редактором этой книги был В. Ф. Малаховский.
 - 9 ЦПА ИМЛ, ф. 124, ед. хр. 1181, оп. 1, л. 15.
 - 10 Великий Октябрь. М.; Л., 1927, с. 16.
 - 11 Герои Октября, т. 2, с. 76.
 - 12 *Голубева Р. И.* Солдаты пролетарской революции: В. Ф. Малаховский.— *Вопр. истории*, 1968, № 4, с. 58.
 - 13 *Малаховский В.* Из истории Красной гвардии. Л., 1925, с. 11.
 - 14 См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, т. 2, ч. 1; Петроградские большевики в Октябрьской революции. М., 1957; *Старцев В. И.* Очерки из истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965; *Степанов З. В.* Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.; Л., 1955.
 - 15 *Малаховский В.* Из истории Красной гвардии, с. 16.
 - 16 Там же, с. 19, 49—50. Во многих работах, посвященных Октябрьской революции в Петрограде, авторы приводят устав и воззвание, но не пишут, кто является их автором.
 - 17 Малаховский имеет в виду статьи В. И. Ленина «Марксизм и восстание» и «Большевики должны взять власть», которые доставила на Выборгскую сторону Н. К. Крупская. См.: *Малаховский В.* Из истории Красной гвардии, с. 2—22.
 - 18 Герои Октября. т. 2, с. 76.
 - 19 Герои Октября, с. 76—77.
 - 20 История гражданской войны, т. 3, с. 128.
 - 21 Правда, 1918, 28 марта.
 - 22 *Погехин М. Н.* Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966, с. 184.
 - 23 Вооруженный народ, 1918, 8, 13, 24 авг. и 17 сент.
 - 24 *Малаховский В.* Из истории Красной гвардии, с. 27.
 - 25 Печать и революция, 1925, № 8(9), с. 85.
 - 26 Там же.
 - 27 Пролетарская революция, 1927, № 11(70).
 - 28 Красная летопись, 1928, № 3(27).
 - 29 Пролетарская революция, 1929, № 10.
 - 30 Там же, 1928, № 6/7.
 - 31 Старый большевик, 1933, № 4(7).
 - 32 *Малаховский В.* Плеханов о сущности народничества.— Пролетарская революция, 1929, № 1(84). Эта статья затем была напечатана в кн.: «Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и „Народной воле“». М., 1931.
 - 33 Там же, с. 219.
 - 34 Там же, с. 220.
 - 35 Историк-марксист, 1930, № 15, с. 86—87.
 - 36 Правда, 1929, 20 дек.
 - 37 Правда, 1929, 27 дек.
 - 38 Там же, 27 дек.
 - 39 Каторга и ссылка, 1930, № 3.
 - 40 Там же, с. 45.
 - 41 Там же, с. 46.
 - 42 Там же, с. 36.
 - 43 Несмотря на критику Малаховским доклада В. Невского, последний в своем выступлении называет статью Малаховского «Плеханов о сущности народничества» в высшей степени интересной. См.: Историк-марксист, 1930, № 15, с. 86, 87.
 - 44 Историк-марксист, 1930, № 15, с. 128—130.
 - 45 Дискуссия о «Народной воле», с. 58.
 - 46 Маркс, Ленин и Плеханов о народничестве и «Народной воле», с. 171—172.
 - 47 Там же, с. 196.
 - 48 *Малаховский В.* На два фронта: (К оценке народничества). М., 1931.
 - 49 Там же, с. 21.
 - 50 Там же, с. 43.
 - 51 *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966, с. 45.
 - 52 *Малаховский В.* На два фронта, с. 102.
 - 53 Там же, с. 109.
 - 54 *Малаховский В.* Программа ВКП(б) в ее развитии.— Старый большевик, 1934, № 1(9), 3(11).
 - 55 Старый большевик, 1934, № 1(9), с. 59.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ В.Л. МАЛАХОВСКОГО

- Из истории Красной гвардии. Л., 1925.
- Ленин о характере Октябрьской революции.— Спутник коммуниста, 1927, № 19/20.
- Санитарная часть Красной гвардии в 1917 г.— Пролетарская революция, 1927, № 11/70.
- Литература о рабочей Красной гвардии 1917 г.: Критический обзор.— Пролетарская революция, 1928, № 6—7.
- Переход от Красной гвардии к Красной Армии.— Красная летопись, 1928, № 3/27.
- Плеханов о сущности народничества.— Пролетарская революция, 1929, № 1.
- Как создавалась рабочая Красная гвардия.— Пролетарская революция, 1929, № 10.
- Правда ли, что народоличество превосходит ленинизм? — Каторга и ссылка, 1930 г.
- Ред. и предисл.* «Тверская» и «Северная» группы Московской организации РСДРП; Сб. ст. М., 1930.
- Состав., ред. и предисл.* Из истории московской Красной гвардии: Сб. материалов и док. М., 1930.
- Сост. и ред.* Товарищ Бауман: Сб. воспоминаний и док. М., 1930.
- На два фронта: (К оценке народо-вольчества). М., 1930.
- О лозунгах большевизма по организации вооруженных сил революции.
- Записки секции по изучению проблем войны при Комкадемии, 1931, т. 4.
- Предисл.* На заре рабочего движения в России.— В кн.: Рабочее движение в России в описании самих рабочих.
- Исторический смысл и значение рабочей Красной гвардии.— Старый большевик, 1933, № 4(7).
- История ВКП(б) в ее развитии.— Старый большевик, 1934, № 9, 11.
- «Наши разногласия» Плеханова и народничество. — Историк-марксист, 1935, № 11(51).
- Буржуазно-демократическая революция в России в 1905—1907 гг.: Две лекции, прочитанные в Высшей школе пропагандистов при ЦК ВКП(б) в 1936 г. М., 1937.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО ПО РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Р. А. Кирева

Историографические исследования последних лет показали, что в архивах хранятся ценнейшие источники, отражающие многолетнюю работу ряда ученых над проблемами истории исторической науки, труды которых по разным причинам остались неизданными. Архивные изыскания дают возможность расширить сложившиеся представления о том или другом историке, вникнуть в эволюцию его мировоззрения, уловить особенности его творчества и даже ввести в историю изучения отечественной историографии новые имена. Это чрезвычайно важно не только как факт личной биографии ученого, но имеет непреходящее значение и для истории изучения данной отрасли науки в целом. Среди авторов, которые до изучения их рукописей не были

известны как историографы¹, оказался и один из наиболее разносторонних буржуазных историков своего времени — Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский.

Он был историком широкого профиля, создал свою школу, оставил заметный след в истории русской науки. Его перу принадлежит целый ряд работ по социально-экономической и политической истории России, по истории культуры, источниковедению, особенно дипломатике, археографии, методологии истории. Эти стороны творчества Лаппо-Данилевского изучались специалистами и нашли отражение в научной литературе — в обобщающих трудах по истории исторической науки, в отдельных статьях и воспоминаниях об историке. И вот теперь богатое рукописное наследие ученого, не введенное в научный оборот, открывает до сих пор неизвестную (или почти неизвестную²) и неисследованную сторону научной биографии Лаппо-Данилевского как историографа.

Из историографических работ Лаппо-Данилевского опубликована мизерная часть. Это — рецензии и статьи об отдельных историках, написанные по разным поводам, чаще всего по заказу Академии наук, некрологи, посмертно опубликованный неоконченный «Очерк развития русской историографии», адресованный английскому читателю³.

Как теперь выяснилось, Лаппо-Данилевский занимался проблемами отечественной историографии в течение всей своей научно-педагогической деятельности. Обычно он читал историографический курс с интервалами в два года, иногда — через год. В промежутках между курсами Лаппо-Данилевский продолжал работать над вопросами историографии, значительно пополняя, углубляя и расширяя ее проблематику. В его архиве отложились рукописные свидетельства этой упорной и многолетней работы. Обнаруженные материалы дают основание говорить не только о том, что Лаппо-Данилевский пополняет собой ряды русских историографов, но и утверждать, что он выдвигается среди них на передний план.

Задача настоящей статьи — ознакомить с комплексом историографических трудов Лаппо-Данилевского и показать основную тенденцию его историографических воззрений. В работах по истории исторической науки Лаппо-Данилевского — поборника идеализма — проявились и его собственная эволюция от позитивизма к неокантианству, и рост историографии как научной дисциплины, и типичные черты в целом буржуазно-дворянской исторической науки периода ее кризиса.

Известно, что талантливые натуры обычно наиболее полно и ярко отражают в своем творчестве состояние эпохи, ее изломы, независимо от того, осознавали они это или нет. Они отражают не только передовые, положительные явления, но и болезненные черты времени — искания, заблуждения, характерную аберрацию мышления. В области исторической науки к таким людям принадлежит А. С. Лаппо-Данилевский. Формирование его мировоз-

зрения началось в годы глухой реакции, в период как бы замедленного исторического развития, но значительная часть жизни историка прошла в насыщенный крупными историческими событиями период. Не случайно людей того поколения Александр Блок называл детьми «страшных лет России», переживших «испепеляющие годы». Лаппо-Данилевский был современником трех войн (русско-японской, первой мировой и гражданской) и трех российских революций.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский родился 15 января 1863 г. в богатой дворянской семье и был, что называется, питомцем «усадебной культуры». Он получил хорошее домашнее образование, которое, как отмечают его биографы, явилось основой будущей эрудиции историка. Детство и отрочество его прошли в южном имении отца — предводителя дворянства, а затем вице-губернатора Симферополя. Около двух лет семья Лаппо-Данилевских провела в Швейцарии. По возвращении из-за границы мальчик поступил в симферопольскую гимназию, которую окончил с золотой медалью в 1882 г. Уже в гимназические годы Лаппо-Данилевский начал интересоваться философией. В своей автобиографической заметке он отмечал, что по труду Льюиса познакомился с системами Конта и Милля, а под влиянием Тэйлора, Спенсера и Грота стал увлекаться первобытной культурой и античным миром.

В том же 1882 г. Лаппо-Данилевский поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Уже в юности достаточно отчетливо проявлялась политическая направленность Лаппо-Данилевского. В противоположность революционно настроенной молодежи он в 1884—1885 гг. принимал деятельное участие в студенческом научно-литературном обществе, которое объединяло так называемое «идеалистическое студенчество». Это общество противопоставляло «научную работу как карьеризму, так и преждевременному политиканству и революционерству»⁴. Однако даже это вполне благонадежное общество было закрыто правительством. Впоследствии Лаппо-Данилевский стал членом кадетской партии. Он избирался от Академии наук в Государственный совет при I Думе, после Февральской революции входил в комиссию Ф. Ф. Кокочкина по выработке избирательного закона в Учредительное собрание; Великую Октябрьскую социалистическую революцию воспринял как «грозный удар». Умер Лаппо-Данилевский в 1919 г.

Лаппо-Данилевский в начале своей деятельности находился под влиянием государственной школы историков. В частности, под воздействием Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского он занялся изучением государственного строя Московского государства. Его магистерская диссертация была посвящена истории организации прямого обложения в Московском государстве XVII в. В 1886 г. А. С. Лаппо-Данилевский был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию.

Научная карьера Лаппо-Данилевского была на редкость бли-

стательной и стремительной. В 1890 г. он приват-доцент Петербургского университета и экстраординарный, а потом и ординарный (с 1891 г.) профессор Историко-филологического института, а всего лишь через девять лет (в 1899 г.), в 36-летнем возрасте, он стал уже академиком. Лаппо-Данилевский был избран в Академию наук на год раньше признанного авторитета исторической науки В. О. Ключевского, моложе которого он был более чем на 20 лет. Напомним, что С. М. Соловьев был избран в академики в возрасте 52 лет, В. О. Ключевский — в 59 лет, К. Н. Бестужев-Рюмин — в 61 год, В. С. Иконников — в 73 года. В данном случае Лаппо-Данилевского можно сравнить с А. А. Шахматовым, одновременно с ним избранным в действительные члены Академии наук (ему было тогда 35 лет). Однако столь быстрое научное признание не избавило Лаппо-Данилевского от сомнений в правильности избранного им пути. Уже будучи академиком он, например, высказывал сомнения, не стоило ли ему посвятить свою жизнь музыке. Заметим попутно, что он изучал и высшую математику; в его архиве сохранились рукописи по теории вероятности, дифференциальные исчисления и т. п. Его ученики и друзья с горечью свидетельствовали о постоянных сомнениях, переходивших «в мучительную нерешительность передать работу, по существу готовую, типографскому станку»⁵. Этим свойством можно отчасти объяснить, почему историографический труд Лаппо-Данилевского остался неопубликованным.

Как уже сказано, Лаппо-Данилевский занимался русской историографией в течение всей своей педагогической и научной деятельности. В результате накопился обильный историографический комплекс. До наших дней сохранились отдельные фрагменты и несколько детальных вариантов планов и проектов историографического труда. Но в большинстве случаев намеченные темы так и не были им до конца разработаны. Постоянно подбирался и систематизировался новый материал, набрасывались отдельные суждения, делались замечания, писался текст, который в свою очередь испещрялся дополнениями и уточнениями. Все это отражает поиск ученого, но на всем этом лежит печать незавершенности.

Рукописи Лаппо-Данилевского в подавляющем большинстве не имеют датировки. Конкретное содержание, авторские пометы, библиографические сноски и другие наблюдения все же дают возможность определять хотя бы приблизительно последовательность их написания. Историографические взгляды Лаппо-Данилевского, тесно переплетенные с его общепhilософскими, теоретическими и историческими воззрениями, претерпели значительную эволюцию. Все эти моменты в совокупности позволяют выделить три периода в работе историка над проблемами отечественной историографии.

Первый период — 1890-е годы. Философско-историческая концепция Лаппо-Данилевского во многом предопределяла его под-

ходы к русской историографии. В первые годы своего преподавания, с чем и было связано появление его историографических работ, Лаппо-Данилевский находился под влиянием философии позитивизма. Как известно, позитивизм оказывал сильное воздействие на развитие всей буржуазной исторической науки в России с середины 70-х годов XIX в. Лаппо-Данилевский, как свидетельствовал его ученик и биограф А. Е. Пресняков, «был глубоко захвачен этим течением и долго перерабатывал в своем мышлении его воздействие»⁶. Итак, разделяя ставшие традиционными для буржуазно-либеральной исторической науки позитивистские взгляды, являясь сторонником государственной теории исторического процесса, Лаппо-Данилевский вполне традиционно подходил тогда и к истории исторической науки.

Курс по русской истории, прочитанный им для студентов первого курса в 1890/91 учеб. г., открывался вводными лекциями по источниковедению и историографии, объединение которых было характерным для истории обеих дисциплин на начальной стадии их формирования. Оно отражало общий уровень развития исторической науки, когда источниковедение и историография еще не вполне обособились, так как не были еще достаточно разработанными. Подобный подход и соответствующее построение материала шло от К. Н. Бестужева-Рюмина, поддерживалось М. О. Кояловичем, В. С. Иконниковым, Д. И. Багалеем, т. е. было в известной степени в традициях дореволюционной историографии. Насколько можно судить по сохранившейся литографии, правленной автором, вступительная часть курса Лаппо-Данилевского не являлась единичной обзорной лекцией, как нередко бывало в более ранних курсах других авторов. То был небольшой цикл лекций объемом в 156 литографированных страниц. Листаж между разделами «Памятники», где рассматривались «памятники языка», «памятники вещественные», «памятники народной словесности и письменные», и «Историографией» делился примерно поровну. Вскоре, а именно с 1892/93 учеб. г., историографическая часть превратилась в специальный курс лекций по русской историографии и оставалась таковым все последующие годы.

Традиционным был и исходный момент историографических лекций — с конца XVII и начала XVIII в., как начинал, например, в свое время С. М. Соловьев. Иногда Лаппо-Данилевский читал курс и с середины XVIII в., с А.-Л. Шлёцера. Летописный период тогда им в историографию не включался, а сведения о важнейших исследованиях о летописях в виде списка литературы приводился автором в первой, источниковедческой части.

Находясь под влиянием позитивизма, Лаппо-Данилевский следил за причинно-следственной связью историографических явлений, придавал самодовлеющее значение развитию идей, чрезмерно преувеличивал западное влияние на русскую историческую мысль. Это нашло конкретное выражение в эволюционизме — история исторической науки представлялась им как абсолютно бесконфликтный, ровный процесс. Опуская почти пол-

ностью характеристики отдельных историков и их трудов, Лаппо-Данилевский подчеркивал причинно-следственную зависимость историографических явлений. Но и это он делал в предельно сжатом виде. Приведем тому лишь один пример: «Научная деятельность М. Каченовского и Н. Полевого,— писал он,— в значительной мере возникли как реакция против труда Карамзина и в свою очередь вызвали протест со стороны М. П. Погодина»⁷.

Ранний цикл историографических лекций Лаппо-Данилевского носил в целом еще очень общий, обзорный характер, но и там уже были элементы, отличавшие его подход к истории науки от подхода предшественников, которые он развивал и разрабатывал в следующий период. Это — стремление к периодизации русской историографии⁸, тенденция к вывлению направлений в науке, внимание к истории самой историографии⁹. Последней темой заканчивалась историографическая часть курса.

Второй период — начало 900-х годов, когда начался отход Лаппо-Данилевского от позитивизма и шел поиск новых методологических позиций. В 1902 г. он выступил в печати с критикой основателя позитивизма О. Конта в работе «Основные принципы социологической доктрины О. Конта», опубликованной в сборнике «Проблемы идеализма». Весь сборник был ориентирован главным образом против долго господствовавшего в русской научной мысли позитивизма; ему противопоставлялся идеализм. Что касается историографии, то эти процессы не находили еще в ней непосредственного отражения.

В начале 900-х годов Лаппо-Данилевский особенно интенсивно и плодотворно работал над проблемами истории исторической науки. Мы склонны считать работы данного времени вершиной историографической эволюции Лаппо-Данилевского. Теперь для него характерны новые подходы к историографии с теоретической точки зрения; сказалось влияние международных конгрессов по истории науки, участником которых он был. В этот период он выдвигал требование систематической полноты изучения историографии. В противоположность первому периоду, когда он почти избегал приводить сведения об авторах исторических произведений, теперь он предполагал подробно освещать жизненный путь и творчество историков. Во втором периоде понимание предмета историографии Лаппо-Данилевским значительно шире.

Далеко не все авторы историографических сочинений признавали необходимым указывать тот круг вопросов, которым призвана была, по их мнению, заниматься история исторической науки, и давать дефиницию предмета. Без специальных формулировок обходился, например, С. М. Соловьев; видимо и у В. О. Ключевского она отсутствовала — во всяком случае ее нет в сохранившихся рукописях историка. Лаппо-Данилевский задумывался над вопросом, нужно ли давать определение предмета. На одном из вариантов вступительной лекции к историографическому курсу он записал на полях: «м[ожно] без определения:

но определение нужно, ибо должно содержать по крайней мере намек на *ориентировку* в развитии всякой историографии»¹⁰. Видимо, в связи с выработкой определения предмета историографии Лаппо-Данилевский поставил перед собой исследовательскую задачу: выяснить историю терминологического толкования историографии. Однако эта часть работы не была им завершена, как, впрочем, и вся его историографическая работа в целом. Лаппо-Данилевский подчеркивал, что подходит к историографии с трех точек зрения — исторической, логической и феноменологической. Вначале он рассматривал этимологию слова «историография».

В прежние времена термин «историография», указывал Лаппо-Данилевский, имел другой смысл — он получил свое значение в связи с термином «историограф». Еще в Древнем Риме, в Венеции, в Древнем Китае¹¹ существовала такая должность. Но само слово «историограф» французского происхождения и возникло оно во французской истории и литературе, обозначало вначале живописца, писавшего исторические миниатюры, а примерно с XVI в. оно уже обозначало лицо, которому король официально поручал писать историю Франции¹². «Под „историографом“, — писал Лаппо-Данилевский, — разумеют писателя, специально состоящего при каком-либо лице, фамилии, династии или даже целой нации; ему поручается ежедневно записывать исторические события, *интересующие того*, от кого он зависит»¹³. Они должны были писать в художественной, изысканной форме, поэтому на этой должности часто встречались крупнейшие писатели. Лаппо-Данилевский упомянул многие имена историографов, которые получали специальный чин государственного советника и состояли при дворе французских королей начиная с Карла VII (т. е. с XV в.), назвав в их числе Расина, Буало, Вольтера. О последнем он писал, как об авторе специальных статей под названиями «Историк» и «Историограф», содержание которых Лаппо-Данилевский кратко передавал. Однако термин «историография», указывал Лаппо-Данилевский, утвердился, видимо, не во французской, а в немецкой научно-исторической литературе и благодаря ей получил распространение¹⁴.

Лаппо-Данилевским были сделаны значительные заготовки для раскрытия этого понятия — выписки из ряда работ на французском, английском и немецком языках. Группировался материал по темам: античная историография, средневековая историография, французская, немецкая и т. п. историография, а также «Должность историографа в Италии», «Британский историограф», «Прусский историограф» и т. п. Предусматривал он и тему «Термин „историография“ в русском языке»¹⁵. К сожалению, и эта часть не была им написана, но собранный к ней материал дает некоторую возможность представить авторский замысел.

Им были сделаны любопытные выписки из тех сочинений, где употреблялось слово «историограф». Так, он указывал на проповедь церковного деятеля первой четверти XVIII в. Стефа-

на Яворского, который называл разных писателей-историков «историографами»¹⁶; приводил выдержку из дневников записок Дмитрия Ростовского от 8 ноября 1708 г.¹⁷; цитировал жалобы гр. Разумовского от 21 сентября 1750 г., где было сказано, что он приготавливал «себя к исполнению должности историографа и к другим Российскому государству полезным службам»¹⁸; собран материал о понимании Ломоносовым обязанностей историографа при Академии наук. Однако Г.-Ф. Миллера, Н. М. Карамзина Лаппо-Данилевский упоминал лишь вскользь, возможно, по той причине, что эти факты были хорошо известны.

Говоря о предмете историографии, Лаппо-Данилевский многократно отмечал, что употребление термина «историография» все чаще стало приближаться к понятию «история исторической науки» и к «истории истории»¹⁹.

Резюмируя свои наблюдения, Лаппо-Данилевский писал: «История термина „историография“ показывает, что он первоначально обозначал или самый процесс составления (ср. должность историографа) исторического сочинения, обыкновенно в национально-патриотическом, официальном духе, или данную *совокупность таких сочинений*, рассматриваемую в данных пределах времени и пространства»²⁰, т. е., с одной стороны, еще неотделение историографии на определенном этапе от писания истории, а с другой — уже сами исторические труды как объект изучения. Постепенно термин «историография» утратил прежний специальный смысл, обозначающий историческую науку вообще, и все больше стал включать в себя «преимущественно сочинения, обнаружившие *какую-либо цельную концепцию* истории человечества: или целой страны, или нации и т. п.»²¹

Лаппо-Данилевский утверждал, что к термину «историография» можно подходить в ином смысле, не в историческом, а в логическом или феноменологическом»²². (Напомним попутно, что феноменология в философии Гегеля обозначала учение о развитии сознания, духа.) И дальше он пояснял: «С логической точки зрения термин „история“ представляется нам не совсем удобным потому, что он употребляется в двойном смысле: а) для обозначения *бывшего* (вот так история! Случилась история и т. п.), б) для обозначения нашего представления о *бывшем* или научного его построения, выраженного в каком-либо произведении. В последнем смысле можно употреблять термин „историография“».

С феноменологической точки зрения под «историографией» в отличие от «исторического исследования» Лаппо-Данилевский предлагал «разуметь более или менее *цельную концепцию* истории человечества, целой страны или нации, концепцию, получившую свое выражение в каком-либо произведении исторической литературы»²³. Итак, Лаппо-Данилевский видел здесь предмет историографии в изучении исторических концепций. Такое понимание предмета историографии было распространено достаточно широко в дореволюционной исторической науке России.

В научной литературе нередко встречалась трактовка истории исторической науки как «самосознания» и «самопознания». Эти выражения можно найти в работах И. Н. Болтина, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, И. В. Лашнюкова и др., но особенно оно характерно для М. О. Кояловича, который вынес его в название своего историографического труда: «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям». Но ко времени Кояловича такое понимание историографии воспринималось как устаревшее и поэтому вызывало возражения большинства рецензентов и последующих авторов историографических работ, в частности со стороны П. Н. Милюкова²⁴. Однако в 1900-х годах Лаппо-Данилевский вновь возвратился к этому термину. В одной из рукописей (примерно 1905—1906 гг.) он замечал: «Прежние русские историки охотно указывали на то, что историография есть *народное самосознание*; такое понимание *слишком широко*: ведь философия, литература, искусство и т. п. есть то же народное самосознание; историография — лишь то самосознание народа, которое выразилось в научной обработке сознания прошлого»²⁵. Из вышесказанного может создаться впечатление, что Лаппо-Данилевский возражал против прежнего определения. Между тем, если он говорит, что историография — та часть самосознания народа, которая выразилась «в научной обработке сознания прошлого», то это, по существу, повторение взгляда Кояловича²⁶.

Заглавия историографических работ часто отражают авторское понимание сущности предмета исследования. Лаппо-Данилевский назвал свой курс «Главнейшие направления в русской историографии», что на первый взгляд может показаться равнозначным заглавию известной книги П. Н. Милюкова «Главные течения русской исторической мысли». Но между ними есть существенное различие. Лаппо-Данилевский своей формулировкой не сводил русскую историографию только к развитию исторической мысли, не ограничивал ее лишь историей смены исторических концепций, как то делал Милюков. Его определение открывало возможность более широкого понимания предмета истории исторической науки, что им в действительности и делалось. И в то же время позиция Милюкова была ему во многом близка.

Невозможно точно датировать тот момент в развитии историографических взглядов Лаппо-Данилевского, когда он (видимо, не без влияния многотомного труда В. С. Иконникова «Опыт русской историографии»²⁷) пошел по пути расширения проблематики истории исторической науки. Он стал предусматривать также изучение «ученых и учено-учебных» учреждений, исторических обществ, истории собирания источников и т. п. Намечал Лаппо-Данилевский и включение в отечественную историографию «вспомогательных наук», куда относил историческую географию, хронологию, археографию, историческую библиографию и библиографию, историческую критику; а также историю сопре-

дельных наук — русскую филологию, русскую этнографию, русскую археологию. Предполагал Лаппо-Данилевский освещать популярную и учебную историческую литературу; особо говорил об источниках для истории науки, т. е. обращал внимание на разницу между историческими и историографическими источниками. На всех этапах работы над проблемами истории исторической науки Лаппо-Данилевский держал в поле зрения историю самой историографии, на чем подробнее мы остановимся несколько ниже. Все эти интересные и важные для изучения истории историографии соображения и наблюдения были рассыпаны по его рукописям, но не были обобщены. Но сама постановка подобной задачи была значительным шагом вперед в процессе внутреннего роста историографии как научной дисциплины.

Таким образом, Лаппо-Данилевский находился в поиске, в процессе которого он довольно полно отразил опыт своих предшественников в понимании предмета историографии и вместе с тем продвинулся значительно дальше. Он, как и И. В. Лашнюков, говорил о проблеме национальной историографии; как и М. О. Коялович, говорил об историографии как о самосознании; как тот же Коялович и П. Н. Милюков, видел предмет историографии в изучении исторических концепций и умственного развития человечества, поскольку история истории выражалась «последовательным рядом попыток построения нашего прошлого»²⁸; как и В. С. Иконников, раздвигал рамки историографии. Важно подчеркнуть, что Лаппо-Данилевский говорил не только о том, что должно входить в русскую историографию, но и о том, что не должно входить в нее²⁹. Это свидетельствовало о выработке им критерия отбора историографических фактов. Но все попытки Лаппо-Данилевского и его коллег по расширению предмета историографии были ограничены, ибо многие важнейшие стороны истории исторической науки оставались в стороне. И прежде всего вопрос об изучении социальной сущности исторической науки, о ее классовой направленности, который тщательно обходился буржуазно-дворянской исторической наукой дореволюционной России.

Как отмечалось выше, Лаппо-Данилевским был накоплен значительный опыт в изучении истории историографии. Однако и этот раздел работы не был завершен. Лаппо-Данилевский не ограничивался фиксацией и краткой информацией о литературе по русской историографии, как то делалось другими, а переходил к научной разработке темы. Рукописи историка отразили поиск названия для данного раздела. То он озаглавливался «Обозрение развития русской историографии», то «Обозрение развития *истории* русской историографии» (подчеркнуто нами.— *Р. К.*), то вновь возвращался к первому варианту, сохраняя при этом и второй.

Лаппо-Данилевский подходил к изучению истории историографии как к историческому явлению, которое проходило в своем развитии несколько стадий. На этом основании в истории изучения отечественной историографии им выделялись три пе-

риода; иногда он склонялся к выделению четырех периодов, разделяя второй период на два.

Первый период датирован 20—30-ми годами XIX в. и назван «Изучение научной обработки русской истории с точки зрения критической школы» (вариант: «...с точки зрения школы, основанной Шлёдером»). Критерий определения этого периода вполне историографичен: споры между «скептиками» и «апологетами» о достоверности древнейших памятников вызвали появление ряда обзоров критической истории. Всю историографическую литературу этого времени Лаппо-Данилевский в свою очередь сгруппировал вокруг следующих трех тем: «с точки зрения низшей критики: А. Шлёдер», «с точки зрения высшей критики: А. Зиновьев, Н. Надеждин, А. Федотов» и «с критической точки зрения в связи с феноменологической: Н. Иванов». Несколько позднее автором был сюда подключен А. Александров.

Выявление второго периода также основывалось на историографическом событии — на возникшей потребности в общих историографических обзорах в связи с дискуссиями славянофилов и западников: «...желание взглянуть на нашу историографию с каждой из этих точек зрения»³⁰. К работам по истории исторической науки данного периода он относил труды А. В. Старчевского, М. О. Кояловича и А. Н. Пыпина.

Третий период — «Новейшие попытки изложения русской историографии с научной точки зрения» — начинался с характеристики работ С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, И. В. Лашнюкова, Н. Полетаева, а заканчивался трудами В. С. Иконникова, П. Н. Милюкова и Д. И. Багалая. Правда, для анализа работы последнего был лишь заготовлен лист, так и оставшийся чистым.

Помимо характеристики перечисленных периодов Лаппо-Данилевский предусматривал и такие темы, как «История умственного и общественного движения в XIX в. ввиду связи ее с историографией того же периода» и «Главнейшие пособия по историографии», к которым относили и литературу по истории философии, Упомянул он и труд Н. Загоскина «История права русского народа», где был отдел «Русская историография в связи с развитием русского историко-юридического знания» и другие «не чисто» историографические работы.

Анализировал Лаппо-Данилевский историографическую литературу по четко разработанной им схеме: полные библиографические данные, краткое содержание, достоинства работы, ее недостатки, рецензии (если они были). Историографические работы получали четкую и острую характеристику, которая, к сожалению, все же, скорее, носила характер заметок для памяти, чем готовый текст. В ряде случаев оценки были сравнительно пространными, в других — лапидарными; бывали случаи (так, как с работой Багалая), когда по задуманной теме не было еще сделано никаких записей.

В конце XIX — начале XX в. историками стал подниматься новый вопрос, свидетельствующий о качественном росте научной дисциплины — историографии. Это вопрос об определении места истории исторической науки в общей системе знаний. Еще Коялович говорил о русской историографии как части национально-русской науки. Ключевский вводил историографию в общий корпус сугубо исторических знаний наряду с методологией истории, терминологией и источниковедением. Милюков рассматривал историографию как элемент истории русской культуры, вобравшей в себя главнейшие особенности развития России, «все стороны внутренней истории: и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую»^{31–32}.

Лаппо-Данилевский в значительной степени разделял указанные точки зрения, а под влиянием международных конгрессов историков, которые организовывались с 1900 г. и участником которых он был³³, стал более широко подходить и к этой проблеме. На международных конгрессах создавались специальные секции и подсекции по истории науки — по истории физики, математики, естествознания и медицины. Лаппо-Данилевский заинтересовался общими науковедческими проблемами и в связи с этим историю исторической науки рассматривал как часть не только русской, но общемировой истории науки. Теперь он отмечал, что курс русской историографии имеет двойное значение — общее и специальное: «*Общее значение* курса состоит в том, что он принадлежит к разряду курсов по истории науки; *специальное* — в том, что он дает некоторое понятие о развитии русской исторической науки»³⁴.

В глобальном развитии науки Лаппо-Данилевский различал два влияющих друг на друга процесса — это «логическое раскрытие данной научной идеи» и «реализация» данной научной идеи «в данных условиях пространства и времени». Относя историю исторической науки к истории всей науки, он считал, что общие задачи и приемы истории наук «можно выяснить и на примере истории истории; во всяком случае, их следует иметь в виду и при изложении истории истории»³⁵.

Серьезное внимание уделял Лаппо-Данилевский вопросам периодизации русской историографии. Эту проблему он выделял и разрабатывал как самостоятельную исследовательскую задачу. Периодизация истории русской исторической науки постоянно находилась в его поле зрения, о чем свидетельствует значительное число разновременных вариантов. Так как данный вопрос освещался нами ранее³⁶, то в настоящей статье мы ограничимся лишь напоминанием о том, что Лаппо-Данилевский постепенно расширил хронологические рамки отечественной историографии. В курсах 90-х годов и даже начала 900-х первым периодом он называл время со второй половины XVII в., а иногда и с середины XVIII в. Позднее он стал начинать значительно раньше — с древнерусского летописания XI в., или, как он го-

ворил, с первых попыток исторического деписания, и кончал курс историографии работами историков XIX — начала XX в. А. П. Щапова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского.

В теоретическом плане ставил Лаппо-Данилевский вопрос о критериях при определении периодов — должен ли быть единый критерий для всех периодов, или же в каждом из них есть свои признаки. В конце концов он приходит к выводу: «...принципы периодизации подчинены принципам периодизации по научным идеям»³⁷. Другими словами, смена идеологических течений становилась для него определяющим³⁸, что соответствовало свойственному ему эволюционизму.

В тесной связи с решением вопроса периодизации отечественной истории Лаппо-Данилевский разрабатывал одну из важнейших и коренных проблем истории исторической науки — проблему историографических направлений. Именно ее он и отразил в названии своего курса — «Главнейшие направления в русской историографии XVIII—XIX в.»

К проблеме направлений в исторической науке Лаппо-Данилевский подходил как теоретик. В данном вопросе он шел не столько от конкретного изучения отечественной историографии, как то делало большинство его коллег, сколько от общих положений («принципы периодизации подчинены принципам периодизации по научным идеям»). По мере развития общества воззрения историков, писал он, становились все менее личными, произвольными: «Историк все более специализируется, из *любителя* (духовного или мирского) становится *ученым*, владеющим научным методом». Историк становился все более связанным с обществом и «все чаще является представителем целых *школ, направлений или партий*»³⁹.

В одной из более поздних рукописей Лаппо-Данилевский, подытоживая свои историографические наблюдения, подтвердил свой вывод о том, что историю науки следует изучать преимущественно по направлениям. При этом он не отрицал возможности и других приемов исследования, например по историкам или по проблемам. Но если будет преобладать изучение личностей историков, рассуждал он, то историография может превратиться в сборник биографий, что придаст «слишком большое значение индивидуальности и, таким образом, возводит одно из главных условий возникновения всякого труда нередко в единственную ее причину». В результате к частному (историку) привязывается общее (история науки). «Неудобство» изучения истории науки путем создания серии биографий, по мнению Лаппо-Данилевского, заключается и в том, что при этом методе переходные эпохи, чрезвычайно важные для понимания развития истории науки, опускаются или комкаются. К тому же труды историка, рассмотренные в хронологическом порядке, «могут принадлежать к *разным школам, по которым изображение его деятельности и должно было разместиться* (курсив нас. — Р. К.)»⁴⁰. Но тут же

он оговаривается: «... впрочем, не всегда удобно разрывать деятельность лица, если она систематична»⁴¹.

При изучении отдельных проблем затрудняют исследование, как справедливо указывал Лаппо-Данилевский, как отсутствие определившихся школ и направлений, так и чрезмерно индивидуалистический характер. Если же школы и направления определены, то периоды развития историографии «легче поддаются изучению их по проблемам»⁴². Таким образом, и при проблемном способе изучения историографии и при изучении творчества отдельных историков главным условием, по Лаппо-Данилевскому, остается выявление историографических направлений. Отдавая явное преимущество изучению истории исторической науки по направлениям, Лаппо-Данилевский и в этом подходе видел свои «неудобства», например необходимость в ряде случаев мириться с «разрывом» деятельности отдельных лиц. Поэтому он считал желательным соединение воедино всех способов исследования.

Приведенные выше высказывания Лаппо-Данилевского говорят о тонкости его историографического анализа. Однако не менее важным является реальное применение собственных наблюдений к конкретной историографической действительности.

Никто из предшественников Лаппо-Данилевского в области изучения историографии не задумывался над тем, что же такое есть само понятие «направление» и чем оно, собственно, отличается, например, от понятия «школа». В историографической литературе обычно употреблялись термины «направление», «школа», «течение», «партия», «тенденция» и тому подобное как простые синонимы. Лаппо-Данилевский тоже полностью не решил этой задачи, порой противоречил себе, но он поставил этот вопрос и высказал по этому поводу свои соображения. В данном случае важен не его конкретный ответ, даваемый с идеалистических позиций, а сама постановка вопроса.

Отличие этих понятий Лаппо-Данилевский видел прежде всего в моменте возникновения определенного направления или школы, в самой личности их основателя. В связи с этим он говорил о влиянии так называемого творца-историка на окружающее его общество и на последующие поколения. «Историк-творец», по Лаппо-Данилевскому, создает выдающийся труд, который оценивается специалистами и публикой с разных и далеко не всегда совпадающих точек зрения. Но данный труд оценивается не только современниками. Он влияет и на последующие поколения, вызывая сторонников и подражателей — «словом, основывает направление или школу». Вот здесь Лаппо-Данилевский и ставил вопрос о различиях понятий «школа» и «направление». Он утверждает, что понятие «направление» более широкое, чем «школа». В школе нередко преобладает личное воздействие учителя-творца на ученика. Школьное учение «есть изучение не фактов, а мнений известных авторитетов об этих фактах. Школа дает *метод*; направление сводится скорее к образованию истори-

ческого *пошиба* (genre)». «Направление общее есть ориентировка»⁴³. В одном направлении, продолжает Лаппо-Данилевский, могут быть лица, совершенно независимые друг от друга (т. е. необязательно они должны быть учителем и учениками). Кроме того, результаты исследования могут быть достигнуты в одном направлении разными методами. Однако Лаппо-Данилевский не пояснил, что он конкретно понимает под «разными методами», могущими существовать у историков одного направления. Видимо, у него самого не было тут достаточной ясности, так как он сам при определении историографических направлений в качестве одного из критериев выдвигал именно метод исследования.

Лаппо-Данилевский очень широко задумывал осветить историю исторической науки в России, главным образом с точки зрения влияния западноевропейских философских систем. Сохранились несколько детальных вариантов разработки этой темы, но до законченного текста дело не дошло.

Еще в раннем историографическом курсе 1890-х годов, где лишь намечалась тенденция к выявлению направлений, Лаппо-Данилевский, говоря о последнем периоде в развитии русской историографии — «научная обработка русской истории», выделял три группы работ: «научная разработка русской истории под влиянием идей XVIII в. и реакция против этих идей», «разработка русской истории под влиянием идеи о едином начале развития „славянофилы и западники“» и «разработка русской истории под влиянием идеи о множественности начал развития». Внутри последней группы работ выделена «этнографическая точка зрения в приложении к историческому изучению русской народности»⁴⁴. Важным моментом представляется то, что Лаппо-Данилевский предполагал останавливаться в историографическом курсе не только на идеалистических теориях, но и на материалистических⁴⁵.

По всем перечисленным проблемам, над которыми работал историк во второй период своей работы в области отечественной историографии, Лаппо-Данилевский стремился показать внутреннюю эволюцию каждой проблемы. Сама теоретическая постановка Лаппо-Данилевским ряда историографических проблем была для своего времени нова. Общий замысел труда по истории исторической науки и частичное осуществление его отражают возросший уровень историографической мысли в дореволюционной России. Можно лишь выразить сожаление, что Лаппо-Данилевский не успел именно на втором этапе, когда он находился на подъеме, создать обобщенный историографический труд.

Примерно в 10-х годах наступает новая полоса — третий период в работе Лаппо-Данилевского над русской историографией, тесно связанный с попятным движением его общей идеалистической позиции — с переходом на неокантианские позиции. Неокантианство Лаппо-Данилевского было выражением общего кризиса буржуазной исторической науки начала XX в., для которой в целом было характерно возрождение идеализма. Сущность этого идейного кризиса выразил Р. Ю. Виппер, когда в 1912 г. сказал,

что идеалистические направления облекались тогда «в форму какой-нибудь реставрации: это — неокантианцы, неофихтеанцы, неовиталисты и т. п. Назад к какой-нибудь тихой пристани, за какую-нибудь надежную стену!»⁴⁶.

К тому времени Лаппо-Данилевский уже заканчивал работу над «Методологией истории», где с неокантианских позиций разрабатывал теорию исторического источника. Несколько позднее он попробовал с той же меркой подойти к истории исторической науки, что особенно ярко сказалось в его подходе к проблеме историографических направлений XVIII в.

Неокантианцы, как известно, классифицировали науки по их методу, по формально познавательным целям, по объектам изучения. Именно эти признаки и взял Лаппо-Данилевский в качестве критерия при определении направлений в исторической науке России XVIII в. Выбор им этого столетия легко объясним. Дело в том, что изучение истории и историографии XVIII в. было типичным и актуальным для историков пореформенной России. Пытаясь разобраться в сложных современных процессах, они старались понять их на сходных примерах прошлого, и прежде всего на примерах из русской истории XVIII в. Одновременно с изучением конкретной истории России этого столетия шла и историографическая его разработка. Поэтому развитие исторической мысли в XVIII в. в дореволюционной научной литературе было сравнительно полно историографически разработано.

В отличие от других ученых (например: В. О. Ключевского или П. Н. Милокова), выделявших историографические направления по совокупности всех признаков, Лаппо-Данилевский определял направления по каждому критерию в отдельности. Поэтому его направления крайне нестабильны — они были зависимыми от примененного к ним критерия, от выбора которого менялись количество направлений, состав направлений и даже один и тот же историк мог одновременно принадлежать к нескольким направлениям.

Итак, первый вариант Лаппо-Данилевского — направления в русской историографии XVIII в., выявленные им по целям исследования. Так же, как и Милоков, он отмечал для историков того времени две цели — утилитарную и научную, и соответственно выводил два направления. К первому, утилитарному направлению он относил В. Н. Татищеву, М. В. Ломоносова и М. М. Щербатова. Ко второму, научному — Г.-З. Байера с Г.-Ф. Миллером и русского историка И. Н. Болтина. Объединением Болтина с двумя немецкими историками в одно направление Лаппо-Данилевский (впрочем, так же как и Ключевский) разрушал традиционное противопоставление историков XVIII в. лишь по национальному признаку.

Второй вариант — выявление направлений с точки зрения метода исследования. С начала XX в., когда буржуазные историки стремились приспособить свои концепции к новым историческим условиям, усилился интерес к методологическим проблемам.

В университетах стали читаться специальные курсы, появлялись отдельные статьи и книги по методологии истории. И Лаппо-Данилевский после 1906 г. по поручению историко-филологического факультета вел преподавание исторической методологии, а к 1913 г. опубликовал два выпуска «Методологии истории». С точки зрения метода исследования он разделял теперь тех же историков XVIII в. на четыре направления.

Первое он назвал *«геврестическим»* (имеется в виду собиране источников, главным образом летописных), куда зачислен В. Н. Татищев. Второе направление — *«критическое»* — к нему отнесен А.-Л. Шлёцер. Третье — *«прагматическое»*, представителем которого назван М. М. Щербатов. И последнее, четвертое направление — *«номологическое»*. Здесь упомянуто имя И. Н. Болтина⁴⁷. Трудно утверждать, что именно подразумевал Лаппо-Данилевский под термином «номологическое» направление, который происходит от греческого *νόμος* — закон и *logos* — учение, слово. В одной из своих рукописей (1905 г.) он записал после упоминания имени Болтина: «законы естественного развития данной национальности»⁴⁸. Мы не располагаем текстом Лаппо-Данилевского, раскрывающим приведенные положения. Безусловно только то, что данная терминология навеяна неокантианством, разделявшим науки на «номотетические» («науки о природе», т. е. естественно-математические) и «идиографические» («науки о духе», т. е. науки о культуре, куда причислялась и история). Согласно этой теории цель исторической науки ограничивалась задачами описания единичного, индивидуального, неповторимого. Да и сами терминологические изыскания также характерны для неокантианства.

Итак, при втором варианте каждое направление состояло всего из одного историка.

С точки зрения объекта изучения не было названо ни одного направления, и ни одного имени историка. В этой части автор указывал на усилившийся интерес историков к «внутренней истории», на появление «нового материала и номологического исследования», на появление «местных» и «частных историй». По существу, он указывал здесь на элементы зарождавшегося буржуазного направления, что обычно опускалось в печатной историографической литературе. Но и Лаппо-Данилевский не раскрыл эту тему.

Таким образом, невозможно сосчитать, сколько же направлений видел Лаппо-Данилевский в русской исторической науке XVIII в. Нередко он сам сбивался, например: то разделял Щербатова и Болтина по различным направлениям (как говорилось выше, одного относил к «прагматическому», другого к «номологическому»), то объединял обоих в одно «номотетическое» направление. Противоречиво высказывался он и о других историках. Возьмем для примера Шлёцера. Применяя свой первый вариант в определении направлений по целям исследования, Лаппо-Данилевский ни к одному из двух указанных им направ-

лений Шлёцера не относил. При втором варианте (по методу исследования) Шлёцер представлял «критическое» направление. Но вот в других частях рукописи встречается положения о критической «школе», основанной Шлёцером⁴⁹. Но ведь «школа» и «направление», по утверждению Лаппо-Данилевского, понятия разные, при этом «школа» понятие более узкое. Так что же основал Шлёцер — «школу» или «направление»? Несмотря на то что Лаппо-Данилевский сознательно разграничивал понятие «направление» и понятие «школа», в его рукописях находим и другие противоречия, свидетельствующие о том, что, видимо, он сам для себя не считал еще вопрос об историографических направлениях решенным. Вероятнее всего, то были не завершённые формулировки, а всего лишь поиски ответа на сформулированный им вопрос. Это простекало оттого, что анализировалось им не идейно-теоретическое содержание, а лишь внешние признаки историографических направлений. Не учитывалась им и борьба направлений.

Неокантианские принципы, примененные Лаппо-Данилевским по отношению к русской историографии XVIII в., не распространялись им на изучение истории исторической науки последующего времени. Об этих критериях он уже не вспоминал. Вероятно, на этом основании можно предполагать, что Лаппо-Данилевский считал, что научно верного решения проблемы найдено им не было.

Завершают историографические работы Лаппо-Данилевского несколько неоконченных материалов, написанных после 1916 г. Среди них рукопись трех частей «Очерка развития русской историографии», две части которой были посмертно опубликованы в 1920 г. Все они в совокупности могут быть рассмотрены как итог многолетней работы ученого. Но, на наш взгляд, этот итог ниже работ Лаппо-Данилевского, написанных им в течение второго периода его историографических изысканий. Он пытался вернуться к исходным позициям первого периода, но и их он уже не мог полностью разделять. Удивительно сбивчиво и нечетко стал он говорить теперь о направлениях того же XVIII в., как будто бы и не он писал ранее о необходимости различать понятия «школа» и «направление». Нет здесь и «гевристического» или «помологического» направлений. Как синонимы он употреблял наряду с понятием «направление» следующие выражения: «научно-критическое изучение», «научно-критическая традиция», «более широкое понимание», «течение», «настроение» и т. п. — одним словом, пропала четкость, к которой он всегда стремился. В результате много собственных ценных наблюдений и выводов, действительно обогащавших науку, теперь попросту выпадали — осталось лишь хронологическое расширение историографии, но это делалось и другими исследователями — М. О. Кояловичем, В. О. Ключевским, В. В. Иконниковым и др.

Таким образом, неокантианство, оторвав Лаппо-Данилевского от собственных научных достижений второго периода, ничего не

дало ему. Для историографических работ Лаппо-Данилевского осталось характерным отсутствие окончательных решений и незавершенность. Его труд остался как бы эскизом огромного замысла, свидетельством поиска и постоянного труда ученого. Видимо, не случайно Лаппо-Данилевский говорил: «Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами; оценку людей, преданных делу, можно производить только с таких точек зрения»⁵⁰. Многие высказанные им соображения, наблюдения и выводы, несомненно, интересны. Его высокое профессиональное мастерство, исследовательский талант обогатили разработку истории русской исторической науки. По сравнению со своими коллегами он более глубоко и широко, но и более отвлеченно подходил к проблемам историографии. В рамках буржуазной историографии именно Лаппо-Данилевскому принадлежит наиболее глубокое осмысление отечественной историографии. Но и он не смог найти действительно научного подхода к истории исторической науки и не сумел обобщить собственные достижения, метался и, по существу, возвращался к старым, исходным рубежам. В этом проявился его личный кризис как ученого, в этом обнаруживалась и несостоятельность буржуазных идеалистических теорий в целом.

¹ Под словом «историографы» имеются в виду лица, профессионально занимавшиеся историей исторической науки.

² Отдельные упоминания об историографическом курсе Лаппо-Данилевского встречаются в воспоминаниях о нем И. М. Гревса, Б. А. Романова, А. Е. Преснякова. Впервые об историографических представлениях Лаппо-Данилевского мы говорили в ст.: Проблема периодизации русской историографии в трудах буржуазных историков середины XIX — начала XX в. — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1971. М., 1973.

³ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии. — Русский исторический журнал, 1920, кн. 6.

⁴ Русский исторический журнал, кн. 6, с. 59.

⁵ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский. Пб., 1922, с. 40.

⁶ Там же, с. 12.

⁷ ЛО Архива АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 259, л. 60.

⁸ Он отмечал три периода в русской историографии: первый — «систематического изложения» со второй половины XVII в., второй —

«попытки критико-систематического и прагматического изложения древнерусской истории в XVII в.» и третий — «научная обработка русской истории» (со Шлёцера).

⁹ Лаппо-Данилевский давал лаконичные оценки трудам К. Н. Бестужева-Рюмина, М. О. Кояловича, А. Пыпина, работам В. С. Иконникова, статьям Леонтовича и П. Н. Милюкова (книга Милюкова «Главные течения русской исторической мысли» к тому времени еще не была издана).

¹⁰ ЛО Архива АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 68, л. 946.

¹¹ Там же, л. 919, 939.

¹² Там же, л. 920.

¹³ Там же, л. 919.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, л. 925.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «...И еще бых писал чином историографическим, то уже бы совершил начатое...» (Там же, л. 926).

¹⁸ Там же, л. 929.

¹⁹ Там же, л. 938, 940 и др.

²⁰ Там же, л. 941.

²¹ Там же, л. 942.

²² Там же, л. 941.

²³ Там же.

- ²⁴ «Только очень давно можно было говорить, что «историк по преимуществу есть венец народа, ибо в нем народ узнает себя (достигает до своего самопознания)». Наше время не верит в такое самонахождение и откровение духа, от века вложенного в народы; следовательно, не поверит и в то, что историография может быть „историей самосознания“» (Миллюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб., 1913, с. 3).
- ²⁵ ЛО Архива АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 63, л. 94б.
- ²⁶ И в рукописи после 1910 г. Лаппо-Данилевский вновь повторил: «Итак, историография — научная дисциплина, занимающаяся изучением развития народного самосознания, поскольку это самосознание: 1) устремлено было на прошедшее и связывает свое прошлое с своим настоящим и будущим и 2) связывалось в теоретической его обработке» (Там же, л. 94б).
- ²⁷ Иконников В. С. Опыт русской историографии: Т. 1, 2 (в 4-х кн.). Киев, 1891—1908.
- ²⁸ ЛО Архива АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 63, л. 90б.
- ²⁹ «В области русской историографии,— писал он,— не должно входить все то, что писалось о России, например сказания иностранцев о России, а только то, что выражало народное самосознание, поскольку оно устремлено было на прошлое и приобрело научные формы» (Там же, л. 895). В другой рукописи та же мысль содержалась в прямом упреке Кояловичу в связи с тем, что тот как раз включил в русскую историографию сказания иностранцев.
- ³⁰ ЛО Архива АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 72, л. 440.
- ^{31—32} Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909, с. 3.
- ³³ Лаппо-Данилевский принимал участие в работе Третьего (Берлин, 1908 г.) и Четвертого (Лондон, 1913 г.) международных конгрессов историков.
- ³⁴ ЛО Архива АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 63, л. 901.
- ³⁵ Там же, л. 902.
- ³⁶ Киреева Р. А. Проблема периодизации русской историографии в трудах буржуазных историков середины XIX — начала XX в.— В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1971. М., 1973, с. 132—137.
- ³⁷ ЛО Архива АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 73, л. 90.
- ³⁸ Там же, л. 89. К примеру, он так детализировал последний «научный» период: «а) гегельянство, славяноф[илы] и запад[ники] (до 1860 г.); в) падение гегельянства (после 1860 г.— Р. К.); падение слав[янофильства] и зап[адничества]; позитивизм; народничест[во]; социальный вопрос».
- ³⁹ Там же, л. 90.
- ⁴⁰ Там же, д. 63, л. 894.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же, с. 89б.
- ⁴³ Там же, д. 68, л. 897.
- ⁴⁴ Там же, д. 259, л. 55об. 62об., 77, 81об.
- ⁴⁵ Так, в одном из вариантов темы «Реакция против Гегеля (левая)» он выделял два пункта: «Материализм», «Социализм и революция 1848 г. и реакция». В другом месте имеется раздел «Борьба между научно-механистическим и научно-идеалистическим направлением в истории», где в свою очередь предусматривались две темы: «1. Исторический материализм и сходные с ним направления», где под литерой а) стоит «Марксизм», а под литерой в) — «Эмпириокритицизм» (!); им противопоставлен «2. Исторический идеализм и сходные с ним направления» (См. там же, д. 73).
- ⁴⁶ Виннер Р. Ю. Две интеллигенции и другие очерки: Сб. ст. и публ. лекций, 1900—1912. М., 1912, с. 275.
- ⁴⁷ Архив ЛО АН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 71, л. 843, 844.
- ⁴⁸ Там же, д. 72, л. 3.
- ⁴⁹ Там же, л. 44б.
- ⁵⁰ Цитируется по ст.: Гравс И. М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: (Опыт истолкования души).— Русский исторический журнал, 1920, № 6, с. 80.

И. Х. ОЗЕРОВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ

Г. И. Щетинина

Вопрос о судьбах капитализма в России выдвинулся в качестве основной проблемы общественно-политической мысли пореформенной России. С тех пор, как она была поставлена социально-экономическим развитием и отразилась в революционной теории, проблема путей и типов капитализма открыто или незримо присутствовала в работах представителей различных идеологических течений. Характер капитализма, относительная слабость русской буржуазии, ее политическая дряблость и заискивание перед царизмом разоблачались еще революционерами-шестидесятниками и народниками. Опыт политического господства буржуазии в западноевропейских странах, обнаруживший в ходе революций иллюзорность буржуазных принципов свободы, равенства и братства, содействовал усилению непопулярности среди русской демократической интеллигенции, относившейся весьма скептически к хищническим аппетитам русской буржуазии, буржуа-дельцов.

Среди представителей русской интеллигенции даже к исходу XIX в. было относительно мало апологетов капиталистического предпринимательства. Тем больший интерес представляют взгляды и деятельность профессоров, непосредственно связанных с деловыми кругами русской буржуазии, представителем которых был И. Х. Озеров, о чем ярко свидетельствуют его записки.

Иван Христофорович Озеров родился в 1869 г. в крестьянской семье Чухломского уезда Костромской губ.¹ После окончания юридического факультета Московского университета он был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию, а с 1895 г. стал приват-доцентом финансового права. В 1898 г. он защитил магистерскую диссертацию «Подходный налог в Англии и экономические и общественные условия его осуществления», а два года спустя докторскую — «Главнейшие течения в развитии прямого обложения в Германии». Автор многих напумевших в свое время книг², Озеров преподавал финансовое право в Московском и Петербургском университетах, в Московском коммерческом институте, на Бестужевских высших женских курсах и др. Наряду с научной и преподавательской деятельностью он уделял много внимания публицистике, сотрудничая в «Торгово-промышленной газете», в «Русском слове» и других изданиях.

И с профессорской кафедры, и в публицистических сочинениях И. Х. Озеров ратовал за развитие «культурного капитализма», за расцвет «производительных сил», которые он отождествлял с капиталистическим прогрессом в духе вульгарного экономического материализма и легального марксизма. Экономист-теоретик был одновременно держателем акций, председателем Центрально-

го банка Общества взаимного кредита, членом правлений Русско-Азиатского банка, акционерного общества «Лензолото» и т. д. Он как бы завершал галерею профессоров-дельцов пореформенного времени, причем в его деятельности проявились многие черты, которые смогли раскрыться лишь в условиях монополистической стадии развития капитализма. Пережив величайшую эпоху революций, осознав полный крах надежд на капиталистическое развитие России, Озеров при Советской власти стал сотрудником Наркомфина³.

Воспоминания И. Х. Озерова мы обнаружили в рукописном отделе Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде⁴. Они представляют собой машинописный экземпляр с пометками автора. Текст разбит на две части: «Воспоминания» и более подробный вариант «К воспоминаниям». Из текста видно, что они были написаны после 1917 г. на основании сохранившихся записей и заметок и остались неоформленными в литературном отношении. Близкий к разговорной речи, иногда со сбивчивыми фразами и с повторами, текст не имеет заключения. Это, скорее всего, черновой вариант воспоминаний.

Воспоминания Озерова посвящены социально-экономической истории России конца XIX — начала XX вв., т. е. предмету, который мало затрагивался в известных нам мемуарах этого времени, причем написаны они с позиций своеобразной исторической концепции, что автор, естественно, не осознавал.

Для всестороннего рассмотрения взглядов Озерова мы привлекаем, наряду с воспоминаниями, и его опубликованные труды.

И. Х. Озеров находился в самой гуще экономической жизни России, участвуя в работе многочисленных комиссий по наследственному, промысловому, жилищному и рабочему вопросам, в разработке подоходного налога. Он имел возможность близко наблюдать как представителей бюрократии, так и воротил крупной буржуазии, постоянно изучая экономическое состояние России и экономическую политику. Человек обширных знаний в области финансового права и экономики, целиком стоявший на почве буржуазного общества, он постоянно критиковал официальный курс экономической политики царизма.

С 1909 г. Озеров избирался членом Государственного совета от университетов. «С выходцами с того света в Г[осударственном] с[овете] невозможно было найти общий язык, — вспоминал Озеров, — нельзя было и заикаться о принудительном отчуждении земли, конечно, с выкупом помещиц[ей] для крестьян. Я помню мои разговоры с С. С. Бехтеевым, очень культурным человеком и автором интересной книги «40 лет...»⁵. Кроме того, что крестьяне — пьяницы и лодыри и работать не хотят, я ничего добиться не мог»⁶.

Препятствия, которые ставило самодержавие капиталистическому развитию, вызывали раздражение Озерова. «Утверждение акционерных уставов у нас было обставлено большими затруднениями, — писал он, — и надо было немало потратить труда и де-

нег» (л. 29). В предложении о введении в России материальной и уголовной ответственности за выпуск недоброкачественных дивидендных бумаг учреждением, банком или частным лицом Озеров ссылался на германское законодательство и американскую литературу⁷.

В опубликованных работах и в мемуарах Озеров вообще довольно часто обращался к параллелям в явлениях экономического развития различных стран, обнаруживая свою приверженность американизму. Ратуя за повсеместное строительство железных дорог, он, в частности, утверждал, что создание «разветвленной нервной стальной системы» способствовало в числе других факторов капиталистическому развитию Соединенных Штатов. «У нас же,— с горечью добавлял Озеров,— сидели в канцеляриях Плюшкины, поседевшие в искусстве ткать всякие препятствия экономическому развитию страны» (л. 27)⁸. Со страниц воспоминаний перед читателем встает энергичный деятель, посвятивший много сил, знаний и много личных средств делу пропаганды капиталистического прогресса в экономике: «Я был большим энтузиастом индустриализации России ... и меня нередко называли трубадуром русской промышленности. Я мечтал напоить, заразить творческим энтузиазмом нашу страну и призывал всех и каждого к участию в созидании промышленности у нас; пора перестать быть данниками Европы, надо встать на собственные ноги, особенно, когда мы располагали такими огромными естественными богатствами; и я призывал всех, от старца до юнца, встать под знамена экономизма, покупать акции промышленных предприятий, если уж не творческой деятельностью участвовать в созидании промышленности, то, по крайней мере, своими сбережениями» (л. 31). А в итоге — несочувствие окружающих, одна конфликтная ситуация за другой, горечь и... одиночество. Ноты обреченности явственны при первом же ознакомлении с текстом воспоминаний. Независимо от намерений автора его воспоминания убеждают в невозможности осуществления даже скромных начинаний в области развития экономики в рамках прогнившего царского режима. Но не только в этом их ценность. Они вводят нас во внутренний мир одного из интересных представителей русской дореволюционной интеллигенции, позволяют увидеть ее с новой стороны.

Мемуары, как известно, относятся к источникам субъективно-го плана. В них естественны искажения, вызванные ошибками памяти, сознательное или неосознанное стремление автора представить свою деятельность в самом благоприятном свете, ретроспективность повествования⁹. При сопоставлении мемуаров Озерова с опубликованными еще до революции его трудами мы обнаружили в большинстве случаев созвучность авторских идей. В тексте воспоминаний имеются даже прямые отсылки к его прежним статьям и брошюрам (например, нередко такие примечания: «Я об этом много писал и берегу время и не буду повторяться». Но вот к участию в зубатовских легальных обществах

для рабочих Озеров возвращался весьма неохотно, а то немногое, что он считал возможным сообщить в мемуарах, не соответствовало действительности, на чем мы специально остановимся.

В воспоминаниях часты также заверения автора в его заинтересованности в росте промышленности и рабочего класса (л. 1, 2, 4, 16, 24 и др.). Первое утверждение не вызывает никаких сомнений и подтверждается его работами (из опубликованных работ видно, что Озеров стремился прежде всего к «выращиванию» крупного капитала). Но рекламируемая им заинтересованность в росте организованного рабочего класса была продиктована интересами капиталистов, более широко понятыми их идеологом¹⁰. Решение рабочего вопроса диктовалось отнюдь не отвлеченными принципами гуманности или любви к классу создателей, как автор пытался представить это в мемуарах, а интересами развития капиталистического производства.

Весьма наивны рассуждения Озерова о том, что рабочие на его лекциях в зубатовских собраниях «учились единению трудящихся, образованию рабочих союзов и т. д.» (л. 35).

Свою публицистическую деятельность он объяснял в мемуарах долгом «перед страной и народом, которому я был обязан своим воспитанием, и я приносил в жертву этому долгу науку» (л. 2). «Я не был революционной натурой: не было у меня для этого должных качеств, и я, как сын трудового народа, хотел быть полезным и, воспитываясь на средства народа, взобравшись вверх через его плечи, я хотел быть полезным распространением знаний среди него и пробуждением в нем энергии и творчества в экономической области» (л. 4) — в таких выражениях определял он цели, побудившие его к конкретной деловой деятельности, к участию в дивидендных операциях, в биржевой игре и т. д. С другой стороны, в воспоминаниях встречаются глухие, но более убедительные упоминания о «демонах стяжательства» и сетования о затруднительности «служить богу и мамоне» одновременно (л. 24).

Воспоминания написаны в 20-е годы, много лет спустя после описываемых событий. Это обстоятельство неизбежно ставит проблемы отражения в них эволюции взглядов автора. Такие грандиозные, мирового масштаба события, современником и свидетелем которых стал автор, как Великая Октябрьская социалистическая революция и успешное социалистическое строительство в нашей стране, не могли не отразиться на миропонимании мемуариста. В воспоминаниях Озеров заявлял, что он «не верил в возможность социалистической революции успешной» (л. 1). Но утверждение это не было окончательным. Эволюцию взглядов автора воспоминаний нельзя не учитывать как в целом, так и в ряде отдельных конкретных вопросов. «Я видел на верхах людей, погруженных в удовольствия или приятное для жизни, или людей без знаний, без воли, без характера,— вспоминал Озеров дореволюционную эпоху,— внизу людей темных, невежественных, как кроты, роющих свои маленькие куски земли, часто

разбросанные в беспорядке ... Я не видел сил у нас для революции, я ошибался, как я вижу теперь»¹¹. Он с восхищением писал о деятелях ленинской партии, противопоставляя им оторванность от народа либеральной интеллигенции. «А посмотрите (на) наших великих деятелей — творцов сегодняшнего дня — как они постоянно вращались среди широких слоев населения, изучали все изгибы его души, его мозга ... и хорошо, крупно сеяли они, и семена эти взошли пышно» (л. 41).

Таковы наиболее общие черты, свойственные воспоминаниям Озерова. Ведущей темой их было осознание первоочередности задач развития «производительных сил», разработки колоссальных природных богатств России.

Во всех известных нам мемуарах профессоров проблемы капитализма занимают авторов прежде всего со стороны политической, правовой. В воспоминаниях же Озерова, «рыцаря индустриализации», на первом плане «производительные силы» России. Через призму их состояния и перспектив развития он оценивал окружающую его действительность, самодержавный строй, роль русской буржуазии, рабочий вопрос и характер интеллигенции.

Наряду с этими вопросами, при рассмотрении которых мы попытаемся раскрыть взгляды одного из идеологов русской буржуазии, в мемуарах имеются острые характеристики буржуазной прессы¹², представителей делового мира с его темными махинациями, описанными Озеровым со знанием всех деталей, — портреты представителей буржуазных кругов: А. И. Путилова, председателя Русско-Английского банка Бененсона, биржевых хищников Мануса, Жданова и многих других. Озеров был в постоянных контактах с министерствами финансов и торговли, и его воспоминания содержат отзывы о С. Ю. Витте, В. Н. Ковковцеве и др. Меньший интерес представляют краткие высказывания о либерально настроенных профессорах М. М. Ковалевском, С. Ф. Ольденбурге, В. И. Герье, главе кадетской партии П. Н. Миллюкове и др., которых автор, по его признанию, «сторонился» (л. 1).

Как мы выяснили, определяющим во взглядах Озерова был его подход к проблемам социально-экономического развития страны в конце XIX — начале XX в. Попытаемся определить социальные корни экономической программы Озерова путем сопоставления свидетельств его мемуаров с некоторыми открытыми выступлениями, в которых не было недостатка в его активной деятельности в начале 1900-х годов.

29 марта 1910 г. И. Х. Озеров произнес в Государственном совете речь о бюджетных пружинах экономической жизни царской России. Речь привлекла к себе внимание различных общественных кругов. Ее критический настрой вызвал настороженность и недовольство в верхах. Озеров оперировал цифрами и фактами. И они были убийственны.

Из всего бюджета в 2472,2 млрд. руб. только 201, 6 млн. руб., или 12,6% чистого бюджета (т. е. без оборотных средств), отно-

сятся к производительным расходам¹³. И это давление непродительных расходов, как констатировал Озеров, понижало всю экономическую жизнь. Чистый доход на душу населения в России — 58—63 руб. — выглядел нищенским по сравнению с доходом, например, в Англии (300—350 руб.) или во Франции (250—300 руб.)¹⁴. Органы общественного самоуправления располагали ничтожной суммой в 300—320 млн. руб.

В официальной правительственной программе не было места плану подъема производительных сил страны, представлявшему заветную мечту Озерова. Лозунг В. Н. Коковцева «надо жить по средствам» почерпнут из частной экономии. В государственных финансах, по мнению Озерова, следует держаться иной точки зрения: «Удовлетворение назревших потребностей должно идти вперед, и нужные средства тогда должны быть найдены»¹⁵. Критикуя линию правительства на однобокую «бережливость», Озеров подчеркивал, что нельзя приносить в жертву «бюджетному равновесию» «лучшие чаяния русского народа». Ведь в стране отсутствовало всеобщее начальное образование, и средства на врачебную помощь и благотворительность были мизерны (5,6 млн. руб. по 50 губерниям Европейской России, т. е. 4,9 коп. на жителя)¹⁶.

Без поворота общей экономической политики, предсказывал Озеров, из столыпинских аграрных реформ, которые он приветствовал как «творческое» начинание правительства «огромной важности», «много толку быть не может»¹⁷.

Цельной оформленной программы в области экономической политики, как нам представляется, у Озерова не сложилось, но его критические высказывания выявляют слагаемые элементы такой программы в общих чертах. Ссылаясь на статистику и специальные работы, Озеров констатировал «разрушение сельского хозяйства», упадок рыболовства, льноводства («мы и пчел переморили») ¹⁸. Правительство пыталось увеличить доход налоговым нажимом и повышением цен, что послужило также предметом критики Озерова. «Цены на водку вздернуты до 8 руб. 40 коп., — писал Озеров, — и население, не будучи в состоянии расходовать таких сумм на водку, прибегает к потреблению денатурированного спирта, отчего много заболеваний и даже бывают случаи со смертным исходом» ¹⁹.

Хозяйственная жизнь России при последнем самодержавии вообще напоминала Озерову «жизнь игрока в зависимости от урожая или неурожая» ²⁰, она требовала ремонта, и притом неотложного. Явным анахронизмом, по его мнению, было несамостоятельное положение государственного контроля, простор для безнаказанного и неосмотрительного отношения к денежным суммам со стороны распорядителей кредитов. Назревшая же реформа государственного контроля встречала сопротивление «в бюрократической среде», а без этой реформы проверка расходов «висит в воздухе» ²¹. Озеров считал, что «объяснить отсталость в России только войнами, которые она вела, — значит очень упрощать решение вопроса» ²². В подтверждение он привел

целый букет высказываний Гурко — «одного из своих», которого никак нельзя было заподозрить в оппозиционности: не развиваются производительные силы, «бюрократическая машина стнила, всюду проникло взяточничество, без взяток нельзя ступить шагу», «буквоедство, канцелярщина, волокита ... душат всякую живую мысль, всякое живое дело», «нельзя работать»; «время — самое дорогое богатство; в жизни же постоянно даются нам наглядные уроки, что не труд создает благополучие, а низкопоклонство, связи»²³ и т. д.

Озеров, разделявший все приведенные им мнения Гурко, не выходил при этом за пределы сугубо экономических проблем в политике. Его возмущал курс Министерства финансов, направленный на достижение внешних эффектов, ради которых держали громадные суммы на текущем счету у иностранных банкиров, питая заграничный денежный рынок, вместо использования этих средств для развития народного хозяйства²⁴. Медлительность экономического развития царской России Озеров сравнивал с «черепашьим шагом»²⁵. В этом замедленном развитии он видел «прямо великую национальную опасность»²⁶. Такой сельскохозяйственной стране, какой была Россия в начале XX в., по мнению оратора, «не следовало бы ввозить к себе шерсть, смолу, деготь, рыбу и сало»²⁷. Рост потребления, на которое всегда ссылался министр финансов, «в значительной степени можно объяснить ростом городского населения, а вот деревенская Россия с соломенными провалившимися съедобными крышами ... у нас падает»²⁸. Вырождение крестьянства центральных губерний России в начале 1900-х годов зашло, по мнению Озерова, так далеко, что «дальнейшего ухудшения опасаться уже нечего»²⁹. И. Х. Озеров выступал за введение подоходного налога, против деления населения на податное и неподатное. Он ратовал также за реформу наследственного обложения и за более целесообразную эксплуатацию естественных богатств³⁰. Программа Озерова по своей мизерности не может даже идти в сравнение ни с одной революционной программой того времени.

Программа одного из немногих в России апологетов капитализма становится более ясной, если обратиться к предлагаемым им социальным мерам. «На всей нашей экономической жизни, писал Озеров, — лежит рука тяжелой опеки, которая все душит и давит... Надо разорвать цепи, в которых в настоящее время у нас работает капитал. И банковские концентрации, которые у нас в той или иной форме совершаются, с этой стороны должны быть приветствуемы»³¹. Несмотря на реальное существование империалистических монополий, Озеров полагал, что для опоры твердого правового строя и устойчивых правовых форм политической жизни еще необходимо «вырастить» силы. На какие же «силы» он ориентировался? «Нам надо создать крупную буржуазию как в деревне, так и в городе»³², — утверждал Озеров. Отсюда и его апологетическое отношение к столыпинской аграрной реформе. Наблюдая явное несоответствие этим идеям широких демократиче-

ских кругов русского общества, он постоянно обвинял интеллигенцию, школу «в отрицательном отношении к организующей силе крупного капитала; этой силой надо уметь пользоваться, по возможности обезвреживая ее вредные стороны»³³.

И вот здесь его программа — за капиталистический прогресс, за крупную буржуазию — приобретала поистине драматический характер. Озеров, вращавшийся в среде русской буржуазии, наблюдавший крупных воротил в их повседневной деятельности, может быть как никто другой, отдавал себе отчет в органической неспособности этого класса возглавить экономический прогресс, в его никчемности и своекорыстии. Его воспоминания пестрят весьма пессимистическими высказываниями относительно русской буржуазии: «Мало мы исследовали наши богатства, не было у наших предпринимателей сознания их долга пред страной, а больше они стремились к своей наживе» (л. 41). Невысоко он оценивал и деятельность банков: «У нас банки очень неохотно шли на создание новых крупных предприятий, если это не сопровождалось какими-нибудь очень яркими выгодами или привилегиями, даваемыми правительством, в форме ли отвода больших участков земли, или концессий, или особого рода выгодных контрактов по поставке, или потому, что самый характер предприятия создавал ему монопольное положение» (л. 28).

На основании многолетних наблюдений он заключал: «Да организовать новые дела наша еще молодая буржуазия не хотела и быть может не умела. Она хотела лишь садиться за готовый пирушественный стол» (л. 29).

Такая оценка российской буржуазии не явилась следствием aberrации времени. Если обратиться к его работам, опубликованным до революции, то подобная характеристика сформулирована в них не менее остро. В той же работе «Оборотная сторона нашего бюджета» Озеров писал: класс буржуазии «влекет блага текущего момента, а не прелесть творческой созидательной работы в интересах всей страны», «слишком резко отстаивает свои собственные интересы», «от слов этот класс не переходит к делу», «промышленный класс у нас не пользуется симпатиями общества», «промышленный класс питался соками старого режима». «Если торгово-промышленный класс хочет занять другое положение в общественном мнении..., — обращался к представителям буржуазии Озеров, — то он должен ... отрешиться от своих узко классовых интересов, шире посмотреть на задачи данного времени и базировать свое благополучие не на нищете и обеднении масс, а на культурном поднятии этих последних»³⁴.

Еще более резко нота безнадежности прозвучала в книге, посвященной Уралу: «...болезнь Урала самым тесным образом связана с болезнью всей России. Это проявление болезни сердца России, — констатировал Озеров, — промышленный класс приучился во всем полагаться на правительство»³⁵.

Озерову оставалось лишь надеяться на появление «иного типа промышленника-купца», связанного с мировым рынком³⁶. «Нам

нужно создать новый тип предпринимателя на американский лад, с широким кругозором, с большим размахом, с другими приемами»³⁷.

Но призывам Озерова не вняли. Предложение об учреждении акционерного общества для разработки залежей серы в Каракуме было отклонено деловыми кругами, хотя в сере Россия остро нуждалась. Представление об эксплуатации туруханского графита также провалилось. «Опять ссылки на дальность расстояния, нежелание двигаться» (л. 29).

Банки больше интересовала игра на поднятие курса акций, разница поступала в «особый фонд, часть из которого шла банкам — участникам консорциума, а часть делилась персонально между директорами банков и руководителями биржи» (л. 29). В игру включалась продажная пресса. За некоторыми журналистами записывалась часть акций с обещанием выдачи и той суммы, которая составит разницу между записной и продажной. Такая форма подкупа называлась «кормежкой зверей». «Вот на такие дела банки наши охотно шли, — ядовито замечал Озеров, — но где нужна была творческая работа, там они пасовали, боясь риска, ссылались, что не могут-де они сами расставаться с Петербургом и ехать в какую-то глушь и налаживать дело: в Петербурге-де так хорошо, а то там сиди в какой-то труппе, а посылать некого: нет-де людей» (л. 26).

Трусость и своекорыстие буржуазии частично определили и ее решающее поражение в политической борьбе, что с запоздалым сожалением вынужден был признать Озеров³⁸.

Озеров, как, например, Брахман, В. Поляков и др., был тесно связан с деятелями финансового мира. Так, Озеров просил А. И. Путилова поддержать Центральный банк, который объединял много обществ, убедив его, что их можно сделать «проводниками дивидендных бумаг в толщу населения», а это в свою очередь «будет индустриализировать нашу ленивую помещичью психологию и будет развивать в широких слоях населения интерес к промышленности» (л. 21). При поддержке Путилова банк был «спасен». «Но моя политика оздоровления банка, правда, несколько круто взятая, создала массу недовольных среди членов Общества взаимного кредита» (л. 22) — таков был итог его усилий.

Выступления Озерова, направленные на пропаганду капиталистического развития, встречали непонимание буржуазных деловых кругов. «Я помню, вступил в члены совета Р[усско]-А[зиатского] банка и скоро напечатал статью в „Р[усском] слове“ о спекуляциях банков наших, довольно резкую: как они поднимают бумаги, их роняют в своих интересах, а мне вдруг управляющий московским отделением Де-Сево звонит: „Как Вы — член нашего совета — и Вы напечатали такую статью? Ведь это большой вред для банков, и для нашего в частности. Что скажет А. И. П[утилов]“» (л. 6). Дельцы даже видели в Озерове врага. Его статьи в «Вестнике Центрального банка»

о контроле за доброкачественностью акций были встречены в штыки: «И члены правления, невежественные люди, как Ступин, Козин, Михеладзе и др., видели в этом чуть ли не спекуляцию и повели против меня разного рода интриги,— и я ушел из банка» (л. 19).

Не удалась также затея Озерова с использованием кинематографа в школьном обучении, не поддержанная русскими капиталистами. «Увы, все разбивалось о маленьких людей, среди коих приходилось вращаться. Россия тогда была страной пигмеев» (л. 33), — с горечью резюмировал Озеров. Опять тупик! В основе его конфликтов с капиталистами, финансистами, банковскими воротилами лежало отсутствие у большинства представителей русской буржуазии «широкого понимания государственных интересов» (л. 26).

Недовольство империалистических кругов вызывала позиция Озерова и в рабочем вопросе, занявшем в конце XIX — начале XX в. одно из первых мест в политике монополий. Озеров принципиально придавал рабочему вопросу при капиталистическом строе особое значение — «кнопка, от нажима которой остановится мир, находится в настоящее время в руках трудящихся»³⁹. Одной из заветных идей Озерова было привлечение населения к подъему производительных сил путем вкладов своих сбережений. Но его предложения о введении мелкой акции, доступной рядовым членам общества, наталкивались на неодолимую косность буржуазии: «О введении акций мелкой купюры они и слушать не хотели... Они видели в этом посягательства опять-таки на свои священные права: придет-де всякий с акцией и будет задавать вопросы, и ты ему должен будешь отвечать... В этом видели умаление своего достоинства, хотя, казалось бы, им ясно было, что это установило бы связь рабочих с предприятием» (л. 36).

Идеи, несшие в себе заряд «классового мира», не ограничивались только сферой экономики, но и вообще предполагали решение рабочего вопроса в тред-юнионистском духе⁴⁰. «И рабочие были бы заинтересованы в поднятии производительности своего труда, в некотором надзоре за производительностью труда и своих товарищей...» (л. 36)⁴¹.

Классовая ограниченность, близорукость буржуазии проявились в равнодушии к социальным проблемам: «...о значении мелкой акции как общегосударственной мере, цементирующей социальный организм, накладывающей на него заплаты,— тогда не думалось» (л. 27).

Эти мысли Озерова были утопичны. Не только позиция буржуазии, но прежде всего острота социальных антагонизмов, уровень классовой борьбы делали идеи о «классовом мире» неосуществимыми. Культурническая деятельность в среде рабочего класса в самодержавном государстве оказалась обреченной на неудачу: «Я думал создать такой орган на приисках⁴², чтобы все справедливые жалобы трудящихся там получали возможно скорое разрешение и чтобы положить предел всяким злоупотребле-

ниям, возможным там, особенно вследствие отдаленности от местонахождения правления... Я столкнулся с ужасной косностью и боязнью рабочих организаций... Они хотели иметь рабочих как распыленную массу, а себя — самодержавными владыками, располагающими жизнью рабочих» (л. 36)⁴³.

Идея была заимствована из немецкой литературы, уделявшей особое внимание созданию так называемой конституционной фабрики. В разгар революции 1905 г. Озеров признал, что «правовая фабрика возможна лишь в правовом государстве. Теперь рабочий вопрос приобрел, несомненно, политический характер, и последствия могут быть весьма печальными»⁴⁴.

Озеров один из первых в России обосновал реформистское решение рабочего вопроса на основе классового мира. Более того, он принял участие в эксперименте охраны во главе с Зубатовым по организации мирного, профессионального, легального рабочего движения. Но предложенная Озеровым программа оказалась для Зубатова неприемлемой. В ней предусматривалось, в частности, допущение экономических стачек, создание «комитетов» по отдельным предприятиям и отраслям и т. д. Изложение этих положений программы перед рабочей аудиторией послужило поводом для запрещения Озерову чтения лекций⁴⁵.

А вот как описал Озеров в воспоминаниях свое участие в зубатовщине: «Рабочие чтения, в которых я принял участие, не подозревая рук извне, положили грань между мной и некоторыми либералами, весьма узкими, которые не понимали, что прежде всего надо дать рабочим просвещение, и пошли на поводу у фабрикантов, для которых эти чтения были ненавистны, так как они пробуждали рабочих от их умственной спячки» (л. 34). Действительно, русскую буржуазию, как и правительство, страшила перспектива объединения рабочих даже под контролем полиции, но с этой тирадой в целом трудно согласиться. Конечно, Озеров знал о роли полицейских агентов в рабочих организациях, но полагался на то, что «жизнь заполнит такие организации новым содержанием»⁴⁶. В действительности рабочее движение опрокинуло барьеры «полицейского социализма».

Решающую роль в разоблачении зубатовщины сыграла социал-демократия⁴⁷.

В. И. Ленин, указывая на пользу легальных организаций для политического просвещения рабочих, писал: «Мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочим ловушку (в смысле ли прямого провокаторства или в смысле „честного“ развращения рабочих „струвизмом“), — мы уже позаботимся о вашем разоблачении»⁴⁸. Под влиянием социал-демократической пропаганды все большинство либерально настроенных преподавателей в дальнейшем отстранились от участия в зубатовских собраниях «Общества взаимопомощи рабочих механических мастерских». Продолжение сотрудничества с инсценированными полицией рабочими организациями сильно скомпрометировало И. Х. Озерова в демократических кругах.

Весьма активной и столь же бесплодной оказалась деятельность Озерова среди студентов. С университетской кафедры он стремился подчинить студенчество бескрылым идеям политического реализма, предлагавшего вместо политической борьбы всестороннее сотрудничество с буржуазией во имя развития производительных сил. Он пытался направить борьбу студентов в мирное академическое русло⁴⁹. В начале 1910 г., по сообщению попечителя Московского учебного округа министру народного просвещения А. Н. Шварцу, группа московских профессоров (Озеров, Загряцков, кн. Трубецкой, Фритче и большинство профессоров-юристов) начали хлопоты о получении разрешения на открытие всероссийского студенческого съезда. Причем профессор Озеров предполагал поднять на съезде и вопрос об учреждении студенческого банка⁵⁰. 12 февраля 1910 г. под председательством Озерова на совещании профессоров и студентов московских высших учебных заведений была разработана программа, предполагавшая представительство на съезде легальных экономических организаций всех высших учебных заведений империи (обществ и касс взаимопомощи, касс вспоможения на случай смерти, стипендиальных и столовых комиссий, центральных студенческих органов, коалиционных советов и т. д.). Цели общестуденческого съезда в Московском университете сводились к устройству студенческого банка, упорядочению издательского дела и решению вопросов о студенческих столовых, квартирах, заработках и т. п.⁵¹. Известно, что русское студенчество, всегда отличавшееся социальной чуткостью и активностью, давно преодолело барьеры мирного, легального академического движения. Еще в «Докладе общестуденческого съезда, 1903»⁵² Московский союзный совет землячества и организаций, в частности, заявил: «Признавая борьбу за политическую свободу основной своей задачей и непосредственной целью, союзный совет видит в низвержении самодержавия лишь необходимый залог для экономического, духовного и национального освобождения личности». Эти настроения среди демократического студенчества оказались доминирующими и во время с 1905 г. до февраля 1917 г. Неудивительно, что о своей деятельности в студенческой среде Озеров счел благоразумным умолчать в своих записках⁵³. Несмотря на предложения лидера кадетов П. Н. Милюкова, И. Х. Озеров в кадетскую партию не вступил (л. 31, 32). «Всегда был беспартийным», — подчеркивал он в «Curriculum vitae»⁵⁴. Озеров резко противопоставлял «деловых» людей интеллигентам, далеким от мира буржуазной наживы. «Когда я вступил в первое акционерное предприятие, — вспоминал Озеров, — то мой коллега по университету проф. Позднышев мне заметил: „Как это вы вступили, ведь это все равно, что с ломом сесть на большой дороге“. Вот какое представление было у нашей интеллигенции» (л. 4)⁵⁵.

Широко понятые интересы буржуазного развития России, отождествлявшегося им в духе вульгарного экономизма с социально-экономическим ростом вообще, ставили И. Х. Озерова в изоли-

рованное положение среди демократической интеллигенции. Он не скрывал своего презрения к представителям «нашей интеллигенции».

Как бы собирая воедино рассыпанные в печати отдельные высказывания на этот счет, Озеров подытожил причину своих расхождений с либералами, которых он отождествлял с «обществом». «Русское общество в вопросе индустриализации России стояло на очень низком уровне! Русское общество жило дворянской моралью: подальше от промышленности — это-де дело нечистое и недостойное каждого интеллигента! А вот сидеть играть в карты, попивать при этом и ругать правительство — вот настоящее занятие мыслящего человека!» (л. 4). Этому «обществу», считал он, необходима «прививка американизма». Неприязненно относясь к гуманитарной интеллигенции, он с желчностью замечал, что «в [оединенных] Штатах не пользуются большими симпатиями историки, археологи, им некогда этому уделять внимание: когда человек сильно работает, ему некогда копаться в своем прошлом»⁵⁶. В этом нашли яркое проявление дегуманизация, утрата многих человеческих ценностей, свойственные идеологии империалистической буржуазии.

Профессуру, к которой он сам принадлежал, Озеров обвинял в дилетантстве и бездарности, более откровенно высказывался в работах под псевдонимом Ихорова, в которых резче отразились его антиинтеллигентские настроения⁵⁷. «Прежде книги писали только выдающиеся умы,— клеймил Озеров своих коллег,— а теперь пишут все, и книги нередко вместо того, чтобы быть сокровищницами мысли, превращаются в помойные ямы для отбросов мысли»⁵⁸.

Особенно раздражала Озерова революционность, «максимализм» русской демократической интеллигенции: «Очень многие в настоящее время горды и не хотят маленькой работы; им нужно что-нибудь грандиозное, и в этом кроется одна из причин современного недовольства. Им нужно сразу осушить целые океаны»⁵⁹. Наиболее интересен его вывод о том, что мы должны давать ученые степени и не только за умные мысли и слова, но и за дела (л. 25). Общество призвано «возлагать венок не только на певцов и артистов, но главным образом на тех, кто пишет, рисует на великом полотне нашей жизни, расписывая ее фабриками и заводами» (л. 30)⁶⁰.

Лишенный широкой поддержки, и общественной, и правительственной, Озеров ощущал себя одиноким в отстаивании своих идей. Заваленный работой, лекциями, он вел замкнутый образ жизни, признавался, что у него «не было спайки с обществом» (л. 20).

Из воспоминаний можно видеть, что его позиция была обусловлена глубокими социальными причинами. Он пытался представить свое положение как некое социальное явление, характерное для интеллигенции, оторванной от народных масс и революционных сил своего времени: «Мы, мысля, были с завязанными глазами и стояли на краю обрыва, не зная этого. Мы лишены были

сейсмографических станций, которые бы регистрировали подземные толчки как результат каких-то разных процессов, происходящих там внутри, где накапливалась ярость и народный гнев, и в результате чего являются взрывы и наружная кора, казалось бы, совершенно спокойная, прорывается, и, где кучка счастливых людей вчера еще танцевала, сегодня извергается лава горячая, все сжигает и погребает под собой — и города, и людей, помещиков и капиталистов, и интеллигенцию прежнюю» (л. 41).

Много лет спустя Озеров пытался осознать причины бесплодности своей деятельности и тех идей, которыми он вдохновлялся. И, на наш взгляд, подошел довольно близко к объяснению своей изолированности: «Я был пессимистом». Кстати, его мемуары начинаются фразой: «В напу интеллигенцию я не верил» (л. 1). «Не было поля деятельности, где бы в то время русские люди могли развернуть свои силы, и многие чувствовали себя в железной клетке, прутья которой им не под силу было сломать... Не мог создать вокруг себя я должного окружения: или были около меня маленькие люди, мечтавшие только об улучшении своего материального благополучия, или люди, в которых я не верил, например, кадеты» (л. 34).

Эти признания показательны для идеолога русской буржуазии, ратовавшего не только за «экономическое творчество», но и за то, чтобы побудить молодежь «петь гимн восходящему солнцу»⁶¹. Заимствование призыва Санина, героя Арцыбашева, нам представляется далеко не случайным. Оно как бы проливает дополнительный свет на идеи Озерова. Подобно тому, как образ Санина не смог увлечь молодое поколение, воспитанное на демократических традициях русской литературы и публицистики, так и Озерову не удалось собрать под свои знамена последователей; и прежде, чем его идеи могли быть осознаны и восприняты классом буржуазии, «солнце» капитализма закатилось в России.

* * *

Профессорская среда была носителем различных общественных тенденций. Наиболее влиятельным течением в ней было либеральное. Для профессоров пореформенного времени, составлявших весомый слой научной интеллигенции, характерно наличие «культурников», т. е. сторонников легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия»⁶². Состав их был довольно сложным. К нему принадлежала и группа профессоров-дельцов. Чаще всего это были экономисты, подобные И. Х. Озерову. Дельцы в профессорской среде появились почти сразу же после падения крепостного права. Одним из первых был профессор кафедры политической экономии и статистики Московского университета и одновременно управляющий Московским купеческим банком (с 1867 г.) И. К. Бабст, активно отстаивающий экономические интересы русской буржуазии в органах печати — «Вестник промышленности», «Москва», «Москвич»⁶³.

Этот слой выделял и государственных деятелей. Профессор Киевского университета (с 1850 по 1880 г.) Н. Х. Бунге принимал участие в финансовой комиссии Редакционных комиссий по подготовке отмены крепостного права. Преподавание он совмещал с 1862 г. с должностью управляющего киевской конторой Государственного банка. Сочетание теоретических занятий с практической финансовой деятельностью подготовили его назначение в 1880 г. товарищем министра финансов, а в 1881 г. — министром финансов. В числе учредителей Промышленного банка были профессор минералогии и геодезии Г. Е. Щуровский, профессор зоологии А. Богданов, математик А. Давидов. М. Я. Герценштейн, И. М. Гольдштейн были не только преподавателями, но и коммерческими дельцами⁶⁴.

Их деятельность вдохновлялась не только традиционными идеями либерализма. «Большинство идейных вождей русского либерализма воспитались на немецкой литературе, — отмечал В. И. Ленин, — и специально переносят в Россию *брентановский* и *зомбартовский* „марксизм“, признающий „школу капитализма“, но отвергающий школу революционной классовой борьбы»⁶⁵. Несмотря на внешние расхождения с либералами, что настойчиво подчеркивал Озеров в своих мемуарах, его позиция вполне укладывалась в общие рамки либеральной оппозиции самодержавию.

«Интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы всей буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию»⁶⁶, — подчеркивал Ленин.

Освещение деятельности и идей русской буржуазии, причем лицом, бывшим одновременно буржуазным дельцом и идеологом, повышает значимость воспоминаний как источника для истории общественной мысли. Известно, что обычно мемуарист не поднимается над историческими взглядами той эпохи, которую он освещает «изнутри». В этом отношении воспоминания Озерова, отражая взгляды определенных слоев русской буржуазной интеллигенции и воссоздавая канву исторических событий времени, рисуют глубинную подпочву, на основе которой протекал кризис буржуазной исторической науки на рубеже XIX—XX вв. В этом интерес этого источника для историков исторической науки.

¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 150, д. 1178, 918, 919; оп. 123, д. 138 (в послужном списке отмечено его происхождение из мещан).

² Озеров И. Х. Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. М., 1904; *Он же*. Рус-

ский бюджет. М., 1907; *Он же*. Горные заводы Урала. Пг., 1910; *Он же*. Основы финансовой науки: Университетский курс. 4-е изд. СПб., 1913; *Он же*. На новый путь: К экономическому освоению России. М., 1914; и др.

- ³ С 1927 г. Озеров — персональный пенсионер Совнаркома. В 1936 г. он был помещен в дом престарелых ученых в Ленинграде, где скончался 10 мая 1942 г. и похоронен на Пискаревском кладбище.
- ⁴ РО ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 541 (архив И. Х. Озерова), д. 4, л. 1—43.
- ⁵ См.: *Бегтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего сококапитализма и меры к хозяйственному подъему. СПб., 1902—1911. Т. 1—3.
- ⁶ РО ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 541 (архив И. Х. Озерова), д. 4, л. 30 (далее ссылки даны в тексте).
- ⁷ Гарантия добротности бумаг, по мысли Озерова, должна была привлечь частные средства «на служение индустриализации России». Предложение не было реализовано: оно пришлось не по вкусу банковским кругам.
- ⁸ Неприязненное отношение сохранилось у него не только к царским бюрократам, но и к министрам Временного правительства. Февральская революция 1917 г., встреченная с энтузиазмом подавляющим большинством его либерально настроенных коллег по университету, не порадовала Озерова ни перспективами экономического творчества, ни государственной работой крупного масштаба. В своих воспоминаниях от желчных оценок «старца» (Г. Распутина), Н. А. Маклакова, Д. А. Кассо и др. он переходит к деятелям Временного правительства, отмечая их мелочность и отсутствие понимания политической обстановки. «А мин[истр] Мануйлов, придя в министерство, протянул руку и пожал руку швейцара и об этом тогда кричали; а что сделал как министр? Ровно ничего, кроме погрома университетов. Не хочется останавливаться на всей этой гниди. И рассуждали при Временном правительстве не о земельной реформе, а о том, можно ли допускать митинги на территории, по которой проходят трамваи и проложены их линии, рельсы. Буквально так. А слова кокаиниста Керенского на Московском гос[ударственном] совещании: „мы так сильны, что можем себе позволить роскошь

- вооруженного восстания, которое мы железной рукой задавим“.
- Я сам слышал эти слова. Это было в августе 1917 г. ст. стиля» (л. 7). См.: Государственное совещание: Центрархив, 1917 год в документах и материалах/Под ред. М. Н. Покровского. М.; Л.: 1930, с. 4, 7, 16. На этом совещании Озеров в своей речи сказал, что «нельзя позволить себе роскоши дезорганизации армии и разрухи хозяйственной жизни» (Там же, с. 250).
- ⁹ См., в частности, блестящие источниковедческие исследования о мемуарах: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Витте С. Ю., Драгоманов М. П. и «Вольное слово». — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению: К 75-летию проф. С. Н. Валка. М.: Л., 1964; *Они же.* Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971.
- ¹⁰ В этом отношении Озеров продолжил искания своих предшественников. Еще в 80-е годы Н. Х. Бунге в своих «Загробных заметках» писал, что «доля участия (рабочих — Г. Ш.) в прибылях составляет один из лучших способов если не для упразднения социального вопроса, то, по крайней мере, для устранения из него всякой живучести» (ЦГАОР СССР, ф. 677 (Александр III), оп. 1, д. 617, л. 50). Некоторое улучшение жизни и труда рабочих И. И. Янжул, профессор и фабричный инспектор, рассматривал как средства «вырвать один из зубов будущей революции, завладеть симпатиями рабочих» (*Янжул И. И.* Воспоминания о пережитом и виденном. СПб., 1911, вып. 2, с. 49).
- ¹¹ По этому поводу характерно его замечание: «Революция — прекрасный ювелир мозга: она быстро перемещает человека из одного состояния в другое. Тогда человек тот же самый предмет рассматривает с разных точек зрения» (РО ГПБ, ф. 541, д. 173, л. 3).
- ¹² Любопытна для нравов беспринципной буржуазной печати идея И. Д. Сытина, мечтавшего о со-

здании двух газет противоположных политических направлений: «Будут редакции помещаться одна против другой; у них будет одна и та же информация... а будут лишь разные передвижки: один будет писать по-левому, а другой — по-правому» (л. 31).

¹³ *Озеров И. Х.* Кулисы русского бюджета: Речь в Государственном Совете 29 марта 1910 г. Позднее она была напечатана в типографии Сытина: *Озеров И. Х.* Обратная сторона нашего бюджета. М., 1911, с. 7.

¹⁴ Там же, с. 92.

¹⁵ Там же, с. 76—77.

¹⁶ Там же, с. 101.

¹⁷ Там же, с. 120.

¹⁸ Там же, с. 154.

¹⁹ Там же, с. 121—122. Вообще же подяятие цеп, замечал он позднее в одной из статей, это «конкретная пропаганда», факт «доступный пониманию всех, факт, расщепляющийся сам на тысячи фактов, которые ежедневно, ежедневно будят самосознание каждого рядового обывателя, [что] может произвести пожар в массах населения» (*Озеров И. Х.* Что делать? М., (1913, с. 5).

²⁰ *Озеров И. Х.* Что делать?, с. 133.

²¹ Там же, с. 153—156.

²² *Озеров И. Х.* Обратная сторона нашего бюджета, с. 47.

²³ Там же, с. 54—56.

²⁴ Там же, с. 102. Он считал это к тому же и бесполезным делом: «Мы вынуждены постоянно накачивать золото, несмотря на активный торговый баланс,— и это уже говорит о нашей бедности» (Там же, с. 65). В более поздней работе он высказывался по этому же поводу: «Сознавая свою отсталость, неустанно работать... в смысле развития производительных сил страны» (*Озеров И. Х.* Что делать?, с. 98). Россия, по его мнению, нуждалась в «творчески мощной работе, а не в шаблонных уверениях о мнимом благополучии» (Там же, с. 47).

²⁵ *Озеров И. Х.* Обратная сторона нашего бюджета, с. 38.

²⁶ Там же, с. 161.

²⁷ Там же, с. 36, 38, 156.

²⁸ Там же, с. 156. Официальные аргументы в пользу «подъема» и

«процветания» со ссылкой на «рост потребления» напоминали Озерову шуточные стихи А. К. Толстого: «У приказных ворот собирался народ густо. Говорил в простоте, что в его животе пу-сто, Дурачье, сказал дьяк, из вас должен быть всяк в теле. Еще в думе вчера мы втроем осетра съели».

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 124, 125.

³¹ *Озеров И. Х.* Что делать?, с. 81.

³² Там же.

³³ *Озеров И. Х.* Обратная сторона нашего бюджета, с. 30.

³⁴ *Озеров И. Х.* Обратная сторона нашего бюджета, с. 136, 142, 143, 145.

³⁵ *Озеров И. Х.* Горные заводы Урала. М., 1910, с. 247.

³⁶ *Озеров И. Х.* Что делать?, с. 88.

³⁷ Там же, с. 373.

³⁸ «Перед самым восстанием большевиков я встретил А. И. Гучкова,— вспоминал Озеров,— он приехал ко мне,— и спросил его, как он смотрит? Он категорически сказал, что большевики возьмут власть, но получится такой, как он выразился, накал голода и холода, что они продержатся две-три недели, но что этот грех Россия должна пройти. А одному ген[ералу], по слухам, будто бы предлагали побороть большевиков точас же после захвата ими власти, и он оказал, что на это нужно три миллиона рублей, но они не могли собрать этой суммы. Будто бы обращались к нему с этим Н. И. Астров и К°, а потом, когда недели через три опять пришли, он сказал: теперь если и 30 млн. принесете, нельзя уже ничего сделать.

Буржуазия наша умела только исподтишка фрондировать да выступать против масс, а тут спряталась в кусты да начала скупать валюту».

³⁹ *Озеров И. Х.* Что делать?, с. 140.

⁴⁰ *Озеров И. Х.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906; *Он же.* Нужды рабочего класса в России. М., 1906. Озеров мог опереться на литературу по рабочему вопросу: Зомбарт — «Организация труда и трудящихся». Рузье — «Рабочие союзы в Англии», Вигуру — «Ра-

- бочие союзы в Америке», Бернштейн — «Социальные политические проблемы», широко использованную в свое время Зубатовым.
- 41 Более подробно он высказался в опубликованной работе «Нарастающая заинтересованность в успехе предприятия не может не оказывать благоприятного влияния на мышление трудящегося населения; оно будет приучаться трезво разбираться, какие улучшения условий работы при данной конкретной обстановке возможны, и это в будущем если и не явится залогом более мирного развития отношений между предпринимателями и рабочими, то, по крайней мере, может повести к ослаблению эксцессов» (*Озеров И. Х.* Что делать?, с. 174).
- 42 Выборные комитеты рабочих на Ленских приисках.
- 43 «Вследствие влияния крупного капитала на печать, конечно, рабочему вопросу не уделялось у нас внимания,— отмечал Озеров,— и под тем или другим предлогом статьи, когда приходилось заводить разговор на эту тему, отклонялись или задерживались, мариновались. Только в 1905 г. по этому вопросу можно было писать» (л. 6).
- 44 *Озеров И. Х.* Нужды рабочего класса в России, с. 8.
- 45 Подробнее см.: *Корелин А. П.* Крах идеологии «полицейского социализма». — Ист. зап., 1973, т. 92, с. 124—126.
- 46 *Озеров И. Х.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы, с. 217.
- 47 История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1964, т. 1, с. 367—380; *Шмелева И. А.* Борьба социал-демократических организаций Москвы с зубатовщиной. — Учен. зап. Шуйского пед. ин-та, 1959, вып. 8; *Корелин А. П.* Указ. соч.
- 48 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 115.
- 49 *Озеров И. Х.* Обеспечение учащихся путем страхования. М., 1909.
- 50 ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 201, д. 164.
- 51 Там же, л. 9.
- 52 Там же, л. 27—31.
- 53 Подробнее о провале зубатовских экспериментов среди студентов см.: *Айнзафт С.* Зубатов и студенчество. — Каторга и ссылка, 1927, № 5 (34).
- 54 РО ГПБ, ф. 541, д. 5, л. 3.
- 55 В своих воспоминаниях Озеров нарочито подчеркивал свою обособленность и одиночество в профессорской среде, заявляя о неведении «в нашу интеллигенцию», «зараженную» народническими представлениями о капитализме, о государстве. Он протестовал против разделяемых большинством демократической интеллигенции понятий о том, что «каждый промышленник — жулик», а «защита промышленности и ее интересов... это все равно, что стремление насадить, поощрять развитие разбойничьих шаек у нас». «И это профессора Grimm, Ковалевский М. М., Васильев», — негодовал автор (л. 3, 4).
- 56 *Озеров И. Х.* Что делать?, с. 371.
- 57 *Игорев З.* Исповедь человека на рубеже XX века. М., 1904, с. 126.
- 58 Там же, с. 34.
- 59 Там же, с. 191.
- 60 «Я — сторонник щедрого вознаграждения открывателей богатств, организаторов производства, рационализаторов,— писал Озеров,— ведь без продвижения здесь мы не в состоянии будем поднять на должную высоту нашу культуру, а главное — распространить ее на широкие массы населения». Чрезмерное, по его мнению, вознаграждение писателей вызвало явное неудовольствие с его стороны: «Ведь это отрывает их от масс, получается род ожирения, при котором писатель становится уже малоподвижным и малопродуктивным, делается рантье, отрезающим купоны с имеющихся у него книжек» (л. 42).
- 61 *Озеров И. Х.* Что делать?, с. 376.
- 62 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.
- 63 История Московского университета. М., 1955, т. 1, с. 339.
- 64 *Орлов В. И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934, с. 100, 101.
- 65 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 361.
- 66 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 266—267.

ЮЗЕФ ВОЛЬФ В ПЕТЕРБУРГЕ

(Из истории генеалогических исследований
в последней четверти XIX века)

М. Е. Бычкова

Тем, кто занимается социально-политической историей России, Литвы, Польши XV—XVI вв., хорошо известно имя Юзефа Вольфа, автора великолепных генеалогических работ по истории русско-литовских княжеских родов.

Однако в историографии последней четверти XIX в. деятельность этого исследователя еще не нашла достаточного признания. В настоящей работе предпринята попытка осветить лишь один, петербургский этап его творчества. Вполне очевидно, что полностью оценить его работы, методику, общественные взгляды станет возможно лишь после создания научной биографии Ю. Вольфа. Но уже сейчас можно представить формирование методов работы Ю. Вольфа, определить их роль в развитии русской и польской генеалогии.

В 1876 г. двадцатидвухлетний Осип Людвикович Вольф (так именуется Юзеф Вольф в переписке 70—80-х годов XIX в.) вступил в книгоиздательское и книготорговое предприятие своего дяди и тестя Маврикия Осиповича Вольфа. Около десяти лет он жил в Петербурге¹. Эти годы были чрезвычайно важными для Ю. Вольфа: он собрал основные материалы для своих работ, изучив акты Литовской метрики, хранившиеся в архиве Сената. В это же время были опубликованы пять из шести его работ по генеалогии². После 1882 г. «Товарищество» возглавили жена М. О. Вольфа Леонтина Эммануиловна, их сын Александр Маврикиевич и зять Осип Вольф³. Имя Осипа Людвиковича Вольфа как одного из директоров фирмы мы находим наряду с именем Александра Маврикиевича Вольфа на бланках «Товарищества» 1884—1885 гг.⁴ Очевидно, активная деятельность Ю. Вольфа, связанная с изданием книг, началась еще в 1881 г.⁵ По словам С. Ф. Либровича, Ю. Вольф «внес как бы новую свежую струю в эту деятельность (книгоиздательскую.— М. Б.), своими советами способствовал привлечению многих новых литературных сил, изданию нескольких ценных научных и общелитературных книг»⁶.

После 1885 г. имя Ю. Вольфа в издательских делах не упоминается: очевидно, где-то около этого времени он вернулся в Варшаву. По словам С. Ф. Либровича, он умер в 1900 г., в возрасте сорока семи лет.

Интересна семья, из которой происходил Ю. Вольф. В прошлом веке из нее вышли деятели, сыгравшие крупную роль в истории русской и польской культуры, а также польского освободительного движения. Родной дядя Ю. Вольфа — Эдвард Вольф — был известным пианистом и композитором, преподавал в Париж-

ской консерватории. Генрик Венявский — двоюродный брат Ю. Вольфа — был выдающимся скрипачом XIX в., Юзеф Венявский — талантливый пианистом⁷. Большую роль в истории книжного дела в России в 40—70-х годах XIX в. сыграл Маврикий Осипович Вольф⁸.

Издательство Вольфа публиковало в 70—80-е годы массу художественной и детской литературы, книг по технике и сельскому хозяйству, оперных и опереточных либретто и др., но интерес издателей к научной, и в частности исторической, литературе очевиден⁹.

Книжный магазин М. О. Вольфа в Гостином дворе Петербурга в 60—70-е годы был известен как место, где собирались писатели, где обсуждались насущные вопросы общественной и культурной жизни. С М. О. Вольфом поддерживали приятельские отношения писатели Н. С. Лесков, А. Ф. Писемский, А. П. Мельников-Печерский, И. А. Гончаров и др., многие журналисты, военные и политические деятели. Здесь же давал импровизированные концерты Генрик Венявский¹⁰.

Для нас эти сведения важны тем, что здесь Ю. Вольф познакомился с графом К. Ф. Ожаровским, который, по словам С. Ф. Либровича, помог ему получить доступ к книгам записей Литовской метрики, хранившимся в архиве Сената. Ю. Вольфа с К. Ф. Ожаровским сблизила именно любовь к историко-генеалогическим исследованиям¹¹.

Документы Литовской метрики в XIX в. были доступны для очень ограниченного круга исследователей¹². В сентябре 1878 г. К. Ф. Ожаровский получил разрешение для работы с писцом над исследованием истории литовского дворянства¹³. Можно предположить, что Ю. Вольф помогал Ожаровскому в обработке материала.

Достаточно яркое представление об интересах Юзефа Вольфа дает каталог его библиотеки¹⁴. Страсть Ю. Вольфа к книгам, причем именно по истории, генеалогии и редким изданиям XVI—XVII вв., отмечалась С. Ф. Либровичем. Специфичность его библиотеки, отражающая интересы автора, определена в названии: «Каталог исторической библиотеки сочинений, относящихся к Древней Польше и Литве, принадлежавшей Осипу Людвиновичу Вольфу в Варшаве».

Основную массу изданий на русском языке представляют публикации источников по истории России, Литвы и Польши XVI—XVII вв.

Практически у Вольфа были собраны все опубликованные документы по истории Белоруссии, Польши и Литвы. В библиотеке есть общеисторические работы и специальные исследования по средневековой истории Литвы и Польши (Н. М. Карамзин, М. К. Любавский, Н. И. Костомаров и др.), очевидно, каким-то образом повлиявшие на формирование взглядов Ю. Вольфа.

Русской генеалогической литературы, кроме книги Н. И. Петрова «История родов русского дворянства» (1886), нет, среди

французских названий упомянута книга П. Долгорукова. Специальные работы по генеалогии есть в немецком разделе библиотеки — справочники, генеалогические таблицы. Большое место занимают мемуары (во всех разделах библиотеки), монографии о истории польской знати (Потоцких, Сапег, Чарторыйских), книги об истории разделов Польши и о революционных движениях 1794, 1830, 1862 гг.

Состав исторической библиотеки показывает интересы автора прежде всего к истории Польши и Литвы XVI—XVII вв. и общественно-политических движений конца XVIII—XIX вв.

Список литературы, помещенный в книге Ю. Вольфа «Князья литовско-русские...», достаточно полно раскрывает солидную фактическую базу его работ. Говоря о времени создания работ Ю. Вольфа, мы вынуждены опираться на даты их публикации и не всегда можем определить последовательность их написания. Очевидно, очерк «О князьях Кобринских» был первым, поскольку он был доложен на заседании Краковской Академии наук в 1882 г.¹⁵.

Систематическое изучение публикаций документов XV—XVI вв. и материалов Литовской метрики дало Ю. Вольфу возможность исправить и расширить сведения уже опубликованных работ о ближайших потомках литовского великого князя Гедими-на. Именно как дополнения и исправления к работам К. Стадницкого были написаны очерк «О князьях Кобринских» и книга «Род Гедими-на»¹⁶.

«Сенаторы и сановники» (1885), появившиеся под влиянием аналогичной работы Ю. Блешыньского, — это обработка сведений актового материала о государственных должностях, а краткие в четыре строчки сведения из этой книги о литовском земском подскарбии начала XVI в. Аврааме Езофовиче вылились в специальный очерк об этом деятеле¹⁷. Среди других генеалогических работ того же времени исследования Вольфа выделяются прежде всего широким использованием и критическим осмыслением актового материала, в частности актов Литовской метрики. Ю. Вольф сообщает не одни лишь биографические сведения, но и излагает свое мнение по отдельным историческим вопросам.

«Сенаторы и сановники» представляет собой справочник должностных лиц Великого княжества Литовского¹⁸. Ю. Вольф не только дает списки чинов государственного аппарата Литвы, перед каждым из таких списков он составляет краткую справку о времени возникновения этой должности, присущих ей функциях, их изменениях и т. п. В отличие от высказанного позднее в книге «Князья литовско-русские...» мнения, что в правах и положении князей Литва брала пример с России, возникновение государственного аппарата, отдельных должностей в Великом княжестве Литовском Ю. Вольф связывает с подражанием Польше: «В Польше каждый должен был кем-то быть, каждый стремился к титулу и должности. Это не требовало работы, не вынуждало к самопожертвованию, но придавало достоинства и значения ...

В Литве должности возникали постепенно, по примеру Короны»¹⁹.

Книга о Пацах (1885) — первый опыт большой историко-генеалогической работы об одной семье. А последняя книга — «Князья литовско-русские...» (1895) — это уже большой сводный справочник, содержащий прокомментированные родословные росписи всех княжеских родов, служивших в XIV—XVI вв. в Литве и отчасти на Руси (Рюриковичи, Гедиминовичи, выезджие из других стран). В эту книгу вошли предшествующие работы Ю. Вольфа — целиком «Род Гедимины» и «О князьях Кобрянских», материалы из других исследований, связанные с историей княжеских семей.

Все работы Ю. Вольфа посвящены истории конкретных семей и лиц. Очерк, посвященный Аврааму Езофовичу, целиком написан по материалам Литовской метрики, в котором автор умело использовал косвенные свидетельства актов. Ю. Вольф отмечает, что не сохранились основные материалы, подтверждающие продвижение Авраама по служебной лестнице, принятие им христианства, возведение его в дворянство, нет и акта о назначении его подскарбием Великого княжества Литовского²⁰.

Чтобы написать биографию Авраама Езофовича, Вольф использует косвенные показания источников: подписи подскарбия под актами, упоминание о нем, как о свидетеле сделок, участнике церемоний. Поэтому при отсутствии исчерпывающих записей в документах все же каждый момент в этой биографии подтвержден актами.

В книге «Князья литовско-русские...», говоря о происхождении литовских князей, Ю. Вольф отмечает, что в Литве, которая в данном случае брала пример с Руси, этот титул применялся только к лицам, происходившим непосредственно от княжеской династии. В Литве князьями были потомки правящей литовской династии и потомки русских князей. «Будучи только потомками господствующей династии, князья составляли замкнутое в себе сословие; кто не был князем, не мог им стать»²¹.

Княжеский титул в Литве, как полагал автор, не мог дать ни король, ни состояние. Отмечая, что русские родословные легенды упоминают «о выезде предков некоторых князей из-за границы», Вольф считает, что «это, очевидно, позднейшие вымыслы, придуманные якобы для возвеличивания рода»²². В то же время родословие литовских князей, составленное в XVI в., заслуживает, по мнению Вольфа, большого доверия, когда сообщает о происхождении современных ему княжеских семей, сохранивших в то время еще «свежие воспоминания о своих предках»²³.

Такие изыскания были нужны Вольфу, чтобы отделить фамилии, восходящие к средневековым княжеским родам, от фамилий, приписавшихся к этим родам. Эта работа была начата в книге «Род Гедимины» и завершена в монографии «Князья литовско-русские...», где есть специальный раздел «Псевдокнязья».

Изучение актового материала убеждает Ю. Вольфа в том, что «все истинные князья — во всяком случае до второй половины XVI в. — постоянно титуловались князьями, никогда не опуская своего титула; естественным выводом из этого будет, что все, кто в упомянутой эпохе выступает без княжеского титула, князьями не были». В то же время с конца XVI в. множество семей стремилось доказать свое княжеское происхождение. «Сходство имен, прозвищ, патронимов, гербов, ошибки хронистов, описки переписчиков документов использовались наилучшим способом»²⁴.

Начиная с первой работы «О князьях Кобринских» и до последней «Князья литовско-русские...», Вольф везде тщательно прослеживает все сведения о родоначальниках, отделяя потомков княжеских родов от семей, приписавшихся к князьям. Уже в отзыве З. Радзимицкого на работу «О князьях Кобринских», опубликованном в 1884 г., отмечался великолепный анализ сведений различных источников, позволивший Вольфу установить родоначальника Сангушков. З. Радзимицкий писал, что вопрос о происхождении Сангушков был поставлен еще К. Стадницким, и только спустя тридцать лет Ю. Вольф «поднял брошенную им в пространство перчатку» и разрешил эту проблему²⁵. Большое место в книге «Род Гедимины» занимает и определение родоначальников княжеских семей. Здесь сам материал — биографии сыновей Гедимины и Ольгерда — дает возможность автору проследить, какие из княжеских литовских родов восходили к правящей династии. Все эти материалы вошли в книгу «Князья литовско-русские...», как в книгу «Род Гедимины» вошли исследования о родоначальниках князей Кобринских и Сангушков из более ранней работы.

Характерная черта, выделяющая работы Ю. Вольфа, — это исчерпывающее использование актового материала. Оно выражается не только в широте и количестве привлеченных актов, но и в том, что автор полностью использовал содержание каждого документа: известия об отдельных лицах, установление родственной связи между записанными в источнике лицами, свидетельства о должностном положении тех, кто скреплял документ, и т. д. Надо сказать, что акты — почти единственный источник для XV—XVI вв., позволяющий установить родственные связи между отдельными семьями, поскольку их сведения относятся одновременно к двум или более семьям, находящимся в родстве.

Ю. Вольф не только дает отсылки на использованные документы, каждый раз — в тексте или ссылке — он приводит характеристику документа, на который опирается: вид, точную дату, место выдачи, иногда краткое изложение содержания. Как и в отношении родословных легенд XVI в., Вольф четко оценивает свое отношение к документу, приводит свои соображения относительно мест, где возможна ошибка.

Определяя происхождение той или иной семьи, Ю. Вольф, кроме показаний источников, конкретно-исторического материала, широко использует для своих доказательств сведения антропони-

мики. Впервые он привлек их в монографии о Пацах. Чтобы выявить родоначальника Пацев, Вольф собрал и сопоставил известия о ряде лиц XV—XVI вв., имевших прозвище Пац, а также определил время, когда, став родовым прозвищем ряда семей, как индивидуальное оно уже не встречалось²⁶. Эти наблюдения имеют более общий характер, связанный с проблемой происхождения фамилий в средние века. Они приводят Ю. Вольфа к выводу, что «имена, прозвища и фамилии, происходящие от названия местности, не были исключительно привилегией князей, но употреблялись и в других слоях общества»²⁷. Широко использует Ю. Вольф данные антропонимики и при определении фамилий лиц, приписавшихся к потомкам Гедимины, причем эти данные, как правило, сочетаются с определением истинного родоначальника семьи.

Вся трудоемкость предпринятой работы, а также трудности обработки актового материала охарактеризованы им во введении к книге «Пацы»: «Работа эта, основанная почти исключительно на документах, содержащихся в Литовской метрике, есть лишь только собрание материалов, которые трудно из-за их содержания объединить в единое целое. Насколько документы метрики достоверны и ценны, настолько их содержание всегда архисухое, касается пожалований, покупки или продажи, состояний, процессов или договоров, реже записей и завещаний. Такой материал для желающего его использовать представляет большие трудности, особенно если увлечение историей и желание служить отечественной истории должны заменить беглое перо и критические чувства»²⁸.

Работы Ю. Вольфа не проходили незамеченными. В рапорте метриканта в 1884 г., где перечислены все работы, написанные по материалам Литовской метрики, упомянут очерк «О князьях Кобринских»²⁹. В 1886 на книгу «Род Гедимины» появилась рецензия в журнале «Исторический вестник». Автор рецензии ставит книгу Ю. Вольфа в один ряд с работами Антоновича, Кояловича, Иловайского. Особо подчеркивается, что здесь впервые использованы материалы Литовской метрики и работы русских историков. Общая оценка книги высокая: «Вообще труд г. Вольфа, хотя и специально генеалогический, тем не менее затрагивает весьма важные вопросы»³⁰.

В 1885 г. был опубликован в переводе на русский язык очерк об Аврааме Езофовиче³¹. В архиве А. А. Шахматова хранится рукописный перевод раздела о князьях Мосальских из книги «Князья литовско-русские...»³². Работы Ю. Вольфа неоднократно использовались исследователями, занимавшимися проблемами политической истории Литвы³³. Они используются и современными историками.

Значение работ Ю. Вольфа в истории польской генеалогической литературы достаточно полно определено В. Двожачеком: «Несмотря на наличие более поздних работ, касающихся этой же темы, написанных различными историками и имеющих иногда

содержание хотя бы с виду более эффективное, фундаментом надежных сведений для исследователя остаются по сей день неопценные «Князья литовско-русские»³⁴. Они занимают видное место и в русской генеалогии того времени.

В 80-х годах XIX в. и складывались основы тех направлений в генеалогии, которые получили бурное развитие в конце XIX — начале XX в.: публикация отдельных дворянских родословий, которая «все более становится предметом тщеславной моды», и «стремление обобщить громадный материал предмета», которое «сказывается в появлении работ по библиографии генеалогии, в создании сводных тематических работ»³⁵. Надо сразу сказать, что русские генеалогические справочники П. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, хотя и широкие по кругу записанных фамилий, но содержащие случайный биографический комментарий, не могут сравниться в этом плане с работами Ю. Вольфа. Лишь опубликованные в 80-х годах монографические работы А. В. Экземплярского по истории отдельных великих княжений³⁶ по манере изложения материала напоминают работы Вольфа, но в них несравненно уже круг привлеченных источников и состав росписей.

Одновременно с книгами Ю. Вольфа была опубликована монография П. Н. Петрова «История родов русского дворянства», вызвавшая отзывы А. П. Барсукова и Д. Ф. Кобеко³⁷. Эти работы наиболее отчетливо показывают состояние как источниковедческой базы, так и методических приемов русских генеалогов. Прежде всего, для них характерно случайное привлечение актового материала и вытекающее из этого отсутствие сведений о браках и, следовательно, о связях между отдельными семьями. Связь между рядом семей, образовавшаяся в результате браков, и, как возможный результат этого, участие их в одних и тех же политических группировках, потомственная служба в государственных учреждениях, образование единых земельных владений в работах русских генеалогов не затрагивались.

Для работ этого времени характерен также отказ от научного анализа родословных легенд. Вопрос о действительном происхождении родоначальника фамилии, о причинах создания родословных легенд подменялся дворянскими историками анализом сомнительных фактов, записанных в этих легендах, из которых самые фантастические опровергались. И тем более в русской генеалогии никогда не вставал вопрос о семьях, ложно приписавшихся к княжеским родам.

Следует отметить и различия в характере источников по средневековой русской и польско-литовской генеалогии. Русские исследования опирались на подлинные родословные росписи XVI—XVII вв., дополненные летописным и выборочным актовым материалом. Польские генеалогические работы XIX в. чаще базировались на актовом материале, который в то время был достаточно широко опубликован. А отсутствие официальных родословных росписей XVI в. вело к выработке методики, позволяю-

щей как можно более полно использовать сведения актов для нужд генеалогии.

В работах Ю. Вольфа везде, где это было возможно, привлечены росписи русских родословных книг. Соединенные с известиями актов XV—XVII вв., они и дали то богатство сведений, которое мы находим в «Князьях литовско-русских...».

И в заключение следует остановиться на одной энциклопедической статье, связанной с проблемами авторства ряда исследований Ю. Вольфа.

В 1897 г. в словаре Брокгауза и Эфрона В. В. Руммель опубликовал статью «Ожаровские», где авторство книг «Пацы», «Род Гедимины» и «Князья литовско-русские...» приписано «известному знатоку древней польской генеалогии» К. Ф. Ожаровскому, он же издал (анонимно) трехтомное исследование о Сапегах³⁸. Ю. Вольф также называет К. Ф. Ожаровского автором книги «Сапеги»³⁹. Книги о Сапегах и Пацах состоят из поколенных росписей, содержащих обширные биографические очерки о каждом лице. Основная масса сведений почерпнута из книг Литовской метрики; практически этот источник в других работах по генеалогии не использовался. Оформлены обе книги полиграфически одинаково, а первый том «Сапегов» (1890) напечатан в той же типографии, что и «Пацы»⁴⁰.

Но на этом сходство кончается. Для книг Ю. Вольфа характерно дословное совпадение сведений об одних и тех же лицах в разных работах, в каком бы контексте они ни приводились. Главное отличие работ Ю. Вольфа от книги «Сапеги» в том, что во вступительной части в книгах Вольфа всегда есть историческая концепция. Вольф старается объяснить происхождение дворянства, особенности положения князей, особенности положения польского дворянства в средневековье: «В прошлом привилегированное сословие — шляхта — имело свои права, а сословное неравенство, привилегии и особые права, которые сегодня признаются за избыточные, соответствовали определенной эпохе цивилизации»⁴¹. Автор говорит о происхождении понятия «князь», сравнивает его с другими дворянскими титулами, дает характеристику материалов Литовской метрики, пишет о трудностях работы с ними, о закономерностях образования фамилий. Книги Ю. Вольфа — не просто генеалогические справочники, а историко-генеалогические исследования.

Книга о Сапегах по своему научному уровню стоит ниже книг Ю. Вольфа. Это в прямом смысле слова генеалогический справочник, хотя и великолепно оформленный, с обширным фактическим материалом: в нем опубликованы ценные документы по истории Сапег. Если сравнить в столь близких по форме книгах «Пацы» и «Сапеги» вступительную часть, где излагается семейная легенда, то это различие видно сразу. Ю. Вольф объясняет значение слова «пац», перечисляет лиц с этим прозвищем, упоминаемых в документах XV—XVII вв., разбирает и отвергает позднюю легенду о происхождении Пацев из Италии. В предиде-

словии к «Сапегам» не сказано о происхождении этой семьи, а лишь описано, как они получили княжеский титул от германского императора.

В книге «Князья литовско-русские...» Ю. Вольфа легенда Сапег по форме ближе к легенде Пацев из работы «Пацы». Здесь разобраны ошибки, благодаря которым в некоторых генеалогических трудах Сапег считались потомками Гедимины, а также вопросы о подделках ранних документов, относящихся к Сапегам⁴².

Не вызывает сомнений, что доступ к Литовской метрике был у Вольфа лишь благодаря К. Ф. Ожаровскому. Мы не исключаем возможности того, что Ю. Вольф участвовал в создании книги «Сапег», написанной на том же материале и в той же манере, что и его книги⁴³. Можно предположить, что материалы Литовской метрики, которая с 1878 г. в течение четырех лет копировалась для Ожаровского, обрабатывал и готовил к изданию Ю. Вольф, но окончательное редактирование книги «Сапег» принадлежит К. Ф. Ожаровскому. Поэтому «Сапег» и стоят в одном ряду с традиционными генеалогическими книгами того времени. Если наше предположение правильно, то, вспомнив, что «Сапег» издавались в 1890—1894 гг., можно понять, почему Ю. Вольф, за три года опубликовавший пять работ (одну в 1884 г., три в 1885 г. и одну в 1886 г.), шестую напечатал лишь в 1895 г.

Таковы известные нам сведения о молодом и увлеченном исследователе русско-литовской истории, как охарактеризовал Ю. Вольфа З. Радзиминский, представлявший в 1882 г. его работу о князьях Кобринских⁴⁴ на заседании в Кракове.

Эти сведения позволяют говорить, что Ю. Вольф был самостоятельным и оригинальным исследователем по генеалогии княжеских семей, он сумел создать высоконаучные генеалогические справочники, сохранившие свое значение до наших дней. Ю. Вольф не создал собственной научной концепции о происхождении и эволюции дворянства, его исторические рассуждения тесно связаны с идеями современных ему либеральных историков. Но сама мысль связать задачи генеалогии с задачами исторического исследования — вопросами происхождения дворянских титулов и привилегий, государственных должностей, проблемами ономастики, проверкой достоверности родословных легенд и др. — была новой и прогрессивной, так как в то время основной целью, которую видели перед собой авторы генеалогических работ, являлось возвеличивание истории отдельной семьи, иногда в ущерб исторической правде.

Можно сказать также, что жизнь в Петербурге не только дала толчок для серьезного изучения источников по генеалогии, но и способствовала развитию научных взглядов Ю. Вольфа.

- ¹ Подробнее см.: Книжник-генеалог.— В кн.: *Либрович С. Ф.* На книжном посту. Пг. М., 1916, с. 405—408.
- ² *Wolff J.* O kniaziach Kobryńskich.— In: *Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wyd. Hist.—filolog. A.U. Kraków, 1884, t. XVII, s. 1—31; Idem.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego, 1386—1795. Kraków, 1885; *Idem.* Żyd ministrem króla Zygmunta. Kraków, 1885.— Рус. пер.: И. В. Еврей-министр при короле Сигизмунде. Восход, СПб., 1885, май, с. 105—119; *Idem.* Rasowie. Petersb., 1885; *Idem.* Ród Gedimina. Kraków, 1886.
- ³ *Либрович С. Ф.* На книжном посту, с. 437, 438, 482—485; *Słownik pracowników książki polskiej.* Warszawa, 1972, s. 977.
- ⁴ ГПБ, ф. 273, ед. хр. 310, л. 6—8; ПД, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 72, л. 16. Имена директоров «Товарищества М. О. Вольф» появляются на бланках издательства лишь с 1884 г.
- ⁵ ПД, ф. 183, оп. 1, ед. хр. 72, л. 16; ф. 548, ед. хр. 448, л. 19.
- ⁶ *Либрович С. Ф.* На книжном посту, с. 407.
- ⁷ Мать Генрика и Юзефа Венявских — Регина Вольф — была родной сестрой Эдварда и Маврикия Вольфов. См.: *Henryk Wieniawski: Kronika życia/Opisac. Wł. Duleba.* Kraków, 1967, s. 16. Отец Генрика Венявского участвовал в восстании 1830 г., а старший брат — в революционном движении 60-х годов XIX в. (Там же).
- ⁸ См.: *Либрович С. Ф.* На книжном посту, с. 367, 373.
- ⁹ Полный каталог изданий «Товарищества М. О. Вольф». Пг.; М., 1906. Надо отметить, что в каталоге не всегда есть год издания, а в том случае, если книга переиздавалась, поставлен только год последнего издания. Это не позволяет делать более определенных выводов. Подробнее об изданиях М. О. Вольфом научной литературы см.: *Черняк А. Я.* История технической книги. М., 1969, с. 67—69.
- ¹⁰ *Либрович С. Ф.* Указ. соч., с. 9—48.
- ¹¹ Там же, с. 407.
- ¹² См.: *Пташицкий С. Л.* Описание книг и актов Литовской метрики. СПб., 1887, с. 71—73.
- ¹³ ЦГАДА, ф. 328, ед. хр. 242, л. 20; ед. хр. 244, л. 45; ед. хр. 245, л. 90б.
- ¹⁴ ГПБ, ф. 157, ед. хр. 27; *Либрович С. Ф.* На книжном посту, с. 407.
- ¹⁵ *Rozprawy i sprawozdania, 1884, t. XVII, s. 38.*
- ¹⁶ Книга Ю. Вольфа «Ród Gedimina» имеет подзаголовок «Dodatki i poprawki do dzieł K. Stadnickiego: «Synowie Gedimina», «Olgiard i Kieistut» i «Bracia Władysława Jagielly».
- ¹⁷ *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze... В предисловии к книге отмечено, что автора натолкнула на мысль написать эту работу монография Ю. Блешынского: *Bleszyński J.* Spis senatorów i dygnitarzy koronnych (świeckich) z XVII wieku. Warszawa, 1872.
- ¹⁸ *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze..., s. 196—197. В другом месте: «Объединившись с Польшей, Литва постепенно начала управляться по ее образцу и заводить такие же учреждения» (Там же, с. 1).
- ¹⁹ Там же, с. 109, 112.
- ²⁰ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. XX.
- ²¹ *Ibid.*, s. XIX.
- ²² *Wolff J.* Ród Gedimina, s. VI, 4, 5. Здесь Ю. Вольф имеет в виду родословия, опубликованные в «Бархатной книге» и XVII томе ПСРЛ.
- ²³ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 33—35, 649.
- ²⁴ *Radziwiński Z. L.* Dodatkowe uwagi do rozprawy powyższej.— In: *Rozprawy i sprawozdania, t. XVII, s. 32.*
- ²⁵ *Wolff J.* Rasowie, s. 1—3.
- ²⁶ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 33—35, 649.
- ²⁷ *Wolff J.* Rasowie, s. VI.
- ²⁸ ЦГАДА, ф. 328, ед. хр. 248, л. 19а.
- ²⁹ *Ф. Б.* Рец. на кн.: Ród Gedimina.— *Исторический вестник.* СПб., 1886, т. XXV, с. 173. Автор рецензии — Федор Ильич Булгаков, три книги которого были опубликованы в 1885—1886 гг. в издательстве «Товарищество М. О. Вольф». С редактором этого журнала С. Н. Шубинским издательство также постоянно поддерживало контакты.
- ³⁰ *И. В.* Еврей-министр при короле Сигизмунде.— *Восход, СПб., 1885, май, с. 105—119.* В словаре И. Ф.

- Масанова автор очерка расшифровывается как сотрудник журнала «Восход». См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960, т. 4, с. 113.
- ³² ЦГАЛИ, ф. 313, оп. 2, ед. хр. 24.
- ³³ См.: *Любавский М. К.* К вопросу об удельных князьях. СПб., 1894, с. 12—15 и след.; *Мяглев Н. К.* Родословию князей Мстиславских. М., 1915.
- ³⁴ *Dwozgaszek W.* Genealogia, Warszawa, 1959, s. 119—125.
- ³⁵ *Янин В. Л.* Генеалогия и геральдика.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, М., 1963, т. 3, с. 632—633.
- ³⁶ *Экземплярский А. В.* Ярославские владетельные князья. Ярославль, 1887; *Он же.* Ростовские владетельные князья. Ярославль, 1888; *Он же.* Владетельные князья Белозерские. Ярославль, 1888; *Он же.* Углические владетельные князья. Ярославль, 1889.
- ³⁷ *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886; *Барсуков А. П.* Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887; *Кобеко Д. Ф.* О разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии.— В кн.: Записки Русского археологического общества СПб., 1887, т. II, с. 271—292; *Он же.* Дополнительная заметка к статье о разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской генеалогии.— Там же, 1887, т. III, вып. 2, с. 194—198.
- ³⁸ Энциклопедический словарь/Изд. Ф. А. Брокгауз, и И. А. Эфрон, 1897, т. 21а, с. 758. В статье не указано, что К. Ф. Ожаровский был автором работ: «Senatorowie i dygnitarze», «O kniazjach Kobryńskich», «Żyd ministrem króla Zygmunta». В то же время эти работы, как и три, перечисленные Руммелем, названы работами одного автора в книге «Kniaziowie litewsko-ruscy».
- ³⁹ *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. XIII. Книга «Sapiehowie: Materiały historyczno-genealogiczne i majątkowe». Petersburg, 1890—1894. Т. 1—3) издана без указания автора. Лишь в 3-м томе есть указание, что его издал Б. Горчак.
- ⁴⁰ «Pacowie» — на титуле «W drukarni F. Suszczyńskiego»; «Sapiehowie». Т. 1.— на титуле «W drukarni b. Suszczyńskiego». Интересно история издания книг Ю. Вольфа. Две из них — «Род Гедимины» и «Сенаторы и сановники», были изданы в Кракове, в типографии Анчыца, т. е. юридически в Австрии. Но эта типография с 1875 г. фактически принадлежала варшавской фирме «Гebetнер и Вольф», которая издала в 1895 г. уже в Варшаве последнюю книгу Ю. Вольфа. См.: *Muszkowski J. Z.* dziejów firmy Gebethner i Wolff, 1857—1937. Warszawa, 1938, s. 15—17. Варшавское издательство «Гebetнер и Вольф» не было связано с петербургским «Товариществом М. О. Вольф», и один из директоров варшавской фирмы — Юзеф Вольф (1862—1918) был однофамильцем историка-генеалoga. См.: *Ibid.*, s. 22—24.
- ⁴¹ *Wolff J.* Pacowie, s. V.
- ⁴² *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy, s. 678—679.
- ⁴³ В приведенном В. В. Руммелем списке работ К. Ф. Ожаровского не упомянута его книга о литовских князьях, написанная по-русски, но изданная анонимно на французском языке. Эту книгу он, как автор, подарил в 1878 г. в Литовскую метрику. См.: ЦГАДА, ф. 328, ед. хр. 242, л. 23 об.
- ⁴⁴ *Radziwiński Z. L.* Dodatkowe uwagi..., s. 32.

АВГУСТ ЛЮДВИГ ШЛЁЦЕР ДО ЕГО ПРИЕЗДА В РОССИЮ В 1761 Г.

Е. М. Михина

Имя Августа Людвиг Шлёцера занимает в исторической науке прочное место. «Наиболее крупный представитель рационалистической историографии» в Германии¹, большую часть жизни проработавший в Гёттингенском университете, одним из первых сформулировавший и развивший в своих лекциях понятие всемирной истории, он не менее, если не более, известен как исследователь русских летописей, продолживший дело В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова и немало сделавший для сближения молодой русской науки с передовой западноевропейской исторической мыслью. Его труды высоко ценили Н. В. Гоголь и Н. Г. Чернышевский, С. М. Соловьев и А. А. Шахматов. С другой стороны, собственная чрезвычайно высокая оценка Шлёцером своей роли переносчика «иностранных знаний на очень хорошую, но большую частью еще сырую почву» русской науки² вызвала, как известно, резкую негативную реакцию ряда русских современников ученого и позднейших отечественных историков. Сегодня, спустя полтора столетия, можно более спокойно и объективно подойти к оценке его вклада в историографию России. Такую возможность дает нам расширение поля нашего зрения — иной уровень изученности как истории науки, так и проблем русской истории.

Разработка темы «Шлёцер и Россия», писал в 1966 г. Л. В. Черепнин, «по-настоящему лишь начинается, а в советской историографии она представляет собой забытый участок»³. Вышедшие с тех пор работы свидетельствуют о возрождении интереса к такого рода проблематике⁴. И дело здесь не персонально в Шлёцере, а в растущем интересе к истории науки вообще, и исторической науки в частности, в потребности осмыслить творческий вклад отдельного ученого в контексте эпохи в целом.

По выражению М. В. Нечкиной, Шлёцер приехал в Россию «во всеоружии новой западноевропейской учености»⁵. Для правильного понимания как достижений, так и слабостей Шлёцера нелишне, очевидно, подробнее вникнуть в характер этой учености. В данной статье мы попытались сделать это, проследживая факты его биографии до приезда в Россию. Биографическая литература о Шлёцере достаточно многочисленна⁶. Наша задача — теснее связать факты его биографии с состоянием европейской науки и культуры того времени.

Жизнь А.-Л. Шлёцера (1735—1809 гг.) приходится на вторую половину XVIII в. Это была зрелая пора европейского Просвещения, «время всеобщего брожения философских и научных доктрин»⁷. Третье сословие все отчетливее ощущало себя ведущей силой общества. Превращаясь в «класс для себя», оно как

бы вступало во владение миром, по-хозяйски в нем оглядывалось; в восходящем классе укреплялось умонастроение «оптимизма». Развитие опытных наук как нельзя более отвечало этому умонастроению. К тому же научные занятия были одним из путей преодоления жестких сословных перегородок. Для XVIII в. характерна «разносторонняя, всеобъемлющая пытливость»⁸. Научные знания, в сравнении с предыдущим столетием, быстро становились достоянием относительно широкой публики. К середине века образованное общество уже пережило целый ряд научных увлечений: математика, медицина, астрономия, ботаника, опыты по магнетизму и электричеству. Стало модно заводить обсерватории, потом ботанические сады. Начало XVIII в. было, по выражению Р. Ю. Виппера, «эпохой крайнего напряжения географической фантазии». Коммерсанты и миссионеры открывали пути в Персию, Индию и Китай, поселенцы Америки проникали все дальше в глубь материка. «Рассказы этих путешественников как бы на Луну читались со страстным интересом»⁹. Во второй половине века начались кругосветные путешествия с чисто научными целями — Бугенвиля, затем Кука. Всех будоражила «Терра Аустралис инкогнита» — «неизвестная Южная Земля», где мерещилась возможность совсем иной цивилизации. За исключением этой «Южной Земли», очертания материков были более или менее установлены, и первые научные карты составлены. Окончательное торжество науки казалось близким.

Умонастроение «оптимизма» нашло свое выражение в теории бесконечного прогресса. Общество переживает постоянные «революции», и это — изменения к лучшему. На протяжении века слово «революция» теряет свою расплывчатость, все чаще связываясь с политическими переворотами¹⁰.

«Всеобщее брожение научных идей» почти не затронуло историографию. Несмотря на огромные достижения в собирании и публикации источников, явившиеся побочным результатом полемики католиков и протестантов, идейно она оставалась чрезвычайно бедной. Собственно, профессиональной исторической науки в нашем понимании еще не было, а была книжная филологическая ученость, ведущая свое начало от гуманизма, давно утратившего свой идейный заряд и превратившегося, по словам Энгельса, в католический иезуитизм¹¹. Отточенная процедура анализа старинных текстов, не будучи связана с реальными проблемами науки, превращалась в самоцель. Рационализм XVII в., опирающийся на отвлеченную логику здравого смысла, не смог привнести в историю новых идей. Он лишь усилил недоверие к «историческим басням» — недаром Декарт считал занятия историей недостойными мыслящего человека.

Конечно, в разных областях науки и общественной жизни вызревали и копились идеи, подготавливавшие почву для нового осмысления истории. Так, распространенные в XVIII в. гипотетические представления о «естественном состоянии» человека уже, по словам В. П. Волгина, имели тенденцию «превратиться

в характеристику определенного периода в жизни человечества — ее догосударственного состояния»¹². Буржуазной идеологией к этому времени уже было выработано понятие «феодализм». Формировалось представление о различных «классах» общества — этот термин уже употреблялся по отношению к группам населения и на протяжении века все более наполнялся социальным содержанием¹³. Но в середине века эти идеи историей не были ассимилированы; огромный массив исторических сведений оставался в основном вне своего времени. Разумеется, просветители совершали на него постоянные «атаки». Поселившись в Сирэ в 30—40-е годы, яростно ревизует всю историю Вольтер; в 1748 г. появляется «Дух законов» Монтескье; через два года в Сорбонне произносит свои речи о смысле истории Тюрго; в 1753 г. Руссо издает «Происхождение неравенства между людьми». Но это атаки все же со стороны. Должно было родиться новое поколение историков, которые бы захотели осуществить новый синтез, объединив достижения разных научных традиций.

В Германии, где развитие городской жизни и, соответственно, буржуазной идеологии было приостановлено сначала перемещением торговых путей, а затем войнами XVI—XVII вв., идеи Просвещения, как известно, пробивали себе дорогу крайне медленно. Мелкодержавие, диктат князей, объединение в их руках светской и духовной власти «наложили свой отпечаток на духовную жизнь Германии с середины XVI в. до середины XVIII в.»¹⁴.

Но во второй половине века ситуация меняется. В это время «идеи античной и современной культуры ворвались, — по словам В. Виндельбанда, — в умственный мир немцев, оживленно сменяя друг друга и взаимно сливаясь»¹⁵. В Германии формировалось первое поколение немецкой буржуазной интеллигенции — поколение Лессинга¹⁶. Шлёцер — младший современник Лессинга. На его духовном облике явно отразилось это внезапное и бурное приобщение Германии к миру современных идей.

Шлёцер родился в 1735 г. в крошечном протестантском графстве Средней Германии, в местах, сильнее других обезлюдивших в результате Тридцатилетней войны. К середине XVIII в. урон, нанесенный войной, еще чувствовался, и память о ней была жива. «Покойная моя бабушка очень много мне рассказывала про 30-летнюю войну; этому я верил, потому что о этой войне слышала она от *своей* бабушки, которая жила во все продолжение оных»¹⁷. Нравы, судя по всему, царили средневековые: в 1749 г., когда Шлёцеру было 14 лет, в Вюрцбурге, неподалеку от городка, где он учился, была сожжена за колдовство монахиня¹⁸.

Отец и ближайшие предки Шлёцера были деревенскими пасторами. С пяти лет, после смерти отца, мальчик воспитывался в доме деда, тоже деревенского пастора. Протестантское духовенство в Германии рекрутировалось в основном из третьего сословия и идейно к нему примыкало. В XVIII в. из детей пасторов вышло немало деятелей культуры буржуазного толка¹⁹.

В возрасте семи лет мальчика отдали учиться в латинскую школу в городок Лангенбург, где он прожил три года, возможно, в доме его крестного отца — ландсхерра, графа фон Кирхберга, а затем в доме гофрата²⁰. Жизнь у «благодетелей» была, очевидно, несладкой. В письмах к деду Шлёцер жаловался на унижения и бедность. Уже тогда, по-видимому, в основном сформировался его характер: горячее стремление «выбиться в люди», нечеловеческая работоспособность, чрезвычайное самолюбие. Дед советовал уповать на учебу: «Считай каждую мысль, которую ты можешь усвоить, каждое искусство, которым можешь овладеть, за чистые деньги»²¹. Вскоре Шлёцер будет снабжать списки прочитанных им книг девизом «Per angusta ad augusta» (через нужду — к величию).

В латинские школы веяния века почти не проникали. Главными предметами, совсем как при Меланхтоне, оставались латынь и катехизис. Мальчик необыкновенно быстро освоил латынь и настоятельно требовал у деда прислать ему Цицерона. Тот, пораженный его успехами, решил, что внук может стать «всемирной знаменитостью» и что его нужно учить дальше.

В десятилетнем возрасте Шлёцера переселили в городок на Майне — Вертхайм, в дом родственника, директора школы Шульца. Здесь он прожил до 16 лет. Продолжая посещать городскую школу, он получает, вместе с детьми Шульца, домашнее образование — оно было современнее школьного. Преподавались, помимо латыни, французский, греческий и древнееврейский. Последний — в духе протестантской традиции, чтобы читать в подлиннике Библию. Но изучение древнееврейского имело и другую сторону — будило интерес к Древнему Востоку. «Первоначально успехи востоковедения в Германии, — писал В. В. Бартольд, — более всего были связаны с успехами протестантского богословия»²².

Языки давались Шлёцеру необыкновенно легко, к концу жизни он знал около 20 языков. По его словам, еще в 15 лет он напал на свой способ их изучения — на основе выявления в разных языках общих корней: «Веселая метода, которая мышлением ведет дальше, чем памятью, и того, кто способен думать, избавляет от тупого прилежания»²³.

Читал ли юный Шлёцер французскую литературу? По словам Шлоссера, он признавал, что был просвещен Вольтером²⁴. Случилось ли это еще в Вертхайме, мы не знаем. Знаем другое: помимо увлечения латинскими классиками появилось новое — чтение всеобщей географии Хюбнера и «всех существовавших тогда глупых и умных Робинзонов»; оно разбудило в нем «неукротимое желание ездить и видеть далекий мир»²⁵. Возникла мысль стать миссионером и уехать в Малабар (Индию).

Но следующий жизненный шаг Шлёцер сделал для своей среды привычный и традиционный — отправился учиться на богословский факультет в Виттенберг. Все его предки, от самой Реформации, учились именно там, в этой цитадели протестантиз-

ма. Два с половиной года провел он в Виттенберге (1751—1754 гг.) и почти не вспоминал впоследствии об этом времени. Известно, что он защитил там диссертацию на традиционную богословскую тему. Преподавание в Виттенберге оставалось сугубо схоластическим. Только три немецких университета — Галле, Гёттинген и Эрланген — шли вровень с идеями века²⁶, в остальных же «науки преподавались с кафедр и разрабатывались в кабинетах в самой сухой и мертвой форме... Самый протестантизм стал неподвижен и безжизнен если не больше, то не меньше католицизма»²⁷.

Однако новые идеи носились в воздухе. Во Франции в это время произведениями вольнодумцев «зачитывались от мала до велика все, читавшие книги и интересовавшиеся литературой; об них спорили, судили и рьянили во всех салонах, в кофейных, на улицах»²⁸. Проникали эти веяния и в Германию, особенно в студенческую среду. Студенты наверняка читали Вольтера, который как раз в это время жил в Берлине, при дворе Фридриха II, и издал там свой «Век Людовика XIV». Доходили до Виттенберга слухи о новшествах в других университетах. Шлёцер не раз слышал, что некий Михаэлис в Гёттингене проповедует какие-то новые идеи. И вот, весной 1754 г., к возмущению родных, уже ожидавших домой новоиспеченного пастора, он отправился в Гёттинген.

К концу века Гёттингенский университет прославится на всю Европу, его слава докатится и до России (кстати, первых русских студентов привезет в Гёттинген Шлёцер). Пока же университет переживает только второе десятилетие своего существования. Его организаторы отказались от замкнутой, корпоративной учености старых университетов, стремясь внести в преподавание дух современности. Теология заняла в нем весьма скромное место. Правда, на первых порах опасались в Гёттингене и философии — боялись новой схоластики, догматики²⁹ (философские школы возникнут в университете позже); с большой осторожностью относились к французским философам, особенно к Вольтеру. В Германии всегда подвергались критике «легкомысленное» отношение Вольтера к Библии и его многочисленные исторические ошибки. «Цитаделью» этой критики был Гёттинген, где составлялись даже списки ошибок Вольтера³⁰. Но, во всяком случае, Вольтера здесь читали.

Упор в преподавании делался на общественно полезные науки, в том числе естественные. Традиционные для германских университетов предметы — право и филологию — также стремились осовременить. Правовую проблематику поворачивали в русло изучения конкретных различий между государствами, искали количественное выражение таких различий. В этом направлении работал Г. Ахенваль, закладывавший тем самым основы статистики³¹. Это не была статистика в нашем понимании. Речь шла о первой широкой систематизации и сопоставлении сведений о размерах государств, их богатствах и людских ресурсах.

После отдававших схоластикой штудий абстрактных государственных форм нарождавшаяся статистика была, по существу, открытием окружающего мира.

Было осовременено и преподавание филологии. Руководитель семинара по классической греко-римской филологии Х. Гейне стремился превратить ее в науку о древнем мире. В том же направлении работал И. Д. Михаэлис, читавший библейскую филологию. Он рассматривал Библию как источник по истории жизни, быта и права древних народов. «С тех пор, как Гейне и Михаэлис начали привносить политику в древности,— вспоминал Шлёцер,— все приобрело другой облик»³². Для расшифровки Библии предполагалось применить последние достижения естественных наук; Михаэлис «говорил о Линнее, о естественных науках и политике, основывал свои толкования на книге Монтескье, рассуждал о земледелии и зоологии...»³³. Особую роль Михаэлис отводил сопоставлению Библии и арабских источников. Он разделял живой интерес просветителей к арабской культуре, был энтузиастом путешествий на Восток. От знакомства с арабскими рукописями, «как погребенными в европейских библиотеках, так и сохранившимися на Востоке», предсказывал он, европейская наука «может пережить второе возрождение»³⁴.

Для 19-летнего студента-богослова из Виттенберга все это было, очевидно, настоящим откровением. С увлечением погрузился он в мир науки, посещая лекции на всех факультетах. Но настоящим его кумиром стал Михаэлис, а неопределенная тяга к путешествиям приобрела конкретную цель — Ближний Восток. Он решает отправиться на Восток «не на год-два, а на шесть или десять лет»³⁵. Чего ожидал он от этого путешествия? Шлёцер нигде не говорит об этом конкретно. Оно «должно было принести много пользы теологии, естественной истории, всем наукам вообще»³⁶. Скорее всего, он был движим жаждой преодоления оторванной от жизни гуманистической книжности и надеялся, что проверка «на местности» хрестоматийных фактов принесет неожиданные открытия³⁷.

К путешествию необходимо было подготовиться, усовершенствоваться в древнееврейском и освоить арабский. И Шлёцер предается учебе с той страстью, которую, как он сам говорит, его друзья «называли бешенством»³⁸. Гёттингенцы поддерживают многообещающего студента в его намерении, особенно Михаэлис, который «еще с большим энтузиазмом — если это возможно — относился к плану путешествия»³⁹. Однако нужны еще и деньги, несколько тысяч гульденов. А пока не на что не только путешествовать, но и жить.

Кто мог финансировать это дорогостоящее, чисто научное предприятие? Университеты такими средствами не располагали. Кто же? Полтора десятка лет Шлёцер будет стучаться в разные двери: владельцев немецких князей, богатых купцов, во время Семилетней войны — французских оккупационных властей, Петербургской Академии наук. Поддержки он не найдет. К концу

жизни, уже известным ученым, он все еще сожалел об этом. Мечта путешествовать, писал он, была «разумным стремлением, без которого я не мог быть счастливым человеком». Я «пожил бы по году-два во всех странах, резко отличающихся друг от друга: в Персии, в Индии, в Китае, Египте, Марокко, Америке и т. д. ... занялся бы не только народом и правительством, но и внутренним бытом семьи... Обо всем этом теперь нет и мысли! Я должен буду покинуть свет и людей, не изучив их. Разве из книг? О книжное знание! Оно так часто ложно и всегда пусто в сравнении с самою действительностью!»⁴⁰.

Но пока он молод, уверен в успехе и не собирается отступать. Самый распространенный источник существования для образованных в то время — уроки, домашнее преподавание (живущих литературным заработком пока единицы). И, проучившись всего год в Гёттингене, весной 1755 г. Шлёцер едет домашним учителем в Швецию.

Это и стало его первым путешествием. Познакомившись в Гёттингене с передовой наукой, он теперь впервые знакомился с современной жизнью, впервые видел морские торговые порты — Гамбург, Любек, Стокгольм. Швеция, хотя и потерявшая после Северной войны значение великой державы, была все же страной относительно передовой. Государство активно покровительствовало развитию торговли и мануфактур; бурно развивались текстильная, бумажная промышленность, металлообработка, применялись машины с водяным двигателем. Была основана Академия наук, впервые в Европе введена государственная статистика. К тому же здесь шла совершенно непривычная для немца политическая жизнь. Абсолютизм в Швеции временно потерпел поражение; управление страной сосредоточилось в руках риксдага, где заправляла партия «шляп», представлявшая знать и верхи буржуазии. Партия «колпаков», отражавшая интересы широких слоев бюргерства и разночинцев, находилась в оппозиции. «Колпаков» не устраивала меркантилистская политика государства, сложившаяся система подачек и привилегий, они были заинтересованы в свободе предпринимательской деятельности; идеологи партии «черпали аргументы из произведений англо-французских просветителей того времени»⁴¹.

Вскоре после приезда Шлёцера в Стокгольм разразился острый политический кризис. Король, опираясь на партию «колпаков», попытался избавиться от опеки «шляп» и вернуться к абсолютной монархии. Но заговор был раскрыт и сторонники короля казнены. Шлёцер «был свидетелем обезглавления графа Браге и его сообщников за неудавшуюся революцию»⁴². Трудно сказать, в связи ли с этим, но на всю жизнь сохранилась у Шлёцера ненависть к аристократической олигархии.

Здесь хочется сделать одно замечание. За Шлёцером прочно утвердилась репутация кабинетного ученого. Она не совсем справедлива. О кабинетности (впрочем, совсем обойтись без кабинетности историк вряд ли может) можно говорить лишь в

смысле недостаточности личного политического опыта. В отличие от его французских и английских коллег, Шлёцеру почти не доводилось ощущать атмосферу социальных конфликтов и переворотов. Это сознавал он сам. На склоне дней, помимо стокгольмского эпизода, он мог вспомнить лишь политический кризис в Петербурге после смерти Елизаветы Петровны, «громкие вздохи и проклятия угнетенной нации» в предреволюционном Париже и отъезд папы римского в Вену в 1782 г., «составивший эпоху для папства»⁴³. «Этим оканчиваются мои личные исторические наблюдения. С этих пор уже 18 лет я томлюсь над газетами, умозрениями и воспоминаниями прошлого»⁴⁴, — писал позднее Шлёцер.

В Стокгольме Шлёцер поселился в семье немецкого священника. Шведский язык был освоен очень быстро. Посещая заседания Академии, Шлёцер познакомился со шведскими учеными. Он решает популяризовать успехи шведской науки в Германии и уже через несколько месяцев после приезда издает первый выпуск «Новейшей истории учености в Швеции» (в течение следующих пяти лет вышло еще четыре выпуска)⁴⁵. В биографиях этот труд часто именуется книгой, но, знакомясь с ним, обнаруживаем, что это скорее своеобразный критико-библиографический журнал одного автора: Шлёцер излагает содержание изданных в Швеции книг, защищенных в академии диссертаций и прошедших там диспутов. При этом он интересуется отнюдь не только историей. Так, в первом выпуске наряду с рецензиями на исторические издания помещено описание стокгольмского Кабинета «натуралий», рассказывается о живо обсуждавшейся тогда загадке убывания воды в океане, о разработанных шведским ученым Варгентингом принципах подсчета населения, о наилучших условиях заведения фабрик.

Из всех направлений шведской науки наибольший интерес Шлёцера вызвала, как это ни неожиданно для нас, «натуральная история», которую разрабатывал тогда Карл Линней. Причины этого объяснить не так просто. Самая видимая в данном случае — это то, что собиравшийся в экспедицию Шлёцер считал для себя такие знания практически полезными. «Мои занятия, — напишет он через несколько лет, — были до сих пор несколько беспорядочными или, как предпочитают говорить любезные люди, полиисторическими. Никто не может найти в них связи, кроме тех, кто знает, что до своих 30 лет я решился сделать ставку на научное скитальчество»⁴⁶. Вторая, уже упоминавшаяся нами причина интереса к естественным наукам — стремление применить их для истолкования филологических сведений. Но и этим не объяснишь столь длительный и упорный интерес. Шлёцера привлекала, очевидно, система Линнея. В истории не менее остро стояла проблема, решавшаяся Линнеем в естественной истории: найти ключ к массе фактов, «справиться с имевшимся налицо материалом»⁴⁷. Можно было искать помощи у философии, но ее Шлёцер недолюбливал. Линней же, наводивший порядок в

природном разнообразии чисто эмпирически, не мог не привлекать его. К тому же Линней надеялся «найти те же самые распределения и тот же самый порядок во всех конкретных областях природы или общества»⁴⁸.

Прожив полтора года в Стокгольме и рассорившись со своим наставителем, Шлёцер решает изучать натуральную историю непосредственно у Линнея. На зиму 1756/57 г. он отправляется в расположенную неподалеку от Стокгольма Упсалу, один из старейших европейских университетов, «где перед толпою грубых, бедных студентов, сидевших на лекциях в овчинных тулупах, читали Ире, Линней»⁴⁹.

Но Линней оказался в отъезде. Шлёцер посещал университет, живя уроками немецкого языка и случайным литературным заработком (заметки для гамбургской газеты). Запланированное изучение натуральной истории не состоялось. Но состоялось другое, неожиданное — знакомство с еще одной ветвью филологии, германской. Дело в том, что Шлёцер поселился на положении секретаря (очевидно, для заработка) в доме известного историка и филолога И. Ире. Ире привлек его к своей работе по изучению так называемого Евангелия Ульфилы, перевода Библии, сделанного готским епископом IV в. Обязанности превратились в увлечение. Осваивая древний готский язык (далекий предок немецкого языка), занимаясь параллельно исландским и лапландским — «с еще большим удовольствием, чем восточными»⁵⁰, Шлёцер приобщился тем самым к традиционной для немецкой науки, сформулированной еще Лейбницем проблеме — «отыскивать *origines populorum* (начало народов.— *Е. М.*) по их языкам»⁵¹.

Так прошла зима. Весной из Стокгольма поступило выгодное предложение: вести деловую корреспонденцию богатого купца Зееле, немца по происхождению. В доме Зееле Шлёцер прожил еще полтора года, оказавшиеся для него чрезвычайно плодотворными. По ходу своей новой службы он освоил бухгалтерию, финский и польский языки. Но, главное, в лице любознательного купца он нашел благодарного слушателя. Вечерами Шлёцер рассказывал ему о событиях древней и новой истории, особенно о торговле в разные эпохи. Видимо, для рассказчика такое общение было не менее важно, чем для слушателя; много лет спустя Шлёцер вспоминал о Зееле с благодарностью. Из этих рассказов выросла первая книга Шлёцера, написанная на шведском языке (!) и изданная в Стокгольме в 1758 г. — «Опыт всеобщей истории торговли и мореплавания в древнейшие времена»⁵². Рассмотрим ее подробнее.

В предисловии Шлёцер указывает, что «шел по стопам авторов «Духа законов» и «Духа наций». Первый — безусловно Монтескье, второй — по-видимому, Вольтер»⁵³. Просветители старшего поколения видели в торговле прежде всего ее цивилизующую роль и в этом смысле не отличали ее от производства⁵⁴. Так же смотрит на торговлю и Шлёцер, объединяя ее с ремеслами,

земледелием и скотоводством. Эту совокупную торгово-промышленную и сельскохозяйственную деятельность он считает самой высокой, созидательной, цивилизующей мир, несмотря на ее корыстные мотивы. Цивилизация же для него — абсолютное благо, и здесь точка его столкновения с Руссо, только что своим трактатом о неравенстве обрушившимся на язвы цивилизации. Действительно, в книге находим полемику против утверждений «столь глубокомысленного автора»⁵⁵.

Хотя торговля и была традиционным сюжетом для просветительской литературы, в историческом плане в середине XVIII в. она почти не была разработана. Сам Шлёцер указывает лишь две истории торговли, вышедшие из «цеха» историков: книгу Гюэ, написанную по заказу Кольбера, и другую, принадлежащую некоему «немцу из Силезии». В обеих, по его мнению, «господствует ученость». Действительно, научные книги тогда, особенно в Германии, «писались так сухо и тяжело, что только записные ученые решались читать их»⁵⁶. Шлёцер же пытается преподнести традиционную ученость в стиле просветителей — кратко, доступно и занимательно.

Взяв за основу историю торговли финикийцев, Шлёцер, видимо, не случайно назвал свою историю всеобщей. Торговые народы, путешествующие и переносящие с собой не только товары, но навыки и знания, по его мнению, делают историю практически всемирной. Торговая деятельность связывает между собой не только разные страны, но и разные эпохи; Шлёцер стремится обосновать роль торговли в качестве «отдаленной или ближайшей причины событий, иногда наступающих спустя столетия»⁵⁷. Поэтому имеет смысл рассматривать историю торговли в мировом масштабе и на протяжении длительного времени.

Книга открывается очерком истории торговли «во все времена» — на протяжении древней, средневековой и новой истории. Шлёцер прослеживает деятельность народов, перенимавших друг у друга дело мировой торговли. Это финикийцы, греки, римляне, арабы, норманны, генуэзцы и венецианцы, португальцы, голландцы, испанцы и, наконец, французы и англичане. Прогресс⁵⁸ в торговле, в развитии ремесла и земледелия Шлёцер, подобно большинству просветителей, связывает лишь с усовершенствованием человеческих знаний и навыков. Причем главные успехи здесь еще впереди. Рисуя их, Шлёцер повторяет прогнозы известного физика Мопертюи: открытие неизвестных южных земель (вспомним, путешествия Кука еще только предстояли), проложение северного морского пути, исследование полюсов и т. д.⁵⁹ Все же нельзя сказать, что Шлёцер вовсе не видит социальных причин прогресса торговли. Ее развитию, считает он, не благоприятствуют условия обширных империй, с их склонностью к завоеваниям; напротив, она процветает обычно в маленьких и небогатых природными ресурсами «республиках»⁶⁰, которые и развивают мировую (в пределах известного мира) торговлю, связанную с мореплаванием.

Таким образцовым торговым народом, жившим в бедной стране⁶¹ и достигшим процветания только благодаря ремеслам и транзитной торговле, являются для Шлёцера финикийцы. Общеизвестен приоритет финикийцев в мореплавании и географии, в производстве стекла и пурпура, наконец, в изобретении фонетического письма. Шлёцер, кроме того, связывает с посреднической деятельностью финикийцев, знавших азиатские обычаи, само «установление гражданского общества» в Европе и появление там соответствующих атрибутов цивилизации — городов, каналов, денег, брака и т. д.⁶²

Таким образом, причины интереса Шлёцера к финикийцам — далеко не те, что у богословской историографии, для которой это народ, «воспетый пророками и даже удостоившийся видеть в своих пределах Спасителя»⁶³. Шлёцер же разделяет симпатии просветителей к финикийцам, которые «благодаря своей ловкости, изобретательности, бесстрашию и неутомимости сумели стать необходимыми для всех народов мира»⁶⁴.

Другая причина интереса, чисто профессиональная, — то, что история финикийцев практически неизвестна. Их древние книги не сохранились, памятники истории Карфагена уничтожены римлянами. Кажется, сама трудность задачи — реконструировать историю народа по косвенным данным — доставляет Шлёцеру особое удовольствие. Его идея: сведения именно о таком народе, который активно общался с другими, должны в той или иной форме запечатлеться в устных, а потом и записанных традициях ряда древнейших народов. Очертания финикийской истории возникают как бы на скрещении этих традиций — египетской, древнееврейской, древнегреческой. Другим источником могут служить современные европейские языки, сохранившие финикийские названия вещей, впервые привезенных финикийцами в Европу, — вино, тмин, мрамор и т. д.⁶⁵

Шлёцер реконструирует историю главных финикийских городов, зарождение в Финикии торговли и мореплавания, изобретение и развитие важнейших ремесел, рассматривает характер вывозимых товаров. С особой симпатией описываются путешествия финикийцев (автор не исключает возможности их плавания в Америку)⁶⁶, устройство их кораблей, способы ориентирования в море и т. д. Существенная часть книги посвящена истории колоний — собственно финикийцев, а затем карфагенян.

В историографии финикийской истории имя Шлёцера не упоминается. Существенно, что и сам он, сознавая, видимо, незрелость этой книги, не ссылался на нее в своих позднейших работах, касающихся финикийской истории. Но для нас она интересна тем, что приоткрывает многие характерные черты будущего Шлёцера — исследователя.

Каковы, по Шлёцеру, причины упадка финикийской торговли? Прежде всего, это войны (в данном случае походы Александра), затем — внутренние социальные конфликты. Осуждая борьбу аристократических группировок, Шлёцер особенно отрицательно от-

носится к выступлениям низов. Его приводит в ужас «революция» в Тире, когда рабы перерезали «господ» и женились на «госпожах»⁶⁷. «Внутренние неурядицы» и войны — фактор для Шлёцера безусловно деструктивный, которому он противопоставляет торгово-промышленную деятельность как фактор конструктивный⁶⁸.

Почему финикийская торговля не смогла возродиться после походов Александра, ведь условия — блестящее географическое положение, соседство богатых стран, а главное, навыки и умения народа — оставались прежними? Вопрос явно затрудняет Шлёцера. Причину упадка, считает он, надо, видимо, искать за пределами местных условий. «История торговли есть история общности народов друг с другом», — повторяет он тезис Монтескье⁶⁹. Роль Тира уже приняла на себя Александрия; исторические случайности необратимо складываются в некую систему. Таким образом Шлёцер, нередко вспоминая о «Провидении», объяснение истории сводит все же не к нему. Нельзя, говорит он, считать упадок финикийской культуры наказанием потомков Хама, как думает «известный религиозный зубоскал лорд Болингброк»⁷⁰. В истории следует искать причины событий. «Познание действительных причин события всегда вызывает особое удовольствие»⁷¹.

Книга о торговле имела в Швеции успех и даже принесла автору небольшой капитал. Пора было возвращаться в Германию — заканчивать образование и готовиться к путешествию. Предполагалось в течение полугода изучать в Данциге торговое дело, найти там купцов, которые финансировали бы путешествие, затем познакомиться с сельским хозяйством и некоторыми промыслами и закончить в Гёттингене занятия естественными науками и «древностями». После этого можно было отправляться в Смирну, задержавшись еще в Гамбурге для освоения штурманского искусства. Обосновавшись на древнем Ионийском побережье, в Смирне, этом «древнем азиатском Данциге»⁷², подрабатывая там в торговой фактории, можно было бродить по всей Малой Азии и Аравии. Шлёцер уезжал в приподнятом настроении, полный надежд. «Если бы Вы знали, дорогая матушка, — писал он, — каким счастливым и спокойным я уезжаю из Швеции, где на мою долю так неожиданно выпало много хорошего»⁷³.

Но действительность оказалась более суровой, чем рассчитывал Шлёцер: на континенте шла Семилетняя война; в Данциг попасть не удалось; Гёттинген был оккупирован французами. Зимой 1758/59 г. Шлёцер провел в Любеке, снова домашним учителем, в то же время подготавливая к изданию новые выпуски «Учености в Швеции» и сборник «Шведских биографий и анекдотов». Местные купцы, к которым он обращался с предложением финансировать путешествие, ему отказали.

Наконец, весной 1759 г. Шлёцер возвращается в Гёттинген. Следующие два года он ничего не пишет, если не считать газетных и журнальных корреспонденций, он снова с упоением учится. По отзыву Михаэлиса, он был как бы создан для усвоения

учености⁷⁴. Помимо занятий древнееврейским, арабским и «древностями», он слушает лекции по физике, химии, минералогии, занимается практически ботаникой, зоологией, медициной. «Если бы вы вошли в мою комнату,— пишет Шлёцер из Гёттингена в Швецию,— вы наверняка составили бы себе представление об освоенных мною естественных науках. Возле одного окна — целый стог засохших трав и корней, возле другого — куча человеческих ребер... На полу — дистилляционные трубки, колбы и прочая химическая утварь. Зимой начну анатомировать, я уже приглядел по соседству двух кошек. В субботу и воскресенье мы с профессором Бюттнером обычно отправляемся за город и проходим многие мили. Возвращаемся домой поздним вечером, нагруженные камнями, травами и насекомыми и такие усталые, что едва можем двигаться»⁷⁵.

Однако отсутствие собственной темы как будто начинает утомлять его. «До сих пор я, подобно номаду, кочевал из одной науки в другую... Разнообразие знаний... должно было бы принести мне пользу, если бы я наконец сосредоточил их на известном *Unum*. Без этого оно меня только развлекает»⁷⁶.

Тем не менее он не собирается пока «осесть» в Гёттингене, большой мир манит его все сильнее. «Да поможет мне небо поскорее выбраться из Гёттингена,— пишет он сестре,— это местечко для меня слишком тесно... Очутиться здесь после Стокгольма и Любека равносильно заточению в монастырь...»⁷⁷. Через несколько лет он назовет пребывание в незнакомой стране — России — «вселенской школой»: «Какой мир новых знаний открывался предо мною, и преимущественно таких знаний, которые я мог только там приобрести!»⁷⁸.

Но пока речь идет не о России, а о прежнем плане путешествия. В расчете на это через год защищена диссертация по медицине. Он считал, что «купец и медик с одним своим знанием пройти может в самую внутренность Азии»⁷⁹.

Шлёцер очень спешит. У него появилась надежда попасть на Восток в самое ближайшее время: в Дании готовится научная экспедиция в Аравию под руководством известного ученого фон Хафена. Инициатор экспедиции — Михаалис, участники — гёттингенцы. Однако для Шлёцера места не находится, все шестеро участников уже определены, подобраны все специалисты — географ, естествоиспытатель, языковед, художник, врач⁸⁰. Шлёцер в отчаянии. Тогда-то он и обращается к французским оккупационным властям, но снова безуспешно.

И вот в том же 1761 г., когда отбывает экспедиция, ему предоставляется другая, совершенно непредвиденная возможность — поехать домашним учителем в Петербург, и уже оттуда, зарекомендовав себя в тамошней Академии наук, попытаться осуществить свой план. И Шлёцер решает: Россия, потом Восток.

Но сначала нужно узнать о России как можно больше, он привык извлекать максимум сведений из всего, что предлагает

ему судьба. Ведь он всегда хотел «изучать мир и человечество по сю и по ту сторону Европы»⁸¹. Поэтому еще полгода уходит на подготовку, он читает все, что можно прочесть в Европе о России. Наконец в августе 1761 г. он отправляется в путь. По дороге, в Любеке, ему предлагают выгодное место — профессора во вновь организованном университете в Бютцове (Мекленбург). Однако путь уже выбран. «Я слышу о России так много удивительного, что мое любопытство увидеть эту страну все растет и растет»⁸²; «ехать, ехать в Россию, а затем, если богу угодно, в Аравию, даже в Персию и Индию и т. д. — ехать!»⁸³.

Двадцатилетний Шлёцер еще не знает, что многое в его жизни не состоится. Ни попытки перенесения в историю линнеевской точности, ни мечта о путешествии на Восток. Не знает он и того, что именно пребывание в России поможет ему определиться как ученому, «стать Шлёцером». Он вернется из России признанным специалистом по славистике. Однако на этом его «научное скитальчество» не кончится. Словно избегая гарантированного успеха, он по возвращении в Гёттинген будет упорно испытывать себя на поприще всемирной истории. А еще через несколько лет неожиданно пожертвует постоянной научной работой для публицистики, чтобы лишь на склоне дней закрепить славу историографа России своим «Нестором».

Его часто и обоснованно упрекали в разбросанности. Но не была ли эта разбросанность оборотной стороной его чуткости к разнообразным интеллектуальным веяниям своей эпохи? Согласимся с оценкой, которую дал Шлёцеру К. Н. Бестужев-Рюмин: «Ему предстояло создать критический метод отношения к источникам, предстояло разрушить веками накопившиеся предрассудки в науке и жизни... Люди, не выходявшие из своего кабинета далее аудитории или соседнего кнейпа, люди, не выезжавшие всю жизнь за пределы маленького города, не входившие в подробности практической жизни, и не могли быть пригодны к такой деятельности»⁸⁴.

¹ Вайнштейн О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940, с. 130.

² Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная.— В кн.: Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1875, т. 13, с. 190—191.

³ Черепнин Л. В. А. Л. Шлёцер и его место в развитии русской исторической науки.— В кн.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966, с. 192.

⁴ См., напр.: Вебер Б. Г. Шлёцер и его подход к «универсальной истории».— В кн.: Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М., 1974; Алпатов М. А. Русская историографическая мысль и Западная Европа XVII — первая четверть XVIII в. М., 1976.

⁵ См.: БСЭ. 1933, т. 62, ст. 512.

⁶ Doering H. Leben A. L. von Schläzer. Zeitz, 1836: Fürst F. A. L. von Schläzers, ein deutscher Aufklärer im XVIII. Jh. Heidelberg, 1928; Соловьев С. М. Август Людвиг Шлёцер.— Соловьев С. М. Собр. соч. СПб., 1904; Иконников В. С. Август Людвиг Шлёцер: Истори-

- ко-биографический очерк. Киев, 1911; и др.
- 7 Шахов А. Вольтер и его время. СПб., 1907, с. 253.
 - 8 Там же, с. 2.
 - 9 Виннер Р. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. М., 1913, с. 24—25.
 - 10 Будагов Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. Л., 1940, с. 114.
 - 11 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 21.
 - 12 Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1977, с. 93.
 - 13 Будагов Р. А. Указ. соч., с. 72, 73.
 - 14 Streisand J. Geschichtliches Denken von der deutschen Frühaufklärung bis zur Klassik. Berlin, 1964, S. 17.
 - 15 Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. СПб., 1913, т. 1, с. 410.
 - 16 Чернышевский Н. Г. Лессинг, его время, его жизнь и деятельность.— Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1948, т. 4.
 - 17 Шлёцер А.-Л. Нестор: Русские летописи на древнесловенском языке... СПб., 1809, ч. 1, с. НВ—НГ.
 - 18 Геттнер Г. История всеобщей литературы XVIII века. М., 1872, т. III, кн. 1, с. 102.
 - 19 Bruford W. Die gesellschaftlichen Grundlagen der Goethezeit. Weimar, 1936, S. 255 ff.
 - 20 Сведения о детстве и юности Шлёцера крайне скудны и неточны. Он оставил после себя огромный архив, так как с детства имел обыкновение документировать свою жизнь, но этот архив, привезенный в Россию его сыном, находившимся на русской службе, сгорел в Москве в 1812 г. На основе отдельных сохранившихся документов сын написал биографию Шлёцера (см.: *Schlözer Ch. August Ludwig von Schlözers öffentliches und Privatleben*. Leipzig, 1828, Bd. 1, 2). Она малоинтересна, к тому же в ней масса фактических неточностей и противоречий, попавших отсюда в биографическую литературу. Гораздо интереснее автобиография Шлёцера, но она относится только ко времени пребывания его в России.
 - 21 Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера..., с. 138.
 - 22 Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России.— Бартольд В. В. Соч. М., 1977, т. 9, с. 315.
 - 23 Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера..., с. 40. Идея сравнения языков носилась тогда в воздухе. Пройдет немного времени, и включение в сферу интересов европейских ученых древнеиндийского языка даст толчок возникновению сравнительного языковедения и индоевропеистики.
 - 24 Шлоссер Ф. К. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи. СПб., 1868, т. 2, с. 326.
 - 25 *Schlözer Ch. Op. cit.*, Bd. 1, S. 464; Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера..., с. 276.
 - 26 См.: Паульсен Ф. Германские университеты. СПб., 1904.
 - 27 Чернышевский Н. Г. Указ. соч., с. 64.
 - 28 Шахов А. Указ. соч., с. 153.
 - 29 См.: Selle G. Universität Göttingen: Wesen und Geschichte. Göttingen, 1955.
 - 30 Korff H. A. Voltaire im literarischen Deutschland des XVIII. Jh. Heidelberg, 1917, S. 509.
 - 31 См. об этом: История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе/ Под ред. проф. Явсона. СПб., 1879, с. 25, 26.
 - 32 *Schlözer Ch. Op. cit.*, S. 22.
 - 33 Шлоссер Ф. К. Указ. соч., с. 414.
 - 34 Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера..., с. 334; *Schlözer Ch. Op. cit.*, S. 24.
 - 35 *Schlözer Ch. Op. cit.*, S. 464.
 - 36 Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера..., с. 235.
 - 37 Из этой потребности, овладевшей тогда многими, рождалась археология. С середины века начались первые раскопки — в Помпее и Геркулануме.
 - 38 Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера..., с. 156.
 - 39 Там же, с. 15.
 - 40 Там же, с. 276—277.
 - 41 История Швеции. М., 1974, с. 301.
 - 42 Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера..., с. 32.
 - 43 В 1781 г. император Иосиф II

- подчинил австрийское духовенство государству. Папа Пий VI принял поездку в Вену, чтобы повлиять на императора, однако безрезультатно.
- 44 *Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера...*, с. 32.
- 45 *Schlözer A. L. Neueste Geschichte der Gelehrsamkeit in Schweden. St. 1—5. Rostock; Weimar, 1755—1760.*
- 46 *Schlözer Ch. Op. cit., S. 64.*
- 47 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 347.*
- 48 Цит. по кн.: *Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1977, с. 130.*
- 49 *Соловьев С. М. Указ. соч. стб. 1542.*
- 50 *Schlözer Ch. Op. cit., S. 38.*
- 51 *Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера...*, с. 171.
- 52 Книга была затем переведена на немецкий язык: *Schlözer A. L. Versuch einer allgemeinen Geschichte der Handlung und Seefahrt in den ältesten Zeiten. Rostock, 1761.*
- 53 Вольтеровская универсальная история, действительно, была в 1756 г. опубликована под названием «Опыт о всеобщей истории, о нравах и духе наций от Карла Великого до наших дней». Не исключено, однако, что Шлёцер имел в виду вышедший анонимно двухтомник «О духе наций» (*L'esprit des nations. La Haye, 1753, Vol. 1, 2*), принадлежавший перу французского священника Ф. И. Эспира де Лаборда и написанный под явным влиянием Монтескье.
- 54 Только несколько лет спустя Франсуа Кенэ посмотрит на торговлю с точки зрения экономиста и впервые противопоставит ее производительному труду. См.: *Кенэ Ф. Избр. экон. произведения. М., 1960, с. 397.*
- 55 *Schlözer A. L. Versuch..., S. 91, 92.* Франц Мering, говоря об аналогичном отношении Лессинга к данному тезису Руссо, замечает: «Но как же могло быть иначе? На германской буржуазии тяготело не бремя измельчавшей цивилизации, как на французской, а бремя измельчавшего варварства...» (*Mering Ф. Литературно-*
- критические статьи. М.; Л., 1934, т. 1, с. 353—354).
- 56 *Чернышевский Н. Г. Указ. соч., с. 64.*
- 57 *Schlözer A. L. Versuch..., S 65—66.*
- 58 Шлёцер еще не пользовался словом «прогресс», но идея совершенствования человечества для него очень характерна. См. *Schilfert G. Schlözer als Historiker des Fortschritts. In: Lomonosow, Schlözer, Pallas. Berlin, 1962.*
- 59 Вольтер, как известно, высмеял книгу Мопертью: «Таких несуразных и безумных вещей еще никто никогда не писал» (*Вольтер. Избр. произведения. М., 1947, с. 427*).
- 60 Основная черта республики для Шлёцера — отсутствие неограниченного правителя, на которое он в данной книге смотрит явно одобрительно.
- 61 Распространенная тогда точка зрения, впоследствии опровергнутая. См. *Шифман И. Ш. Финикийские мореходы. М., 1965.*
- 62 *Schlözer A. L. Versuch..., S. 88.*
- 63 *Турдеев В. А. Очерк истории изучения финикийской древности. СПб., 1893, с. 3.*
- 64 *Монтескье Ш. Избр. произведения. М., 1955, с. 450—451.*
- 65 Идею об использовании языка в качестве исторического источника пропагандировал Михаэлис. Постановке этой проблемы, звучащей ныне очень современно, посвящена его диссертация «О влиянии мнений на язык и языка на мнения», недавно переизданная во Франции и ФРГ.
- 66 *Schlözer A. L. Versuch..., S. 311 ff.*
- 67 *Ibid., S. 336.*
- 68 В данной статье мы не касаемся эволюции взглядов Шлёцера. Впоследствии он откажется от противопоставления торговли и войн. Вот что писал о мировой торговле старый Шлёцер: «Самыми кровавыми войнами в Европе были торговые войны... Проклятые войнам — и проклятие мировой торговле, поскольку она порождает их почти с необходимостью. Тысяча благодарностей за те блага, которые она приносит человечеству, но на чаше весов человеческого счастья эти блага

- несоизмеримо легче бедствий» (*Schlözer Ch. Op. cit., Bd. 2, S. 244*).
- ⁶⁹ *Schlözer A. L. Versuch...*, S. 155.
- ⁷⁰ *Ibid.*, S. 348.
- ⁷¹ *Ibid.*, S. 138.
- ⁷² *Ibid.*, S. 150.
- ⁷³ *Schlözer Ch. Op. cit., Bd. 1, S. 37*.
- ⁷⁴ *Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера...*, с. 66.
- ⁷⁵ *Schlözer Ch. Op. cit., Bd. 1, S. 50—51*.
- ⁷⁶ *Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера...*, с. 176.
- ⁷⁷ *Schlözer Ch. Op. cit., Bd. 1, S. 52*.
- ⁷⁸ *Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера...*, с. 157.
- ⁷⁹ *Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера...*, с. 303.
- ⁸⁰ Пятеро из них погибнут; через несколько лет вернется один Карстен Нибур, который привезет в Европу первые клинописные рукописи. См. *Бартольд В. В. Указ. соч.*, с. 314.
- ⁸¹ *Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера...*, с. 276.
- ⁸² *Schlözer Ch. Op. cit., Bd. 1, S. 67*.
- ⁸³ *Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлёцера*, с. 12.
- ⁸⁴ *Бестужев-Рюмин К. Биографии и характеристики*. СПб., 1882, с. 181—182.

ПУБЛИКАЦИЯ

НЕИЗДАННАЯ РАБОТА Н. В. КРЫЛЕНКО

В. Д. Поликарпов

О работе Н. В. Крыленко «Смерть старой армии» впервые стало известно в 1964 г., когда отрывки из нее появились в «Военно-историческом журнале» (№ 11 и 12). Редакция журнала располагала машинописными копиями разрозненных частей этой работы, составлявших в общей сложности около половины ее текста. Не говоря о том, что не было никакой гарантии точности воспроизведения в копиях авторского текста, сами копии носили, сверх того, многочисленные следы правки неизвестной рукой, а в отдельных местах были повреждены. Редакция вынуждена была, в свою очередь, прибегнуть к некоторому сокращению имевшихся отрывков, особенно в тех местах, где из-за пропусков текста нарушалась логическая связь в изложении.

Авторство статьи устанавливалось тогда по ее содержанию, благодаря имевшимся в тексте ясным указаниям на то, что работа принадлежит перу Н. В. Крыленко. Об этом говорила, например, ссылка автора на свою брошюру «Почему побежала русская революционная армия?», изданную в сентябре 1917 г. Военной организацией при ЦК РСДРП(б). Сложнее обстояло дело с определением времени работы Крыленко над рукописью. Во вводной статье к публикации указывалось, что работа написана по предложению отдела истории Красной Армии Истпарта при ЦК РКП(б), который в 20-х годах «наметил широкую программу работы» и просил видных политических и военных деятелей написать статьи и воспоминания по истории вооруженных сил пролетариата и руководства ими в Октябрьской революции и гражданской войне. Работа Н. В. Крыленко на этом основании была отнесена по времени не ранее как к 20-м годам. Предположение это оказывается ошибочным.

В Центральном государственном архиве Советской Армии, в фонде Н. И. Подвойского, сохранился подлинник работы Н. В. Крыленко «Смерть старой армии». Он представляет собой машинопись, правленную и пронумерованную собственноручно Крыленко, причем многие особенности текста указывают на то, что автор диктовал текст машинистке. В начале рукописи, на 1-й странице, вместо зачеркнутого машинописного заглавия «Кризис армии» рукой Крыленко написано: «Смерть старой армии»; в конце рукописи, на 45-й странице, сделана на машинке подпись: «Н. Крыленко». На обороте же этой страницы карандашом наложена резолюция: «Печатать. М. Павлович. 5/III. 19». Эта резолюция и позволяет выяснить действительное время окон-

чания работы Крыленко над рукописью. Если же учесть, что в качестве бумаги для нее использованы оборотные стороны разрозненных листов различных статей и документов, относящихся в основном к ноябрю-декабрю 1918 г., а затем к январю-февралю 1919 г., то становится ясно, что работа диктовалась машинистке в промежутке между ноябрём 1918 и мартом 1919 г.

Происхождение резолюции М. Павловича на рукописи имеет свое объяснение. В 1918 г. Высшая военная инспекция РККА решила предпринять издание под редакцией Н. И. Подвойского и М. П. Павловича (Вельтмана) сборников «Революционная война», в которых предполагалось обобщить, как писал Н. И. Подвойский в предисловии к первому сборнику, опыт «всех революционных войн и данные из практики нашей гражданской между-классовой войны (от взятия нами ставки до последних действий против англо-французов)», сделать из этого опыта выводы и наметить перспективы «дальнейшего движения нашей коммунистической военной мысли»¹. Первый из намеченных сборников вышел уже в марте 1919 г., но Крыленко оказался среди авторов, которые, по словам М. Павловича, «не могли по более или менее уважительным причинам выполнить своего обещания вовремя»², и его работа могла попасть только во второй сборник, который, однако, издан не был: вскоре Н. И. Подвойский был назначен наркомвоенном Украины и, очевидно, счел более практичным в тех условиях продолжить издание сборников, пользуясь имевшейся в Киеве полиграфической базой; Павлович свидетельствует, что второй сборник «погиб во время печатания при занятии Киева белыми»³. Этим же объясняется, почему рукопись Н. В. Крыленко оказалась в личном архиве Н. И. Подвойского — значительная часть его составила фонд Н. И. Подвойского (ф. 33221) в ЦГАСА, в котором и обнаружен подлинник⁴.

Ниже работа Н. В. Крыленко публикуется полностью по подлиннику, за исключением трех отсутствующих в подлиннике страниц (3, 4 и 14-й), текст которых восстанавливается по копии (в копии учтена правка, сделанная автором в подлиннике). Вычеркнутые автором места не воспроизводятся, явные описки и стилистические погрешности исправляются без специальных оговорок, если исправление не меняет смысла, в некоторых случаях слишком пространный сплошной текст разбивается на абзацы. Обстоятельный разбор рукописи читатель найдет в издаваемых Институтом истории СССР Академии наук СССР «Исторических записках»⁵, здесь же дается в примечаниях минимум комментариев.

¹ Революционная война. М., 1919, сб. 1, с. 3—4.

² Там же, с. 6.

³ Павлович М. К истории возникновения академии: (Воспоминания).— В кн.: Военная академия за пять лет: Сб. М., 1923, с. 45.

⁴ ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, 267, л. 29, 30; д. 105, л. 7—51; оп. 2, д. 106, л. 1—3.

⁵ Поликарпов В. Д. Работы Н. В. Крыленко по истории революции в армии.— Ист. зап., 1974, т. 94, с. 315—364.

СМЕРТЬ СТАРОЙ АРМИИ

Н. В. Крыленко

Будет время, когда каждая из страниц Великой Российской революции будет изучаться с той же тщательностью, как изучалась в свое время, да и изучается до сих пор, история Великой Французской революции. Тогда настанет время для изучения и истории российской революционной армии и истории (мы в этом убеждены) великих революционных войн.

На нашу долю сейчас выпала гораздо менее сложная и менее ответственная задача — *дать очерк одного из моментов этой истории*, задача, однако, не только от этого не менее, но даже более трудная, чем та, которая будет предстоять последующим историкам. Она труднее, хотя *то, о чем мы хотим писать, не только протекало перед нашими глазами, но в громадной степени и при нашем ближайшем участии, как современников и деятелей описываемой эпохи*. На первый взгляд, подобное утверждение звучит как бы парадоксом. А между тем дело именно обстоит так, и отнюдь не иначе. *Историк будущего спокойно и беспристрастно будет работать над архивными материалами, над документами, мемуарами, докладными записками и проч., вооруженный прежде всего досугом, затем широким, заранее продуманным и всеохватывающим планом, а главное — определенной исторической школой, т. е. тем, что вообще создает историка, что отличает его от простого бытописателя или составителя записок*. Эта школа, метод дается только людям, уже прошедшим первые стадии ученой работы, уже умеющим читать документы, умеющим их понимать и извлекать из них то, что непосредственно относится к делу*. Недаром же французская революция только тогда стала прочно на ноги, когда были закончены предварительные работы по разработке архивов и когда, с другой стороны, на смену дилетантам-повествователям пришли люди, способные, во-первых, к широкому синтезу, а во-вторых, понимающие, что *без предварительного анализа каждой строчки в любом документе садиться писать историю равносильно научному шарлатанству*.

Всех вышеупомянутых условий, конечно, нет и не может быть у современника, описывающего события. Правда, мы, марксисты, находимся в этом отношении в несколько привилегированном положении. То, что буржуазными учеными усваивается только единицами и после годов ученой работы, — стройное историческое миросозерцание и определенный метод в анализе жизненных явлений — мы имеем готовыми, ибо *сам по себе марксизм есть прежде всего метод, совмещающий в себе оба основных приема исторической науки: и синтез, и анализ*. Недаром, заимствовав еще от Гегеля его диалектику, мы к каждому явлению и изучению явления одновременно подходим с двух точек зрения. Истина всегда *конкретна*, говорим мы, во-первых, и потому изучение каждого явления в его конкретной действительности является для нас всегда обязательным, ибо ничто в истории не совершается по заведомо точно определенным и кем бы то ни было установленным предписаниям. Весь крах меньшевистской идео-

* Здесь и далее все выделения текста принадлежат Н. В. Крыленко.

логии в русской революции объясняется в громадной степени тем, независимо от иных более глубоких причин, определивших его, что ряд крупных меньшевистских мыслителей усвоил себе абстрактное положение, что, мол, да, нет, не может быть в России иной революции, кроме буржуазной, и в результате торжественно был разбит опытом живой действительности. С другой стороны, это наше первое положение означает для нас всегда, что таких заранее определенных догм исторического развития нет и в *конкретной живой обстановке* мы можем всегда встретить совершенно неожиданные исторические комбинации, которые определят иные *практические результаты* исторической борьбы. Но одновременно ко всякому явлению мы подходим, как марксисты, и с иной, противоположной точки зрения. *Истина всегда абстрактна*, говорим мы, и ничуть в этот момент не противоречим себе. Истина всегда абстрактна — это значит, что для нас нет ни одного явления, которое не было бы исторически связано с предыдущим и в своем развитии не было бы подчинено определенной исторической причинности. Нет для нас такой исторической действительности, которая бы представляла собою ни с чем не связанное *своеобразное историческое данное*. Нельзя только слишком *схематизировать* исторические законы и *отделять* их от конкретного своеобразия и разнообразия каждого жизненного явления, но надо *уметь искать* и *уметь найти общее* в каждом частном явлении и в то же время *уметь понять*, почему *частное* в известных условиях может сделаться *общим* и наоборот. Историк должен понять и различать оба момента. Только тогда его история не будет ни фантастической, ни односторонней.

Мы извиняемся перед нашими читателями за это немного длинное вступление чисто методологического характера, но его мы были обязаны сделать, ибо, только уяснив его, станет понятной наша дерзость писать историю того, чего мы сами были свидетелями и деятелями. Только высказавшись над конкретными фактами до их охватывания с такой объективной точки зрения, мы можем иметь гарантию в том, что, несмотря на отсутствие собранного заранее материала, несмотря на чрезмерную близость к нам описываемых событий и безусловную субъективность в окраске ряда из них, мы все же можем дать что-либо ценное для будущих историков. Говорить о самостоятельном исторически законченном труде нам, конечно, по меньшей мере смешно. Но кое-что как материал мы, безусловно, можем дать не только как сырой, но и как в определенном порядке систематизированный материал. А теперь перейдем к самому изложению.

I

История русской армии с момента Октябрьского переворота и до немецкого наступления в феврале 1918 г. есть история *краха* армии. Таков первый основной и непреложный исторический факт этого периода. Волею революции нам пришлось стоять в этот тяжелый период во главе этой армии и *видеть*, *осязать* этот крах не только тогда, когда он вдруг предстал перед глазами всех во всей своей неприкрашенной нагоде, но и тогда, когда он подготавливался и назревал в своем последнем наиболее насыщенном фазисе.

Октябрьский переворот в значительной степени был переворотом военным *. Правительство Керенского пало, так как за ним не оказалось никакой реальной силы. Ни один полк не двинулся на его защиту и, наоборот, все полки Петроградского гарнизона повиновались приказаниям комиссаров Военно-революционного комитета Петроградского Совета. В этом отношении наиболее показательным являлась та общая картина, какую представлял собою Питер в памятный день 25 октября. Нам пришлось в этот день объезжать город часу в четвертом дня по всему району предполагавшихся «боев» и линии «осады» Зимнего дворца, где заперлись остатки Временного правительства. Начиная от Литейного моста и по всей линии набережной Невы вплоть до Зимней канавки и затем по набережной Мойки, Екатерининского канала, по Конюшенной, затем по Невскому вплоть до Адмиралтейства и к Морскому экипажу, с одной стороны, на мостах Дворцовом и Троицком, с другой, стояли патрули революционных войск попеременно с патрулями красногвардейцев. А на Неве, грозно устремив жерла орудий на Зимний дворец, стоял красный флот — «Аврора» и миноносцы, подкрепленный сверх того солидными бастионами Петропавловской крепости. Громадный город как бы вымер. Ни души на улицах. Иногда лишь гремели, с грохотом прокатывались вдоль Невского броневые автомобили и, громыхая, подтягивались к Зимнему дворцу трехдюймовые орудия. Преображенский, Волынский, Семеновский, Павловский гвардейские полки несли караулы. Ударный женский батальон к вечеру сдался; жалкая горсть юнкеров, защищавшая подступы к Зимнему дворцу, забаррикадировалась за поленницами сложенных у ворот дров и в полной безнадежности ждала решительной атаки. Но врага щадили, и до самой поздней ночи никаких активных действий не предпринималось. К 12 же часам все было кончено.

Тяжелее была борьба в полумещанской Москве, где ожесточенные бои длились целую неделю, но и там войска были на стороне революционеров. Еще более разительным доказательством того, как реагировали войска со переворот, является развитие событий в момент попытки реставрации со стороны Керенского. В то время, когда казацкие банды Краснова двигались на Петроград, когда в тылу юнкерский мятеж, временно захватив в свои руки телефонную станцию и броневики, разгорался на Петроградской стороне, а в Городской думе заседал эсеровско-меньшевистский Комитет спасения родины и революции, Измайловский и Преображенский полки выстроились на Измайловском проспекте на улице в полном походном снаряжении и в боевом порядке. Наэлектризованные сознанием опасности солдаты сами, по своей собственной инициативе собрались, заставили офицеров выйти и с оркестром впереди готовились выступать на «фронт» про-

* Это суждение Н. В. Крыленко не следует отождествлять с тем традиционным представлением, согласно которому военный переворот рассматривается как результат заговора узкой, оторванной от масс военной группировки. Как видно из дальнейшего текста работы, Крыленко вкладывает в эту фразу тот смысл, что в Октябрьском перевороте соотношение именно военных сил сторон решило его успех. Расшифровывая это положение, он указывает, что за правительством Керенского не оказалось никакой реальной силы: в защиту его не двинулся ни один полк, все части Петроградского гарнизона, наоборот, составили вооруженную силу Петроградского ВРК, в состав которой входили, кроме того, Красная гвардия и корабли Балтийского флота.

тив Краснова. В грязь и слякоть, при мерзкой погоде, под дождем войска, в полном смысле этого слова, «рвались в бой», и часов около 7 уже двинулись. Правда, сообщения той же ночи говорили уже о другом. Общая разруха и нераспорядительность, неизбежная в такие моменты, немедленно сказалась, и пришедшие к заставам полки, не найдя на месте ни подготовленных позиций, ни правильно организованного снабжения, ни артиллерийских позиций, быстро охладели, и часть Волынского полка вернулась. Последнее, однако, ничуть не колеблет основного факта, характеризующего настроение войск. Наконец, еще один факт из той же серии дал Литовский полк, в полном составе отправившийся по собственному желанию в Ставку на подкрепление тамошнего революционного гарнизона. Все эти факты характеризуют то, как относились тыловые гарнизоны к Октябрьскому перевороту. Они целиком стояли за него.

Иначе должен быть поставлен [вопрос] об отношении фронтовых войск, или армии в настоящем смысле этого слова.

Для характеристики настроения армии в первые две недели после переворота мы не располагаем, к сожалению, отнюдь каким-либо исчерпывающим материалом. Армия была отрезана от Петрограда во все время до 12 ноября — назначения нового верховного главнокомандующего, и даже, вернее, до 21 ноября — дня взятия Ставки*, а вместе с нею и всего технического аппарата службы связи между фронтами. Разбросанная на протяжении тысячеверстного фронта, лишенная регулярной связи даже в «мирные» периоды внутренней жизни, сейчас, в первые недели после переворота, она целиком была предоставлена в лучшем случае самой себе, в худшем находилась целиком в руках контрреволюционного генералитета и временных комиссаров Керенского. Поэтому первый период приходится охарактеризовать как период попытки использования армии в контрреволюционных целях со стороны Временного правительства и самостоятельно, лишенного централизованного руководства, скорее пассивного, чем активного, сопротивления этому использованию со стороны масс. Степень активности этого сопротивления чуть ли не с математической точностью может быть измерена по степени удаленности того или другого из фронтов от революционного Петрограда.

Мы видели настроение войск в самом Петрограде. Ближайшим к нему был Северный фронт, обнимавший армии 12-, 1- и 5-ю. Западный фронт обнимал армии 2-, 3- и 10-ю, Юго-западный — 11-, 8- и 7-ю, Румынский — 4-, 6-, 9-ю, и две румынских, 14- и 15-я, были на Кавказском фронте. Северный фронт с центром во Пскове, самый ближайший к Петрограду, уже ко дню открытия II Всероссийского съезда Советов прислал радио о том, что он выделил из себя Военно-революционный комитет, целиком присоединяется к перевороту и принимает все меры к недопущению реакционных войск в их продвижении на Петроград. Западный фронт, с центром в Минске, занял благожелательную позицию. Юго-западный фронт выделил войска для подавления Петрограда. Румынский фронт до конца оставался гнездом реакции генерала Щербачева. Кавказский фронт остался совершенно вне сферы революционного воздействия и, как и Персидский фронт, пе-

* Даты здесь смещены: на самом деле Н. В. Крыленко был назначен верховным главнокомандующим 9 ноября, а Ставка взята советскими войсками 20 ноября 1917 г.

режил всю вторую революцию самостоятельно, вне всякой связи с центром. Таким же показателем могут служить данные о выборах в Учредительное собрание от фронтов, имевших место в последних числах ноября и первых числах декабря. Северный фронт дал подавляющее большинство большевиков, едва ли не всех большевиков. Западный фронт, находившийся в то время под непосредственным влиянием уже занятой Ставки, дал большинство большевикам. Юго-западный дал большинство эсерам, на втором месте шли большевики и одно место заняли меньшевики. Румынский дал в подавляющем большинстве эсеров и всего двух большевиков; и наконец, Кавказский фронт, насколько помнится, не дал совсем большевиков. Но предугадать решение фронта было нетрудно.

Армия глухо волновалась. Характерным для настроения армии было заявление одного из делегатов с фронта, сделанное им в заседании ЦИК 1-го созыва: «Пускай „похабный“ мир, лишь бы мир». Всеохватывающее, непреодолимое требование мира — мира *во что бы то ни стало* — было основным лозунгом армии. Общее состояние ее уже было раз описано нами в небольшой брошюре, написанной в конце сентября, — «Почему побежала русская революционная армия». В числе основных моментов, определявших ее состояние с конца апреля 1917 г. и по октябрь, нами указывалось на неорганизованный, но тем не менее всемогущий и непреодолимый *саботаж войны*, какой практиковала армия чуть ли не на второй же день после Февральского переворота. Он выражался в разных формах — отказе идти на работы, отказе идти на занятия, чрезвычайно медленном передвижении частей с постоянным требованием смен и торгом из-за очередей таковых. Представители армейских, дивизионных и полковых комитетов сбивались с ног, перелетая на автомобилях из полка в полк, из дивизии в дивизию, «уговаривая» полки. Но уговоры помогали все меньше и меньше.

Обострение наступило в июне, в момент знаменитого «наступления». Тогда началась контрреволюция на фронте (она описана нами в маленькой листовке под тем же заглавием). За отказ от наступления, дезертирство и прочие «воинские» преступления была введена смертная казнь. Вторым активным и более опасным для всемирного империализма средством борьбы нашей армии против войны было «революционное братание» масс. С ним также боролось с далеко не похвальной настойчивостью Временное правительство Керенского. После краха корниловской авантюры рушилась и эта последняя опора, которая еще существовала в руках оборонческих групп. Реакция получила удар в голову, но зато и Временное правительство оказалось выбитым из седла. На фронте же после корниловщины последние остатки дисциплины, которые спаивали в нечто единое армию, лопнули, и *не подоспей Октябрьский переворот*, крах нашей армии был бы в десять раз грознее и в десять раз губительнее для страны — *революция была бы задавлена иностранным вмешательством*. Октябрьский переворот прошел под знаком «мира» и спас революцию, *ибо он укрепил армию и отсрочил наш военный крах*. Как только армия узнала о нем правду, она с восторгом его приняла.

После 25 октября, подавления юнкерского мятежа и поражения Керенского самой основной задачей, которая встала перед Народным комиссариатом по военным делам, было установление *связи с фронтами помимо Ставки*, еще находившейся в руках Духонина, и забота о том, чтобы

не прекратилось *снабжение* армии в первую голову продовольствием. Последнее было достигнуто освобождением из Петропавловской крепости генерала Маниковского, последнего военного министра правительства Керенского, и предоставлением ему возможности продолжать работу под непосредственным контролем Военного комиссариата. Первая задача — связь с армиями — была достигнута при помощи установления революционной связи с фронтами через посредство бесчисленных делегаций, которые, минуя официальную Ставку, волной нахлынули после переворота в Петроград. Каждая дивизия, если не каждый полк, засыпала в это время Питер делегатами, направляемыми в центр за справками, *что именно* произошло в Питере.

Военные комиссары Керенского, в том числе небезызвестные Войтинский, Станкевич, и председатель Общеармейского комитета Ставки Перекрестов употребляли все усилия, чтобы представить питерский переворот в глазах армии как противозаконную узурпацию власти со стороны кучки заговорщиков, они вызывали войска с Юго-западного фронта, они вели банды Краснова, они рассылали через аппарат Ставки свои бюллетени и информационные листки. Но армия не верила, и все направляемые в Петроград отряды останавливались на полдороге, устраивались более или менее прочно в ближайшем тылу, посылали делегацию и... дальше не шли никуда... В особенности интересна в этом отношении была экспедиция 1-й Финляндской стрелковой дивизии, двинутой чуть ли не с Румынского фронта. Дойдя до Могилева и его окрестностей, они больше *никуда не* пожелали идти. Мы, мол, пришли на отдых — вот и все. Они продолжали, впрочем, так же оставаться на месте и тогда, когда Ставка была давно взята и нужно было их двинуть против новой опасности со стороны польских легионеров, украинских и дутовских войск. Они *вообще никуда не* желали идти. Впрочем, поскольку эти факты относились уже к следующему периоду, мы пока на них останавливаться не будем. Но не только регулярные, а и казацкие войска также не желали идти против Петрограда, и также останавливались, и также посылали делегации. Эти делегации и были использованы революционной властью в целях установления связи с фронтом. В Петрограде в одной из комнат Смольного числа 8 или 9 ноября состоялось заседание делегатов с фронта, на котором всем делегатам были выданы особые именные мандаты, подписанные новой властью, в которых им, этим делегатам, поручалось проводить на местах: 1) образование военно-революционных армейских комитетов, 2) устранять старую власть.

С момента разъезда этих делегатов *армия вся* встала на сторону революции и Ставка больше была не страшна. Оставалось только добивать врага. Оставалось связать *самих делегатов* между собою и создать новый *единый центр*, руководящий их деятельностью. Первая попытка к созданию такого центра была сделана уже на второй день после переворота. 26 октября был опубликован приказ Всероссийского съезда Советов о создании повсеместно военно-революционных комитетов и подчинении им командного состава. Приказ кончался словами: «Комиссары бывшего Временного правительства отстраняются. Комиссары Всероссийского съезда выезжают в армии» (опубликовано в № 1 «Газеты Временного рабочего и крестьянского правительства»). К сожалению, они выехали только на словах. Толь-

ко на Северном фронте, действительно, оказался на месте новый революционный комиссар фронта тов. Позерн, но и то только потому, что он выехал туда до переворота, да и обстановка его деятельности первоначально отнюдь не была, в силу объективных условий, такова, чтобы он мог сказать, что *вся* полнота власти в его руках. Равнодействующая борющихся сил прошла по линии своеобразного компромисса между деятельностью Военно-революционного комитета и деятельностью прежнего комиссара Шубина и командующего Северным фронтом генерала Черемисова. Полностью вся власть перешла в руки революционных властей гораздо позже. Но главное все же было сделано. Не комиссары нового правительства, а, скорее, его эмиссары, его агенты, его полулазутчики, полуофициальные представители в виде разъезжавшихся *делегатов* исполнили работу коренного и повсеместного революционизирования старой армии и разрушения ее старых форм командования и управления. Они разнесли повсюду весть о перевороте, разъяснили его смысл и фактически, не спрашиваясь центра, не только *лишили* власти старый командный состав, но и произвели еще ряд коренных реформ во всем внутреннем строе старой армии и *в ее активной военной политике*. В мандатах, выданных на руки делегатам, говорилось не только об организации в[оен]ревкомов. Они получили еще две определенных директивы: 1) начинать непосредственно мирные переговоры с неприятелем и 2) проводить выборное начало в армии.

Нам необходимо остановиться подробнее на обоих пунктах, вызывавших в свое время достаточно криков и воплей, которые, по всей вероятности, будут повторяться и в будущем.

Даже наиболее преданные товарищи отшатнулись в первый момент от новой власти, когда был распубликован приказ о самостоятельном начатии мирных переговоров с неприятелем каждым полком, каждой дивизией на свою руку*. А между тем это был безусловно правильный шаг, рассчитанный не столько на непосредственные практические результаты от переговоров, сколько на установление полного и беспрекословного господства новой власти на фронте. С момента предоставления этого права полкам и дивизиям и приказа расправляться со всяким, кто посмеет воспрепятствовать переговорам, дело революции в армии было выиграно, а дело контрреволюции *безнадежно проиграно*.

Солдаты, *масса* призывалась этим к самостоятельности в ведении внешней политики на фронте. И нечего было бояться, что создается хаос на фронте. Этим *парализовалась война*. Нечего было опасаться и немцев — они *должны были занять выжидательную позицию*, и они ее заняли. В то же время с контрреволюцией на фронте было покончено. В дальнейшем будет указано, как потом верховная военная власть урегулировала «хаос» и создала единое командование. Пока дело было в этом. Вторая директива касалась установления выборного начала и упразднения чинов. Был выработан текст новой Декларации прав солдата в отмену декларации Керенского. Текст декларации не был принят пока еще в законодательном порядке. Но идеи ее были брошены в массу, и самый проект, *как проект*, был опубликован. Этого было достаточно, чтобы армия стала, не дожидаясь законодательной санкции, проводить его в жизнь. Резуль-

* Так в тексте.

тат — уничтожение старой власти командного состава и переход ее в новые руки — был налицо. Конечно, тут не обошлось без тяжелых эксцессов, страданий для части ни в чем неповинного младшего офицерства, повсеместно смещенного солдатами с должностей и поставленного на уровень рядовых. Самоубийства офицеров, брошенных в землянки, приставленных конюхами, кашеварами и т. д., эпидемией прошли по армии, но зато революция была поставлена на ноги в армии и контрреволюция стерта с лица земли. Снятие погон — этот символ Октябрьской революции в армии — также получило свое начало с момента разъезда делегатов. Центральной власти и тут оставалось впоследствии только упорядочить действия масс и установить единый центр, иерархически связав его с местами. Последнее было достигнуто назначением нового верховного главнокомандующего.

Интересна обстановка, в которой произошло назначение. Верховная военная власть сосредоточивалась согласно Декрету об образовании Совета Народных Комиссаров в особом Комитете по военным делам из трех лиц: меня, тов. Антонова-Овсеевко и тов. Дыбенко. Однако почти немедленно же произошло естественное разделение труда. Ни одного собрания Комитета как новой центральной власти не было. Тов. Дыбенко как матрос и моряк невольно был принужден заняться Морским министерством, тов. Антонов взял на себя упорядочение и руководство тыловыми гарнизонами и главным образом гарнизоном Петрограда, на мою долю пришлось возиться в первое время [с] организацией центральных учреждений военного ведомства, забот[иться] о том, чтобы не прекратилось снабжение армии, и в этом отношении было достигнуто многое. С гордостью я и тов. Подвойский можем сказать, что Военное министерство было единственным, в котором ни на один день не было *саботажа* в тех острых формах, в каких он проявился в министерствах финансов, просвещения и др., старая привычка к казарменной дисциплине сказалась и тут, — учреждения с возвращением Маниковского заработали, при первой же попытке самостоятельной и независимой работы Маниковский вторично сел в тюрьму, и вся сеть армии служащих была принуждена сложить оружие. Оставалось подчинить центральные учреждения на фронтах.

Как раз в этот момент, после непосредственного исчезновения Керенского, начальник его штаба генерал Духонин объявил себя вступившим в должность главковерха сообразно соответствующей статье устава о полевом управлении войск. Тов. Ленин самым настоятельным образом требовал немедленных шагов со стороны Военного комиссариата и в особенности армии по предложению немцам установить перемирие и приступить к мирным переговорам. Медлить с этим вопросом, действительно, было нельзя. С другой стороны, до подчинения Ставки нечего было думать о таком обращении от имени центрального правительства к Германии. В своих предыдущих переговорах по прямому проводу с Духониным я требовал от него немедленного подчинения и в особенности прямого запрещения и приостановки продвигавшихся, по моим сведениям, войск на Петроград с Юго-западного фронта, дошедших уже чуть ли не до Луги. Эта приостановка была Духониным обещана, но на основной вопрос — о подчинении — был дан уклончивый ответ. Тогда ночью — точно не помню даты, но не позже 8—9 ноября — в маленькой комнатке Смольного у прямого провода тов. Ле-

нин в моем присутствии п тов. Сталина сам предписал Духонину немедленно назначить парламентаров для посылки их к немцам. Духонин ответил уклончиво о невозможности такого шага до сношения с румынскими армиями, расположенными рядом с нашими у Дуная и т. д. Тов. Ленин тогда продиктовал юзистке: «Настоящим вы, генерал, отстраняетесь от должности, верховным главнокомандующим назначается тов. Крыленко, ко- ему благоволите сдать должность по его прибытии в Ставку» *. Отступления больше быть не могло, и на фронте должна была вспыхнуть гражданская война.

Два или три дня прошло еще на сборы и приготовления в дорогу, и 12 ноября, передав временно обязанности тов. Подвойскому, с небольшим отрядом всего-навсего в 20 человек матросов, поручиком Шнеуром и Тарасовым-Родионовым я выехал на Северный фронт, в Двинск для непосредственного начала мирных переговоров о перемирии **. В армии образовалось, таким образом, *два центра*.

Первое столкновение со старым командным составом произошло в Пскове. На вокзал явился тов. Позерн и не явился генерал Черемисов, несмотря на телеграмму. Два раза посылался к нему адъютант, и два раза Черемисов отказался под разными предлогами прибыть. Ему был послан тогда письменный приказ об отстранении от должности, и маленькая экспедиция двинулась дальше. Поразительной была трусость этих генералов, командующих армиями, располагавших громадной военной силой и, во всяком случае, определенным контингентом вооруженных лиц, чтоб раздавить наш поезд,— ни один из них *не смел* активно противодействовать. Та же история повторилась в Двинске. Командующий 5-й армией генерал Болдырев также не явился и также был отстранен. Зато командиры корпусов все явились немедленно. Через несколько дней и Черемисов, и Болдырев были арестованы и препровождены в Петроград в тюрьму. Там, в Двинске, можно было уже на месте ознакомиться, что сделано в армии. Военно-революционные комитеты были повсюду, в каждом полку был выборный комиссар, генералы покорно стояли навтыяжку, и через день новая власть уже выехала па фронт в окопы, для определения места, откуда всего удобнее можно было послать парламентаров.

Действительность обнаружила, что если и можно было ожидать сопротивления, то не со стороны командного состава как такового. Сопротивление оказывали меньшевистские и эсеровские армейские комитеты старого состава. Армейский комитет 5-й армии в Двинске состоял наполовину из большевиков, наполовину из соглашателей, колеблющимся элементом были интернационалисты-меньшевики, которые часто и решали вопрос. Нужно было переизбрать армейский комитет, а пока что *заставить* их подчиняться. В этом отношении спасали положение полковые комиссары, державшие в руках власть на местах. Рассказывать о всех перипетиях, посылке парламентаров, о тягостных минутах ожидания ответа и самом возвращении их — не время и не место, об этом можно будет рассказать в другие,

* Точный текст приказа Совнаркома см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 80.

** На самом деле Крыленко с отрядом в 59 матросов и красногвардейцев выехал на Северный фронт 11 ноября. См.: *Исторические записки, 1974, т. 94, с. 334,*

более спокойные минуты,— сейчас стоит отметить имена тех самоотверженных товарищей, которые взяли на себя труд и риск пойти в немецкие окопы. Они рисковали не только свободой, но и жизнью, и не только в момент перехода окопов, но и за все время пребывания у немцев. Ведь не было гарантии, что провокационный пальной выстрел где-нибудь на протяжении тысячеверстного фронта не сорвет всей попытки и не поставит храбрецов под угрозу расстрела, потому что немцы, приняв парламентаров, немедленно поставили условием прекращение перестрелки на *всем фронте*. И снова тут оказали сопротивление меньшевики и эсеры. По прямому проводу был потребован от могилевской Ставки немедленный приказ по всему фронту о прекращении перестрелки. Бывший тогда комиссарверхом со времени Керенского Станкевич категорически отказал. Пришлось обратиться к солдатам и особым радио, адресованным не к командному составу фронтов, а к радиотелеграфистам и писарям, предписать им распространить по всем фронтам приказ о прекращении перестрелки с одновременным же приказом расправляться на месте со всяким офицером, который дерзнет нарушить приказ. И снова революционные массы поняли, что им надо делать, и во все время переговоров в течение трех дней пребывания парламентаров у немцев ни одна пуля не прожужжала с нашей стороны в немецкие окопы. Так творилась революция на фронте. Имена смельчаков-парламентаров — вольноопределяющийся Мереи и военный врач Сагалович *. Эти имена не должны быть забыты.

Парламентары были приняты, переговоры начаты и пушки замолкли. Советская власть сдержала свое первое обещание — *война на фронте прекратилась*. Теперь можно было быть за армию спокойными. 14 ноября наша экспедиция двинулась назад, и сразу же пришлось готовить другую, на этот раз по овладению техническим аппаратом командования.

Революционная власть возвращалась из Двинска с сознанием свершенного великого дела. Международный фронт империализма был прорван. Россия выходила из войны и в то же время выходила с армией, обретшей новую веру и *спасенной* этим. Революционная власть получала возможность до известной степени спокойно работать в тылу. Но для этого чужно было прежде всего взять Ставку. На заседании объединенного Совета крестьянских и рабочих депутатов съезда ** было решено нанести последний удар гнезду реакции. 15 ноября вернулась экспедиция в Петроград, а 19-го новая экспедиция уже выехала в Могилев. На этот раз она была снабжена грознее. Большой сводный отряд моряков-балтийцев под командой тов. Павлова, два эшелона Литовского полка, отряд под командой Сахарова и передовой разведывательный отряд под командой Кудинского выехали из Петрограда. Еще раньше из Двинска был послан в Минск и Полоцк — центры командования 3-й армией — к выборному командарму

* В числе парламентаров был и поручик В. К. Шнеур. См.: Документы внешней политики СССР. М., 1959, т. I, с. 26, 27.

** Речь идет об объединенном заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского чрезвычайного крестьянского съезда и Петроградского Совета вечером 15 ноября 1917 г. См.: Протоколы заседаний ВЦИК Советов р., с., кр. и каз. депутатов II созыва. М., 1918, с. 65—70. Речь Крыленко на этом заседании, выпавшая из официального издания протоколов, публиковалась в газетах. См.: Социал-демократ, 1917, 19 нояб.; Русское слово, 1917, 16 нояб.

3-й Анучину и выборному командующему Западного фронта полковнику Каменщикову тов. Тер-Арутюнянц с соответствующими приказами двинуть некоторые части в обход Могилева с юга на Гомель и Бобруйск и с запада на Оршу, по тем же направлениям был двинут Минский революционный полк под командой Ремнева и блиндированный поезд. Могилев сразу брался в клещи с севера, запада и юга. Только на Смоленск и Брянск могли ускользнуть враги, но и там их должны были ждать революционные отряды, ибо и в эти пункты они могли проскользнуть только через Жлобин или Оршу, занятые революционными войсками.

С экспедицией ехали в качестве начальника штаба тот же Шнеур и в качестве генерала для поручений генерал Одинцов. Для будущего историка эти имена представляют, без сомнений, также крупный бытовой интерес. Наряду с самоотверженными революционерами, как Тер-Арутюнянц и Сахаров, сидевшими в тюрьме еще в эпоху Керенского, тут были революционер-авантюрист Ремнев, пройдоха, каких мало, Шнеур* и попавший впоследствии в тюрьму за спекуляцию генерал и начальник дивизии в японскую кампанию, личный друг Духонина генерал Одинцов. Имя Каменщикова также должно быть сохранено для истории как имя самоотверженного героя, взявшего на себя ответственный труд командования революционными армиями в момент переворота и своей кровью затем запечатлевшего свою преданность делу революции. Из Витебска по прямому проводу была сделана последняя попытка избежать столкновения. Одинцов выехал вперед на паровозе к Духонину склонить его к повиновению и безусловной сдаче. А между тем, по нашим сведениям, Духонин располагал Георгиевским батальоном, бывшим в личной охране царя в бытность его в Ставке,— тем самым батальоном, который в свое время (во время Февральской революции) двинул генерал Иванов на Петроград, четыремя

* За заслуги в организации операции по овладению Ставкой Шнеур приказом наркома по военным делам и главковерха был произведен в полковники. В это время в эсеровских газетах появились корреспонденции, уличавшие Шнеура в давних связях с охранкой. Контрреволюционная печать подхватила эти разоблачения и развернула шумную кампанию с целью опорочить первые шаги Советского правительства в борьбе за мир. Расследование дела показало, что Шнеур, находясь с 1908 г. в эмиграции, преследовал там на поприще коммерции. Желая получить от русских властей заграничный паспорт и обрести легальное положение, он в 1910 г. переслал в департамент полиции письмо с предложением своих услуг, которые, однако, департаментом не были приняты. Ко времени работы Крыленко над рукописью Шнеур, скрывший свое обращение в департамент полиции и давший повод для антисоветской кампании, за дискредитацию органов Советской власти был осужден революционным трибуналом на три года лишения свободы и находился в заключении.

Сведения об С. И. Одинцове требуют критического отношения. 14 сентября 1920 г. в «Известиях Народного комиссариата по военным делам» был помещен некролог, в котором говорилось: «8 сентября скончался от разрыва сердца один из видных руководителей Красной Армии тов. Сергей Иванович Одинцов. Принадлежит к числу старых офицеров Генерального штаба, покойный был одним из первых предложивших свои услуги делу защиты завоеваний революции». Далее перечислялись заслуги Одинцова перед революцией и прохождение службы в Красной Армии, указывалось, что он был награжден орденом Красного Знамени. «Заслуги покойного,— говорилось в некрологе,— велики и заставят глубоко чтить его память каждого красноармейца...»

полками 1-й Финляндской дивизии, взятой с Румынского фронта и расположенной в окрестностях Могилева от Витебска до Орши, двумя батальонами ударников-юнкеров и чуть ли не дивизией польских легионеров из корпуса генерала Довбор-Мусницкого, расставленной по деревням и польским поместьям по всему пространству Смоленской, Могилевской и части Минской губерний с артиллерией и полуметами. Наконец, сверх того, западнее железной дороги от Великих Лук были расположены казацкие части генерала Краснова, только что разбитые под Петроградом, и из Режицы с Северного фронта все время подтягивались свежие войска. Около Невеля или Ново-Сокольников революционные эшелоны стояли бок о бок с эшелонами казаков, разделяемые только двумя шагами железнодорожного полотна, а около Великих Лук и с нашей стороны, и со стороны казаков высматривалась и разведка и выставлялось сторожевое охранение, подкрепленное выкаченными пулеметами. И все же *нигде ни одного столкновения не произошло*. Казаки нас боялись больше чем мы их, и торжественно тут же на станции заверили, что они просят только об одном: чтоб их не трогали. По сведениям разведки, польские легионеры торжественно заявили, что они соблюдают полный *нейтралитет* «во внутренних делах России», Финляндская дивизия прислала сообщить, что она не намерена драться вообще с кем-либо, Георгиевский батальон был ненадежен. Реальная сила у Духонина измерялась, таким образом, только *двумя батальонами ударников* *.

При таких условиях Духонин понял, что борьба бессмысленна, и сообщил, что он сопротивляться не будет и сдается на милость победителя, прося лишь об одном — чтоб новый представитель власти приехал в Ставку *без войск*. А в то же время собравшийся в Ставке прежний меньшевистско-эсеровский Общеармейский комитет напрягал все силы, чтобы привлечь на свою сторону Могилевский Совет, рассылая телеграммы о помощи во все фронты, и убеждал Духонина сопротивляться. Это было вечером 21 ноября **. И в ту же ночь в Могилеве произошел переворот. Георгиевский батальон арестовал Духонина, а Могилевский Совет, выделив из себя Военно-революционный комитет, прислал делегацию навстречу, в Витебск. Только ударники не хотели сдаваться и, заняв станцию Могилев, двинулись на юг по направлению к Жлобину. При таких условиях принять условия Духонина было нельзя и было необходимо выслать войска в подкрепление на Жлобин и в тыл ударникам. Матросский эшелон и эшелон Кудинского быстро двинулись вперед, а к часу дня 22 ноября в Могилев прибыл новый главоверх, восторженно встречаемый на всех перекрестных станциях частями Финляндской дивизии, расположенными по пути. Еще через час Духонин был уже доставлен в вагон. Как молния в это время распространилась по революционным войскам весть, что генерал Корнилов бежал из Быхова, станции верстах в 40 южнее Могилева, вместе с Деникиным, Эрдели и др., что накауне бежали на лошадях Станкевич, Перекрестов и другие члены Общеармейского комитета. А под Жлобином уже шел бой. Этим судьба Духонина была решена. Дальнейшее известно. Духонин был растерзан матросами. *Объективно* нельзя не сказать, что *матросы были*

* В действительности в распоряжении Духонина было пять ударных батальонов. См.: Исторические записки, 1974, т. 94, с. 335.

** Неточно. Должно быть: 19 ноября.

правы. Их отправляли на смерть, в бой, и в тылу они оставляли живым виновника их возможной смерти, объявленного еще в Двинске *врагом народа*. Было бы правильнее, пожалуй, со стороны новой власти приказать тут же расстрелять Духонина. *Post factum* об этом говорить, конечно, поздно. Так или иначе, но Ставка была взята и весь технический аппарат командования был в руках новой власти.

Юнкера были разбиты под Жлобином, Корнилов, преследуемый со всех сторон, едва ушел, переодетый в крестьянское платье, а его черкесы-текинцы были отправлены в Минск, где с похвальной исполнительностью, свойственной вообще горцам, несли службу охраны города при штабе командующего Западным фронтом. Так начинался второй период жизни революционного фронта — его упорядочение и установление нормальной жизни на новых началах. Работа революционной Ставки на фронте должна была сразу направляться в трех направлениях: руководство внешней военной политикой армии как *послушного* военного аппарата в связи с общегосударственными задачами; устройство армии как организованного целого в смысле снабжения и в первую голову в смысле овладения ею целиком на всех пяти фронтах; и наконец, борьба при помощи армии с внутренними врагами Советской Республики — вооруженная борьба с отечественной контрреволюцией в тесном смысле этого слова. Одновременно жизнь выставляла еще и четвертую задачу — *создание боеспособной армии* взамен старой, полная непригодность которой если не всеми еще ясно и отчетливо сознавалась, то, во всяком случае, всеми *ощущалась*. В таком направлении мы и будем вести дальнейшее изложение. Этот период датируется от 21 ноября до 23 декабря, когда начался третий и последний период.

II

Приказ, отданный еще в Петрограде и предлагавший по всей армии, в полках и дивизиях самим солдатам начинать переговоры с неприятелем о заключении перемирия на всех фронтах, сделал свое дело. Переговоры начались. Самым своеобразным и поразительным в этом неслыханном в истории войн опыте непосредственного творчества масс было то, что переговоры *привели к требуемым результатам*. После овладения механизмом связи, имевшимся в распоряжении Ставки, было предписано самым точным образом собирать все сведения о результатах переговоров и, главное, *условиях* заключавшихся местных соглашений, затем особым распоряжением был преподан ряд условий, которые рекомендовались как *необходимые* для того, чтобы местным перемириям могла быть придана сила действительного соглашения; эти условия носили скорее негативный, чем положительный характер; указывалось не то, что необходимо включать в условия частных соглашений, а то, чего ни при каких условиях *нельзя включать*. По армиям и корпусам, а затем и по фронтам немедленно было предложено сводить все заключенные перемирия в одно целое и представлять для санкционирования в Ставку.

Основное, на что рассчитывала новая власть, было то, что *пока* будут выработаны условия перемирия в Бресте, куда выехал уже из Петрограда первый состав делегации о перемирии, [удастся] добиться действительного прекращения на всем фронте военных действий. И этот расчет оправдался

полностью. Румынский фронт, где власть фактически продолжала оставаться в руках генерала Щербачева, где между нашими войсками были вкраплены две румынские армии, точно так же должен был уступить перед всеобщим тяготением к миру; и Щербачев явно против воли, но *должен был* пойти навстречу массовому желанию солдат и заключить перемирие, правда, якобы совершенно самостоятельно и независимо от новой Ставки, но *фактически* по ее приказу и по настоянию ей повиновавшихся и ее признавших солдатских масс. А затем, когда эта работа была проделана и все нити оказались в руках новой Ставки, было уже легко установить в качестве единственно приемлемых условий перемирия те условия, которые предложил центр, и аннулировать все остальные, несогласные с этими условиями, отдельные соглашения и договоры. Впрочем, тексты соглашений в отдельных армиях и фронтах мало чем разнились друг от друга, были разногласия в вопросах о границах воздушной деятельности летательных аппаратов, о правах встреч солдат обеих армий на нейтральной зоне, о допустимости и организованности взаимного торга и обмена на той же зоне, но в общем и целом условия были одни. Было видно, что противная сторона была не менее вынуждена, чем Щербачев, принять предложение о перемирии и не была в силах воспрепятствовать ему и вновь открыть враждебные действия. Тем временем братанье приняло широкие размеры, а вместе с ним во враждебный лагерь полилась широкою волною революционная пропаганда и революционная литература. В особенности в этом отношении в достаточной степени активными проявили себя Северный и Западный фронты; Юго-западный, Румынский и Кавказский оказались далеко не в таком положении в смысле сознательности и организованности и было ясно, что на этих фронтах без борьбы дело не обойдется. Как бы то ни было, но все же перемирие было заключено и новая революционная власть получила передышку на все время мирных переговоров, т. е. по крайней мере месяца на два. А это в тех условиях, которые были созданы переворотом внутри страны, было очень и очень много. На фронте же этот перерыв был не менее необходим, чем в тылу.

Работа революционной Ставки выразилась прежде всего в создании особого революционного аппарата *контроля* над деятельностью отдельных частей и отделов Ставки вообще. Накануне взятия Ставки во время внутреннего переворота и ареста Духонина местный Совет создал из своей среды особый Военно-революционный комитет Ставки, куда вошел ряд революционных работников, прибывших с Западного фронта с революционными отрядами. Из них стоит упомянуть тов. Берзина, ныне командующего одной из красных армий на Восточном фронте, тов. Rogozинского и др. Военно-революционный комитет, с одной стороны, и вступивший в исполнение обязанностей начальника штаба генерал Бонч-Бруевич, с другой, были теми двумя новыми рычагами, которые двинули опять в дело механизм Ставки. Военно-революционный комитет выдвинул из своей среды комиссаров, которые, проникши во все отделы Ставки, взяли в свои руки непосредственный контроль над действиями бывших начальников отделов и не пропускали ни одной бумажки без подписи и просмотра. С другой стороны, генерал Бонч-Бруевич, стремясь спасти что можно от старого персонала, служил смягчающим и посредствующим звеном между тем же персоналом и новой революционной властью. На докладах верховному глав-

нокомандующему он старался унять иной раз слишком ретивых новых комиссаров, что, впрочем, ему удавалось довольно редко.

Большую борьбу пришлось выдержать точно так же с местными представителями Почтово-телеграфного союза. Соглашательские элементы союза из эсеров и меньшевиков под лозунгом нейтралитета профессионального движения всеми силами стремились охранить себя от вмешательства новой власти и в особенности от революционного контроля всех проходящих и поступающих телеграмм. На этой почве дело дошло однажды до объявления ими забастовки и искусственного перерыва связи с Северным фронтом. Новая власть, однако, не позволила слишком разгуляться саботажникам революции. В Ставку были моментально вызваны свои юзисты с Западного фронта, перед законами союза была поставлена дилемма: или приняться за работу, или сесть в тюрьму, — и сопротивление было сломлено. Старый генералитет оказался еще более податлив. Во имя «спасения армии» он беспрекословно повиновался и если и продолжал *мечтать* о старом времени, то *вслух не осмеливался* и *пикнуть*. Из других учреждений Ставки пришлось припугнуть только отделение Государственного банка, отказавшееся сначала выдавать деньги, однако и тут перспектива тюрьмы оказала действие и «мир» был восстановлен.

Дальнейшая работа по переустройству высших учреждений Ставки вылилась в избрание вместо Военно-революционного комитета на Всеармейском съезде представителей всех корпусных комитетов и армейских комитетов особого нового *Центрального комитета действующих армий и флота*, сокращенно Цекодарфа, к которому перешла и вся власть прежнего комитета и во главе которого, с одной стороны, стоял избираемый председатель тов. Рогозинский, а с другой — в него же входил на правах члена верховный главнокомандующий, еще ранее незадолго на том же съезде единогласно избранный на эту должность. Особым уставом были определены новые взаимоотношения верховной военной командной власти и Цекодарфа. С точки зрения старой системы управления — это был полный переворот, с точки зрения новой устанавливавшейся системы — это было ее завершение, окончательное переустройство сверху донизу, финальный аккорд демократизации армии и революции в ее внутреннем устройстве. К моменту избрания верховного главнокомандующего на Всеармейском съезде и утверждения устава Цекодарфа эта революция приняла законченные формы. Как же она протекала в армии и в каком виде представлялась в своем последнем фазисе?

15 декабря 1917 г. Советом Народных Комиссаров был принят декрет о полном уничтожении чинов и орденов в армии и о проведении повсюду выборного начала командного состава. Но это был декрет, который, как и все почти важнейшие декреты Октябрьской революции, проводился *после* того, как все требуемое декретом было проведено в жизнь. Октябрьская революция была тем и сильна, что все ее коренные реформы были продуктом массового народного творчества вне декретов. В Петрограде на собрании делегатов была брошена мысль — *идея* о выборном начале и об отмене чинов и снятии погон. На местах она была проведена повсеместно *до* законодательного разрешения вопроса. Съезд общеармейского съезда, избрание главоверха, уже занимавшего эту должность по назначению Совета Народных Комиссаров, — все это было только фиксированием того,

что уже было жизнью самостоятельно разрешено. Проследить процесс реформирования армии можно было поэтому, только будучи на местах. В этом отношении опять-таки наблюдалась та же картина разницы положения на различных фронтах, о которой мы говорили раньше. На первом месте в смысле радикальности и первенства во времени в проведенной реформе стоял Западный фронт. На фронтовом съезде приблизительно в середине декабря или его первых числах было явочным порядком выработано и проведено в жизнь новое положение об управлении фронтом. Армейские и корпусные комитеты полностью взяли власть в свои руки еще в октябре. На съезде была проведена только систематизация уже совершенной работы. Власть всюду была передана в руки *выборного* командного состава, ограниченного и подконтрольного комитетам. Надо отметить, однако, что почти ни в одном положении, сколько их ни проходило через руки Ставки, ни разу не было покушения на *так называемую командную власть в бою*,— были проекты организации контрольных оперативных отделений при комитетах высших наименований, но коллективного в чистом виде принципа в командовании не проводилось нигде. Второй коренной реформой, принятой на съезде, было полное уничтожение орденов, чинов, погон, шпор, аксельбантов и т. п. Только для солдатских георгиевских крестов было сделано исключение, но и оно было потом отменено общероссийским декретом Совета Народных Комиссаров. Главнокомандующим Западного фронта был избран тов. Мясников, старый революционер и партийный работник, бывший прапорщик одной из частей того же фронта. Тов. Каменщиков занял должность его начальника штаба, а вскоре перешел в Полевой штаб Ставки.

Иначе была построена армия на Северном фронте. И тут во главе фронта был поставлен выбранный на фронтовом съезде тов. Позерн, также старый партиец-революционер, но, в отличие от Западного фронта, он был ограничен своеобразной директорией из *трех лиц*, причем все приказы получали силу только за подписями двух членов из этой тройки. В остальном схема строения и управления в армиях Северного фронта была аналогичной с строением армий Западного фронта, выборное начало и всеобщая демократизация армий была и тут последовательно проведена. Устав Цекодарфа ввел тот же принцип избрания и для верховного главнокомандующего, устав и тут шел дальше по тому же пути: главковерх, будучи членом Цекодарфа, нес ответственность перед Совнаркомом, но особым пунктом в то же время был обязан подчинением Цекодарфу, если бы в каком-либо вопросе последний разошелся с его решением. Последний пункт наиболее выпукло отразил в вопросе о строении армии тот спор, которому впоследствии пришлось разрастись в большой принципиальный спор синдикалистских стремлений и тенденций с централизмом, который разгорелся в апреле месяце уже в центре и в иных областях строения советской жизни — в вопросе о принципах управления железными дорогами, водным транспортом, национализированными предприятиями и т. п.: в какой мере коллегиальный принцип *самоуправления* отдельных категорий работников той или иной отрасли труда должен и может поглотить собою все вообще *управление* данной отраслью в интересах общегосударственного целого. Эта борьба дух начал вылилась и тут в своеобразный принцип солдатского синдикализма. Впрочем, в громадной степени эта борь-

ба носила чисто теоретический характер, никаких столкновений, конечно, не было, а окончательной санкции этот устав Цекодарфа так и не получил. В Морском комиссариате та же борьба приняла более острые формы и закончилась также победой централистского принципа. Но для армии вообще Цекодарф был силой, а его комиссары в различных отделах Ставки исполнили крупную работу по надзору и контролю, по очищению Ставки от элементов, если не прямо враждебных, то во всяком случае явно не расположенных к новому порядку.

Система этого *самоуправления армии* не явилась, однако, отнюдь окончательным и последним словом революции. Самый спор, который подымался в недрах Цекодарфа о правах и полномочиях командной власти и представительного органа, представлял собою пережиток и отрывку уже изживавшегося периода *разрушения старой армии*. Впоследствии, когда нам придется перейти к характеристике *новой армии*, той же самой Ставке и ее органам, Полевому революционному штабу и его отрядам, мы увидим, какую минимальную роль в тех войсках играли вопросы, интересовавшие в данную минуту Цекодарф. Только старая *армия*, вся еще проникнутая ненавистью к старому порядку и недоверием к *всякому* единоличному командованию, могла ставить вопрос, как он ставился в Цекодарфе. Смешно было слушать и смотреть на товарищей, которые *ради принципа*, только что единогласно проголосовав избрание верховной командной власти, затем с нею же спорили о правах и полномочиях. Тенденция к *самоуправлению*, переходящая в тенденции к *управлению*, — эта характерная болезнь, реакция против старой системы полного упразднения каких бы то ни было прав низов — сказалась и здесь. Но мы увидим, что это была только болезнь *старой армии*, и допущенные лекарства ее не спасли от смерти, а для новой армии вообще оказались излишними.

Иначе разрешился тот же вопрос о реформе армии на остальных трех фронтах. Самым ближним был Юго-западный фронт.

Юго-западный фронт дал на выборах в Учредительное собрание большевикам второе место. Это обстоятельство являлось показателем того, как вообще определится дальше судьба этого фронта. В момент занятия Ставки в середине ноября происходил на Юго-западном фронте фронтовой съезд. Известие об убийстве Духонина и то, как оно было принято заправилami съезда, являлось не меньшим показателем. Съезд по своему составу состоял из представителей непереизбранных старых соглашательских элементов. Тем не менее сила общего тяготения широких масс армии к Советской власти была такова, что даже при таком составе съезда провести полностью линию непризнания новой власти заправилami съезда не могли. Во время самого съезда революционные элементы в армиях и корпусах производили самочинный захват власти, и новая, долженствовавшая выйти из съездовских выборов руководящая власть оказалась бы без поддержки масс, если бы стала действовать вопреки желаниям низов. В результате на самом съезде произошел фактический раскол и рядом со съездовским фронтовым комитетом образовался большевистский революционный комитет, поставивший борьбу за власть в порядок дня жизни фронта. Однако и он не смог взять в свои руки власть целиком.

Таким образом, определился временный компромисс, который не мог быть продолжительным. В отдельных армиях власть целиком перешла в

руки революционных комитетов, но до проведения полного подчинения новой власти всего фронта дело не дошло. Всем было ясно, что вопрос должен был разрешиться столкновением. Так же компромиссно решился вопрос и о едином командовании. Выборы командующего фронтом проведены не были, но тот же революционный комитет взял на себя функции контроля. Командующим фронтом числился тогда генерал Володченко, старый интриган, всецело приверженный старому режиму. Революционная командная власть видела необходимость устранения главнокомандующего и поставила перед ним ребром вопрос о подчинении. В ответ командующий фронтом подал рапорт о болезни и передал должность начальнику штаба генералу Стогову. Тот же вопрос был поставлен тогда и Стогову, и одновременно были сделаны предложения занять должность командующего фронтом генералу Гутору и генералу Огородникову как лицам, во всяком случае не способным на измену. Оба генерала, однако, предпочли открыто отклонить предложение. При таких условиях найти выход из положения можно было, только разрубив гордиев узел. Высшая командная власть и была намерена приступить к операции, подобной могилевской, когда внезапно осложнившиеся отношения с Украинской радой смешали все карты и поставили все в плоскость *вооруженной борьбы*, в пылу которой вопрос о революционном командовании Юго-западным фронтом потерял всю остроту и отошел на второй план.

Еще острее встал тот же вопрос по отношению к Румынскому фронту. Если генералу Стогову пришли на помощь осложнения с Украиной, то генералу Щербачеву прямую вооруженную помощь оказали кроме украинцев румыны. На прямой запрос верховной командной власти Щербачев, видимо, чувствуя себя в сравнительной безопасности, не ответил вовсе, но тем не менее мы видели, что он был вынужден с нею считаться в вопросе о перемирии. Вынужден он был считаться с нею и в иных областях. Посланный на Румынский фронт комиссаром нового правительства тов. Рошаль был принят в Иссах и немедленно же оттуда предпринял объезд отдельных армий, и, как грибы, вслед за ним вырастали всюду те же военно-революционные комитеты. Однако связь с центром румынские армии регулярно поддерживали только по момент выборов в Учредительное собрание, т. е. до половины декабря, затем связь порывается, так как на дороге встал Киев, занятый к тому времени Центральной радой, затем произошло полное объединение обоих фронтов под началом того же Щербачева, признанного Радой главнокомандующим обоими фронтами под названием одного Южного, или Украинского, фронта. Армии оказались, таким образом, отрезанными от центра, и дальнейшая судьба румынских армий уже определялась переее всего исходом борьбы с Украиной. Командная верховная власть оказалась не в состоянии ни усмирить строптивого генерала, ни подать помощь революционным организациям, вступившим в борьбу с местным центром. Поэтому борьба сразу приняла ожесточенные формы. В первое время перевес был явный на стороне революционеров. В 7-й и 9-й армиях создавшиеся революционные комитеты взяли власть в свои руки. Острое столкновение по поводу массового требования со стороны солдат о снятии с офицеров погон повело к первым вооруженным столкновениям. Каждая из трех армий — 4-, 6- и 9-я — создали свое выборное командование. Однако связи между собою им наладить не удалось.

Съехавшиеся в Яссы представители новых революционных организаций были Щербачевым арестованы и сам тов. Рошаль расстрелян. Борьба приняла затяжной характер боев в одиночку между частями, лишенными связи, разделенными румынскими корпусами, оставленными без продовольствия по приказу Щербачева. Героические эпизоды этой борьбы мы опишем еще впереди, пока остановимся на характеристике положения, которое создалось благодаря предательству Украинской рады и румынской олигархии. Разрыв дипломатических сношений с Румынией повел к объявлению формальной войны, и наши русские солдаты, оставленные центром и окруженные войсками своих бывших союзников румын, были принуждены с боем пробивать себе путь на родину. Таково было положение Румынского фронта.

С Кавказским и Персидским фронтами дело обстояло еще хуже.

Кавказское командование не признало ни революции, ни реформ в армии. В результате вся армия бросила фронт и пошла домой. Отчаянная телеграмма командующего Кавказским фронтом, полученная в Ставке в середине декабря, говорила о полном бессилии старой власти, но новая власть была в этот момент бессильна помочь. Управлять армией, расположенной в горах Закавказья и Турецкой Армении, в степях и горных плато Персии, *через* калединский Дон и Кубань, *через* Украину. Винниченко и Петлюры она не могла. Революционным войскам, тем из них, которые сохранили хоть какое-либо подобие порядка, стройности и организованности, пришлось, как и румынским армиям, уходить с фронта и пробиваться *сквозь* врагов. И тем не менее целые дивизии прошли со всей амуницией, артиллерией и обозом и вступили в ряды красных войск у Царицына. Правда, таких дивизий было одна-две, подавляющая же масса шла домой, руководимая одной мыслью: ну все к черту. Так уходила персидская армия, сокрушая все на своем пути, торгуя оружием, орудиями, амуницией, патронами, грабя и сжигая все, что пыталось оказать сопротивление. Так уходила в большинстве Кавказская армия, но даже на эту возбужденную и сбившуюся с привычной колеи толпу оказывали свою власть революционные идеи центра — выборность командного состава, уничтожение чинов было проведено повсеместно и в этих полуармиях-полуордах. Более того, даже петлюровские войска практиковали то же самое и сам Петлюра, военный министр Украины, должен был особым приказом *запретить ношение погон в самом Киеве.*

Мы можем теперь подвести некоторые итоги. Развал кавказской и персидской армий, представлявший собою подобие движения двенадцати языков, сметавший и разрушавший все на своем пути, характеризует собою то, что ожидало бы вообще всю нашу старую царскую армию, если бы Октябрьский переворот вовремя не удержал ее еще на месте, дав измученным войной солдатам надежду на мирный и организованный отход после заключения мира. Эти две армии этих двух фронтов были лишены связи с новым революционным центром. Старый порядок их уже не удовлетворял, они ему больше не верили, и беспорядочный отход этих армий предвосхитил картину того, что потом пришлось пережить болгарской армии, части австрийской и части германской армии. *Таков был бы естественный финал империалистической войны во всех странах, если бы на сцену не выступили внутренние революции.* Повторяем: переворот 25 октября спас

Россию от повсеместного такого же отхода, вернее, он *отсрочил его*. Таков наш первый *общий* вывод из изучения *конкретной* обстановки в жизни армии. Вывод, имеющий крупнейшее общеисторическое *мировое* значение. Теперь перейдем ко второму.

Пока эта отсрочка продолжалась, новая революционная командная власть могла заняться иными заботами, которые создал для нее Октябрьский переворот, в особенности по отношению к Украине и Румынии и Дону уже на новом, внутреннем фронте повсеместно загоревшейся ожесточенной гражданской войны.

Здесь моментом, который *отдалил временно победу* новой власти на этих фронтах, был *национальный вопрос*.

Национальное движение в России, и в особенности на украинском юге, зародилось и вылилось в явственные формы сепаратистского движения еще при правительстве Керенского. Тогда большевики были единственной политической партией, прямо и безоговорочно признававшей право национальностей на самоопределение *вплоть до отделения* и, что еще важнее, даже без санкции государственной центральной власти России. Спор на Первом Всероссийском съезде Советов шел между соглашателями и большевиками как раз о том, должны или, наоборот, не должны финляндцы, украинцы и др[угие] народности с определившейся национальной культурой и национальным самосознанием *ждать*, пока российский Учредительное собрание разрешит вопрос о национальном самоопределении окраин бывшей царской монархии, или же они могут, *не дожидаясь решения русского Учредительного собрания, сами решить свой вопрос о своей национальной жизни*. Большевики отстаивали это право окраин, соглашатели вкупе с буржуазией отрицали это право. Правительство Керенского разогнало финляндский сейм, в подавляющем большинстве состоявший из социал-демократов, и из-за столкновения по украинскому вопросу произошел роковой правительственный кризис 2 июля, непосредственным результатом которого были приснопамятные дни 3—5 июля. При буржуазно-демократическом строе *полная и действительная свобода самоопределения наций оказалась невозможной*. Совершенно иначе встал и был решен тот же вопрос при Советской власти. Красная Финляндия получила полную возможность самоопределения и представила из себя самостоятельное государство, но связанное единством целей и единством борьбы против буржуазии в одно целое вместе с Российской Советской Республикой. То же самое потом, позднее имело место по отношению к Белорусской, Литовской, Латвийской, Эстляндской, Туркменской и иным республикам. То же самое *могло бы иметь место и по отношению к Украинской Республике, если бы... если бы последняя не была буржуазной республикой, руководимой Винниченко и К°*.

История наших дипломатических сношений с Украиной и вообще судьба русского юга имеет в этом отношении не только для нас, но и для мировой истории глубокий и *принципиальный интерес*.

Сепаратистские националистические и шовинистские стремления на Украине резко выявились уже с первых дней революции. Для всех было в значительной степени неожиданным и появлением самой Центральной рады и ее образ действий, решительный и агрессивный по отношению к российскому центру. Правительство Керенского почитало, однако, до поры

до времени худой мир лучше доброй ссоры и шло на поблажки. Так, еще с мая месяца 1917 г. оно разрешило Раде иметь свои украинские полки.

В результате, к октябрю Украинская рада имела повсеместно на всем протяжении нашего фронта свои украинизированные части, создававшиеся путем искусственного отбора из других частей украинцев, со своей выборной националистически настроенной организацией в самих частях, объединенных параллельно с общеармейскими организациями в свои армейские рады под верховным руководством Центральной рады. Слабость центрального управления при Керенском, с одной стороны, и вечно колеблющийся между революционной фразой и реакционным делом характер политики Керенского, с другой, привели к тому, что вслед за украинскими образовались тем же путем в первую голову польские части, затем латышские, эстонские, грузинские, белорусские и даже мусульманские, причем в отдельных случаях, как это было с украинскими и польскими частями, их общая численность достигла довольно внушительной цифры. В то же время все эти национальные объединения еще не имели опоры в территориальной организованности национального населения в тылу; они были только национальной военной силой, но не были еще военной силой национального государства. Вполне понятно было желание всех этих угнетенных царизмом народностей вздохнуть свободно, но этот вполне понятный импульс был в разной мере использован шовинистическими группами буржуазии в каждой национальности. От степени и характера экономического развития каждой из национальностей в границах своих территорий зависела и степень общеполитического значения той или иной группы и степень ее влияния на направление ее государственной и национальной политики. Примерами могут тут служить, с одной стороны, латыши, с другой — поляки... Польская буржуазия, наиболее реакционная из всех буржуазий Европы, и тут явилась вождем реакции, поставив своей задачей создать свою армию на счет русского правительства и затем изъять ее из военных действий и сохранить для своих, пока еще громко не выявленных целей под предлогом нейтралитета в русских делах. Вожди польской армии развивали своеобразную теорию экстерриториальности польских войск на территории Русского государства. На фронт они идти не хотели, подчиняться русскому командованию не хотели, всем воротил Главный польский комитет, заседавший одновременно в Москве, Париже и Варшаве, но фураж, довольствие, снаряжение, оружие, снаряды русское интендантство обязано было доставлять польским войскам.

Иной была позиция латышских стрелков, так же как и поляки, не имевших своей родины с момента занятия Риги. Красная Латвия, ненавидевшая своих баронов и едва не перерезавшая их всех до одного в октябре, создала также свои полки, но, единая с Советской Россией в своей ненависти к эксплуататорам, она осталась ей верна до конца и в наиболее тяжелые минуты Советской России латышские стрелки самоотверженно несли службу внутри России, не испрашивая себе ни вознаграждения, ни похвалы. Вместе с советскими войсками они пошли затем восстанавливать свою Красную Латвию тогда, когда к этому представилась возможность. Иначе обстояло дело с Украиной. Украина имела свою территорию в то время, когда ни Польша, ни Латвия уже ее не имели, — в этом было глав-

ное различие. С другой стороны, хлебородный и зажиточный характер Украины способствовал тому, что классовый принцип не мог быть так резко выявлен там, как он был выявлен в Латвии или Польше. Поэтому Украина явилась первоначально тем грозным врагом, с которым пришлось бороться Советской Республике. Польские войска, не имея своего *центра*, должны были временно только выжидать. Латвия целиком была с нами. Центральная же рада немедленно, чуть ли не на второй или третий день после взятия Ставки, вступила с новой властью в переговоры. Однако эти переговоры отнюдь не были дружелюбного тона.

Мелкобуржуазные политиканы Центральной рады не учли всего существа свершившегося переворота и стремились использовать его только с точки зрения интересов своей киевской колокольни. Поэтому, первоначально поставив вопрос о признании Советской властью полной независимости Украинской Народной Республики, вторым, практическим вопросом они поставили требование *отозвания* с Северного и Западного фронтов *всех украинских войск* на юг и образования из Юго-западного и Румынского фронтов единого *Украинского фронта* с самостоятельным украинским командованием. Революционная власть ответила так, как она только могла ответить, — полным признанием прав Украины, но одновременно категорически запротестовала против неорганизованного отъезда войск и *прорыва фронта*, равным образом, как и против его *разрыва* на украинский и российский впредь до соглашения правительств, и предложила немедленно, с одной стороны, послать в Ставку представителя украинского штаба для разрешения всех технических вопросов, а затем участвовать *вместе* с российской делегацией в мирных переговорах с Германией в Бресте. Украинская рада приняла второе предложение, согласилась на первое и *не исполнила его*. Было ясно, что Центральная рада решила ковать железо, пока горячо. Было ясно, что вопрос о национальной самостоятельности заслонил перед глазами Винниченко все остальные и что Рада во что бы то ни стало стремится провести *на деле* эту самостоятельность, а там, мол, будет видно. Что дело обстояло именно так, свидетельствует то, что *порывать* с Советской Республикой Центральная рада не хотела, тем более что Советская власть относилась к ней с достаточной предупредительностью. Так, например, из Петрограда были отправлены в Киев все украинцы Петроградского гарнизона со знаменами и оружием. Украинским организациям на фронте командная власть также не чинила препятствий. Так, однако, продолжалось очень недолго. В ответ на отказ советской командной власти допустить неорганизованный отъезд украинских войск с Северного и Западного фронтов и признать одностороннее прокламирование Украинской Украинского фронта Центральная рада ответила приказом по всем украинским войскам возвращаться домой без разрешения местных командных русских властей и передала командование на Украинском фронте генералу Щербачеву — тому самому, чей открытый разрыв с Советской властью был уже совершившимся фактом.

Одновременно произошло столкновение и на другой почве. Калединский Дон объявил себя независимым и в состоянии войны с Советской Россией. Что там был самый опасный враг, с которым Советской власти предстоит ожесточенная борьба, в этом не сомневался никто, и меньше всего Украинская рада, однако она пропустила войска казаков, стягиваемые Ка-

лединым на Дон через Украину, и отказывалась пропустить советские войска. Этим она показала, что не только один голый национальный принцип являлся для нее определяющим при построении своей тактики по отношению к Советской России. В загоравшейся борьбе старого буржуазного и нового пролетарского мира Украинская рада стала по ту сторону баррикад. Советская власть потребовала пропуска своих войск. Но большевизм был страшен Украинской раде не только извне, он был страшен ей и изнутри. Петроградские украинские гарнизоны были сплошь настроены большевистски, и Украинская рада в *интересах самосохранения* распорядилась *разоружить все* украинские большевистские и все *неукраинские* большевистски настроенные части. Это уже было фактическое объявление войны. Все вместе predeterminedило разрыв, и таковой был объявлен Советской властью предъявлением ультиматума в 48 часов. Знаменитая южно-русская гражданская война началась, и с этих пор Украина не перестает представлять из себя то вечно пылающий пожар, то тлеющее пепелище сел и городов.

Подробности и перипетии этой войны нас не интересуют. Единственно, что следует отметить, это *меры*, при помощи которых боролась Украинская рада, характеризующие вообще политику мелкобуржуазной власти. Если для того, чтобы перетянуть украинские части с севера на юг, она выкинула лозунг — *домой в Украину*, но с *оружием*, то для обезвреживания русских частей на Украинском фронте был брошен тот же лозунг — *домой*, в Россию, но *без оружия* ...

И части двинулись. Они не могли не двинуться, так как лозунг *домой* был одинаково близок всем — и русским, и украинцам. Забота революционной командной власти была — воспрепятствовать обоим движениям. И надо сказать, что на севере оно было немедленно прекращено. Все украинские рады были распущены, и их деятели арестованы и посажены по тюрьмам; украинизация и вообще всякая национализация были повсеместно приостановлены. Из всех украинских корпусов едва ли не одной только дивизии удалось прорваться на юг, да и то путем обмана и при помощи польских войск. Зато все русские части с ближнего Украинского фронта лавиной хлынули домой. Части, расположенные в Румынии и около Румынского фронта, оказались более дисциплинированными. Несмотря на призыв Петлюры и полный разрыв связи со Ставкой, приказы Петлюры о демобилизации годов не исполнялись до тех пор, пока путем лазутчиков, с подложными документами отдельные делегаты армий и корпусов не восстанавливали связи с революционной Ставкой и не получали оттуда директив. Другая связь была восстановлена по линии фронта через Минск, 8-ю армию, 7-ю и т. д., куда успели проникнуть революционные комиссары. Но главная толща армии все же была дезорганизована.

Солдаты, получая от украинских комендантов отпускной билет на три месяца, поодиночке и группами направлялись через Бахмач на Курск. В иных местах происходили, правда, отчаянные бои, как под Жмеринкой. Но Кишинев, где была ставка Румынского фронта, был предательски захвачен, и члены Военно-революционного комитета принуждены бежать в Ровно. Само Ровно в течение нескольких дней представляло картину ожесточенных боев. К январю этот фронт был потерян.

Еще более отчаянным было положение румынских армий*, лишенных продовольствия и связи. Революционная командная власть решилась на героический шаг и предписала румынским армиям с боем идти домой, бросив фронт, жигая и разрушая все на своем пути. В устьях Дуная отдельные дивизии до восьми раз бросались в атаку, но, подавленные превосходством сил румынских и украинских войск, положили оружие. Одна из дивизий перешла границу и сдалась австрийцам, желая избежать разоружения со стороны украинцев. Этот фронт также был потерян. Характерным в этой героической борьбе было то, что массы — солдаты-украинцы — не были на стороне Украинской рады и не хотели насильно украинизироваться, как это предписывала Рада, но, лишенные подвоза продовольствия, также были принуждены складывать оружие. Было ясно, что организованно спасти эти армии не удастся. Спасение лежало в вооруженной борьбе с Киевом с севера с помощью новых революционных армий на внутреннем гражданском фронте. Эта борьба была закончена к 26 января, когда революционными войсками, теснившими Раду с севера и запада, после недельной бомбардировки был занят Киев. Немецкое наступление, однако, вновь круто изменило соотношение сил.

История борьбы с Украиной выходит за пределы нашего изложения, но с общей исторической точки зрения мы должны отметить ее постольку, поскольку, во-первых, здесь выявился общий вопрос о том, почему наши войска одержали победу к январю и над Украиной, и над Дутовым, и над Калединым, и, во-вторых, поскольку и войска с фронта, следовательно войска старой армии, принимали участие, а в революционной Ставке был создан и работал особый Революционный полевой штаб. Для истории формирования революционной армии взамен армии империалистской этот вопрос имеет и значение, и интерес.

Вместе с приостановкой украинизации были приостановлены и другие попытки создания национальных войск. В первую голову были приостановлены попытки создания белорусских войск и вместе с ними попытка создать в Минске подобие Украинской рады — Белорусскую раду. Было ясно, что пока национальные стремления будут отделяться от общеклассовой борьбы национальных групп пролетариата с международной буржуазией, всякая только национальная организация власти, логикой вещей втянутая в водоворот международной классовой борьбы, превратится в буржуазную национальную организацию и, следовательно, обязательно вступит в ряды врагов пролетарской власти. При таких условиях было нелепо допускать попытки создания объединенных центров национальной буржуазной реакции, и Белорусская рада была разогнана. Точно так же были в корне пресечены попытки национальных армянских, эстонских, грузинских, еврейских и мусульманских организаций. Последние тем более были опасны, что имели территориальные центры в Казани и в Симферополе. Движение войск с фронта к этим центрам было приостановлено. Казанский центр скоро захирел, а симферопольский был смят силой при занятии Крыма революционными войсками.

Особо приходится остановиться на истории борьбы с поляками. С первых же дней взятия Ставки командное начальство польского корпуса, рас-

* Имеются в виду русские армии на Румынском фронте.

положенного под самым Могилею, явилось с изъявлением своей покорности и прокламированием своего нейтралитета, но категорически отказалось подчиниться приказам о демократизации армии, так как демократизация уничтожала буржуазный характер армии. Революционная командная власть была поставлена в неимоверно трудное положение. Допустить неподчинение она не могла, а силой заставить подчиниться тоже была не в состоянии, так как не располагала и несколькими полками, в то время как польский корпус насчитывал 16 000 прекрасно вооруженных и дисциплинированных солдат.

В этих условиях был отдан приказ перевести польский корпус ближе к фронту и стянуть его отдельные отряды из всех деревень Минской, Витебской и Могилевской губерний. По полученным сведениям, эти отряды, расположенные по имениям польских помещиков, фактически препятствовали проведению в жизнь декрета о земле, питая в глубине души замыслы оккупировать эти губернии в целях их присоединения к восстановленной Польше.

Вместо этого Довбор-Мусницкий начал стягивать к себе все вообще польские войска и из Смоленской, Тверской и иных губерний. Ряд перебраненных документов обнаружил тайные замыслы польских буржуазных организаций, и был отдан приказ останавливать и разоружать польские эшелоны на пути и поодиночке. Одновременно, так как по документам было ясно, что этим передвижением войск распоряжается Главный польский комитет в Минске, был отдан приказ об аресте заправил. Предупрежденные своими лазутчиками, заправилы бежали и, так как в этот момент борьба с Украинской радой достигла своего напряжения, то 12 января, когда революционные войска находились уже под Киевом, Довбор-Мусницкий внезапно объявил Советской республике войну и двинул одну из своих дивизий в тыл революционным войскам и на помощь Украине. Так внезапно крайне обострился польский вопрос. Польский корпус захватил Рогачев, осадил Гомель и Жлобин и занял Бобруйск. Однако спорить с Советской властью своими силами польский корпус не мог. Украинская рада была сломлена к 25 января, а Рогачев был очищен еще раньше. Жлобин, Гомель были очищены вслед за ними. Довбор был заперт в Бобруйске и стеснен так, что вопрос о его сдаче стал вопросом нескольких дней. Революционная командная власть в свою очередь решила не давать пощады. Объявленные вне закона польские офицеры, взятые с оружием в руках, расстреливались. Довбор был заочно приговорен к смерти, солдатам объявлена амнистия, и две тысячи революционных войск сломали 15000-ный польский корпус. Окончательная ликвидация авантюры Довбора была предотвращена опять-таки только немецким наступлением февраля 1918 г.

Чтобы окончательно уяснить себе роль, которую сыграли в этот момент национальные войска и в более широком смысле вообще национальный вопрос, мы обратим внимание на одну крайне характерную черту в тактике всех национальных противников Советской власти. Мы говорили о том, что направление политики национальных войск определялось экономическими условиями, в которых жила та национальность, чьи войска в данном случае выступали как активная сила. Условия Латвии определили верность латышских стрелков Советской Республике; условия Эстонии, Грузии, Белоруссии определили бессилие этих вооруженных единиц и то,

что они не сыграли никакой роли в революционной жизни; условия нашего земледельческого и мещанского юга определили то, что украинские войска одно время при наличии определенного создавшегося политического центра для них играли активную роль в контрреволюции. То же приходится сказать и о польских легионах.

Но одновременно тот факт, что здесь сыграли роль не национальные в чистом виде, а экономические классовые интересы буржуазии, предопределил собою то, что национальный вопрос явился только покровом, под которым скрывались иные интересы. Наиболее выпукло это обстоятельство и проявилось тогда, когда советские войска разбили и низвергли в Украинскую раду, и разбили польский корпус, заперев Довбора-Мусницкого в Бобруйске. Будучи загнаны в тупик, обе руководящие группы этих военных сил обратились за помощью *против Советского правительства... к немцам*. Другими словами, буржуазная власть, прикрывавшаяся борьбой за национальную независимость, предпочла бежать к иностранной буржуазии для борьбы против *пролетарской* Республики. И Винниченко из Центральной рады, и Довбор-Мусницкий из польского корпуса прекрасно знали, что *национальной свободы им немцы не дадут*. Но они предпочли союз с немецкими насильниками союзу с русскими рабочими. Та самая Рада, которая на предложение принять участие в мирных переговорах первоначально ответила горделивым заявлением, что она закончит войну только в единении с «союзниками», теперь бросилась в Брест и позвала на помощь немцев. Тот же Довбор, который заявлял, что все силы польской нации направлены на торжество дела уничтожения германского милитаризма, теперь, теснимый советскими войсками, по радио обратился к немцам с просьбой обеспечить ему помощь против Москвы. Национальный вопрос и национальные претензии оказались фальшью и обманом масс, использованных во имя борьбы за интересы буржуазии, против налетевшего шквала пролетарской революции. Так это поняли и массы украинских рабочих и крестьян и польских солдат. Вот почему *менее многочисленные, необученные и плохо вооруженные советские полки били беспрестанно и Украинскую раду, и Довбора, и Каледина, и Дутова, били всюду — на оренбургском, на донском, на киевском и на бобруйском фронтах. Решал дело классовый инстинкт, а не национальная принадлежность*.

Таков наш второй *общий* вывод из анализа *конкретных частных* обстоятельств этого периода истории.

26 января был взят советскими войсками Киев, вскоре затем пали Новочеркасск и Ростов-на-Дону, к тому же моменту был заперт и Довбор-Мусницкий. Советская власть за первые три месяца (ноябрь, декабрь, январь) не только справилась с внутренней контрреволюцией у себя внутри, не только освободилась от внешней войны, затеяв мирные переговоры,— она разбила и низвергла и своих врагов в виде Украинской рады и Дона.

Раньше чем перейти теперь к третьему периоду ее жизни за истекший период — к моменту германского наступления и разрыва мирных переговоров, мы поставим вопрос, *какими же силами* она вела свою борьбу, *на что в смысле военном она опиралась*. Но раньше еще один *общий* вывод.

В эти месяцы она опиралась только на революционный энтузиазм народных масс и правильно понятый ими классовый инстинкт.

Красная гвардия, набранная из рабочих крупных предприятий Петрограда и Москвы, матросские сводные революционные отряды, латышские стрелковые части и лишь в незначительной части регулярные войска — вот была ее опора. В качестве характернейшего момента следует отметить, что регулярные полки старой империалистской царской армии оказались непригодными и небоеспособными и для гражданской войны. В этом сказался тот основной факт, что вместе со смертельным ударом, который нанесла революция империалистической войне, она нанесла такой же смертельный удар и империалистской армии. Ее, эту армию, не могло уже ничто оживить. Она была достаточно сильна, чтобы остановить войну и в революционном порыве привести в полное расстройство прежний военный механизм, она была способна на героические порывы, какой проявили части румынской армии в борьбе за самосохранение, против реакционных поползновений Щербачева, но она не смогла дать устойчивых кадров даже тогда, когда ее вызывали с фронта для борьбы на Дону с Калединым, с Украинской радой или польскими легионами. Должно отметить, что все полки, вызываемые с фронта, выйдя за линию окопов в тыл, отказывались идти в бой независимо от целей, которые эта борьба преследовала. В особенности резко это приходилось чувствовать организованному в Могилеве Революционному полевому штабу Ставки, который ведал борьбой с Украинской и польским корпусом. Борьба была выиграна не с помощью регулярных фронтовых частей.

Революционный полевой штаб Ставки также должен войти в историю революционной армии. Это была группа товарищей, принужденная ощуять работать, без навыка, без налаженного аппарата снабжения, без сорганизованных войсковых единиц. И тем не менее она умела и работала, и побеждать. Так же умел работать и штаб тов. Антонова, руководивший всем гражданским фронтом. На опыте и ощуять, ценю ряда ошибок пришел этот Полевой штаб Ставки к сознанию необходимости иметь организованное целое в своем распоряжении, иметь аппарат управления своими войсками. Здесь должно быть отмечено имя товарища Вацетиса, теперешнего главнокомандующего всеми силами Красной Армии Республики *. Он один, кроме разве тов. Каменщикова, пошел искренно и всецело на службу новой власти. Он один беззаветно отдался делу революции, и принес он, полковник, молодым товарищам, Тер-Арутюнянцу, прапорщику тылового запасного полка, и свои силы, и знания, и энергию, и время. Вацетис был квартирмейстером Полевого штаба, другой товарищ — простой солдат или писарь — ведал интендантской частью, ряд молодых деятелей революции — прапорщиков, унтер-офицеров и простых солдат — начальствовали над отрядами, полками и отрядами.

Как разрешился в этих новых частях командный вопрос? Начальники не были выборными. Вопрос этот даже не подымался. Им верили солдаты и матросы, красногвардейцы и латыши независимо от того, были ли они выборными или назначенными. Точно так же вовсе не стоял остро в этих

* И. И. Вацетис был главнокомом всех Вооруженных Сил Республики с 4 сентября 1918 г. по 8 июля 1919 г.

частях и большой вопрос о роли и полномочиях полковых комитетов и их правах на участие в оперативных распоряжениях. Командный состав и солдаты *были одним целым*. Более организованно решался этот вопрос в матросских частях, где выборный комитет имел большую силу, но и это была сила не комитета, а скорее самой части. Так, одна операция была проиграна потому, что матросы заявили, что по случаю праздника рождества они откладывают наступление на Бахмач, и это заявление было доведено до сведения штаба Ставки и через комитет. Но, по существу, повторяем, эти вопросы вовсе не стояли в революционных частях. В частях красноармейских также права командного состава и выборных организаций не были урегулированы в точных формах. Часть прямо посылалась туда-то и туда-то, а кто будет приводить в исполнение приказ — комитет или командир — об этом не возникало вопроса. И совершенно иначе стоял вопрос в частях, вызываемых с фронта. Здесь после выхода из окопов тот же вопрос моментально ставился на острие ножа, и штаб Ставки должен был вскоре убедиться, что только на ту часть можно было надеяться, которая подверглась *фильтру* и где три четверти были отброшены за негодностью. Так, 2-я Финляндская дивизия, стоявшая вокруг Могилева, не двинулась с места, когда ее хотели тронуть, не пошел в бой Георгиевский батальон, когда-то арестовавший Духонина, Черниговский полк, вызванный с фронта, отказался идти целиком, отказались и кавалерийские части.

В нашу задачу не входят подробное изложение организации и деятельности этих революционных войск. Наша задача касается только истории регулярной, фронтовой армии. Мы можем поэтому оставить в стороне для других авторов подробное изложение истории революционных военных формирований и перейти непосредственно к нашей теме и третьему периоду отмирания старой армии, как оно вылилось с той минуты, когда всем стало ясно, что мирные переговоры не приведут ни к чему.

III

В нашей брошюре «Почему побежала русская революционная армия», написанной нами до Октябрьского переворота и относящейся к поражению наших войск в июле 1917 г., мы писали, что при правильной революционной политике Временного правительства можно было еще надеяться вдохнуть в русские регулярные войска такой энтузиазм, который мог бы двинуть их вперед. Пример июньского наступления доказывает это. Но в январе 1918 г. это было уже невозможно. Массы слишком устали, и опыт корниловщины доказал им, что не всякое правительство заслуживает доверия. Поэтому, когда в декабре 1917 г., как раз, кажется, 18-го числа, стало ясно, что германский капитализм отнюдь не склонен идти на уступки за русским революционным пролетариатом в прокламировании лозунга «мир без аннексий и контрибуций», — перед русской революционной властью встал вопрос, как быть на случай, если встанет дилемма: или мир с аннексиями, или новая война. Происходивший тогда в Петрограде Общеармейский съезд по демобилизации в лице наиболее видных своих представителей от всех армий и почти от всех корпусов был призван на совещание вместе с тов. Лениным и представителями Генерального штаба

для выяснения вопроса о способности армии к сопротивлению и для определения дальнейшей политики центральной власти в вопросе о мирных переговорах.

Перед каждым из представителей армии ставился вопрос — может ли он утверждать и ручаться, что его армия, его корпус сможет оказать сопротивление, или будет или не будет драться его армия, и затем, пойдут или не пойдут в наступление немецкие полки. Общий ответ большинства был, что армии, пожалуй, будут если не драться по всем правилам, то во всяком случае сопротивляться. Революционная командная власть заняла иную позицию. Она предлагала либо принимать немецкие условия мира, либо рвать немедленно, сейчас, но во всяком случае не ждать; ибо в таких условиях только усугубляется в невыгодном смысле положение — и армия, уже выдерживающая второй месяц зиму в окопах в ожидании скорого мира, не выдержит нового затягивания. Эта точка зрения не была принята и, наоборот, было принято решение переговоры тянуть, а тем временем применять все меры для создания определенной боевой силы взамен небоеспособной в своем подавляющем большинстве старой армии. Так, 18 декабря было решено *создать новую армию вместо старой*. Это было 18 декабря, а 23-го по фронту был распространен приказ командной власти о возможности *священной революционной войны*: и все искренне революционные солдаты старой армии призывались записываться в кадры новой добровольческой регулярной революционной армии, призванной заменить их на фронте*.

Дата опубликования этого приказа должна быть признана *поворотной*. Разложение, которое уже было невозможно ничем остановить, началось с момента, когда этот приказ проник на фронт. Солдаты старой армии поняли его как приказ уже о новом возобновлении войны и окончательном разрыве мирных переговоров, и все, что было сделано за первые месяцы, рухнуло сразу. Если до сих пор донесения с фронтов говорили о том, что в окопах, в противоположность времени Керенского, господствует полное спокойствие и глубокое доверчивое отношение к новой власти в твердой убежденности, что теперь *мир в надежных руках*, — после опубликования неустойчивое равновесие рухнуло, и *паника охватила целые части*. В особенности в этом отношении незавидную картину представил тот же Западный фронт, бывший передовым в дни Октября. 3-я армия, находившаяся в нетвердых руках тов. Анучина, и 2-я армия представили собой картину чуть ли не полного разложения. Когда же не в меру ретивые начальники некоторых частей отдали приказ привести в надлежащий вид окопы и проволочные заграждения, поднялась целая буря. Это волнение удалось успокоить только вторым приказом, разъяснявшим смысл первого и говорившим только о создавшемся положении вещей и возможности войны, но не о самой войне. Это же заставило поставить ребром вопрос о *скорейшем создании новой армии*. К этому мы и перейдем.

С 18 декабря и по 12 января идет лихорадочная работа Военного комиссариата в Петрограде и в Ставке. Перед руководителями ведомства встала задача, по грандиозности своей превышавшая все, какие до сих пор

* См.: Октябрьская революция и армия, 25 октября 1917 г.— март 1918 г.: Сб. док. М., 1973, с. 309—311.

приходилось разрешать революционной власти,— создать армию в кратчайший, минимальный, исчерпывающийся едва ли не неделями срок. Это обстоятельство в значительной степени определяло характер работы. Прежде всего, совершенно ясным было для всех близко стоявших к армии, что полагаться на существующую старую армию было больше нельзя. Ее нужно было считать априори несуществующей. Отсюда вытекала безусловная необходимость возможно быстрой ее *ликвидации*. Последнее сознавалось всеми, и потому вся последующая работа командной власти в этой области заключалась в проведении ускоренным темпом *демобилизации* старой армии. На этом моменте приходится остановиться несколько подробней. Прежде всего, Военный комиссариат отчетливо сознавал, что о какой бы то ни было планомерной демобилизации нечего было и думать. Планы демобилизационной работы, над которыми работала в Ставке и центре демобилизационная комиссия военных специалистов и Комиссариат по демобилизации под руководством тов. Кедрова, приходилось похерить. В нормальных условиях, если бы можно было рассчитывать на *мирный* период в ближайшем будущем, демобилизацию можно было бы провести. В тех условиях, которые создались в связи с поворотом немецкой политики, об этом мечтать не приходилось. Немедленно же после возвращения в Ставку на пленарном собрании Цекодарфа был поставлен вопрос о порядке работ Цекодарфа в этой области, и следует отметить *единогласное* мнение всех товарищей о том, что *старую армию следует ликвидировать*. Это не было признание в собственной бедности или беспомощности, это был результат *трезвого учета* всеми *практическими работниками того, что есть*.

Империалистская армия переживала агонию. Опыты борьбы на гражданском фронте вызываемых из окопов полков, результаты и сводка донесений с фронтов о том, как был принят на фронте приказ 23 декабря,— все говорило, что в случае новых возможных военных действий старая армия явится тормозом для этих действий. Ее нужно было как можно скорее убрать с фронта. Решено было поэтому усилить работу по демобилизации, распуская армию по *годам*. Этот принцип был принят как единственно возможный. Рассчитывать на регулярную отправку, с помощью организованного транспорта, демобилизуемых масс не приходилось, надо было считаться с состоянием железных дорог, состоянием продовольственных запасов и очередями.

Демобилизация, собственно, началась еще при Керенском, когда незадолго до октября были распущены 1899 и 1900 года. С тех пор до января были распущены через определенные промежутки года 1901, 1902, 1903 и 1904. Статистические данные Комиссариата по демобилизации дали возможность учесть наличность демобилизуемых по годам и или усилить в зависимости от процентного отношения годов к общему количеству призванных, или, наоборот, ослаблять процесс демобилизации. Так, в один срок удавалось демобилизовать то сразу по два, а однажды и по четыре года, или, наоборот, задерживать темп демобилизации, опять сокращая его до одного года. Приблизительно к 12 февраля роспуск по годам достиг уже внушительной цифры. При нормальных порядках вся армия могла быть демобилизована к маю; ускоренным темпом удалась достигнуть того, что к февралю уже оставались бы недеобилизованными два или три года, кроме последних четырех призывов— 1916, 1917, 1918 и 1919 годов, которые

предполагалось временно задержать, чтобы не оказаться совсем без армии, пока будет строиться новая. Конечно, не все тут прошло гладко, не раз донесения с мест говорили, что приказы о демобилизации годов запаздывали и приходили тогда, когда уже демобилизуемых годов не было на фронте. Но подобные факты все-таки были исключениями и зависели от того, насколько на высоте положения была местная командная выборная власть.

Все заботы революционной Ставки были направлены на сохранение имущества — артиллерийского и другого. Для этого также принимался ряд мер. Тяжелая артиллерия вся отвозилась в ближайший тыл, туда же свертывались и отвозились санитарные и хозяйственные обозы. Наконец, была предпринята и проведена и еще одна героическая мера. Фронт был обнажен, и полки из линии окопов отведены в линию расположения ближайших резервов с обслуживанием окопов только сторожевым охранением. Для тех, кто оставался для охраны имущества, устанавливалось повышенное жалованье. На железных дорогах всюду располагались дежурные роты для поддержания порядка, и в иных случаях, как это было на Северном фронте, пришлось прибегнуть к угрозам оружием и пулеметным огнем, чтоб заставить вернуться полки, не считавшиеся с очередями. В этом потоке демобилизуемых сказался основной факт *смерти* старой армии и правота политики Советской власти с первых моментов ее деятельности на фронте. *Своими шагами по началу мирных переговоров она спасла армию от той картины разложения и беспорядочного ухода, которая имела место на южных фронтах — Кавказском и Персидском — и затем повторилась в Болгарии, Австрии и частью в Германии.* Во всяком случае, будущие историки военного дела будут с удивлением взирать на факт, что *демобилизация все-таки была проведена с минимальными потрясениями для народного организма и без полного разрушения транспорта.*

Труднее была вторая задача — *создания армии-завесы*, армии прикрытия перед возможным возобновлением военных действий. Здесь боролись два плана: план из Петрограда — создавать новую армию в тылу и затем оборудованную бросить ее на фронт; ставка стояла на другой точке зрения и требовала немедленной отправки всех отрядов, какие есть, немедленно после их сформирования где бы то ни было, чтобы *уже* устраивать завесу. Последняя точка зрения была принята, и первые же эшелоны красногвардейцев были двинуты на Западный фронт. На совещании в Ставке со специалистами были определены пункты узловых оборонительных центров по линии Нарва, Псков, Полоцк, Минск и южнее для установления завесы, и по всем фронтам был брошен лозунг немедленного формирования *добровольческих* частей и стягивания их в ближайший тыл для соответствующего расположения по новой линии фронта. На совещании Цекодарфа, о котором говорилось выше, был выработан план экстренной лихорадочной работы по формированиям, и все свободные [работники] были брошены на места. План был выработан в расчете создать из существующей, еще не демобилизованной окончательно армии армию численностью в четыре или пять раз меньше, сводя путем набора добровольцев корпус в дивизию, дивизию в полк, батальон в роту, и только специальные воздушные и тяжелые артиллерийские части сохранялись в прежнем масштабе. Одновременно был принят принцип высокого денежного вознаграждения добровольцев. Норма вознаграждения варьировалась от 50 рублей рядово-

му на всем готовом. Большое подспорье тут оказали экстренно созданные совещания и армейские съезды Западного и Северного фронтов. Интересно, что резолюции этих разноместно созданных совещаний, протекших без влияния одного на другое, были *одинаковы* — так практика жизни под-сказывала одинаковые решения. В этом отношении [с ними] разошелся только петроградский центр, вообще страдавший излишней теоретичностью. По плану тов. Подвойского, во внимание к финансовым трудностям предполагалось ввести вознаграждение не выше 12 рублей с обеспечением *семей* добровольцев всем необходимым: квартирами, отоплением, освещением, мануфактурой, одеждой, продовольствием, жирами, зеленью и т. д. Только настойчивой телеграммой в Совет Народных Комиссаров из Ставки удалось предотвратить такое, по существу утопическое и тем самым гибельное, решение вопроса. Параллельно с митингами по Петрограду и Москве, откуда должны были двинуться на фронт красногвардейские батальоны, был проведен принцип организации добровольческих ополчений на местах в при-фронтной полосе с вооружением населения и их обучением для организации запасных кадров, но, сколько известно, широкого распространения этот принцип на практике, за исключением разве Могилевской губернии, непосредственно угрожаемой поляками, не получил.

Тогда же были приняты меры к ликвидации старой могилевской Ставки, за исключением ее оперативной части, с расчетом, чтобы эта ликвидация была закончена к 10 февраля. Делать этой Ставке уже было нечего. Центр тяжести логически переходил в Петроград. Практика действительности заставила тогда же революционную командную власть поставить на пленарном собрании Цекодарфа и основной политический вопрос о внешней политике, причем *единогласно*, против двух воздержавшихся, было принято решение представить в Совет Народных Комиссаров мнение о необходимости *принять немецкие условия мира*. С этим решением *практиков* военного дела, несмотря на оппозицию военных специалистов, революционная командная власть приехала в Петроград ко дню созыва Учредительного Собрания и в разговоре встретила со стороны тов. Ленина полное одобрение принятому решению. Решение было продиктовано знанием положения вещей. На совещании, созванном затем 9 января в Петрограде в составе коллегии Военного комиссариата, представителей трех фронтов — Западного, Северного и Южного (от одной армии), оно было подтверждено большинством 9 против 7. Характерно, что тут за принятие немецких условий голосовали все фронтовики (кроме тов. Позерна с Северного фронта), против голосовали члены Военной коллегии — центра, расположенного в тылу. Это решение также было передано тов. Ленину. Наконец, тот же вопрос был поставлен на рассмотрение собрания ответственных партийных работников, где выступили одновременно Ленин и Троцкий, оба отстаивавшие *различные* точки зрения, и где точка зрения Троцкого получила громадное большинство*. Так *возможное* еще в тот момент *целесообразное*

* Речь идет о заседании ЦК партии 11(24) января 1918 г. На этом заседании против Ленина выступили «левые коммунисты» и Троцкий. Не надеясь на успех лозунга немедленной революционной войны, «левые коммунисты» при голосовании дали перевес предложению Троцкого («войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем»), которое получило 9 голосов против 7. Надеясь преодолеть внутри ЦК сопротивление заключению мира

решение было отвергнуто. Этим было предопределено все. Анализ мотивов, благодаря которым было принято то, а не иное решение, мы оставим в заключительной части нашего изложения; теперь перейдем только к фактической стороне.

Однако открыто это решение еще не было оглашено, и на заседаниях происходившего тогда III Всероссийского съезда Советов по вопросу о внешней политике было принято решение оставить Народному комиссариату иностранных дел карт-бланш по вопросу о дальнейшей политике. Зато на заседаниях фракций как коммунистической, так и левоэсеровской командная власть в выпуклых фактах обрисовала создававшееся положение, дабы поставить верховный орган Советской власти в известность о том, что есть. Немедленно же после съезда на историческом заседании Совета Народных Комиссаров был принят декрет об образовании Рабоче-Крестьянской Красной Армии на добровольческих началах за вознаграждение в 50 рублей. Одновременно на заседаниях военной секции III съезда был подвергнут тщательной разработке вопрос о практических мероприятиях по ее созданию и были одобрены положения, уже принятые на вышеупомянутых фронтовых совещаниях Северного и Западного фронтов. Судьбе угодно было, однако, уготовить нашей революции еще одно испытание. По возвращении в Ставку на экстренном новом заседании представителей фронта и военных специалистов командная власть еще раз выступила с докладом о положении вещей, надеясь все же спасти положение, так как решение партийного совещания все же не было окончательным и могло быть перерешено. Вспыхнувшая к этому времени забастовка в Берлине окрылила надежды русских революционеров, и даже представители находившегося в отчаянном положении Западного фронта заколебались и воздержались при окончательном голосовании по вопросу о принятии немецких предложений. Представители Северного фронта, где стояли латышские полки, голосовали против мира, надеясь, что при помощи этих полков удастся сдержать неприятеля. Специалисты, «по долгу присяги», голосовали против мира. Вести о забастовке в Берлине были восприняты как вести о революции... *и мир был отклонен и на этом совещании.* Оставалось только спешно вооружаться. Все силы были брошены в эту работу. Так продолжалось до 11 февраля, когда ночью, глубокой ночью, от Троцкого была получена телеграмма: «Объявите демобилизацию по всему фронту...». Это означало, что мирные переговоры были прерваны и что Россия, согласно точке зрения Троцкого, восторжествовавшей на партийном совещании, объявила всему миру о своей позиции: «ни мира, ни войны»...

А через неделю, 18 февраля, началось немецкое наступление, и к 25-му немцы, заняв Псков, уже были под Петроградом, к 3 марта они были уже в Нарве и одновременно по всем дорогам, не встречая сопротивления, двинулись и заняли Луцк, Ровно, Жмеринку, Киев, Минск, Могилев, Двинск, Режицу, Полоцк, Оршу, Ревель и почти подошли к Ямбургу... Армия бросилась бежать, бросая все, *сметая все на своем пути, сметая те части, которые выдвигались для защиты из центра, наспех мобилизованные внутри страны.*

и добиться перелома, Ленин внес предложение о всяческом затягивании переговоров, которое и было принято. См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б), Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 173.

Была скомкана и вся работа по организации Красной Армии...

На этом моменте краха мы остановимся подробнее, как на исключительном по своей важности историческом и социологическом моменте.

Оставшись в меньшинстве на совещании в Ставке в конце января, когда даже представители Западного фронта заколебались, командная власть вручила тов. Ленину две докладные записки, в одной из которых писала: «Сведения о состоянии армии, которые даны в приложенной записке, рисуют картину катастрофы. Голод и неуверенность в мире сделали свое дело. Постановлениями отдельных корпусных комитетов демобилизуются в отдельных корпусах все года по 1919 включительно. Изголодавшиеся массы бегут и, движимые инстинктом самосохранения, занимаются погромами в поисках недостающих денежных знаков и хлеба в местностях прифронтовой полосы. Недостаток фуража и ослабление конского состава делают невозможным вывоз материальной части и артиллерии. Армия оказывается неспособной больше даже стоять на позиции. Фронта фактически нет. Между тем сведения разведки делаются все тревожнее. В отдельных местах фронта идет беспощинный торг лошадьми и солдатским имуществом с немцами, в других местах немцы исправляют дороги через нашу передовую линию, надежда же на противопоставление им каких-либо революционных кадров новой армии делается все призрачнее, и необходимость заключения мира диктуется уже теперь не невозможностью сопротивления, а невозможностью произвести организованный отход и спасти стоящую миллиарды материальную часть. Это заставляет отвергнуть как неприемлемое решение «войны не вести и мира не подписывать», и мы обязаны подписать мир. Мы обязаны это сделать тем больше, чем успешнее наши действия на внутренних фронтах. Необходимость напряжения всех сил для урегулирования и закрепления Советской власти требует обеспечения от демобилизующего положения «ни войны, ни мира» и от объективно неизбежных потерь на внешнем и внутренних фронтах, ибо немцам представляется слишком легкая и заманчивая добыча, чтобы они на нее не покусились. С другой стороны, население уже свыкло и не будет в массе протестовать против сепаратного мира на каких угодно условиях. У Советской власти все же будут развязаны руки. Объективно неизбежной мировой революции такой мир также едва ли даст слишком длительную отсрочку. Самое же главное: при той постановке работы, какая сейчас имеется в военном ведомстве, едва ли можно надеяться на быстрое формирование Красной Армии для объективно все же неизбежного, чтобы там ни говорили, противодействия немцам». В конце записки революционная командная власть ходатайствовала об отставке при неутверждении точки зрения ее докладной записки...

Цитируемый документ слишком красноречив, слишком говорит сам за себя и слишком был оправдан затем последующими печальными общеизвестными фактами нашей истории, чтоб нам нужно было останавливаться подробно. Точка зрения «ни мира, ни войны» одержала верх. Допущенная ошибка была впоследствии осознана самим Троцким в его публичном выступлении на VI Всероссийском съезде в Москве. Но дорого пришлось заплатить России за эту ошибку.

В самом начале мы писали о двух определяющих тактику военной и международной политики Советской власти исходных точках зрения.

С одной стороны, это было сознание невозможности сражаться для России и неизбежности и предопределенности нашего военного краха, с другой — ожидание такого же краха в армиях враждебных стран, в частности в германской. Первая точка зрения представлена была в цитированной докладной записке командной власти, другая подчеркивалась Троцким. Все были согласны, что оба краха неизбежны. Но из Германии шли как раз известия о начавшейся там революционной забастовке рабочих Берлина. Сам Гофман экстренно выехал из Бреста в Берлин. Такие же известия шли из Вены. Можно было ожидать, что забастовка разрастется в Октябрьскую революцию в Германии. При таких условиях было бы преступно не выждать развития событий. Но если можно было принять во внимание эти обстоятельства при решении вопроса о мирной дальнейшей политике, то иначе приходится отнестись к другому рода аргументам, выставленным другими товарищами, защищавшими позицию *революционной войны во что бы то ни стало*. Здесь была область господства голой революционной фразы и фетишистского преклонения перед лозунгом «мира без аннексий». Эти товарищи забыли, что еще в марте 1915 г. на Бернской заграничной конференции нашей партии большевики боролись против абсолютного преклонения перед этим лозунгом, называя его «поповским» и противопоставляя ему лозунг гражданской войны как метода прекращения мировой бойни. Невозможность для социалиста подписать аннексионистский мир, голый *принцип* — вот что руководило этими товарищами. Эта точка зрения, конечно, была недопустима целиком для марксистов, но *вместе* со сторонниками точки зрения Троцкого обе группы составили большинство. *Живая конкретная политика* пошла по руслу этих групп. *Абстрактная истина* была отодвинута на задний план перед *конкретной*. И результаты сказались — ошибка была допущена.

18 февраля — день начала немецкого наступления. Немцы двинулись всем фронтом сразу по главным железнодорожным и грунтовым путям. Около Минска авангардом для них послужил польский корпус Довбор-Мусницкого, на Украине — остатки украинских войск, на Румынском фронте — румынские армии, на севере — отряды финских белогвардейцев. Положение всей Советской власти стало критическим, и все завоевания первых четырех месяцев оказались утрачены. Тогда-то в ночь на 25 февраля Петроградский Совет ударил в пабат с призывом всех могущих держать оружие под ружье... и на следующий день весь Питер ожил и Смольный закипел новой жизнью. Рабочие всех фабрик, работницы шли непрерывною струей, снаряжались, присоединялись к уже организованным группам и шли и шли на фронт под Нарву, под Псков, под Дно, на защиту подступов к Петрограду. Матросы из Гельсингфорса и Кронштадта опять, как прежде, поднялись как один... Это была та новая революционная армия, на которую единственно можно было опереться, но она имела все недостатки старой армии революционных партизан и, непобедимая в бою с петлюровцами или каледицами, была бессильна в военном отношении перед дисциплинированными полками регулярных немецких войск. Но главным препятствием являлись остатки старой армии, которые не давали возможности каких-либо правильных военных действий даже для этих импровизированных отрядов...

При таких условиях особо высланной спешно мирной делегацией, *не читая, был подписан* гораздо более тяжкий, чем в первоначальном проекте, *Брестский мир*.

Каковы же общеисторические и социологические итоги изложенного периода? Вот они:

1. *Все до одной* империалистические армии *всех* государств осуждены рано или поздно в той или иной степени пережить судьбу русской армии и умереть от *внутреннего разложения*, начавшегося с момента русской революции 27 февраля 1917 г. Формы этого разложения, степень *остроты кризиса* для каждой данной армии трудно предугадать, но оно неизбежно и уже охватило Румынию, Турцию, Австрию, Болгарию, Германию, Украину, Дон и начинает охватывать англичан и французов.

2. Национальный момент не в силах, или, вернее, в силах только временно, воодушевить умирающие армии. Его значение и влияние стирается под влиянием более основного — классового момента, разделяющего все население в капиталистическом строе на два лагеря, причем этот национальный момент тем скорее теряет свое обаяние, чем откровеннее политика буржуазии против своего пролетариата соединяется с иностранной буржуазией.

3. Но в тот же переходный период для борьбы с еще не умершими империалистскими армиями могут иметь шансы на победу не партизанские революционные отряды, а стройная дисциплинированная армия во всеоружии техники войны.

4. Выборный принцип и принципы самоуправления в этой армии теряют то значение, какое имели прежде в старой армии, выдвигавшиеся как орудие самообороны массы против чуждого и враждебного ей в классовом отношении командного состава. Новая армия, построенная сплошь на классовом принципе, даже в первый период своего строения этим принципам значения не придавала.

5. На смену идет новая классовая армия революционной власти, которая одна только имеет шансы на существование, по крайней мере в ближайший переходный период, до полного уничтожения всяких армий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ

А. И. МОЛОКА *

В бумагах Александра Ивановича Молока сохранился «Список печатных работ», составленный им, по-видимому, в начале 1960-х годов и содержащий перечень его основных трудов (82 названия). Список включает шесть тематических разделов, которые сам автор полагал главными темами своей научной деятельности:

- I. По истории Парижской коммуны 1871 г. (25 назв.);
- II. По истории революции 1848 г. во Франции (12 назв.);
- III. По истории июльской революции 1830 г. во Франции (6 назв.);
- IV. По истории Великой Французской буржуазной революции XVIII в. (4 назв.);
- V. По другим историческим темам (24 назв.);
- VI. Учебники, учебные пособия и хрестоматии (11 назв.).

Этот «Список», положенный в основу настоящей библиографии, здесь уточнен и значительно расширен в соответствии с задачами историографического издания. Составители стремились также возможно полнее выявить и представить литературную работу А. И. Молока в различных жанрах его многолетней научной, педагогической и историко-публицистической деятельности.

Библиография включает книги, брошюры, учебные пособия, журнальные и газетные статьи А. И. Молока, а также коллективные труды, составленные при его участии, и работы других авторов, вышедшие под его редакцией. Приведены сведения о переизданиях его работ и переводах их на иностранные языки и языки народов СССР.

Статьи А. И. Молока в БСЭ, историко-публицистические статьи в периодической печати и рецензии на его работы указаны выборочно.

Так, сотрудничество А. И. Молока в советских энциклопедических изданиях, в которых он был и консультантом, и автором значительного количества статей, нашло различное отражение в библиографическом указателе. Статьи в первом издании БСЭ (22 назв.) и в «Советской исторической энциклопедии» (48 назв.) расположены в общем хронологическом порядке. Группу его статей 1949—1958 гг. для второго издания БСЭ (145 назв.), авторство которых выявлено по материалам архива БСЭ, представилось целесообразным сгруппировать вместе и выделить отдельно.

Историко-публицистическая деятельность А. И. Молока, особенно развернувшаяся в годы войны (1941—1945 гг.) на страницах ленинградских газет («Ленинградская правда», «На страже Родины», «Красный Балтийский Флот» и др.), могла быть учтена в настоящем указателе только частично.

В научной работе А. И. Молока большое место занимало участие в кол-

* Очерк В. А. Дунаевского о творческой деятельности А. И. Молока помещен в кн.: История и историки: Историогр. ежегодник, 1977. М., 1980.

лективных трудах. Поэтому в указателе с возможной полнотой зафиксированы имена его соавторов по написанию, составлению и редактированию отдельных работ, а также имена историков, под редакцией которых публиковались труды А. И. Молока. В результате удалось выявить ряд работ других историков, не учтенных в их библиографических указателях: Письмо Е. В. Тарле в редакцию журнала «Вопросы истории» (1948, № 12) по поводу рецензии А. И. Молока на его книгу «Талейран»; работу Е. В. Тарле как редактора тезисов к докторской диссертации А. И. Молока «Революция 1830 года во Франции» (1940), рецензию П. П. Щеголева (совместно с А. И. Молоком) на журнал «Историк-марксист» (1928) и др.

В раздел литературы об А. И. Молоке, кроме биографических материалов, включены также основные историографические работы, которые содержат сведения о нем и дают характеристику трудов А. И. Молока по главным темам его научной деятельности.

При выявлении литературы использованы каталоги и фонды Исторической библиотеки РСФСР, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Института научной информации по общественным наукам АН СССР, Библиотеки иностранной литературы, Всесоюзной книжной палаты, а также материалы личного архива А. И. Молока. Сведения о переводах уточнены по каталогам переводных изданий, публикуемых ЮНЕСКО (Index translationum/UNESCO. Paris, 1949—1975. N 1—28).

Вся ученная литература просмотрена de visu. Ряд необходимых пояснений приведен в подстрочных примечаниях.

Составители библиографического указателя Ф. А., Ю. А. и Д. Ю. Молок.

1916

Молодые порывы: [Сб. ист.-лит. кружка при Юрьевской гимназии] / Предисл. И. Соколова.— Юрьев.— Подпись: А. Малок.

Из содерж.: 5 стихотворений, с. 12—13, 17, 25, 31—32, 35; Два мира: (Очерк), с. 18—24.

1922

Народное просвещение во время Парижской коммуны 1871 года / Под ред. и с предисл. Б. Б. Беккера.— М.; Пг.— 56 с.

Рец.: *Захар Я.*— Красный студент, 1923, № 2/3, с. 10, 11; *Слуцкий А.*— Печать и революция, 1923, кн. 7, с. 176, 177.

1924

Очерки быта и культуры Парижской коммуны 1871 года. Л. 127 с.— Пер. на укр. яз.: Молок А. И. Нариси побуту й культури Паризької кому-

ни 1871 року.— Харьков, 1925.— 95 с.

Рец.: *Б. а.*— Книжные новости, № 1/2, с. 74; *Лукин-Антонов Н.*— Печать и революция, кн. 4, с. 195—197; *Петрова В.*— Под знаменем марксизма, № 8/9, с. 316, 317; *В. Б.*— Известия, 20 нояб.; *Авербух Р.*— Известия, 1927, 6 марта; *Куниский С. Д.*— Историк-марксист, 1927, т. 3, с. 198.

Первый Интернационал (28 сент. 1864 г.— 28 сент. 1924 г.).— Л.— 120 с.— Псевд.: А. Самойлов-Кринский¹.

1925

Максим Вильом: [Некролог].— Ленингр. правда, 1 дек.— Подпись: А. М-к.

Парижская коммуна 1871 года в документах и материалах: (Хрестоматия). С прил. карт. и факс. док.— М.; Л.— 583 с.

¹ Псевдоним А. И. Молока — А. Самойлов-Кринский — раскрыт на основании дарственной надписи на экземпляре книги «Первый Интернационал», подаренной им в 1924 г. жене, С. И. Кринской.

Из содерж.: Прил.: 1. Хронологическая канва Парижской коммуны, с. 567—573; 2. Общий список членов Парижской коммуны, с. 574—581; 3. Что читать о Парижской коммуне, с. 582.

Рец.: *Б. а.*—Новая кн., № 3/4, с. 14; *Клевенский М.*—Вестн. кн., № 4, с. 76, 77; *Авербух Р.*—Печать и революция, 1927, кн. 2, с. 127, 128; *Она же*—Известия 1927, 6 марта; *Куниский С. Д.*—Историк-марксист, 1927, т. 3, с. 199.

Парижская коммуна и крестьянство: Probl. смычки города и деревни в революцию 1871 года.—Л.; М.—80 с.

Рец.: *Великовский М.*—Книгоноша, № 17, с. 19; *Б. а.*—Новая кн., № 3/4, с. 14; *Клевенский М.*—Вестн. кн., № 4, с. 75, 76; *Авербух Р.*—Печать и революция, кн. 2, с. 124, 125; *Она же*—Известия, 1927, 6 марта; *Куниский С. Д.*—Историк-марксист, 1927, т. 3, с. 198.

Ред. и предисл.: *Вильом М. В дни Коммуны: (Зап.)* / Пер. с фр. А. Манизер.—Л.—347 с.

Из содерж.: Предисловие, с. 3—5.

Рец.: *Д. З. [Д. Заславский]*—Ком. ун-т на дому, кн. 2, с. 242, 243; *М. К.*—Вестн. кн., № 4, с. 83, 84; *П. Н.*—Известия, 18 марта; *Авербух Р.*—Печать и революция, 1927, кн. 2, с. 122, 123.

Предисл.: *Талес К.* Коммуна 1871 года / Пер. с фр. В. М. Вельского.—Л.—162 с.²

Из содерж.: Предисловие, с. 3—6.

Примеч.: *Лавров П. Л.* Парижская коммуна 18 марта 1871 года: С прил. отрывков из писем П. Л. Лаврова к Е. А. Штакеншнейдер.—Л.—254 с.

Из содерж.: Примечания, с. 229—254.

Рец.: *Авербух Р.*—Печать и революция, 1927, кн. 2, с. 126; *Куниский С. Д.*—Историк-марксист, 1927, т. 3, с. 198.

1926

Моряки в Парижской коммуне

1871 г.—Ленингр. правда, 18 марта.

Ред. и предисл.: *Буржен Ж.* История

коммуны: Пер. с фр.—Л.—138 с.

Из содерж.: Предисловие, с. 3—7.

Рец.: *Великовский М.*—Книгоноша, № 11, с. 26; *Браславский И.*—Печать и революция, кн. 4, с. 150—152; *Авербух Р.*—Печать и революция, 1927, кн. 2, с. 124; *Куниский С. Д.* Историк-марксист, 1927, т. 3, с. 196, 197.

Предисл.: *Мишель Л.* Коммуна: (Из воспоминаний) / Пер. с фр. В. Пяста.—М.; Л.—220 с.

Из содерж.: Вместо предисловия к русскому изданию, с. 5—8.

Рец.: *Авербух Р.*—Печать и революция, 1927, кн. 2, с. 124.

Ред. и примеч.: *Маркс К.* Гражданская война во Франции 1871 года: С прил. обоих воззваний Генерального Совета Международного товарищества рабочих по поводу франко-прусской войны и писем и статей К. Маркса и Ф. Энгельса о Парижской коммуне.—Л.—206 с.

Из содерж.: Примечания, с. 103—204.

1927

Валлес Ж.—В кн.: БСЭ, т. 8, стб. 655, 656.—Совместно с М. Эйхенгольцем. Подпись: А. М-к.

Военный трибунал Парижской коммуны.—Под знаменем марксизма, № 6, с. 160—173.

Публ. и примеч.: Из последних дней коммуны: (Неопубл. обращение Генерального Совета I Интернационала к амер. секциям).—Ленингр. правда, 18 марта.

Парижская коммуна 1871 г.—Л.—185 с.—(Сер. Всеобщая история).

Рец.: *Sée H.* La Vie économique de la France sous la monarchie censitaire (1815—1846). Paris, 1927.—Историк-марксист, т. 6, с. 272—274.

Рец.: *Захер Я. М.* Революция 1848 г. в Германии. Л., 1927.—Историк-марксист, т. 6, с. 274, 275.—Подпись: А. М-к.

Ред., предисл. и примеч.: *Домманже М.* Коммунар Варлен (1839—1871): С прил. отрывка из речи Варлена на суде и офиц. рапорта об его аресте и казни. Пер. с фр.—Л.—60 с.

Из содерж.: От редактора русского издания, с. 5—7.

² Кроме указанного издания, выпущенного Госиздатом, книга К. Талеса вышла в том же году на русском языке еще в двух издательствах: в ленинградском издательстве «Прибой» (переводчик не указан; предисловие Д. З.) и в харьковском издательстве «Пролетарий» (перевод Ф. Ге, без предисловия).

- Андре Лео: Из истории революционно-социалистической публицистики Парижской коммуны 1871 года.— Под знаменем марксизма, № 6, с. 133—156.
- Барлен Л.-Э.— В кн.: БСЭ, т. 9, стб. 17—19.
- Верморель О.— В кн.: БСЭ, т. 10, стб. 304, 305.— Подпись: А. М.-к.
- Военная организация Парижской коммуны и делегат Россель.— Историк-марксист, т. 7, с. 117—157.
- Россель и военно-патриотическое течение в Парижской коммуне 1871 г.— Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им А. И. Герцена, вып. 1, с. 54—63.
- Рец.: Andrieux L. A travers la république: Mémoires. Paris, 1926.— Историк-марксист, т. 7, с. 283—285.
- Рец.: Bourgin G. Les Première journées de la Commune. Paris, [1928].— Историк-марксист, т. 8, с. 212, 213.
- Рец.: Колоколкин В., Моносов С. Что такое термидор. [М.], 1928.— Историк-марксист, т. 8, с. 210—212.— Подпись: А. М.
- Рец.: Статьи по истории Запада: [Опубл.: Историк-марксист, 1926, т. 1, 2; 1927, т. 3—6].— В кн.: Проблемы марксизма: Ст. и исслед. Л., с. 354—358.— В надзаг.: Ленингр. НИИ марксизма. Совместно с П. П. Щеголевым.

1929

- Врублевский В.— В кн.: БСЭ, т. 13, стб. 479, 480.
- Гаагский конгресс 1-го Интернационала.— В кн.: БСЭ, т. 14, стб. 156, 157.
- Немного истории.— В кн.: Новый Вавилон. (Эпизоды из эпохи франко-прусской войны и Парижской коммуны). В 8-ми ч./Сценарий и постановка Г. Козинцева, Л. Трауберга; Консультант А. И. Молок. Л., с. 27—31.— В надзаг.: Ленингр. кинофабрика Совкино.

1930

- Вильом М.— В кн.: БСЭ, т. 11, стб. 17.— Подпись: А. М.
- Винуа Ж.— В кн.: БСЭ, т. 11, стб. 177.— Подпись: А. М.-к.
- Гранье де Кассаньяк Б.-А.— В кн.: БСЭ, т. 18, стб. 823, 824.— Подпись: А. М.-к.
- Груссе П.— В кн.: БСЭ, т. 19, стб. 669, 670.— Подпись: А. М.-к.

- Июньское восстание 1848 года.— В кн.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (28.XII.1928—4.I.1929). М., т. 2, с. 213—223; Заключительное слово.— Там же, с. 235—238.
- Июньское восстание 1848 года и собственники провинции.— Под знаменем марксизма, № 4, с. 122—158.

1931

- Бисмарк и интервенция.— Борьба классов, № 1, с. 70—75.
- [Выступление в прениях].— В кн.: Зайдель Г., Цвибак М. Классовый враг на историческом фронте: Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Института истории при ЛОКА и Ленингр. отд-ния Общества историков-марксистов). М.; Л., с. 170—177.

1932

- Бисмарк и Парижская коммуна: От «нейтралитета» к интервенции.— В кн.: Парижская коммуна: Сб. ст. / Под ред. и с предисл. Н. М. Лукина. М.; Л., с. 102—178.
- Июньское восстание 1848 г.— Борьба классов, № 11/12, с. 243—278.

1933

- Июньские дни: Очерк истории восстания парижских рабочих 23—26 июня 1848 года.— Л.; М.— 139 с. Рец.: Кан С.— Историк-марксист, 1934, т. 3, с. 127, 128.
- Рабочее восстание в Лионе 1831 г. в исторической литературе.— В кн.: Фроман П. Рабочее восстание в Лионе 1831 г. М.; Л., с. 3—54.
- Предисл. и примеч.: Аллеман Ж. С баррикад на каторгу: Воспоминания парижского коммунара / Сокр. пер. с фр. Е. Танка.— Л.— 247 с.
- Из содерж.: Жан Аллеман и его книга: (Вместо предисловия), с. 5—11; Примеч., с. 230—245.
- Послесл., указ. имен и терминов: Кладель Л. I.N.R.I.: (Роман) / Пер. с фр. К. А. Ксаниной, Е. С. Коц; Под ред. и с предисл. А. А. Смирнова.— Л.— 242 с.
- Пер. с фр.: Фроман П. Рабочее восстание в Лионе 1831 г.— М.; Л.— С. 57—128.

1934

Карл Маркс и июньское восстание 1848 года в Париже.— Л.; М.— 192 с.

Рец.: Далин В.— Известия, 12 июля.

Маркс и «Новая Рейнская газета» в дни июньского восстания 1848 г. и его подавления.— В кн.: Маркс и революционное движение XIX века: (Сб. ст.). Л., с. 49—96.

I Интернационал: (К 70-летию со дня его основания).— Парт. учеба, № 15, с. 4—13.

Рец.: Zévaès A. Une révolution manquée (l'Insurrection du 12 roi 1839). Paris, 1933.— В кн.: Исторический сборник. Л., т. 3, с. 343—349.

1935

Как рабочие Германии защищали в 1871 г. дело Коммуны.— Парт. учеба, № 7, с. 16—21.

Послел. и примеч.: Золя Э. Разгром: Пер. с фр. / Под ред. А. А. Ольшевского.— Л.— 452 с.— (Б-ка ист. романов).

Рец.: Roux. La Restauration. 20-me ed. Paris, 1930.— В кн.: Вопросы гражданской истории. Л., вып. 1, с. 275—279.— (Труды Ленингр. отд-ния Ком. акад. при ЦИК СССР).

1936

Белый террор во Франции в 1871 году: С прил. ст. В. И. Ленина «Памяти Коммуны». (К 65-й годовщине Парижской коммуны).— М.— 72 с.

Рец.: Тагиров Р.— Борьба классов, № 7, с. 122—124.

Как Июльская революция 1830 г. была встречена в провинции.— Историк-марксист, т. 6, с. 139—163.

Курс лекций по новой истории: Стеногр.— Л.— В надзаг.: Школа пропагандистов при Ленингр. обл. и гор. комитетах ВКП(б). На правах рукописи. В отд. тетр.

Из содерж.: Европа и Северная Америка накануне французской буржуазной революции конца XVIII века. Ч. 1. 32 с.; Феодально-абсолютистский порядок во Франции накануне буржуазной революции конца XVIII века. 22 с.; Буржуазная революция во Франции конца XVIII века. Ч. 1. 25 с.; Буржуазная революция во Франции

конца XVIII века. Ч. 2. 44 с.; Франция и Европа в начале XIX века. Ч. 1. 20 с.; Франция и Европа в начале XIX века. Ч. 2. 32 с.; Франция и Европа в начале XIX века. Ч. 1, 2. [В одной кн]. 50 с.; Европа в период 1815—1830 гг. 24 с.

Франция: Ист. очерк. Июльская монархия 1830 — [18]48; Революция 1848 и Вторая республика.— В кн.: БСЭ, т. 58, стб. 583—614.

Царская Россия и революция 1830 года во Франции.— Борьба классов, № 7, с. 53—66.

П. П. Щеголев: [Некролог].— Историк-марксист, т. 3, с. 205, 206.— Без подписи.

Рец.: Шиллер Ф. П. Пoesия германской революции 1848 года: Ист.-лит. очерк.— [М.], 1934.— Историк-марксист, т. 6, с. 223—225.

1937

Интервенции 18—20 вв.: (Ист. очерк).— В кн.: БСЭ, т. 28, стб. 632—640.

Итоги изучения новой истории Запада в СССР за 20 лет.— Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук, № 5, с. 1143—1158.

Французская интервенция в Испании в 1823 году.— Ист. журн., № 3/4, с. 173—186.

Царская Россия и июльская революция 1830 г.— В кн.: Русская культура и Франция. М., т. 1, с. 727—762. (Лит. наследство; Т. 29/30).

Шпионаж и диверсии во времена Наполеона I.— Ист. журн., № 6, с. 72—88.

Рец.: Потемкин Ф. Лионские восстания 1831 и 1834 годов. [М.], 1937.— Историк-марксист, т. 5/6, с. 189—196.

1938

Империя Наполеона накануне войны 1812 г.— Учен. зап. ЛГУ, № 19. Сер. ист. наук, вып. 1, с. 59—77.

Милльер Ж.-Б.— В кн.: БСЭ, т. 39, стб. 409.

Мишель Л.— В кн.: БСЭ, т. 39, стб. 541, 542.

Первый опыт диктатуры пролетариата.— Красная газ., 17 марта.

Союзнические войска в Париже в 1814 году и реставрация Бурбонов.— Ист. журн., № 8, с. 86—96.

Читатель газет Парижской коммуны: Ист. очерки.— Большевицкая печать, № 4, с. 10—16; Очерк первый; № 5, с. 3—9; Очерк второй,

Рец.: Тарле Е. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год. М., 1938.—Ист. журн., № 10, с. 118—123.

Рец.: Ученые записки ЛГУ. № 19. Сер. ист. наук. Вып. 1.—207 с.—Чл. редкол.; отв. ред.—Б. Д. Греков.

1938—1939

Сост. и ред. хронол. табл.: История XIX века: Пер. с фр. / Под ред. Лависса и Рамбо.—2-е изд., доп. и испр. / Под. ред. Е. В. Тарле.—М.—Т. 1—8.—Хронол. табл. сост. М. М. Малкиным, М. И. Ахун, А. Я. Манусевичем, Н. К. Сазоновой, Л. И. Думан, при участии П. Ф. Кухарского. Под руководством А. И. Молока.

1939

Борьба за свержение монархии во Франции (1790—1791 гг.).—Ист. журн., № 7, с. 1—12.

Германская интервенция против Парижской коммуны 1871 г.—Пропаганда и агитация, № 4, с. 47—52.

Германская интервенция против Парижской коммуны 1871 года. С прил. очерка В. С. Алексеева-Попова «Рабочий класс Германии в дни Парижской коммуны».—Л.—198 с.

Рец.: *Кривин* А.—Красная звезда, 15 апр.; *Т. М.*—Лит. обозрение, № 12, с. 38.

Карл Маркс и «Новая Рейнская газета».—Большевистская печать, № 9/10, с. 34—43.

Наполеон I Бонапарт.—В кн.: БСЭ, т. 41, стб. 108—139.—При участии Н. Левицкого (военная часть).

Наполеон III.—В кн.: БСЭ, т. 41, стб. 139—144.

Национальная гвардия.—В кн.: БСЭ, т. 41, стб. 364—367.

Национальной гвардии Центральный комитет.—В кн.: БСЭ, т. 41, стб. 371, 372.

Авт. глав: Новая история: (Учебник для ун-тов и пед. ин-тов) / Под ред. Е. В. Тарле и др.—М.—Ч. 1. 1789—1870.—571 с.

Из содерж.: Гл. 9. Термидорианский конвент. Директория, с. 152—174; Гл. 10. Консульство и империя во Франции, с. 171—188; Гл. 11. Европа во время французской буржуазной революции и империи Наполеона, с. 188—216; Гл. 12. Первая

реставрация Бурбонов. Людовик XVIII. Сто дней. Вторичное возвращение Бурбонов, с. 216—220; Гл. 13. Венский конгресс. Европейская реакция. Священный союз. Революция в Испании. Образование независимой Греции, с. 220—229; Гл. 14. Вторая реставрация во Франции и буржуазная революция 1830 г., с. 230—243; Гл. 15. Июльская монархия во Франции (1830—1848), с. 243—253; Гл. 18. Англия в 1815—1848 гг., с. 266—276; Гл. 19. Англия после парламентской реформы 1832 г., с. 276—288; Гл. 25. Англия в 50—60-х годах XIX в., с. 387—407; Гл. 31. Вторая империя во Франции (1852—1864), с. 481—491; Гл. 33. Испания с 30-х по 70-е годы XIX в., с. 522—531;

Рец.: *Якобсон Л., Николаева А.*—Ист. журн., 1940, № 4/5, с. 142; *Волгин В.*—Ист. журн., 1940, № 7, с. 106—110; *Ерофеев Н., Осипов М.*—Там же, с. 110—119.—Отчет об обсуждении 1-й части учебника для вузов по «Новой истории» в МГУ.

Авт. глав: Новая история: (Учебник для ун-тов и пед. ин-тов) / Под ред. Е. В. Тарле и др.—М.—Ч. 2. 1870—1918. 603 с.

Из содерж.: Гл. 11. Испанская монархия в последней четверти XIX в., с. 175—178; Гл. 23. Кризис испанской монархии в начале XIX в., с. 339—342; Гл. 24. Буржуазная революция 1810 г. в Португалии, с. 342—346.

Рец.: *Арк. А.-н (Анекштейн А.)*—Ист. журн., 1940, № 8, с. 155; *Сомин Н.*—Историк-марксист, 1940, т. 8, с. 118—125.—Отчет об обсуждении 2-й части учебника для вузов по «Новой истории» в МГУ.

Общество времен года.—В кн.: БСЭ, т. 42, стб. 586, 587.

Парижская коммуна, 1789—1794.—В кн.: БСЭ, т. 44, стб. 188—190.

Парижская коммуна, 1871.—В кн.: БСЭ, т. 44, стб. 190—192.

75-летие Первого Интернационала.—Правда, 28 сент.

Трибуны Конвента.—Правда, 14 июля.

Флот Парижской коммуны: (Ист. очерк).—Краснофлотец, № 5, с. 12—14.

Рец.: Против фашистской фальсификации истории: Сб. ст. / Под общ. ред. Ф. И. Нотовича. М.; Л., 1939.—

Под знаменем марксизма, № 7, с. 194—206.

Рец.: Тарле Е. Наполеон. [М.], 1939.— Кн. и пролет. революция, № 10, с. 114—119.

Ред.: Ученые записки ЛГУ. № 32. Сер. ист. наук. Вып. 2.— 170 с.— Чл. редкол.; Отв. ред. Б. Д. Греков.

Ред.: Ученые записки ЛГУ. № 36. Сер. ист. наук. Вып. 3.— 278 с.— Чл. редкол.; отв. ред. И. В. Степанов.

Ред.: Ученые записки ЛГУ. № 39. Сер. ист. наук. Вып. 4.— 258 с.— Чл. редкол.; отв. ред. О. Л. Вайнштейн.

Ред.: Ученые записки ЛГУ. № 48. Сер. ист. наук. Вып. 5.— 230 с.— Чл. редкол.; отв. ред. А. Л. Фрайман.

1940

Предисл.: *Мээн А.-Т.* Влияние морской силы на французскую революцию и империю (1793—1812): Пер. с англ. В 2-х т.— М.; Л.— Т. 1. 292 с.

Из содерж.: Предисловие, с. 3—13.

Парижская коммуна.— Ленингр. правда, 18 марта.

Публицист Парижской коммуны: [Андре Лео].— Большевицкая печать, № 9, с. 41—44.

Революция 1830 года во Франции: Тез. к дис. ...д-ра ист. наук/Отв. ред. Е. В. Тарле.— Л.: ЛГУ, 1940.— 15 с.

Традиции французской революции XVIII века в революционной борьбе XIX и XX веков.— Учен. зап. ЛГУ, № 52. Сер. ист. наук, вып. 6, с. 4—55.

Рец.: Новая книга по истории Парижской коммуны: [Керженцев П. М. История Парижской коммуны. М., 1940].— Ленингр. правда, 19 окт.

Отв. ред.: *Вайнштейн О. Л.* Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней.— М.; Л.— 375 с.

Отв. ред.: Ученые записки ЛГУ. № 52. Сер. ист. наук. Вып. 6: [Сб. работ кафедры истории нового времени ист. фак. ЛГУ к 150-летию фран-

цузской революции XVIII в.].— 276 с.

Из содерж.: От редакции, с. 3.

1941

Боевые традиции парижских рабочих.— М.— 44 с.

Ввод. ст.: К истории революции 1830 г. в Бельгии: Публикация/Подгот. к изд. и коммент. М. И. Рыбаковой.— Красный арх., т. 1, с. 199—206.

Крах Наполеона.— На страже Родины, 27 июня.

Мои замечания и пожелания «Ленинградской правде»: (Читатель о газете).— Ленингр. правда, 5 мая.

Народ, разгромивший Наполеона, разгромит и Гитлера.— На защиту Ленинграда³, 2 июля; Пропаганда и агитация, № 13, с. 19—24.— Доп. вариант.

О работе К. Маркса «Гражданская война во Франции».— Пропаганда и агитация, № 5, с. 29—38.

Роялисты.— В кн.: БСЭ, т. 49, стб. 501, 502.

70-я годовщина Парижской коммуны.— Ленингр. правда, 18 марта.

Авт. разд.: Французская буржуазная революция, 1789—1794/Под ред. В. П. Волгина, Е. В. Тарле.— М.; Л.— 851 с.

Из содерж.: Гл. 3. Разд. 6. Контр-революция и эмиграция, с. 96—103; Разд. 7. Республиканское движение, с. 103—108; Разд. 8. Реакционная политика Учредительного собрания, с. 108—117; Разд. 9. Рост демократического движения и новая волна эмиграции, с. 117—123.

Чернышевский и революция 1848 года.— В кн.: Н. Г. Чернышевский (1889—1939): Тр. науч. сессии [ЛГУ] к пятидесятилетию со дня смерти/Отв. ред. В. Е. Евгеньев-Максимов. Л., с. 305—318.

Рец.: Документы Отечественной войны 1812 года: [К выходу в свет кн.: Отечественная война 1812 г.: Сб. док. и материалов/Под ред. Е. В. Тарле и др. Л.; М., 1941].— На страже Родины, 1 авг.; Пропаганда и агитация, № 14/15, с. 60, 61.— Доп. вариант.

Рец.: Керженцев П. История Парижской коммуны 1871 года. [М.], 1940.— Историк-марксист, т. 3, с. 125—129.

³ Ежедневная газета Ленинградской армии народного ополчения.

1942

Порабощенные народы Европы в борьбе с немецко-фашистским игом.— [Саратов].— 79 с.

1944

Вольные стрелки во Франции во время войны 1870—1871 годов.— Ист. журн., № 2/3, с. 48—56.— Пер. на фр.: *Idem.*— *J. hist.*, N 2/3.— Доп. вариант.

Извечные враги свободы и независимости народов Европы.— Пропаганда и агитация, № 17, с. 13—22.

История Франции в трудах Н. Г. Чернышевского: Науч. сессия, посвящ. 125-летию ЛГУ. Тез. докл.— Л.— 3 с.— Отд. отт.— То же.— В кн.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ: Секция ист. наук. Л., 1948, с. 249—263.— Доп. вариант.

Наследственный враг Франции: Зверства немецких оккупантов во Франции в 1870—1871 гг.— Огонек, № 19, с. 15.

Париж свободен.— Ленингр. правда, 1 сент.

1945

27 января 1944 г.— 27 января 1945 г.: [К 1-й годовщине ликвидации блокады Ленинграда].— Ленингр. ун-т, 27 янв.

История Франции нового времени в трудах русских историков.— Ист. журн., № 1/2, с. 49—62.

Немецкий военный разбой в Европе (X—XX века).— Л.— 272 с.

Революция 1848 г. и Вторая республика во Франции: Стеногр. лекции.— М.— 24 с.— В надзаг.: Ленинские курсы при ЦК ВКП(б). На правах рукописи.

1946

Американские отклики на французскую революцию 1830 года.— Науч. бюл. ЛГУ, № 8, с. 30—33.

Виктор Гюго и борьба за демократию во Франции и Европе.— Звезда, № 4, с. 163—172.

Июньские дни 1830 года в Париже.— Ист. зап., т. 20, с. 189—238.

Рец.: *И. Б.*— Вопр. истории 1947, № 8, с. 148.

К 75-летию Парижской Коммуны.— Пропаганда и агитация, № 5, с. 20—30.

Ордонансы 25 июля 1830 года и их подготовка.— Вопр. истории, № 7, с. 75—95.

75-летие Парижской коммуны.— Бюл. Пресс-бюро «Правды», № 18. Франция и Европа в 1795—1815 годах: Стеногр. лекций.— М.— 43 с.— В надзаг.: Ленинские курсы при ЦК ВКП(б). На правах рукописи. Рец.: Ротштейн Ф. Две прусские войны. М.; Л., 1945.— Вопр. истории, № 5/6, с. 129—133.

1946—1949

Ред. Вестник ЛГУ. Чл. редкол.; отв. ред. А. А. Вознесенский.

1947

Гаспар Монж как общественный и политический деятель.— В кн.: Гаспар Монж: (Сб. ст. к 200-летию со дня рождения)/Под ред. В. И. Смирнова. [Л.], с. 44—84.

Рец.: *Старосельская-Никитина О.*— Вопр. истории, № 9, с. 123, 124.

Ред. и вступ. ст.: *Дидро*. Собрание сочинений: В 10-ти т. М.— Т. 10. *Rossica*: Произведения, относящиеся к России/Пер. с фр., примеч. и вводные очерки П. И. Люблинского.— 567 с.

Из содерж.: Дидро о России, с. 5—39.

Отв. ред.: Ученые записки ЛГУ. № 95. Сер. ист. наук. Вып. 15.— 254 с.

1948

Европа и Парижская коммуна 1871 года.— В кн.: Труды по новой и новейшей истории. М.; Л., т. 1, с. 5—21.— Пер. на чеш. яз.: *Idem.*— In: *Parizska Komuna*: Sb. st. a materiálu/Rrel. M. Steínová. Praha, 1951, s. 44—67.

А. А. Жданов и советская историческая наука.— Вестн. ЛГУ, № 11, с. 5—24.

Июньские дни 1848 года.— Вестн. АН СССР, № 7, с. 19—38.— Сокр. пер. на рум. яз.: *Idem.*— *Analele române — sovietice* = Румыно-советские записки, vol. 3, caiet. 2, N 14, p. 255—265.

Июньские дни 1848 года: (Ист. очерк).— Преподавание истории в школе, № 3, с. 30—46.

Июньские дни 1848 года в Париже.— М.,— 148 с.— (Школ. ист. 6-ка).— Пер. на чеш. яз.: *Molok A. I. Čeravnové dni 1848 v Paříže/Přel. A. Dvořáček.*— Praha, 1951.— 154 s.— Пер. на пол. яз.: *Molok A. I. Dni czerwcowe 1848 g. w Paryżu/Tłum.*

Е. Woyzbun.— Warszawa, 1952.— 143 p.

Наследники Коммуны — против современных версальцев.— Ленингр. правда, 18 марта.

«Новая рейнская газета»: [К 100-летию выхода первого номера газ.]— Ленингр. правда, 1 июня.

Разум и совесть нашей эпохи: [К 100-летию Манифеста Коммунистической партии].— Ленингр. правда, 27 февр.

Рец.: Вольтер: Ст. и материалы/Под ред. В. П. Волгина. М.; Л., 1948.— Вестн. АН СССР, № 11, с. 110—116.

Рец.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947.— Ленингр. правда, 23 апр.; Вестн. ЛГУ, № 5, с. 147—153.— Доп. вариант.

Рец.: Тарле Е. Талейран. М.; Л., 1948.— Вопр. истории, № 10, с. 157—160.— Пер. на фр. яз.: Idem.— Pensée, 1949, N 24, p. 78—82.

Тарле Е. Письмо в редакцию: [по поводу рец. А. И. Молока на кн.: «Талейран»].— Вопр. истории, № 12, с. 185.

Рец.: Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 62. Кафедра новой истории/Ред. Ф. Ф. Головачев. Л., 1948.— Вопр. истории, № 12, с. 165—169.

Отв. ред.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция ист. наук.— Л.— 276 с.

1949

Карл Либкнехт и Роза Люксембург: (К 30-летию со дня злодейского убийства).— Ленингр. правда, 15 янв.

Курс всеобщей истории: Новая история. Стеногр. лекций.— М.— В надзаг.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). В отд. тетр.

Из содерж.:

Венский конгресс и Священный союз; Франция в период реставрации Бурбонов (1815—1831 гг.).— 34 с.— Пер. на венг. яз.: Molok A. I. A Bécsi Kongresszus és a Szent Szovetseg.— Budapest, 1952.

Германия и Австрия в 1815—1847 годах; К. Маркс и Ф. Энгельс. Возникновение научного социализма; Революция 1848 г. в Германии и Австрийской империи.— 71 с. Пер. на венг. яз.: Molok A. I. Németország és Ausztria 1815—1847 — ben; Marx és Engels. A tu-

dományos szocializmus keletkezése; Az 1848-as forradalom Németországban és az Osztrák császárságban/Ford. E. Zalai.— Budapest, 1952.— 110 l.— Idem.— 2. kiad.— Budapest, 1954. 103 l.— Пер. на нем. яз.: Molok A. I. Deutschland und Österreich 1815—1847; Karl Marx und Friedrich Engels. Die Entstehung des Wissenschaftlichen Sozialismus; Die Revolution von 1848 in Deutschland und Österreich.— Berlin, 1952.— 96 S.— Пер. на чеш. яз.: Molok A. I. Německo a Rakousko v letech 1815—1847; Karel Marx a Bedřich Engels. Vznik vědeckého socialismu; Revoluce roku 1848 v Německu a v Rakouské říši Těsнопiany záznam přednášek/Přel. J. Křížek.— Praha, 1953.— 73 s.

Европа после революции 1848 года; Англия и Франция в 50—60-х годах XIX века.— 24 с.— Пер. на венг. яз.: Molok A. I. Európa az 1848. évi forradalmak után; Anglia és Franciaország a XIX. sz. ötvenes-hatvanas éveiben/Ford. G. Nánási.— Budapest, 1951.— 34 l.

Европа 1794—1815 гг.— 32 с.— Пер. на венг. яз.: Molok A. I. Európa 1794-től 1815-ig/Ford. A. Székely.— Budapest, 1952. Италия после Венского конгресса; Революция 1848—1849 гг. в Италии; Воссоединение Италии и Германии [в самостоятельные государства].— 32 с.— Пер. на венг. яз.: Molok A. I. Olaszország a Bécsi kongresszus után; Az 1848—1849. évi Olasz forradalom; Az Olaszés a német egység.— Budapest, 1951.— 47 l.

Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789—1794 гг. во Франции.— 65 с.— Совместно с Ф. В. Потемкиным.— Пер. на венг. яз.: Potyemkin F. V., Molok A. I. A feudális abszolútizmus válsága és az 1789—1794. évi Francia polgári forradalom/Ford. I. Terényi.— Budapest, 1952.— 84 l.— Idem.— 2. kiad.— Budapest, 1954.

Первый интернационал.— 20 с.— Пер. на венг. яз.: Molok A. I. Az I. Internacionale/Ford. E. Zalai.— Budapest, 1953.— 27 l.— Idem.— 2. kiad.— Budapest, 1954.— 27 l. Пер. на нем. яз.: Molok A. I. Die Erste I. Internationale.— Berlin, 1952.— 25 S.

Революция 1848 года и Вторая республика во Франции.— 22 с.— Пер. на венг. яз.: Molok A. I. Az

1848-as forradalom és a második köztársaság Franciaországban/Ford. E. Zalai.— Budapest, 1951.— 35 l.

Франко-прусская война и Парижская коммуна; Франция 1870—1914 годов.— 59 с.— Совместно с И. С. Галкиным.— Пер. на венг. яз.: Molok A. I., Galkin I. Sz. A Franciaország háború és a Párizsi Kommun; Franciaország 1870 és 1914 között/Ford. J. Nyirő.— Budapest, 1951.— 91 l.— Idem.— 2. kiad.— Budapest, 1953.— Idem.— 3. kiad.— Budapest, 1954.

Революция 1848 года и наша современность: Расп. стеногр. публ. лекции.— Л.— 80 с.— В надзаг.: Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний.

И. В. Сталин о Парижской коммуне 1871 г.: 6-я науч. сессия ЛГУ. Тез. докл.— 4 с.— Отд. отд.— То же.— Вестн. ЛГУ, № 12, с. 89—108.— Доп. вариант.— Пер. на фр. яз.: Idem.— Cahiers du communisme, 1952, N 3, p. 288—309.

[Е. В. Тарле]: Краткая характеристика научной и общественной деятельности.— В кн.: Евгений Викторович Тарле. М.; Л., с. 5—15. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. ист. наук; Вып. 3).

1949—1958

Ред. и авт. ст. 4.: Большая Советская Энциклопедия.— 2-е изд.— М., 1949—1958.— Т. 1—51.— Ред.-консультант разд. «Всеобщая история».

Из содерж.: Бельгия: (Ист. очерк), т. 4, с. 551—564. Совместно с М. П. Лесниковым и Н. И. Годуновым; Бонапартизм, т. 5, с. 556; Вандемьерский мятеж, т. 6, с. 603; Вандомская колонна, т. 6, с. 606; Варлен Л.-Э., т. 7, с. 7, 8; Дюбо Ж.-Б., т. 15, с. 349; Жаклар Ш.-В., т. 15, с. 582; Жирарден Э., т. 16, с. 180; Инар Г., т. 17, с. 609; Инар М., т. 17, с. 609; Июльская монархия, т. 19, с. 172; Июльская революция 1830 [г.], т. 19, с. 172; Июньское восстание 1848 [г.], т. 19, с. 176, 177; Каменьяк Л.-Э., т. 19, с. 245; Камелина З., т. 19, с. 482; Карбонарии, т. 20,

с. 148, 149; Келлерман Ф.-К., т. 20, с. 497; Керженцев П. М., т. 20, с. 554; Керсози И.-Р.-Т., т. 20, с. 562; Клоотс А., т. 21, с. 449, 450; Ключэре Г.-П., т. 21, с. 461; Корде Ш., т. 22, с. 567; Крезо: (История), т. 23, с. 313; Кремье Г., т. 23, с. 383; Курне Ф.-Э., т. 24, с. 104, 105; Лаверди К.-Ш.-Ф., т. 24, с. 196; Ланжевен К.-П., т. 24, с. 196; Лафайет М.-Ж.-П., т. 24, с. 367; Леба Ф.-Ф.-Ж., т. 24, с. 376; Левассер Р., т. 24, с. 391; Левассер Э., т. 24, с. 391; Ледрю Роллен А.-О., т. 24, с. 441; Леманская республика, т. 24, с. 478; Лемель Н., т. 24, с. 478; Лео Андре, т. 24, с. 571, 572; Лепелетье Э., т. 24, с. 586; Лефевр Ж., т. 25, с. 59; Лефранс Г., т. 25, с. 60; Лилль: (История), т. 25, с. 126, 127; Лимож: (История), т. 25, с. 132; Лион: (Новая история), т. 25, с. 180; Лиссагаре П.-О., т. 25, с. 196; Ломбардия: (История), т. 25, с. 373; Ломбардо-Венецианское королевство, т. 25, с. 374; Лондонская конвенция 1861 [г.], т. 25, с. 396; Лувель Л.-П., т. 25, с. 442; Луи П., т. 25, с. 458; Лукка: (История), т. 25, с. 465; Люксембургская комиссия, т. 25, с. 547, 548; Люневильский мир 1801 [г.], т. 25, с. 563; Люшер А., т. 25, с. 575, 576; Малле дю Пон Ж., т. 26, с. 151; Манту П.-Ж., т. 26, с. 233; Мари А.-П.-Т., т. 26, с. 271; Мармон О.-Ф.-Л., т. 26, с. 359; Марото Г., т. 26, с. 375; Марраст А., т. 26, с. 376; Мартиньяк Ж.-Б.-С., т. 26, с. 398; Матез А., т. 26, с. 538; Мелье Л., т. 27, с. 124; Менотти Ч., т. 27, с. 154; Милан: (История), т. 27, с. 477, 478. Совместно с В. И. Рутенбургом; Мильер Ж.-Б., т. 27, с. 490; Мио Ж., т. 27, с. 559; Мишель Л., т. 27, с. 636; Мишо Ж.-Ж., т. 27, с. 638; Мобили, т. 28, с. 19; «Молодая Европа», т. 28, с. 140; «Молодая Италия», т. 28, с. 140; Морни Ш.-О., т. 28, с. 306; Мортье Э.-А., т. 28, с. 351; «Народные общества», т. 29, с. 166; «Насьональ» (газ.), т. 29, с. 228; Национальная гвардия, т. 29, с. 289, 290; Национальные мастерские, т. 29, с. 295; Невшатель: (История),

⁴ Статьи А. И. Молока в БСЭ (2-е изд.), как и других авторов, публиковались в основном без подписи. Исключение составляют три названия, вынесенные в список крупных статей: Бельгия: (Ист. очерк).— В кн.: БСЭ, т. 4, с. 551—564; Милан: (История).— В кн.: БСЭ, т. 27, с. 477, 478; Париж: (Ист. очерк).— В кн.: БСЭ, т. 32, с. 91—93.

т. 29, с. 348; Неккер Ж., т. 29, с. 384; Никотера Д., т. 30, с. 15; Новая Каледония: (История), т. 30, с. 59; Нуар В., т. 30, с. 208; «Общество 10-го декабря», т. 30, с. 425; «Общество прав человека и гражданства», т. 30, с. 427; Ожеро П.-Ф.-Ш., т. 30, с. 551; Окс П., т. 30, с. 611; Оливье Э., т. 30, с. 641; Орлеанисты, т. 31, с. 199; Орсины Ф., т. 31, с. 227; Осман Ж., т. 31, с. 289; Пагано Ф.-М., т. 31, с. 537; Пале-Рояль, т. 31, с. 600; Паллавчино-Тривульдио Д., т. 31, с. 609; Париж: (Ист. очерк), т. 32, с. 91—93; Парма: (История), т. 32, с. 124; Партенопейская республика, т. 32, с. 160; Пене Г., т. 32, с. 335; Перье К.-П., т. 32, с. 551; Пиа Ф., т. 33, с. 12; Пийо Ж.-Ж., т. 33, с. 25; Поттер Л.-Ж.-А., т. 34, с. 298; Прото Э., т. 35, с. 142; Пьемонт: (История), т. 35, с. 388, 389; Ранье Г., т. 36, с. 18; Ранк А., т. 36, с. 21; Ремюза К.-Э.-Ж., т. 36, с. 359; «Реформа» (газ.), т. 36, с. 429; Риго Р., т. 36, с. 475; Рикаволи Б., т. 36, с. 482, 483; Россель Л.-Н., т. 37, с. 12; Рощфор А., т. 37, с. 266; Себастиани О.-Ф.-Б., т. 38, с. 291; Секюр Ф.-П., т. 38, с. 368; Сент-Антуанское предместье, т. 38, с. 522; Сент-Арно А.-Ж.-Л., т. 38, с. 522; Сент-Олер Л.-К., т. 38, с. 525, 526; Стена коммунаров, т. 40, с. 594; «Сто дней», т. 41, с. 14; Сулави Ж.-Л., т. 41, с. 261; Султ Н.-Ж., т. 41, с. 266; Танучи Б., т. 41, с. 607; Тейс А.-Ф.-Ф., т. 42, с. 104; Тренке А.-Л., т. 43, с. 193; Тридон Э.-М.-Г., т. 43, с. 235; «Тысяча», т. 43, с. 529; Тюильри, т. 43, с. 537; Удино Н.-Ш., т. 43, с. 653; Удино Н.-Ш.-В., т. 43, с. 653; Фавье Ш.-Н., т. 44, с. 489; Фази Ж.-Ж., т. 44, с. 490; Федераты, т. 44, с. 567; Ферре Ш.-Т., т. 44, с. 633; Фьески Д., т. 45, с. 6; Филипп Эгалите, т. 45, с. 94; Фио Л.-Ф., т. 45, с. 200; Флерю-Леско Ж.-Б.-Э., т. 45, с. 240; Флот Б., т. 45, с. 257; Флуранс Г., т. 45, с. 266; Франтиреры, т. 45, с. 434; Фуррер И., т. 45, с. 644; Фуше Ж., т. 46, с. 8; Центральный комитет Национальной гвардии, 1871, т. 46, с. 543, 544; Чиприани А., т. 47, с. 382; Шардон Ж.-Б., т. 47, с. 531; Швидгебель, А., т. 47, с. 626; Эд Э., т. 48, с. 322; Энгленский герцог Луи-Антуан-Анри, т. 49, с. 55.

Борьба за национальную независимость в истории Франции нового и новейшего времени.— В кн.: Научная сессия 1950 г. ЛГУ: Тез. Докл. по секции ист. наук. Л., с. 43—54.

Борьба французского народа против оккупантов и их пособников в 1940—1945 гг.— Ученые записки ЛГУ, № 127. Сер. ист. наук, вып. 17, с. 77—156.

В редакцию журнала «Сов. государство и право»: [По поводу критики работы «История Франции в трудах Н. Г. Чернышевского» в ст. С. А. Покровского «Чернышевский как критик буржуазной демократии», опубл. в журн. «Сов. государство и право», 1950, № 3].— Сов. государство и право, 1950, № 7, с. 88.

Из содерж.: От редакции.— Там же.

Вступ. ст. и примеч.: *Стендаль*. Собр. соч.: В 15-ти т.— М.; Л.— Т. 14. Жизнь Наполеона; Воспоминания о Наполеоне/Пер. с фр. А. С. Квлишер. 390 с.

Из содерж.: Наполеон и его время в изображении Стендаля, с. V—XXIII; Примеч., с. 339—385.

Примеч.: *Стендаль*. Собр. соч.: В 15-ти т.— М., 1959.— Т. 11. 431 с.

Из содерж.: Примеч., с. 395—425.

Отв. ред.: Ученые записки ЛГУ. № 127. Сер. ист. наук. Вып. 17.— 275 с.

Предисл., указ. имен и терминов: *Кладель Л. Жак Ратас* (—I.N.R.I)/Пер. с фр. К. А. Ксаниной, Е. С. Коц; Ред. А. А. Смирнова.— М.; Л.— 264 с.

Рабочие Парижа в дни Коммуны.— Вопр. истории, № 3, с. 3—31; Cahiers du communisme, N 5, p. 608—622, N 6, p. 728—751; Századok (Budapest), 1951, évi 1, 2.— Пер. на венг.: Molok A. Párizs munkásai a Kommün napjaiban, — Budapest, 1951.— 31 l.— Отд. изд.

Рец.: Удальцов И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 году.— Вопр. истории, № 10, с. 136—141.

Ред.: *Березняков Н. В.* Революционное движение 1848 г. в Дунайских княжествах.— Кишинев.— 76 с.

- Воссоединение Италии и Германии в самостоятельные государства: Лекция.— М.— 19 с.— В надзаг.: Вышш. парт. школа при ЦК ВКП(б).
- Европа в 1794—1847 годах: Лекция.— М.— 115 с.— В надзаг.: Вышш. парт. школа при ЦК ВКП(б). Совместно с Ф. В. Потемкиным.
- Кризис феодально-абсолютистского порядка и буржуазная революция 1789—1794 гг. во Франции: Лекция.— М.— 56 с.— В надзаг.: Вышш. парт. школа при ЦК ВКП(б). Совместно с Ф. В. Потемкиным.
- Некоторые вопросы истории июньского восстания 1848 года в Париже.— Вопр. истории, № 12, с. 71—97.— Пер. на фр. яз.: *Idem.*— In: *Questions d'histoire.* Paris, 1954, vol. 2. *Luttes sociales et idéologies politiques en France au XIX-e siècle/Prés. par J. Bruhat,* p. 57—100.
- Революция 1848—1849 годов: Лекция.— М.— 56 с.— В надзаг.: Вышш. парт. школа при ЦК ВКП(б).
- Авт. глав.: Революции 1848—1849 г.— М.— (Б-ка всемир. истории).— Т. 1, 2.
- Из содерж.: Гл. 9. Февральская революция во Франции, т. 1, с. 161—185; Гл. 10. Временное правительство. Классовая борьба во Франции от 25 февраля до 4 мая 1848 г., т. 1, с. 186—223; Гл. 29. Июньское восстание в Париже — «первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией», т. 1, с. 521—550; Гл. 38. Наступление контрреволюции во Франции: От Кавеньяка к Луи Бонапарту, т. 1, с. 686—698; Гл. 63. Историография революций и национальных движений в 1848—1849 гг., т. 2. Разд.: Историография революции 1848 г. во Франции, с. 381—392, написан совместно с Н. Е. Застенкером; Гл. 64. Характер, движущие силы и исторические итоги революций 1848—1849 гг., с. 435—457. Совместно с С. Б. Каном, З. Липшай, К. Ф. Мизиано. Сокр. пер. на нем. яз.: *Die Revolution 1848/49/Hrsg. von F. W. Potjomkin, A. I. Molok.*— Berlin, 1956.— Bd. 1. 304 S.
- Рец.: *Галкин И. С., Манфред А. З.*— Вопр. истории, 1953, № 3, с. 84—96.
- Предисл.: *Соловьев В. А.* Золотая чума: (Измена нации). Драма в 5-ти д.— М.— 196 с.

Из содерж.: Предисловие, с. 3—10.
Рец.: Повесть о генерале Парижской коммуны: [Гранин Д. Ярослав Домбровский. М., 1951].— Знамя, № 8, с. 186—188.

Рец.: *Comité national du centenaire de 1848: Procès-verbaux du Gouvernement provisoire et de la Commission du pouvoir exécutif (24 févr.— 22 juin 1848).* Paris, 1950.— Протоколы Временного правительства и Комиссии исполнительной власти (24 февр.— 22 июня 1848 г.).— Вопр. истории, № 3, с. 147—151.

Рец.: Революции 1848—1849 [г.]: Т. 1, 2.— М.— (Б-ка всемир. истории).— Совместно с Ф. В. Потемкиным.— Т. 1. 848 с.; Т. 2. 639 с.

1953

К. Маркс и Ф. Энгельс. Возникновение научного коммунизма. Основание «Союза коммунистов»: Лекция.— М.— 30 с.— В надзаг.: Вышш. парт. школа при ЦК ВКП(б).

Авт. глав.: Методическое пособие по новой истории для 9-го класса (1870—1918)/Под ред. В. М. Хвостова.— М.— 244 с.

Из содерж.: Гл. 1. Франко-прусская война и падение Второй империи, с. 8—15; Гл. 2. Парижская коммуна 1871 года, с. 15—28; Гл. 3. Первый Интернационал в дни Парижской коммуны и после ее поражения, с. 28—31; Гл. 6. Франция в конце XIX—начале XX века, с. 82—101. Совместно с В. А. Орловым; Гл. 7. Южные и западные славяне в 1817—1914 годах, с. 101—114. Совместно с А. П. Аверьяновым; Гл. 15. Крах II Интернационала. Борьба большевиков за создание III Интернационала, с. 224—227; Гл. 17. Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, с. 234—241.

Рец. и сост.: Хрестоматия по новой истории: (Пособие для преподавателей сред. школы). Ч. 2. 1870—1918.— М.— 636 с.— При участии Л. А. Березного, В. Г. Брюнина, А. П. Вотинова, Н. М. Гольдберга, Л. В. Зелениной, Г. Р. Левина и др. Рец. совместно с В. А. Орловым.— Пер. на укр. яз.: То же.— Киев, 1954.— 600 с.

Рец.: *Кан С. Б.*— Вопр. истории, 1954, № 10, с. 166, 167.

Послесл.: *Гюго В.* Собр. соч.: В 15-ти т.— М.— Т. 5. Наполеон Малый; История одного преступления / Пер. М. П. Богословского, С. П. Бобровой, А. Н. Тетеревниковой и А. С. Кулишер; Примеч. Д. П. Прицкера. 719 с.

Из содерж.: Pamфлеты В. Гюго: «Наполеон Малый», «История одного преступления», с. 665—675.

Ред. коммент. к разд. «Публицистика»: *Мицкевич А.* Собр. соч.: В 5-ти т.— М.— Т. 5. Публицистика; Письма. 859 с.

Из содерж.: Публицистика / Пер. Е. Усевич; Под ред. М. Живова; Коммент. И. Саца, с. 45—270, 699—746.

Ред. Кинкулькин А. Т., Лейбенгруб П. С. Изучение истории первой русской революции в X классе средней школы: (Метод. материалы для учителя).— М.— 122 с. (Пед. б-ка учителя).

1955

Бессмертный подвиг французского пролетариата: (К 84-й годовщине Парижской коммуны).— Комс. правда, 18 марта.

Из неизданных документов июньского восстания парижских рабочих.— В кн.: Из истории социально-политических идей: Сб. ст. к 75-летию акад. В. П. Волгина. М., с. 549—528.

Рец.: *Вайнштейн О. Л., Чагин. Б. А.*— Вопр. истории, 1957, № 12, с. 180.

Освещение решающей роли народных масс в курсе новой истории в темах «Французская буржуазная революция XVIII в.», «Революция 1848 г. во Франции», «Парижская коммуна 1871 г.».— В кн.: Вопросы преподавания истории и Конституция СССР в школе: Сб. ст. М., с. 171—198.— Пер. на каз. яз.: То же.— Алма-Ата, 1959.— 227 с.— Отд. изд.

Рец.: *Б. а.*— Преподавание истории в школе, № 6, с. 85—92.

Практикум по новой истории: Для студентов-заочников ист. фак. пед. ин-тов.— М.— Ч. 1. (1640—1870). 168 с.

Ред.: Вопросы преподавания истории и Конституции СССР в школе: Сб. ст.— М.— 199 с.— Совместно с Н. П. Милоновым.

Авт. глав.: Новая история: Учеб. пособие.— М.— В надзаг.: Высп. парт. школа при ЦК КПСС.— Ч. 1. 1642—1870. 291 с.

Из содерж.: Гл. 6. Франция в период Директории. Консульство и империя во Франции, с. 90—108; Гл. 7. Европа в 1815—1848 годах. Первые революционные движения пролетариата, с. 109—140. Совместно с Ф. В. Потемкиным; Гл. 8. К. Маркс и Ф. Энгельс. Возникновение научного социализма, с. 141—159; Гл. 9. Буржуазные революции и национально-буржуазные движения. 1848—1849 годов, с. 160—194; Гл. 11. Воссоединение Италии и Германии в самостоятельные государства, с. 209—223. Парижская коммуна 1871 года и ее международное значение: [Лекция].— М.— 40 с.— В надзаг.: Все союз. о-во по распространению пол. и науч. знаний.

Е. В. Тарле: (Очерк жизни и деятельности).— В кн.: Тарле Е. В. Три экспедиции русского флота. М., с. 3—23.

Ред.: История французской литературы.— М.— Т. 2. 1789—1870. 730 с.— Чл. редкол. совместно с И. И. Анисимовым, Ю. И. Данилыным, А. Ф. Иващенко, М. А. Яхонтовой.

1956—1973

Послесл. и коммент.: *Гюго В.* Собр. соч.: В 15-ти т.— М., 1956.— Т. 11. Девяносто третий год / Пер. с фр. Н. М. Жарковой. 447 с.

Из содерж.: «Девяносто третий год»: Послесл., с. 393—402; Коммент., с. 402—441.

Послесл. и коммент.: *Гюго В.* Девяносто третий год.— М., 1960. 430 с.— То же.— М., 1963.— 424 с. (Б-ка ист. романа).— То же.— М.— 1972.— 399.— То же.— М., 1973.— 700 с.— (Б-ка всемир. лит.; Т. 80).

1957

Марксизм и революционный опыт борьбы масс: (К выходу в свет 7-го тома Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса).— Коммунист, № 9, с. 54—64.

Авт. глав.: Методическое пособие по новой истории: Для 9-го класса /

/Под ред. В. М. Хвостова.—2-е изд., перераб.— М.—287 с.

Из содерж.: Гл. 1. Франко-прус-ская война и Парижская коммуна, с. 9—34; Гл. 11. Первая мировая война (1914—1918), с. 244—284. Совместно с А. П. Аверьяновым и Н. М. Гольдбергом.

То же,—3-е изд.— М., 1961.

Письма трудящихся Парижа в дни Коммуны.— В кн.: Из истории общественных движений и междуна-родных отношений: Сб. ст. в па-мять акад. Е. В. Тарле. М., с. 515—529.

Революционные клубы в дни Па-рижской коммуны 1871 г.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. 109. Кафедра истории нового времени, вып. 6, с. 33—53.

Отв. ред.: Ученые записки Москов-ского государственного педагогиче-ского института им. В. И. Лени-на. Т. 109. Кафедра истории ново-го времени. Вып. 6.—245 с.

Ред.: *Роотс Л.* Шлезвиг-гольштин-ский вопрос и политика европей-ских держав в 1863—1864 годах.— Таллин.—241 с.

1958

Авт. глав: Новая история: (Учебник для ун-тов и пед. ин-тов) /Под ред. Ф. В. Потемкина (отв. ред.) и др.— М.— Т. 2. 1789—1870. 848 с.

Из содерж.: Гл. 2. Франция в пе-риод термидорианской реакции и Директории (с конца июля 1794 г. до начала ноября 1799 г.), с. 67—78; Гл. 3. Франция в период кон-сульства и империи (ноябрь 1799 г.—апрель 1814 г.), с. 79—108. Совместно с Л. Г. Бескров-ным; Гл. 14. Франция в период рес-таврации Бурбонов (1814—1830), с. 230—243; Гл. 27. Революция 1848 г. и Вторая республика во Франции, с. 440—463; Гл. 34. Франция во время Второй импе-рии (1852—1870), с. 570—587.

Ред.: *Виноградов К. Б., Корне-ев А. С., Кузьмин М. Н., Стецке-вич С. М.*— Вопр. истории, 1959, № 11, с. 164—166.

Сост. глав: Хрестоматия по новой истории: (Пособие для учителя.— М.— Ч. 1. (1642—1870).— 307 с.

Из содерж.: Гл. 7. Франция с 1815 до 1848 года, с. 152—160;

Гл. 10. Революция 1848 года во Франции, с. 185—201.

Ред.: Хрестоматия по новой исто-рии: Пособие для учителя.— М.— Ч. 1. (1642—1870). Совместно с В. А. Орловым. 307 с. Пер. на укр. яз.: Хрестоматія з нової історії.— Киев, 1959.— Пер. на болг. яз.: Хрестоматия по нова история /Пер. Т. Влахов и Хр. Михова; Предговор Хр. Михова.— София, 1964.— Ч. 1. (1642—1970). 244 с.

1959

Авт. разд.: Всемирная история: В 10-ти т. Гл. редакция: Е. М. Жу-ков (гл. ред.) и др.— М.— Т. 6. 830 с.

Из содерж.: Гл. 9, Разд. 1—9. Развитие капитализма и рост ра-бочего движения в странах Запад-ной Европы 30—40-х годах XIX ве-ка, с. 185—232. Разд. 2 написан при участии Н. А. Ерофеева; Гл. 16. Разд. 1—8. Революция и революционные движения 1848—1849 гг. в Европе, с. 330—378. Разд. 6. написан при участии Н. А. Ерофеева.

Парижская коммуна 1871 г.— В кн.: МСЭ. 3-е изд., т. 6, стб. 1184—1189.

Сост. глав и метод. указаний: Хре-стоматия по новой истории. М.— Ч. 2. (1870—1918).

Из содерж.: Гл. 1. Франко-прус-ская война. Парижская коммуна. I Интернационал в дни Париж-ской коммуны и после ее пораже-ния, с. 7—62; Гл. 4. Франция в конце XIX—начале XX в., с. 135—155; Гл. 5. Южные и за-падные славянские народы в кон-це XIX—начале XX в., с. 156—185; Гл. 11, разд. 7. Международ-ное значение Великой Октябрь-ской социалистической револю-ции, с. 357—370.

Ред.: Изучение истории СССР в 9-м классе.— М.— (Пед. 6-ка учи-теля).— Ч. 1. 220 с.

Ред.: Хрестоматия по новой исто-рии.— М.— Совместно с В. А. Ор-ловым.— Ч. 2. (1870—1918). 374 с. [Подгот. к изд.]: *Керженцев П. М.* История Парижской коммуны, 1871 г.— 2-е изд.— М.— 511 с.

1959—1960

Ред.: Протоколы заседаний Париж-ской коммуны 1871 года: Т. 1, 2.—

М., 1959—1960.—Чл. редкол. совместно с В. П. Волгиным и Э. А. Желубовской—Т. 1. 28 марта—30 апреля/Пер. с фр. М. В. Манухиной, О. К. Рыковской; Под ред. А. И. Молока, 448 с.; Т. 2. 1 мая—21 мая/Пер. с фр. Л. М. Бродской, Ш. А. Богоиной; Под ред. Э. А. Желубовской. 435 с.

Документальные приложения к протоколам обоих томов подобраны, частично переведены А. И. Молоком и Э. А. Желубовской. Историко-критические комментарии сост. А. И. Молоком при участии Ш. А. Богоиной. Краткие биографии членов Коммуны сост. И. С. Книжником-Ветровым и И. И. Сиволоп под ред. Э. А. Желубовской и А. И. Молока. Общая ред. В. П. Волгина.

Рец.: *Вайнштейн О. Л.*—Новая и новейшая история, 1960, № 5, с. 151—153; *Корогеева А. Е.*—Вестн. АН СССР, 1960, № 3, с. 120—123; *Селезнев К. Л.*—Вопр. истории КПСС, 1961, № 2, с. 194—201; *Гринберг Л. Г.*—Изв. вузов. Правоведение, 1962, № 1, с. 186—190.

1960

Авт. главы: Всемирная история: В 10-ти т. / Гл. редакция: Е. М. Жуков (гл. ред.) и др.—М.—Т. 7. 820 с.

Из содерж.: Гл. 1. Парижская коммуна, с. 19—40. Совместно с Э. А. Желубовской.

Рец.: *Бейлис А. С., Бродский Р. М., Осечинский В. К., Распутник Б. П.*—Вопр. истории, 1961, № 10, с. 127, 128.

Авт. глав: Новая история: Пособие для учителя.—М.—Ч. 1. (1642—1870).

Из содерж.: Введение, с. 3—16; Гл. 7. Европа в 1794—1814 гг. Наполеоновские войны, с. 117—161; Гл. 8. Венский конгресс. «Священный союз». Июльская революция 1830 г., с. 162—169; Гл. 9. Франция в период реставрации Бурбонов (1814—1830), с. 170—187; Гл. 14. Революция 1848—1849 гг. в Германии, с. 253—272; Гл. 15. Революция 1848—1849 гг. в Австрийской империи, с. 273—293; Гл. 16. Революция 1848—1849 гг. в Италии, с. 294—306; Гл. 18. Объединение Италии, с. 327—339;

Гл. 19. Объединение Германии, с. 340—353.

Политическая обстановка во Франции накануне июльской революции 1830 года.—Новая и новейшая история, № 6, с. 73—92.

Рец.: Новый вклад советских историков в изучение истории Франции: [Французский ежегодник, 1958: Ст. и материалы по истории Франции/Редкол.: Волгин В. П. (отв. ред.) и др.—Вопр. истории, № 6, с. 147—154.—Совместно с В. А. Дунаевским.

Примеч.: *Валес Ж.* Инсургент / Пер. с фр. И. С. Нейман; Предисл. М. Капена.—М.—263 с.

Из содерж.: Примечания, с. 237—261.

Рец.: Новая история: Пособие для учителя.—М.—Ч. 1. (1642—1870). 440 с. Совместно с Н. И. Соминим.

1961

Борьба направлений во французской историографии по вопросам реставрации Бурбонов и июльской революции 1830 г.—В кн.: Французский ежегодник, 1959. М., с. 394—437.—Рез. на фр. яз.

Великий революционный подвиг: (К 90-летию Парижской коммуны)—Сов. Россия, 18 марта.

Девяностолетие Парижской коммуны.—Преподавание истории в школе, № 2, с. 20—36.

Рец.: *Боголюбов Л. Н., Гуськов В. П.*—Вопр. истории, 1968, № 4, с. 154.

Историческое значение Парижской Коммуны.—Коммунист, № 4, с. 80—88.

Париж в июньские дни 1848 года.—В кн.: Дет. энцикл., т. 7, с. 364—367.—То же.—Дет. энцикл. 2-е изд., 1967, т. 8, с. 353—355.—То же.—Дет. энцикл. 3-е изд., 1975, т. 8, с. 332—333. Перераб. вариант.

Авт. глав: Парижская Коммуна 1871 г.—М.—(Б-ка всемир. истории).—Т. 1, 2.

Из содерж.: Гл. 11. Парижская Коммуна в период с 1 по 21 мая 1871 г., т. 1, с. 422—533; Гл. 18. Парижская Коммуна и крестьянство, т. 2, с. 134—154; Гл. 23. Германская интервенция против Парижской Коммуны, т. 2, с. 269—289; Гл. 44. Версальский террор, т. 2, с. 524—546.

Сокр. пер. на фр. яз.: La Commune de Paris, 1871 / Traduit du sous la rédaction de L. Perroud.— М., 1971.—442 р.—Перераб. вариант.

Рец.: *Далин В. М.*—Новая и новейшая история, 1962, № 5, с. 132—135; *Сказкин С. Д.*—Коммунист, 1962, № 18, с. 118—120; *Майский И. М.*—Известия, 1963, 16 марта; *Морозов Г. П.*—Вопр. истории, 1963, № 2, с. 153—158; *Селезнев К. Л.*—Вопр. истории КПСС, 1963, № 2, с. 129—134.

Науч. ред., [предисл.]: Французские издания периода Парижской коммуны 1871 г.: Аннот. каталог лекции Гос. публ. б-ки. Вып. 1—3 / Сост. С. М. Маневич, М. Н. Алексеева и Е. М. Тепер; Ред. Т. П. Воронова.—Л.—В надзаг.: Гос. публ. б-ка им. М. Салтыкова-Щедрина.—Вып. 1. 255 с.; вып. 2. 186 с.; Вып. 3. 136 с.—Отпеч. на ротаторе.

Из содерж.: От редактора, вып. 1, с. 4—7.

Ред. и вступ. ст.: *Шури М.* Париж был предан; Истоки Парижской коммуны / Пер. с фр. А. О. Зелениной и Д. Л. Каравкиной.— М.—214 с.

Из содерж.: Вступительная статья, с. 5—29.

Ред.: Изучение истории СССР в IX классе.—М.—(Пед. б-ка учителя).—Ч. 2. 263 с.

Ред.: Парижская коммуна 1871 г.: Т. 1, 2.—М.—(Б-ка всемир. истории).—Т. 1. 566 с.; Т. 2. 703 с.—Совместно с Э. А. Желубовской, А. З. Манфредом и Ф. В. Потемкиным.

1961—1976

Консультант и авт. ст.⁵: Советская историческая энциклопедия (СИЭ) / Редколл.: Е. М. Жуков (гл. ред.) и др.—М., 1961—1976.—Т. 1—16.—Консультант разд. «Новая история».

1961—1978

Ред.: Французский ежегодник: Ст. и материалы по истории Франции.—М., 1961—1978,—Сб. 2—19

за 1959—1976—Чл. редкол. со сб. 2; отв. ред. В. П. Волгин.

1962

Рец.: Duclos J. A l'assaut du ciel: La Commune de Paris annonciatrice d'un monde nouveau. Paris, 1961.—Дюкло Ж. На штурм неба: Парижская Коммуна—предвестница нового мира: Пер. с фр.—М., 1962.—Новые кн. за рубежом по обществ. наукам, № 5, с. 57—61.

Рец.: Черняк Е. Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII—начале XIX века. М., 1962.—Новая и новейшая история № 6, с. 145—147.

Отв. ред. и предисл.: *Куницкий С. Д.* Русское общество и Парижская коммуна: Отклики в России на франко-прусскую войну и Парижскую Коммуну.—М.—175 с.

Из содерж.: От редактора, с. 3, 4.

1963

Авт. главы: Новая история: Учебник для пед. ин-тов / Под ред. А. Л. Нарочницкого.—М.—Ч. 1. (1640—1870). 732 с.

Из содерж.: Гл. 20. Франция в период Второй империи (1852—1870), с. 491—504.

То же.—2-е изд., доп.—М., 1972.—То же.—3-е изд.—М., 1978.

Рец.: *Кертман Л. Е., Ларькина К. И., Ушкевич Н. Ф.*—Вопр. истории, 1972, № 12, с. 160, 161.

Рец.: Новая работа по германской историографии: [Кан С. Б. Немецкая историография революции 1848—1849 гг. в Германии. М., 1962].—Новая и новейшая история, № 4, с. 180, 181.

1964

Англия и революция 1830 г. во Франции.—В кн.: Международные отношения, XVI—XX века: Сб. ст. к 80-летию акад. И. М. Майского. М., с. 430—450.

Деказ Э.—В кн.: СИЭ, т. 5, стб. 66. Декларация прав человека и гражд.

⁵ В библиографический указатель включены статьи А. И. Молока в Советской исторической энциклопедии, которые были опубликованы под его именем. Кроме них, согласно материалам архива БСЭ, он был автором еще примерно 25 статей, напечатанных без подписи.

- данина.— В кн.: СИЭ, т. 5, стб. 72, 73.
- Делеклюз Л.-Ш.,— В кн.: СИЭ, т. 5, стб. 79.
- Демулен К.— В кн.: СИЭ, т. 5, стб. 113.
- Директория.— В кн.: СИЭ, т. 5, стб. 237, 238.
- Журд Ф.— В кн.: СИЭ, т. 5, стб. 569.
- Вступ. ст., ред. и примеч.:** Парижская Коммуна 1871 года / Под ред. Ж. Брюа и др. и при участии П. Анграна и др. Пер. с фр. А. О. Зелениной, Д. Л. Каравкиной.— М.— 479 с.
- Рец.:** *Машкин М.*— Новый мир, 1965, № 3, с. 278, 279.
- Революционные выступления в окрестностях и пригородах Парижа в дни июньского восстания 1848 г.— В кн.: Французский ежегодник, 1963. М., с. 90—119.— Рез. на фр. яз.
- Рец.:** Фундаментальный труд по истории I Интернационала: [Первый Интернационал / Под ред. И. А. Бах (отв. ред.) и др. М., 1964. Ч. 1. 1864—1970].— Вопр. истории КПСС, № 12, с. 124—128.
- Ред.:** Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. № 205. Кафедра новой и новейшей истории.— М.— 293 с.— Чл. редкол.
- 1965
- Восстание рабочих Марселя 22—23 июня 1848 года.— Новая и новейшая история, № 1, с. 73—86; То же.— In: Studien über die Revolution / Hrsg. von M. Kossok. Berlin, 1969, S. 270—289.— На рус. яз. Перераб. и дпо. вариант.
- Дело Коммуны бессмертно: О новых французских работах по истории Парижской коммуны.— Правда, 18 марта.
- Дворянство во Франции накануне буржуазной революции XVIII века.— В кн.: Шадерло де Лякло. Опасные связи / Пер., статья и примеч. Н. Я. Рыковой. М.; Л. с. 317—335. (Лит. памятники).
- Июльская революция 1830 [г.] во Франции.— В кн.: СИЭ, т. 6, стб. 713—716.
- Июльские ордонансы 1830 [г.]— В кн.: СИЭ, т. 6, стб. 719, 720.
- Июньское восстание 1848 [г.]— В кн.: СИЭ, т. 6, стб. 723—726.
- «Клуб гобеленов».— В кн.: СИЭ, т. 7, стб. 430.
- «Клуб друзей народа».— В кн.: СИЭ, т. 7, стб. 430.
- «Клуб революции».— В кн.: СИЭ, т. 7, стб. 430.
- Кобленцкая эмиграция.— В кн.: СИЭ, т. 7, стб. 450, 451.
- «Кодекс Наполеона».— В кн.: СИЭ, т. 7, стб. 461, 462.
- Кордельеры.— В кн.: СИЭ, т. 7, стб. 903.
- Ланжевен К.-П.— В кн.: СИЭ, т. 8, стб. 401.
- Ледрю-Роллен А.-О.— В кн.: СИЭ, т. 8, стб. 528.
- Лефрансе Г.-А.— В кн.: СИЭ, т. 8, стб. 608.
- Ле Шапелле закон.— В кн.: СИЭ, т. 8, стб. 608, 609.
- Лионские восстания 1831 и 1834 [гг.]— В кн.: СИЭ, т. 8, стб. 692, 693.
- Лиссагаре П.-О.— В кн.: СИЭ, т. 8, стб. 699.
- Люксембургская комиссия.— В кн.: СИЭ, т. 8, стб. 855.
- Рец.:** Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier Français / Publié sous la direction de J. Maitron. Paris, [1964]. Première partie: 1789—1864. Т. 1. [Биографический словарь французского рабочего движения / Под ред. Ж. Метрона. Париж, 1964. Ч. 1. 1789—1864. Т. 1].— Новая и новейшая история, № 5, с. 177—179.
- Рец.:** Новая книга о Коммуне: [Слущкий А. Г. Парижская коммуна 1871 г.: Краткий очерк. М., 1964].— Новая и новейшая история, № 4, с. 151, 152.
- Рец.:** Труд о германском империализме и милитаризме: [Ерусалимский А. С. Германский империализм: История и современность. М., 1964].— Воен.-ист. журн., № 7, с. 83—87.
- 1966
- Н. М. Лукин — историк Парижской коммуны.— В кн.: Европа в новое и новейшее время: Сб. ст. памяти акад. Н. М. Лукина. М., с. 21—48.
- Манту П.-Ж.— В кн.: СИЭ, т. 9, стб. 42.
- Марото Г.— В кн.: СИЭ, т. 9, стб. 138.
- Мишель Л.— В кн.: СИЭ, т. 9, стб. 526, 527.
- Мобили.— В кн.: СИЭ, т. 9, стб. 536.
- О новых французских работах по

- истории и предистории Парижской коммуны.— Новая и новейшая история, № 3, с. 141—147.
- Рец.:** Первый Интернационал / Под ред. И. А. Бах (отв. ред.) и др. М., 1965. Ч. 2. (1870—1876).— Вопр. истории КПСС, № 7, с. 134—137.
- Рец.:** Художественная литература в преподавании новой истории (1640—1917): Хрестоматия для учителя / Сост. А. А. Вагин.— М.— 344 с.— Совместно с Н. Г. Дайри. Рецензенты указаны на тит. л.
- Ред. и примеч.:** *Повесть Э. Песни*, стихи, поэмы / Пер. и вступ. ст. А. Гатова.— М.— 287 с.— Ред. совместно с М. А. Яхонтовой. Из содерж.: Примечания, с. 261—284. То же.— 2-е изд., испр. и доп.— М., 1971.— 279 с. Из содерж.: Примечания, с. 253—276.
- 1967
- Авт. глав:** Историография нового времени стран Европы и Америки: Учеб. пособие / Под ред. И. С. Галкина (отв. ред.) и др.— М.— Ч. 1—4. Из содерж.: Гл. 1. Развитие исторической мысли и исторической науки во Франции первой половины XIX в., ч. 2, с. 106—125; Гл. 4. Французская историография 70—90-х годов XIX в., ч. 3, с. 281—295; Гл. 3. Французская историография в начале XX в., ч. 4, с. 459—479.
- Об ошибках и извращениях в оценке Парижской коммуны в современной антимарксистской историографии.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, № 275. Вопр. историографии / Под ред. И. И. Минца, с. 143—183.
- Рец.:** *Силин А. С., Стальной В. А.*— Новая и новейшая история, 1972, № 6, с. 171.
- Париж (с конца 17-го в.).— В кн.: СИЭ, т. 10, стб. 830—833.
- Парижская коммуна 1871 [г.]— В кн.: СИЭ, т. 10, стб. 834—844.
- Историография [Парижской коммуны].— В кн.: СИЭ, стб. 844—846.— Совместно с В. А. Дунаевским.
- Источники. Литература [о Парижской коммуне].— В кн.: СИЭ, стб. 846—847.
- [Письмо. Ген. секретарю «Ассоциации друзей Парижской коммуны».]— Les amis de la Commune de Paris (1871): Bul. de l'Association, [1967], N 62/584.
- Рец.:** Ревуненков В. Г. Марксизм и проблема яковинской диктатуры: (Ист. очерк). Л., 1966.— Новая и новейшая история, № 5, с. 174—176.
- Науч. ред. и коммент.:** *Эркман-Шатриан*. История одного крестьянина: Роман. В 2-х т.— М.— (Б-ка ист. романа).— Т. 1 / Пер. с фр. А. Худяковой. 456 с.; Т. 2 / Пер. с фр. Т. Кудрявцевой. 483 с. Из содерж.: Комментарий, т. 1, с. 419—454; Комментарий, т. 2, с. 447—482.
- Карл Маркс за работой над историей Парижской коммуны.— В кн.: Маркс-историк: К 150-летию со дня рождения Карла Маркса. Сб. ст. / Редкол.: Э. А. Желубовская (отв. ред.) и др. М., с. 519—542.
- «Пер-Дюшен» (газ.).— В кн.: СИЭ, т. 11, стб. 15, 16.
- Пийо Ж.-Ж.— В кн.: СИЭ, т. 11, стб. 139.
- Ранье Г.— В кн.: СИЭ, т. 11, стб. 876.
- 1969
- Россель Л. Н.— В кн.: СИЭ, т. 12, стб. 142.
- Сангер А.-Ж.— В кн.: СИЭ, т. 12, стб. 535.
- Саньяк Ф.— В кн.: СИЭ, т. 12, стб. 543.
- «Свобода. Равенство. Братство».— В кн.: СИЭ, т. 12, стб. 605.
- Серрайе О.— В кн.: СИЭ, т. 12, стб. 805, 806.
- Рец.:** Первый Интернационал в исторической науке / Под ред. И. А. Бах (отв. ред.) и др. М., 1968. Ч. 3.— Вопр. истории КПСС, № 2, с. 122—125.
- 1969—1978
- Науч. консультант и авт. ст.:** Большая советская энциклопедия.— 3-е изд.— М.— Т. 1—30.— Науч. консультант разд. «Новая история Франции».

⁶ В БСЭ (3-е изд.) вошла значительная часть статей А. И. Молога из Советской исторической энциклопедии, перепечатанных в сокращенном виде и, как правило, без подписи. В настоящий библиографический указатель не включены.

1970

Об исторических закономерностях и исторических уроках буржуазно-демократических революций нового времени в странах Запада.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, № 370, с. 229—283.

Авт. разд. и общ. ред.: Парижская коммуна 1871 г.: (Время — события — люди).— М.— 288 с.

Из содерж.: Разд. 1. Парижская Коммуна 1871 г.— первый опыт диктатуры пролетариата, с. 5—70; Разд. 3. Деятели Коммуны, с. 133—199. Совместно с И. А. Бах и М. Н. Машкиным; Разд. 5. Классики марксизма-ленинизма об историческом значении Парижской коммуны, с. 241—280; Разд. 7. Библиография Парижской коммуны, с. 284—287. Пер. на яп. яз.: То же.— Токио, 1970.— То же.— 2-е изд. / Общ. ред. И. А. Бах.— М., 1981.

Рец.: *Прищепенко В. Н.*— Новая и новейшая история, 1972, № 4, с. 169.

Рец.: Бендрикова Л. А. Французская историография революции 1848—1849 гг. во Франции (1848—1968). М., 1969.— Новая и новейшая история, № 6, с. 177, 178.

Ред. и предисл.: *Бродский В.* Художники Парижской коммуны.— М.— 123 с.

Из содерж.: Предисловие, с. 5—8.

1971

Авт. разд.: История Парижской Коммуны 1871 года.— М.— 787 с.

Из содерж.: Разд. 5. Создание «Комитета общественного спасения» и борьба течений в Коммуне. Обострение борьбы течений в Коммуне, с. 357—373; 379—412; Разд. 8. Программа Коммуны. Коммуна и крестьянство. Народные выступления в провинции в дни Коммуны, с. 475—498; Разд. 10. Версальский террор, с. 535—546.

Рец.: *Сказкин С.*— Правда, 17 марта; *Beyer M.*— Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1972, Н. 1, S. 146, 147.

Современная французская историческая литература о Парижской коммуне.— Новая и новейшая история, № 4, с. 136—146.

«Сто дней».— В кн.: СИЭ, т. 13, стб. 834.

Общ. ред.: Парижские коммунары о религии и церкви: (Сб. док. и материалов) / Сост. и авт. послесл. С. М. Маневич.— М.— 277 с. (Научно-атеист. б-ка).— Новые пер. с фр. А. И. Коробочко под ред. А. И. Молока.

Ред.: История Парижской коммуны 1871 года.— М.— 787 с.— Чл. редкол. совместно с Э. А. Желубовской, А. З. Манфредом, М. Н. Машкиным, С. В. Оболенской и Ф. В. Потемкиным.

1972

Ред. и вступ. ст.: Pages glorieuses du passe revolutionnaire de France: Récits sur la Commune de Paris et les communaes. Livre de lecture à l'usage des élèves de X^e l'école secondaire / Rédigé et adapté par I. Konakova; Réd. et introduction de A. Molok.— М.— 175 с.— На рус. и фр. яз.

Из содерж.: Парижская коммуна и ее историческое значение, с. 5—21.

1973

Авт. глав.: История Франции: В 3-х т.— М.— Т. 2 / Редкол. А. З. Манфред (отв. ред.) и др. 663 с.

Из содерж.: Гл. 4. Франция в период реставрации Бурбонов. Июльская революция 1830 года, с. 170—225; Гл. 8. Парижская коммуна, с. 398—459. Пер. на фр. яз. М., 1978.

Научные труды и педагогическая деятельность П. П. Щеголева (1903—1936).— В кн.: История и историки: Историогр. ежегодник, 1971. М., с. 237—251.

Тальен Ж.-Л.— В кн.: СИЭ, т. 14, стб. 90.

Тейс А.-Ф.-Ф.— В кн.: СИЭ, т. 14, стб. 174, 175.

Тренке А.-Л.— В кн.: СИЭ, т. 14, стб. 383, 384.

Тридон Э.-М.-Г.— В кн.: СИЭ, т. 14, стб. 408, 409.

Тьер А.— В кн.: СИЭ, т. 14, стб. 608—610.

Тэн И.— В кн.: СИЭ, т. 14, стб. 616.

1974

Ферре Т.-Ш.-Ж.— В кн.: СИЭ, т. 15, стб. 61.

Флуранс Г.— В кн.: СИЭ, т. 15, стб. 224.

1975

Парижская коммуна 1871 [г.] — В кн.: БСЭ. 3-е изд., т. 19, с. 205—207.

Рец.: Против общего врага: Совет-

ские люди во французском движении Сопротивления / Под ред. И. В. Паротькина. М., 1972; С Францией в сердце, Французские писатели и антифашистское Сопротивление, 1939—1945. М., 1973.— Новая и новейшая история, № 3, с. 148—151.

1976

Хрестоматия по истории Парижской коммуны: Учеб. пособие.—

М.— 278 с.— При участии Т. И. Исламова, Н. Г. Федоровского, В. Е. Невлера, С. М. Фалькович, Ф. А. Молока, Г. Б. Фалька, В. В. Зеленина и В. Н. Плешакова. Рец.: *Дунаевский В. А.*— В кн.: Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1973, с. 265—267.

Щеголев П. П.— В кн.: СИЭ, т. 16, стб. 383.

ЛИТЕРАТУРА ОБ А. И. МОЛОКЕ

Кареев Н. И. Новейшее время от 1859 до 1914 г.: Ист. очерки.— Пг, 1923.— Дополнения.

Авербух Р. Обзор литературы по Парижской коммуне за 1925—1926 гг.— Печать и революция, 1927, кн. 2.

Куницкий С. Д. Обзор литературы о Парижской коммуне за последние два года (1925—1926).— Историк-марксист, 1927, т. 3.

Волгин В. П. Русская литература по новейшей истории Запада.— В кн.: Общественные науки СССР, 1917—1927. М., 1928.

Прения по докладу А. И. Молока «Июньское восстание 1848 г.» / Васютинский А., Вайнштейн О., Фрейберг Н., Лозинский С., Фридлянд Ц., Зайдель Г., Потемкин Ф., Варенцова О., Бушмакин Д.— В кн.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (28.XII.1928—4.I.1929). М., 1930, т. 2.

Лукин Н. М. Новое о Коммуне.— Борьба классов, 1931, № 1.— То же.— Избр. тр., М., 1963, т. 3.

Karéiev N. Les études sur l'histoire de France en Russie, depuis vingt ans (1911—1930).— Rev. d'histoire moderne, 1934, sept.-oct., N 35.

Лукин Н. М. Предисловие.— В кн.: Парижская коммуна: Сб. ст. М.; Л., 1932; То же.— Избр. тр., т. 3. М., 1968.

Граев Б. Исторический факультет Ленинградского института истории, философии, литературы и лингвистики в 1934/35 учеб. году.— Историк-марксист, 1935, т. 8/9.

Брюнин В. Научная работа исторического факультета Ленинградского университета в конце 1939 и в

1940 году: Кафедра новой истории.— Историк-марксист, 1941, № 2.

Вайнштейн О. Исторический факультет Ленинградского университета в дни Отечественной войны.— Ист. журн., 1942, № 11.

Тарле Е. В. Новая история в работах советских историков.— В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942.

Кан С. Б. Проблемы истории Парижской коммуны в новейшей литературе.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1946, т. 3, № 3.

Якобсон Л. Советские историки о Парижской коммуне.— Сов. кн., 1946, № 5.

Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет.— В кн.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ: Секция ист. наук. Л., 1948.

Покровский С. А. Чернышевский как критик буржуазной демократии.— Сов. государство и право, 1950, № 3.⁷

Кунина М. Л. Парижская коммуна 1871 года: (Обзор рус. и пер. ист. лит.).— М., 1954.

Архипов Ф. И. Источники и историография Парижской коммуны 1871 года; (Крат. очерк).— Учен. зап. Горьков. гос. пед. ин-та иностр. яз., 1958, вып. 6

Вайнштейн О. Л. Изучение истории Франции средних веков и нового времени советскими историками.— В кн.: Французский ежегодник, 1958. М., 1959.

La Commune de 1871 / Sous la direction de J. Bruhat, J. Dautri et E. Terrien.— Paris, 1960.— Пер. с фр. яз.:

⁷ См.: *Молок А. И.* В редакцию журнала «Советское государство и право».— Сов. государство и право, 1950, № 7, с. 88.

- Парижская коммуна 1871 года / Под ред. Ж. Брюа и др.— М., 1964.
- Из содерж.: Терсан Э. Коммуна и народные массы; Дотри Ж. Библиография Коммуны.
- Дунаевский В. А.* История Франции в советской послевоенной научной литературе (1945—1959).— В кн.: Французский ежегодник, 1959. М., 1961.
- Дунаевский В. А.* Советская историография Парижской коммуны.— В кн.: Парижская коммуна 1871 г. М., 1961, т. 2.
- Кольцов А. В.* Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943).— М.; Л., 1962.
- Meschkat K.* Die Pariser Kommune von 1871 im Spiegel der sowjetischen Geschichtsschreibung.— Berlin, 1965⁸.
- Тагаринова К. Н.* Научная работа по новой и новейшей истории в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина.— Вопр. истории, 1965, № 3.
- Дунаевский В. А.* Советская историография нового времени.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. 4.
- Дразкина Я. И.* Новейшие публикации по истории Парижской коммуны: (Ист. обзор).— В кн.: Общественные и исторические науки: Сб. работ Читин. гос. пед. ин-та. Чита, 1966, вып. 10.
- Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки: Учеб. пособие / Под ред. И. С. Галкина (отв. ред.) и др.— М., 1968.
- Из содерж.: Дунаевский В. А. Советская историография в 1917—1945 гг.; Нарочницкий А. Л. Изучение новой истории [в послевоенный период].
- История Ленинградского университета: Очерки (1819—1969) / Отв. ред. В. В. Мавродин.— Л., 1969.
- Клушин В. И.* Первые ученые марксисты Петрограда.— [Л.], 1971.
- Манфред А. З.* Советская историография Парижской коммуны.— Вопр. истории, 1971, № 5.
- I Интернационал и Парижская коммуна: Указ. лит., вышедшей в СССР, 1917—1970 / Под ред. И. А. Бах, Б. А. Каменецкого.— М., 1971.
- Рафаллова Т. К.* Общественно-педагогическое отделение ФОНа в 1921—1925 гг.— В кн.: На штурм науки: (Воспоминания бывших студентов фак. обществ. наук ЛГУ) / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1971.
- Дунаевский В. А.* Советская историография новой истории стран Запада, 1917—1941 гг. М., 1974.
- Заборов М. А.* История международного рабочего и коммунистического движения: (Обзор сов. лит.).— Вопр. истории, 1978, № 6.
- Алаторцева А. И.* Журнал «Историк-марксист», 1926—1941 гг.— М., 1979.
- Награждение А. И. Молока орденом «Знак Почета» за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием АН СССР.— Ведомости Верховного Совета, 1945, 12 авг., № 47⁹.
- Юбилей историка.— Веч. Ленинград, 1948, 12 нояб.
- Брюнин В. Г.* Четверть века в университете.— Ленингр. ун-т, 1948, 18 ноябр.— С портр.
- Молок Александр Иванович.— В кн.: СИЭ, 1966, т. 9, стб. 591, 592.
- [Об избрании А. И. Молока действительным членом французской «Ассоциации друзей Парижской коммуны»].— Les amis de la Comune de Paris (1871): Bull. de l'Association, [1967], N 62/584; Вопр. истории, 1967, № 7, с. 209.
- Александр Иванович Молок: (К 70-летию со дня рождения).— Новая и новейшая история, 1969, № 1, с. 171.
- Молок Александр Иванович.— В кн.: БСЭ. 3-е изд., 1974, т. 16, с. 481.

⁸ См.: Молок А. И. Об ошибках и извращениях в оценке Парижской коммуны в современной антимарксистской историографии.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1967, № 275, Вопросы историографии, с. 183.

⁹ А. И. Молок был также награжден медалями «За оборону Ленинграда» (1944 г.) и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946 г.).

Сообщение Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, Института всеобщей истории АН СССР, исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова о смерти [25.IX.1977 г.] профессора, доктора исторических наук Александра Ивановича Молока.— Моск. правда, 1977, 1 окт.

Памяти Александра Ивановича Молока.— Ленингр. ун-т, 1977, 14 окт.— Подпись. Группа товарищей.

Александр Иванович Молок [1898—

1977]: Некролог.— Новая и новейшая история, 1978, № 2, с. 220.— Подпись: Редколлегия и коллектив редакции журнала «Новая и новейшая история».

Александр Иванович Молок, [1898—1977]: Некролог.— Вопр. истории, 1978, № 3, с. 221.

Молок Александр Иванович.— В кн.: Советский энциклопедический словарь, 1980, с. 833.

Дунаевский В. А. Александр Иванович Молок.— В кн.: История и историки: Историогр. ежегодник, 1977. М., 1980, с. 427—431.

РЕВЕККА АБРАМОВНА АВЕРБУХ

(1891—1978 ГГ.)

Е. В. Котова

Крупный советский историк, специалист по истории нового времени, Р. А. Авербух родилась в Казани в 1891 г. Она закончила высшие женские курсы при Казанском университете и работала преподавателем истории. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла перед Р. А. Авербух возможность широкой научной деятельности.

Р. А. Авербух принадлежала к поколению историков, которые начинали свою деятельность в период становления советской исторической науки. Последние ее работы вышли в свет в 70-е годы.

В 1924—1929 гг. она занимается в аспирантуре Института истории РАНИОН, где ее учителями были такие крупнейшие ученые, как В. П. Волгин, Н. М. Лукин и др. Аспирантура РАНИОН сыграла большую роль в формировании кадров советских историков. Одновременно с Р. А. Авербух здесь учились Я. Я. Зугис, А. С. Ерусалимский, В. М. Хвостов, Б. Г. Вебер, А. З. Манфред и др. С 1924 г. в Институте истории действовала секция новой и новейшей истории под председательством В. П. Волгина. Секция занималась изучением архивных документов, делала обзоры исторической литературы, систематически проводила заседания, на которых заслушивались и обсуждались научные доклады. Р. А. Авербух, в частности, выступила с докладом «Террористический режим в эпоху Великой французской революции». Этой же проблеме были посвящены две ее первые статьи, вышедшие в 1925 г. Важное место в подготовке аспирантов отводилось семинарам, которыми руководили крупнейшие историки. Эта школа многое дала начинающим историкам.

Большое влияние на формирование молодого историка оказала и работа в Обществе историков-марксистов при Коммунисти-

ческой академии, внесшем крупный вклад в изучение проблематики истории нового времени и в пропаганду исторических знаний. Р. А. Авербух была избрана первым ученым секретарем секции по истории Запада.

Одновременно с учебой Р. А. Авербух вела большую преподавательскую работу: она читала курс истории классовой борьбы в Высшем художественно-техническом институте (ВХУТЕИН), преподавала всеобщую историю в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. С преподавательской работой Р. А. Авербух не расставала всю жизнь — в 1944—1958 гг. она являлась профессором МГУ.

После окончания аспирантуры Р. А. Авербух становится сотрудником Института истории Коммунистической академии, с 1936 г. — Института истории АН СССР, где занимается научно-исследовательской деятельностью.

В середине 30-х годов в создании учебников по новой истории для средней и высшей школы активное участие принимала и Р. А. Авербух. Ею были написаны шесть глав для вузовского учебника «Новая история», вышедшего под редакцией Е. В. Тарле и А. В. Ефимова в 1939 г. Она была также одним из авторов «Методических указаний по курсу „Новая история“», автором глав по истории Австро-Венгрии с 1867 г. по 1914 г. для учебника «Новая история, 1870—1917» (издан под редакцией И. С. Галкина в 1973 г.).

В 30-е годы большое внимание стало уделяться публикации архивных материалов. В Институте истории началась разработка темы «Царизм и революционные движения в Европе». В связи с этим было выявлено много архивных документов, на основе которых были написаны несколько интересных работ, в том числе статьи Р. А. Авербух. Она подготовила также несколько публикаций документов. В журнале «Красный архив» ею были опубликованы подборки архивных документов на темы: «Николай I и европейская реакция 1848—1849 гг.», «Австрийская революция 1848 г. и Николай I» и «Из международных отношений в первые годы Французской революции». Накануне Великой Отечественной войны она участвовала в подготовке к изданию сборника дипломатических документов эпохи Великой французской революции, который, к сожалению, не вышел в свет. Работе по изданию архивных материалов Р. А. Авербух уделяла много внимания и сил.

Круг научных интересов Р. А. Авербух широк: ею были написаны работы по историографии, по истории Французской буржуазной революции XVIII в., истории Австрии, Венгрии, Италии. Но уже в 30-е годы определилась та область новой истории, в которой сосредоточились основные интересы Р. А. Авербух — история революции 1848 г. в Австрийской империи. Этой проблематике посвящены ее многие статьи и основные монографии.

Важной стороной научной деятельности Р. А. Авербух являлось ее участие в коллективных трудах, издаваемых Институтом

истории АН СССР. Ее перу принадлежат несколько разделов в коллективной монографии «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», выпущенной в 1941 г. под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. Плодом большой работы по исследованию проблем революции 1848 г. в Австрии и Венгрии явились шесть глав в издании «Революции 1848—1849 гг. в Европе» под редакцией Ф. В. Потемкина и А. И. Молока (1952 г.).

В. М. Хвостов, давая оценку научных трудов Р. А. Авербух, писал: «Они представляют собою серьезные исследования, основанные на изучении всех важнейших источников по истории революции 1848—1849 гг. в этих странах, а также на архивных материалах. Одним из достоинств тов. Авербух является то обстоятельство, что круг ее интересов не ограничивается объектом ее специальных исследований, т. е. историей революции 1848 г.»¹.

В области изучения революции 1848—1849 гг. в Австрии и Венгрии Р. А. Авербух было сделано много. Она впервые в марксистской литературе дала анализ важного этапа революционной деятельности К. Маркса — его поездки в Вену в августе-сентябре 1848 г. Большой заслугой Р. А. Авербух явилось ее обращение к исследованию новой истории Венгрии. В 1935 г. вышла ее монография «Царская интервенция в борьбе в венгерской революции 1848—1849 гг.», которая посвящена главным образом рассмотрению внешнеполитических аспектов этой темы. В работе обобщен и проанализирован очень ценный фактический материал. Однако преувеличение роли России в подавлении революции привело автора к недооценке внутренних причин поражения революции в Венгрии. Эти недостатки были вскоре преодолены в процессе дальнейшей разработки данной проблематики. Защитив в 1938 г. диссертацию на эту тему, Р. А. Авербух получила ученую степень доктора исторических наук.

В начале 40-х годов диапазон научных интересов Р. А. Авербух расширился, ее внимание привлекла как новая, так и новейшая история Италии. В 1946 г. она опубликовала книгу «Италия в первой и второй мировых войнах», в которой значительное место уделено проблеме формирования и сущности итальянского фашизма, — это одно из первых серьезных советских исследований на данную тему.

В 40—50-х годах Р. А. Авербух опубликовала ряд статей, в которых исследуются различные аспекты революции 1848—1849 гг. в Австрии. Внимание историка привлекает и проблема реакции русского общественного мнения на революцию 1848 г. В то же время Р. А. Авербух продолжает изучение венгерской истории.

В 1965 г. Р. А. Авербух выпустила фундаментальную работу «Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии, 1848—1849 гг.» — первую советскую монографию, в которой глу-

¹ Отзыв акад. В. М. Хвостова о работах д-ра ист. наук Р. А. Авербух. — Личный архив Р. А. Авербух.

боку и детально освещены важнейшие события переломного для венгерской истории XIX в. периода. В работе исследуется процесс становления капитализма в Венгрии, его специфические особенности, показано назревание революционной ситуации, проанализирован ход революции, дана ее всесторонняя оценка. Главное внимание автор уделит анализу роли народных масс, особенно крестьянства, в революции. Благодаря исследованиям автора значительно обогатились наши сведения о международном значении венгерской революции 1848—1849 гг. Успешная разработка Р. А. Авербух данной проблематики способствовала международному признанию ее как первого и выдающегося советского представителя научного венгроведения.

Важнейшим этапом научной деятельности Р. А. Авербух стала работа над монографией «Революция в Австрии (1848—1849 гг.)», вышедшей в свет в 1970 г. Это скрупулезное и оригинальное исследование подводило итог многолетним изысканиям Р. А. Авербух в данной области, которая являлась наиболее близкой ее давним научным интересам. Работе предшествует обстоятельный историографический очерк, характеризующий многочисленную использованную литературу и источники. Р. А. Авербух были подняты и вовлечены в научный оборот огромные пласты первоисточников. Детальный их анализ позволил ей воспроизвести ход революции во всей ее филигранности, показать сложное переплетение социально-политической и национальной борьбы, причины поражения и незавершенности революции. Вывод автора о значительном влиянии, которое оказала революция 1848 г. на все дальнейшее развитие Австрийской империи, вошел в классическое наследие марксистской историографии революционных процессов XIX в.

К сожалению, эта работа стала последним фундаментальным исследованием Р. А. Авербух — замечательного советского историка, всю свою жизнь посвятившего научной и преподавательской деятельности и внесшего значительный вклад в советскую историческую науку.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ Р. А. АВЕРБУХ *

1925

А. Олар и теория насилия.— Печать и революция, кн. 1, с. 43—61. Террористический режим во Франции в 1793—1794 гг.: (По протоколам заседаний Конвента и протоколам Революционного трибунала).— Вестн. Ком. акад., кн. 2, с. 165—203.
Рец.: Олар А. Христианство и Французская революция. Париж, 1925. 155 с.— Печать и революция, кн. 5/6, с. 424, 425.

1927

Обзор литературы по Парижской коммуне за 1925—1926 гг.— Печать и революция, кн. 2, с. 122—128.

1928

Эволюция социологических воззрений Н. А. Рожкова.— Учен. зап. РАНИОН, т. 5, с. 15—68.
Рец.: Раткевич К. Французские рабочие в годы Великой француз-

* Составитель Е. В. Котова.

ской революции. М.; Л., 1928. 175 с.—Историк-марксист, т. 8, с. 206, 207.

1929

Секция Общества историков-марксистов по изучению истории Западной Европы и Америки: (Хроника).—Историк-марксист, т. 13, с. 276—278.

Рец.: Цеткин К. Очерк истории возникновения пролетарского женского движения в Германии. М., 1929. 160 с.—Историк-марксист, т. 14, с. 202.

1931

Николай I и европейская реакция 1848—1949 гг.: Публикация архивных документов и вводная статья.—Красный арх., т. 47, с. 3—49.

1932

Венгерская революция и царская интервенция.—Борьба классов, № 2/3, с. 74—84.

Русская интервенция в венгерскую революцию в 1848—1849 гг.—Историк-марксист, т. 3, с. 87—117.

1933

К. Маркс и Октябрьское восстание в Вене в 1848 г.—Историк-марксист, т. 3, с. 79—89.

Рец.: Hohlfeid A. Das Frankfurter Parlament und sein Kampf um das deutsche Heer. Berlin, 1932; Döhl W. Die deutsche Nationalversammlung von 1848 im Spiegel der «Neuen Rheinischen Zeitung». Dillingens, 1931.—Историк-марксист, т. 3, с. 141, 142.

Рец.: Серия «Zu Beiträgen für die Geschichte der Jahre 1848—1849».—Историк-марксист, т. 6, с. 157.

1934

Рец.: Veit V. Geschichte der deutschen Revolution, 1848—1849. 1932. Bd. 1, 2.—Историк-марксист, т. 2, с. 149—152.

1935

Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849 гг.—М.: Соцэгиз.—332 с.

Рец.: Гайду П.—Историк-марксист, 1936, т. 4, с. 136—139.

Рец.: Füsser G. Bauernzeitungen in Bayern und Thüringen von 1818—1848.—Историк-марксист, т. 8/9, с. 225—227.

Рец.: Müller P. Feldmarschall Fürst Windischgrätz: Revolution und Gegenrevolution in Österreich.—Историк-марксист, т. 2/3, с. 153, 154.

1936

Рец.: Серия «Zu Beiträgen für die Geschichte der Jahre 1848—1849».—Историк-марксист, т. 6, с. 157, 158.

1938

Австрийская революция 1848 г. и Николай I: Публикация архивных документов и вводная статья.—Красный арх., т. 4/5, с. 155—207.

Рец.: История XIX века / Под ред. Лависса, Рамбо. Т. 1—8. Кн. и пролет. революция, № 5/6, с. 139—146. Совместно с С. Б. Каном и В. М. Хвостовым.

1939

Германия с 1815 г. до революции 1848 г.—В кн.: Новая история, т. 1 / Под ред. Е. В. Тарле, А. В. Ефремова, Ф. И. Нотовича, В. М. Хвостова, гл. XVII, с. 257—265.

Италия, 1900—1914.—Там же, т. 2, с. 334—338.

Италия после национального воссоединения (1871—1900).—Там же, с. 166—174.

Революция 1848 г. в Германии.—Там же, т. 1, гл. 12, с. 325—351.

Революция 1848 г. и Вторая республика во Франции.—Там же, гл. XXI, с. 300—324.

Швейцария от Венского конгресса до 1848 г.—Там же, гл. 16, с. 254—256.

Политика европейских держав в 1787—1791 гг.—Историк-марксист, т. 3, с. 93—108.

150-летие Французской буржуазной революции.—Легкая индустрия, 14.VII.

Французская революция и русская общественная мысль. - Сов. Украина, 14 июля.

Царизм и французская революция.—Известия, 30 июня.

Из международных отношений в первые годы Французской революции (1789—1790): Публикация архивных документов и вводная

статья.—Красный арх, т. 4, с. 103—136.

Рец.: Программа по новой истории для техникумов.—М. 44 с.

1940

Политика европейских держав накануне и в первые годы французской революции (1789—1791).—Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы, т. 6, с. 144—164.

Начало буржуазной революции во Франции и европейские правительства.—В кн.: Французская буржуазная революция, 1789—1794 / Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.: Изд-во АН СССР, гл. 4, разд. 3, с. 152—157.

Политика Екатерины II в первые годы французской революции.—Там же, гл. 4, разд. 4, с. 158—168. Установление якобинской диктатуры.—Там же, гл. 8, разд. 1—3, с. 336—366.

1942

Мечты и действительность германского фашизма.—Большевик Казахстана, № 2, с. 20—23.

1946

Италия в первой и второй мировых войнах.—М.; Л.: Изд-во АН СССР.—151 с.

1948

Октябрьское восстание в Вене в 1848 г.—Вопр. истории, № 10, с. 93—106.

Революция 1848 г. и Россия.—Преподавание истории в школе, № 2, с. 3—10.

1949

Рабочее движение в Вене в августе 1848 г.—В кн.: К столетию революции 1848 г. / Под ред. В. Ф. Поршнева. М., с. 97—132.

1950

Австрия.—В кн.: БСЭ. 2-е изд., т. 1, с. 174.

Австро-Венгрия.—Там же, с. 179.

1952

Мартовские революции в Австрийской империи.—В кн.: Революции 1848—1849 гг. / Под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. М.: Изд-

во АН СССР, т. 1, гл. 13, с. 263—277.

Октябрьское восстание в Вене. Победа контрреволюции в Австрии (ноябрь 1848—март 1849 гг.).—Там же, гл. 35, с. 634—655.

Революционный подъем в Австрии в мае 1848 г.—Там же, гл. 18, с. 354—365.

Усиление контрреволюции в Австрии.—Там же, гл. 31, с. 569—580.

Царская интервенция в Венгрию. Разгром Венгерской революции (май—сентябрь 1849 г.).—Там же, т. 2, гл. 47, с. 118—125.

1954

Рец.: Spira G. L'alliance de Lajos Kossuth avec la gauche radicale et les masses populaires de la revolution hongroise de 1848—1849: Separatum.—Acta Historica Academiae scientiarum Hungaricae, 1953.—Вопр. истории, № 7, с. 157—159.

1955

Борьба венгерского народа за независимость. 1848—1849 гг. и передовая русская общественность.—Докл. и сообщ. Ин-та истории, вып. 7, с. 16—25.

Герцен и Чернышевский о борьбе венгерского народа за независимость в 1848—1849 гг.—В кн.: Из истории социально-политических идей: К 75-летию акад. В. П. Волгина. М.: Изд-во АН СССР, с. 529—536.

Передовая русская общественность о борьбе венгерского народа за независимость в 1848—1849 г.—Преподавание истории в сред. школе, № 6, с. 30—34.

Рец.: Ханак П. Угнетенные народы Австрийской империи в венгерской революции 1848—1849.—In: Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1953. 80 p.

Тот З. И. Кошут и национальный вопрос в 1848—1849 гг.—In: Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1954. 122 p.—Вопр. истории, № 6, с. 161—163.

1956

Рец.: Hantsch H. Die Geschichte Österreichs. Wien: Styria-Verlag, 1951—1953. Bd. 1, 2.—Вопр. истории, № 7, с. 166—169.

1957

Методические указания по курсу «Новая история»: Для студентов-заочников IV и V курсов исторических факультетов государственных университетов.— М.: Изд-во МГУ.— 76 с.— Совместно с А. В. Адо, Г. Ф. Заставенко, Э. Н. Рапп-Лантарон.

1961

Рец.: Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии в начале XX в. М., 1959. 411 с.— Новая и новейшая история, № 2, с. 155—157.

Ред.: Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И. Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя, 1944—1948.— М., 1961.— 552 с.

1963

Двенадцать пунктов.— В кн.: Советская историческая энциклопедия (далее: СИЭ), т. 4, с. 1045.

Предпосылки и начало революции 1848—1849 гг. в Венгрии.— В кн.: Революционное движение и строительство социализма в Венгрии / Под ред. Л. Н. Нежинского. М., с. 214—277.

1964

Рец.: Очерки новой и новейшей истории Венгрии / Под ред. А. И. Пушкаша. М., 1963. 414 с. Израэлян В. Л., Нежинский Л. Н. Новейшая история Венгрии (1918—1962). М., 1962. 254 с.— Новая и новейшая история, № 4, с. 163—165.

1965

Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии, 1848—1849 гг.— М.: Наука.— 407 с.

Рец.: Орлик И. И.— Новая и новейшая история, 1965, № 6, с. 149—151; Андич Э.— Вопр. истории, 1966, № 4, с. 140, 141.

Венгрия.— В кн.: Хрестоматия по новой истории. М., т. 2. 1815—1870, с. 160—176.

Кошут Лайош.— В кн.: СИЭ, т. 8, с. 14—16.

Многонациональная Австрийская империя.— В кн.: Хрестоматия по новой истории, т. 2. 1815—1870, с. 140—159.

Рабочее и социалистическое движение в Пруссии в 60-х годах XIX в.— Там же, с. 127—132.

1966

Н. М. Лукин — организатор подготовки советских историков.— В кн.: Европа в новое и новейшее время. М., с. 55—58.

1967

Партия мира 1849 г. в Венгрии.— В кн.: СИЭ, т. 10, с. 892, 893.

1968

Ред.: Михайлов М. И. История Союза коммунистов.— М., 1968.— 562 с.

1969

Национальный вопрос в Австрийской империи накануне соглашения 1867 г. в оценке Герцена и Чернышевского.— Новая и новейшая история, № 1, с. 93—97.

1970

Революция в Австрии (1848—1849).— М.: Наука.— 246 с.

Рец.: Швейцер В. Я.— Новая и новейшая история, 1972, № 1, с. 198, 199; Hülke G.— Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1972, N 3, S. 504, 505; Müller H.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1972, N 6, S. 776, 777.

1971

Рец.: Левидова С. Э. Маркс в германской революции 1848—1849 гг.— Вопр. истории, № 11, с. 170—171.— Совместно с Э. Л. Гейликман.

Чл. ред. колл.: История Венгрии. М.— Т. 1, 644 с.

1972

Движение за реформы (1831—1847 гг.).— В кн.: История Венгрии. М., т. 2, с. 47—91.— Совместно с Т. М. Исламовым.

Культура (конец XVIII — первая половина XIX в.).— Там же, с. 92—124.— Совместно с А. Т. Лесенчуком.

Революция и освободительная война 1848—1849 гг.— Там же, с. 125—178.

Рец.: Obermann K. Eine Flugblattsammlung zur Geschichte der Revolution von 1848—1849 in Deutschland. Berlin, 1970. 456 S.— Вопр.

истории, № 10, с. 174—176.— Совместно с Э. Л. Гейликман.
Чл. редкол.: История Венгрии. М.— Т. 2. 599 с.

1973

Австро-Венгрия в 1868—1895 гг.— В кн.: Новая история, 1870—1917 / Под ред. И. С. Галкина. 2-е изд. М., с. 127—133.

Австро-Венгрия в 1895—1814 гг.— Там же, с. 310—322.

Реу.: Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне пер-

вой мировой войны (1906—1914). М., 1972. 392 с.— Новая и новейшая история, № 1, с. 177—179.— Совместно с Э. Л. Гейликман.

1974

Ханч.— В кн.: СИЭ, т. 15, с. 516.
Хорват.— В кн.: СИЭ, т. 15, с. 623, 624.

Реу.: Andics E. Metternich und die Frage Ungarns. Budapest, 1973, 514 S.— *Вопр. истории*, № 10, с. 190—192.— Совместно с Э. Л. Гейликман.

КАНДИДАТСКИЕ И ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ИСТОРИОГРАФИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ В 1974—1978 ГГ. *

Данный библиографический указатель является продолжением ранее опубликованной в «История и историки: Историографический ежегодник, 1973 г.» библиографического указателя «Кандидатские и докторские диссертации по историографии, защищенные в 1964—1973 гг.». Настоящий указатель составлен на основе тех же источников, что и предыдущий. В нем учтены кандидатские диссертации, утвержденные учеными советами по месту защиты, и докторские диссертации, утвержденные ВАК.

Указатель построен по хронологически-алфавитному принципу. В тех случаях, когда кандидатская диссертация была защищена или докторская диссертация была утверждена позже того года, который указан на ее титульном листе, последний приведен в библиографическом описании. Сокращение Кд в скобках означает кандидатская диссертация, Дд — докторская.

1974

Азимова Р. А. Критика буржуазной историографии по вопросам развития народного образования в республиках Средней Азии.— Ташкент.— (Кд).

Бацекало В. Д. Разоблачение современной западногерманской буржуазной фальсификации борьбы Коммунистической партии против троцкизма по вопросам социалистической индустриализации.— М.— (Кд).

Джабаров Б. Становление и развитие исторического краеведения в Советском Узбекистане.— Ташкент.— (Кд).

Дурновоцв В. И. Проблемы истории дореволюционной России в научно-литературном наследии акад. Е. В. Тарле.— М.— (Кд).

Егорov В. К. Борьба большевистской партии за союз рабочего класса и крестьянства в период подготовки и свержения Великой Октябрьской социалистической революции: (Сов. историография 1917 г.— пер-

вой половины 30-х годов).— Казань.— (Кд).

Иванов А. Г. Разоблачение буржуазной фальсификации советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, роли и деятельности КПСС в его организации и развитии.— М.— (Кд).

Илюшин В. А. Периодизация как метод исторического исследования: (Методология проблемы).— М.— (Кд).

Каралюк А. А. Историография деятельности КПСС по дальнейшему развитию и укреплению Советских Вооруженных Сил (1946—1973 гг.).— М.— (Кд).

Косачев В. Г. Критика буржуазной фальсификации деятельности Коммунистической партии по созданию второй угольно-металлургической базы СССР.— Свердловск.— (Кд).

Маилан П. М. Освещение вопросов установления Советской власти в Армении в советской армянской историографии.— Ереван— На арм. яз.— (Кд).

* Составитель О. А. Афанасьев.

- Малов Ю. К.* Против фальсификации учения В. И. Ленина об организационных принципах большевистской партии в современной англо-американской буржуазной историографии.— М.— (Кд).
- Маслин М. А.* Идеология русского революционного народничества в современной англо-американской историографии: (Крит. анализ).— М.— (Кд).
- Матвьякевич З. М.* Исторические взгляды Якова Федоровича Головецкого.— Львов.— На укр. яз.— (Кд).
- Моисеева Т. А.* Русское дореволюционное антиковедение и эпиграфические памятники.— Воронеж.— (Кд).
- Набатова В. А. В. П.* Бузескул как историк античности.— М.— (Кд).
- Науменков О. А.* Современная буржуазная историография раздела Африки.— Л.— (Кд).
- Павликов К. Ф.* Разоблачение буржуазной фальсификации истории и политики Коммунистической партии периода гражданской войны в СССР.— М.— (Кд).
- Пастикова О. И.* Функция оценочных критериев в исторической науке.— Томск, 1973.— (Кд).
- Филимонов С. Б.* Источники по истории исторического краеведения в РСФСР.— М.— (Кд).
- Хействер А. В.* Критика западногерманской буржуазной историографии по вопросу об участии Румынии во второй мировой войне (июнь 1941 — август 1944 гг.).— М.— (Кд).
- Хрисанфов В. И.* Критика современной буржуазной историографии создания Коммунистического Интернационала (1919—1920 гг.).— Л.— (Кд).
- Шишкина И. М.* Критика современной буржуазной историографии политики партии в период подготовки и проведения X съезда РКП (б).— Л.— (Кд).
- Алдамжаров З. А.* Проблемы истории социалистической революции в Казахстане в советской историографии (окт. 1917—1940-е годы).— Алма-Ата, 1974.— (Кд).
- Алексамян В. С.* Жизнь, деятельность и научно-историческое наследие Степаноса Орбеляна.— Ереван.— На арм. яз.— (Кд).
- Андреева Л. М.* Критика англо-американской буржуазной историографии борьбы В. И. Ленина и большевиков с меньшевизмом в РСДРП (1903—1907).— Л.— (Кд).
- Азметова А. Г.* Современная историография стратегии и тактики большевистской партии в первой русской революции 1905—1907 гг.— М.— (Кд).
- Бадя Л. В.* Научно-организаторская общественно-политическая деятельность академика А. М. Панкратовой: (А. М. Панкратова как историк рабочего класса СССР).— М., 1974.— (Кд).
- Веришко К. И.* Историческая литература о деятельности советских профсоюзов (1917—1925 гг.).— М., 1974.— (Кд).
- Воронцов Г. А.* Критика новейших направлений в буржуазных исследованиях и разработки политических прогнозов в ФРГ (1966—1972).— М., 1974.— (Кд).
- Воронова Н. В.* Критика современной буржуазной американской историографии национально-государственного стоительства в СССР.— М.— (Кд).
- Выговский И. И.* Распад колониальной системы империализма в освещении американской и английской буржуазной историографии.— Киев, 1974.— (Кд).
- Гурьев И. А.* Горнозаводский Урал XVIII века в русской дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографии.— М.— (Кд).
- Данилюк Д. Д.* История Закарпатья 1917—1945 г. в советской историографии.— Ужгород, 1974.— На укр. яз.— (Кд).
- Джангирян В. Г.* Критика современной буржуазной англо-американской историографии М. А. Бакунина и бакунизма.— М.— (Кд).
- Дробот Ф. Я.* Советская историография военно-боевой деятельности партии большевиков в революции 1905—1907 гг. в России.— М.— (Кд).
- Дрожжин В. П.* Деятельность Коммунистической партии по подъему трудовой активности рабочего класса Украины в годы Великой Отечественной войны: (Историография проблемы).— Киев.— (Кд).
- Думинец И. Е.* Иван Франко о Рос-

- сии и русском общественно-политическом движении в XIX — начале XX в.— Львов, 1974.— (Кд).
- Егорова Н. И.* Некоторые проблемы «холодной войны» в американской буржуазной историографии 60-х годов.— М.— (Кд).
- аль-Жбауй А. А.* Проблемы истории первобытного общества в советской литературе 1960—1970 гг.— М.— (Кд).
- Зеленко Э. Я.* Послевоенная историческая литература о роли профсоюзов в организации социалистического соревнования рабочего класса СССР.— М.— (Кд).
- Иoffee Э. Г. В. И.* Пичета как историк социально-экономического развития Белоруссии в эпоху феодализма (XV — первая половина XVII века).— Минск, 1974.— (Кд).
- Колосова Э. Б.* Исторические воззрения и общественно-политические взгляды Д. И. Иловайского и Н. П. Барсукова: (Из истории официальной «охранительной» историографии второй половины XIX — начала XX века).— М.— (Кд).
- Корнеева Л. Н.* Проблемы сущности германского фашизма и взаимоотношений монополистического капитала с национал-социалистической партией в 1919—1933 гг. в буржуазной историографии ФРГ.— Томск, 1974.— (Кд).
- Коршунов В. И.* Проблема истории социалистического строительства в Казахстане в современной англо-американской буржуазной историографии.— Алма-Ата.— (Кд).
- Крыженко С. В.* Историко-партийная литература о партизанском движении в годы Великой Отечественной войны.— М.— (Кд).
- Кулешов С. В.* Историография деятельности Коммунистической партии по созданию СССР.— М.— (Кд).
- Кураев Г. Д.* Борьба КПСС за восстановление и развитие народного хозяйства СССР в годы четвертой пятилетки в историко-партийной литературе (1946—1974 гг.).— М.— (Кд).
- Кучкаров Т.* Василий Афанасьевич Шишкин и развитие археологии Узбекистана.— Ташкент.— (Кд).
- Лелекова М. И.* Становление и развитие категории времени и в историческом познании.— Новосибирск.— (Кд).
- Магнарадзе В. Ш.* Советская историография Грузии в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.).— М.— (Кд).
- Михнюк В. Н.* Историография социально-экономического развития белорусской деревни в 1917—1929 гг.— Гродно, 1974.— (Кд).
- Мокрусова М. Б.* Исторические взгляды и археографическая деятельность А. И. Тургенева.— М.— (Кд).
- Овсянникова В. И.* Советская американистка: (Возникновение, становление, основные проблемы).— М.— (Кд).
- Очундоволе К. Э.* Проблема научного объяснения в исторической науке.— Л.— (Кд).
- Пагрушев А. И.* Формирование неолиберального направления в буржуазной историографии ФРГ.— М.— (Кд).
- Прохин Г. М.* Критика философских основ троцкистской концепции русского исторического процесса.— Томск.— (Кд).
- Портянский М. Л.* Критика буржуазной фальсификации опыта культурного строительства в Узбекистане: (По материалам, опубликованным в ФРГ в 50—70-х годах).— Ташкент, 1974.— (Кд).
- Прозоров А. Б.* Критика буржуазной фальсификации истории Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане.— Ташкент.— (Кд).
- Рожнов В. М.* Историография 1-го съезда РСДРП.— М.— (Кд).
- Садретдинов К. Г.* Анри Пиренн и его концепция перехода от античности к средним векам.— Томск.— (Кд).
- Тарасова А. И. В. К.* Арсеньев — исследователь этнографии народов Дальнего Востока: (Историогр. и источниковед. аспект).— М., 1974.— (Кд).
- Тренин Б. П. В. И.* Ленин о соотношении объективного и субъективного факторов в историческом процессе в произведениях 90—900-х годов.— Томск.— (Кд).
- Усанов В. И.* Дореволюционная историография истории горнозаводских рабочих пореформенного Урала (1861—1895 гг.).— Свердловск.— (Кд).
- Чеченкина О. И.* Критика современной англо-американской буржуаз-

- ной историографии политики Советской власти в области развития культуры народов Средней Азии и Казахстана.— М.— (Кд).
- Чиковани А. Ю.* Борьба В. И. Ленина с меньшевистской фальсификацией истории первой русской революции 1905—1907 гг.— М.— (Кд).
- Чирков С. В. А. Е.* Пресняков как источниковед и археограф.— М.— (Кд).
- Шестаков В. А.* Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции на местах: (По материалам Поволжья).— Казань, 1974.— (Кд).
- Щавелев В. С.* Советская историография агитационно-пропагандистской деятельности большевистской партии в первые годы Советской власти (1918—1920 гг.).— Горький.— (Кд).
- Ясковец Г. А.* Современная англо-американская буржуазная историография роли рабочего класса в революциях 1917 года.— М.— (Кд).
- Яцко В. А.* Гносеологический анализ исторического факта.— Одесса, 1974.— (Кд).
- 1976
- Аницкая Т. В.* Современная итальянская историография основных проблем рабочего движения в Италии в 1900—1914 гг.— М., 1975.— (Кд).
- Баженов В. В.* Историческая биография в советской историографии (1917—середина 1930-х годов).— М.— (Кд).
- Гонсалес У. М.* Вопросы Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР в мексиканской литературе 1917 г.— начала 1930-х годов.— М.— (Кд).
- Гуэнин А. М.* Актуальные проблемы методологии исторического познания. (По материалам исследований советских и болгарских философов).— Днепропетровск.— (Кд).
- Дегоев В. В.* Россия и Кавказ первой половины XIX века в англо-американской историографии.— М., 1975.— (Кд).
- Есипчук Н. М.* Историческая реальность как предмет познания: (Филос. аспект).— Киев.— (Кд).
- Жуков Ю. Н.* Критика новейшей англо-американской буржуазной историографии строительства советской культуры.— М.— (Кд).
- Кожеев А. М.* Международно-политические проблемы в западногерманских «исследованиях мира»: (Крит. анализ).— М., 1975.— (Кд).
- Корниченко П. С.* Коммунистическая партия — организатор разгрома внутренней и внешней контрреволюции на Украине в годы гражданской войны: (Историография проблемы).— Одесса.— (Кд).
- Лобанкова В. П.* Современная историческая литература об участии профсоюзов в реконструкции народного хозяйства СССР, 1926—1937: (Историогр. анализ сов. лит. по истории профсоюзов СССР).— М.— (Кд).
- Лызаев В. Е.* Критика современной англо-американской буржуазной историографии экономической политики Советского государства в первые годы Советской власти (1917—1921 гг.).— М.— (Кд).
- Нагорная Л. А.* Критика буржуазной фальсификации опыта осуществления национальной политики Коммунистической партии на Украине в период Октябрьской революции.— Киев, 1975.— (Кд).
- Оганесян П. О.* Изучение социально-экономических отношений в Армении эпохи феодализма в трудах акад. Я. А. Манаджяна.— Ереван, 1975.— На арм. яз.— (Кд).
- Парсамов С. С.* Герхард Риттер и проблемы истории позднего средневековья.— М.— (Кд).
- Пшеничников В. А.* Разоблачение современной англо-американской буржуазной фальсификации организационных принципов КПСС.— М., 1975.— (Кд).
- Рахимир П. Ю.* Буржуазная историография западноевропейского фашизма.— Пермь, 1974.— (Дд).
- Решетова С. В.* Против фальсификации ведущей роли рабочего класса в коммунистическом строительстве: Критика соврем. англо-амер. буржуаз. историографии.— М.— (Кд).
- Ракулиев О. М., Гасан олы.* История борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти, построение социализма и фальсификация ее современной буржуазной историографией (1917—1937 гг.).— Баку, 1974.— (Дд).
- Руднева Е. В.* Критика буржуазной фальсификации деятельности Ленинского комсомола как помощ-

ника и резерва КПСС в условиях развитого социализма.— М.— (Кд).
Сарбей В. Г. Основоложники марксизма-ленинизма и дореволюционная историография Украины.— Киев, 1971.— (Дд).
Соколов М. А. Критика буржуазной фальсификации партийного руководства комсомолом.— М.— (Кд).
Федорасова В. Г. Киевская Русь в трудах советских историков.— Минск.— (Кд).

1977

Акрамов Н. М. Русские исследователи и их вклад в изучение истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья.— М., 1975.— (Дд).
Андрющенко В. Д. Советская историография деятельности Коммунистической партии по созданию Красной Армии на Украине.— Харьков.— (Кд).
Бабеев Х. Н. Историческая литература о Кокандском ханстве: (Русская литература 60—70-х годов XIX в.).— Ташкент.— (Кд).
Багурина Л. Л. Германская буржуазная историография о политике империалистических держав в Иране в конце XIX — начале XX веков.— Алма-Ата, 1976.— (Кд).
Досталь М. Ю. И. И. Срезневский и его роль в развитии русско-чешских научных и культурных связей в 40—70-е годы XIX в.— М.— (Кд).
Зевелева Е. А. Историко-партийная историография проблемы «Рабочий класс периода гражданской войны и иностранной интервенции».— М.— (Кд).
Зологарев В. А. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в отечественной военной историографии конца XIX — начала XX вв.— М.— (Кд).
Зюзин А. Д. Вопросы классовой борьбы в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в современной советской историографии.— М.— (Кд).
Иванов Н. Л. Критика буржуазной концепции истории социалистических преобразований в БССР (1921—1937).— Минск.— (Кд).
Калашиников В. В. Английская и американская буржуазная историография Великой Октябрьской социа-

листической революции в России: (Критика концепции «случайности»).— Л., 1976.— (Кд).
Киселева Л. Т. Историография борьбы Коммунистической партии за культурное преобразование в Западных областях УССР в 1939—1958 гг.— Киев, 1976.— (Кд).
Козлов В. П. К. Ф. Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в первой трети XIX века.— М., 1976.— (Кд).
Кольская М. М. Борьба Советской России за мир и нормализацию отношений с капиталистическими странами (1917—1924 гг.) в освещении новейшей западногерманской буржуазной историографии.— М.— (Кд).
Кондратенко Л. В. Советская историческая литература о крахе планов немецко-фашистских захватчиков в отношении промышленности Украины в годы Великой Отечественной войны.— Киев.— (Кд).
Краснов Ю. К. Разоблачение англоамериканской буржуазной фальсификации борьбы большевистской партии за выход Советской Республики из первой мировой войны (октябрь 1917 — марта 1918).— М.— (Кд).
Крюков А. В. И. И. Срезневский как историк.— Киев.— (Кд).
Лусис К. К. Философская интерпретация исторического знания в трудах Р. Ю. Виппера.— Рига, 1976.— (Кд).
Лыткин В. А. Критика буржуазных фальсификаций взаимоотношения КПСС и интеллигенции.— М.— (Кд).
Мамаева Н. Л. Буржуазная западногерманская историография о роли КПК и Гоминьдана в китайской революции (1925—1949 гг.).— М., 1976.— (Кд).
Михайлов В. М. Проблемы аграрной истории Древнего Рима в исторической концепции Тенни Франка.— Чебоксары.— (Кд).
Морозов Н. А. Критика буржуазных фальсификаций роли КПСС в политической системе советского общества.— М.— (Кд).
Опенкин Л. А. Советская историография осуществления Коммунистической партией нэпа на Северном Кавказе в 1921—1928 гг.— Ростов-на-Дону.— (Кд).

- Осипова М. Н.* Вопросы военной истории в России в научном наследии Д. А. Милюткина.— М.— (Кд).
- Пасков С. С.* Современная японская буржуазная историография политики Японии в Китае в конце XIX — первой четверти XX в.— М.— (Кд).
- Пащенко Н. И.* Проблема «специфики» китайского коммунистического движения (1921—1949 гг.) в англо-американской историографии.— М.— (Кд).
- Нетраченкова В. М.* Русская революционно-демократическая мысль 60-х годов XIX века в современной буржуазной историографии ФРГ — Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев: (Крит. рассмотрение).— М., 1976.— (Кд).
- Пирен М. И.* Исторический факт и его гносеологические функции.— Черновцы.— (Кд).
- Прохожее А. А.* Исторический опыт организации управления народным хозяйством в первые годы диктатуры пролетариата и критика его фальсификаторов.— М.— (Кд).
- Раджабова Д. С.* Опыт строительства социализма в Таджикской ССР и его анализ в исторической литературе 60—70-х годов.— Душанбе.— (Кд).
- Рузимурадов А.* Критика современных антикоммунистических извращений ленинской национальной политики: (На примере республик Средней Азии).— М.— (Кд).
- Савельев В. Л.* Разоблачение буржуазных фальсификаций руководящей роли КПСС в политической системе развития социалистического общества.— Киев.— (Кд).
- Сахап Б.* Государственные перевороты в Иране 522 г. до н. э. в оценке советской и иранской историографии.— Воронеж.— (Кд).
- Селиванова Г. И.* Классовая борьба уральского пролетариата в период империализма в советской историографии (20-е — середина 50-х годов).— М., 1976.— (Кд).
- Сигник В. С. М. Н. Коваленский — историк и педагог.— М.— (Кд).*
- Суслов А. И.* Историография разработки продовольственной политики Коммунистической партии за преодоление продовольственного кризиса в первые годы социалистической революции (1917—1920 гг.).— Рязань.— (Кд).
- Трунова В. В.* Советский рабочий класс в освещении западногерманской буржуазной историографии.— М., 1976.— (Кд).
- Федорова А. А.* Критика западногерманской реакционной историографии деятельности КПСС по укреплению обороноспособности СССР накануне Великой Отечественной войны (1939 — июнь 1941).— Л., 1976.— (Кд).
- Хмелевский С. К.* Гражданская война на юге России в освещении современной англо-американской буржуазной историографии.— Ростов-на-Дону.— (Кд).
- Цагичян В. С.* Критика буржуазной националистической фальсификации опыта строительства социализма в Армении.— Ереван.— (Кд).
- Черный В. В.* Проблема аграрной истории советского общества (1917—1925) в современной английской буржуазной историографии.— М.— (Кд).
- Шульгина Т. С.* История изучения малых народов южной части Дальнего Востока СССР (1860—1917 гг.).— Владивосток.— (Кд).

1978

- Алиева Л. Г. О. И. Сенковский.— путешественник и востоковед.— Душанбе.— (Кд).*
- Гребенюк А. В.* Критика источниковедческой основы англо-американской буржуазной историографии Великой Октябрьской социалистической революции.— М.— (Кд).
- Гусаров В. Б.* Историография проблемы «Борьба партии за укрепление союза рабочего класса и крестьянства в восстановительный период (1921—1925 гг.)».— М.— (Кд).
- Кузнецов Н. В.* Революционная, партийная и научно-публицистическая деятельность В. Г. Кюрина (1915—1937 гг.).— Минск.— (Кд).
- Пащенко Е. Г.* Критика основных антикоммунистических концепций истории КНР 1949—1965 гг. в американской буржуазной историографии.— М.— (Кд).
- Резниченко М. Г.* Советская историография кадровой политики партии в колхозах 1946—1958 гг.— Ростов-на-Дону.— (Кд).
- Решетникова О. Н.* Историография проблемы создания и развития Отечественного фронта Болгарии (в 1942—1948 гг.).— М.— (Кд).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

<i>Е. И. Тепляшина.</i> В. И. Ленин — вождь Великой Октябрьской социалистической революции (Историография проблемы. 1917 г.— начало 30-х годов)	3
<i>М. Г. Вандалковская.</i> К истории создания статьи В. И. Ленина «О „Вехах“»	24
<i>А. С. Сенявский.</i> Рост культурно-технического уровня рабочего класса СССР в условиях научно-технической революции (К историографии вопроса)	37
<i>Э. Урибес.</i> Балканская политика России накануне первой мировой войны в советской историографии 20-х — первой половины 30-х годов	51
<i>А. Г. Тартаковский.</i> У истоков русской историографии 1812 года	67

ИСТОРИОГРАФИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>А. М. Нейман.</i> Э. Х. Карр: От «политического реализма» к «новому обществу»	96
<i>И. М. Супоницкая.</i> Американская клиометрия (эконометрика в истории)	112
<i>Г. Фойгт.</i> Научные воззрения и общественно-политическая деятельность немецкого историка Восточной Европы Отто Гётча (1876—1946)	127
<i>В. А. Дьяков.</i> Польская тематика в русской историографии конца XIX — начала XX века (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев)	147

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

<i>Г. З. Иоффе, Г. А. Ясковец.</i> Преемственность и изменения в современной англо-американской буржуазной историографии Великого Октября	162
---	-----

ИСТОРИКИ И ИХ ТРУДЫ

<i>В. Г. Чернуха.</i> Жизненный путь С. Н. Валка (13 декабря 1887 г.— 5 февраля 1975 г.)	171
<i>М. А. Барг.</i> Владимир Михайлович Лавровский (человек и ученый)	181
<i>И. Я. Лосиевский.</i> Деятельность Е. В. Тарле в Тартуском университете	199
<i>Р. И. Голубева.</i> Владимир Филиппович Малаховский	203
<i>Р. А. Киреева.</i> Неопубликованные труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской историографии	214
<i>Г. И. Щегинина.</i> И. Х. Озеров и его воспоминания	234
<i>М. Е. Бычкова.</i> Юзеф Вольф в Петербурге (Из истории генеалогических исследований в последней четверти XIX века)	252
<i>Е. М. Михина.</i> А. Л. Шлецер до его приезда в Россию в 1761 г.	263

ПУБЛИКАЦИЯ

<i>В. Д. Поликарпов.</i> Неизданная работа Н. В. Крыленко	280
<i>Н. В. Крыленко.</i> Смерть старой армии	282

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Библиографический указатель трудов А. И. Молока сост. Ф. А. Молок, Ю. А. Молок	318
<i>Е. В. Котова.</i> Ревекка Абрамовна Авербух (1891—1978 гг.)	339
Библиографический указатель трудов Р. А. Авербух сост. Е. В. Котова	342
Кандидатские и докторские диссертации по историографии, защищенные в 1974—1978 гг. Ю. А. Афанасьев	346